ИСТОРІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА

ОТЪ ВРЕМЕНИ ВѢНСКАГО КОНГРЕССА

Г. ГЕРВИНУСА.

ТОМЪ I.

I. Возстановленіе Бурбоновъ. II. Вѣнскій Конгрессъ.
III. Реакціи отъ 1815 до 1820 года:
1. Умственное движеніе, предшествовавшее реакціи; 2. Австрія.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія О. И Бакста, Захарьевская д. № 12.
1873.

ИСТОРІЯ
ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

ИСТОРІЯ
ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА

ОТЪ ВРЕМЕНИ ВѢНСКАГО КОНГРЕССА

Г. ГЕРВИНУСА.

ПЕРЕВЕДЕНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

М. АНТОНОВИЧА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

О. И. БАКСТА.

ТОМЪ I.

ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія О. И. Бакста, Захарьевская, д. № 12.
1873.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Ф. Х. ШЛОССЕРУ.

Вы, мой уважаемый учитель и другъ, никогда не стремились къ образованію школы; вы, напротивъ того, всегда старались болѣе держать вдали отъ себя, чѣмъ привлекать тѣхъ учениковъ, которые сами примыкали къ вамъ. Не смотря на это, небольшой кружокъ вѣрныхъ приверженцевъ собрался около васъ и держался въ возможно близкомъ къ вамъ положеніи; эти приверженцы ваши, въ сравненіи съ другими группами любителей исторіи въ Германіи, имѣютъ ту общую особенность, что они, соображаясь съ потребностями времени, всегда охотно направляли свои историческіе труды на общеполезныя цѣли, или обработывая всю исторію въ національномъ духѣ, или избирая соотвѣтствующія времени части ея неизмѣримаго цѣлаго. Этотъ отпечатокъ носитъ на себѣ и предлагаемое сочиненіе, которое рѣшаюсь посвятить вамъ. Оно вѣроятно будетъ уже послѣднимъ историческимъ трудомъ, который я предпринимаю, а между тѣмъ, чтобы представить вамъ явный признакъ моей благодарности, я долженъ былъ бы посвятить вамъ первый трудъ свой. Но занятый давно мыслью объ этомъ сочиненіи, я всегда утѣшался намѣреніемъ сохранить для посвя-

щенія вамъ именно это сочиненіе, которое такъ тѣсно примыкаетъ къ вашей «Исторіи восемнадцатаго вѣка». Это сочиненіе хочетъ изобразить «время обмана и лжи, упрямства властителей и слабости ихъ чиновниковъ, время конгрессовъ и протоколовъ, политическихъ преслѣдованій и заговоровъ, надеждъ и разочарованій со времени 1815 года», при наступленіи котораго вы прервали свой разсказъ; оно хочетъ принять именно ту задачу, на которой вы остановились. Если бы вы и другіе, если бы вы прежде другихъ нашли эту книгу достойнымъ продолженіемъ (при такомъ опасномъ сравненіи),—то я не знаю лучшей награды для моего честолюбія.

Задача этой книги, не говоря уже объ этомъ опасномъ сравненіи, сама по себѣ представляетъ столько трудностей, что автору трудно надѣяться вполнѣ удовлетворить рѣшеніемъ ея самого себя, а тѣмъ болѣе учителя. Уже одни внѣшнія затрудненія, неполнота часто невполнѣ достовѣрныхъ и еще не осмотрѣнныхъ источниковъ, должны оставить въ исторіографѣ этого времени чувство неудовлетворенія своею работой, которая съ этой стороны будетъ только очеркомъ и попыткой. Потомку, которому доступны будутъ нѣкоторыя записки вліятельныхъ лицъ и нѣкоторые государственные документы, недостающіе намъ, легко будетъ въ этомъ отношеніи превзойти современника. Но при этомъ остается то утѣшеніе, что общій видъ фактовъ этого времени, все существенное въ нихъ,—что лежитъ не въ тайнахъ правительствъ и дипломатовъ, а въ открытыхъ движеніяхъ и стремленіяхъ народовъ стараго и новаго свѣта къ свободѣ и самоуправленію,—не можетъ подвергнуться значительнымъ измѣненіямъ отъ такихъ документовъ, а изображеніе движущихъ современныхъ идей,—для объясненія которыхъ всѣ государственные архивы и признанія государственныхъ людей имѣютъ весьма мало значенія,—рѣшительно никакимъ. Объ этихъ идеяхъ современникъ,—если онъ только достаточно безпристрастно смотритъ на вещи, чтобы вполнѣ вѣрно и прямо узнать и изобразить ихъ,—всегда въ состояніи будетъ дать болѣе непосредственныя и болѣе вѣрныя свидѣтельства. Но тутъ начинаются еще внутреннія трудности крутой задачи, которыя могутъ совершенно испугать историка. Лессингъ хотѣлъ признать имя исторіографа только за тѣмъ, кто писалъ исторію своего времени. Не будемъ разбирать, насколько такое строгое требованіе справедливо, но можно навѣрное сказать, что эта задача дѣйствительно есть самый трудный пробный камень для исторической способности. Потому что отодвинуть исторію настоящаго времени

въ даль прошедшаго, быть не только судьею прошедшаго, но и совѣтникомъ настоящаго, принять и обсудить съ безошибочною вѣрностью неоконченныя еще политическія отношенія, которыя еще существуютъ и дѣйствуютъ въ наши дни и еще будутъ продолжаться,—это безъ сомнѣнія высшая задача, на которой историческій наблюдатель можетъ испытать безпристрастность своего пониманія, самоотреченіе своей личности и неподкупность своихъ сужденій.

Далекій отъ притязанія вполнѣ удовлетворить этимъ высшимъ требованіямъ науки, я думаю однако неотступно имѣть ихъ всегда предъ глазами, уже для того, чтобы не столкнуться съ другимъ затрудненіемъ, которое болѣе чѣмъ всякое другое стѣсняетъ историографа современной ему эпохи, и которое уже сдѣлалось чувствительнымъ мнѣ и моему предпріятію. Въ такомъ трудѣ, если только хочешь судить самостоятельно и правдиво, неминуемо приходится столкнуться съ различными людьми и мнѣніями, съ отдѣльными личностями и партіями, съ частными лицами и правительствами. Преодолѣть или устранить это затрудненіе невозможно; задача состоитъ только въ томъ, чтобы н е о с т а н а в л и в а т ь с я п е р е д ъ н и м ъ и сохранить нестѣсненное положеніе и вѣрность характеру, чему вы всегда давали намъ примѣръ. Смѣю надѣяться, что я не лишенъ способности слѣдовать этому примѣру. Склонность, быть правдивымъ по строгому убѣжденію въ отношеніи ко всѣмъ предметамъ и лицамъ, я не долженъ хвалить въ себѣ какъ пріобрѣтенное качество; эта склонность мнѣ природна и сильнѣе, чѣмъ могло бы быть во мнѣ желаніе угодить кому-нибудь. Я думаю, что еслибъ мнѣ пришлось разобрать и осудить самыхъ близкихъ родныхъ, участвовавшихъ въ общественныхъ дѣйствіяхъ этой эпохи, то историческая правдивость можетъ разсчитывать во мнѣ на неподкупнаго судью. Никто поэтому,—даже затронутый судьбами первыхъ начатковъ этого труда,—не можетъ ни въ какомъ отношеніи разсчитывать на слишкомъ снисходительныя сужденія, точно также какъ и другіе не должны бояться встрѣтить здѣсь слишкомъ рѣзкія и отчаянныя мнѣнія. Потому что, еслибы во мнѣ и не было природной склонности къ правдивости, то я получилъ отъ васъ, мой уважаемый учитель, такое глубокое благоговѣніе къ достоинству и величію исторіи, что это одно сдѣлало бы для меня совершенно невозможнымъ въ историческомъ изображеніи, вслѣдствіе благоволенія или боязни, отступать вверхъ или внизъ, направо или налѣво. Поэтому, хотя эта

книга и имѣетъ въ виду интересы политическихъ потребностей настоящаго времени и нашего отечества, она прежде всего написана въ интересахъ исторической науки, которой первая и послѣдняя заповѣдь—сказать чистую, строгую и полную правду по лучшему убѣжденію и совѣсти.

Заключу желаніемъ, чтобы мнѣ досталась на долю часть того величественнаго нравственнаго здоровья, которымъ проникнуты ваши сочиненія, восхищавшія и укрѣплявшія многія тысячи читателей.

Гейдельбергъ, май 1855 г.

Г. Гервинусъ.

I.

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ БУРБОНОВЪ.

„Великая держава“ Наполеоновскаго владычества надъ Европой рушилась, вслѣдствіе сраженія при Лейпцигѣ; вмѣстѣ съ нею пала и французская имперія и императорская династія, вслѣдствіе сдачи Парижа[1]. Великій человѣкъ двухъ вѣковъ, для дѣяній котораго Европа была слишкомъ тѣсной сценой, долженъ былъ ограничиться небольшимъ пространствомъ маленькаго острова. Это было роковое паденіе, полное трагическаго величія. И никогда трагическая поэзія не могла придумать болѣе рѣзкихъ образовъ, чѣмъ какія представила здѣсь исторія, для выраженія той мысли, что преступленіе всегда само себя наказываетъ и что природа человѣка и его дѣйствія собственно опредѣляютъ его судьбу. Откровенно сознаваясь въ своей страсти, Наполеонъ хвалился, что на такую высоту подняла его гордость духа; такъ же точно съ покорнымъ смиреніемъ онъ долженъ былъ бы сознаться, что она же и низвергла его съ высоты. Выросшій среди идей и событій французскаго переворота, оставшись чистымъ отъ его преступленій, умѣвшій сознавать его истины и заблужденія, онъ сдѣлался спасителемъ Франціи во времена внутренняго и внѣшняго неустройства и, повидимому, былъ призванъ сдѣлаться собирателемъ великой жатвы вѣка, благодѣтелемъ Европы и основателемъ новаго порядка въ будущемъ. Міръ призналъ за нимъ это при-

Паденіе Наполеона.

[1] 30 Марта 1814

званіе,—призналъ его и онъ самъ. Въ то время, когда ему случалось подводить итогъ своей жизни, онъ говорилъ, что великая цѣль его стремленій была—служить посредникомъ между народами и монархами, соединить свободное государственное устройство съ монархическими формами, закрыть навсегда бездну революціонныхъ бурь, положить конецъ старымъ изгнившимъ формамъ, привести въ силу всѣ здоровыя государственныя начала новаго времени и основать „господство разума" въ возрожденной Европѣ. Въ томъ, что это возрожденіе не совершилось, онъ обвинялъ случайныя обстоятельства, напр. враждебность стихій въ Россіи. Но еслибы онъ былъ способенъ вникнуть чистосердечно въ самаго себя, то онъ сознался бы, что его повели къ паденію не эти случайности, заграждавшія его пути и мѣшавшія его цѣлямъ, но самые пути, имъ избранные. Еслибы онъ представилъ на своемъ отечествѣ великій примѣръ воспитанія народа для свободы и благосостоянія, соединяя благодѣянія своего законодательства съ непоколебимымъ и постояннымъ исполненіемъ закона, и порядокъ своихъ административныхъ учрежденій съ самоуправленіемъ и свободною дѣятельностью всѣхъ членовъ государства,—еслибы онъ хотѣлъ основать могущество Франціи на успѣшномъ ея развитіи сообразно времени, а собственное свое безсмертіе — на внутреннемъ содѣйствіи требованіямъ вѣка, то такой примѣръ дѣйствительно послужилъ бы Европѣ для ея обновленія. Но такъ какъ благодѣяніе это соединялось съ насиліемъ, такъ какъ Наполеонъ поставлялъ свою славу въ блескѣ оружія, а благоденствіе Франціи во владычествѣ надъ Европою, то, вслѣдствіе одного этого заблужденія, тѣ великія цѣли, если они только существовали, не только не были достигнуты, но и уничтожились сами собою. Потому что при такомъ пути посредничество между народомъ и монархомъ было невозможно, прежнее раздвоеніе могло только болѣе увеличиться; гнилыя формы прежняго времени не могли обновиться, а напротивъ должны были гнить еще болѣе. Всѣ качества государя, равно какъ и народа, нравственныя, умственныя, гражданскія, должны были измельчать или ухудшаться. Такимъ путемъ, какой избралъ Наполеонъ, нельзя было исправить прежней испорченной нравственности народа, которая поддерживалась примѣромъ Бурбонскихъ дворовъ, и уничтожить одичалость массъ, которая дошла до крайности во

время революціи; въ государствѣ, которое безъ устали и безъ цѣли бросалось отъ одной отчаянной мечты къ другой, не могли развиваться неблестящія, но истинныя добродѣтели, семейныя и гражданскія. Какъ нравственные, такъ же точно и умственные успѣхи народа были невозможны при такомъ пути. Наполеонъ самъ говорилъ, что кто подавляетъ идеи, тотъ трудится для собственной погибели: онъ же самъ, собственными дѣлами, доказалъ истину этихъ словъ. Онъ всегда издѣвался надъ идеею, когда она не совпадала съ его стремленіями: искусству онъ предоставлялъ свободу только для лести, наукѣ — только для служенія его интересамъ; онъ не уважалъ, но преслѣдовалъ и подавлялъ всякое свободное проявленіе ихъ въ школѣ, въ печати, въ обществѣ и на трибунѣ. Гражданская зрѣлость народа была бы для него стѣснительна на томъ пути, какимъ онъ шелъ; ему нужна была власть сосредоточенная и единичная, и онъ не хотѣлъ, чтобы собранія сословій распоряжались тѣми средствами, которыми дѣйствуетъ власть. Поставленный въ эту необходимость, онъ старался пріискать оправданіе для своихъ стѣснительныхъ мѣръ, ссылаясь на то, что подвижному легкомыслію француза не достаетъ настойчиваго постоянства, свойственнаго англичанину и составляющаго главное условіе для свободной государственной жизни, — и что француза воодушевляетъ только воинственное честолюбіе, а не истинная любовь къ свободѣ. Это оправданіе, кажется, все болѣе и болѣе переходило въ полное его убѣжденіе и, что еще замѣчательнѣе, онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ, какъ будто бы считалъ для себя славной задачей — поработить еще болѣе рабскій духъ народа. Онъ уничтожалъ одно за другимъ великія политическія пріобрѣтенія Франціи. На мѣсто революціи онъ поставилъ деспотизмъ, на мѣсто національности — всемірную державу, на мѣсто свободнаго государства — династію, выводившую свое право на всемірное господство отъ Карла Великаго, на мѣсто равенства — наслѣдственное и жалованное дворянство, на мѣсто раздѣльности наслѣдствъ — маіораты и субституціи, на мѣсто изгнаннаго суевѣрія — конкордатъ, на мѣсто коллективной воли общинъ — единоличную дѣятельность префектовъ. Онъ насильно вторгался въ домашніе круги и семейства и окружалъ ихъ шпіонами и доносчиками. Передовыхъ людей народа, имъ же самимъ упоеннаго славою, онъ

оскорблялъ грубымъ обращеніемъ и унижалъ ихъ до слѣпыхъ орудій своей воли. Даже какому нибудь Тиверію былъ противенъ раболѣпный духъ сенаторовъ, а французскаго императора удовлетворяла только самая подлая угодливость. И до чего, до какой степени высокомѣрнаго эгоизма извратились, на пути къ всемірному господству, самая природа Наполеона, его великодушіе и гордость души! Какая пропасть лежала между генераломъ Бонапартомъ, котораго Талейранъ когда-то назвалъ скромнымъ сыномъ времени, отечества и революціи, и хвалилъ его въ глаза за античную простоту и презрѣніе ко всѣмъ пустымъ внѣшнимъ прикрасамъ, и — императоромъ Наполеономъ, который возстановилъ нелѣпый придворный блескъ гнилаго прошедшаго, который съ роскошью азіатскаго властелина возилъ съ собою до Москвы любимое вино свое (какъ персидскій царь свою воду), который при самомъ паденіи дерзнулъ сказать, что онъ для Франціи болѣе необходимъ, чѣмъ Франція для него, который вѣрилъ въ свое полнѣйшее превосходство и непогрѣшительность и угодники котораго требовали съ наглою увѣренностью, чтобы люди „смотрѣли на его волю, какъ на велѣніе судьбы.“ Но даже лучшіе изъ людей никогда не бываютъ властителями судьбы, а только ея слугами. И если Наполеонъ, при тѣхъ цѣляхъ, которыя онъ, послѣ своего паденія, называлъ своими, и могъ бы быть служителемъ судьбы, то во всякомъ случаѣ провидѣніе поражало Францію страшными переворотами съ 1789 г. не для тѣхъ цѣлей, которыя въ дѣйствительности преслѣдовалъ возвысившійся Наполеонъ. Онъ думалъ вознаградить свою страну за понесенныя ею жертвы усиленнымъ блескомъ величія и славы. Ему хотѣлось — такъ онъ льстилъ Франціи уже впослѣдствіи — изъ всѣхъ европейцевъ образовать одинъ народъ, подъ верховнымъ французскимъ владычествомъ, съ одинаковыми средствами сообщеній, подъ одними законами и однимъ амфиктіоновскимъ судилищемъ; ему хотѣлось изъ Парижа сдѣлать столицу міра, а „изъ Франціи—романъ“. Но эту политику даже ослѣпленная Франція не считала ни „здравыми государственными началами“, ни „господствомъ разума“; Франція не считала ее вознагражденіемъ за свои труды и бѣдствія въ продолженіи 20 лѣтъ, за потерю 5 милліардовъ деньгами (которые составляли извѣстныя военныя издержки одной Франціи отъ 1802 до 1814 г.) и въ особенности за ги-

бель трехъ милліоновъ людей, набранныхъ отъ 1804 до 1814 г., изъ числа которыхъ почти шестая часть была принесена въ жертву честолюбію одного человѣка! Но если слава и выгоды всемірной державы не могли удовлетворить даже французскій народъ, то бѣдствія и позоръ, происходившія отъ угнетенія, вооружили цѣлую часть свѣта противъ виновника этого угнетенія. Для образованія великаго государства, одинъ царствующій домъ вслѣдъ за другимъ долженъ былъ уступать мѣсто родственникамъ Наполеона, сосѣднія государства одно за другимъ должны были сдѣлаться провинціями, цѣлыя племена народныя должны были лишиться своей національности; для освобожденія морей признано было нужнымъ завоевать всѣ страны; для обезпеченія за Франціею побѣды надъ непремиримымъ врагомъ ея, Англіею, Европа должна была подчиниться верховному господству и континентальной системѣ, составлявшей родъ насильной секвестраціи; политическое равновѣсіе Европы было нарушено; и это было еще не все: для того чтобы произвести нападеніе на Англію въ ея колоніяхъ, Наполеонъ придумалъ отчаянный планъ нашествія, черезъ побѣжденную Россію и разложившуюся Турцію, на Азію до Остъ-Индіи. Но завоевателямъ болѣе могучимъ и героямъ болѣе человѣчнымъ, чѣмъ Наполеонъ, не удавалась дерзкая попытка уничтожать народы, пренебрегать пространствомъ и временемъ, и дѣло столѣтій совершать въ короткій періодъ человѣческой жизни. Національная гордость народовъ, притѣсненныхъ и угрожаемыхъ имъ, вооружилась противъ него, и ею онъ былъ побѣжденъ, когда первый ударъ въ борьбѣ съ Россіею поколебалъ вѣру въ его счастіе. Не слѣпая судьба поразила его, а его погубило крайнее напряженіе собственной и чужой силы. Онъ самъ когда-то говорилъ, что на войнѣ великое несчастіе всегда падаетъ на того, кто провинился во многомъ; этимъ онъ произнесъ свой собственный приговоръ. Вслѣдствіе излишняго напряженія силы, одна за другою разрушались опоры и ослаблялись пружины. Союзники его уже перестали увлекаться надеждой на выгоды, передъ властію его внутри государства уже не трепетали съ ужасомъ, его собственные напряженные труды уже не служили примѣромъ для другихъ. Орудія, не имѣвшія собственной силы, выпали изъ его рукъ; народъ, отвыкшій отъ самодѣятельности, не откликнулся болѣе на его при-

зывъ; малодушіе министровъ, занимавшихъ должности, измѣна министровъ, бывшихъ въ отставкѣ, грубая неблагодарность любимцевъ, вялость полководцевъ, пресыщенныхъ наслажденіями, — все это возстало наконецъ противъ прежняго владыки! Въ немъ самомъ боролись до конца отчаяніе побѣжденнаго и горькое чувство униженія послѣ такого величія съ гордостью и надеждою на прежнее счастіе; военный геній истощилъ свои послѣднія силы въ последнемъ напрасномъ усиліи. Политическое паденіе было ужасно, но еще ужаснѣе было паденіе человѣческое. Гордость внушила Наполеону глубокое презрѣніе къ людямъ, и оно было оправдано собственнымъ его печальнымъ опытомъ; гордость же развила въ немъ мысль, что онъ обладаетъ самымъ глубокимъ знаніемъ людей, но въ этой мысли онъ горько долженъ былъ разочароваться. Правда, вѣрность войска въ низшихъ его рядахъ, даже при послѣднемъ испытаніи, достойна была удивленія и доходила до самопожертвованія; но чѣмъ выше мѣста занимали люди въ войскѣ, тѣмъ скорѣе измѣняли они вождю. Самые храбрые оставили его въ послѣднюю минуту, награжденные и отличенные имъ прятались или измѣняли, напротивъ того обиженные и пренебреженные оказались самыми благородными; родственники его въ Италіи струсили или измѣнили. Отвергнутая супруга пережила паденіе своего любимаго мужа только нѣсколькими недѣлями, напротивъ того царствующая императрица измѣнила своей столицѣ, своему супругу, своему царскому достоинству и вскорѣ даже самой себѣ и своему женскому достоинству; сыну выпалъ трагическій жребій Астіанакса, и это было для отца ужаснѣе всего.

Бурбоны. Когда судьба войны рѣшила участь Наполеона, тогда, вслѣдствіе самаго расположенія всѣхъ историческихъ обстоятельствъ, возстановленіе Бурбоновъ было дѣломъ единственно возможнымъ для Франціи въ то время. Французскіе историки [1]) однакожъ, вѣря въ непогрѣшимость своей націи, любятъ представлять это возстановленіе игрою случая, неожиданнымъ послѣдствіемъ частныхъ измѣнъ, удачнымъ дѣломъ немногихъ интригановъ. Если бы къ

---

[1]) Исторія реставраціи во Франціи обработана для читателей всѣхъ классовъ Лакретеллемъ, 1829 г. и слѣд., Капефигомъ, 1831 г. и слѣд., Ламартиномъ, 1851 г. Но болѣе серьезнымъ любителямъ исторіи рекомендуемъ Lubis, hist. de la rest., 1837 г. и слѣд. и особенно Vaulabelle, hist. des deux restaurations, 1847 г. и слѣд.

концу мирныхъ договоровъ въ Шатильонѣ до императора не слишкомъ поздно дошло извѣстіе о послѣднемъ родственномъ поступкѣ Австріи, посольствѣ князя Эстергази, и о настоятельномъ требованіи уступчивости, которое Коленкуръ переслалъ письменно императору; еслибы Іосифъ Бонапартъ, вопреки прямымъ приказаніямъ императора, при сдачѣ Парижа удержалъ свое мѣсто, и Марія Луиза — свои права на французскій престолъ, вопреки требованіямъ союзниковъ, и еслибы не измѣнилъ Мармонъ съ своимъ войскомъ, то — по подобному взгляду на исторію — французскій престолъ остался бы за Наполеономъ или за его сыномъ, подъ управленіемъ регентства. Съ другой стороны точно такимъ же образомъ возстановленіе Бурбоновъ приписывается дѣятельности нѣкоторыхъ эгоистическихъ мечтателей и измѣнниковъ, которые снова „выкопали" давно всѣми забытыхъ, — и даже бѣлымъ шарфамъ чужеземныхъ войскъ при вступленіи въ Парижъ и бѣлымъ платкамъ чувствительныхъ парижанокъ, двумъ обстоятельствамъ, которыя были ошибочно приняты за бурбонскую манифестацію. Но при этихъ мелочахъ совершенно упускаютъ изъ виду великія обстоятельства, могущественнаго теченія которыхъ не могли бы остановить ни указываемыя французскими историками мѣры, ни всѣ другія средства, какія только можно было бы придумать. Сила общественнаго мнѣнія возставшей Европы, возрастающее могущество ея соединеннаго оружія, слабость и истощеніе народной воли и силы Франціи, корыстолюбіе и властолюбіе всеобщаго врага, столь же неутомимаго въ защитѣ, какъ и въ нападеніи, и пренебреженіе его къ урокамъ несчастія и къ добрымъ совѣтамъ, необходимо произвели бы какимъ нибудь другимъ образомъ тоже самое дѣйствіе, т. е. паденіе дома Наполеона.

13 Мая 1814.

Съ другой стороны точно такимъ же естественнымъ ходомъ, упорное и выжидающее терпѣніе Бурбоновъ, довѣріе и сила, которая заключалась въ ихъ правѣ и исторіи, зоркая дѣятельность ихъ приверженцевъ, въ которой, какъ въ неблагопріятныя времена, такъ и теперь, въ удобную минуту, не было недостатка, всегда повели бы къ возстановленію Бурбоновъ, посредствомъ другой какой нибудь катастрофы наполеоновскаго счастія. То, что дѣлалось при Наполеонѣ и самимъ Наполеономъ, не мало должно было содѣйствовать этому перевороту. Подъ его господствомъ не мо-

гло образоваться во Франціи ни политической идеи, ни общественнаго мнѣнія; когда могущество его поколебалось, народъ долженъ былъ поддаться первому, хотя слабому толчку, который былъ данъ ему: какъ только Наполеонъ палъ, мѣсто его долженъ былъ занять первый, бросившійся на него съ серьезными притязаніями. Толчекъ этотъ и эти притязанія послѣдовали со стороны старо-королевскаго элемента и отъ старыхъ королей.

Мы не имѣемъ намѣренія останавливаться въ нашемъ разсказѣ ни вообще на великихъ событіяхъ начала 19 столѣтія, времени консульства и имперіи, ни въ частности на усиліяхъ Бурбонской партіи тогдашняго и предшествовавшаго времени, направленныхъ противъ порядка, существовавшаго во Франціи; событія эти слишкомъ тѣсно связаны съ движеніями, послѣдовавшими за 1789 г., такъ что ихъ всегда слѣдовало бы излагать въ связи съ исторіею 18 столѣтія. Только краткое изложеніе дѣйствій Бурбоновъ, въ промежутокъ времени между ихъ эмиграціею и возвращеніемъ, будетъ необходимо (даже самаго краткаго будетъ уже достаточно) для того, чтобы показать, что возстановленіе бурбоновъ въ 1814 г. произведено было не случайнымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ.

Бурбоны за границею. Исторія возрастающаго и упадающаго счастія Наполеона и Бурбоновъ представляетъ въ этомъ отношеніи двѣ полныя противоположности, два примѣра для великаго и всеобщаго историческаго опыта. Пока Наполеонъ, съ полной самодѣятельностію, скромно слѣдовалъ за судьбою и обстоятельствами, пока онъ не хотѣлъ „насиловать счастія“, а прислушивался къ волѣ народа и исполнялъ ее [2]), — до тѣхъ поръ онъ былъ счастливъ и великъ; но когда вмѣсто того, какъ выражается старое доброе время, чтобы повиноваться Богу, онъ захотѣлъ „возстать противъ Него“, тогда онъ погубилъ себя и все свое счастье. Тоже самое случилось и съ Бурбонами, но только въ обратномъ порядкѣ. Они не достигали своихъ цѣлей, пока стремились къ нимъ сознательно, путемъ войны, заговоровъ и интригъ; но когда они со смиреніемъ отказались отъ всего, не оставаясь впрочемъ въ бездѣйствіи и не оставляя безъ вниманія совершавшихся событій, цѣли ихъ осуществились сами собою.

---

[2]) Слова, сказанныя имъ Іосифу передъ отъѣздомъ въ Египетъ. Mém. de Joseph Bonaparte, du Casse. I, 70.

Въ первое время, усилія эмигрировавшихъ Бурбоновъ, ниспровергнуть революцію были достаточны для того, чтобы заставить внутри Францію, а извнѣ половину Европы заниматься ими довольно долгое время, хотя первыя ихъ попытки повсюду должны были преодолѣть нерѣшительность и неохоту къ ихъ дѣлу. Въ то время Англія не вмѣшивалась въ ихъ дѣла, Екатерина II была занята Турціею и Польшею, въ Австріи и Пруссіи императоръ и король были небрежны, Сардинія и Испанія ожидали рѣшеній большихъ державъ. Людовикъ XVI присягнулъ конституціи, и это дало дворамъ основаніе или предлогъ воздерживаться отъ вооруженнаго вмѣшательства. Графъ Прованскій и графъ Артуа считали необходимымъ отстранить этотъ предлогъ, даже съ опасностію пожертвовать своимъ братомъ и королемъ. Своимъ постояннымъ вмѣшательствомъ въ дѣла они давали поводъ ко всѣмъ тѣмъ пагубнымъ мѣрамъ, которыя ожесточили французскую революцію, прервали всякую связь между народомъ и королемъ, и которыя давали сперва патріотамъ предлогъ къ войнѣ, и потомъ террористамъ—къ уничтоженію монархіи. Внушенія Бурбонской партіи обнаруживаются въ цѣломъ ряду общеизвѣстныхъ письменныхъ актовъ: въ возбуждающемъ письмѣ императора Леопольда II государямъ[1], въ угрожающихъ статьяхъ Пильницкой деклараціи[1], въ безумномъ манифестѣ герцога Брауншвейгскаго[1]; всѣ они проникнуты такимъ же духомъ, какъ пресловутое письмо принцевъ къ королю[1], которое взваливаетъ на него обвиненіе въ клятвопреступленіи и открыто объявляетъ „заговоръ“ государей. Это первое успѣшное вліяніе эмигрантовъ достигло высшей степени и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно ослабѣло въ походѣ 1792. Когда вмѣсто прогулки, на которую разсчитывали, походъ окончился пораженіемъ, а обѣщанное возстановленіе Людовика XVI окончилось его казнію, тогда дворы оставили опасныхъ совѣтниковъ и союзниковъ, борьбу противъ опасностей и притязаній со стороны Франціи не смѣшивали уже съ дѣломъ Бурбоновъ и употребляли съ того времени эмигрировавшихъ французовъ только для виду и какъ средство для замаскированія собственныхъ интересовъ. Политики этой они строго держались до 1814 г., никакія усилія принцевъ не могли отклонить ихъ отъ нея. Ни одинъ дворъ не призналъ графа Прованскаго (потомъ Людовикъ XVIII) ни регентомъ по смерти Людовика XVI, ни королемъ по смерти Людови-

[1] 18 мая 1791.
[1] 27 авг. 1791.
[1] 25 іюля 1792.
[1] 10 сент. 1791.

ка XVII; они строго запрещали ему всякое постоянное сношеніе съ вооруженными эмигрантами; одна страна за другою отказывала ему въ защитѣ и убѣжищѣ. Вытѣсненый изъ Кобленца (1792) въ Гаммъ, онъ въ 1793 соблазнился было и обманулся потомъ бѣлымъ знаменемъ, выставленнымъ въ Тулонѣ; затѣмъ французское вліяніе и приказанія государей попеременно изгоняли его изъ Вероны[I]; Бланкенбурга[I], Митавы[II], Варшавы[III] и еще разъ изъ Митавы послѣ Тильзитскаго мира, пока онъ не нашелъ убѣжища въ Англіи. Такимъ образомъ неутомимо и безплодно онъ возилъ за собою по всей Европѣ свои притязанія, свое несчастіе, свой странствующій дворъ. Онъ долженъ былъ испить до дна горькую чашу превратностей, испытать всякаго рода униженія, угрозы, насмѣшки, долженъ былъ терпѣливо подчиняться мѣрамъ своихъ преслѣдователей и защитниковъ; ничто не могло заставить его отказаться отъ королевской роли. Ни одинъ даже изъ позднѣйшихъ союзовъ государей противъ Франціи (отъ 1799—1805) не заключался безъ того, чтобы онъ, получавшій всегда отказъ, не вмѣшивался въ дѣло снова. Посланники его снова объѣзжали дворы, не смотря на неблагосклонность пріемовъ. При всякомъ важномъ общественномъ событіи король въ дневныхъ приказахъ, воззваніяхъ и протестахъ обращался съ требованіями къ Франціи или къ Европѣ и королевскіе агенты неутомимо работали внутри Франціи. Они, равно какъ и дворъ „эмигрирующаго короля“, постоянно измѣняли свои системы, сообразно положенію дѣлъ. Отверженный иностранными государями, Людовикъ одно время думалъ возстановить свою власть французскимъ оружіемъ, чрезъ военныхъ диктаторовъ, Пишегрю, Шарета, Барраса, Бонапарта. Въ другой разъ (1795), когда демократическая дѣятельность массъ видимо ослабѣла, онъ пробовалъ вести свое королевское дѣло путемъ мирнымъ, парламентскимъ. Этотъ мирный способъ дѣйствій придумалъ министръ Богюйонъ; но когда эта дѣятельность осталась безъ послѣдствій, произошла въ Бланкенбургѣ перемѣна министерства и Сенъ-При обратился снова къ внѣшней политикѣ, къ содѣйствію Россіи. Перепробовали всѣ средства: войны, заговоры, подкупы, тайные происки и наконецъ, когда утвердилось владычество Бонапарта, рѣшились прибѣгнуть къ убійствамъ. Покушенія на убійство здумывались въ обществѣ графа Артуа, Кадудаля и Полиньяковъ, въ томъ кружкѣ, который съ

I Апрѣль 1796
I Октябрь 1797.
II Январь 1801.
III Конецъ 1804.

легкомысленною отважностію, происходившею отъ ограниченности и незнанія обстоятельствъ и опасностей, съ самаго начала бросился на насильственныя дѣйствія, а потомъ прибѣгъ и къ мѣрамъ преступнымъ, которыхъ всегда былъ чуждъ графъ Прованскій. Онъ не выходилъ изъ круга своей письменной и дипломатической дѣятельности, гдѣ всякій шагъ его былъ безвреденъ и хорошо разсчитанъ и если не приводилъ ни къ какимъ фактическимъ результатамъ, и даже моральнымъ выгодамъ, то за то не могъ повести и къ неудачамъ, которыя могли бы принести фактическій или моральный вредъ; между тѣмъ планы, затѣянные партіею Артуа, болѣе всего способствовали распространенію во всей Европѣ величайшаго презрѣнія къ дѣлу Бурбоновъ.

Общее презрѣніе къ дѣлу Бурбоновъ.

Вся эта многосторонняя дѣятельность повела только къ тому, что дѣло Бурбоновъ живо сохранялось въ памяти Европы. Впрочемъ, можетъ быть, этому болѣе содѣйствовало презрѣніе къ дѣлу Бурбоновъ, чѣмъ расположеніе къ нему. Даже и независимо отъ тѣхъ преступныхъ мѣръ убійства и злодѣянія, на которыя рѣшались представители и приверженцы Бурбонскаго дѣла, они пріобрѣли себѣ самую дурную репутацію. Бурбоны, удалившіеся изъ своего отечества, перенесли вмѣстѣ съ собою въ новую „заграничную Францію" всю испорченность старой королевской Франціи, вызвавшую великое очистительное дѣло революціи. Дурные примѣры, которые подавали собою Эмигранты съ самаго начала, когда они еще тѣснились на великой „поповской улицѣ" Германіи, въ Рейнской долинѣ, ихъ распущенная жизнь, семейная и публичная, ихъ высокомѣріе въ счастіи и въ нищетѣ, ихъ глубокая безнравственность, оставившая долгіе и печальные слѣды, все это еще и понынѣ пользуется въ Германіи всеобщею жалкою извѣстностію. А въ то время извѣстность эта была до того распространена, что вездѣ, и въ высшихъ и въ низшихъ слояхъ чувствовали овращеніе къ этимъ гостямъ; бережливый дворъ въ Туринѣ презиралъ общество графа Артуа, какъ Павелъ I презиралъ дворянство свиты Конде; маленькія нѣмецкія правительства, сначала обожавшія ихъ, теперь выгоняли ихъ какъ негодяевъ, а въ Англіи ихъ всегда называли „французскими собаками." И въ политическомъ и въ военномъ отношеніи, они успѣли унизить себя такъ же скоро, какъ и въ нравственномъ. Возникли мелкія распри и произвели раздоръ между приверженцами

Бурбонскаго дома, который такъ часто жаловался на несогласія другихъ государей по вопросу объ его собственномъ возстановленіи. Между различными группами эмигрантовъ, тѣ изъ нихъ, которые оставили Францію раньше, смотрѣли съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ на тѣхъ, которые оставили ее послѣ; въ ихъ вооруженной толпѣ взаимное недовѣріе, споры изъ за чиновъ и неповиновеніе раздѣляли людей и дѣлали недѣйствительными всякія мѣры; между ихъ дипломатами господствовали зависть и мелкое соперничество, какъ будто бы дѣло шло о выгодныхъ и почетныхъ должностяхъ. Агенты графа Артуа, принца Конде и графа Прованскаго дѣйствовали независимо другъ отъ друга, а часто и другъ противъ друга. Эти разногласія начинались сверху между главами партіи, гдѣ взаимная недовѣрчивость разъединяла братьевъ королевскаго дома, какъ до революціи, такъ и теперь. Наконецъ личные недостатки представителей Бурбонскаго дома бросали особенно невыгодный свѣтъ на эту яркую картину позора. Можно было ожидать, что въ дѣлѣ, за которое иностранные государи вооружались, какъ за свое собственное, люди, которыхъ оно касалось особенно близко, подадутъ великій примѣръ геройскаго мужества и въ крайнемъ случаѣ погибнутъ подъ развалинами древняго трона. Никто не могъ требовать этого примѣра отъ хилаго графа Прованскаго, который еще въ молодости не могъ ѣздить верхомъ по неуклюжести своего тѣла, хотя онъ цѣлые годы притворялся, будто горитъ сильнѣйшимъ желаніемъ отправиться къ корпусу эмигрантовъ или къ возставшимъ вандейцамъ; за то отъ графа Артуа, котораго рыцарство прославлялось и теперь прославляется всѣми французами, который съ 1789 г. говорилъ постоянно о необходимости садиться на коня, дворы и народы ожидали совершеннаго подражанія Генриху IV, съ положеніемъ котораго французскіе принцы такъ часто сравнивали свое собственное положеніе. Императрица Екатерина сдѣлала ему съ этой цѣлью символическій подарокъ, дала ему драгоцѣнную шпагу; но онъ тотчасъ же продалъ ее одному лондонскому еврею. Англія съ той же цѣлью, при второмъ возстаніи Вандеи (1795), давала ему всѣ средства и способы. Но онъ возвратился назадъ въ свое убѣжище, не ступивши даже на французскую почву; за это Шаретъ назвалъ его трусомъ въ присутствіи его королевскаго брата, англичане встрѣтили его съ презрѣніемъ, и даже его собственные

приверженцы негодовали на него, видя, что они напрасно рѣшились жертвовать жизнію за такого человѣка. Но чѣмъ болѣе подобный образъ дѣйствій унижалъ достоинство Бурбонскихъ вождей, тѣмъ привлекательнѣе и дороже становился защищаемый ими старый порядокъ, такъ что для его сохраненія, какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя массы приносили постоянно величайшія жертвы. За этотъ-то порядокъ возстало населеніе западныхъ провинцій въ двухъ ожесточенныхъ междоусобныхъ войнахъ, отъ 1793 до 1795, и искренно защищало старокоролевское дѣло. Было бы оскорбительно для чести французовъ, еслибы въ самомъ дѣлѣ—какъ они часто утверждаютъ по пристрастію—въ 1814 г. дѣло и семейство Бурбоновъ забыты были даже по имени, и ужасы междоусобной войны, потоки французской крови, самоотверженная храбрость фанатическаго, но вѣрнаго народонаселенія такъ скоро исчезли изъ памяти семействъ и всего отечества. Какъ ни темнѣетъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, блескъ характера и причинъ возстаній Вандейскихъ и Шуанскихъ, но все таки они въ началѣ произошли безъ всякихъ искусственныхъ причинъ, изъ безотчетной привязанности цѣлой страны къ древней религіи и къ древнему государственному порядку. Противъ народа возсталъ съ оружіемъ тоже народъ, а не горсть только привиллегированныхъ и недовольныхъ людей, бывшихъ, такъ сказать, пѣною, которую выбросилъ изъ себя кипящій сосудъ революціи. Когда потомъ дѣла Наполеона затмили собою все, даже имя Бурбоновъ, противъ него въ цвѣтѣ его могущества поднялось извнѣ, въ Испаніи, болѣе страшное Шуанское возстаніе, которое брало примѣръ съ вандейцевъ, и эта борьба, подавшая всей Европѣ примѣръ освобожденія, тоже ведена была за Бурбоновъ, за отсутствовавшихъ, находившихся въ плѣну, презираемыхъ Бурбонскихъ государей.

Отношенія Наполеона къ Бурбонамъ.

Самъ Наполеонъ никогда не считалъ дѣло стараго королевства столь слабымъ и навсегда потеряннымъ, какъ представляютъ его почти всѣ французскіе историки. Онъ боялся Бурбоновъ во Франціи, даже когда они совсѣмъ перестали дѣйствовать; онъ боялся ихъ въ Неаполѣ и въ Испаніи, гдѣ они почти перестали и существовать. За исключеніемъ тѣхъ безразсудныхъ предпріятій Наполеона, которыя внушила ему вражда его къ Англіи, почти всѣ его преступныя дѣйствія, возбудившія общее негодованіе, возникали изъ боязни, которую внушали ему Бурбоны,

напр. казнь Энгіена, которую Наполеонъ съ закоренѣлымъ упор-
ствомъ старался оправдать въ своемъ завѣщаніи, поступокъ съ
испанскими Бурбонами, который онъ самъ осудилъ съ большею
строгостью, чѣмъ даже историческіе судьи его. Какъ въ девяно-
стыхъ годахъ интриги Бурбоновъ были сильны и преступны на
столько, чтобы раздражить и ожесточить революцію, такъ и во
время господства Наполеона, они были на столько значительны и
противозаконны, чтобы заставить и его прибѣгнуть къ жестоко-
стямъ и несправедливостямъ. Все это весьма понятно. Первые и
значительные шаги Бонапарта въ военной и правительственной
[1] Конецъ 1793. исторіи революціи, осада Тулона[1] и подавленіе возстанія 13-го
[1] 5 окт. 1795. Вандемьера[1], показываютъ, что онъ не расположенъ былъ къ роя-
листическимъ стремленіямъ. На пути къ военной диктатурѣ онъ
часто встрѣчалъ Бурбонскія интриги, посредствомъ которыхъ пы-
тались преградить ему этотъ путь. Сперва Людовикъ, посред-
ствомъ обѣщаній и лести, старался убѣдить презираемаго имъ
самимъ генерала Пишегрю принять на себя роль Монка относи-
[1] Въ началѣ 1799. тельно Бурбоновъ; потомъ[1] герцогъ Мезонфоръ обѣщалъ Митав-
скому двору другаго Монка въ лицѣ Барраса, который даже
[1] 18 Фруктидора или 4 сентября 1797 г. не искалъ награды. Чтобы ниспровергнуть Пишегрю[1], Бонапартъ
послалъ изъ Италіи генерала Ожеро; чтобы устранить Барраса,
Наполеонъ явился самъ изъ Египта, не зная впрочемъ тогда
о Бурбонскихъ намѣреніяхъ. Едва 18-е Брюмера поставило его во
главѣ правленія, какъ сами англичане предлагали ему взять на себя
роль Монка, возстановить королевство. Нѣсколько несомнѣнныхъ
фактовъ доказываютъ, что тогда Бонапартъ находился еще въ нерѣ-
шительности, стоялъ на поворотной точкѣ, гдѣ онъ еще готовъ былъ
„разрѣшить свою задачу“ различными способами, гдѣ онъ въ послѣд-
ній разъ прислушивался къ голосу счастія и народной воли, кото-
рая, какъ „по совѣсти“ увѣрялъ онъ, передъ своимъ отправленіемъ
въ Египетъ, не была ему тогда ясна, которая и теперь еще не го-
ворила къ нему внятно и рѣшительно. Въ 1799 г. счастье болѣе,
чѣмъ когда либо прежде, благопріятствовало оружію державъ, сое-
динившихся противъ Франціи; дворъ въ Митавѣ разсчитывалъ, что
реставрація скоро должна совершиться; въ 12 западныхъ департа-
ментахъ и въ верхней Гароннѣ роялизмъ смѣло взялся за оружіе
и проводилъ въ столицѣ свои мины; послѣ 18-го Брюмера На-

рижъ внезапно наводнился литературою роялистическихъ записокъ, памфлетовъ и плановъ, имѣвшихъ отчасти чрезвычайный успѣхъ. Прежде чѣмъ Бонапартъ завоевалъ себѣ въ сраженіи при Маренго! твердое основаніе для своего будущаго положенія, ему очень естественно было сомнѣваться въ томъ, не положитъ ли судьба предѣловъ и его честолюбію, какъ это случилось съ Дюмурье и Пишегрю. Прежде и послѣ этого времени многіе усердно распространяли молву, что онъ возстановитъ Бурбоновъ; супругѣ его Жозефинѣ не были чужды роялистическія наклонности; братъ его Люціанъ сочинилъ „Параллель между Монкомъ, Кромвелемъ и Бонапартомъ“, которая оффиціально была разослана во всѣ департаменты, чтобы узнать общественное настроеніе. Выбравъ весьма удачно моментъ, послѣ покушенія на убійство, сдѣланное 3-го Нивоза!, самъ претендентъ, который еще съ 1796 г. имѣлъ въ виду для своихъ цѣлей генерала Бонапарта, письменно сдѣлалъ консулу предложеніе относительно своего возстановленія и одновременно съ этимъ старался съ помощію герцогини Гишь (Guiche) поддержать свое предложеніе черезъ Жозефину, и потомъ возобновилъ его черезъ графа Монтлозье. Фуше пріобрѣлъ вліяніе и уваженіе у Бонапарта надзоромъ за этими дѣйствіями и тѣмъ, что сразу объявилъ себя противъ нихъ. Однажды рѣшившись не дѣйствовать за Бурбоновъ, Бонапартъ долженъ былъ скоро сдѣлаться ихъ непримиримымъ врагомъ; въ этомъ нѣтъ ничего страннаго съ психологической стороны. Его секретное предложеніе Бурбонамъ—чтобы они оставили всѣ свои притязанія, встрѣченное съ ихъ стороны публичнымъ отказомъ, сдѣлало вражду его къ нимъ столь же непримиримою, какъ была вражда Кромвеля къ Стюартамъ. Онъ попробовалъ' чрезъ прусское посредничество предложить претенденту въ Варшавѣ отказаться отъ своихъ правъ. Французскіе историки отчасти вѣрятъ Наполеону, который отказывается отъ этого предложенія и приписываютъ послѣднее услужливости прусскихъ чиновниковъ; но, даже оставляя въ сторонѣ свидѣтельства лицъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ [3]), трудно предположить, чтобы кто нибудь, не имѣя порученія отъ всесильнаго тогда консула, рѣшился дѣйствовать его именемъ и взялъ бы на себя отвѣственность та-

! 14 іюня 1800.

! 14 дек. 1800.

! 26 февр. 1803.

---

[3]) Fragment des mémoires inédits du Comte de Haugwitz. Iéna. 1837. p. 61.

кого самовольнаго предложенія. Людовикъ сначала держалъ въ тайнѣ это предложеніе, простодушно упоминалъ объ немъ въ безъискусственныхъ частныхъ письмахъ своихъ того времени, но вслѣдъ за тѣмъ онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы возвѣстить всему міру, какая вѣра въ неотъемлемое право Бурбоновъ высказалась въ этомъ предложеніи столь могущественнаго человѣка. Гордость Бонапарта была сильно оскорблена этимъ; ему недоставало только предлога для мести; такой предлогъ скоро представился въ заговорѣ 1803 г., въ которомъ замѣшанъ былъ злой геній графа
20/21 марта 1804. Артуа. Судебное убійство герцога Энгіена было кровавою местью. Этотъ поступокъ справедливо называли мѣрою, напоминавшею правленіе террористовъ, и съ тѣхъ поръ стали выдумывать и приписывать консулу множество другихъ преступныхъ мѣръ, въ родѣ этого дѣйствительно жестокаго поступка, и прежде всего обвиняли его въ попыткѣ похитить и отравить претендента. Императорскій тронъ, воздвигнутый въ виду этого кроваваго происшествія, положилъ внезапно конецъ возмущеніямъ и заговорамъ королевской партіи. Разводъ Наполеона, вступленіе его въ рядъ легитимно-царствующихъ домовъ и рожденіе наслѣдника, казалось, навсегда уничтожили надежды Бурбоновъ. Трудно сказать, рѣшился ли бы Наполеонъ на эти и подобныя крайнія мѣры, еслибы на свѣтѣ не было Бурбоновъ. По крайней мѣрѣ низверженіе троновъ въ Неаполѣ и въ Испаніи доказываютъ не только систематическое преслѣдованіе этой королевской фамиліи, но также и намѣреніе устранить ее собственною же ея системою. Наполеонъ самъ признался, что онъ своими мѣрами подражалъ примѣру Людовика XIV, стремившагося связать Испанію, Италію и Нидерланды съ судьбою Франціи и своей королевской фамиліи.

Если Наполеонъ не считалъ излишними жестокія и чрезвычайныя мѣры противъ покушеній Бурбоновъ и противъ той силы, какую давало имъ прошедшее, то съ другой стороны онъ употреблялъ всѣ средства кротости и благоразумія, чтобы привлечь на свою сторону приверженцевъ ихъ партіи. Онъ серьезно смотрѣлъ на броженіе въ западныхъ провинціяхъ, даже когда оно готово было затихнуть; онъ старался пріобрѣсти расположеніе ихъ населенія посредствомъ благодѣяній и посредствомъ милліоновъ, которые употреблялъ для того, чтобы загладить прежнія опустошенія и возстановить разру-

шенныя церкви, посредствомъ обширнѣйшихъ плановъ, которые должны были возвысить благосостояніе страны устройствомъ большой системы дорогъ. Такую же цѣль примиренія и привлеченія на свою сторону имѣла его политика относительно слiянія партій. Онъ уничтожилъ списки эмигрантовъ, и изгнанники, измученные нищетою и бѣдствіями, стали возвращаться во Францію. Цѣлыя массы людей способныхъ находили себѣ обезпеченіе, мѣста и почести въ многочисленныхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Чѣмъ болѣе дворъ Наполеона подражалъ древнему королевскому двору и превосходилъ его блескомъ и великолѣпіемъ, тѣмъ охотнѣе роялисты, даже древнѣйшее дворянство, оставляли интересы обѣднѣвшихъ Бурбоновъ. Въ 1804 г. люди самаго крайняго роялизма проникли во всевозможныя административныя должности; въ 1805 г. уже нѣкоторые члены древняго придворнаго дворянства поступили ко двору императора; между 1806 и 1808 годами они въ большомъ количествѣ встрѣчаются при дворахъ императорскихъ родственниковъ, въ 1811 г. почти всѣ дворянскія имена стараго двора являются при новомъ. Видя эту всеобщую измѣну, графъ Лилль (такъ назывался Людовикъ XVIII въ изгнаніи) съ горькою рѣшимостію отказался отъ своихъ послѣднихъ надеждъ. Но эта-то измѣна и положила основаніе его послѣдующимъ успѣхамъ. Еще во времена консульства люди проницательные указывали на несовмѣстность этого дворянства и его старыхъ предразсудковъ съ новою системою Наполеона; оно принимало благодѣянія новаго государя, но сохраняло свои прежнія убѣжденія; оно завидовало военному дворянству Наполеона, которое по чинамъ стояло выше древнихъ фамилій; и потому несчастіе императора разрушило его неестественную связь съ старымъ дворянствомъ гораздо скорѣе того, чѣмъ она укрѣпилась во времена его счастія. Тоже самое было и съ духовенствомъ. Наполеонъ нуждался въ примиреніи съ Римомъ для своихъ политическихъ плановъ въ Италіи и своихъ династическихъ цѣлей; онъ признался Лафайету, что и здѣсь также онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ боязни передъ Бурбонами, что для его внѣшней и внутренней политики было бы чрезвычайно важно, чтобы папа и духовенство объявили себя противъ нихъ. Онъ заключилъ конкордатъ; священники, которые были изгнаны во время революціи за то, что отказывались присягать гражданскому уложенію о

духовенствѣ, возвратились снова со всею своею старою римскою и бурбонскою враждою противъ всякихъ церковныхъ и государственныхъ нововведеній; они сдерживали эту вражду, пока надъ ними тяготѣла желѣзная рука императора. Также были настроены цѣлыя массы эмигрантовъ, скромно возвратившихся въ отечество съ тѣмъ, чтобы покориться новымъ порядкамъ; но время Наполеоновскаго господства не было на столько продолжительно, чтобы они ради новой преданности успѣли забыть старую преданность Бурбонамъ. Такимъ образомъ Бурбоны въ 1814 г. нашли для себя во Франціи готовую новую почву въ лицѣ всѣхъ этихъ эмигрантовъ, снова обратившихся къ нимъ и охотно имъ подчинившихся; тогда какъ ни войны, ни возмущенія и заговоры и никакого рода интриги не могли сохранить для нихъ старой почвы. Самый сильный врагъ ихъ сдѣлался ихъ лучшимъ помощникомъ; исполнилось въ самомъ дѣлѣ то, что высказало въ апрѣлѣ 1814 г. оффиціальное воззваніе новаго правительства: что Наполеонъ уничтожилъ все, что хотѣлъ создать, и создалъ все, что хотѣлъ уничтожить. Даже въ послѣднее время его господства можно замѣтить, что Бурбоны составляли вездѣ предметъ его заботъ. Когда онъ объявлялъ себя императоромъ и сенатъ, съ своей стороны, требовалъ, чтобы его достоинство было наслѣдственнымъ, тогда у него во гнѣвѣ невольно вырвалось пророческое предсказаніе, что такимъ образомъ сенатъ пожалуй при удобномъ случаѣ охотно обратится и къ Бурбонамъ; точно съ такимъ же подозрѣніемъ и негодованіемъ произнесъ онъ имя Бурбоновъ, когда законодательное собраніе пришло въ волненіе послѣ неудачъ 1813 г.; такъ же смотрѣли на Бурбоновъ и его приверженцы. Онъ зналъ, что съ марта 1813 г. болѣе смѣлые люди, стоявшіе во главѣ роялистовъ, снова взялись за дѣло, и что они во владѣніи герцога Дураса въ Тюрени имѣли совѣщаніе о томъ, какъ произвести новыя волненія въ провинціяхъ. При первыхъ признакахъ ихъ дѣятельности въ 1814 г., императоръ снова прибѣгнулъ въ отношеніи къ нимъ къ кровавымъ мѣрамъ слишкомъ поздней и безполезной жестокости; онъ приказалъ разстрѣлять въ Троа кавалера Гуо (Gouault), который ходатайствовалъ у императора Александра за Бурбоновъ; послѣ попытки къ возстанію, произведенной въ Дижонѣ, онъ приказалъ разстрѣлять, въ случаѣ вступле-

нія туда непріятелей, находившихся тамъ Семалле, Ноаля и Полиньяка и еще не задолго до своего паденія грозилъ изъ Фентенбло смертною казнію распространителямъ газетъ, принимавшихъ сторону Бурбоновъ.

Отношенія другихъ державъ къ Бурбонамъ до 1814.

Благоразумные и посторонніе наблюдатели, слѣдившіе съ безпокойствомъ за слишкомъ отважными дѣйствіями Наполеона, предвидѣли его паденіе еще въ то время, когда онъ находился на верху славы и приготовили себя къ мысли о скоромъ возстановленіи Бурбоновъ. Хитрый, но малодушный графъ Лилль, который въ теченіи 20 лѣтъ привыкъ замѣчать всякій незначительный случай, не умѣлъ понять общаго положенія дѣлъ; онъ не способенъ былъ замѣтить ни разрушительныхъ силъ, коренившихся въ самомъ Наполеонѣ, ни могущества національной стойкости, которое все болѣе и болѣе вооружалось противъ него; графъ Лилль жилъ въ Англіи, отрекшись отъ всего, какъ можно видѣть изъ писемъ его къ любимцу Аварей (d'Avaray) (1810—11), и отложивши въ сторону всякія политическія намѣренія. Военное счастіе Наполеона, измѣна и уничтоженіе партіи роялистовъ разрушили его надежды на Францію; пораженія, которыя потерпѣли союзныя державы, и ихъ обычная роль въ отношеніи къ нему, сдѣлали его современемъ не только равнодушнымъ, но и подозрительнымъ къ ихъ помощи. Но съ 1805 года его мнѣнія о Франціи и о союзникахъ нѣсколько измѣнились. Прежде у него было убѣжденіе, столь свойственное всѣмъ монархамъ во время народныхъ движеній, что во Франціи противъ него была только горсть бунтовщиковъ. Онъ говорилъ, что для страны было бы неизгладимымъ позоромъ, еслибы онъ не надѣялся возвратить на истинный путь обманутую „грубую массу“; онъ полагалъ, что будетъ въ состояніи „образовать общественное мнѣніе и руководить имъ“ [4]), какъ только онъ своимъ личнымъ появленіемъ „приведетъ въ дѣйствіе устроенную моральную силу“, заключающуюся въ его королевскомъ правѣ. Еще въ 1800 г. думалъ онъ, что конецъ революціи зависитъ отъ его личнаго появленія во Франціи болѣе, чѣмъ отъ всякихъ побѣдъ. Поэтому онъ разсчитывалъ въ 1793 г. отправиться въ Тулонъ, гдѣ его признавали еще королемъ; поэтому онъ желалъ, въ 1795 г.,

---

[4]) Слова изъ письма къ Пишегрю отъ 9 іюня 1796 г.

*

чтобы Англія помогла ему отправиться въ Вандею; съ этою же цѣлію онъ, въ 1796 г., присоединился къ арміи Конде и согласился, въ 1800 г., уступить Австріи Бельгію и Сѣверную Италію, еслибы это открыло ему дорогу въ Ліонъ; для этого же, еще въ 1805 г., онъ употреблялъ новыя усилія, чтобы лично участвовать въ войнѣ. Англія, Австрія и Россія всегда и вездѣ отказывали ему. Возстаніе Франціи въ 1792 г. на всѣхъ навело страхъ, и союзники стали раскаеваться въ тогдашней своей опрометчивости. Поэтому Англія желала, въ 1795 г., чтобы во Франціи все дѣлалось для короля, но ничто—самимъ королемъ. Екатерина II уже въ то время требовала, какъ требовали потомъ, въ 1814 г., и всѣ державы, чтобы не чужое оружіе, а внутреннія движенія Франціи возвратили Бурбоновъ. Россія и Австрія въ 1798 г. объявили открыто, что онѣ вовсе не имѣютъ въ виду предписывать законы Франціи, которая свои законы навязываетъ другимъ; признаніе Людовика XVIII должно служить не основаніемъ воздвигающагося зданія, но его куполомъ. Они могли ссылаться для оправданія своей политики на самого Людовика XVI, который завѣщалъ своему брату прощеніе и предостерегалъ его, что онъ посредствомъ оружія не сохранитъ наслѣдства его сыну. Этого не могъ понимать претендентъ, жаждавшій мести; онъ все болѣе и болѣе становился недовѣрчивъ къ другимъ державамъ. По его словамъ, „ему, какъ законному королю, который по принципу не желаетъ пользоваться завоеваніями республики“ [5]), не стоило бы никакого усилія позволить другимъ державамъ отнимать у французовъ все, что они пріобрѣли сверхъ границъ, бывшихъ до 1789 г. Но онъ опасался еще болѣе злостныхъ намѣреній со стороны другихъ державъ, и объявилъ съ твердою рѣшимостью, что онъ не желаетъ уступать ни малѣйшаго клочка земли изъ старыхъ областей Франціи. Въ 1795 г., когда въ Вѣнѣ содержали обмѣнянную на французскихъ плѣнныхъ дочь Маріи Антоанетты какъ бы въ неволѣ и охраняли съ заботливостію отъ всѣхъ французскихъ вліяній, онъ увидѣлъ въ этомъ планъ, имѣвшій цѣлію бракосочетаніе ея съ эрцгерцогомъ Карломъ и отдачу ей Эльзаса и Лотарингіи въ приданное; даже позже онъ не

---

[5]) Инструкція графу Сенъ-При въ Вѣну, 1799 г., въ Barante, lettres et instructions de Louis XVIII au comte de St. Priest. Paris. 1845.

вѣрилъ увѣреніямъ Тугута, что древніе предѣлы Франціи не будутъ тронуты. Далѣе, для его ясновидящей подозрительности казалось, что англійская политика имѣетъ коварный умыселъ, удерживая его вдали отъ Франціи, унизить лично его, короля, въ глазахъ Французовъ, изъ ревниваго опасенія, чтобы монархія не наслѣдовала тѣхъ силъ, которыя республика возбудила во Французахъ. Кажется, о новыхъ революціонныхъ силахъ народа онъ былъ теперь другаго мнѣнія, чѣмъ прежде, послѣ того какъ онъ сталъ замѣчать, какъ далеко идеи революціи распространились и внѣ Франціи; теперь только онъ понялъ то, чего онъ такъ долго не понималъ [6]), — что союзъ его съ иностранными державами только отвлекаетъ расположеніе Франціи отъ его дѣла, такъ какъ она прежде всего должна была отражать внѣшнія нападенія. Поэтому, когда рушилась послѣдняя коалиція (1805), на которую онъ разсчитывалъ, то онъ сталъ подшучивать надъ дальнѣйшими планами союзниковъ о дѣлежѣ медвѣжьей кожи, которыми онъ самъ еще недавно и весьма ревностно занимался. Впослѣдствіи, кажется, у него въ этомъ самоотверженіи и отреченіи отъ всего не было даже чувства горечи и досады. Даже вслѣдствіе бѣдствій, постигшихъ Наполеона въ 1812 и 1813 годахъ, Людовикъ не принялъ никакихъ мѣръ и не оживилъ своихъ надеждъ; заговоръ Малле и исходъ его внушили ему только страхъ. Онъ оставался въ бездѣйствіи, даже когда Веллингтонъ перешелъ черезъ рѣку Бидассоа, будучи увѣренъ, 7 окт. 1814.
какъ писалъ онъ къ Семалле, что другія державы ничего не сдѣлаютъ для него. Только тогда, когда ихъ войска вступили въ 1814 г. на французскую почву, съ объявленіемъ (при которомъ нѣмецкіе патріоты дрожали отъ стыда и негодованія), что война направлена не противъ французскаго народа, но противъ Наполеона, и когда такимъ образомъ вопросъ о возстановленіи престола Бурбоновъ представлялся самъ собою, было рѣшено на семейномъ совѣтѣ бурбонскомъ въ Гартвеллѣ приступить къ дѣйствію. Герцогъ Беррійскій, подъ руководствомъ Брулара, долженъ былъ на островѣ Джерзи выжидать случая для высадки въ преданныя западныя провинціи, Ангулемъ долженъ былъ присоединиться къ англійскому войску на югѣ, Артуа — къ союзникамъ на востокѣ Франціи. Это

---

[6]) Въ напечатанномъ письмѣ къ Фоше Борелю, отъ 22 марта 1806 г.

были мѣры, совершенно въ прежнемъ духѣ Людовика, имѣвшія въ виду испытать силу моральнаго впечатлѣнія; союзники не противодѣйствовали, но и не поддерживали ихъ.

Интересы и побужденія державъ въ ихъ обращеніи съ Бурбонами 1814 г.

Главная причина уклончиваго обращенія союзниковъ съ Бурбонами лежала въ различныхъ интересахъ и въ шаткихъ рѣшеніяхъ самихъ союзниковъ касательно порядка, который должно было возстановить во Франціи. Нерѣшительность эта болѣе всего обнаруживалась даже въ томъ государѣ, который по своимъ личнымъ достоинствамъ, долженъ былъ взять на себя веденіе дѣлъ союзниковъ, именно въ императорѣ Александрѣ. Онъ былъ нерасположенъ къ Бурбонамъ и даже послѣ ихъ возстановленія высказывалъ свое неудовольствіе на Витроля, Эжана (Eugen), Лафайета; онъ зналъ ихъ еще въ Курляндіи, какъ людей недостойныхъ, и боялся неисправимости неисправившихся. Можетъ быть, этому нерасположенію содѣйствовали стыдъ и неловкое положеніе въ отношеніи къ Бурбонамъ, которымъ онъ долженъ былъ прежде отказать въ убѣжищѣ; но главнымъ образомъ его связывали обѣщанія, данныя имъ Бернадоту. Въ немъ возбудилъ онъ, въ 1812 г., въ Або надежды на французскій престолъ, когда помощь его (Бернадота) противъ Наполеона была ему крайне необходима; эта честолюбивая мысль руководила потомъ Бернадотомъ и въ политикѣ и на войнѣ. Въ 1813 г. онъ навязывался быть посредникомъ между Европою и Франціею; онъ старался[1] увѣрить всѣхъ, что появленіе его на континентѣ противъ Наполеона послужитъ сигналомъ для движеній во Франціи, которыя сдѣлаютъ посредничество его необходимымъ; въ 1814 г. онъ хотѣлъ внушить всѣмъ опасенія, что Сультъ и другіе преслѣдуютъ собственные планы относительно французскаго престола, между тѣмъ какъ онъ самъ годомъ раньше пытался привлечь Нея на свою сторону для той же цѣли. Отсюда вытекала въ рѣшительные сентябрьскіе дни похода 1813 г. странная снисходительность Бернадота къ Французамъ, которыхъ онъ хотѣлъ этимъ привлечь на свою сторону [7],—поступокъ извинительный для Француза, который съ гораздо меньшими учтивостями проложилъ себѣ прежде дорогу къ чуждому престолу въ Швеціи. Но это уже слишкомъ хитрое поведеніе его въ томъ походѣ и лишило

[1] Въ мартѣ 1813.

---

[7]) Планы Бернадота лучше всего можно прослѣдить въ донесеніяхъ англійскаго посланника Торнтона, который былъ расположенъ къ нему, Castlereagh memoirs and correspondence.

его благосклонности союзниковъ; съ французской стороны генералъ Ренье поколебалъ намѣреніе Александра насчетъ Бернадота, которое считалось англійскими государственными людьми за заблужденіе и возбуждало опасенія въ австрійскихъ политикахъ. Потому что, если уже между Наполеономъ и Бурбонами нужно было выбрать что нибудь третье, то семейные интересы Австріи требовали, чтобы сынъ Наполеона, подъ регентствомъ матери, сохранилъ престолъ, а Франція—свой существовавшій дотолѣ порядокъ съ освобожденіемъ ея отъ ига Наполеона. Также и государственные интересы Австріи болѣе выиграли бы отъ сохраненія этого порядка, разумѣется, еслибы были приняты мѣры, чтобы сдѣлать Наполеона навсегда безвреднымъ. Но для того, чтобы предложить такое требованіе союзникамъ, которые очень снисходительно относились къ этимъ соображеніямъ Австріи, австрійскіе государственные люди и уполномоченные были слишкомъ тупоумны: они умѣли извлекать изъ личныхъ отношеній къ Маріи Луизѣ столь же мало политическихъ выгодъ, сколько прежде уполномоченные претендента Людовика—изъ отношеній къ Маріи Терезіи. Въ случаѣ возстановленія Бурбоновъ, добыча европейская, которая должна была подлежать дѣлежу, казалась Метерниху больше и вѣрнѣе; онъ не хотѣлъ только [8]) принимать никакой иниціативы въ отношеніи къ нимъ, для того именно, чтобы можно было потребовать болѣе выгодныхъ условій. Когда Артуа предложилъ возстановить границы 1789 г., то Меттерниху показалось, „что вопросъ вѣрно поставленъ“, такъ что можно было оставить въ сторонѣ семейные интересы Австріи. Между тѣмъ какъ Россія и Австрія долго колебались, Пруссія и Англія съ самаго начала были рѣшительно въ пользу Бурбоновъ. Кестльри былъ противъ всякой средней системы, какъ противъ регентства, такъ и противъ всѣхъ военныхъ личностей. Потому что для Англіи главною цѣлію относительно Франціи было устраненіе политики Наполеона, а Бурбоны соотвѣтствовали этой цѣли какъ нельзя лучше. Въ Англіи думали, какъ думалъ еще Питтъ въ 1800 г., что возстановленнымъ королямъ столько пришлось бы трудиться для уврачеванія прежнихъ золъ, что надолго еще они не могли бы сдѣлаться

Въ февр. 1814.

[8]) По письмамъ Castlereagh.

опасными извнѣ. Предусмотрительному вліянію освободителя Европы, Александра, Англія болѣе всего могла противодѣйствовать во Франціи, такъ какъ она еще прежде и добровольно покровительствовала принцамъ: англійскіе крейсеры уже въ 1813 г. привозили на французскіе берега огромное число бурбонскихъ воззваній, и въ январѣ 1814 г. высадили и самихъ принцевъ. Регентъ Англіи сдѣлался такимъ образомъ для Бурбоновъ тѣмъ, чѣмъ былъ Людовикъ XIV для Стюартовъ, такъ что Людовикъ XVIII всегда говорилъ съ признательностью, что послѣ Бога онъ возстановленіемъ своимъ больше всего обязанъ регенту Англіи.

Но если, не смотря на это рѣшительное расположеніе къ Бурбонамъ, даже Англія строго держалась вмѣстѣ съ другими державами уклончивой политики относительно Бурбоновъ, то второе главное основаніе этого заключалось въ недовѣріи союзниковъ къ своимъ силамъ, какое они всегда обнаруживали въдѣйствіяхъ противъ Франціи. Боясь возстанія Франціи, какъ въ 1792 г. они не рѣшались дѣйствовать въ пользу Бурбоновъ, и съ другой стороны, опасаясь завоевательныхъ стремленій Наполеона, они не хотѣли и его оставить на престолѣ Франціи. Это разногласіе насчетъ главной цѣли войны ослабляло силы союзниковъ во все продолженіе ея; при измѣнчивости военнаго счастія нельзя было вступить въ переговоры съ Бурбонами, потому что союзники опасались, какъ бы не пришлось имъ потомъ вести переговоры съ Наполеономъ. Въ лагерѣ союзниковъ и въ каждой отдѣльной его національной части вліятельная партія, готовая на какой угодно миръ, сдерживала рѣшительную военную партію. Личное появленіе Кестльри въ главной квартирѣ дало перевѣсъ партіи мира, когда онъ, руководимый своимъ ограниченнымъ братомъ, перешелъ на сторону Меттерниха, Нессельроде и Кнесебека; переговоры съ Наполеономъ открыты были [1] въ Шатильонѣ. Неудачи Силезской арміи [1] привлекли даже императора Александра на сторону приверженцевъ мира. Сами англійскіе министры того времени сознаются, что еслибы Наполеонъ просто принялъ предложенія Шатильонскія, то даже Англія еще разъ помирилась бы съ тѣмъ, съ кѣмъ она не могла уживаться, и конгресъ Шатильонскій сдѣлался бы могилою бурбонскихъ притязаній. Но при продолжительности и нерѣшительности, съ какою тянулся этотъ конгресъ, онъ сдѣлался для Наполеона коварнымъ орудіемъ

[1] Въ концѣ 1814 янв.

[1] Въ началѣ февр.

[1] 11—14 февр.

войны, для союзниковъ — помѣхою, для Бурбоновъ — подтвержденіемъ ихъ прежнихъ подозрѣній насчетъ союзниковъ, для роялистовъ — „головою Медузы", которая совершенно ослабила ихъ дѣятельность.

Настроеніе народа во Франціи.

После этого только одно заявленіе народной воли въ Франціи могло бы дать перевѣсъ какому нибудь изъ этихъ колеблющихся интересовъ — наполеоновскихъ, бурбоновскихъ и обще-европейскихъ. Между союзниками опасались возстанія за Наполеона, и дѣйствительно, еслибъ оно послѣдовало, Наполеонъ удержался бы на тронѣ; желали возстанія въ пользу Бурбоновъ, — тогда возстановленіе ихъ было бы дѣломъ французскаго народа и въ мигъ расположило бы въ ихъ пользу Александра, Меттерниха и всѣхъ бывшихъ въ нерѣшительности. Но ни одного изъ этихъ заявленій народной воли не послѣдовало, и ни одной нельзя было ожидать, судя по всѣмъ вѣроятностямъ. Французскій народъ утомленъ былъ безконечными жертвами для Наполена и сдѣлался нечувствительнымъ къ обаяніямъ славы. Общественное мнѣніе сдѣлалось къ нему равнодушнымъ и стало тайнымъ союзникомъ враговъ его; дѣятельная сила въ народѣ была истощена. Въ виду лихорадочныхъ и полныхъ энергіи порывовъ самаго Наполеона, который до послѣдняго времени мечталъ сжечь Мюнхенъ, разрушить Геную и скорѣе уничтожить, чѣмъ отдать Голландію, еще рѣзче и поразительнѣе представлялись изнеможеніе и усталость въ народѣ и даже въ высшихъ слояхъ войска. Возстанія массъ и вооруженія народа, задуманныя слишкомъ поздно, имѣли успѣхъ только по мѣстамъ. Въ столицѣ напрасно прибѣгали ко всѣмъ искуственнымъ средствамъ въ печати, на театрѣ и на улицахъ, для того, чтобы снова произвести общее одушевленіе. Уже съ января государственныя бумажныя деньги упали на половину своей цѣны; ломбарды должны были отказывать многимъ; благотворительныя пожертвованія въ пользу раненыхъ на войнѣ стали рѣже. Въ февралѣ нарочно провели цѣлыя толпы плѣнныхъ черезъ Парижъ: но разсчетъ оказался невѣрнымъ; вмѣсто воинственнаго азарта плѣнные возбудили въ Парижанахъ только состраданіе къ себѣ [9]). Въ концѣ марта

---

[9]) Извлечено изъ дневника англичанина, бывшаго въ Парижѣ, у Любиса, въ прибавленіи ко II тому.

даже сбѣжавшихся въ Парижъ сельскихъ жителей поразили холодность и оцѣпенѣніе столицы, которую нарочно держали въ неизвѣстности относительно хода дѣлъ; но у ней уже было тяжелое предчувствіе непріятельской осады, которой она не испытывала въ вродолженіи 400 лѣтъ, со временъ Карла VI. Слѣпо преданные Наполеону охотно затѣяли бы предъ сдачей уличный бой, но люди опытные понимали, что онъ невозможенъ. — Такъ относилась народная воля къ дѣлу Наполеона, за котораго былъ сильный низшій классъ народа, среди коего онъ еще стоялъ съ оружіемъ въ рукахъ, поддерживаемый крѣпостью своей правительственной машины и привычкою слѣпаго повиновенія. Но еще меньше движенія обнаруживало бурбонское населеніе, принадлежавшее къ робкимъ среднимъ и высшимъ сословіямъ, которое было незначительно числомъ и, со временъ имперіи, не имѣло ни связи, ни предводителей и никакихъ надеждъ, какъ и его глава, и которому такъ часто приходилось выносить на себѣ жестокія послѣдствія преждевременныхъ движеній. Если Наполеона поразило, что многіе городскіе начальники въ провинціяхъ дерзнули противиться предписанному имъ народному ополченію, то Бурбонскіе принцы еще болѣе удивились, нашедши, „что желанія погасли и уста нѣмы“ для ихъ дѣла [10]). Такое же удивленіе по поводу этого явленія различнымъ образомъ высказали и союзники. Веллингтонъ цѣлые мѣсяцы простоялъ въ южной Франціи, но онъ и въ этой части государства, столь часто и столь долго дѣйствовавшей въ пользу Бурбоновъ, не замѣтилъ у роялистовъ никакихъ признаковъ жизни; онъ увидѣлъ, что Бурбоны тамъ менѣе извѣстны, чѣмъ какіе либо другіе европейскіе принцы. Въ самомъ Бордо, гдѣ антибонапартистскія стремленія имѣли прочныя основы въ подорванныхъ торговыхъ интересахъ, населеніе было раздвоено. Даже сѣверо-западъ оставался безъ движенія, такъ что боялись высадить туда изъ Джерзи герцога Беррійскаго, чтобы не подвергнуть опасности человѣка, отъ котораго зависѣло дальнѣйшее продолженіе династіи Бурбоновъ. Точно такъ и на востокѣ союзники видѣли, что народъ даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ про-

---

[10]) Morin, révélation de faits importans sur les restaurations de 1814 et 1815. Paris. 1830.

тивъ Наполеона, не расположенъ къ Бурбонамъ; французскіе эмигранты въ русской службѣ должны были сознаться, что дѣло Бурбоновъ кажется совершенно забытымъ. Но какъ тогда со стороны Бурбоновъ и союзниковъ, такъ и теперь со стороны историковъ равно ошибочно придавать слишкомъ много значенія этому, пожалуй несомнѣнному, явленію, и дѣлать изъ него слишкомъ поспѣшныя заключенія о состояніи Бурбонскаго дѣла. Какимъ образомъ союзники могли ожидать какихъ либо заявленій со стороны роялистовъ, еслибы даже послѣдніе имѣли и гораздо больше силъ, чѣмъ у нихъ было на самомъ дѣлѣ, когда они сами, союзники, поддерживаемые побѣдоносными войсками всей Европы, не отваживались объявить себя въ пользу той или другой стороны! Имъ можно было страшиться одного только Наполеона, между тѣмъ какъ безпомощный народъ долженъ былъ опасаться и Наполеона до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ побѣжденъ, и самихъ союзниковъ, пока они не заявили своихъ намѣреній! Эту простую истину высказывали тогда не одни только агенты Бурбоновъ [11]) при союзникахъ; даже проницательнѣйшіе изъ послѣднихъ, какъ Кланкарти, были такъ честны, что сами признавали ея справедливость. Для всякаго движенія массъ необходимъ толчекъ; а этотъ толчекъ французскій народъ, въ затруднительномъ положеніи между двумя столь громадными и враждебными арміями, могъ получить только отъ побѣдителя. Какъ только потомъ послѣдовалъ этотъ толчекъ, Бурбонское движеніе, какъ бѣглый огонь, разлилось по всей странѣ. Еслибы союзникамъ вздумалось посадить на престолъ Бернадота, Эжана (Eugen), принца Орленскаго, то, такъ какъ всѣ они не имѣли за собою ни прошедшаго, ни нравственной поддержки, подобное движеніе общественнаго настроенія въ ихъ пользу послѣ прежняго пустыннаго спокойствія было бы немыслимо. Въ дни кризиса Лафайетъ [12]) имѣлъ мысль собрать національную гвардію и солдатъ, чтобы вынудить отреченіе у Наполеона, но его смѣлыхъ сумасбродствъ никто не слышалъ, онъ остался одинъ и въ бездѣйствіи.

Рѣшеніе въ пользу Бурбоновъ.

Послѣ этихъ необходимыхъ предварительныхъ объясненій, сами собою разъясняются часто противорѣчивыя отношенія державъ

---

[11]) Какъ напр. графъ Семалле Гіулаю въ Санѣ (Sens).

[12]) Lafayette, mémoires. 5. 303.

къ Бурбонамъ въ частныхъ случаяхъ и столкновеніяхъ во время вооруженнаго вторженія 1814 г.; ходъ дѣлъ самъ собою разумно развертывается по нити хронологіи; произвольное вліяніе отдѣльныхъ лицъ, которымъ обыкновенно приписывается важное значеніе въ разрѣшеніи вопроса, далеко уходитъ на задній планъ. Когда Бурбонскіе принцы явились въ Францію, не желая предоставить участь своей династіи на волю случая или сомнительной памяти французскаго народа, полководцы союзниковъ, на югѣ и востокѣ, получили точное приказаніе, правда, не устранять ихъ совершенно (ибо они охотно желали ободрить роялизмъ, и не хотѣли связать руки Бурбонамъ, когда онѣ были свободны у Бернадота), но допускать ихъ только на тѣ пункты, гдѣ бы они не могли пристать къ союзникамъ, и затѣмъ вблизи расположенія союзныхъ войскъ отказывать имъ въ содѣйствіи и запрещать имъ всякія
Въ концѣ 1814 янв. рѣшительныя мѣры. Поэтому, когда герцогъ Ангулемскій высадился у Сенъ-Жанъ-де-Луцъ, Веллингтонъ тотчасъ предложилъ ему воздержаться отъ всякихъ публичныхъ провозглашеній и титуловъ; принцъ былъ этимъ такъ разстроенъ, что уже подумывалъ объ отъѣздѣ, когда Бордо выразилъ готовность припять его, вмѣстѣ съ англійскимъ корпусомъ, въ свои стѣны. Веллингтонъ, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился на это; онъ приказалъ лорду Берес-
12 марта. форду занять городъ но отъ имени своего короля. Онъ снисходительно смотрѣлъ, какъ меръ города, графъ Линчъ, водрузилъ бѣлое знамя и поспѣшно пригласилъ въ Бордо короля Лудовика XVIII; но какъ только графъ, въ своей прокламаціи выставилъ союзниковъ естественными защитниками дѣла Бурбоновъ,
30 марта. Веллингтонъ угрожалъ публично объявить ложнымъ это воззваніе[13]), если этого не сдѣлаетъ самъ Ангулемъ. Также поступлено было и съ графомъ Артуа, который, послѣ долгихъ обходовъ
19 февраля. чрезъ Швейцарію, перешелъ, французскую границу при Понтарлье
26 февраля. и отсюда отважился проникнуть до Везулы, а оттуда до Нанси Въ обоихъ мѣстахъ ему запретили публично объявлять о себѣ; графъ Брюгесъ, посланный имъ въ Шатильонъ, не получилъ никакого прикрытія. Въ виду такихъ дѣйствій союзниковъ и среди опасности

---

[14]) Wellington despatches etc. N. 891

попасть въ руки возставшаго населенія Лотарингіи, и Артуа уже
рѣшился отступить за границу, какъ къ нему явились самые на-
стойчивые поборники его дѣла, обнадежили его и убѣдили въ
необходимости остаться, хотя бы это было сопряжено съ затрудне-
ніями. Во главѣ этихъ людей стоялъ графъ Семалле. Онъ былъ
пажемъ при Людовикѣ XVI и находился съ 1813 г. въ сноше-
ніяхъ съ Бурбонскимъ дворомъ въ Англіи. Угадывая расположенія
союзныхъ державъ, онъ ранѣе всѣхъ напалъ на исходъ, котораго
они желали—вызвать самостоятельное движеніе роялистовъ. Онъ
заблаговременно' отправился съ виконтомъ Вирье въ Эпуасскій за- ' 5 января.
мокъ, собственность графини Гюйо (Guiault), который сдѣлался
исходнымъ пунктомъ различныхъ роялистическихъ попытокъ [14]).
Вирье оттуда прибылъ въ главную квартиру союзниковъ, но ни
въ чемъ не успѣлъ у Меттерниха. Пытались произвести движеніе
въ Дижонѣ: но принцъ Гомбургскій остановилъ его, сказавши
однако, что внѣ линіи союзниковъ оно охотно будетъ допущено,
какъ невынужденное выраженіе народной воли. Они дважды по-
кушались, такимъ образомъ, все еще изъ Эпуасскаго замка, поднять
Бурбонское знамя въ Семурѣ и Авалонѣ, но предпріятія ихъ ру-
шились отъ трусости ихъ приверженцевъ. Между тѣмъ Семалле
самъ настигъ графа Артуа' въ Везулѣ, откуда теперь графъ Де- ' 27 февраля.
каръ былъ посланъ въ главную, квартиру, но его посольство так-
же осталось безъ успѣха; Семалле же возвратился чрезъ Шатиль-
онъ въ Парижъ, гдѣ, по его прибытіи', вліяніе его стало замѣтно ' 17 марта.
во всѣхъ дѣйствіяхъ роялистовъ. Но всѣ до сего времени сдѣлан-
ныя попытки для привлеченія союзниковъ были, при сомнительномъ
счастіи войны и при неизвѣстности исхода переговоровъ въ Ша-
тильонѣ, преждевременны и потому, по необходимости, безуспѣш-
ны. Между тѣмъ союзники, послѣ коварной попытки Наполеона
отдѣлить отъ нихъ Австрію, еще тѣснѣе соединились между собою
договоромъ въ Шомонѣ'; скоро за тѣмъ Блюхеръ' одержалъ новыя ' 1 марта.
побѣды при Лаонѣ; и теперь Александръ снова убѣдилъ всѣхъ ' 10/9 марта.
въ необходимости военныхъ дѣйствій. Были прерваны также пе-
реговоры въ Шатильонѣ, откуда Кестльри въ полуснѣ писалъ
пустыя письма къ Англійскимъ представителямъ, которые горько

---

[14]) Ноты Семалле у Любиса, 2). 363 и слѣд.

жаловались на недостатокъ инструкцій для переговоровъ [15]). Гораздо болѣе счастья (именно счастья, а не успѣха) имѣли два другихъ Бурбонскихъ агента, Витроль и Вильдерметъ, которые явились въ главную квартиру послѣ этихъ роковыхъ дней. Баронъ Витроль, рѣшительный роялистъ, бывшій прежде подъ начальствомъ Конде, Провансальскій хвастунъ, былъ ловко избранъ кружкомъ Талейрана для смѣлаго предпріятія—завязать сношенія между Парижемъ и

¹ 6 марта. главною квартирою государей. Онъ отправился изъ Парижа¹, снабженный довѣрительными грамотами отъ герцога Дальберга къ графу Стадіону въ Шатильонъ, который отрекомендовалъ его Меттерниху въ Троа. Новоприбывшій изъ Парижа, о положеніи и настроеніи котораго не имѣли никакихъ вѣрныхъ извѣстій, долженъ былъ быть, кто бы онъ ни былъ, охотно принять въ главной квартирѣ; Витроль, кромѣ того, былъ отрекомендованъ людямъ, болѣе искуснымъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ прежде обращались уполномоченные Артуа, людямъ, мнѣнія которыхъ охотно выслушивались столь же искусными государственными людьми коалиціи. Онъ часто имѣлъ совѣ-

¹ 14 марта.
¹¹ 17 марта. щанія, успѣлъ передать¹ формальную ноту и имѣлъ наконецъ¹¹ трехъчасовую аудіенцію императора Александра. Онъ здѣсь ссылался на согласіе Талейрана, Дальберга, де-Прадта и барона Луи, выставлялъ на видъ содѣйствіе законодательнаго корпуса и требовалъ, безъ обиняковъ прекращенія Шатильонскаго конгресса, похода на Парижъ и рѣшенія въ пользу Бурбоновъ. Первое и второе требованіе были почти рѣшены и, обусловливаемый ими, окончательный разрывъ съ Наполеономъ необходимо заставилъ союзниковъ рѣшиться на принятіе и третьяго; ибо теперь Бурбонское дѣло само должно было служить средствомъ къ сверженію Наполеона. Пожалуй можно повѣрить Витролю,—такъ какъ это все еще льститъ тщеславію французовъ, даже самыхъ злѣйшихъ противниковъ Бурбоновъ,—будто его именно представленія побудили императора къ рѣшенію „рисковать всѣмъ.“ Господину Вильдермету, посланному Артуа, который, не зная о Витролѣ, въ одно время съ нимъ, прибылъ въ главную квартиру, Гарденбергъ и Волконскій совершенно откровенно сказали дѣйствительную правду, что его посольство, такъ же какъ и Витроля, будетъ

---

[15]) Caslereagh, memoirs. 9. 334.

имѣть успѣхъ, потому что разрывъ съ Наполеономъ и закрытіе Шатильонскаго конгресса уже рѣшены. Вмѣстѣ съ Витролемъ посланъ былъ [1] графъ фонъ-Бомбеллесъ въ Нанси къ Артуа, чтобы предложить ему условія признанія Бурбоновъ: конституцію, утвержденіе продажи государственныхъ имѣній, сохраненіе должностей и степеней чиновниковъ и офицеровъ, свободу вѣроисповѣданія и признаніе государственнаго долга. Днемъ позже отъѣзда посланнаго, въ день вступленія въ Парижъ, прибылъ въ Дижонъ къ министрамъ коалиціи другой посолъ роялистовъ Генъ-Монтаньякъ [16]). Онъ еще прежде уѣхалъ изъ Парижа, чтобы склонить на свою сторону Бернадота, о посреднической роли котораго такъ много говорили, что самъ Наполеонъ писалъ къ нему чрезъ Іосифа, самъ Людовикъ отправилъ къ нему изъ Гартвеля господина Буллье. Бюловъ и Гнейзенау отклонили Монтаньяка въ Лаонѣ [1] отъ его намѣренія; онъ выразилъ передъ ними тѣже мнѣнія, какъ и Витроль въ Троа и повторилъ ихъ въ тотъ же день въ Дижонѣ Штейну, Гарденбергу, Кестльри и Меттерниху, которые всѣ единогласно объявили себѣ въ пользу такого рѣшенія вопроса, какого не только желали роялисты, но которое дѣйствительно составлялось въ туже минуту въ Парижѣ, въ отелѣ Талейрана, между Нессельродомъ, Поццомъ и Шварценбергомъ. Происходившее въ Парижѣ было такимъ образомъ представленіе не импровизированной, но заранѣе вполнѣ составленной драмы.

[1] 3 марта.

[1] 12 и 13 марта

Совѣщаніе 31 марта въ домѣ Талейрана.

Это совѣщаніе въ домѣ Талейрана обыкновенно представляется какъ настоящій поворотный пунктъ Бурбонскаго счастія, а Талейранъ, какъ главный виновникъ возстановленія Бурбоновъ; на него болѣе чѣмъ на другихъ падали позоръ измѣны Наполеону и обвиненіе въ переходѣ на сторону Бурбоновъ. Но онъ къ этому великому перевороту относился столько же пассивно, какъ и многіе другіе. Мысль о Бурбонахъ являлась у него очень часто еще и прежде, во времена общественныхъ затрудненій или въ минуту личнаго неудовольствія; ему, во всякое время, легко было войти къ нимъ въ довѣренность, чрезъ своего дядю, Реймскаго архіепископа. Когда ему сначала не посчастливилось у директоріи, онъ сблизился

---

[16]) Извѣстія Вильдермета и Монтаньяка также находятся въ прибавленіи ко второй части Любиса.

было съ роялистами; въ 7-ой годъ республики онъ публично былъ обвиненъ въ ношеніи бѣлой кокарды [17]); послѣ непримиримаго разрыва съ Наполеономъ (1809), мысль о Бурбонахъ укоренилась въ немъ такъ сильно, что онъ не покидалъ ея даже во время милости къ нему Наполеона. Талейранъ воображалъ, что въ немъ есть нѣчто пагубное для всякаго правительства, которое имъ пренебрегало; онъ умѣлъ ясно угадывать болѣзненные и смертные припадки времени; онъ обладалъ проницательностью, отъ которой не могла укрыться ни одна ошибка; и, стоя подлѣ Наполеона, онъ все выжидалъ и съ безстрастною холодностію слѣдилъ за дѣятельностью этой страстной и пламенной души. Можетъ статься поэтому, что, наблюдая за безпокойными императорскими замыслами, онъ еще въ Варшавѣ (до своей опалы) выразилъ мнѣніе, что возстановленіе Бурбоновъ есть единственное средство къ успокоенію Европы [18]). Этого же мнѣнія онъ, какъ показываютъ всѣ его поступки, держался и въ 1814 г. Это подтверждаютъ показанія Витроля и Монтаньяка, дѣйствія Дальберга, который ничего не дѣлалъ безъ него, равно какъ и Виньонъ, находившійся тогда съ нимъ въ частыхъ сношеніяхъ. Но только неувѣренный въ счастливомъ исходѣ войны, онъ такъ же какъ и союзные государи, раздѣлявшіе его мнѣнія, принималъ въ соображеніе и другія возможности, которыя могли перейти и въ необходимость. Убѣжденный лишь въ одномъ, что сохраненіе власти Наполеона было бы несогласно съ его выгодами (поэтому онъ и отказался служить ему въ Шатильонѣ), онъ колебался, какъ и другіе, между регентствомъ и Бурбонами. Но въ этомъ случаѣ и при самомъ добросовѣстномъ и безкорыстномъ обсужденіи отечественныхъ интересовъ можно было бы затрудниться въ рѣшеніи вопроса, что представляетъ менѣе опасностей: старый ли роялизмъ и его несовмѣстность съ новыми идеями и порядками, или дитя на престолѣ Франціи, подъ женскимъ регентствомъ, для котораго роялистская ненависть представляла бы гораздо больше опасностей, чѣмъ вражда Бонапартистовъ для Бурбоновъ. Съ такою же нерѣшимостію Талейранъ долженъ былъ останавливаться и при взвѣшиваніи собственныхъ выгодъ,—такъ какъ ихъ главнымъ образомъ онъ имѣлъ

---

[17]) Moniteur. VII, 299.

[18]) Это говорилъ Гагернъ на Вѣнскомъ конгрессѣ „Beiträge zur Zeitgeschichte“ Am Rhein, 1814.

въ виду и былъ даже главою всѣхъ тѣхъ, для которыхъ личный интересъ былъ выше отечества, партіи и убѣжденій. Онъ долженъ былъ опасаться, что, съ учрежденіемъ регентства, Наполеонъ и послѣ своего отреченія, куда бы онъ ни удалился, по чувству вновь раздраженной ненависти, постарается лишить его всякаго мѣста; точно также онъ долженъ былъ сознаться, что Бурбоны ни къ кому не могли чувствовать большаго нерасположенія, какъ къ покровителю всякихъ революціонныхъ нападокъ на престолъ, дворянство и духовенство и главнѣйшему орудію всѣхъ Наполеоновыхъ мѣръ, враждебныхъ Бурбонамъ. Въ такомъ затрудненіи старался онъ съ своими обычными уловками обезпечить себя съ обѣихъ сторонъ, и сдѣлалъ это съ своимъ извѣстнымъ мастерствомъ. Когда въ совѣтѣ регентсва',—въ которомъ Наполеонъ, чтобы предупредить его коварные замыслы, назначилъ мѣсто и ему,—рѣшено было удалить императрицу въ Блуа, Талейранъ всѣми силами противился этому, и поставилъ себя такимъ образомъ внѣ отвѣтственности за этотъ шагъ, въ которомъ онъ видѣлъ „начало развязки“ и который скорѣе былъ заключеніемъ развязки. Онъ поступилъ въ этомъ случаѣ именно такъ, какъ онъ говорилъ въ своемъ завѣщаніи, признаваясь въ измѣнчивости,—онъ покидалъ всякое правительство только тогда, когда оно само себя покидало, и какъ въ другое время онъ, шутя, прибавлялъ: только немножко раньше другихъ, такъ какъ часы его нѣсколько ушли впередъ. Чтобы остаться вѣрнымъ своей роли, онъ долженъ былъ бы сопровождать императрицу, на что онъ получилъ чрезъ Савари именное повелѣніе императора; но онъ дѣлалъ все возможное у министра полиціи [19]) и у префекта, чтобы получить разрѣшеніе остаться въ Парижѣ, а у Мармона—удостовѣреніе въ невозможности его отъѣзда [20]); когда все это не удалось, онъ поѣхалъ рано утромъ', въ день вступленія союзниковъ, до заставы д'Анферъ, гдѣ былъ спрошенъ о паспортѣ, и, не имѣя его, спокойно вернулся въ Парижъ. Это желаніе его—служить своими совѣтами вступающимъ государямъ—сейчасъ же исполнилось. Въ это же утро явилась въ замокъ Бонди депутація Парижскихъ меровъ и городскихъ со-

28 марта.

31 марта.

[19]) Mémoires du Duc de Rovigo, t. VII, гдѣ представлено хотя запутанное и неточное, но наглядное описаніе этихъ дней.

[20]) Vaulabelle, I, 277, изъ письма Мармона.

вѣтниковъ; въ числѣ ихъ находился графъ Лабордъ, который на вопросъ Нессельрода о состояніи общественнаго мнѣнія, указалъ на регентство какъ на всеобщее желаніе и ожиданіе, и потомъ указалъ ему на Талейрана, какъ на человѣка самаго опытнаго, знающаго и дѣла и людей. Лаборду тотчасъ же поручено было отыскать Талейрана и удержать его въ Парижѣ; извѣстіе объ этомъ пришло къ князю въ 7 часовъ; онъ сейчасъ же сообщилъ объ этомъ находившимся близь него своимъ повѣреннымъ, Дальбергу, де-Прадту и Люи. Вскорѣ за тѣмъ явился и самъ Нессельродъ и объявилъ Талейрану о скоромъ прибытіи въ его домъ государей и министровъ, по окончаніи смотра войскамъ; онъ извѣстилъ его напередъ, что его государь рѣшился покончить съ Наполеономъ и регентствомъ, которое было бы таже имперія, съ Наполеономъ за кулисами. При вступленіи союзниковъ въ Парижъ начались первыя роялистическія движенія: Александръ поэтому встрѣтилъ Талейрана словами: Франція, кажется, снова призываетъ Бурбоновъ. Это для Талейрана было уже слишкомъ ясно. На совѣщаніяхъ [21]) устраненіе Наполеона рѣшено было почти безъ всякихъ разсужденій. Рѣшительно принявъ теперь сторону Бурбоновъ, Талейранъ представилъ Дальбергу говорить въ пользу регентства, точно такъ какъ онъ чрезъ Витроля заставлялъ его говорить въ пользу Бурбоновъ, когда самъ еще засѣдалъ въ совѣтѣ регентства. Поццо ди Борго, непримиримый врагъ Наполеона, возставалъ противъ регентства въ рѣзкой рѣчи, на которую никто не возражалъ. Бернадотъ едва былъ вспомянутъ. Талейранъ утверждалъ, что если хотятъ солдата, то нужно имѣть величайшаго; этимъ, равно какъ и удачнымъ замѣчаніемъ, что все кромѣ Наполеона или Людовика XVIII есть интрига, онъ ловко польстилъ съ одной стороны императору, а съ другой, простымъ легитимнымъ названіемъ „восемьнадцатаго“ Людовика, — всѣмъ роялистамъ. Онъ указывалъ на призваніе Бурбоновъ, какъ на цѣль всеобщихъ ожиданій; и когда русскій императоръ и Шварценбергъ противорѣчили этому (съ тѣмъ только, чтобы быть опровергнутыми), то онъ ссылался на свидѣ-

[21]) См. Бурьенъ (mém. X., chap. 2), который присутствовалъ здѣсь. Участвовали съ собраніи, кромѣ Александра и короля Прусскаго, князья Шварценбергъ и Лихтенштейнъ, Дальбергъ, Нессельродъ и Поццо ди Борго.

тельство людей въ этомъ свѣдущихъ, изъ которыхъ де-Прадтъ и баронъ Люи были уже на готовѣ. Такимъ образомъ снова рѣшено было уже рѣшенное однажды возстановленіе Бурбоновъ, которому обѣщанное Бурбонами утвержденіе конституціонныхъ учрежденій должно было придать видъ свободнаго призыва.

Талейранъ.

Чертверо упомянутыхъ французовъ, изъ коихъ трое были куклами четвертаго (Талейрана), и одинъ нѣмецъ, были единственные люди, у которыхъ спрашивали о желаніяхъ и настроеніи народа. Всѣ они изъ пресыщенныхъ любимцевъ и безстыдныхъ льстецовъ Наполеона сдѣлались его клеветниками и измѣнниками. Между ними баронъ Люи отозвался, что Наполеонъ уже почти трупъ только безъ запаха; а за годъ передъ этимъ онъ превозносилъ его до небесъ, какъ втораго Карла Великаго. Самый дерзкій и пустой, изъ нихъ, де-Прадтъ нагло утверждалъ, что „вся Франція роялистическая,“ а чрезъ два года, онъ публично доказывалъ [22]), что нужно было не жить тогда ни одной минуты въ Парижѣ, чтобы не видѣть, что „продолженіе господствовавшаго порядка только безъ ига Наполеона“ (регентство) было всеобщимъ желаніемъ. Судьбы Франціи эти люди своими показаніями все таки не рѣшили; но то обстоятельство, что именно эти люди призваны были для совѣта, хотя бы только для формы, при этомъ чрезвычайномъ переворотѣ великаго государства, и влѣдствіе этого тотчасъ опредѣлены были къ самымъ важнымъ должностямъ, было первымъ изъ всѣхъ опасныхъ промаховъ, которые съ самой минуты рожденія реставраціи предуготовили ея роковыя послѣдствія. Въ этотъ великій кризисъ, можетъ быть, было столь же и возможно, какъ необходимо, внушить французскому народу благородныя и возвышенныя стремленія для его будущаго, приведя на встрѣчу возстановленному королю государственныхъ людей нравственно неиспорченныхъ и съ незапятнаннымъ политическимъ прошедшимъ. Но какое, и кому могли внушить довѣріе именно эти лица, и въ ихъ главѣ особенно человѣкъ, который въ продолженіи всего своего поприща возбудилъ къ себѣ отвращеніе въ своей и чужихъ странахъ всѣхъ классовъ народа, во все время

---

[22]) Въ récit hist. sur la restauration, 1816. Въ позднѣйшіе годы признался онъ съ беззаботною откровенностью въ разговорахъ съ Любисомъ, что въ тѣ времена всѣ лгали и онъ также.

послѣднихъ движеній Франціи! Его ненавидѣли приверженцы революціи, не смотря на его заслуги въ національномъ собраніи, ибо онъ измѣнилъ всѣмъ ея принципамъ и даже въ то время, когда онъ ихъ проповѣдывалъ; своею безнравственностью потерялъ онъ всякое уваженіе, уличенный много разъ въ страсти къ игрѣ, обвиненный въ ажіотажѣ, заговорѣ и продажности. Онъ былъ ненавистенъ привиллегированнымъ классамъ старо-королевскаго порядка: дворянству, его родному сословію, котораго силу онъ ослаблялъ вмѣстѣ съ другими и котораго пустой блескъ онъ потомъ снова старался возстановить; духовенству, своему сословію по званію, которое онъ въ молодости опозорилъ, потомъ старался уничтожить, и наконецъ совершенно его оставилъ. Его ненавидѣли искреннiе приверженцы Бонапарта, въ правленіе котораго, какъ во время директоріи, такъ и послѣ въ качествѣ его министра иностранныхъ дѣлъ, онъ компрометировалъ французскую политику въ отношеніяхъ почти со всѣми странами міра, изъ которыхъ Португалія, Америка, Турція, Англія, Германія, Италія, Испанія, каждая попеременно испытали его вѣроломство, корыстолюбіе, продажность и фальшивость. Что могло сдѣлать этого человѣка сколько нибудь пріятнымъ новымъ повелителямъ Франціи—развѣ только его двусмысленная способность не быть вѣрнымъ другу и не быть сговорчивымъ съ врагомъ! Почему союзники именно къ нему обратились за совѣтомъ,—развѣ опять влѣдствіе той же безхарактерности его, по которой они не могли опасаться никакихъ противорѣчій съ его стороны! Къ сожалѣнію, онъ тогда еще пользовался извѣстностью непогрѣшимаго оракула: думали, что онъ можетъ угадывать напередъ всѣ зловредные умыслы Наполеона; то обстоятельство, что Наполеонъ самъ постоянно совѣтовался съ своимъ отставнымъ министромъ (о которомъ онъ зналъ, что ему извѣстны всѣ его тайны) еще болѣе увеличило вѣру въ необходимость его проницательности. Къ тому же онъ безспорно владѣлъ тою ясностью духа, тою увлекательною остротою слога и пріятною гибкостію формы, которыя однѣ въ состояніи были расположить и привлечь къ нему знатныхъ людей. Они вздыхали теперь о такомъ человѣкѣ, какъ онъ, по тѣмъ же побужденіямъ, по которымъ Наполеонъ еще долго послѣ вздыхалъ по немъ, именно потому, что интриги его всегда такъ искусны, а заслуги такъ ничтожны, или, какъ сказалъ Людовикъ XVIII, что желаю-

щіе добра такъ дурно, а желающіе зла—такъ искусно все видятъ. Поставивъ себя во главѣ событій, Талейранъ снова показалъ прежнее свое искуство; онъ умѣлъ замедлить и отдалить исполненіе того, что предсказывалъ ему Наполеонъ въ бурной сценѣ разрыва съ нимъ: что всякій новый переворотъ прежде всего погубитъ его и Фуше, какой бы партіи они не держались. Онъ такъ себя поставилъ, что, приставая ко всякой партіи, онъ во всякомъ переворотѣ успѣвалъ оставаться выше всѣхъ и оправдывалъ такимъ образомъ употребленное имъ подобіе [28]): „что онъ съ своей кривой ногой кажется черепахой, которая однако обгоняетъ зайца." Въ настоящихъ обстоятельствахъ Франціи подобное искуство не предвѣщало ничего добраго. Въ эти времена, которыя назвали „тяжелыми, даже невозможными," бразды государства должны были находиться въ рукахъ человѣка, которому чистая совѣсть придавала бы самоувѣренность, а благія намѣренія— твердость и безстрашіе; но когда они попали въ руки человѣка, котораго хитрые разсчеты и своекорыстныя выгоды сдѣлали податливымъ, тогда въ государствѣ непремѣнно должно было усилиться ожесточеніе и взаимная вражда между крайними партіями,—эта главная опасность при всякомъ внезапномъ государственномъ переворотѣ. Можно было предвидѣть, что Талейранъ не пристанетъ ни къ одной крайней партіи, но также точно ни одной изъ нихъ не съумѣетъ обуздать, что онъ будетъ совѣтовать королю умѣренность, но всегда уступитъ его упрямству, что онъ станетъ препятствовать безумнымъ мѣрамъ роялистовъ, но что послѣдніе, раздраженные уже одною его личностью и ободренные его низкими интригами, будутъ ему противодѣйствовать съ явнымъ насиліемъ. Все это обнаружилось въ первыхъ же его дѣйствіяхъ, слѣдовавшихъ за совѣщаніемъ въ его домѣ. Написанная имъ прокламація отъ имени союзныхъ державъ, возвѣщавшая, что онѣ „больше не вступятъ въ переговоры ни съ Наполеономъ, ни съ какимъ либо членомъ изъ его фамиліи," распространена была въ тотъ же день¹. Въ ней очень ловко польстили тщеславію французскаго народа указаніемъ на то, что онъ самъ себѣ даетъ конституцію и на расширеніе границъ; возстановленіе Бурбоновъ не было предписано, но только указано. Такимъ кроткимъ

¹ 31 марта.

---

[28]) Въ Запискахъ Людовика XVIII. (1832).

и осторожнымъ манеромъ Талейранъ хотѣлъ дѣйствовать и впередъ и совершить переходъ безъ ударовъ и потрясеній, посредствомъ сліянія партій, какъ дѣлалось во времена консульства; онъ забылъ, что тогда мощная рука славнаго благодѣтеля сдерживала усилія самыхъ крайнихъ партій, которыя теперь надѣялись опереться на новую власть. Когда графъ Семалле явился къ нему съ полномочіями отъ Артуа и предложилъ ему установить королевскій совѣтъ, онъ отвергнулъ это, увѣренный въ поддержкѣ со стороны союзниковъ; и напротивъ того на слѣдующій день[1] совѣтовалъ собравшемуся сенату не провозглашать формальнаго низложенія Наполеона, и предложилъ только, съ замѣшательствомъ и прерывающимся голосомъ [24]), учрежденіе временнаго правительства. Оно должно было сдѣлаться орудіемъ союзниковъ, чтобы скорѣе отстранить Наполеона и держать Бурбоновъ пока еще въ ихъ рукахъ. „Охранительный" сенатъ, который еще въ 1812 г. далъ клятву побѣжденному императору жертвовать жизнью для исполненія своего долга и охраненія четвертой династіи, не имѣлъ даже чувства чести Генуэзскихъ правительственныхъ мѣстъ, которыя разошлись нѣсколько мѣсяцевъ спустя по уничтоженіи ихъ конституціи, чтобы по крайней мѣрѣ не быть участниками позорнаго дѣла,—и безпрекословно утвердилъ предложенныхъ членовъ временнаго правительства. Въ немъ Талейранъ былъ неизбѣжнымъ предсѣдателемъ, и кромѣ него вмѣстѣ съ тремя противниками Бонапарта (Дальбергъ, Жокуръ [Jaucourt] и Бернонвиль) засѣдалъ одинъ только настоящій роялистъ, аббатъ де-Монтескье. Въ прокламаціи державъ возложено было на сенатъ начертаніе конституціи. Такимъ образомъ временному правительству поручено было на слѣдующій день объявить народу основы новой конституціи, какъ онѣ предначертаны были союзниками для графа Артуа: сохраненіе всѣхъ чиновъ и пенсій въ арміи, неприкосновенность долга и проданныхъ государственныхъ имуществъ, личная безопасность, свобода религіи и печати. Къ этому прибавили также положеніе, что сенатъ и законодательный корпусъ сохранятся и при новой конституціи; а въ послѣдовавшемъ за тѣмъ начертаніи конституціи сенаторское

[1] 1 апрѣля.

---

[24]) „Хоть одинъ разъ въ своей жизни былъ въ затруднительномъ положеніи." Шлоссеръ.

достоинство было объявлено наслѣдственнымъ. Всякій другой на мѣстѣ Талейрана воспротивился бы этой своекорыстной мѣрѣ, хотя бы изъ простаго благоразумія; потому что эта мѣра сдѣлала и безъ того ненавистный сенатъ окончательно презрѣннымъ въ глазахъ всѣхъ и воодушевила его противниковъ. Между послѣдними, роялисты, прежде чѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ рѣшительное слово союзниковъ, безуспѣшно старались выбиться изъ мрака неизвѣстности; но лишь только это слово было произнесено, какъ они захватили все въ свои руки съ такою рѣшительностью, что Талейраны, чувствовавшіе себя сегодня предводителями, на другой день ощутили свое безсиліе. 31 марта.

Графъ Семалле, при своемъ возвращеніи въ Парижъ, связался съ какимъ-то Мореномъ, который самъ называлъ себя плебейскимъ роялистомъ, впослѣдствіи неблагодарно забытымъ; Семалле дѣйствовалъ въ высшемъ обществѣ, Моренъ въ низшемъ [25]). Въ день вступленія союзниковъ, Моренъ разставилъ цѣлыя толпы отъ воротъ Сенъ-Дени до площади Людовика XV (Concorde), которыя разносили воззванія и бѣлыя кокарды; къ этому же мѣсту одновременно направилась изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья толпа конныхъ дворянъ; это предпринято было въ видахъ искупленія,—чтобы клики: „да здравствуетъ король!“ впервые раздались на мѣстѣ казни Людовика XVI. Оттуда они отправились на бульвары, чтобы составить эскортъ въ главѣ вступающихъ иноземцевъ. Напряженное вниманіе, обращенное на вступающихъ, удержало массы въ безмолвіи; но прежде на своемъ пути роялисты были осмѣяны; самъ Моренъ, проходившій мимо, былъ арестованъ. Когда войска вступали, конные дворяне старались громкія привѣтствія иноземцамъ сливать въ одно съ восторженными криками въ честь Бурбоновъ и возбудили этимъ негодованіе всѣхъ патріотовъ. Послѣдовавшія за тѣмъ еще болѣе нелѣпыя затѣи совершенно обезобразили эти первыя манифестаціи старо-королевскаго дворянства, въ которомъ имѣли своихъ представителей и самые испорченные между ними, какъ напр. Полиньякъ, Ноайль, Монморанси, Фритцджемсъ, Адгемаръ, трое де-Местръ, Бональдъ и др.—Графиня Эдма Перигоръ, впослѣдствіи извѣстная герцогиня Дино, появилась вечеромъ на лошади позади козака.

Роялисты въ Парижѣ. 31 марта.

---

[25]) Morin, révélation etc.

Графъ Мобрейль, находившійся прежде на службѣ у короля Іеронима, горячая голова, привязалъ свой крестъ почетнаго легіона къ хвосту лошади; это былъ тотъ самый господинъ, который послѣ (въ 1818 г.) былъ осужденъ за то, что онъ чрезъ нѣсколько недѣль послѣ этого
21 апрѣля. дня, 31 марта, отнялъ на открытой дорогѣ деньги и бриліянты у супруги Іеронима и тогда же признался передъ судомъ, что Талейранъ и секретарь временнаго правительства Ру-Лабори подкупили его убить Наполеона, и который въ этотъ день, 31 марта, вмѣстѣ съ другими напрасно пытался стащить лошадьми статую Наполеона съ Вандомской колоны, — выдумка, которою хвастался виконтъ Сосфенъ Ларошфуко [26]), одинъ изъ главныхъ героевъ этого дня, нелѣпости котораго впослѣдствіи доставляли много матеріаловъ парижскимъ остроумцамъ. Эти слабыя и дурно разсчитанныя манифестаціи роялистовъ остались безъ успѣха и поддержки, даже до того времени, когда конные дворяне, вечеромъ въ 5 часовъ, встрѣтили императора Александра съ бурбонскими возгласами у дома Талейрана. Но какъ только вечеромъ распространено было объявленіе державъ, въ которомъ заключалось молчаливое признаніе Бурбоновъ и предоставлялась мнимая свобода выбора народу, и какъ только оказалось возможнымъ и нужнымъ руководить народъ, роялисты тотчасъ же оставили прежнюю боязнь и равнодушіе. Въ тотъ же вечеръ они цѣлыми сотнями сошлись къ Морфонтену на бурное собраніе, которое уже ночью отправило депутацію въ отель Талейрана и тамъ получило отъ Нессельрода прямое обѣщаніе возстановленія Людовика XVIII. Это значило слишкомъ скоро и слишкомъ неловко уничтожить даже призракъ свободнаго выбора. Бурбоны вполнѣ заслужили себѣ тяжкій упрекъ въ насильственномъ возстановленіи, посредствомъ чужой силы и въ безполезной поспѣшности и опрометчивости, такъ какъ сила обстоятельствъ и безъ того привела бы къ тому же исходу. Роялисты воспользовались предоставленною имъ свободой дѣйствія со всею поспѣшностью и суетливостью. Вечеромъ того же, богатаго событіями, дня, маркизъ Лагранжъ получилъ отъ военнаго губернатора Парижа, генерала Сакена, приказаніе, въ которомъ надзоръ за парижскими газетами

---

[26]) Vicomte de Larochefoucauld, mém. 1, 34.

поручался Морену, который тотчасъ перемѣнилъ всѣ редакціи и на слѣдующій же день[1] всѣ изданія возвѣстили паденіе Наполеона и призваніе Бурбоновъ. Безсиліе Талейрана и его временнаго правительства обнаружилось тотчасъ, когда начальникъ полиціи Англе высказалъ только желаніе, но не имѣлъ довольно силы, чтобы потребовать отъ Морена отчета въ этомъ чрезвычайно важномъ поступкѣ, который, какъ бы ударомъ волшебнаго жезла, преобразилъ общественное мнѣніе во всей Франціи. Вечеромъ же появилась брошюра Шатобріана „Бонапартъ и Бурбоны", изъ которой газеты сейчасъ же сдѣлали большія извлеченія. Авторъ, въ ожиданіи внутренняго возстанія Франціи противъ Наполеона, приготовилъ ее на всякій случай въ двоякой формѣ, въ видѣ брошюры и рѣчи. Она возстановила новый идеалъ Бурбоновъ и старалась низвергнуть прежняго идола; она была въ литературномъ отношеніи то же самое, что лошади Морбиля на Вандомской площади. Она съ помощью ложныхъ вымысловъ и ругательствъ старалась опозорить имя Наполеона и выставляла злодѣянія народнаго героя въ гораздо худшемъ видѣ, чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятыя злодѣянія римскихъ тирановъ; она не показывала въ авторѣ ни благородства духа, ни умѣнья вѣрно оцѣнить какъ величіе, такъ и недостатки осужденнаго человѣка. Какъ сильно поколебалась привязанность къ Наполеону, видно изъ того, что это зловонное испареніе ненависти могло распространяться въ это время, когда еще курился ѳиміамъ благоговѣнія, — что эта брошюра произвела такое сильное впечатлѣніе, что Людовикъ XVIII цѣнилъ ее наравнѣ съ цѣлою арміей, — что она хотѣла какъ бы оправдать измѣну Наполеону, выставляя его въ глазахъ общественнаго мнѣнія человѣкомъ, который не терпѣлъ истины. Смѣлое сужденіе этого знаменитаго частнаго лица заразило тотчасъ всѣ публичныя правительственныя мѣста. Въ городскомъ совѣтѣ адвокатъ Белларъ, бонапартистскій ренегатъ, котораго, вмѣстѣ съ другими главами магистратуры, Семалле подкупилъ посредствомъ Дезеза, убѣдилъ меньшинство собравшихся городскихъ депутатовъ[1] сдѣлать объявленіе, которое, не смотря на совѣтъ Талейрана, въ тотъ же вечеръ было опубликовано. Оно соперничало въ желчности съ брошюрой Шатобріана, отказало въ повиновеніи Наполеону, на котораго излило весь ядъ своей мѣщанской злости.

[1] 1 апрѣля.

[1] 1 апрѣля.

Безсильное временное правительство напрасно старалось уничтожить этотъ актъ; газеты распространили его по всей Франціи и Талейранъ, чтобы не проиграть всѣхъ прежнихъ своихъ заслугъ предъ будущимъ правительствомъ, принужденъ былъ, въ виду войскъ, собиравшихся вокругъ императора въ Фонтенбло, побудить сенатъ постановить низложеніе Наполеона [1]. Въ мотивахъ, предпосланныхъ этому опредѣленію, сенатъ былъ такъ безстыденъ, что вмѣнилъ императору въ преступленіе рядъ дѣйствій, которыя онъ же самъ съ постыдною покорностью одобрялъ. На слѣдующій день [1] и законодательный корпусъ, котораго невмѣшательство до сихъ поръ было столь же постыдно, какъ и наглость сената, далъ свое согласіе на низложеніе. За этимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ подобныхъ объявленій, какъ въ этотъ, такъ и въ слѣдующій день, отъ всѣхъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ, а прежде всего отъ кассаціоннаго суда, въ которомъ засѣдали многіе цареубійцы, коимъ Семалле, отъ имени Артуа, объявилъ личную безопасность. На третій день бурбонское воодушевленіе въ Парижѣ достигло уже высшей степени, низкая лесть заговорила на сценѣ, служебное рвеніе охватило всѣхъ занимавшихъ мѣста или только искавшихъ ихъ. Люди въ эти дни измѣнялись скорѣе, чѣмъ событія; Наполеонъ узналъ „какъ народная любовь непродолжительна и опасна,“ между тѣмъ какъ графъ Артуа выразилъ Семалле свое глубокое удивленіе по поводу этой неожиданной и „волшебной перемѣны чернаго въ бѣлое“.

[1] 2 апрѣля.

[1] 3 апрѣля.

Переговоры 4—5 апрѣля о регентствѣ.

Это теченіе Бурбонскаго счастья, казалось, вдругъ пріостановлено было однимъ побочнымъ обстоятельствомъ, которому французскіе историки, по своему обыкновенію, придаютъ большое значеніе. Наполеонъ, который со времени смѣлаго похода союзниковъ на Парижъ упалъ духомъ, еще разъ послалъ вѣрнаго Коленкура для переговоровъ къ императору Александру: русскій императоръ, уже послѣ того, когда низложеніе Наполеона было постановлено сенатомъ и ведены переговоры съ Бурбонами, подавалъ ему надежды [1] на регентство, если Наполеонъ согласится на отреченіе. Это была неудавшаяся уловка выманить у него отреченіе. Когда вѣсть о низложеніи его сенатомъ дошла до императора [1], онъ хотѣлъ двинуться на Парижъ: но его маршалы, которымъ приходилось рискнуть своими тамошними дворцами и семьями, воспротивились этому. Онъ многихъ изъ нихъ возвелъ въ разныя достоинства, но ни одного не возвелъ

[1] 2 апрѣля.

[1] 4 апрѣля.

въ достоинство человѣка; онъ всѣмъ внушилъ честолюбіе, но почти никому—истиннаго чувства чести и только немногимъ посредственнымъ людямъ—неизмѣнную вѣрность. Они удерживали императора не во времена побѣдъ, какъ нѣкогда македонскіе полководцы Александра, и не кроткими человѣчными внушеніями, но въ минуты его бѣдствія и съ жестокою суровостью. Они не выражали, подобно первымъ, общей воли войска, но обманывали войско, которое послѣдовало бы за своимъ вождемъ на самый безумный рискъ. Наполеонъ, послѣ сильной внутренней борьбы, согласился[1] на отреченіе въ пользу своего сына и отправилъ это отреченіе черезъ трехъ уполномоченныхъ къ русскому императору. На дорогѣ въ Эссонъ, они присоединились, по его приказанію, къ Мармону, съ которымъ временное правительство поспѣшно вело переговоры и только что заключило договоръ, по которому онъ долженъ былъ отдѣлить отъ Наполеона свои войска, составлявшія его авангардъ. Когда прибыли уполномоченные съ отреченіемъ императора, Мармонъ увидѣлъ свою опрометчивость, и, отправляясь съ ними въ Парижъ, оставилъ своимъ генераламъ приказаніе не дѣлать никакихъ движеній до его возвращенія. Непосвященные въ тайны союзниковъ члены временнаго правительства впали въ неописанное смущеніе, когда допущены были уполномоченные императора; принятая маска—представить народу свободный выборъ, не позволяла оставить безъ вниманія посольство, которое могло считаться выраженіемъ мнѣнія войска. Ночью[1] русскій императоръ выслушалъ посланныхъ; онъ, казалось, самъ тронутъ былъ благородными объясненіями Макдональда. Ней и Коленкуръ разбирали военныя средства и политическія соображенія; Дессоль противопоставлялъ имъ волю народа и столицы. Александръ находился въ нерѣшительности, когда адъютантъ принесъ извѣстіе, что корпусъ Мармона, согласно содержанію договора, двинулся въ Версаль. Это видимое раздвоеніе въ войскѣ, эта измѣна, которая разоблачила шаткость положенія императора въ Фонтенбло, дали Александру поводъ прекратить переговоры и настаивать на безусловномъ отреченіи Наполеона. Еслибъ и не этотъ поводъ, то ухватились бы за всякій другой. Войска Мармона дѣйствительно выступили ночью, по приказанію генерала Сугама, какъ они полагали, противъ непріятеля; но, узнавъ обманъ, они хотѣли возвратиться назадъ, оставивъ своихъ генераловъ измѣнниковъ; отъ этого самовольнаго намѣренія Мармонъ

[1] 4 апрѣля.

[1] Съ 4 на 5 апрѣля.

лично удержалъ ихъ. Это былъ поступокъ съ его стороны, который однимъ разомъ уничтожилъ въ мнѣніи французскаго императора и народа все, что могло оправдывать его въ прежнемъ поведеніи, все, что было славнаго въ его воинской жизни до 30 марта. Онъ при-
11 апрѣля. нудилъ Наполеона къ безусловному отреченію.

Сенатская конституція.

Значеніе, придаваемое этому побочному обстоятельству, уменьшается еще болѣе, если поставитъ его въ связи съ прочими приключеніями этого дня: пріемъ маршаловъ и продолжительные переговоры съ ними представляются тогда просто средствомъ для другихъ цѣлей. Взрывъ роялистическихъ страстей на улицахъ и въ присутственныхъ мѣстахъ заставилъ всѣхъ задуматься; даже довѣренные будущаго короля теперь проговаривались, что старая династія намѣревалась возвратиться съ принципами, которые могли сдѣлаться столь же невыгодными для Талейрана и его сената, сколько пагубными для Франціи вслѣдствіе политическихъ плановъ, которые раздѣлялъ тогда и императоръ русскій. Временное правительство назначило комитетъ для составленія конституціи. Въ его составѣ вполнѣ видно было вліяніе Талейрана; между 11 членами засѣдалъ только одинъ роялистъ, неизбѣжный аббатъ Монтескье, докладчикъ и повѣренный Людовика XVIII. Между ними появился также Нессельродъ, не смотря на мнимое предоставленіе полной свободы волѣ французскаго народа. Планъ, предложенный
3 апрѣля. комитету русско-сенаторскою партіею, былъ прямо противоположенъ всѣмъ началамъ роялистовъ. По этому плану, французскій народъ призываетъ „брата послѣдняго короля Франціи“ на престолъ въ силу свободнаго выбора; Монтескье сильно оспаривалъ это въ духѣ роялистовъ, которые въ Людовикѣ XVIII видѣли давно царствующаго государя, дядю послѣдняго короля, и теперь возвращающагося на престолъ въ силу своего права. Нерѣшенный споръ этого дня еще болѣе усилился при обсужденіи статьи о сенатѣ. Она заключала въ себѣ постановленіе, что сенатъ ограничивается числомъ 100 членовъ; прежніе оклады остаются, достоинство настоящихъ сенаторовъ наслѣдственно,—это значило превратить пользованіе окладомъ въ наслѣдственное имѣніе. Монтескье со всѣмъ своимъ упрямствомъ возставалъ противъ этихъ своекорыстныхъ и самолюбивыхъ постановленій, которыя вызвали самое рѣзкое по-

рицаніе въ печати; онъ оспаривалъ и вообще несправедливое присвоеніе комитетомъ права составлять конституцію, къ чему комитетъ не былъ уполномоченъ ни народомъ, ни королемъ. Этотъ споръ вдругъ разрѣшенъ былъ Нессельродомъ¹, объявившимъ скорое прибытіе маршаловъ и предстоящее совѣщаніе о регентствѣ. На другой день¹ Талейранъ воспользовался смущеніемъ королевскаго лагеря, чтобы успокоить Монтескье на счетъ „призванія“ короля; въ отношеніи къ сенату сдѣлали нѣкоторыя уступки; остальное же не представляло никакихъ затрудненій. Уже на другой день¹ могъ быть предложенъ къ утвержденію въ сенатѣ планъ конституціи, которому не суждено было прожить и одного дня. Такимъ образомъ казалось, что либеральная сенаторская партія одержала верхъ надъ ревностнымъ легитимизмомъ роялистовъ; но конецъ всего этого дѣла былъ слѣдующій: уступчивый аббатъ въ ту же минуту письменно совѣтовалъ королю предупредить конституцію добровольнымъ королевскимъ указомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нанести ударъ сенату;— этотъ совѣтъ придуманъ былъ самимъ Талейраномъ [27]). Онъ еще прежде настаивалъ на легитимности какъ на законномъ правѣ Бурбоновъ и изъ всѣхъ плановъ относительно будущности Франціи только одно ихъ дѣло считалъ прочнымъ. Теперь же, когда ему въ печати, на улицѣ, даже подъ окнами его и русскаго императора угрожали яростные взрывы роялистовъ и когда съ другой стороны подламывались послѣднія опоры Наполеона, онъ увидѣлъ необходимость безотлагательнаго и скорѣйшаго сближенія съ королемъ. Теперь отправилъ онъ, до сихъ поръ откладываемое, письмо въ Нанси къ графу Артуа, въ которомъ приглашалъ его въ Парижъ.

¹ 4 апр. вечеромъ

¹ 5 апрѣля.

¹ 6 апрѣля.

Графъ Артуа.

Окружавшіе будущаго наслѣдника престола съ величайшимъ негодованіемъ встрѣтили поступки сената и его конституцію. Прибывши въ Парижъ¹, принцъ поселился въ Тюльери и, казалось, нисколько не заботился ни о сенатѣ, ни о правительствѣ, которое съ своей стороны подобнымъ же образомъ держалось и въ отношеніи къ нему: разрывъ съ королевскою фамиліею угрожалъ правительству при первомъ же ея появленіи. Императоръ Александръ долженъ былъ лично побудить графа¹ согласиться на провозглаше-

¹ 12 апрѣля.

¹ 14 апрѣля.

---

[27]) Lubis 1, 293.

ніе его отъ сената намѣстникомъ государства, титулъ, который онъ принялъ еще со времени эмиграціи; онъ объявилъ ему прямо, что онъ рѣшился охранять конституцію, которую Франція, по желанію союзниковъ, сама себѣ дала. При вступленіи въ должность намѣстника Артуа долженъ былъ, по желанію Талейрана, обратиться къ сенату съ рѣчью, составленною Талейраномъ и Фуше [28]), въ которой онъ, именемъ короля, присягнулъ бы основнымъ началамъ сенатской конституціи; но онъ замѣнилъ ее другою собственною рѣчью, въ которой выражалъ просто надежду, что король приметъ эти начала; намѣреніе устранить конституцію высказалось теперь явно. Если разрывъ и не произошелъ, за то тотчасъ началась реакція и контръ-революція. Трехцвѣтная кокарда, къ которой народъ и войско были привязаны съ понятнымъ благоговѣніемъ, должна была быть уничтожена. Талейранъ и здѣсь уступилъ антипатіямъ роялистовъ, которые ни за что не хотѣли удержать тѣ цвѣта, съ которыми Людовика XVI влекли на эшафотъ; графъ Артуа выразилъ желаніе лучше воротиться за Рейнъ. Полиньякъ
Съ 6 апрѣля. и Семалле уже отправляли агентовъ для оживленія королевскаго дѣла въ провинціяхъ, гдѣ временное правительство не имѣло и не искало никакого вліянія: графъ Артуа отправилъ чрезвычайныхъ уполномоченныхъ во всѣ военные округа, чтобы содѣйствовать новымъ повелителямъ. Это были частью эмигранты, ярые приверженцы партіи, которые не знали ни страны, ни народа и которые старались подточить конституцію, прежде еще, чѣмъ она была дана. Въ Бордо публично сожгли сенатскую конституцію, въ Нантѣ она была сожжена рукою палача; родственникъ по духу Бональда и Шатобріана, Маринье, адресовалъ письмо къ императору Александру (на которое Фуше считалъ долгомъ оффиціально возражать), въ которомъ отвергаетъ всякую новую конституцію для Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ не французское слово libéral, которому и его, Императора, научили. Такимъ образомъ теперь ясно обнаружились всякаго рода недобросовѣстныя продѣлки, къ которымъ давно привыкла безразсудная и безпутная свита графа; разсказываютъ, что его ближайшіе придворные, въ эти дни, публично и прямо сами брали себѣ государственныя суммы. Первыя правительственныя дѣйствія, которы-

---

[28]) У Любиса (1, 255), который видѣлъ подлинникъ.

ми намѣстникъ ознаменовалъ свое вступленіе въ должность, обнаруживали легкомысліе чисто-старо-бурбонскаго происхожденія. Чтобы преодолѣть затрудненія настоящаго момента, графъ предписалъ выпускъ государственныхъ билетовъ на 10 милліоновъ и новое повышеніе налоговъ, даже и чрезвычайныхъ, установленныхъ въ началѣ этого года, не смотря на то, что они составляли одну изъ главныхъ жалобъ на Наполеона, вслѣдствіе которыхъ рѣшено было его низложеніе; онъ возвысилъ также и косвенные налоги и акцизы (droits réunis), хотя обѣщаніе ихъ отмѣны главнымъ образомъ и привлекло многихъ на сторону его и Ангулема. Другія державы извлекали пользу изъ этихъ необдуманныхъ дѣйствій безтолковаго правительства. Въ угоду Англіи, намѣстникъ разрѣшилъ значительное пониженіе ввозной пошлины съ колоніальныхъ товаровъ; вредъ этой мѣры не былъ продолжительный, но въ настоящую минуту, при недостаткѣ транзита, она была тяжкимъ ударомъ для торговли хлопкомъ и свекловичнымъ сахаромъ, которая такъ старательно поддерживалась во Франціи. Въ одинъ день съ этимъ распоряженіемъ состоялась конвенція съ державами[1], которая подъ именемъ перемирія установила условія мира. Они главнымъ образомъ состояли въ очищеніи всѣхъ укрѣпленныхъ сухопутныхъ и морскихъ пунктовъ (числомъ 53), которыми Франція владѣла еще въ Европѣ, съ оставленіемъ всѣхъ военныхъ запасовъ, исключая оружія выступающихъ гарнизоновъ. Франція потеряла чрезъ эту конвенцію огромные матеріалы,—добычу и трудъ многихъ годовъ, въ томъ числѣ 12,600 пушекъ, 43 линейныхъ корабля и фрегата, цѣною въ 1,500 милліоновъ,—и кромѣ того (по тайному договору) отказалась отъ неуплаченнаго Пруссіею долга въ 140 милліоновъ. Не смотря на то, этотъ мирный договоръ купленъ все-таки умѣренною цѣной, такъ какъ онъ избавилъ страну отъ уплаты военныхъ издержекъ, и отъ принятія на себя долговъ отдѣляемыхъ отъ нея провинцій. Сильные и справедливые люди въ Германіи и Англіи находили несправедливымъ, что Европа не потребовала никакого вознагражденія за опустошенія, произведенныя французскими войнами, что Франція ничѣмъ не поплатилась за эти опустошенія, Англія ничего не получила за спасеніе Европы; французы же, напротивъ, обыкновенно вмѣняютъ въ тяжкое преступленіе Талейрану и Бурбонамъ какъ эти условія, такъ и ограниченіе Франціи прежними

[1] 23 апрѣля.

ея предѣлами. Не желая сознаться въ безсиліи побѣжденныхъ, они забываютъ, что таковы же были главнѣйшія условія, предложенныя еще въ Шатильонѣ самому Наполеону. Бурбоны въ этомъ договорѣ получили болѣе выгодъ, чѣмъ они сами ожидали и требовали. Но что въ самомъ дѣлѣ справедливо заслужило упрекъ,—это опрометчивость и легкомысліе графа Артуа, который подписалъ договоръ, не зная, безъ сомнѣнія, всей важности его содержанія, не дождавшись даже въ столь громадномъ дѣлѣ скораго прибытія короля, не посовѣтовавшись ни съ однимъ членомъ временнаго государственнаго совѣта, исключая одного Талейрана, который, въ этой поспѣшности и скорѣйшемъ окончаніи столь важнаго дѣла находилъ для себя вѣрныя выгоды.

Благопріятное настроеніе общества при возвращеніи Людовика XVIII.

Всѣ эти событія впрочемъ не остановили возрастающаго воодушевленія къ дѣлу Бурбоновъ; оно достигло своего апогея съ появленіемъ короля. Когда онъ высадился въ Кале[1], его приняли съ шумнымъ восторгомъ. Съ искреннимъ участіемъ стекалось къ нему навстрѣчу населеніе въ Булонѣ, Монтрели, Аббевилѣ, Амьенѣ, Компьени, куда онъ прибылъ въ концѣ мѣсяца[1]. При всей своей физической неуклюжести, онъ держался съ приличною его достоинству важностью, и этимъ нравился; въ теченіе двадцати лѣтъ не отвлекаемый государственными заботами, онъ имѣлъ достаточно времени, чтобы заучить свою королевскую роль и исполнять ее съ нѣкоторою художественностію; другимъ предметомъ его изученія было царское остроуміе и изящество. Его ловкіе обороты и выраженія, которыя онъ обыкновенно заранѣе придумывалъ, разносились повсюду съ восхищеніемъ; даже Беранже распространялъ тогда въ своихъ пѣсняхъ его бойкія слова, также какъ настоящія и подложныя фразы принца Артуа. Тоже одушевленіе господствовало при въѣздѣ короля въ Парижъ[1]; одна только императорская гвардія оставалась мрачною и нѣмою среди кликовъ всеобщей радости. За исключеніемъ ея, всю народную массу охватило единодушное чувство умиленія и состраданія; въ эту минуту въ ней снова пробудились болѣе спокойныя нѣжныя чувства послѣ столь многихъ дикихъ порывовъ, охватывавшихъ ее во времена революціи и войнъ. Горячая преданность встрѣтила Бурбоновъ, какъ нѣкогда въ Англіи возвратившихся Стюартовъ при Карлѣ II; королевское достоинство, погребенное подъ могучими событіями времени, теперь,

[1] 24 апрѣля.

[1] 29 апрѣля.

[1] 3 мая.

казалось, праздновало свое возрожденіе, полное жизни. Сами обстоятельства сложились такъ, что это настроеніе народа, даже не смотря на рѣзкій и представлявшій опасность переходъ изъ подъ славнаго правительства подъ владычество неизвѣстныхъ или не пользовавшихся хорошею репутаціею владыкъ, образовалось естественно и поэтому, казалось, предвѣщало много хорошаго. Всѣ надѣялись возвратиться отъ солдатскаго гнета къ свободному движенію духа, видѣть вмѣсто побѣдъ упроченную свободу, вмѣсто внѣшней славы—внутреннее благоденствіе. Если бы даже само правительство и не было просвѣщено, то все таки можно было надѣяться на успѣхи просвѣщенія; дѣятельность печати такъ низко упала при имперіи, что она при всякомъ другомъ правительствѣ должна была сильно возвыситься (что и случилось въ скоромъ времени). Какъ ни мрачно могло представляться состояніе школъ подъ опаснымъ надзоромъ духовенства, но оно не могло сдѣлаться болѣе безплоднымъ, чѣмъ было при Наполеонѣ, который изгналъ изъ всѣхъ школъ и изъ самаго института всѣ нравственныя и политическія науки, даже исторію, вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ человѣка мыслящимъ и пытливымъ. Холодный математическій умъ, безчувственное сердце, сухое воображеніе императора распространили на всю духовную жизнь какой-то леденящій холодъ, который тотчасъ, съ перемѣною обстоятельствъ, исчезъ отъ теплаго вѣянія общественной жизни. Театры оживились, салоны получили свое прежнее значеніе и свободу, возвратились тихія радости семейныя и спокойствіе домашняго быта. И на политической сценѣ должны были оживиться забитая способность публичнаго краснорѣчія и участіе народа въ своихъ дѣлахъ. Предъ своимъ въѣздомъ въ Парижъ, король прислалъ изъ Сентъ-Уэна согласіе принять конституцію на основаніяхъ сенатскаго проекта; оно было встрѣчено всѣми разсудительными людьми образованныхъ классовъ какъ залогъ для будущаго мирнаго и правильнаго государственнаго развитія. Паденіе Наполеона, казалось, служило такимъ страшнымъ примѣромъ, до какой степени неограниченность монарха въ самомъ обольстительномъ ея видѣ несовмѣстна съ положеніемъ общества, просвѣщенія и промышленности, что никто не сомнѣвался въ искренности перехода Бурбоновъ къ конституціонному ограниченію королевской власти. Старые республиканцы примирились съ новымъ порядкомъ и самъ Карно представилъ по-

слѣ неопровержимое доказательство, что въ эти дни всѣ классы были исполнены надеждъ, восторга и радостныхъ ожиданій. Бонапартистъ Савари объявилъ, что сила общественнаго мнѣнія въ пользу Бурбоновъ въ эти первые дни равнялась развѣ тому расположенію, которое пріобрѣлъ Наполеонъ послѣ уничтоженія директоріи. Не мало содѣйствовали этому надежды на заботливость правительства о матеріальныхъ интересахъ. Масса привлечена была къ буробнской революціи, какъ и предвидѣлъ Наполеонъ, обѣщаніемъ, что конскрипція и droits réunis будутъ уничтожены; и хотя каждый разсудительный человѣкъ понималъ, что эти тяжести непремѣнно возвратятся снова подъ другими названіями—реквизицій, рекрутства, косвенныхъ налоговъ, но все таки никакъ нельзя было ожидать снова того безплоднаго и чрезмѣрнаго расходованія денегъ и людей, которое отняло руки у промышленности, разрушило кредитъ, убило мореходство, почти совсѣмъ уничтожило торговлю и интересы большинства принесло въ жертву воинской страсти и корыстолюбію чиновничьей и солдатской аристократіи. Дворъ Наполеона показалъ примѣръ чрезмѣрной роскоши; императоръ благопріятствовалъ мотовству своихъ слугъ, которое дѣлало ихъ зависимыми отъ него; онъ думалъ посредствомъ роскоши поднять промышленность и дать ей искусственную подпору; вся эта роскошь нашла себѣ подражаніе вездѣ, даже въ торговлѣ и промышленности и подавила разсчетливую простоту. Но теперь можно было ожидать, какъ дѣйствительно и было, что даже при слабомъ правительствѣ, если только не будутъ дѣлать большихъ стѣсненій, промышленная дѣятельность пойдетъ гораздо успѣшнѣе; и капиталъ, который при Наполеонѣ боялся промышленности, снова предложилъ ей услуги, начались предпріятія, которыя до сихъ поръ были въ застоѣ, отъ того, что всѣмъ разсчетамъ могли помѣшать то непредвидѣнныя войны, то фискальныя мѣры и всякаго рода произвольныя и капризныя затѣи.

Затруднительныя отношенія между народомъ и королевскимъ домомъ.

На этомъ основаніи всеобщаго умиротворенія, обилія надеждъ и довѣрія, умѣренности и довольства, Бурбонамъ легко было бы утвердить свое новое господство прочно и надолго, еслибы они умѣли сообразоваться съ требованіями времени и обстоятельствъ. А они состояли въ томъ, чтобы Бурбоны забыли свое прошедшее, прежнее могущество и слѣдовавшій за тѣмъ позоръ ихъ дома; чтобы

они помнили прошедшее французскаго народа, революцію и воинскіе подвиги, которыми онъ гордился, сохраняли существующія и достойныя существованія учрежденія первой, и съ уваженіемъ вспоминали о послѣднихъ; чтобы они наконецъ добросовѣстно сохраняли и упрочили то, чего требовало отъ нихъ будущее взамѣнъ невозвратно потеряннаго прошедшаго, и прежде всего конституціонную свободу. Но чтобы удовлетворить этимъ требованіямъ, чтобы заглушить въ себѣ всякое злопамятное чувство, отказаться отъ всякой антиреволюціонной попытки и отъ всякаго покушенія на прежнюю неограниченную королевскую власть, — для этого нужны были необыкновенныя, почти нечеловѣческія качества, которыхъ не хватало даже у людей болѣе даровитыхъ, чѣмъ настоящіе представители Бурбонской фамиліи, и находившихся въ подобныхъ, но менѣе затруднительныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ они. Уничтожить пропасть между народомъ и королевскимъ домомъ, примирить двѣ партіи, которыхъ раздѣляли непримиримая ненависть и взаимныя убійства,—не удалось даже ихъ великому предку, Генриху IV. Все что короли и роялисты сдѣлали противъ французскаго народа должно было считать забытымъ; теперь вопросъ состоялъ въ томъ, забудутъ ли послѣдніе все сдѣланное противъ нихъ народомъ. Народъ стоялъ передъ ними въ качествѣ ихъ собственной злой совѣсти, которая угрызала ихъ; точно въ такомъ же положеніи находились эмигранты предъ отечествомъ. Обѣ стороны упрекали одна другую въ цареубійствѣ и измѣнѣ отечеству. Время, учрежденія, идеи, въ которыхъ одна сторона видѣла верхъ народнаго величія, другая — старалась клеймить какъ заблужденія, позоръ и преступленія и хотѣла, еслибъ было возможно, истребить всякое воспоминаніе объ нихъ. Къ этимъ причинамъ вражды присоединялись еще зависть, ревность и корыстолюбіе, когда возвратившіеся роялисты заняли должности и мѣста, принадлежавшія людямъ имперіи и революціи. Еслибы даже королевская фамилія сама стояла выше чувства мести и пристрастія къ наслѣдственнымъ предразсудкамъ, то нужно было опасаться, что люди ее окружавшіе, эти настойчивые и много пострадавшіе изгнанники, эти ожесточенные вожди антиреволюціи,—что они постараются нарочно разжечь страсти обѣихъ сторонъ. Но и отъ самаго королевскаго дома нельзя было ожидать подобнаго душевнаго величія. Бона-

*

партъ, достигая господства, далъ ему примѣръ обузданія личныхъ нерасположеній; онъ гордился тѣмъ, что умѣлъ внушить великодушіе своей супругѣ, первый мужъ которой палъ на эшафотѣ революціи, и умѣренность всѣмъ самымъ крайнимъ партіямъ того времени; исходя изъ этого всепримиряющаго начала, онъ успѣлъ достигнуть сліянія партій, что было величайшею и первою задачею и для Бурбоновъ. Правда, у него не было преданій и воспоминаній о его прошломъ царскомъ достоинствѣ, и ни ему, ни его фамиліи не были нанесены такіе страшные удары, какъ Бурбонамъ. Это было роковымъ, хоть и весьма естественнымъ, предзнаменованіемъ, когда въ радостныя минуты возвращенія, герцогиня Ангулемская (дочь Маріи Антуанеты), при входѣ въ дворецъ предковъ, упала въ обморокъ, вспомнивши казненныхъ родителей, умореннаго брата, свое собственное заключеніе и освобожденіе посредствомъ обмѣна ея на плѣнныхъ французовъ, между которыми четверо были судьями ея отца; неожиданное ея появленіе, холодная и гордая осанка, ея сухой, суровый голосъ не внушали ничего примиряющаго, также какъ и безчувственность Людовика XVIII, или смѣсь ограниченнаго тупоумія и хитраго коварства въ графѣ Артуа. Если припомнить участь этой фамиліи въ тѣ времена, когда народъ, къ которому она теперь возвращалась, возставалъ противъ нея съ яростью дикихъ звѣрей, и къ тому еще уничиженія ея долгаго изгнанія,—то становится понятно, почему проницательные люди тогда еще называли призваніе ея назадъ несчастнымъ и пагубнымъ промахомъ. Для этого стоило только вспомнить опытъ со Стюартами въ Англіи, гдѣ Мильтонъ еще передъ опытомъ пророчески возставалъ противъ обратнаго призванія изгнаннаго рода, и говорилъ, что это значитъ накликать на себя месть, а Фоксъ уже послѣ опыта назвалъ реставрацію пагубнѣйшею изъ всѣхъ революцій. Если Бурбоны хотѣли быть благоразумнѣе Стюартовъ и сдѣлать реставрацію благодѣтельной, то они могли достигнуть этого, сохранивши свободныя политическія права, пріобрѣтенныя революціей, которыя они должны были ввести въ конституцію и исполнять ее точно, съ искренностью и достоинствомъ: черезъ это развитіе государства пошло бы правильнымъ путемъ, партіи, вмѣсто тайныхъ происковъ, обратились бы къ дѣятельности открытой; этимъ можно было бы устранить повтореніе прежнихъ интригъ и

сдѣлать невозможнымъ, чтобы приверженцы императора втайнѣ продолжали дѣйствовать въ пользу удаленнаго Бонапарта точно такъ, какъ роялисты въ его правленіе дѣйствовали въ пользу Бурбоновъ. Къ сожалѣнію, отъ Бурбоновъ еще менѣе чѣмъ отъ Стюартовъ можно было ожидать, чтобы они, привыкши только къ закону своего произвола, стали добросовѣстно исполнять законы страны. Предъ ними къ тому же былъ дурной примѣръ, поданный Наполеономъ: если бы послѣдній не возстановилъ неограниченной власти, придворнаго штата, дворянства, духовенства и прежняго неравенства, то Бурбоны никогда не могли бы и думать о возстановленіи привиллегированныхъ сословій и старыхъ порядковъ. Еслибъ искренность конституціонныхъ убѣжденій была въ Бурбонахъ сильнѣе, чѣмъ въ Стюартахъ, то король при своемъ возвращеніи имѣлъ случай доказать это: ему предложили, какъ англичане своему Вильгельму III, сенатскую конституцію, какъ французское „объявленіе правъ“. Если бы онъ принялъ ее, подобно Вильгельму, какъ обязательный договоръ, онъ разсѣялъ бы всякое подозрѣніе въ абсолютистическихъ заднихъ мысляхъ; еслибы онъ, подобно ему, придавалъ значеніе призванію, сдѣланному націей, и доказывалъ свое право на престолъ не наслѣдственностью, а этимъ призваніемъ, то онъ показалъ бы этимъ, что онъ уважаетъ эпоху, которая составляетъ гордость націи, что онъ отказывается отъ идеи неотчуждаемаго права, которую эта эпоха хотѣла изгладить какъ сонъ, и которую болѣе горячія головы изъ эмигрантовъ доводили до того, что за каждымъ закономъ, за каждымъ учрежденіемъ, за каждымъ пріобрѣтеніемъ и договоромъ послѣднихъ 25 лѣтъ не хотѣли признавать никакого значенія, равно какъ и за династіею императора. Но какъ скоро Людовикъ XVIII не хотѣлъ отказаться даже и отъ того, отъ чего отказался Вильгельмъ III, то положеніе его сдѣлалось сомнительнымъ, и уже въ то время не казалось невѣроятнымъ, что во Франціи повторится исторія возстановленія и вторичнаго изгнанія Стюартовъ [29]). Наполеонъ на островѣ Эльбѣ ясно видѣлъ весь вредъ и непрочность возстановленнаго бурбонскаго правительства; къ сожалѣнію онъ самъ поступалъ еще болѣе странно—чѣмъ конечно не

---

[29]) С. Симонъ и Тіерри въ своей réorganisation de la société européenne уже въноябрѣ 1814 указывали на возможность такого оборота дѣла.

могъ дать Бурбонамъ хорошаго примѣра — когда связывалъ свою имперію съ монархіею Карла Великаго и захватъ церковной области называлъ взятіемъ назадъ дара Карла и „возсоединеніемъ этихъ доменовъ съ имперіею".

Король и сенатская конституція.

Союзные монархи и министры, даже самъ Меттернихъ, опасались, чтобы съ возвращеніемъ стараго порядка во Франціи не возникли вновь старые безпорядки; они старались поэтому побудить короля принять сенатскія предложенія. Они послали ему на встрѣчу въ Англію Поццо ди Борго, чтобы противодѣйствовать вліянію его любимца, Блакаса и графа фонъ-Бругеса, который былъ отправленъ къ нему изъ свиты графа Артуа. Талейранъ письменно представилъ королю необходимость принять сенатскую конституцію, чтобы успокоить волненіе общественнаго мнѣнія, чтобы „обуздать солдата" и изгнать злаго духа изъ арміи. Черезъ Монтескье Талейранъ сдѣлалъ ему, какъ разсказывали, снисходительныя уступки, самъ признавши принципъ легитимности; онъ письменно соглашался на измѣненіе нѣкоторыхъ статей конституціи; его не стѣсняло противорѣчіе въ этомъ соединеніи принциповъ легитимнаго наслѣдственнаго притязанія и народнаго призванія. Но король казался непоколебимымъ. Пріемъ сдѣланный ему во Франціи долженъ былъ окончательно побудить его сколько возможно менѣе уступать всѣмъ требованіямъ, которыя противорѣчили его королевскому суевѣрію. Вслѣдъ за тѣмъ сенатъ отступился отъ короля; онъ не послалъ въ Компіенъ депутаціи на встрѣчу ему, какъ сдѣлалъ это, къ величайшему неудовольствію Александра, законодательный корпусъ. Русскій императоръ съ самаго начала обращался съ сенатомъ, какъ съ законнымъ представителемъ націи; при пріемѣ депутаціи сената съ самаго начала онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ, давъ ей объясненіе на счетъ французскихъ плѣнныхъ, которыхъ онъ долженъ былъ бы передать королю. Затѣмъ онъ лично заставилъ графа Артуа войти въ сношенія съ сенатомъ; кромѣ того онъ, говорятъ, далъ Талейрану въ распоряженіе 30,000 войска, чтобы удерживать короля при его высадкѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не согласится на предложенныя ему требованія [30]). Теперь Александръ самъ отправился въ Компіенъ

[30]) По сказанію де-Прадта, у Любиса, 2, V.

на встрѣчу Людовику, чтобы заставить его отказаться отъ 17 лѣтъ его правленія и отъ всего что было въ теченіи ихъ. Онъ представлялъ ему заслуги сената, желанія союзниковъ, примѣръ Генриха IV, искупившаго свою столицу великою жертвою религіи. Король не соглашался. Для него всѣ событія послѣдней четверти вѣка были только сновидѣніемъ, и онъ все это время провелъ въ мечтахъ о своихъ законныхъ правахъ. Онъ не зналъ никакого другаго короля, кромѣ „короля, который не умираетъ", и который, слѣдовательно, не можетъ быть изгнанъ и низложенъ. Онъ возвращается, говорилъ онъ Александру, какъ король Франціи; кромѣ наслѣдственнаго онъ не имѣетъ никакого права на престолъ; безъ этого права онъ не болѣе какъ слабый старецъ и несчастный изгнанникъ, который долженъ вымаливать хлѣбъ и пристанище вдали отъ своего отечества [34]). Этотъ колкій намекъ на высылку его изъ Россіи былъ совершенно въ язвительномъ духѣ короля, который онъ умѣлъ скрывать подъ видомъ трогательнаго добродушія; такого маленькаго остроумія хватало у короля въ мелочныхъ обстоятельствахъ, непосредственно его окружавшихъ; но его натура была слишкомъ далека отъ великой проницательности, которая была необходима въ чрезвычайно трудныхъ обстоятельствахъ этой эпохи. Все, на что онъ согласился было то, что онъ не противится конституціи, но только самъ дастъ ее. Предложеніе Талейрана, которое заключало въ себѣ требованіе присяги хартіи, онъ гордо отвергъ. И такимъ образомъ нужно было еще ясное требованіе императора, чтобы заставить его согласиться на конституцію. Прокламація изъ Сентъ-Уэна[1] была обнародована. Она указала основы конституціи, которая въ ней обѣщалась; проектъ сенатской конституціи былъ здѣсь отвергнутъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ ея статей, составленныхъ поспѣшно, найдены неумѣстными. [1] Отъ 2 мая.

Вмѣсто того, чтобы устранить опасное колебаніе, которому всегда подвержено государство при быстрыхъ переворотахъ, король усилилъ его этими дѣйствіями и далъ озлобленію и дѣятельности партій неисчерпаемую пищу тѣмъ, что, соглашаясь на недостаточныя уступки обѣимъ сторонамъ, онъ не удовлетворилъ ни одной изъ нихъ. Роялистовъ могъ удовлетворить принципъ легитимности,

[34]) Mennechet, 16 ans sous les Bourbons, 1, 116—20.

а либераловъ—согласіе на конституцію; но послѣдніе видѣли въ этомъ согласіи только даръ, который могъ быть взятъ назадъ и который поэтому не давалъ никакой гарантіи въ будущемъ; для первыхъ же вся форма реставраціи казалась только перемѣною лицъ, такъ какъ революціонерамъ вмѣстѣ съ конституціею были сохранены формы, кодексы и учрежденія революціи. Эти разнородныя стремленія
1 20 мая. тотчасъ же стали высказываться. Господинъ де-Виллель обратился[1] къ депутатамъ изъ Тулузы съ „замѣчаніями", гдѣ онъ напоминалъ имъ о „государственномъ устройствѣ отцевъ"; сочиненіе, вышедшее изъ кружка Фуше (les remontrances du parterre), старалось напротивъ отклонить короля отъ ультрароялистовъ, которые хотѣли уничтожить даже и то, что оставлено было Наполеономъ—гласный судъ и всякое представительство. Объ этомъ сочиненіи роялисты утверждали впослѣдствіи, что оно служило для короля руководствомъ въ его дѣйствіяхъ. Либеральные друзья конституціи также долго были того мнѣнія, да и нынѣ еще многіе представляютъ это такъ, что будто король все болѣе и болѣе проникался идеею конституціонной монархіи; думали даже, что онъ искренно привязанъ къ данной имъ хартіи, что онъ принималъ личное участіе въ ея обработкѣ и даже гордился ея составленіемъ; и это все связывали съ тою либеральною ролью, которую онъ игралъ еще во время революціи. Но этому взгляду противорѣчитъ постоянное бурбонское отвращеніе ко всякой конституціи, которое началось съ Людовика XVIII [32]) и продолжалось у Карла X. Поэтому неизлишне, кажется, будетъ бросить взглядъ на извѣстія о прежней жизни Людовика, чтобы тамъ отыскать ключъ къ уразумѣнію его характера и его политическаго образа дѣйствій въ различныхъ обстоятельствахъ, пережитыхъ имъ прежде и послѣ этого времени. Это имѣетъ значительный интересъ и для нашего обще-историческаго обозрѣнія, такъ какъ отъ этихъ двусмысленныхъ отношеній Бурбонскаго дома къ конституціи получили толчокъ всѣ тѣ движе-

---

[32]) Mais la Charte encore nous défend;
Du roi c'est l'immortel enfant:
Il l'aime, on le présume.
Mais le papa, qui tient la dot,
Traite sa fille comme Loth.
Béranger.

нія, которыя въ продолженіе жизни цѣлаго поколѣнія многократно потрясали всю часть свѣта.

Графъ Прованскій въ молодости, слѣдуя господствовавшей при дворѣ и у дворянства модѣ, занимался нѣсколько философіей и литературой. Онъ умѣлъ цитировать Горація и Виргилія; рано обнаружилъ легкое и изящное остроуміе и выработывалъ свой слогъ упражненіями по части изящныхъ и полезныхъ наукъ. Эта умственная дѣятельность осталась безплодною игрою; его политическіе взгляды были ограниченны и недалеки, въ его характерѣ вовсе не было силы для того, чтобы онъ могъ выработанными честными убѣжденіями уничтожить въ себѣ привитые воспитаніемъ предразсудки выродившагося двора и природные недостатки своекорыстной натуры. Въ юности такъ же какъ и въ старости онъ былъ постоянно занятъ мелочными житейскими заботами и вседневными удовольствіями; онъ искалъ для себя спокойствія и наслажденія въ легкихъ бесѣдахъ и роскошныхъ обѣдахъ, и любимцы его тщательно удаляли отъ него все непріятное и окружали его всякими развлеченіями. Его страстью къ анекдотамъ, которая соединялась въ немъ съ любовью къ легкой литературѣ и къ остроумной болтовнѣ, очень хорошо пользовались его слуги, любовницы, фавориты, и въ послѣдствіи, даже его министры: Деказъ употреблялъ полицію, а Талейранъ свои вѣнскія извѣстія для того, чтобы понравиться королю, угождая этой его слабости; даже Шатобріанъ рѣшался разсказывать анекдоты, чтобы побѣдить въ немъ отвращеніе къ серьёзнымъ занятіямъ. Людовикъ во всѣ времена оставался вѣренъ своей натурѣ. Ужаснѣйшія событія проходили мимо его и скользили по гладкой поверхности его существа, не оставляя въ немъ никакого слѣда: его собственныя слова и поступки самымъ яснымъ образомъ рисуютъ эту замѣчательнѣйшую черту его характера. Когда опасность революціи грозила королевской фамиліи, мадамъ Бальби побудила графа Прованскаго къ бѣгству; онъ рѣшился бѣжать въ то самое время, когда бѣжалъ король; по ограниченности ума — не понимая опасности, и по холодности сердечной — не чувствуя ея, онъ совершилъ это бѣгство съ холодною хитростью и съ полнѣйшей безчувственностью къ своему положенію. Онъ игралъ роль путешествующаго англичанина, и какъ только достигалъ счастливо безопаснаго убѣжища, сейчасъ же съ своимъ вѣрнымъ спутникомъ,

Прошедшее Людовика XVIII.

д'Аварей, начиналъ пародировать мѣста изъ оперъ; переѣхавъ границу, послѣ долгаго голода и лишеній, онъ снова обратился къ своимъ гастрономическимъ привычкамъ, зная, что жена, братъ, сестра и невѣстка въ эту же самую минуту находятся въ величайшей опасности. Затѣмъ, тотчасъ послѣ счастливаго окончанія бѣгства, онъ былъ способенъ самымъ непринужденнымъ и легкомысленнымъ тономъ написать и напечатать разсказъ объ немъ, зная уже въ это время о роковомъ арестованіи королевскаго семейства. Годы изгнанія уходили; манера и пріемы, съ какими онъ наблюдалъ придворный этикетъ во всякомъ убѣжищѣ, были предметомъ состраданія для всѣхъ благоразумныхъ людей даже между его приверженцами. Предъ его княжескою заносчивостью даже молодой герцогъ Орлеанскій кажется человѣкомъ съ возвышенной душой, который не пренебрегъ низойти въ другое человѣческое положеніе и сдѣлаться здѣсь полезнымъ. Претендента постигли еще болѣе трагическіе перевороты въ его судьбѣ, но и они безслѣдно прошли мимо его. Первое пребываніе его въ Митавѣ было для него временемъ цвѣтущаго счастія; герцогъ Орлеанскій примирился здѣсь съ своимъ семействомъ; дочь Маріи Антуанеты вступила въ бракъ съ принцемъ Ангулемскимъ; связи съ Артуа черезъ это укрѣпились еще болѣе. Затѣмъ счастливая русско-австрійская война 1799 года подавала свѣтлыя надежды; вся Европа ожидала скораго возстановленія Бурбоновъ, а Людовикъ дѣлалъ уже проекты управленія и писалъ инструкціи для своего „предтечи" Артуа; событія, казалось ему, „ускоряли" его возстановленіе. Возвращеніе Бонапарта изъ Египта и перемѣна въ расположеніяхъ и политикѣ императора Павла повергли его, послѣ этого счастія, въ самое горькое разочарованіе. Онъ долженъ былъ оставить Митаву среди зимы, въ годовщину казни Людовика XVI. Въ пять дней зимняго пути онъ проѣхалъ среди мятелей и снѣговъ въ Мемель: веселое оперное пѣніе не раздавалось на этомъ пути, только воспоминаніе о высоко-трагическомъ твореніи древности сдѣлало то, что странствующій Эдипъ съ этихъ поръ назвалъ свою спутницу, герцогиню Ангулемскую, которая должна была заложить свои брилліанты въ Мемелѣ, своею Антигоною. Въ Парижѣ скоро послѣ этого продавали трогательное изображеніе этого путешествія. Но и эти несчастія, даже вынужденное впослѣдствіи отреченіе отъ всего, когда была основана имперія во Фран-

ціи, не произвели на претендента никакого исправительнаго вліянія. Неуклюжее тѣло, непоколебимая флегма и недостатокъ страстности давали ему это спокойствіе духа и терпѣніе, которыя такъ рѣдко встрѣчаются въ изгнанникахъ; искусствомъ удалять отъ себя непріятныя мысли онъ съ равнымъ успѣхомъ пользовался какъ въ важныхъ, такъ и въ ничтожныхъ случаяхъ. Въ письмахъ, которыя онъ писалъ (1810—11) своему любимцу д'Аварей, лечившемуся на островѣ Мадерѣ, все доказываетъ, что авторъ ихъ съ педантическою точностью занимался мелочными насущными заботами; пережитыя имъ великія приключенія не сообщили его душѣ возвышеннаго характера; ограниченность ума и мелочность чувства остались тѣже.

Его политическія убѣжденія.

Невѣроятно, чтобы политическія убѣжденія такого неподвижнаго человѣка когда либо значительно измѣнились, и факты показываютъ, что этого дѣйствительно никогда не случилось. Политическая роль графа Прованскаго во время революціи представляетъ его не свободно-мыслящимъ, но хитрымъ человѣкомъ, который въ искусствѣ притворяться достигъ совершенства; она подтверждаетъ изреченіе кардинала Мари, который назвалъ его вѣроломнѣйшимъ изъ всѣхъ французовъ, привыкшимъ обманывать самаго себя и другихъ. Это обыкновенное явленіе,—что въ трудныя времена отдаленнѣйшіе претенденты на престолъ притворяются либералами и демократами по естественному побужденію, чтобы на всякій случай сохранить престолъ хоть одному изъ членовъ династіи. Такимъ же образомъ и графъ Прованскій по честолюбію и разсчету уже при первыхъ признакахъ революціи держалъ себя въ особенномъ положеніи, хитрѣе, чѣмъ король, не такъ плебейски, какъ герцогъ Орлеанскій и не такъ аристократически, какъ Артуа. Онъ думалъ показать демократическій образъ мыслей, когда въ 1787 г. не одобрилъ эдиктовъ о налогахъ, которыхъ правительство требовало отъ парламента, и въ 1788 г., когда онъ подалъ голосъ за такъ называемое удвоеніе средняго сословія. Но и этотъ голосъ былъ поданъ въ мнимомъ интересѣ двора, на ошибки котораго Людовикъ горько жаловался въ послѣдствіи. Его мнимая любовь къ народу не помѣшала ему однакожъ еще въ 1789 составить, вмѣстѣ съ авантюристомъ Фаврасомъ, планъ бѣгства короля, за который Баро обвинилъ его въ національномъ собраніи;

Лафайетъ узналъ тогда, что онъ сначала не старался даже скрывать свое участіе въ этомъ дѣлѣ [33]). Уже по внушенію Мирабо онъ рѣшился дѣйствовать хитрѣе, сталъ чваниться въ городской ратушѣ своими демократическими принципами, отрекся отъ бѣднаго Фавраса, и въ холодной безчувственности обрекъ его на висѣлицу. Но, переѣхавъ благополучно границу, этотъ революціонный ораторъ городской думы, принимавшій у себя до сихъ поръ Баррера и Робеспьера, считалъ себя счастливымъ въ первый же спокойный день послѣ 20 мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ каждое утро начиналось для него какою либо ужасною сценою. Когда эмигранты начали свои дѣйствія, исконные раздоры Бурбонскаго семейства продолжались и на чужбинѣ; но несогласія между Людовикомъ и Артуа происходили изъ за средствъ и людей; политическія убѣжденія, за которыя они боролись, были у нихъ одинаковы. Взгляды на современныя событія и ихъ значеніе также были одинаковы у обоихъ; и они, по свойству всѣхъ ограниченныхъ умовъ, величайшія событія производили отъ самыхъ мелкихъ причинъ. Графъ Прованскій столь же мало, какъ и Артуа, способенъ былъ понимать требованія времени и видѣть ту необходимость, которая заключалась въ общемъ и цѣломъ ходѣ событій; онъ съ большею готовностію подчинялся въ данную минуту необходимости, вытекавшей изъ частныхъ, окружавшихъ его, обстоятельствъ. Поэтому онъ въ 1792 г. вмѣстѣ съ Артуа дѣлалъ всѣ тѣ безумные шаги, которые погубили ихъ брата и ихъ дѣло; но затѣмъ онъ скромно ограничился болѣе спокойною дѣятельностью. Съ этого времени можно въ цѣломъ рядѣ фактовъ прослѣдить, какъ вопреки всѣхъ испытаній мрачное монархическое суевѣріе долго оставалось въ немъ неизмѣннымъ, и хотя потомъ нѣсколько прояснилось, но и то вслѣдствіе сильнѣйшихъ понужденій и только наружно; во внутреннемъ убѣжденіи короля оно нисколько не измѣнилось. Во всѣхъ своихъ прокламаціяхъ въ 1792—95 годахъ онъ твердо держится „стараго государственнаго устройства“ и отеческаго правительства бурбонской Франціи. Это государственное устройство, сложившееся изъ безсвязныхъ указовъ и учрежденій многихъ вѣковъ, и дѣйствовавшее не постоянно, но съ большими перерывами въ разные безсвязные періо-

[33]) Lafayette, mémoires 2, 322. 6, 19.

ды — называлъ онъ образцовымъ произведеніемъ мудрости, которое должно быть возстановлено во что бы то ни стало. Такъ онъ выражался особенно въ воззваніи отъ 1795 г., по случаю смерти Людовика XVII, на которое онъ постоянно указывалъ какъ на свой дѣйствительный и полноправный манифестъ. Отеческое правленіе, еслибъ оно въ то время было возстановлено, возобновило бы привиллегіи высшихъ классовъ, не признало бы продажу національныхъ имуществъ, и дало бы полную свободу „мести“ противъ главныхъ преступниковъ [34]). Таково было бы оно въ дѣйствіи; но каковымъ оно было въ теоріи—можно опредѣлить еще точнѣе. Въ 1795 г. извѣстный своими приключеніями Калонъ опубликовалъ сочиненіе [35]), которое навлекло на него немилость Бурбоновъ; здѣсь, указывая на прокламацію Людовика о сохраненіи стараго порядка, онъ прямо отвергаетъ всѣ прежнія учрежденія Франціи, даже включая сюда и законъ салическій, и объявляетъ врагами Бурбоновъ тѣхъ, которые не настаиваютъ на коренномъ измѣненіи стараго порядка. Съ этого времени люди въ родѣ Бональда, де-Местра, д'Антрага и др. образовали около Бурбоновъ новую для 19 вѣка важную литературу патріархіи и деспотіи, какъ нѣкогда школа Сомеза и Гоббеса образовалась около Стюартовъ [36]). Въ противоположность Калону, де Местръ въ своихъ „Размышленіяхъ о Франціи“ (1796) выхвалялъ короля за его приверженность къ старому порядку и за неопредѣленность его обѣщаній относительно улучшенія нѣкоторыхъ злоупотребленій. Это было совершенно въ духѣ Людовика, который считалъ слабостью и неблагоразуміемъ отмѣнять даже дѣйствительно вредныя постановленія, если они не нравились народу; потому что это дало бы народу власть даже надъ жизнію короля, еслибъ онъ ему не понравился. Около 18 Фруктидора король старался по возможности распространить эту книгу во Франціи. Но онъ не удовольствовался однимъ этимъ пораженіемъ непріятеля въ его собственномъ лагерѣ; онъ еще заставилъ человѣколюбиваго Монтіона писать противъ Калона; „Донесеніе Людовику XVIII“ Монтіона появилось въ 1796. Но онъ

---

[34]) Письмо Людовика къ Пишегрю отъ 4 мая 1796.

[35]) Tableau de l'Europe en Novembre 1795.

[36]) Бональдъ писалъ тогда свою Théorie du pouvoir pol. et relig. 1796, и де-Местръ свои Considerations sur la France, и др.

именно настаивалъ на реформы, которыхъ не хотѣлъ де Местръ; между прочимъ онъ требовалъ правильнаго созванія государственныхъ сословій; за это Людовикъ смотрѣлъ на него, какъ на нововводителя. Сенъ-При предложилъ ему перо Малле дю Пана, но онъ и этого отвергъ, какъ нововводителя. Даже самъ престарѣлый Сенъ-При, который былъ совершенно въ духѣ Людовика, кроткій по требованію обстоятельствъ, но деспотъ въ сердцѣ, и тотъ въ одномъ отзывѣ своемъ объ устройствѣ правленія (1799) объявилъ себя противъ стараго порядка и назвалъ разрушеніе этой старой машины заслугою національнаго собранія. Даже ближайшіе друзья возставали противъ малодушія Людовика, которое онъ обнаружилъ именно въ то время, когда (1799) всѣ предполагали возможность реставраціи. Къ нимъ присоединился кавалеръ де ла Кудрей, который (1799) обратился къ проекту конституціи, изложенному въ запискѣ (Cahiers) дворянству Пуату отъ 1789. Этотъ проектъ Людовикъ самъ объяснялъ тогда въ сохранившемся и теперь его сочиненіи [37]); въ этомъ свободномъ сочиненіи, написанномъ безъ насильственнаго вліянія союзниковъ и помощниковъ короля, можно видѣть самыя искреннія мнѣнія короля въ минуту ожидавшейся тогда реставраціи; это сочиненіе вылилось изъ сердца абсолютизма, такъ что его можно считать исповѣдью и выраженіемъ всякаго патріархизма, и Наполеоновскаго, и Прусскаго и Австрійскаго. Въ немъ старое государственное устройство, — подобно тому, какъ долго дѣлалось въ Пруссіи,—представляется знаменемъ всякаго истиннаго патріота; все что составляетъ идею представительства, опредѣленіе королевскихъ расходовъ, отвѣтственность министровъ, измѣненіе бюджета, опредѣляемые сроки для должностей, подача голосовъ поголовно, а не по сословіямъ, — все это приводило претендента въ ужасъ; подобно Наполеону, онъ находилъ англійскую конституцію несообразною съ характеромъ французовъ и съ необходимостью содержать многочисленную армію. Король Англіи есть въ его глазахъ только какой-то полу-государь; по его мнѣнію король имѣетъ несомнѣнное право не созывать государственныхъ сословій даже въ продолженіи всего своего царствованія. Во всѣхъ составленныхъ имъ тогда инструкціяхъ онъ выхо—

---

[37]) Doisy, manuscrit inédit de Louis XVIII. 1839. Въ прибавленіи напечатана большая часть мелкихъ отрывковъ, на которые мы ссылаемся въ текстѣ.

дилъ изъ того общаго положенія, „что должно вырвать съ корнемъ всѣ принципы революціи“; въ частности онъ ничѣмъ не хотѣлъ обезпечить новыхъ собственниковъ, и ужъ много что соглашался на вознагражденіе со стороны прежнихъ владѣльцевъ тѣмъ лицамъ, которыя купили національныя имущества. Только когда Наполеонъ принялъ императорскій титулъ, претендентъ рѣшился покориться необходимости и сохранить по крайней мѣрѣ то, что при новой династіи утвердилось окончательно и чего никакъ нельзя было уничтожить. Въ Кольмарѣ онъ вмѣстѣ съ Артуа составилъ прокламацію[1], обнародованную изъ Митавы, въ которой въ первый разъ была обѣщана всеобщая амнистія, сохраненіе мѣстъ и окладовъ, свобода и равенство лицъ, обезпеченіе всякой собственности и защита всѣхъ интересовъ безъ исключенія. При этомъ особенно бросается въ глаза то обстоятельство, что мысли, которыя король высказывалъ въ 1799 году, въ виду ожидаемаго и скораго исполненія его намѣреній, были гораздо искреннѣе, нежели тѣ, которыя онъ высказывалъ теперь, когда его мечты были разсѣяны, надежды слабы и когда ему нужно было не скупиться на обѣщанія. Уже въ 1814 г., когда дѣйствительно дѣло шло объ окончательномъ возстановленіи Бурбоновъ, даже Меттернихъ жаловался, что король по прежнему высказывается слишкомъ двусмысленно по вопросу о національныхъ имуществахъ. Также точно, давая указанныя выше обѣщанія 1804 года и соглашаясь повидимому на уступки, Людовикъ ни на минуту не оставлялъ своихъ узкихъ монархическихъ предразсудковъ. Въ письмахъ его къ д'Аварею [38]) особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи то мѣсто, гдѣ онъ порицаетъ кортесовъ за то, что они не хотѣли, чтобы Фердинандъ возвратился на царство при помощи Наполеона, похитителя его собственнаго, французскаго трона, — потому что, по мнѣнію Людовика, они въ этомъ актѣ народнаго господства хотя и заступаются за права его, чужаго короля, но за то нарушаютъ этимъ права своего собственнаго короля, противясь его волѣ. Такого образа мыслей держался Людовикъ XVIII всегда, даже въ то время, когда онъ игралъ роль добросовѣстнаго исполнителя хартіи; это было, только въ обратномъ

[1] Отъ 2 дек. 1804.

[38]) Correspondance privée et inédite de Louis XVIII. Brux. 1830.

отношеніи, тоже самое, какъ еслибъ онъ, имѣя убѣжденія Вольтера, аккуратно каждый день ходилъ къ обѣднѣ.

Хартія Людовика XVIII.

Послѣ этой предварительной абсолютистической исторіи Людовика XVIII, намъ будетъ вполнѣ понятна его дальнѣйшая конституціонная исторія съ первыхъ дней ея. Императоръ Александръ имѣлъ основательныя причины не довѣрять королю въ дѣлѣ конституціи, такъ же какъ и графу Артуа. Онъ не заключалъ парижскаго міра[1] (къ которому мы еще возвратимся) до тѣхъ поръ, пока не была гарантирована конституція и пока не дано было положительнаго обѣщанія собрать палаты.[1] Въ день открытія палатъ хартія Людовика XVIII была прочтена и тотчасъ приведена въ дѣйствіе, въ томъ видѣ въ какомъ она была составлена на основаніи министерскаго проекта въ пяти засѣданіяхъ коммиссіи, состоявшей изъ нарочно выбранныхъ для этого депутатовъ отъ короля, сената и законодательнаго корпуса. Въ сравненіи съ основными чертами сенатской конституціи, хартія, составленная только два мѣсяца спустя послѣ нея, по своему духу и содержанію отстала отъ нея, такъ сказать, на два столѣтія политическаго развитія и опыта. Сенатскую конституцію, по которой народъ свободно призывалъ короля, должны были предложить королю представители народа и взять съ него присягу на вѣрность ей. Хартія напротивъ была, какъ говорится въ ея введеніи, „пожалована, принята и одобрена королемъ Божіею милостію,“ и присягать ей должны были только палаты. Хартія, какъ обѣщалъ самъ король въ манифестѣ изъ Сентъ-Уэна, имѣла быть представлена обѣимъ палатамъ только какъ проектъ, но, не смотря на это, теперь она прямо была издана какъ законъ (этой произвольной мѣрой началось новое правленіе). Такое представленіе сдѣлало бы хартію договоромъ, съ правами и обязательствами, какъ оно предполагалось съ сенатской конституціей; но по мнѣнію двора она должна была быть свободнымъ даромъ короля, „который, въ полномъ обладаніи своими наслѣдственными правами на прекрасное королевство, могъ свободно пользоваться своею властію, полученною имъ отъ Бога и предковъ, и самъ только могъ установлять предѣлы своей власти,“ которые онъ поэтому могъ во всякое время измѣнить или расширить. На сенатскую конституцію можно было смотрѣть какъ на законное признаніе государственныхъ понятій и учрежденій революціи; хартію

[1] Отъ 30 мая 1814.

[1] Къ 4 іюню.

же канцлеръ д'Амбрей назвалъ въ рѣчи при открытіи палатъ „правительственною реформою“, которую слѣдуетъ считать прибавленіемъ къ „старому государственному устройству“ Франціи, въ которомъ все то, что не было положительно отмѣнено, должно сохранить свою силу. Какъ титулъ Людовика въ наслѣдственномъ порядкѣ, такъ точно и хартія въ законодательствѣ должна была связать разорванную „цѣпь временъ“, чтобы уничтожить славный промежуточный періодъ Франціи, который д'Амбрей, какъ бы угрожающимъ тономъ, называлъ эпохою всякаго зла, общаго разстройства и ложныхъ началъ. Поэтому все, что въ сенатской конституціи отзывалось новыми политическими понятіями, было уничтожено хартіею. Въ первомъ ея проектѣ не было рѣчи о бюджетѣ двора (liste civile), и Клоссель де Куссергъ, принимавшій существенное участіе въ ея составленіи, едва успѣлъ провести этотъ способъ содержанія королевскаго двора, вмѣсто предложеннаго территоріальнаго содержанія. По сенатской конституціи палаты имѣли право собираться къ первому октября, по хартіи ихъ созывалъ король; по положенію первой онѣ сами выбирали себѣ президентовъ, а по хартіи президенты назначались королемъ. По конституціи обѣ палаты имѣли право предлагать законы, по хартіи же, только въ случаѣ согласія обѣихъ палатъ, они должны были просить у короля разрѣшенія на предложеніе законовъ; королю, вмѣсто права н е с о г л а ш а т ь с я на новый законъ (veto), какъ въ Англіи, было предоставлено право также и п р е д л а г а т ь законы отъ одного своего лица. Въ основаніи этихъ несостоятельныхъ узаконеній, придуманныхъ королемъ, которыя вездѣ выставляли на первомъ планѣ его личность и стѣсняли законодательство и администрацію, лежала задняя мысль низвести палаты въ положеніе стараго парламента и ограничить власть ихъ простымъ регистрированіемъ (внесеніемъ въ книгу) законовъ и правомъ представлять возраженія. На бюджетъ непредвидимыхъ расходовъ король долженъ былъ согласиться, — сенатская конституція предписывала предложеніе его въ началѣ засѣданія, король это вычеркнулъ; при этомъ онъ назвалъ предложеніе бюджета „закономъ о налогахъ“, — что даже старокоролевская партія нашла противнымъ старофранцузскимъ понятіямъ. Всѣ постановленія о сенатѣ, не исключая даже и названія его, измѣнены были совершенно. Согласно сенатской конститу-

ціи число наслѣдственныхъ сенаторовъ было ограничено 200, по хартіи же король назначаетъ „перовъ“ въ неопредѣленномъ числѣ — наслѣдственныхъ и пожизненныхъ. Сенатъ, въ видахъ сохраненія своего корпоративнаго состава, хотѣлъ, чтобы король оставилъ всѣхъ прежнихъ членовъ; но при дворѣ месть требовала по крайней мѣрѣ нѣкотораго удовлетворенія: прежнее жалованье сенаторамъ было отмѣнено, осудившіе Людовика XVI (цареубійцы), рѣшительные бонапартисты и республиканцы между сенаторами, числомъ 53, были исключены изъ сената, а на ихъ мѣстѣ явились духовные сановники, дворяне древнихъ фамилій и эмигранты, которые всѣ праздновали теперь свое политическое возрожденіе. По конституціи министры были отвѣтственны за всякое нарушеніе закона, по хартіи же только за измѣну королю и за подкупы. Конституція предполагала продолженіе существовавшаго порядка выборовъ, хартія же придумала новыя постановленія, сдѣлавшія необходимымъ новый выборный законъ. По конституціи судьи высшихъ инстанцій должны были избираться королемъ изъ трехъ кандидатовъ, предложенныхъ самыми же судьями, а по хартіи король самъ ихъ назначалъ. Далѣе, во всѣхъ законахъ, на которые король согласился неохотно и по необходимости, лежали уже зародыши несогласія и поводы къ ихъ ограниченію и уничтоженію. По конституціи всѣ особые чрезвычайные суды должны были быть уничтожены, хартія же исключила отсюда превотальные суды, на случай еслибъ возстановленіе ихъ оказалось необходимымъ, — а рѣшать эту необходимость думало конечно одно только правительство. Сохраненіе суда присяжныхъ было обѣщано, но имѣлись въ виду измѣненія въ немъ. Свобода и равенство вѣроисповѣданій и богослуженія были подтверждены, но въ видѣ противорѣчія этому осталось объявленіе католической вѣры государственною, господствующею вѣрою. Свобода прессы была дана, но только, какъ сказано въ первомъ проектѣ хартіи, въ предѣлахъ законовъ, которые должны предупреждать и карать ея злоупотребленія (prévenir et réprimer); возраженія, которыя были сдѣланы противъ этого въ коммиссіи, составлявшей хартію, устранены были наивнымъ замѣчаніемъ Монтескье, который назвалъ эти два выраженія не только непротиворѣчащими, но и однозначащими. Хартія въ 15 статьѣ своей установила раздѣленіе законодательной власти между коро-

лемъ и палатами; въ статьѣ же 14 предоставлялось королю право „дѣлать распоряженія, необходимыя для поддержанія законовъ и для безопасности государства". Отъ огня этихъ распоряженій, служившихъ горниломъ закона, говорилъ Беранже, могъ вспыхнуть и самый законъ. И дѣйствительно эта именно пресловутая статья впослѣдствіи погубила старшую линію Бурбоновъ; нелѣпость этой статьи была сначала незамѣчена или преднамѣренно оставлена безъ вниманія въ оффиціальной коммиссіи, но потомъ вскорѣ ее сознали даже люди, расположенные къ Бурбонамъ и гласно указывали на эту статью, какъ на постановленіе, которое прямо уничтожало основы конституціи [39]).

Начало парламентской дѣятельности.

Всѣхъ этихъ недостатковъ и заднихъ мыслей хартіи не замѣчало сначала общественное мнѣніе. Радуясь новому пріобрѣтенію, не обращали вниманія на его недостатки; въ августѣ, въ палатѣ перовъ Мальвиль сказалъ : друзья порядка согласились умышленно набросить завѣсу на ошибочныя основныя начала хартіи. Самая дружная предупредительность въ денежныхъ вопросахъ, добровольное принятіе 30 милліоновъ долга королевской фамиліи, щедрость въ бюджетѣ двора и въ назначеніи доходовъ для него (33 милліона), все это показывало, что враждебной оппозиціи не существовало. Второй палатѣ, бывшему законодательному корпусу, недоставало привычки къ свободнымъ дебатамъ и парламентской практикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и охоты къ нимъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ (вслѣдствіе задержанной инициативы) не было предложено ни одного важнаго закона, ни одного необходимаго дополненія къ законамъ о выборахъ, объ отвѣтственности и т. п. Но при первыхъ же важныхъ законодательныхъ предложеніяхъ оказалось, что правительство, какъ это уже видно было изъ самой хартіи, не хочетъ идти прямымъ путемъ честности и правды, что толкованіями и дополненіями ея оно хочетъ еще болѣе уменьшить то, что и безъ того дано было въ маломъ количествѣ. Первымъ предложеніемъ былъ порядокъ занятій второй палаты. Министръ представилъ это предложеніе какъ простое распоряженіе, и, вопреки конституціонному порядку, рѣшилъ, что оно не требуетъ разсмотрѣнія. Предложенный затѣмъ проектъ закона о печати[1] былъ про-

[1] Отъ 5 іюля.

---

[39]) Напр. Монтлозье, monarchie française 1815. 1817, стр. 65.

сто отмѣненіемъ статьи хартіи и королевскаго слова, обѣщавшихъ свободу прессы; проектъ закона утвердилъ навсегда уже прежде введенную цензуру и объявилъ неподлежащими ей только тѣ книги, которыя заключаютъ въ себѣ около 30 печатныхъ листовъ. Борьба за великіе основные вопросы конституціи, которой охотно избѣгала и сама оппозиція, была такимъ образома вызвана: Буаси д'Англа предупреждалъ въ палатѣ перовъ—не подражать примѣру всѣхъ правительствъ Франціи послѣднихъ 20 годовъ, при которыхъ даны были много конституцій, и всѣ онѣ въ первый же день своего существованія были нарушены. Краснорѣчіе, смѣлость, сопротивленіе палатъ, страсти внутри и внѣ палатъ, любовь народа къ палатамъ—все было вызвано однимъ этимъ закономъ. Уничтоженіе единственной либеральной статьи хартіи со стороны правительства, имѣвшаго въ рукахъ такую силу, слишкомъ ясно обнаружило скрытную злонамѣренность абсолютизма. Законъ этотъ былъ уничтоженъ въ общественномъ мнѣніи прежде, чѣмъ былъ изданъ; составитель и защитникъ его Гизо, въ то время услужливый помощникъ Монтескье, никогда не могъ загладить пятна, которое этотъ законъ положилъ на его имя. Коммиссія второй палаты отвергла его; министры должны были сдѣлать уступку и освободили отъ цензуры книги въ 20 листовъ и сочиненія самихъ членовъ палаты, удерживая остальныя постановленія только какъ временный законъ на два года; но и при этомъ осталось еще въ обѣихъ палатахъ сильное меньшинство противъ закона. Послѣ разсмотрѣнія
¹ 13 сентября. закона о печати, Ферранъ представилъ¹ свой проектъ закона о возвращеніи непроданныхъ имѣній эмигрантамъ. Въ принципѣ проектъ этотъ нашелъ мало противниковъ, тѣмъ болѣе, что и прежде были примѣры подобныхъ распоряженій. Если революція (1790), по предложенію Марсанъ-де-Фортжюліана, возвратила имущества эмигрировавшимъ протестантамъ, отнятыя у нихъ сто лѣтъ тому назадъ (1689) по королевскому приказанію и оставшіяся неотчужденными, а только причисленными къ короннымъ имуществамъ,—то и теперь королевская власть могла возвратить имѣнія эмигрировавшихъ во время революціи дворянъ. Уже во время консульства и имперіи, на сколько это было возможно, отдавали назадъ имущества возвращавшимся эмигрантамъ. Главная бѣда при этомъ состояла въ томъ, что тѣ, коихъ имущество было продано, не получали за него никакого вознаграж-

денія. Наполеонъ задумалъ поэтому въ 1802 г. соединить всѣ нераспроданныя имѣнія вмѣстѣ, и потомъ раздѣлить ихъ пропорціонально между возвращавшимися эмигрантами; теперь не нашлось бы человѣка, который могъ бы осуществить это. Предложенный законъ имѣлъ своекорыстный характеръ уже тѣмъ, что онъ прежде и болѣе всего удовлетворялъ ближайшихъ родственниковъ короля, такъ какъ изъ 350,000 гектаровъ лѣса, которые главнымъ образомъ и составляли неотчужденныя имѣнія, почти половина доставалась герцогамъ Орлеанскому и Конде. Обѣ палаты безъ сопротивленія приняли этотъ законъ, но не безъ сильныхъ нападокъ на заднюю мысль, предполагать которую у двора и правительства подалъ поводъ самъ министръ, предложившій законъ. Съ самою неловкою неопредѣленностью онъ высказывалъ мысль о вознагражденіи всѣхъ эмигрантовъ, какъ будто даже и о возвращеніи тѣхъ имѣній, которыя были уже проданы: предложенный законъ, говорилъ онъ „признаетъ право собственности, которое никогда и не прекращалось, и даетъ новому введенію во владѣніе законную силу;“ король сожалѣетъ, что онъ не можетъ дать этому дѣйствію справедливости того объема, какой бы ему хотѣлось; истощеніе страны удерживаетъ короля отъ „крайней щедрости;“ но настанутъ лучшіе дни, когда можно будетъ не дѣлать никакихъ горестныхъ исключеній. Впечатлѣніе этой рѣчи министра было таково, что 5% государственныя бумаги въ нѣсколько дней упали съ 78 на 72, и что національныя имѣнія уступались за половину своей цѣны. Въ верхней палатѣ Макдональдъ въ это время положилъ основаніе позднѣйшему закону о вознагражденіи, который былъ выполненъ десять лѣтъ спустя, когда роялизмъ находился въ полнѣйшей силѣ. Предложеніе его, оставленное безъ разсмотрѣнія проистекало изъ честныхъ намѣреній. Онъ какъ будто хотѣлъ дать министрамъ примѣръ, какъ должно предлагать такого рода мѣры, безъ всякой тѣни пристрастія, какъ успокоеніе для владѣтелей проданныхъ имѣній, а не какъ устрашеніе.

Претензіи и намѣренія роялистовъ.

Предложеніе этого закона, а особенно способъ его мотивированія возбудили всеобщее безпокойство и заставляли опасаться тайныхъ намѣреній правительства и слишкомъ явныхъ цѣлей роялистской и ультра-роялистской партій, которымъ предложеніе это, казалось, тайно покровительствовало. Безпрестанно читали тогда въ

газетахъ преувеличенныя и вымышленныя извѣстія о соглашеніяхъ между старыми и новыми владѣльцами національныхъ имуществъ, возбуждавшія величайшія опасенія. Извѣстно было, что король думалъ однажды вознаградить старыхъ владѣльцевъ нѣкоторой платой со стороны купившихъ имѣнія; можно было опасаться, что онъ сдѣлаетъ изъ этого систему, которая была бы величайшею несправедливостью, потому что имѣнія по большей части перешли въ другія и нерѣдко въ десятыя руки. Были эмигранты, которые отвергали даже и такое вознагражденіе,—такъ они были увѣрены въ томъ, что получатъ обратно свою собственность. Во второй палатѣ Ригодьеръ отвергалъ законъ Феррана, потому что возвращеніе всѣхъ имуществъ эмигрантовъ есть дѣло не закона, а королевскаго приказанія: это былъ звонкій отголосокъ тайныхъ желаній упорныхъ контръ-революціонеровъ въ Marais и на Isle St. Louis, враговъ ученія о давности, которые считали недѣйствительнымъ все совершившееся въ послѣдніе 25 лѣтъ. Одинъ священникъ въ Савенѣ (нижней Луарѣ) объявилъ съ каѳедры, что новые владѣльцы національныхъ имуществъ, которые не отдаютъ ихъ назадъ, будутъ имѣть участь Іезавели и будутъ пожраны собаками. Вслѣдствіе такого фанатизма духовныхъ лицъ, которыя во множествѣ являлись судьями и противниками новыхъ порядковъ, и еще болѣе вслѣдствіе ихъ тайнаго вліянія, прежнія церковныя имущества особенно сильно упали въ цѣнѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старое дворянство не довольствовалось полученіемъ обратно своихъ имуществъ; оно требовало еще возстановленія всѣхъ отмѣненныхъ привилегій стараго времени. Подобныя притязанія высказывались въ палатахъ открыто, а другія, еще болѣе несправедливыя, до времени хранились въ тайнѣ. Когда шло дѣло объ уплатѣ долговъ, сдѣланныхъ во времена Наполеона, были горячія головы, которыя хотѣли, чтобы открытые Бонапартисты половиною своего достоянія поплатились за это раззореніе, которое ихъ герой причинилъ странѣ; они хотѣли даже, чтобы всѣ тѣ, которые до 1789 г. жили бѣдно и потомъ пріобрѣли большое состояніе, возвратили бы все пріобрѣтенное ими за малое вознагражденіе! Вмѣстѣ съ этими угрозами, относившимися къ большей части всего населенія, высказывались гораздо сильнѣйшія угрозы, направленныя противъ политическихъ дѣятелей прежняго времени. Въ де-

кабрѣ въ королевскомъ дворцѣ читались предложенія, требовавшія суда надъ „цареубійцами"; роялисты открыто и съ угрозами говорили, что правительство строго накажетъ этихъ и всѣхъ другихъ преступниковъ, какъ скоро оно получитъ большую силу. Угрожая прежнимъ дѣятелямъ и унижая людей, привязанныхъ къ новымъ порядкамъ, правительство въ такой же мѣрѣ неблагоразумно возвышало всѣхъ ихъ противниковъ. Король, такъ раздраженный противъ убійцъ своего брата, пожаловалъ[1] семейству Кадудаля дворянство съ почестями и преимуществами этого званія (которыя были отмѣнены и не возстановлены), — того самаго Кадудаля, который покушался убить Наполеона. Газета „Censeur" занялась по этому поводу изслѣдованіемъ вопроса, — дозволено-ли тираноубійство, которое, судя по этому акту, казалось правительству даже заслугою. По предложенію министровъ награждены были орденами Шуанскіе предводители, которые извѣстны были какъ разбойники; это вызвало въ Реннѣ[1] волненія, заставившія министерскихъ чиновниковъ бѣжать изъ города. Статуя Наполеона была низвержена; убитымъ же въ Киберонѣ, которые сражались противъ Франціи, военный министръ Сультъ, въ своей роялистической ревности, предложилъ воздвигнуть памятникъ. Служили торжественныя панихиды въ память Моро, Пишегрю, Кадудаля и др., ибо соумышленники послѣдняго, Полиньяки, изъ коихъ одинъ былъ тогда приговоренъ къ смерти и помилованъ Наполеономъ, были теперь въ силѣ. Такимъ же образомъ праздновались по порядку всѣ дни, въ которые были казнены сестра, братъ и супруга Людовика XVI. На мѣстѣ казни самаго Людовика XVI назначено было воздвигнуть памятникъ; день его кончины[1] назначенъ былъ днемъ всеобщаго покаянія; въ этотъ день вырыты были кости королевской четы и это было названо торжествомъ, „которое составитъ важную эпоху въ исторіи" [40]). Народъ смотрѣлъ на возвращеніе двора къ прежнему ханжеству съ тѣмъ большимъ неудовольствіемъ, что объ руку съ этимъ ханжествомъ стали появляться скандальныя исторіи, къ которымъ такъ

[1] 12 октября.

[1] въ янв. 1815

[1] 21 января.

---

[40]) Многіе сомнѣвались, чтобы эти кости принадлежали королю и королевѣ; Шатобріану, правда, черепъ королевы напомнилъ, по его словамъ, ея характеристическую улыбку. Mém. d'Outre-tombe.

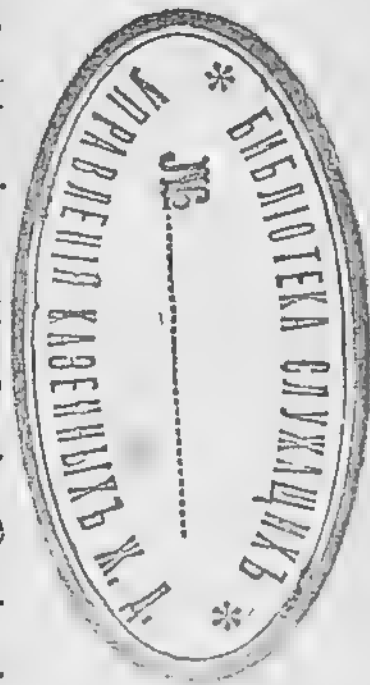
привыкли при старомъ дворѣ: въ день возобновленнаго церковнаго праздника св. Людовика[1] королевская фамилія шла по улицамъ съ восковыми свѣчами въ рукахъ за образомъ святой Дѣвы. Это возстановленіе обрядовъ, уже забытыхъ народомъ, оживленіе грустныхъ для него воспоминаній, униженіе великаго прошедшаго революціи и имперіи, мелочныя обиды тамъ, гдѣ невозможна была кровавая месть, безпорядочныя дѣйствія правительства, которое было слабо до того, что сдѣлалось орудіемъ горсти ограниченныхъ и страстныхъ людей, — все это болѣе и болѣе раздражало общественное мнѣніе. За нѣсколько времени до дня празднованія смерти Людовика XVI, одно обстоятельство ясно обнаружило, съ какими чувствами большинство встрѣтитъ этотъ праздникъ: когда священникъ прихода св. Роха, Мардуэль, отказался служить панихиду при похоронахъ актрисы Ракуръ, ненависть народа къ священникамъ выразилась настоящимъ возстаніемъ; двери церкви близь Тюльери были выломаны, и король долженъ былъ послать одного изъ своихъ священниковъ отслужить панихиду. Въ самый день праздника 21 января, во время траурнаго шествія, когда украшенія катафалки случайно зацѣпились за веревку одного фонаря, изъ толпы, остававшейся вообще равнодушною, послышались, прямо противоположныя цѣли торжества, веселые крики: на фонарь!

25 авг. 1814.

Положеніе партій.

Всѣ эти явленія указываютъ на одну цѣль: духовенство по большей части хотѣло возвратиться къ средневѣковому мраку, дворянство—къ своимъ феодальнымъ порядкамъ, дворъ — къ своему прежнему самовластію. Въ королѣ хвалили, правда, умѣренность, которая была только слабостью; обыкновенно такъ легко смѣшиваютъ необходимость, которой подчинены и короли, съ ихъ волею, которой будто бы все подчинено, — и нерѣшительность мѣръ часто принимаютъ за обдуманность и осторожность, а слабохарактерность — за умѣренность. Это было совершенно въ характерѣ короля, что онъ, въ радости отъ своего неожиданнаго счастія, сдѣлался совершенно небреженъ ко всему и только не хотѣлъ омрачить своей радости безразсудствами и безумствами ультра-роялистовъ. Но вслѣдствіе этой же небрежности онъ дозволилъ своимъ министрамъ принимать мѣры, которыя были нарушеніемъ конституціи, и ему даже нравился деспотическій старо-королевскій духъ, который обнаруживался во всѣхъ ихъ распоряженіяхъ. Онъ ни мало не

противодѣйствовалъ проискамъ Павильона Марсана, приверженцамъ Артуа и людямъ, собиравшимся въ салонѣ де ла Тремуль (de la Trémouille). Въ этихъ кружкахъ смотрѣли на дарованіе хартіи, какъ на новую революцію, какъ на родъ самоубійства роялизма; думали только о томъ, чтобы возможно скорѣе уничтожить ее, какъ Наполеонъ—конституцію VIII года. Вся эта партія могла быть опасна особенно еще потому, что къ ней пристали нѣкоторые бонапартистскіе генералы. Сультъ открыто стремился вмѣстѣ съ графомъ Бругесомъ къ ниспроверженію конституціи, а Кларкъ выразилъ въ палатѣ перовъ настоящую мысль роялистовъ въ старой формулѣ: Cy veut le roi, cy veut la loi. Цѣлью и образцомъ для этой партіи служили дѣла Испаніи, гдѣ Бурбонскій дворъ, противъ воли народа, безпощадно ниспровергъ конституцію и революцію и, посредствомъ жестокихъ наказаній и мести, кровью омылъ престолъ отъ всякихъ нововведеній. Воззрѣнія этой партіи распространяли мрачные и фанатическіе журналы: Debats, Quoditienne, Gazette, Journal royal, къ которымъ министерская газета (journal général de Françe) съ самой странной нерѣшительностью относилась то дружески, то враждебно.



Всѣ абсолютистическіе замыслы и угрозы роялистовъ, казавшіеся сначала опасными, остались пустыми словами, далекими отъ дѣла: это сдѣлало роялистовъ смѣшными, а противникамъ ихъ внушило смѣлость. Это доказываютъ уже имена тѣхъ противниковъ, которые прежде другихъ гласно заявили свои требованія. Въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ новаго правленія появились три памфлета: Грегуара, Меге де Латуша и Карно [41]), настоящихъ революціонеровъ, республиканцевъ, изъ коихъ два прямо, а по принципу и всѣ трое были цареубійцами. Первый изъ нихъ высказалъ общія воззрѣнія и требованія, гдѣ онъ выставляетъ принципъ верховной власти народа и всѣ его слѣдствія. Второй, касаясь современныхъ обстоятельствъ, нападалъ на противо-конституціонныя дѣйствія министровъ и осмѣлился защищать судей Людовика XVI въ виду всѣхъ угрозъ, направленныхъ противъ нихъ. Третій также защищалъ ихъ и вину казни короля слагалъ на самихъ эмигрантовъ, которые разжигали междоусобную войну, и которыхъ онъ и

[41]) De la constitution française de l'an 1814.—Dénonciation au roi.—Mémoire adressé au roi.

теперь обвинялъ въ томъ, что они возобновили и усилили раздоръ между партіями, которыя правительство хотѣло слить, и тѣмъ произвели то, что первоначальное одушевленіе въ пользу Бурбоновъ исчезло по прошествіи трехъ мѣсяцевъ. Это послѣднее сочиненіе произвело тѣмъ сильнѣйшее дѣйствіе, что оно было написано человѣкомъ, который находился въ особенномъ исключительномъ положеніи, и отличался болѣе гражданскими добродѣтелями мирнаго времени, чѣмъ суровостью и страстностью революціи,—который безукоризненно пережилъ нѣсколько великихъ переворотовъ во Франціи, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, и, счастливо избѣжавъ заносчивой гордости республиканской эпохи и презрѣнной угодливости императорскаго времени, пользовался поэтому уваженіемъ всѣхъ партій, хотя (а быть можетъ и поэтому самому) его политическій кругозоръ не былъ широкъ. Одновременно съ появленіемъ этихъ памфлетовъ, Фуше, котораго роялисты ставили наравнѣ съ авторами этихъ сочиненій, старался попасть ко двору, отъ котораго, какъ ангелъ-хранитель, удалялъ его Блакасъ. Онъ хотѣлъ привлечь къ себѣ нѣкоторыхъ роялистовъ и пріобрѣсти себѣ значеніе при содѣйствіи своего друга, министра Малуэ; онъ выразилъ свою скорбь объ осужденіи на смерть покойнаго короля предъ герцогомъ Гавре „въ изліяніи, которое было и раскаяніемъ и вдохновеніемъ“ [42]). Не смотря на все это, вліяніе его при дворѣ прекратилось; совѣты его хотя и выслушивали по временамъ, но скоро забывали ихъ. А они были рѣшительны и превосходны. Онъ хотѣлъ, чтобы были забыты всѣ прежнія преступленія и чтобы правительство воспользовалось всѣми честными, способными и талантливыми людьми временъ деспотіи, демократіи и даже времени революціоннаго бѣшенства; онъ бичевалъ то тупоуміе, которое воображало, что великія дѣянія прошедшаго изъ-за нѣсколькихъ несчастныхъ эпизодовъ необходимо предать забвенію и по возможности изгладить изъ памяти народа; онъ говорилъ, что историческія событія, а не личныя чувства должны опредѣлять принципы правительства, и что только это забвеніе личныхъ своекорыстныхъ чувствъ можетъ внушить народу довѣріе къ новому правительству.

---

[41]) Такъ сказано въ мемуарахъ, носящихъ его имя.

Въ этихъ голосахъ, которые отважились признать исторію революціи даже въ самыхъ страшныхъ явленіяхъ ея, выразилась самая рѣзкая противоположность роялистическимъ началамъ контрареволюціи; но они вовсе не были голосомъ политической партіи, которая хотѣла бы снова возвратить собственно революціонные принципы въ томъ видѣ, какъ они существовали въ эпоху революціи. Эти принципы теперь не встрѣтили бы никакого отголоска въ народѣ, они поэтому не имѣли для себя органа и въ печати. Два изъ упомянутыхъ памфлетовъ, изъ коихъ памфлетъ Карно былъ напечатанъ будто бы безъ его вѣдома, были преслѣдуемы полицейскими мѣрами, ибо однѣ личности авторовъ внушали уже страхъ двору, которому они и теперь еще казались террористами и революціонерами, потому что они прежде были таковыми. Но они уже давно возвратились къ первоначальнымъ и болѣе чистымъ началамъ революціи; даже строгіе республиканцы удовольствовались бы конституціей 1791 года, въ которой еще много было монархическаго элемента; они объявили даже, что довольны были бы и хартіей, еслибъ она только исполнялась добросовѣстно и честно. Республиканцы пристали къ конституціонной партіи англійской школы, которая собиралась въ салонахъ г-жи Сталь, ея зятя, герцога Броли, и г-жи де-Сенъ-Олэръ, изъ среды которыхъ Бенжаменъ Констанъ вынесъ свою теорію этого направленія [43]). Эта партія имѣла въ палатѣ умѣренныхъ представителей, изъ коихъ Бедошъ, Дюпонъ, Дюрбашъ, Дюмоляръ и друг. почти составляли одно лицо; въ журналистикѣ она имѣла запуганный и потому боязливый органъ въ Journal de Paris, болѣе рѣзкій въ Censeur, который для избѣжанія цензуры выходилъ томами [44]). Эта партія, спустя 15 лѣтъ, уничтожила роялизмъ; она была теперь угнетена и слаба; но ея естественная сила обнаруживалась весьма явственно для всякаго безпристрастнаго наблюдателя въ томъ сочувствіи, которое она, и только она одна, возбуждала къ себѣ со всѣхъ сторонъ. Кромѣ республиканцевъ, и бонапартисты мало по малу присоединились къ ней. Враги Наполеона въ законодательномъ корпусѣ, какъ Дэнэ, Рейнуаръ, Галуа и др. также

---

[43]) Réflexions sur les constitutions dans une monarchie constitutionelle. 1814.
[44]) Comte et Dunoyer, observat, sur divers actes de l'autorité. 1814—1815.

имѣли много общаго съ нею. Буржуазные противники дворянства, которые впослѣдствіи сгруппировались около Лафита и Перье, склонялись на ея сторону; дипломаты, которые пользовались репутаціею искусныхъ государственныхъ людей, искали въ ней опоры для себя; иностранные государи и министры также желали, чтобъ Франція шла по пути этой партіи; свѣтлыя головы между роялистами также пристали къ ней; привлечь къ себѣ такихъ людей, какъ Шатобріанъ, Гайдъ де-Невиль и подоб., было постоянною заботою конституціонистовъ; даже Монтлозье согласился, чтобы король, какъ хотѣло общественное мнѣніе, поселился во дворцѣ революціи, который съ нѣкоторыми передѣлками казался ему просторнымъ и удобнымъ. Еслибы правительство опиралось на эту среду, еслибъ оно строго утвердило ея политическіе принципы и послѣдовательно держалось ихъ,—то оно дало бы естественной силѣ этой партіи естественное развитіе и само получило бы въ ней для себя самую естественную поддержку. Эта среда образовала бы, такъ сказать, цементъ, который связывалъ бы всѣ приставшія къ ней крайнія партіи, которыя теперь напротивъ оставались разъединенными и непримиренными. Отъ этого и произошло то, что когда Шатобріанъ отвѣтилъ на памфлетъ Карно [45]), роялисты возстали противъ него, потому что онъ заявилъ себя приверженцемъ хартіи, но въ то же время и либералы были недовольны имъ за то, что, соглашаясь въ этомъ пунктѣ съ Карно, онъ все таки осыпалъ его бранью. Такимъ образомъ и въ эту эпоху опять должно было начаться то странное колебаніе между противоположными, другъ друга смѣняющими и равносильными направленіями, которое такъ часто представляетъ намъ исторія государственнаго устройства и управленія во Франціи. Противорѣчія и поводъ къ борьбѣ заключались въ самой хартіи, въ томъ смѣшеніи абсолютистическихъ и конституціонныхъ элементовъ, которое было въ ней, а еще болѣе въ отношеніи ея къ существующимъ кодексамъ законовъ и къ высшимъ правительственнымъ мѣстамъ, къ идеямъ и людямъ, остаткамъ временъ демократіи и имперіи, особенно же въ практической дѣятельности правительства. Такіе разнообразные элементы ужи-

---

[45]) Réflexions politiques sur quelques écrits du jour. 1814; предшественникъ Monarchie selon la charte

ваются въ одномъ государствѣ только тогда, когда они медленно выросли и освоились между собою, но не тогда, когда они вдругъ появляются одинъ возлѣ другаго въ такую возбужденную эпоху. Самыя противоположныя надежды, стремленія и страсти пришли въ дѣйствіе; люди четырехъ эпохъ и направленій—старые роялисты, англоконституціонисты, революціонеры и бонапартисты боролись другъ съ другомъ на одной почвѣ. Духъ бонапартистскаго направленія дѣйствовалъ въ тѣхъ личностяхъ, которыя остались при управленіи, ибо они одни обладали знаніемъ дѣлъ, котораго не могла замѣнить преданность роялистовъ; революціонная партія находила себѣ опору въ сохранившихся учрежденіяхъ революціи, конституціонизмъ соотвѣтствовалъ идеямъ времени и этимъ сохранилъ свою силу, а роялисты поддерживались вліяніемъ самой могущественной партіи; всѣ эти элементы почти съ равными силами существовали совмѣстно и враждебно одинъ другому. Правительство лавировало между всѣми этими партіями; но что оно скоро сядетъ на мель—это предвидѣли уже въ концѣ 1814 самые обыкновенные умы. Они знали, что каждая изъ противоположныхъ партій естественно должна стремиться къ тому, чтобы получить перевѣсъ и господство надъ другими, чтобы дѣйствовать независимо и опредѣлить по своимъ началамъ одну систему правленія и развивать ее послѣдовательно въ частныхъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ, которыя напередъ можно было бы угадать, зная общую систему, — это необходимое условіе, безъ котораго невозможно спокойное правильное развитіе. Что такое единство, послѣдовательность и общность правленія, даже когда правительство идетъ не либеральнымъ путемъ, гораздо лучше постояннаго колебанія и непослѣдовательности даже либеральнаго правительства, — это доказывается не только тѣмъ, что въ двадцатыхъ годахъ Франція чувствовала себя относительно лучше подъ властію систематическаго и конституціоннаго роялизма, чѣмъ прежде, — но и тѣмъ, что французскій народъ послѣ полной свободы снова выносилъ самый крайній абсолютизмъ, потому что онъ все таки послѣдовательнѣе, чѣмъ другія формы правленія.

Перемѣна въ общественномъ мнѣніи.

Перемѣна въ общественномъ мнѣніи, которое сначала было такъ доброжелательно къ Бурбонамъ, совершилась еще осенью. Съ обновленнымъ удивленіемъ всѣ оглядывались назадъ на героическое

прошедшее, съ отвращеніемъ смотрѣли на мелочное настоящее господство пигмеевъ, и съ боязнію обращались къ неизвѣстному будущему. Отъ этихъ чувствъ не могли освободиться даже иностранцы, даже самые жаркіе противники Наполеона; во Франціи же эти чувства охватили всѣ классы. Всѣ эти чувства опасенія и недовольства были весьма естественны и понятны въ тѣхъ, которые купили національныя имѣнія и постоянно должны были бояться за свою новую собственность, въ людяхъ революціи и имперіи, которыхъ ненавидѣли и обижали, въ наполеоновскомъ дворянствѣ, которое было унижено при дворѣ, въ чиновникахъ, которые опасались лишиться своихъ мѣстъ, и въ эмигрантахъ, которые хотѣли попасть на эти мѣста, но еще не получили ихъ. Въ низшихъ классахъ память объ императорѣ сохранялась; новое правительство съ самаго начала показалось опаснымъ, когда потребовало строгаго соблюденія праздниковъ, — требованіе, которымъ обыкновенно насчинаются всѣ реакціи и которое доказываетъ ограниченность людей ожидающихъ спасенія отъ лицемѣрныхъ механическихъ обрядовъ. Народъ ненавидѣлъ это распоряженіе какъ ханжество, да еще вредное для него, такъ какъ оно было для него помѣхою въ его легкихъ праздничныхъ работахъ и промыслахъ. Среднее сословіе злилось на короля за новыя милости дворянству, въ которомъ среди старыхъ фамилій выросли, какъ грибы, многія новыя выскочки; къ тому же надменность эмигрантовъ составляла непріятный контрастъ съ ихъ образомъ жизни за границей, гдѣ они, какъ разсказывали тогда, занимали должности поваровъ и преподавателей языковъ. Старому дворянству также не могло нравиться то, что правительство вело формальную торговлю дворянскими титулами; многіе досадовали на милости, оказанныя недавно возвратившимся эмигрантамъ, и на преднамѣренное легкомысленное и опасное возстановленіе преградъ между революціонною и бурбонскою Франціею. Монтлозье высказалъ (въ началѣ 1815) мнѣніе, что если правительство Франціи не будетъ лучше, то съ Людовикомъ XVIII можетъ случиться тоже, что было съ Людовикомъ XVI въ 1789 г. Всѣ образованные люди были раздражены законами о печати и невѣжествомъ духовенства, которое особенно оказывало свое дѣйствіе на брачныя отношенія. Вскорѣ обнаружился духъ насмѣшки и порицанія, который находилъ себѣ неистощимую пищу въ продѣлкахъ роялистовъ и — что

еще хуже — они сами вызывали насмѣшки; во Франціи насмѣшка есть сильное оружіе каждой недовольной партіи и дѣлаетъ ее опасною. Для утонченной злости салоновъ—этого подводнаго камня для людей и властей во Франціи—былъ неисчерпаемый матеріалъ въ прежней жизни королевскаго брата, въ странностяхъ и ограниченности Ангулема, въ грубости его супруги, въ любовныхъ интригахъ и въ искусственной солдатской суровости герцога Беррійскаго; наконецъ личность самаго короля была предметомъ грубѣйшихъ остротъ простаго народа. Нельзя и вообразить себѣ болѣе несчастнаго контраста, какой былъ между молодцоватымъ, воинственнымъ и повелительнымъ видомъ Наполеона и неуклюжей фигурой короля, когда онъ съ обутыми въ длинные бархатные сапоги ногами, опухшими отъ подагры, напудренный и съ косою, дѣлалъ смотры войску съ балкона, сидя въ креслѣ, или во время торжественныхъ обѣдовъ показывалъ себя народу, который удивлялся тогда его прожорливости. Вмѣстѣ съ этою устною критикой пробуждалась и литература, не смотря на строгій надзоръ. Появились новыя изданія замѣтокъ объ образѣ дѣйствій Бурбоновъ въ Вандейскомъ возстаніи, которыя напечатаны были при Наполеонѣ для ихъ униженія; въ другихъ сочиненіяхъ, то политико-историческихъ, то совершенно народныхъ, старались поддерживать воспоминанія объ императорѣ. Между газетами былъ сатирическій листокъ, подъ названіемъ „желтый карликъ“, который, избѣгая политики, на словахъ льстилъ постоянно правительству и велъ маленькую войну противъ театра, газетъ и писателей, печатая самыя безобразныя каррикатуры; вдругъ онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе выдумкою ордена гасильника, и, поощряемый удачею и надеждою на доходы, обратился въ смѣлое осмѣяніе всей системы омраченія, господствовавшей въ государствѣ и церкви, и вскорѣ дошелъ до прямыхъ и очень горькихъ нападокъ на множество личностей подъ искаженными, но легко отгадываемыми именами. Но какъ бы опасны ни были эти вспышки антибурбонской мысли въ печати и въ обществѣ, гораздо опаснѣе и гибельнѣе была тихая дѣятельность этой же мысли въ войскѣ, гдѣ она сдерживалась только строгой дисциплиной.

Войско.

Воинственная гордость націи въ наполеоновское время особенно сильна была во французскомъ войскѣ. Оно гордилось тѣмъ, что было сподвижникомъ человѣка, который предоставилъ ему для

дѣятельности цѣлую часть свѣта, который потрясъ, низвергъ нѣсколько троновъ или посадилъ на нихъ героевъ изъ среды войска и наполнилъ міръ событіями, „для которыхъ была недостаточна слава цѣлыхъ столѣтій“. Это войско заслуживало отъ Бурбоновъ тѣмъ большее уваженіе, что только боязнь предъ воинственнымъ духомъ Франціи побудили европейскія державы предложить имъ такія выгодныя условія мира. Чувство собственнаго достоинства войска тѣмъ болѣе заслуживало пощады, что войско съ той минуты, когда для него были закрыты пути къ славѣ, находилось въ унизительномъ и обидномъ положеніи побѣжденнаго, которое должно было раздражить его противъ Бурбоновъ, господствовавшихъ при помощи чужеземныхъ побѣдителей. Проникнутое воспоминаніями о своей прошедшей славѣ, это величайшее учрежденіе имперіи непремѣнно должно было сдѣлаться опаснымъ и затруднительнымъ для новаго порядка вещей, если новое правительство не могло или привлечь его на свою сторону, или вовсе уничтожить его. Для перваго Бурбоны не имѣли ни ума, ни желанія, для втораго — ни смѣлости, ни силы. Дворъ, принцы и правительство съ перваго дня держали себя относительно войска такъ, какъ будто они прощали ему его побѣды, и даже болѣе, какъ будто пренебрегали имъ и презирали его. Первымъ дѣломъ двора было возстановленіе военнаго штата короля — старой королевской гвардіи и корпуса швейцарцевъ. Императорская гвардія была удалена изъ столицы; когда генералъ Леторъ совѣтовалъ графу Артуа непремѣнно сохранить этихъ храбрыхъ людей, ему отвѣтили: война кончилась и храбрецовъ болѣе не нужно. Герцогъ Беррійскій при другомъ случаѣ высказалъ образъ мыслей двора, назвавъ славный военный періодъ французскаго войска временемъ разбоя). При такомъ безсмысленномъ нерасположеніи къ войску, было бы благоразумнѣе распустить его. Мѣра эта при невѣроятности новой войны была безопасна; кромѣ того она облегчалась вооруженіемъ гражданъ и предпринятымъ сформированіемъ новой національной гвардіи, въ которой хотѣли создать опору противъ арміи, и которую поэтому сдѣлали совершенно независимою отъ военнаго на-

---

[46]) Мемуары Лафайета разсказываютъ о первомъ изъ этихъ случаевъ, а мемуары Лавалета о другомъ.

чальства. Но и въ этомъ дѣлѣ правительство колебалось между разными полумѣрами, раздражавшими войско. Войско разсѣяли по всей странѣ и старались уничтожить въ немъ чувство единства; этимъ возбудили въ войскѣ неудовольствіе, которое могло уничтожиться только съ прекращеніемъ существованія самаго войска. Далѣе, положеніе страны требовало непремѣнно значительнаго сокращенія арміи (до 200,000 человѣкъ), о чѣмъ съ самаго начала было сдѣлано распоряженіе [1] но это; сокращеніе было сдѣлано [1] 12 мая. весьма неловко. Множество нижнихъ офицеровъ, до 14,000, сдѣлались черезъ это излишними; имъ назначили половинное жалованье. Они разнесли съ собою неудовольствіе по всѣмъ провинціямъ. Неудовольствіе ихъ еще болѣе увеличивалось слухами о томъ, что ихъ вовсе лишатъ жалованья; — этимъ слухамъ тѣмъ охотнѣе вѣрили, что многимъ не выплачивали недоданнаго жалованья, другимъ— пенсіи за орденъ почетнаго легіона. Многіе инвалиды были разосланы по домамъ съ ничтожною пенсіею, другимъ, которыхъ родина не принадлежала болѣе Франціи, совершенно отказывали въ пенсіи, хотя они проливали кровь свою за Францію. Все это оправдывалось необходимостью сокращенія расходовъ. Но всѣ благоразумные люди находили, что при самой крайней нуждѣ можно было бы употребить нѣсколько милліоновъ для удовлетворенія войску; они сберегли бы, быть можетъ, для страны тѣ два милліарда, которые стоила послѣ измѣна войска. Но что всего было хуже, и что замѣчали даже самые непроницательные люди,—это то, что когда дѣло шло о жалованьи и о пенсіяхъ эмигрантамъ и старому дворянству, о вознагражденіи швейцарцевъ и обмундированіи королевской гвардіи, которая числомъ и блескомъ превосходила лейбъ-гвардію Людовика XVI, тогда всякая бережливость забывалась и правительство держалось системы расточительности. Съ самаго начала сдѣлано было распоряженіе [1], по которому всѣ прежніе французскіе [1] 25 мая. флотскіе офицеры, которые по сіе время оставались на службѣ другихъ морскихъ державъ, или вовсе безъ службы, могли вновь вступить во флотъ, — первые въ своемъ настоящемъ чинѣ, а вторые съ высшимъ чиномъ противъ того, съ которымъ они вышли въ отставку; первымъ даже зачислялись для полученія пенсіи года, прослуженные ими. Это дѣлалось для людей, которые служили иноземцамъ, нерѣдко противъ Франціи, которые по большей части

были стары, изувѣчены и негодны для службы. Армейскіе офицеры заявили затѣмъ такія же притязанія. Кромѣ того множеству дипломатовъ и другимъ придворнымъ пожалованы были высшіе офицерскіе чины и оклады. Королевскую гвардію наполнили членами старыхъ дворянскихъ фамилій. Всѣ эти милости и предпочтенія противорѣчили правиламъ благоразумія, но были еще другія, которыя прямо противорѣчили конституціи. Суммы военныхъ школъ, назначенныя для вспомоществованія сыновьямъ служащихъ или уби-
30 іюля. тыхъ офицеровъ, были предоставлены теперь исключительно въ пользу дворянскихъ дѣтей; въ самыя школы эти принимали только тѣхъ, которые могли доказать столѣтнюю давность своего дворянства. Это постановленіе исключало такимъ образомъ наполеоновское дворянство. Пренебреженіе свое къ ордену почетнаго легіона дворъ выразилъ другимъ образомъ. Его значеніе хотѣли ослабить тѣмъ, что давали его безъ разбора многимъ; чтобы загладить непріят-
17 Февр. 1815. ное впечатлѣніе, произведенное этимъ, послѣдующія распоряженія требовали для полученія его нѣкоторыхъ условій. Всѣ эти мѣры исходили отъ двухъ военныхъ министровъ, которые были презираемы и ненавидимы; сначала отъ Дюпона, на которомъ тяготѣлъ стыдъ капитуляціи Байлены, — а послѣ него отъ Сульта, который своимъ подличаньемъ, грубостью и обѣщаніемъ „роялизировать армію“ потерялъ у войска всякое уваженіе. Вслѣдствіе всего этого въ высшихъ и низшихъ слояхъ войска господствовали безпокойство, вражда и неудовольствіе. Солдаты знали и воспѣвали только своего Бонапарта; въ казармахъ они праздновали его тезоименитство; они хранили какъ святыню свои орлы и трехцвѣтныя кокарды; побуждаемые къ кликамъ: да здравствуетъ король, они тихо прибавляли: „римскій“. Герцогъ Беррійскій лично имѣлъ случай испытать знаки ихъ нерасположенія. Дисциплина ослабѣла; въ октябрѣ Веллингтонъ писалъ, что побѣги изъ арміи ужасны, а наборы медленны. Напротивъ, императорская гвардія, составлявшая гарнизонъ Меца, держала себя строго и соблюдала примѣрную дисциплину,—и поэтому самому казалась подозрительною. Что касается высшихъ чиновъ арміи, то со стороны офицеровъ,—которые глубже всѣхъ чувствовали униженіе храбраго войска мелочными людьми, — можно было всего опасаться. Уже въ октябрѣ Веллингтонъ замѣтилъ въ Парижѣ, что даже маршалы,

которые были въ милости у короля, открыто говорили о своемъ постыдномъ положеніи и высказывали недовольство господствующей системой. Въ ноябрѣ разнесся слухъ о планѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ офицеровъ низложить короля; подобные же слухи ходили и въ декабрѣ; тогда думали, что Мармонъ, являясь на службу въ Тюльери, нарочно распускалъ такіе слухи, чтобы придать себѣ болѣе важности. Въ этомъ же мѣсяцѣ послѣдовало распоряженіе, внушенное недовѣрчивой слабостью, по которому Сультъ запретилъ пребываніе въ столицѣ всѣмъ офицерамъ, не находящимся на дѣйствительной службѣ и не имѣющимъ осѣдлости въ Парижѣ; такимъ образомъ онъ отнялъ у офицеровъ, бывшихъ на половинномъ жалованьѣ, и ихъ гражданскую свободу. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ событій уже осенью неудовольствіе и раздраженіе въ Парижѣ, въ арміи и внѣ ея, возросли до того, что многіе теперь уже считали катастрофу неизбѣжною и въ нѣкоторыхъ кружкахъ стали поговаривать о томъ, въ какомъ видѣ она совершится. Въ роялистическихъ кружкахъ все еще убаюкивали себя безопасностью; но между тѣмъ какъ Шатобріанъ въ своемъ сочиненіи противъ Карно находилъ короля „столь сильнымъ, что никакая человѣческая сила не можетъ поколебать его престолъ“, Веллингтонъ уже въ ноябрѣ говорилъ, что это можетъ совершиться въ одну ночь. Въ февралѣ 1815 г. парижскіе корреспонденты нѣмецкихъ газетъ опредѣленно предсказывали, что если Наполеонъ появится на границѣ, то бурбонская партія броситъ Бурбоновъ, которые не умѣли внушить къ себѣ ни страха, ни довѣрія. Въ войскѣ Наполеону дали названіе père la violette, потому что его ожидали вмѣстѣ съ появленіемъ мартовскихъ фіалокъ.

Несформировавшійся, всеобщій и открытый заговоръ лежалъ такимъ образомъ въ умахъ и въ обстоятельствахъ; онъ то и произвелъ при первомъ же поводѣ внезапную и общую измѣну Бурбонамъ въ пользу Наполеона. Обдуманнымъ, систематическимъ заговоромъ въ пользу Наполеона никто впослѣдствіи, во время ста дней, не могъ похвалиться, также никто и послѣ не могъ опасаться открытія его. Различные недовольные кружки пытались было составить формальный заговоръ съ опредѣленными цѣлями и средствами; но всѣ эти попытки не привели ни къ какому рѣшенію и были безуспѣшны. Что между родственниками Наполеона, при Заговоры.

дворѣ Мюрата и у Іосифа Бонапарте въ Швейцаріи строили планы и надежды, — это было конечно естественно. Въ салонахъ Лавалета и Маре, госпожи Гамелинъ, герцогини Сенъ-Ле, получившей отъ Бурбоновъ дозволеніе жить въ Парижѣ и принявшей свой титулъ (чтобы, какъ сказалъ въ досадѣ Наполеонъ, сдѣлать ея сына бурбонскимъ перомъ), собирались преданные Наполеону офицеры, какъ напр. Лабедойеръ, униженные и оскорбленные писатели, какъ напр. Арно, Этьенъ, Жуи; здѣсь ходили сатиры, остроты и колкіе куплеты на новое правительство; отсюда отправляли даже извѣстія на островъ Эльбу, но только уже тогда, когда общественный переворотъ готовъ былъ совершиться и безъ искусственныхъ мѣръ. Независимо отъ этихъ кружковъ приготовлялся настоящій бонапартистскій военный заговоръ, во главѣ котораго стоялъ Даву; но этотъ-то именно заговоръ и доказалъ, какъ мало связи, единства въ планахъ и рѣшительности было у этой партіи, которая естественно должна была составлять одно тѣсно связанное цѣлое. Заговорщики собирались у генерала Бертона въ Парижѣ; они хотѣли возмущеніемъ одного полка на югѣ подать знакъ къ общему возстанію и послать эскадру за Наполеономъ на островъ Эльбу; но Даву отступился отъ этого плана въ минуту его исполненія. Такое же несогласіе, какъ у этихъ двухъ группъ бонапартисткой партіи, существовало и между другими двумя политическими кружками, желавшими дѣйствовать болѣе парламентскимъ и гражданскимъ путемъ. Проницательные люди различныхъ убѣжденій, какъ напр. Карно, Тибодо, Фуше, были убѣждены въ несостоятельности существующаго порядка; они желали перемѣны, не желая однакожъ возвращенія Наполеона. Они хотѣли легальнымъ гражданскимъ путемъ перемѣнить систему управленія, не касаясь царствующаго дома; по словамъ Лафайета [47]), тогда уже, какъ и 15 лѣтъ спустя, существовалъ планъ — рѣзкимъ сопротивленіемъ побудить правительство къ незаконнымъ мѣрамъ, и затѣмъ подъ руководствомъ „благомыслящихъ“ гражданскихъ властей вызвать возстаніе, которое предписало бы королю условія, или призвало бы на его мѣсто герцога Орлеанскаго. Послѣднему были даже сдѣланы тогда предложенія въ этомъ смыслѣ, но онъ отка-

---

[47]) Mém. 5, 353. 371.

зался отъ нихъ, хотя это все таки не удержало его приверженцевъ продолжать дѣйствовать за него, безъ него и вопреки ему. Эти кружки старались узнать настроеніе арміи, но скоро убѣдились, что здѣсь возможно движеніе только въ пользу Бонапарта. Однакожъ нашлось нѣсколько офицеровъ, какъ напр. графъ Друэ д'Ерлонъ въ Лиллѣ, Лефевръ Денуэтъ и два брата Таллеманъ, которые подали руку этимъ гражданскимъ агитаторамъ и составили нелѣпый планъ — по крайней мѣрѣ сначала и для виду воспользоваться именемъ Наполеона, уважаемымъ въ народѣ и войскѣ. Заговорщики приступили къ дѣлу, какъ разъ въ моментъ высадки Наполеона[1]; планъ ихъ не удался, какъ бы для того, чтобы чудесное счастіе и удача Наполеона покрылись еще большимъ блескомъ.

[1] 9 марта

Безпечность правительства.

Объ этихъ и другихъ тайныхъ дѣйствіяхъ заговорщиковъ, о которыхъ знали люди сомнительные и нерасположенные къ дѣлу, доходили нѣкоторыя свѣдѣнія и до правительства; но тутъ-то и обнаружилась крайняя неспособность всѣхъ членовъ его. До короля не могло дойти ни одно тревожное извѣстіе; всѣ правительственныя распоряженія были направлены къ тому, чтобы предупредить это. Министръ королевскаго двора, любимецъ короля, Блакасъ д'Оль (d'Aulps) постепенно занялъ мѣсто перваго министра; онъ парализировалъ дѣйствія отдѣльныхъ министровъ, которые не имѣли между собою никакихъ сношеній и даже общихъ совѣщаній, и сносились съ королемъ по большей части только чрезъ Блакаса. Только этого любимца онъ и могъ слушать. Блакасъ былъ всѣмъ извѣстенъ какъ человѣкъ надменный, ничтожный и упрямый; королю онъ былъ необходимъ своею памятью, всезнаніемъ, анекдотами и умѣньемъ устраивать церемоніи. Онъ, подобно своему государю, также не любилъ дурныхъ извѣстій, сердился на тѣхъ, которые предупреждали его насчетъ опасностей и сохранялъ невозмутимое спокойствіе. Молчаніе въ печати, роялистическое настроеніе нѣкоторыхъ провинцій, незначительная оппозиція въ палатахъ, мѣщанское спокойствіе въ Парижѣ скрывали отъ правительства то озлобленіе, которое господствовало въ селахъ, въ войскѣ и въ низшихъ классахъ. Особенно послѣ прежнихъ ложныхъ тревогъ правительство совершенно успокоилось, когда заговоръ (какъ говоритъ Савари) появился уже на улицахъ

и у колодцевъ. Всѣ предостереженія, извѣстія и указанія, которыя дѣлались правительству въ іюлѣ графинею Семаллэ, въ августѣ — Бернскимъ правительствомъ, въ началѣ зимы—Баррасомъ, всѣ слухи о задуманномъ низложеніи короля, казались ему пустыми. Съ этихъ поръ все замолкло и никто ничего не замѣчалъ. Въ январѣ Бурьенъ добивался аудіенціи у Блакаса и не могъ ее получить. Гидъ де-Невиль и графъ Бутиліе присылали предостереженія съ юга, но напрасно. Шпіонъ Моренъ извѣщалъ Дандре о заговорѣ Фуше и его сообщниковъ; но министръ полиціи также оставался безпечнымъ, однако представилъ одно донесеніе, которое впослѣдствіи нашли у Блакаса нераспечатаннымъ. Даже когда дѣло правительства было уже проиграно, когда Наполеонъ стоялъ у воротъ Парижа, Блакасъ называлъ тѣхъ, которые принесли ему это извѣстіе, бредящими во снѣ [48]). Только крайняя ограниченность министровъ и непонятное легкомысліе всего правительства могутъ объяснить это странное явленіе, и нужна была чисто бурбонская безпечность и ограниченность, чтобы предоставить дѣло возстановленія престола и алтаря (слова чести и справедливости постоянно были на языкѣ у правительства) пестрой толпѣ сомнительныхъ, ничтожныхъ и неспособныхъ людей, поставленныхъ во главѣ вновь возникающаго государства. Въ такую трудную эпоху поручили полицію Беньо, который оказался рѣшительно неспособнымъ; затѣмъ его мѣсто занялъ Дандре, который самъ сознавался, что ничего не смыслитъ въ порученномъ ему дѣлѣ; наконецъ этого послѣдняго смѣнилъ Бурьенъ,— когда уже было поздно. Беньо получилъ въ завѣдываніе, въ качествѣ титулярнаго министра, морскую часть, которой онъ совершенно не зналъ; бѣгство изъ Эльбы было бы невозможно, еслибъ это мѣсто занималъ дѣльный и свѣдущій человѣкъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Монтескью, показавшій себя сомнительнымъ уже во время революціи, добродушно подчинился шаткой системѣ короля; онъ былъ лѣнивъ и ограниченъ, и хотя не былъ въ ладу съ Блакасомъ, но вполнѣ раздѣлялъ его безпечность; онъ хвалился, что его система усыпленія побѣдила революцію. Важнѣйшее изъ всѣхъ министерствъ, военное, было сначала въ рукахъ Дюпона, безпечности котораго приписывали ослабленіе въ войскѣ

---

[48]) Fauche Borel, Mém. 4, 295.

дисциплины, затѣмъ перешло къ грубому Сульту, котораго потомъ обвиняли въ измѣнѣ и въ преднамѣренномъ разрушеніи престола, хотя онъ, работая постоянно вмѣстѣ съ графомъ Бругесомъ, былъ самымъ лучшимъ его стражемъ [49]). Сульту ставили въ вину мѣру, которая въ мартѣ содѣйствовала успѣху Наполеона, но которая была бы совершенно безвредна, еслибъ войско не было раздражено другими общими мѣрами, которыя исходили отъ самаго же двора. Опасаясь за духъ войскъ, дворъ ухватился за мысль — какимъ нибудь воинскимъ предпріятіемъ вывести армію изъ ея неловкаго положенія; Блакасъ хотѣлъ начать войну по поводу Саксонскаго вопроса еще въ октябрѣ, когда только еще начались переговоры о Саксонскомъ дѣлѣ [50]); потомъ поводомъ къ войнѣ и ослабленію опаснаго духа въ арміи послужили дѣйствія Мюрата; вслѣдствіе этого и стали собирать войска въ восточныхъ провинціяхъ. Дворъ уже въ то время, когда Наполеонъ сдѣлалъ высадку, считалъ эти приготовленія къ войнѣ прекрасною мѣрою; но когда же войска измѣнили, то эти приготовленія поставили въ вину Сульту. Преемникомъ ему назначали Кларка¹, ревностнаго исполнителя всякихъ дѣлъ,—теперь же, при паденіи Бурбоновъ, и онъ предался общей безпечности, которая была какъ будто какою-то заразой. Съ удаленіемъ Талейрана въ Вѣну правительство во всѣхъ отношеніяхъ совершенно растерялось; по несчастію и англійскій посланникъ Веллингтонъ, который здраво смотрѣлъ на вещи, былъ въ Вѣнѣ. Впрочемъ и Талейранъ въ отдаленіи не имѣлъ понятія о предстоящихъ дѣлахъ; онъ считалъ Наполеона человѣкомъ уже мертвымъ. И другіе государственные люди, считавшіеся дальновидными, слѣдившіе за дѣлами, но не принимавшіе въ нихъ участія, также раздѣляли во все это время увѣренность не усыплявшаго въ самомъ дѣлѣ, а усыпленнаго правительства. Поццо ди Борго, получившій отъ Людовика XVIII два милліона за оказанныя ему услуги, еще въ сентябрѣ находилъ, что король „вполнѣ проникнутъ“ духомъ сопротивленія противъ броженія арміи и противъ ложнаго направленія роялистовъ,—и даже въ февралѣ считалъ Бурбоновъ „твердо стоящими“. Такимъ образомъ извѣстіе въ Вѣнѣ¹,

¹ 11 марта.

¹ 7 марта.

49) По его Mém. justificatif. 1815. Также у Любиса 3, 415.
50) Castlereagh. Mem. and corresp. 10, 161.

о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы и вѣсть въ Парижѣ о высадкѣ его во Францію поразили всѣхъ какъ молнія среди безоблачнаго неба.

Наполеонъ на Эльбѣ.

Наполеонъ внимательно слѣдилъ на Эльбѣ за дѣлами. Онъ рѣдко получалъ тайныя извѣстія отъ людей, преданныхъ ему, но для него были достаточны и газетныя извѣстія. Изъ нихъ онъ узналъ, что во Франціи всѣ недовольны. Онъ зналъ, что армія, послѣ обиднаго обращенія съ нею, пристанетъ къ нему. Въ дѣлахъ внѣшней политики было много обстоятельствъ, ему благопріятствовавшихъ. Плохое положеніе испанскихъ дѣлъ было очевидно; недовольные въ Генуѣ и Ломбардіи посылали даже предложенія на Эльбу; Мюратъ, съ которымъ Европейскія державы поступали двусмысленно, а Франція открыто враждебно, готовился къ вооруженію. Въ Вѣнѣ дѣла были въ застоѣ; несогласія по поводу Саксоніи разъединяли союзниковъ. При всѣхъ этихъ соблазнахъ, лежавшихъ въ общемъ положеніи дѣлъ, недоставало только личнаго повода, но и онъ скоро вызванъ былъ обстоятельствами. Договоръ въ Фонтенбло остался почти совсѣмъ невыполненнымъ. Сына императора лишили наслѣдства въ Пармѣ; Наполеонъ самъ не получалъ своего жалованья, семейство его — своей пенсіи, а генералы его — тѣхъ суммъ, которыя онъ имъ назначилъ; Бурбоны хотѣли даже конфисковать частныя имущества Наполеоновскаго семейства¹, но это было отвергнуто въ коммиссіи палаты перовъ. Къ этому присоединилось еще то, что въ Вѣнѣ начинали поговаривать о томъ, какъ неблагоразумна была мѣра, внушенная великодушіемъ Александра: оставить Наполеона въ санѣ законнаго государя среди и вблизи всѣхъ непрекратившихся еще волненій въ Италіи и Франціи и держать этого величайшаго и честолюбивѣйшаго человѣка въ унизительномъ и презрѣнномъ положеніи. Подумывали о перемѣнѣ и выборѣ болѣе отдаленнаго мѣста и теперь уже указывали на островъ св. Елены. Наполеонъ былъ извѣщенъ объ этомъ; онъ поэтому приготовился къ отчаянной защитѣ, и уже въ январѣ рѣшился предварительно напасть на Францію. Когда Флери де Шабулонъ, повѣренный Марэ, прибылъ на Эльбу¹ съ извѣстіями и предложеніями [51]), онъ и не подозрѣ-

¹ 18 дек. 1814.

¹ 22 февр. 1815.

[51]) Въ своихъ запискахъ (London, 1819). Флери долженъ былъ еще скрывать свою личность. Разсказъ о его посѣщеніи 1, 77 и слѣд.

валъ, что императоръ самъ уже рѣшился на все, и еще менѣе думалъ онъ, уѣзжая, что императоръ отправится вслѣдъ за нимъ. Съ Эльбы Флери прибылъ въ то время, когда Мюратъ объявилъ войну Франціи[1] и ожидалъ нападенія отъ Австріи. Въ то самое время, когда въ Вѣнѣ получено было извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона, уполномоченный Мюрата объявилъ здѣсь[1], что онъ займетъ линію рѣки По; это рѣшеніе было принято Мюратомъ въ то время, когда въ Неаполѣ еще ничего не знали о бѣгствѣ Наполеона. А между тѣмъ всѣ думали, что эти два событія имѣли тѣсную связь между собою; случайное совпаденіе ихъ вызвало единодушіе и быстрыя дѣйствія со стороны Европейскихъ державъ, тѣмъ болѣе, что статьею договора въ Шомонѣ онѣ обязывались въ теченіе года по заключеніи мира держать большую вооруженную армію. Наполеонъ, ясно видѣвшій всѣ затрудненія для себя внѣ Франціи, тотчасъ замѣтилъ всю опасность возстанія Мюрата, между тѣмъ, какъ братъ его Іосифъ произвольно и необдуманно побуждалъ еще изъ Швейцаріи легкомысленнаго шурина ускорить свои дѣйствія противъ Австріи.

[1] 15 февраля.

[1] 8 марта.

Возвращеніе Наполеона во Францію.

Возвращеніе Наполеона во Францію было какъ бы повтореніемъ внезапнаго появленія его изъ Египта (1799), но еще болѣе отважнымъ, потому что теперь онъ явился какъ непріятель въ страну, занятую непріятелями. Черезъ три дня послѣ своего отплытія съ Эльбы[1] онъ прибылъ съ своими 900 вѣрными сподвижниками въ окрестности Канна[1], въ мѣстность, которая была ему наиболѣе враждебна и которую онъ поэтому поспѣшно прошелъ, чтобы скорѣе достигнуть восточныхъ провинцій. Эти послѣднія были совершенно ему преданы, ибо онѣ выиграли отъ континентальной системы и наиболѣе пострадали отъ чужеземныхъ нападеній; здѣсь было гораздо больше владѣтелей національныхъ имуществъ, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ. Въ пышныхъ воззваніяхъ императоръ объявлялъ, что орелъ его полетитъ отъ башни къ башнѣ до Notre-Dame; онъ исполнилъ это гордое предсказаніе самымъ отважнымъ походомъ, какой онъ только когда либо лично совершалъ; въ этомъ тріумфальномъ шествіи войско и народъ приставали къ нему, упоенные надеждою на спасеніе. Сопротивленія исчезали не только предъ нимъ, но и по сторонамъ отъ него и за нимъ. Лишь только онъ прибылъ въ Ліонъ, тотчасъ же отдалъ свои императорскіе

[1] 26 февраля.

[1] 1 марта.

приказы, совершенно увѣренный въ имперіи и столицѣ. Въ двадцать быстрыхъ переходовъ онъ достигъ Парижа, не проливъ на пути своемъ ни капли крови; — это было ужаснымъ стыдомъ для Бурбоновъ, которые болѣе двадцати лѣтъ выжидали своего возстановленія, рѣшаясь перейти границу не иначе, какъ въ сопровожденіи иноземныхъ войскъ, и которые даже въ эти минуты въ своихъ лакейскихъ газетахъ называли этого побѣдителя флибустьеромъ и „трусливымъ фонтенблоскимъ воиномъ“! А на самомъ дѣлѣ, послѣ отвратительной сцены мелочныхъ придворныхъ интригъ, борьбы партій, торговли мѣстами, тайныхъ преслѣдованій, безразсудныхъ дѣйствій правительства и изнеможенія великаго государственнаго организма, — появленіе этого великаго человѣка походило скорѣе на геройскій подвигъ тѣхъ отважныхъ рыцарей, которые своею личною храбростью, почти шутя, завоевывали себѣ цѣлыя царства. Величіе его подвига примирило съ нимъ даже многихъ враговъ его, очаровало самыя грубыя натуры и сообщило отдѣльнымъ личностямъ и массамъ то упоительное одушевленіе, которое охватываетъ людей всякій разъ, когда какое нибудь блестящее событіе выводитъ ихъ изъ безотраднаго и унизительнаго положенія. При извѣстіи о возвращеніи Наполеона нѣсколько человѣкъ во Франціи внезапно умерли отъ радости. Помѣшательство и самоубійство Бертье въ Бамбергѣ[1] находились въ связи съ внезапными катастрофами этихъ дней. Въ Англіи, гдѣ не такъ живо чувствовали иго Наполеона, какъ въ Германіи, ненависть къ императору уступила тогда у многихъ мѣсто удивленію; Байронъ сознавался, что ода его на Наполеона была обличена во лжи его возвращеніемъ. Во Франціи къ нему примкнули теперь и тѣ, которые прежде рѣшительно удалились отъ него. Непреклонный Карно принялъ отъ него должности и почести. Бенжаменъ Константъ, который за день до прибытія императора въ Парижъ публично называлъ его Аттилою и Чингисханомъ и порицалъ какъ низкихъ измѣнниковъ тѣхъ, которые пристали къ нему, вскорѣ за тѣмъ самъ поступилъ къ нему въ службу. Госпожа Сталь, прежде преслѣдуемая имъ и обязанная Бурбонамъ, объявила себя побѣжденною и съ полною увѣренностью ожидала, что вся страна возстанетъ для борьбы за него, какъ Испанія за своихъ государей. Лафайетъ, вѣчный антагонистъ, унижавшій наполеоновскій періодъ, все-таки нашелъ себя вынужден-

[1] 1 іюня.

нымъ назвать это время „прекраснымъ отрывкомъ исторіи“. Бертоле, Лабернадьеръ и многіе другіе, измѣнившіе было Наполеону, предвидѣвшіе неизбѣжность его перваго паденія, теперь снова пристали къ нему. Имѣя въ виду всѣ эти факты, можно, если не извинить, то понять то обстоятельство, что къ Наполеону такъ скоро пристали прежніе участники его воинской славы, — не только его вѣрные приверженцы, въ родѣ увлекавшагося, мечтательнаго и юношески-легкомысленнаго Лабедойера, который первый подалъ примѣръ измѣны Бурбонамъ, но даже и тѣ, которые прежде постыдно измѣнили императору, а теперь также позорно снова пристали къ нему. Массена, командовавшій войскомъ въ Марсели, вступилъ бы съ Наполеономъ въ борьбу, еслибы тотъ не такъ скоро оставилъ югъ; но теперь онъ охотно поступилъ къ нему на службу. Сультъ, который одиннадцать мѣсяцевъ тому назадъ въ своихъ дневныхъ приказахъ публично порицалъ Бурбоновъ и затѣмъ унижался предъ ними съ рабскою покорностію, и публично называлъ Наполеона при его высадкѣ безумнымъ авантюристомъ,— сталъ теперь во главѣ его генеральнаго штаба. Ожеро, грубо обращавшійся съ императоромъ на пути его на Эльбу и публично упрекавшій его, вновь присягнулъ ему теперь, не смотря на то, что подписалъ актъ его изгнанія. Даже Ней, на вѣрности котораго основывались всѣ надежды короля, который обѣщалъ королю привезти Наполеона въ клѣткѣ, перешелъ на сторону императора въ Лонъ-ле-Сонье [1], убѣжденный въ неизбѣжной гибели дѣла Бурбоновъ; некоторые изъ его офицеровъ, какъ напр. Лекурбъ, удерживали его и не послѣдовали за нимъ; ихъ же самихъ онъ впослѣдствіи упрекалъ въ томъ, что они не удержали его въ самомъ началѣ. Все это было слѣдствіемъ умственнаго броженія, въ родѣ нравственнаго и политическаго помѣшательства, которое охватило всѣхъ и за которое впослѣдствіи нѣкоторые должны были поплатиться, какъ за преступленіе.

[1] 13 марта.

Паденіе Бурбоновъ.

Какъ противоположность этой дѣятельности и увлекающей силѣ Наполеона, развертывается предъ нами совершенно другая картина въ лагерѣ короля, гдѣ все было безпомощно и безсильно, недѣятельно и безчестно, и все рушилось одно за другимъ. Когда при дворѣ получено было первое извѣстіе о высадкѣ Наполеона [1], — этотъ смѣлый шагъ былъ для короля неожиданной новостью, для

[1] 5 марта.

Блакаса — глупостью, для Дандре и другихъ надменныхъ хвастуновъ — радостью: они надѣялись, разстрѣлявъ Наполеона, избавиться отъ всякихъ хлопотъ. Приказъ, отданный на слѣдующій
¹ 6 марта. день¹, составленъ былъ въ такомъ тонѣ, какъ будто онъ направленъ былъ противъ обыкновеннаго разбойника, на котораго можно подѣйствовать самыми обыкновенными полицейскими мѣрами. Но въ тотъ же день узнали о движеніи императора на Греноблъ. Въ первомъ испугѣ король настаивалъ на созваніе палатъ, вопреки мнѣнію Блакаса, который, сдѣлавъ всѣ нужныя для этого распоряженія, забылъ назначить день собранія. Принцы были посланы въ провинціи, Артуа въ Ліонъ; съ нимъ отправили и герцога Орлеанскаго, котораго опасались, потому что онъ прямо и ясно высказывалъ планы своихъ приверженцевъ [52]). Макдональдъ данъ былъ въ совѣтники имъ обоимъ; его вѣрность Бурбонамъ дѣлала ему, въ это время столькихъ двукратныхъ измѣнъ, тѣмъ болѣе чести, что онъ прежде упорно стоялъ за императора. Всѣ эти распоряженія казались Блакасу излишнею предосторожностью въ такой ничтожной опасности, между тѣмъ какъ другіе члены правительства, напр. Беньо, считали все потеряннымъ. Но увѣренность поколебалась у
¹ 10 марта. всѣхъ, когда получено было извѣстіе о сдачѣ Ліона¹ и когда
¹ 12 марта. принцы прибѣжали обратно въ Парижъ¹. Послѣ этого уже послѣ-
¹ 11 и 12 марта. довали указы¹, смѣнившіе министровъ полиціи и военнаго, призывавшіе департаментскіе совѣты къ непрерывнымъ засѣданіямъ и уполномочивавшіе ихъ на всѣ нужныя мѣры; затѣмъ призвали отпускныхъ солдатъ, предписывали вооруженіе національной гвардіи и образованіе корпуса волонтеровъ и призывали народъ и войско показать великій примѣръ силы и вѣрности. Генералъ Маршанъ долженъ былъ отрѣзать Наполеону обратный путь, Ней долженъ былъ дѣйствовать по сторонамъ отъ него, а герцогъ Беррійскій, или собственно Мезонъ съ резервными войсками и Десоль съ національною гвардіею должны были защищать Парижъ. Всѣ эти мѣры казались достаточными, чтобы предотвратить всякую опасность; неудачи военныхъ заговоровъ въ сѣверныхъ и энскомъ департаментахъ укрѣпляли эту увѣренность. Фуше при первомъ извѣстіи о высадкѣ Наполеона побуждалъ къ дѣйствію упомяну-

---

[52]) Lafayette, 5, 353.

тыхъ уже нами предводителей военнаго заговора; но Лефевръ и старшій Лаллеманъ потерпѣли неудачу при попыткѣ на арсеналъ въ Лаферѣ, защищенный вѣрнымъ генераломъ д'Абовилемъ, и графъ Эрлонъ былъ арестованъ Мортіеромъ, ничего не знавшимъ о заговорѣ. До сихъ поръ маршалы и высшіе офицеры оставались вѣрными; измѣна Нея[1] уничтожила надежды на армію. Между тѣмъ[1] 13 марта.
правительство обратилось за помощью къ разнымъ сословіямъ и всѣмъ гражданамъ. Теперь только, когда было уже слишкомъ поздно, дѣлались уступки,—хотя все еще медленно и съ видимымъ неудовольствіемъ,—которыя прежде могли бы быть спасительны для правительства; теперь только оно сознало свои ошибки, когда ему уже приходилось поплатиться за нихъ. Теперь во всѣхъ публичныхъ воззваніяхъ обращались къ хартіи и льстили „свободному и храброму народу"; однажды даже дворъ и король явились въ засѣданіе палатъ[1], чтобы съ театральной торжественностью дать присягу хартіи[1] 16 марта.
не формальнымъ образомъ, какъ обязательный актъ, а просто какъ выраженіе личныхъ чувствъ въ видѣ свободнаго сердечнаго изліянія. При этомъ министры обѣщали всевозможныя гарантіи свободы по минованіи опасности. Они сулили свободу печати, облегченіе всѣхъ налоговъ, полное жалованье отставнымъ офицерамъ и додачу пенсіи кавалерамъ ордена почетнаго легіона: слабость желала возвратить себѣ силу обѣщаніями, но возвращенная сила подверглась соблазну — считать исполненіе обѣщаній слабостью. Съ самаго начала правительство черезъ Лэнэ вступило въ переговоры съ конституціонною партіею о составленіи новаго министерства, но дворъ не рѣшался на это. При совѣщаніяхъ объ этомъ предметѣ сдѣлано было предложеніе—дать королю въ войскѣ великую нравственную силу вмѣсто утраченной матеріальной. Одинъ изъ друзей Лафайета совѣтовалъ поставить этого генерала, прибывшаго изъ своего замка, въ главѣ національной гвардіи; какой-то заступникъ Блакаса возразилъ на это: что невозможно сдѣлать такого насилія чувствамъ короля. Самъ Лафайетъ предложилъ созвать живущихъ въ Парижѣ членовъ всѣхъ національныхъ собраній, бывшихъ съ 1789 года, и между принцами поручить всѣ дѣла преимущественно герцогу Орлеанскому; это былъ неудачный совѣтъ, который возбудилъ опасеніе и подозрѣніе [53]). Въ такомъ же

[53]) Lafayette, 5, 372.

смыслѣ и съ такимъ же успѣхомъ давалъ совѣты и Фуше. Король велѣлъ спросить его совѣта черезъ канцлера Дамбрея, когда Наполеонъ достигъ уже Оксера! [54]); Фуше платилъ теперь гордымъ презрѣніемъ за то пренебреженіе, которое прежде дворъ выказалъ къ его личности и службѣ. Онъ объявилъ, что все уже потеряно, и прямо сказалъ, что онъ соединится съ тираномъ, котораго онъ ненавидитъ, но сдѣлаетъ это только для того, чтобы погубить его. На вопросъ канцлера: сдѣлаетъ ли онъ это въ пользу короля, онъ сказалъ, что пусть канцлеръ и не думаетъ, чтобы онъ открылъ ему свои тайныя мысли. Казалось, что ему хотѣлось еще съ большей дерзостью сказать это самимъ членамъ двора. Въ переговорахъ, которые онъ имѣлъ съ графомъ Артуа, этотъ послѣдній былъ на столько откровененъ, что далъ почувствовать Фуше свое нерасположеніе къ нему, но и этотъ былъ на столько хладнокровенъ и прямодушенъ, что предложилъ самому принцу помочь ему выполнить его заговоръ: Фуше совѣтовалъ ему тѣсно сблизиться съ людьми революціи и назначить принца Орлеанскаго регентомъ; пусть, говорилъ онъ, дворъ спасаетъ короля, а я хочу спасти монархію. Вслѣдъ за этимъ дворъ приказалъ арестовать такого совѣтника; но онъ съ тѣмъ же смѣлымъ хладнокровіемъ успѣлъ уйти отъ ареста; это было для него поводомъ пристать къ Наполеону и вмѣстѣ хорошею рекомендаціею въ глазахъ послѣдняго. Такъ дворъ вездѣ искалъ себѣ опоръ и не рѣшался крѣпко ухватиться за одну изъ нихъ. Еще за два дня до прибытія Наполеона въ Парижъ! министры вели переговоры съ конституціонною партіею, которые не имѣли успѣха [55]); но даже еслибъ между ними и послѣдовало соглашеніе, оно могло бы удовлетворить только минутному желанію, но не основнымъ цѣлямъ этой партіи. Это происходило въ тотъ же день, когда палата объявила національную войну противъ Наполеона, но, не смотря на это, она сама заговорила тѣмъ тономъ, который задали Фуше и Лафайетъ: она, не стѣсняясь, высказала теперь начало, которому до сихъ поръ грозило уничтоженіе (связь между революціею и хартіею), называя хартію развитіемъ основъ конституцій 1791, V и VIII годовъ. Однако и теперь

14 марта.

18 марта.

---

[54]) Castlereagh, memoirs. 10, 337.

[55]) B. Constant, mém. sur les cent jours.

политическія собранія, равно и всѣ полученные адресы проникнуты были жаромъ одушевленія къ Бурбонамъ; собравшаяся возлѣ дворца короля толпа доброжелательныхъ ему людей представляла умилительное зрѣлище. Этотъ жаръ обманывалъ многихъ, скрывая настоящее положеніе дѣлъ. За два дня до прибытія Наполеона въ Парижъ, когда распространился ложный слухъ о взятіи Гренобля Маршаномъ, Кларкъ замѣтилъ, что „теперь можно уже снять сапоги,“ а Блакасъ предложилъ, чтобы король съ депутатами отправился въ открытомъ экипажѣ на встрѣчу Наполеону,—это, по его мнѣнію, могло обезоружить самаго дерзкаго [56]). Кромѣ этихъ нелѣпостей были сдѣланы и воинственныя предложенія: Маршанъ хотѣлъ укрѣпить и защищать Лувръ и Тюльери, Витроль совѣтовалъ образовать въ Ларошели центръ королевской власти; но даже и эти серьезные совѣты кажутся нелѣпостью, если ихъ сопоставить съ тѣми людьми, которымъ они давались. Было совершенно немыслимо, чтобы дворянство и мѣщанство, много лѣтъ находившіяся подъ гнетомъ военнаго деспотизма, могли возстать на отчаянную борьбу противъ измѣнившей арміи, даже еслибъ король заслужилъ такую жертву своимъ царствованіемъ, даже еслибъ онъ лично далъ примѣръ такой жертвы. Правда онъ сказалъ въ королевскомъ засѣданіи палатъ, что послѣ 60 лѣтъ жизни онъ не можетъ лучше умереть, какъ защищая свой народъ; но въ послѣднюю минуту, когда онъ узналъ всю опасность своего положенія, онъ убѣжалъ съ такою торопливой поспѣшностью, что забылъ у себя на столѣ частныя бумаги и оставилъ въ своемъ бюро депеши Талейрана. Онъ хотѣлъ сначала отправиться въ Лиль, но тамъ грозило возстаніе гарнизона; потомъ думалъ броситься въ Дюнкирхенъ, куда велѣлъ отправиться и принцамъ; но прежде чѣмъ полученъ былъ этотъ приказъ, они поспѣшно бѣжали въ Бельгію, гдѣ затѣмъ поселился и король въ Гентѣ. Самые вѣрные легитимисты, какъ напр. Шатобріанъ и Ришелье, не могли удержаться отъ самыхъ горькихъ и ѣдкихъ жалобъ на эту трусость; преданнѣйшіе приверженцы Бурбоновъ говорили объ этомъ бѣгствѣ съ едва скрываемымъ презрѣніемъ [57]). При такомъ нерадѣніи Бурбоновъ о собственномъ дѣлѣ,

19 марта.

---

[56]) Vaulabelle 2, 229.
[57]) Larochefoucauld. Mém. tom. I.

нисколько не удивительно было, что въ послѣднихъ десяти мартовскихъ нумерахъ Монитера неожиданно появились заявленія вѣрности Наполеону отъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыхъ адресы Бурбонамъ помѣщались въ десяти предшествующихъ нумерахъ. Въ Наполеонѣ, который вообще презиралъ людей, не возбуждались ни негодованіе, ни удивленіе, а только появлялась улыбка состраданія, когда къ нему одновременно доставляли адресы Людовику XVIII, полученные уже послѣ его бѣгства, и адресы ему самому, подписанные одними и тѣми же лицами [58]).

Провинціи. И въ провинціяхъ дѣло Бурбоновъ пало столь же скоро и безъ сопротивленія. Первый министръ Людовика Блакасъ писалъ Кестльри уже послѣ изгнанія короля (25 марта), что онъ можетъ быть увѣреннымъ, что 30,000 человѣкъ съ бѣлыми кокардами соберутъ около себя всѣхъ французовъ и встрѣтятъ мало препятствій на пути своемъ въ Парижъ. Такимъ же образомъ и госпожа Кайла (16 марта), ожидала всѣхъ благъ отъ Вандеи; въ двѣ недѣли, говаривали въ этихъ кружкахъ, здѣсь можно собрать 100,000 человѣкъ. Когда Артуа отправился въ Ліонъ, герцогъ Бурбонскій былъ посланъ на западъ. Въ Анжерѣ и затѣмъ въ Бопрео онъ замѣчалъ еще нѣкоторое расположеніе къ Бурбонамъ; но оно внезапно исчезало предъ счастіемъ Наполеона. Впослѣдствіи, уже во время промежуточнаго владычества Наполеона, братья Ларошжакеленъ, уполномоченные дворомъ и поддерживаемые Англіею, появились въ Вандеѣ, гдѣ они высадились при Сенъ-Кроа-де-Викъ (Половина мая). Эта попытка не удалась вслѣдствіе мирныхъ и военныхъ мѣръ генерала Траво, который хорошо зналъ Вандею. Затѣмъ адмиралъ Готамъ вторично высадился здѣсь (Начала іюня) съ военными запасами, когда дѣло Наполеона было уже близко къ концу. Луи Ларошжакеленъ въ своихъ приказахъ по войску говорилъ о „великой арміи“ и трехъ отдѣленіяхъ ея,— о центрѣ, отрядѣ принца Анжуйскаго и отрядѣ Шарета; но только крестьяне, которые прежде увлекли за собою этого дворянина, теперь уже не слѣдовали за нимъ. Между предводителями отрядовъ возникли прежнія несогласія; несовременная попытка при Сенъ-Жанъ-де-Монъ стоила жизни Луи Ларошжакелену, и Сюзанэ

---

[58]) Fleury de Chaboulon 1, 299.

также палъ при третьей попыткѣ[1], устроившейся при содѣйствіи англичанъ, которая была уничтожена генераломъ Ламаркомъ.

[1] Въ половинѣ іюня.

Такой же исходъ имѣли дѣла на югѣ, гдѣ находились принцы Ангулемскіе во время высадки Наполеона. Здѣсь жители городовъ и селъ были почти всѣ преданы Бурбонамъ. Въ Марсели осенью при посѣщеніи герцога Артуа устроена была иллюминація, на которую потрачено было огромное количество пороху и смоляныхъ бочекъ; этотъ вулканъ назвали только слабымъ подобіемъ пламенной любви города къ принцамъ; Бордо торжественно праздновалъ прибытіе герцога и герцогини Ангулемскихъ, когда извѣстіе о возвращеніи Наполеона побудило герцога отправиться въ Нимъ[1], и городъ тотчасъ предложилъ въ пользу Бурбоновъ полтора милліона, собранные изъ добровольныхъ пожертвованій. Герцогъ долженъ былъ держаться въ Лангедокѣ и Провансѣ, а герцогиня взяла для себя Бордо; Витроль прибылъ сюда же, чтобы сдѣлать Тулузу центромъ противо-наполеоновскаго правительства. Но и теперь жители юга не были согласны между собою въ своихъ мнѣніяхъ, такъ что на какую бы сторону склонилась побѣда, та партія и получила бы мгновенный перевѣсъ и стала бы дѣйствовать со всею страстностью южной вражды и мстительности. Какъ при быстрыхъ успѣхахъ императора генералъ Клозель почти безъ конвоя подошелъ къ Бордо, такъ точно войска сами собой оставили герцогиню,—которая своимъ настойчивымъ образомъ дѣйствій заслужила у Наполеона имя „единственнаго мужчины во всемъ семействѣ",—и она должна была поспѣшно убѣжать изъ города[1]. Въ Тулузѣ Витроль кончилъ свою дѣятельность столь же комически, сколько герцогиня въ Бордо трагически; генералъ Лабордъ арестовалъ его среди его правительственныхъ распоряженій и отослалъ въ Парижъ. Герцогъ, прибывъ въ Марсель[1], послалъ подозрительнаго Массену въ Тулонъ, который онъ хотѣлъ занять англичанами, и умолялъ короля испанскаго выставить къ Франціи свои войска. Вслѣдъ за тѣмъ онъ двинулся съ своимъ отрядомъ и волонтерами на Гренобль и Ліонъ, куда онъ надѣялся вступить безъ малѣйшаго сопротивленія, хотя онъ и зналъ, что не можетъ вполнѣ положиться на своихъ солдатъ. Онъ дошелъ до Романса[1], но здѣсь долженъ былъ отступить предъ національною гвардіею генерала Груши; затѣмъ измѣнившій генералъ Жилли заперъ ему обрат-

[1] 2 марта.

[1] 1 апрѣля.

[1] 15 марта.

[1] 4 апрѣля.

ный путь; онъ долженъ былъ сдаться на капитуляцію и съ согласія самаго Наполеона отправленъ былъ моремъ въ Цету. Военная революція свершилась, армія, не смотря на разрозненность отдѣльныхъ ея частей, вездѣ дѣйствовала единодушно, какъ одно цѣлое, и обнаружила прежній духъ единства, который она сохраняла въ теченіе 25 лѣтъ, отвергая всякаго, кто пытался разъединить ее—прежде Лафайета, Дюмурье и Конде, въ 1814 Мармона, а теперь Бурбоновъ. Другой славы искали чужеземцы, полки швейцарцевъ, которые сохранили неизмѣнно свою преданность Бурбонамъ; они упорно отказывались снять свои кокарды и вступить въ службу Наполеона.

Столица. 20 марта. Стастіе, непрерывно сопровождавшее императора до вступленія его въ Парижъ[1], стало измѣнять ему съ самаго мгновенія этого вступленія; какъ разъ на слѣдующій день получено было невыгодное для его успѣховъ объявленіе европейскихъ державъ, осуждавшихъ его изгнаніе. Онъ прибылъ въ Парижъ вечеромъ, чтобы не дѣлать торжественнаго въѣзда; онъ зналъ, что пріемъ его въ столицѣ не будетъ соотвѣтствовать тріумфу его похода. На пути онъ былъ извѣщенъ о роялистической преданности столицы, высказывавшейся громко на улицахъ, въ салонахъ и кофейняхъ, среди національной гвардіи и даже между воспитанниками разныхъ школъ. Ему хорошо было извѣстно, какіе озлобленные противники его были въ высшихъ классахъ; поэтому-то онъ объявилъ изгнанными вліятельнѣйшихъ враговъ своихъ, разными распоряженіями, сдѣланными изъ Ліона[1], вновь изгналъ недавно возвратившихся эмигрантовъ, исключилъ изъ арміи попавшихъ въ нее бурбонскихъ офицеровъ и старался напугать всю аристократію уничтоженіемъ дворянства и возстановленіемъ относительно этого предмета законовъ конституціоннаго собранія. Но прежде всего онъ долженъ былъ опасаться, что городскія сословія будутъ недовольны новою перемѣною еще болѣе, и вооружатся противъ ней еще сильнѣе, чѣмъ вооружались они, къ его удивленію, въ 1814 г. противъ его государственнаго порядка, когда они отомстили ему за долговременное рабство свое во время имперіи своею равнодушною измѣною. По свойству этого сословія, которое въ обыкновенное время составляетъ надежную опору правительства, но при внезапныхъ перемѣнахъ и трудныхъ обстоятельствахъ постоянно

[1] 13 марта.

бываетъ противъ всякихъ пожертвованій и рѣшительныхъ дѣйствій,—оно и теперь не оказало никакой защиты Бурбонамъ и никакого сопротивленія (какъ 18 фруктидора и брюмера) желанію войска; но тихая сила его интересовъ образуетъ опасное пассивное оружіе, которое не въ состояніи ничего сдѣлать противъ побѣдоноснаго военнаго возстанія, но можетъ сдѣлать все послѣ него. Эти то интересы въ послѣдніе десять мѣсяцевъ, послѣ того какъ войско и война отошли на второй планъ, выступили съ новою силою и они же примирили мѣщанство съ Бурбонами, не смотря на всѣ ихъ ошибки; указанія на 1789 г., которыя дѣлались въ печати и въ палатахъ, пробудили воспоминанія о первыхъ временахъ и стремленіяхъ революціи, когда хотѣли дать среднему сословію первое и высшее мѣсто. Когда Ферраны поставили затѣмъ на видъ, что огромныя жертвы, которыхъ требуютъ королевство и миръ, столь же дорого стоятъ, какъ война и имперія, тогда мѣщанство все болѣе и болѣе склонялось къ оппозиціи; но оно все таки было далеко отъ того, чтобы подумать о Наполеонѣ; лишь немногіе обратили свои взоры на принца Орлеанскаго, котораго считали расположеннымъ къ идеямъ эпохи. Наполеонъ, замѣтивъ хорошо это измѣнившееся положеніе дѣлъ, съ перваго момента сдѣлалъ все возможное, чтобы успокоить эту часть населенія на счетъ мира и мирной заботливости о ея интересахъ. Онъ въ Греноблѣ тотчасъ объявилъ властямъ, что онъ отказывается отъ войны. На привѣтствіе парижскаго городоваго совѣта онъ отвѣтилъ[1], что отказывается отъ мысли о великой имперіи. Въ пресловутомъ разговорѣ съ Констаномъ онъ развивалъ какъ истину, сознанную имъ, что онъ не можетъ быть болѣе завоевателемъ; и что пятнадцатилѣтнее твореніе очень легко можетъ быть уничтожено и уже не возстановлено болѣе. Онъ заявлялъ о совершенномъ измѣненіи своей системы въ Монитерѣ оффиціальными статьями, которыя доказывали, что если онъ и не почувствовалъ еще измѣнившагося положенія Франціи, то вполнѣ понялъ его своимъ умомъ. Внѣ Франціи онъ черезъ своего брата Іосифа объявилъ посланникамъ европейскихъ державъ въ Швейцаріи, что онъ принимаетъ и будетъ сохранять парижскій договоръ; онъ отправилъ[1] ноту къ союзнымъ монархамъ, увѣрявшую въ его мирныхъ намѣреніяхъ. Кромѣ этихъ заявленій онъ прибѣгнулъ и къ обманамъ. Онъ намекалъ

[1] 26 марта.

[1] 4 апрѣля.

*

на соглашеніе съ Австріею, обѣщая возвращеніе императрицы и сына; когда появилось первое объявленіе европейскихъ державъ[1] противъ него, онъ объявилъ, что это продѣлка со стороны Бурбоновъ въ Гентѣ. Эти продѣлки обнаружили его старую корсиканскую натуру; никто не вѣрилъ не только этимъ обманамъ, но и дѣйствительно искреннимъ обѣщаніямъ Наполеона, вынужденнымъ необходимостью; этотъ вѣроломный человѣкъ, всегда склонявшійся болѣе въ пользу построенной на обманѣ системы Тиверія, Августа и Людовика XVI, чѣмъ героизма Цезаря и Генриха IV, долженъ былъ теперь поплатиться за свое вѣроломство. Монархи громко объявили, что послѣ столь долгой игры словами и договорами, они не вѣрятъ болѣе словеснымъ ручательствамъ Наполеона, котораго вся жизнь противорѣчила его мирнымъ обѣтамъ. На материкѣ преграждены были всѣ пути посланникамъ и курьерамъ императора: англійскіе корабли заперли море; военное положеніе было возстановлено. Даже и безъ этихъ событій, первый восторгъ, возбужденный перемѣною, самъ собою перешелъ бы въ тяжелое раздумье. Всѣ видѣли, что и при новомъ положеніи Франціи, быстро и со славою возстановленнымъ, ожившая торговля легко можетъ быть принесена въ жертву воинскимъ мечтамъ; въ Парижѣ торговые обороты вдругъ пріостановились; всѣ заказы прекратились; цѣна на колоніальные товары страшно возвысилась; бумаги, которыя при бурбонахъ достигли 88, упали до 50. Семейства предвидѣли новыя жертвы; чиновники, поставленные въ мучительный выборъ между вѣрностью и измѣною, чувствовали себя не обезпеченными при томъ или другомъ выборѣ; изъ поступавшихъ отъ префектовъ просьбъ объ отставкѣ, можно было замѣтить, какъ стѣснено было общественное мнѣніе и какъ слабо довѣріе. Каждый здравомыслящій человѣкъ, наблюдавшій усыпленіе Франціи въ 1814 г. и озлобленіе Европы, долженъ былъ согласиться, что эта вторая импровизированная имперія можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ только мимолетною тѣнью первой. Къ этому присоединилось еще и то, что партія мыслящихъ и либеральныхъ государственныхъ людей была противъ Наполеона, такъ какъ они ожидали для развитія либеральныхъ учрежденій менѣе препятствій отъ неспособныхъ и слабыхъ Бурбоновъ, чѣмъ отъ геніальнаго главы, котораго произволъ былъ закономъ. Такимъ

[1] Отъ 13 марта.

образомъ безусловными приверженцами императора остались только войско да низшій классъ народа. Инстинктъ къ отечественной славѣ, ненависть къ иноземцамъ, призваннымъ Бурбонами, отвращеніе къ отжившимъ и устарѣлымъ понятіямъ, формамъ и стремленіямъ стараго королевскаго дома,—были у нихъ сильными двигателями, которые Наполеонъ съумѣлъ употребить въ свою пользу; къ тому еще армія въ послѣдніе 15 лѣтъ была единственною дѣятельною и движущею силою во Франціи.

Шаткое положеніе императора.

При такомъ положеніи дѣлъ казалось самымъ основательнымъ мнѣніе тѣхъ, которые, не видя возможности склонить Европу къ примиренію и усмирить враждебные роялистическіе элементы во Франціи, совѣтовали Наполеону прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ; опираясь только на упомянутыя двѣ силы, мощною рукою сдавить преступниковъ внутри Франціи, чтобы затѣмъ имѣть возможность обратить соединенныя силы всей націи противъ остальной Европы. Люціанъ Бонапартъ совѣтовалъ брату взять на себя диктатуру до заключенія мира, и объявить себя только консуломъ, чтобы дать Франціи прочное ручательство своихъ либеральныхъ намѣреній. Затѣмъ, по проекту Люціана, Наполеонъ, вопреки европейскимъ державамъ, не желавшимъ видѣть его на тронѣ въ качествѣ посредника между государями и народами, самъ долженъ былъ низвергнуть этотъ тронъ, вызвать духъ 1789 г. и уничтожить ненавистную ему конституціонную монархію; онъ долженъ былъ, говоря собственными словами Люціана, „лучше сойти съ престола и утвердить самодержавіе народа, чѣмъ самому оставаться на немъ порабощеннымъ королемъ“; ему слѣдуетъ немедленно призвать Францію къ оружію, удалить изнѣженныхъ маршаловъ, поставить во главѣ всего „людей будущаго“ и вести отчаянную народную войну съ демократическимъ оружіемъ въ рукахъ. Самъ народъ, казалось, расположенъ былъ дѣйствовать къ духѣ этого плана: работники въ Парижѣ просили оружія, въ café montansier образовался отчаянный клубъ, раздались революціонныя пѣсни, возникли вновь федераціи; въ Бретани они заключили формальный патріотическій договоръ, въ которомъ говорилось, что Наполеонъ „можетъ быть и не хорошъ самъ по себѣ, но хорошъ для Франціи“. Если онъ дастъ просторъ революціонному духу, если онъ „надѣнетъ красную шапку“, говорилось въ договорѣ, то въ

случаѣ нужды онъ можетъ въ мигъ уничтожить внутреннихъ враговъ, въ 48 часовъ произвести въ свою пользу возстаніе въ Бельгіи и рейнскихъ провинціяхъ и погубить всѣхъ монарховъ. Но чтобы еще разъ дать Франціи такое направленіе нужно было, чтобы самъ Наполеонъ былъ въ первомъ цвѣтѣ своей силы, чтобы его партія пользовалась довѣріемъ, чтобы въ арміи не ослабѣло побѣдоносное чувство, и чтобы въ народѣ только еще пробуждались первые революціонные порывы. Но усталое и ослабѣвшее время уже не способно было къ подобному напряженію, даже самъ герой времени не обнаруживалъ его. У него являлись иногда и смѣлые замыслы, но онъ лишь на минуту останавливался на нихъ; онъ былъ мраченъ и разсѣянъ во все это время, и потерялъ довѣріе къ самому себѣ и вѣру въ свое счастіе. Это настроеніе тяготѣло надъ всѣми; отъ всѣхъ оно передавалось ему, а отъ него переходило на всѣхъ. По утрамъ въ тихихъ совѣщаніяхъ съ министрами, по вечерамъ при шумныхъ праздникахъ майскаго поля,—всѣми овладѣвало мрачное предчувствіе. Преданнѣйшіе приверженцы его—Коленкуръ, Камбасересъ, даже Маре, который содѣйствовалъ его призванію, съ неудовольствіемъ и неохотно вступали къ нему въ службу. Даже и тѣ, которые побуждали его къ крайнимъ и рѣшительнымъ мѣрамъ, Люціанъ и Карно, не отличались практическими способностями; послѣдній уже потерялъ прежнюю силу, и на него притомъ смотрѣли недовѣрчиво и враждебно [59]); другой былъ только теорикъ и изящный острякъ въ семейномъ кругу. Кто могъ ручаться, что, опираясь на такихъ слабыхъ совѣтниковъ, Наполеонъ найдетъ въ войскѣ прежнюю преданность, еслибъ онъ даже сложилъ съ себя наружный видъ власти государя! Войска, въ продолженіе короткаго междуцарствія, привыкли все обсуждать и критиковать, духъ партій развился между офицерами, малѣйшая податливость оборваннымъ парижскимъ федератамъ казалась солдату униженіемъ. Въ этомъ отношеніи онъ разсуждалъ также, какъ и его прежній повелитель, который не хотѣлъ сдѣлаться Сантерромъ своего народа, послѣ того какъ онъ былъ его Наполеономъ. Онъ презиралъ уличную

---

[59]) Въ пожалованіи графскаго титула, которымъ Карно никогда не пользовался, онъ самъ видѣлъ намѣреніе побудить его къ отставкѣ, которой онъ нарочно не хотѣлъ брать. См. Похвальную рѣчь Араго, въ его соч., изд. Генкеля, I, 493.

свободу и боялся ея, и не отважился дать парижскому пролетаріату обѣщанное оружіе. Отказавшись отъ крайнихъ мѣръ, отъ немедленной войны, отъ диктатуры и республики, онъ по необходимости долженъ былъ идти среднимъ путемъ осторожной политики извнѣ и конституціоннаго правленія внутри; всѣ мѣры перваго плана не нравились ему, напротивъ къ послѣднему онъ все болѣе и болѣе привязывался. Въ послѣдніе годы онъ постепенно пришелъ къ убѣжденію, что конституція есть единственное средство для пріобрѣтенія любви народовъ. Онъ нуждался въ какой нибудь санкціи его новаго правленія, чтобы Европа не могла представлять его простою узурпаціею. Кромѣ того не хотѣлось отстать передъ Бурбонами съ ихъ хартіею. Изъ равнодушія Франціи при паденіи его и Бурбоновъ онъ заключилъ, что политическія потребности и идеи дѣйствительно вкоренились въ народѣ; онъ долженъ былъ опасаться, что если онъ оставитъ безъ вниманія интересы образованныхъ классовъ, то вмѣстѣ съ внѣшнею войною возбудитъ и внутреннюю; а онъ имѣлъ на столько благоразумія и патріотизма, что считалъ это величайшимъ несчастіемъ для себя и для Франціи.

Конституціонная имперія.

Такимъ образомъ Наполеонъ рѣшился объявить новую прокламацію, что онъ принимаетъ теперь конституціонную систему. Это рѣшеніе вынудило его искать опоры въ среднемъ сословіи, которое, какъ ему было извѣстно, не было расположено къ нему, и подать руку той политической партіи, которая была недовольна двуличною и уклончивою бурбонскою конституціею. Къ несчастію, эта партія, дѣйствовавшая отчасти въ пользу принца Орлеанскаго, довѣряла конституціоннымъ намѣреніямъ Наполеона еще менѣе, нежели — Бурбоновъ, и, что еще хуже, — она дѣйствительно имѣла основаніе для этого. Всѣ его наклонности такъ противорѣчили конституціонной системѣ, что онъ тотчасъ повторилъ грубѣйшія ошибки своихъ предшественниковъ, за которыя онъ ихъ порицалъ, и которыя, какъ ему было извѣстно, погубили ихъ: въ теченіе трехъ мѣсяцевъ своего промежуточнаго царствованія онъ допустилъ гораздо болѣе самыхъ странныхъ противорѣчій, чѣмъ Бурбоны въ теченіе 10 мѣсяцевъ ихъ господства. Исторія конституціи ста дней не имѣла послѣдствій, но она очень важна для послѣдующаго времени, потому что она лучше, чѣмъ всѣ историческія и политическія разсужденія, простыми фактами и личными отношеніями Наполео-

на къ конституціоннымъ идеямъ разъясняетъ намъ тотъ общій фактъ, который въ послѣдующіе годы проходитъ черезъ всю европейскую исторію, а именно: борьбу между разными убѣжденіями монарховъ и государственныхъ людей въ необходимости народнаго правительства съ внутреннимъ ихъ отвращеніемъ къ малѣйшей самодѣятельности народа и къ какому бы то ни было существенному ограниченію монархической власти. Наполеонъ, который справедливо гордился силою своей мысли и проницательности, долженъ былъ еще прежде придти къ убѣжденію, которое онъ высказалъ впослѣдствіи,—что „одной атмосферы новѣйшаго времени достаточно, чтобы задушить феодалистовъ“, что лучшіе принципы революціи, дѣйствующіе въ Америкѣ и Англіи, завладѣютъ міромъ и сдѣлаются „убѣжденіемъ, религіею и нравственностью народовъ“. Но злая природа боролась въ немъ съ этимъ убѣжденіемъ и онъ эту борьбу высказалъ съ наивной откровенностью, которая бросаетъ свѣтъ на всѣ другіе подобные случаи, гдѣ также злой принципъ старался прикрыть себя лицемѣрною личиною добрыхъ началъ. Картина двоедушія и противорѣчій Наполеона въ этомъ отношеніи имѣетъ поэтому большой психологическій интересъ. Вначалѣ своего похода онъ обращался къ альпійскимъ жителямъ, не забывшимъ еще революціи, называя ихъ гражданами, — названіе, которое онъ на дальнѣйшемъ пути своемъ перемѣнилъ въ французовъ, а въ Парижѣ—въ подданныхъ. Такимъ же образомъ въ трехъ объявленіяхъ о назначеніи Фурье префектомъ Ліона онъ титуловалъ его гражданиномъ, господиномъ и графомъ [60]). Въ Гренноблѣ онъ объявилъ, что онъ скорѣе хочетъ быть первымъ и лучшимъ гражданиномъ Франціи, чѣмъ ея властителемъ; но въ Парижѣ онъ возстановилъ свой придворный штатъ со всею причудливою роскошью и костюмировкою и тѣмъ поразилъ всѣхъ благоразумныхъ людей, которымъ опротивѣла эта театральная пышность, и которымъ простота во всемъ внушила бы наибольшее довѣріе къ императорскому правленію. Въ Ліонѣ онъ объявилъ уничтоженіе дворянства, но впослѣдствіи назначилъ дворянскую палату перовъ; онъ возсталъ противъ феодализма, а учрежденіемъ „майскаго поля“ онъ возвращался прямо къ сред-

---

[60]) Lafayette. 5, 370.

нимъ вѣкамъ. Въ рѣчи къ городовому совѣту Парижа[1] онъ высказалъ принципъ народнаго господства, который онъ еще въ 1812 г. называлъ идеологіею; онъ объявилъ себя теперь приверженцемъ этого принципа, но продолжалъ говорить о своей столицѣ и своемъ народѣ. Но какъ бы то ни было, нужно же было наконецъ составлять проектъ конституціи. Императоръ торжествовалъ побѣду надъ своими личными чувствами, избравъ для этой работы Констана; онъ очаровалъ конституціоннаго друга г-жи Сталь (также какъ и третьяго главу ея кружка—Сисмонди) своимъ пріятнымъ обращеніемъ и обширнымъ кругомъ своихъ идей, и въ извѣстномъ разговорѣ[1] съ нимъ успѣлъ внушить ему увѣренность въ искренности своихъ конституціонныхъ нимѣреній, которую раздѣляли потомъ и многіе историки [61]). Рѣчь императора казалась искреннею и благородною, когда онъ увѣрялъ, что у него достанетъ многосторонности на столько, чтобы, пріобрѣвши славу всемірнаго завоевателя, которой у него никто не можетъ отнять, попытаться пріобрѣсти еще славу законодателя Солона, или, какъ онъ выражался, славу конституціонныхъ идей Карла Великаго! Нужно было совершенно не умѣть слушать, чтобы въ этомъ разговорѣ императора (какъ его передаетъ Констанъ) на ряду съ голосомъ разсудка, который убѣдилъ его въ невозможности всѣхъ другихъ государственныхъ формъ, кромѣ конституціонной, не замѣтить и того отвращенія, вслѣдствіе котораго императору лично невозможно было подчиниться необходимости принять эту форму. Нація, говорилъ онъ, хочетъ, или только воображаетъ, будто бы хочетъ ораторской трибуны; она даже не всегда это воображала. Теперь же все измѣнилось. Слабое правительство, противодѣйствовавшее народнымъ интересамъ, пріучило народъ къ сопротивленію и неуваженію власти. Вкусъ къ конституціи кажется начинаетъ развиваться; но ея желаетъ только меньшинство, тогда какъ большинство желаетъ только лично его, императора. Однако онъ не хочетъ быть королемъ; еслибъ и были средства управлять государствомъ при помощи конституціи, то это еще вопросъ — можно ли испробовать эти средства; можетъ быть ему и не суждено еще наслаждаться спокойствіемъ конституціоннаго короля, которое навѣр-

[1] 26 марта.

[1] 14 апрѣля.

---

[61]) Напр. Волабелль, продолжатель Биньона Эрнуфъ и др.

ное достанется уже его сыну. Когда впослѣдствіи трудно сдерживаемая солдатская натура въ нѣкоторыхъ случаяхъ сбрасывала съ себя конституціонную маску, — это приводило Констана въ большое недоумѣніе и онъ до такой степени не довѣрялъ самому себѣ, что просилъ Лафайета не вѣрить ему больше, дѣйствовать безъ него и противъ него, чуть только онъ замѣтитъ, что Наполеонъ начинаетъ дѣйствовать деспотически. Люди, лучше понимавшіе императора, какъ напр. Моле, задушевный другъ Фонтана и вмѣстѣ съ нимъ во времена имперіи развивавшій теорію восточнаго деспотизма, тотчасъ же возстали противъ принципа народнаго господства; съ такими людьми Наполеонъ втайнѣ вздыхалъ о диктатурѣ, между тѣмъ какъ въ тоже время въ правительственныхъ актахъ и проектахъ конституціи онъ допускалъ опредѣленія и положенія въ духѣ конституціонной системы. Онъ далъ полную свободу печати, судъ присяжныхъ надъ преступленіями печати, уничтожилъ военные суды, произвольные аресты, предоставилъ общинамъ и національной гвардіи право выбирать себѣ совѣтниковъ, городскихъ начальниковъ и офицеровъ; онъ согласился даже на отвѣтственность министровъ и на всѣ главныя основанія конституціоннаго порядка,— и только тогда, когда предложено было отмѣнить закономъ конфискацію, его деспотическая натура обнаружилась самымъ упорнымъ сопротивленіемъ этому. Констанъ въ своемъ проектѣ конституціи хотѣлъ устранить въ ней всякую связь съ имперіею и ея учрежденіями; но Наполеонъ не хотѣлъ, чтобы погибли безслѣдно нѣсколько лѣтъ его царствованія, какъ Людовикъ XVIII не хотѣлъ, чтобы были забыты нѣсколько вѣковъ господства его дома; по мнѣнію Наполеона конституція его должна была быть только „дополнительнымъ актомъ“ къ учрежденіямъ имперіи, какъ бурбонская хартія—„реформою“ старыхъ учрежденій Франціи. Даже самые ревностные приверженцы императора [62]) находили въ высшей степени странными такія монархическія причуды въ этомъ великомъ человѣкѣ, который еще недавно смѣялся надъ „цѣлью временъ“ Людовика, а теперь самъ становился также смѣшнымъ, доказывая свою легитимность временемъ и совершившимися фактами. Изготовленную и тотчасъ же обнародованную (22 апрѣля) конституцію На-

[62]) Fleury de Chaboulon, 2, 45.

полеонъ такъ же не хотѣлъ подвергнуть общему обсужденію, какъ Людовикъ XVIII—свою хартію. Когда составилось наконецъ давно объявленное собраніе на майскомъ полѣ[1], то оно было просто театральнымъ представленіемъ, гдѣ хотѣли узнать мнѣніе Франціи о новой конституціи, не дозволяя впрочемъ никакого контроля надъ подачею голосовъ. Такимъ образомъ и эта конституція не была французскимъ объявленіемъ правъ, Наполеонъ такъ же погнушался ролью Вильгельма III. Дополнительный актъ, который въ сущности былъ не что иное, какъ измѣненное изданіе хартіи, возбудилъ такое сильное неудовольствіе, что Карно хотѣлъ объявить о новомъ составленіи конституціи, для котораго должны были собраться палаты; но Наполеонъ отложилъ это до другаго времени. И дѣйствительно настоящее время было весьма неудобно для составленія законовъ и опредѣленія законныхъ ограниченій. Наполеонъ почувствовалъ необходимость добиться какимъ бы то ни было образомъ временныхъ исключительныхъ мѣръ, несогласныхъ съ конституціей; ему хотѣлось отдать Витроля подъ военный судъ и удержать плѣннаго Ангулема какъ заложника, но его министры не согласились съ этимъ. Онъ могъ бы добиться этихъ мѣръ и принять на себя диктатуру, которая одна могла поддержать его только тогда, еслибъ онъ представилъ прочныя гарантіи свободы на будущее время. Но надъ его деспотизмомъ свершилась теперь кара, состоявшая въ томъ, что его словамъ свободы во Франціи вѣрили такъ же мало, какъ за границей—его словамъ мира. Началась игра взаимныхъ подозрѣній: друзья конституціи боялись побѣды императора, какъ великаго несчастія, а для него она была бы благодѣтельна и крайне необходима; чтобы обезопасить для себя побѣду, онъ нуждался въ неограниченной власти, а они, чтобы обезопасить себя отъ гибельныхъ для нихъ послѣдствій его побѣдъ, имѣли нужду въ широкихъ конституціонныхъ правахъ, чтобы связать ему руки. Заключенныя въ этомъ кругѣ дѣла Франціи неизбѣжно должны были отдѣлиться отъ дѣла Наполена, что и принудило императора къ умѣренности, нерѣшительности и къ мирнымъ уступкамъ всѣмъ партіямъ; все это, еслибъ и не было на самомъ дѣлѣ слабостію, непремѣнно было бы истолковано какъ слабость и послужило бы въ пользу его противникамъ. Молча императоръ долженъ былъ переносить враждебныя заявленія Лене и Керголая, такъ же какъ

[1] 1 іюня.

твердую и основательную оппозицію, на которую „Censeur“—одинъ только онъ впрочемъ—отваживался въ печати. Онъ сближался съ двуличными сенаторами и генералами, которые его низложили и ругались надъ нимъ, онъ протягивалъ руку измѣнникамъ и интригантамъ, которые прежде позорно оставили его и теперь готовы были оставить. Онъ осудилъ Талейрана на изгнаніе, а потомъ унизился до того, что искалъ примиренія съ нимъ и употребилъ для этого такого посредника, какъ Монтранъ, который принималъ всевозможныя порученія отъ всѣхъ и ко всѣмъ. Онъ пускался на хитрости, чтобы обмануть Фуше, потомъ узналъ объ его измѣнѣ и сказалъ ему въ лицо, что его слѣдовало бы и можно бы разстрѣлять; а потомъ все таки допустилъ ему безпрепятственно окончить свое дѣло, опасаясь того, что когда всѣ узнаютъ объ измѣнѣ Фуше, тогда сдѣлается извѣстнымъ и то, что Фуше не расположенъ къ его дѣлу (такъ оно было ненадежно!).

Внѣшнія дѣла.

Впрочемъ Наполеонъ все еще справился бы съ этими трудностями своего положенія, еслибъ только онъ могъ побѣдоносно выдержать до конца всѣ нападенія внѣшнихъ враговъ. Но это было невозможно для него даже и въ томъ случаѣ, еслибъ онъ и имѣлъ успѣхъ въ началѣ войны,—а онъ и тутъ не имѣлъ его. Вся Европа снова вооружилась противъ него. Онъ думалъ, что по поводу польскаго вопроса возникнутъ несогласія между союзными державами; въ Парижѣ онъ нашелъ подлинныя доказательства договора, который Франція, Англія и Австрія заключили[1] противъ Россіи и Пруссіи, и не преминулъ сообщить объ немъ русскому императору. Затѣмъ онъ старался склонить на свою сторону Англію уничтоженіемъ торга неграми, которая впослѣдствіи принудила Людовика XVIII также согласиться на это. Когда онъ узналъ, что Фуше ведетъ тайные переговоры съ Меттернихомъ, онъ послалъ туда своего вѣрнаго Флери де Шабулона, который ложно долженъ былъ выдавать себя за повѣреннаго Фуше, чтобы попытаться привлечь къ себѣ Австрію и по крайней мѣрѣ открыть путь къ переговорамъ. Но всѣ эти попытки произвести несогласіе между союзными государями не удались; они дѣйствовали единодушно и рѣшительно. Уже въ первомъ своемъ манифестѣ противъ Наполеона[1] они формально осудили его на изгнаніе, и съ средневѣковою жестокостью

[1] 3 января.

[1] Отъ 13 марта

объявили его лишеннымъ покровительства законовъ и предавали его „общественному мщенію“; они обѣщали Людовику XVIII помощь и согласились на возстановленіе Бурбонскаго владычества. Когда въ англійской нижней палатѣ Вайтбридъ сильно напалъ на Вѣнскій манифестъ и на возстановленіе неспособныхъ Бурбоновъ, то Лордъ Кестльри долженъ былъ объявить въ своей ратификаціи[1], что Англія не обязывается давать Франціи именно то или другое правительство; но это была просто только „парламентская вѣжливость“ [63]) для успокоенія оппозиціи. Для всѣхъ англійскихъ государственныхъ и военныхъ людей возстановленіе Бурбоновъ, какъ и въ 1814 г., было дѣломъ несомнѣннымъ. Но императоръ русскій и теперь еще былъ въ сомнѣніи. Онъ видѣлъ, что его опасенія насчетъ Бурбоновъ оправдались; онъ думалъ было о герцогѣ Орлеанскомъ и о регентствѣ и совѣтовался объ этомъ съ англійскими и австрійскими министрами. Но онъ дѣлалъ это съ такою же осторожностію, какъ и Талейранъ, который передъ Кланкарти говорилъ объ общей любви къ Людовику XVIII, и въ то же время передъ Александромъ высказывался совершенно въ другомъ смыслѣ [64]), и который потомъ, замѣтивъ, что англійскіе министры не расположены къ орлеанскому дѣлу, прямо извѣстилъ своего короля объ этомъ вопросѣ, о которомъ тайно разсуждали въ Вѣнѣ [65]). Русскій императоръ раскаивался въ своемъ великодушіи относительно Франціи и Наполеона, и потому теперь союзники могли побудить его безъ сопротивленія согласиться на всякія мѣры противъ той и другаго. Что касается Австріи, то Меттернихъ явно одобрилъ Вѣнскій манифестъ въ той формѣ, какую далъ ему лордъ Кестльри, но въ тоже самое время другой министръ Австріи, баронъ Вернеръ, велъ въ Базелѣ переговоры съ мнимымъ повѣреннымъ Фуше и соглашался съ нимъ на учрежденіе регентства, на возстановленіе принца Орлеанскаго и даже на „федеративную конституцію“. Подъ послѣднею Флери къ ужасу Вернера разумѣлъ республиканскую конституцію, а этотъ видѣлъ въ ней просто нѣмецкое дробленіе государствъ по плану, какой въ то время развивали въ Рейнскомъ „Меркуріи“ и другихъ газетахъ нѣмецкіе патрі-

[1] Отъ 25 марта

[63]) Castlereagh mem. Письмо отъ 8 апрѣля 1815 г.
[64]) Тамъ же 10, 350, 354.
[65]) Chateaubriand, mém. 6,193, который видалъ депешу.

оты, которымъ очень нравилась мысль, одобряемая даже французами, отдѣлить Провансъ и объявить Ліонъ вольнымъ городомъ, какъ онъ самъ предлагалъ это. Всѣ эти двуличныя дѣйствія Меттернихъ считалъ неважностію. Онъ, какъ и англичане, имѣлъ при этомъ въ виду хитрую цѣль, въ которой онъ даже сознавался, воспользоваться противниками Наполеона, произвести раздоръ между его приверженцами, а потомъ на случай нужды и опасности (какъ въ 1814 г.) имѣть для себя лазейку и въ другую сторону. Что страхъ этой возможной опасности и теперь былъ такъ же силенъ, какъ въ 1814 г., это видно по всему. Вслѣдъ за первою преждевременною радостью въ Вѣнѣ какъ и въ Парижѣ возникла самая сильная боязнь при первомъ же успѣхѣ Наполеона; огромныя силы приведены были въ движеніе противъ бѣглеца. Лордъ Кестльри находилъ нужнымъ начать противъ него дѣйствія въ огромнѣйшихъ размѣрахъ и „наводнить" Францію со всѣхъ сто-
25 марта. ронъ. Рѣшено было кромѣ условій парижскаго мира возобновить еще Шомонскій договоръ, по которому союзныя державы обязывались выставить противъ обезсиленной Франціи почти около милліона войска. Умные люди въ Пруссіи, какъ напр. Нибуръ, ожидали продолжительной борьбы,—и въ Берлинѣ извѣстіе о первыхъ неудачахъ союзниковъ возбудило самыя мрачныя опасенія [66]): никто не хотѣлъ вѣрить пророчеству папы, который вопреки епископу Сенъ-Мало предсказывалъ, что эта буря будетъ продолжаться только три мѣсяца. Союзники должны были еще болѣе увеличить свои силы, вслѣдствіе возстанія Мюрата, который своею помощію повредилъ теперь императору столько же, какъ въ прошломъ году своею измѣною. Но какъ легко подавлена была опасность въ Италіи, такъ неожиданно скоро окончился походъ противъ Наполеона. Никто и не воображалъ, что изъ трехъ страшныхъ армій, которыя должны были напасть на Францію со стороны Бельгіи, Нижняго Рейна и Эльзаса, только одно правое крыло окончитъ всю войну въ три дня. Веллингтонъ, бывшій на этомъ крылѣ, считалъ невозможнымъ подвигаться впередъ, если часть непріятельскихъ силъ не будетъ отвлечена отъ этой стороны движеніями другихъ армій. Силы Наполеона всѣ преувеличивали, не смотря на досто-

---

[66]) Записки Фарнгагена. Т. IV.

вѣрныя извѣстія. Удивительныя приготовленія императора, которыя дали бы ему къ осени армію въ 800,000 человѣкъ, еще не были окончены; но онъ пренебрегъ планомъ осторожной защиты и, повторяя систему 1814 г., рѣшился съ своею небольшею подвижною арміею сдѣлать сильныя и быстрыя нападенія на отдѣльныя части непріятельской линіи. Онъ, не объявляя войны, внезапно бросился на средину армій Веллингтона и Блюхера посредствомъ искуснаго движенія, такъ часто ему удававшагося, чтобы разрѣзать ихъ и потомъ разбить каждую отдѣльно. Исключая храбрости войска кажется все измѣнило императору въ этомъ короткомъ походѣ и внѣшнее счастіе и его внутреннія силы. Надъ всѣми тяготѣло гибельное сознаніе, что первая неудача здѣсь будетъ вмѣстѣ и послѣднею. Наполеонъ самъ не обнаруживалъ болѣе прежняго напряженія силъ и прежняго искусства въ выборѣ людей и средствъ; безъ ловкаго Бертье, котораго не могъ замѣнить Сультъ, у него не было человѣка для точной и вѣрной передачи его приказаній на сраженіи; Нею и Груши не доставало осторожности и быстроты для исполненія возложенныхъ на нихъ порученій; дожди и распутица мѣшали быстротѣ движеній. Этимъ случайностямъ и ошибкамъ французы приписываютъ пораженіе при Ватерлоо и не отдаютъ никакой справедливости храбрости ихъ непріятелей. Наполеонъ самъ не признавалъ самой главной причины пораженія, которая состояла въ томъ, что онъ, относясь съ презрѣніемъ къ непріятелю, придавалъ слишкомъ много значенія своей побѣдѣ надъ пруссаками при Линьи и слишкомъ мало цѣнилъ храбрость этихъ одушевленныхъ войскъ, что онъ, раздѣливши свою армію на два растянутые крыла, не оставивъ ничего въ центрѣ, бросился на противника, съ хладнокровною и стойкою храбростью котораго онъ встрѣчался еще въ первый разъ лицемъ къ лицу, и котораго въ рѣшительную минуту поддержалъ прусскій полководецъ съ своимъ войскомъ, не потерявшимъ мужества послѣ пораженія, чѣмъ справедливо гордился Гнейзенау, говоря, что исторія не представляла еще примѣра, чтобы разбитое войско на второй день послѣ пораженія такъ храбро шло къ побѣдѣ и такъ мужественно ее довершило.

15 іюня. 18 іюня. 16 іюня.

Палаты.

Мы указываемъ только мимоходомъ на событія этого воинственнаго дня, бывшаго послѣднимъ отголоскомъ великихъ дѣяній, принадлежавшихъ другому поколѣнію и другому ряду событій, которыя

не относятся къ нашей задачѣ. Напротивъ вліяніе Ватерлооской битвы на развязку дѣлъ въ Парижѣ и Франціи тѣсно связано съ лицами и событіями, которыя относятся къ послѣдующему времени и характеризуютъ его. Пораженіе императора побудило къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ враждебную ему партію въ Парижѣ, которая имѣла теперь соединительный пунктъ для своей законной дѣятельности. Учрежденныя дополнительнымъ актомъ палаты были открыты[1]. Уже въ первыхъ дѣйствіяхъ второй палаты обнаруживалось враждебное расположеніе къ императору; верхняя палата во все время своего короткаго существованія оставалась въ бездѣйствіи и не имѣла никакого значенія. Вслѣдствіе тайныхъ происковъ орлеанистской партіи, вторая палата выбрала президентомъ Ланжюине, который въ 1814 г. подавалъ голосъ за низложеніе Наполеона; Дюпенъ предложилъ[1] отказаться отъ присяги, назначенной простымъ декретомъ, а адвокатъ Руа предложилъ[1] обвинить министровъ за то, что императоръ началъ войну безъ совѣта съ палатами. Но пока армія сохраняла силу, подобныя предложенія были безуспѣшны и безопасны. Но когда 18 іюня получено было извѣстіе о пораженіи, тогда наступило время этой партіи, которымъ она и воспользовалась, чтобы пріобрѣсть себѣ скорую, но впослѣдствіи для ней самой невыгодную побѣду. Бонапартисты въ палатахъ и внѣ ихъ говорили, что настоящее положеніе Франціи требуетъ послѣдовать примѣру Рима послѣ битвъ при Каннахъ, дѣйствовать, а не говорить, внушить народу рѣшимость соединиться противъ иноземцевъ, оставивъ всѣ внутренніе раздоры. Наполеонъ еще однажды рѣшился было для этой цѣли самовольно взять на себя диктатуру и Карно и Люціанъ побуждали его къ этому; но онъ отказался отъ этой мысли въ ту самую минуту, когда оставилъ армію. Онъ отправился въ Парижъ, опасаясь нерѣшительныхъ и недоброжелательныхъ людей, чтобы получить тамъ диктатуру отъ палатъ: на это еще можно было бы разсчитывать, еслибъ онъ имѣлъ твердую опору, еслибъ онъ далъ доказательства своей непреклонной силы и такимъ образомъ удержалъ бы своихъ противниковъ въ страхѣ и молчаніи. Онъ впослѣдствіи хвалился какъ предусмотрительностью тѣмъ, что онъ увидѣлъ невозможность сопротивляться въ одно время и союзнымъ державамъ и роялистскимъ и другимъ партіямъ во Франціи, неподвижной массѣ и тому нравственному осужденію, которое еще

[1] 3 іюня.
[1] 6 іюня.
[1] 16 іюня.

болѣе увеличиваетъ страданія всякаго несчастнаго. Но то, что онъ назвалъ здѣсь предусмотрительностью,—на дѣлѣ было только подчиненіемъ необходимости. Пораженіе поколебало мужество въ немъ и во всѣхъ его окружавшихъ, такъ что онъ боялся теперь (слишкомъ поздно!) принимать на себя одного великую отвѣтственность. Ни Ней, наведшій на палату перовъ паническій страхъ своимъ извѣстіемъ о битвѣ, ни самъ Наполеонъ не надѣялись въ первые дни на спасеніе корпуса Груши; но въ Парижѣ все считали потеряннымъ, хотя бы этотъ корпусъ и успѣлъ спастись. Это придавало смѣлость и мужество противникамъ Наполеона. Въ палатахъ было немного людей, проникнутыхъ патріотическимъ духомъ, которые смотрѣли на дѣло Наполеона какъ на дѣло Франціи; между ними было нѣсколько тѣхъ старыхъ республиканцевъ, которые въ прежнія времена съ достоинствомъ говорили противъ Наполеона, а теперь съ достоинствомъ дѣйствовали за него. Совершенно иначе разсуждали орлеанисты, которые принимали участіе въ военномъ возстаніи сѣверныхъ департаментовъ. Наполеонъ, къ своему огорченію, узналъ, что это движеніе было произведено вовсе не въ его пользу, поэтому въ дополнительномъ актѣ онъ сдѣлалъ опредѣленіе, которое изгоняло навсегда изъ Франціи весь Бурбонскій домъ; но за тѣмъ онъ больше не принялъ никакихъ мѣръ противъ этой скрытной партіи, которая не отваживалась даже назвать своего главу. Принадлежавшій къ этой партіи Лафайетъ, который и прежде поддерживалъ враждебныя предложенія Руа и Дюпена, тотчасъ по полученіи извѣстія о битвѣ при Ватерлоо¹ потребовалъ, чтобъ палаты объявили свои засѣданія непрерывными, что они и сдѣлали; они должны были предотвратить диктатуру, повтореніе 18 брюмера и государственный переворотъ, опасаться котораго заставляло всѣхъ одно присутствіе Люціана Бонапарте и его дѣятельность. Его друзья сдѣлали затѣмъ другое предложеніе, которое имѣло ту цѣль, чтобы поставить Лафайета во главѣ національной гвардіи; Фуше черезъ своего кліента Жей (Jay) возбудилъ вопросъ объ отреченіи Наполеона; но въ этотъ день у палатъ еще не доставало мужества для такой отважной мѣры. Но разъ это слово было произнесено,—и всѣ стали видѣть въ отреченіи средство удержать непріятелей, непосредственно возстановить миръ и обезпечить свободный выборъ новаго правленія. Поз-

¹ 21 іюня.

дно вечеромъ въ совѣтѣ министровъ императора Лафайетъ настаи-
22 іюня. валъ на отреченіи, и на слѣдующій день палата приняла рѣшеніе требовать его отъ Наполеона; Лафайетъ предложилъ прибавить къ этому, что въ случаѣ его отказа рѣшено будетъ низложить его. Наполеонъ далъ отреченіе въ пользу своего сына; онъ боялся попытки новаго 18 брюмера, неудача которой была бы для него очень опасна [67]). Теперь только орлеанистская мысль стала высказываться смѣло: Дюпенъ и Сципіо Мургесъ предлагали объявить престолъ упраздненнымъ; но палата не отважилась высказать это такъ прямо, а рѣшилась сдѣлать тоже самое только косвеннымъ путемъ. Отреченіе требовало учрежденія регентства для отсутствующаго Наполеона II; но вмѣсто этого палата учредила временное правительство изъ пяти членовъ, главою котораго былъ Фуше. На слѣ-
23 іюня. дующій день получено было извѣстіе о спасеніи отряда Груши; стали опасаться, что Наполеонъ измѣнитъ свое рѣшеніе, если его отреченіе не будетъ принято во всемъ его объемѣ: поэтому сдѣлано было предложеніе о призваніи Наполеона II. Но хотя палата, зная что союзныя державы противъ этого, и не имѣла на столько рѣшительности, чтобъ дать ходъ этому предложенію, однако она приняла мотивированное распредѣленіе своихъ дневныхъ занятій, въ которомъ, хоть и не прямо, заключалась мысль о его призваніи. Предложеніе о призваніи сдѣлано было Манюелемъ, который въ этотъ день пріобрѣлъ славу оратора и государственнаго человѣка, хотя онъ дѣйствовалъ совершенно по указаніямъ Фуше.

Побужденія, руководившія второй палатой. Лафайетъ.

Въ поступкахъ и образѣ дѣйствій палаты въ этотъ и слѣдующіе дни замѣтно странное колебаніе между благоразуміемъ и заносчивостью, слабостью и отвагою, между побужденіями и чувствами, какія внушало большинству положеніе побѣжденной страны, и между тѣми внушеніями, какія исходили отъ вліятельныхъ членовъ, которые дѣйствовали точно побѣдители, овладѣвшіе положеніемъ дѣлъ. Наполеонъ самъ объяснялъ такой образъ дѣйствій составомъ палаты, въ которомъ преобладали средніе классы, ихъ интересы и стремленія. Постановленіе дополнительнаго акта (ст. 26), по которому требовалось только свободно говорить, чтобы быть избраннымъ въ палату, подало поводъ, что въ пала-

---

67) Lucian Bonaparte, la vérité sur les cent-jours. 1835. стр. 61.

ту были избраны массы чиновниковъ и сотни адвокатовъ, которые по большей части служили выраженіемъ средняго и высшаго мѣщанства. Приверженцы орлеанистской партіи опирались на эту часть народонаселенія; Лафайетъ, который всегда хотѣлъ занимать свое естественное мѣсто начальника мѣщанской гвардіи, могъ назваться ея главою. Наполеонъ держался такого убѣжденія относительно этого сословія, что оно было выдвинуто революціей и совершенно не соотвѣтствовало своему назначенію. Это убѣжденіе сложилось въ немъ на основаніи дѣйствій этого сословія именно въ настоящее время, когда оно пожертвовало честью націи, не показало въ себѣ ни характера, ни твердости и обнаружило ограниченность своихъ политическихъ понятій,—чего и слѣдовало ожидать отъ сословія, которому недоставало большой опытности въ дѣлахъ и преданія, составляющаго вторую опытность,—которое, не владѣя значительными имуществами и постоянно развлекаемое многочисленными занятіями, не могло сосредоточить свою дѣятельность на государственныхъ дѣлахъ и потому безъ всякой самостоятельности и предусмотрительности приставало къ каждому, кто обѣщалъ ему выгоды, и отъ каждой государственной перемѣны требовало непосредственныхъ и ближайшихъ выгодъ. И въ самомъ дѣлѣ мѣщанство безсмысленно смотрѣло на первое паденіе Наполеона, не заботясь о будущемъ; недовольное тѣмъ, что случилось потомъ, оно въ бездѣйствіи смотрѣло на паденіе Бурбоновъ, радовалось, что освободилось отъ нихъ и опять не думало о завтрешнемъ днѣ; теперь оно, сдѣлавшись нѣсколько дѣятельнѣе, отвергло Наполеона, какъ препятствіе къ миру, не взвѣсивши безъ самообольщенія всѣхъ послѣдствій этого. Пришло наконецъ время подумать о томъ, что по удаленіи Наполеона нужно же будетъ выбирать новое правительство; въ палатѣ одинаково сильно было нерасположеніе какъ къ Бурбонамъ, такъ и къ Наполеону. Она возставала противъ послѣдняго, помня манифестъ державъ противъ него, и также точно возставала противъ первыхъ, полагаясь на пустыя слова англійской ратификаціи. Соображаясь съ намѣреніями союзниковъ по чувству страха, внушеннаго Ватерлооскимъ пораженіемъ, палата воображала въ тоже время, будто побѣдители въ самомъ дѣлѣ приняли твердое рѣшеніе не навязывать Франціи никакого правительства, тогда какъ это рѣшеніе очевид-

но высказано было только для того, чтобы Франція не смѣшивала своего дѣла съ дѣломъ Наполеона. Недостатокъ твердости и сообразительности, обнаруживающійся въ этомъ самообольщеніи палаты объясняется щекотливымъ тщеславіемъ французской натуры. Оно выразилось самымъ разительнымъ образомъ въ руководителяхъ дѣятельной партіи того времени. Какая бездна тщеславной самоувѣренности была напр. у Б. Констана, который, бывши прежде противникомъ Бурбоновъ [68]), хотѣлъ поддержать ихъ въ послѣднюю минуту ихъ паденія; въ эту самую минуту онъ сдѣлался горячимъ противникомъ Наполеона и тотчасъ же послѣ этого надѣялся служить ему опорою въ его крайне шаткомъ положеніи; и этотъ-то человѣкъ теперь, когда произнесено было слово—отреченіе, предался несбыточной мечтѣ, что этотъ актъ дастъ націи возможность свободно выбрать для себя правительство! Отсутствующій глава конституціонистовъ былъ точно такого же мнѣнія. Герцогъ Орлеанскій уже въ маѣ [69]) писалъ пророческимъ тономъ, что палаты послѣ пораженія императора низвергнутъ его; но потомъ, думалъ онъ, союзники вступятъ въ переговоры съ палатами, станутъ принимать ихъ условія, въ числѣ которыхъ будетъ и то, чтобы союзники объявили себя противъ Наполеона, и воображалъ, что палата будетъ уже не такъ податлива и покорна союзникамъ, какъ сенатъ въ 1814 году. Болѣе естественное предположеніе, что союзники не станутъ больше церемониться съ палатами, не приходило герцогу на мысль. Особенно рѣзко обнаружилось это самодовольное тщеславіе въ Лафайетѣ. Слава, пріобрѣтенная имъ въ Америкѣ, постоянно мучила его и почти совершенно измучила; въ теченіе долгихъ бурныхъ годовъ Франціи онъ занятъ былъ только собою и своею личностію и считалъ себя тѣмъ выше, чѣмъ болѣе помрачали его окружавшія его событія и личности. Менѣе всѣхъ онъ былъ способенъ, какъ въ 1792 и 1814 годахъ, такъ и теперь, съ самоотверженіемъ рѣшиться на какую нибудь жертву для возвышенія національной чести. При первомъ возстановленіи онъ безуспѣшно старался сблизиться съ Бурбонами, такъ какъ Людовикъ XVIII питалъ систематическое от-

---

[68]) Въ его Réactions politiques, которые были написаны за 8 лѣтъ прежде.
[69]) Письмо къ Карлу Стюарту отъ 30 мая, въ Castlereagh, memoirs.

вращеніе ко всѣмъ конституціонистамъ первыхъ временъ революціи. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ онъ принятъ былъ герцогомъ Орлеанскимъ, котораго одного изъ всѣхъ Бурбоновъ онъ считалъ способнымъ къ конституціонной свободѣ. При возвращеніи Наполеона онъ относился къ нему съ холодностію, равно какъ и къ Іосифу Бонапарте. Вмѣстѣ съ своими антибурбонскими друзьями онъ думалъ, что „императоръ своимъ прибытіемъ уничтожилъ ихъ конституціонную партію и тѣмъ погубитъ себя" [70]). Но обстоятельства дали обратный видъ этому положенію и въ этомъ видѣ оно было вѣрно: партія низвергла императора и тѣмъ погубила себя. Еще прежде чѣмъ собрались палаты, онъ началъ уже тайно дѣйствовать противъ императора и обнаружилъ при этомъ туже пустую самоувѣренность, какъ и въ 1814 г., когда онъ хотѣлъ произвести переворотъ только своими руками и своимъ именемъ, и тоже незнаніе людей и обстоятельствъ. Онъ хотѣлъ низвергнуть Наполеона во время собранія на Майскомъ полѣ, воспользовавшись безпорядками этого дня, единственнаго дня, въ который, казалось, снова пробудился было прежній энтузіазмъ къ его личности; онъ просилъ для этого содѣйствія у Фуше и Карно, изъ которыхъ первый имѣлъ только смѣлость въ тотъ же день посовѣтовать Наполеону отреченіе въ пользу его сына, но ничего не хотѣлъ вынудить у него силой, а о послѣднемъ самъ Лафайетъ зналъ, что онъ вѣритъ либеральнымъ обѣщаніямъ Наполеона и преданъ ему [71]). Что̀ не удалось въ этотъ день, то было сдѣлано въ палатѣ послѣ пораженія при Ватерлоо. Упомянутое выше предложеніе Лафайета о непрерывномъ засѣданіи палаты фактически уничтожало владычество Наполеона. Слава Лафайета, пріобрѣтенная этимъ, была даже выше сомнительной славы Лене и Рейнуара, которые въ 1813 г. преждевременнымъ сопротивленіемъ непріятелю открывами ему желаемыя внутреннія несогласія; онъ настаивалъ потомъ на низложеніи императора и не боялся позора, покрывшаго сенатъ въ 1814 г. и бывшаго еще въ свѣжей памяти у всѣхъ. На возраженіе Дюпона-де-Леръ противъ его предложенія о непрерывности засѣ-

---

[70]) Lafayette mém. 5, 360,

[71]) Такъ онъ самъ говоритъ въ сочиненіи, принадлежащемъ ему и Ланжюине: Esquisse hist. sur les cent jours, 1819. стр. 13.

данія,—что онъ хочетъ этимъ сдѣлать, не будучи въ силахъ противиться непріятелямъ, которые навѣрное снова возвратятъ Бурбоновъ?—онъ не нашелся что и отвѣтить; онъ засмѣялся съ увѣренностью, свойственною ограниченности, и сказалъ, что если Наполеонъ будетъ свободенъ, то онъ все сдѣлаетъ. Казалось онъ самъ тоже хотѣлъ сдѣлать все. Онъ хотѣлъ „устроить революціонное правительство, способное къ одушевленію и твердости и вызвать всѣ силы націи"; безъ всякаго сомнѣнія онъ считалъ себя человѣкомъ, который долженъ стать во главѣ такого правительства. Но никто не раздѣлялъ убѣжденій, которые онъ имѣлъ о своей личности и популярности. Его не назначили начальникомъ національной гвардіи даже Парижской; его не выбрали и въ число членовъ временнаго правительства, глава котораго напротивъ отправилъ его съ депутаціею къ союзнымъ государямъ для переговоровъ объ устраненіи Бурбоновъ. Оскорбленное тщеславіе побуждало его отказаться отъ этого второстепеннаго мѣста и неловкаго порученія, но то же самое самодовольное тщеславіе принудило его и принять такое назначеніе. Онъ думалъ сдѣлать что нибудь для своихъ цѣлей при личномъ свиданіи съ императоромъ

30 юня. Александромъ. Посланные послѣ долгихъ поисковъ нашли наконецъ союзныхъ государей въ Гагенау, но Лафайетъ ни разу не былъ допущенъ къ императору. Депутація получила рѣзкій отказъ на свои предложенія и кромѣ того еще должна была испытать на себѣ англійскую грубость лорда Стюарта, такъ что по возвращеніи въ Парижъ депутаты стыдились разсказывать объ унизительномъ пріемѣ, сдѣланномъ имъ. Лафайетъ, по крайней мѣрѣ въ той роли, которую онъ игралъ въ эти дни, показалъ себя дѣйствительно такимъ, какъ его охарактеризовалъ Наполеонъ: „дуракомъ относительно людей и дѣлъ." Въ дѣлахъ имъ руководилъ особенно Фуше.

Фуше.

Фуше игралъ главную роль при второмъ возстановленіи Бурбоновъ, какъ Талейранъ при первомъ, и былъ тѣмъ дѣятельнѣе, что страсть вмѣшиваться вездѣ и желаніе всунуть, какъ выражался Наполеонъ, свою ногу въ башмакъ къ каждому, составляли существенную черту его натуры. Онъ, также точно какъ и Талейранъ годъ тому назадъ, не могъ направить хода событій въ ту сторону, въ какую бы ему хотѣлось, но онъ самъ слѣдовалъ

за теченіемъ обстоятельствъ, куда бы оно не привело его и гдѣ бы ни нашлась для него удобная пристань. Онъ и теперь дѣйствовалъ точно также, какъ и въ другихъ критическихъ случаяхъ, бывавшихъ съ нимъ прежде: онъ шелъ со всѣми, чтобы однако не погибнуть ни съ кѣмъ, готовъ былъ идти противъ всякаго и погубить каждаго, которому только измѣнило счастіе. Въ своихъ запискахъ онъ наивно высказалъ мысль, что весьма естественно и потому справедливо было, когда честолюбивые люди при первыхъ же несчастіяхъ революціоннаго правительства обратились противъ этого правительства; съ такою естественною справедливостью онъ поступалъ всегда, а также и теперь. Каково бы ни было дѣло, каковы бы ни были политическія убѣжденія и формы, изъ за которыхъ приходилось дѣйствовать, — это было для него совершенно все равно, онъ имѣлъ въ виду только свое личное дѣло. Франція и Фуше были для него нераздѣльны только до тѣхъ поръ, пока ихъ интересы совпадали между собою; но какъ скоро они расходились, тогда непремѣнно брали рѣшительный перевѣсъ его личные интересы; и этотъ принципъ онъ откровенно высказалъ въ своихъ запискахъ, и каково бы ни было его участіе въ составленіи этихъ записокъ, но откровенность ихъ совершенно въ духѣ Фуше. Сообразно этимъ своекорыстнымъ принципамъ онъ преспокойно мѣнялъ свои убѣжденія во всякое время; онъ былъ жестокъ, когда онъ какъ террористъ могъ дѣйствовать съ демократами; потомъ во время директоріи онъ восхвалялъ аристократическую республику, гдѣ каждый способный человѣкъ можетъ найти себѣ мѣсто; послѣ того онъ безразсудно служилъ деспотическому монарху, потому что могъ пользоваться при немъ значеніемъ, выгодами и вліяніемъ. Всегдашній его образъ дѣйствій, которымъ онъ хвастался при каждомъ частномъ измѣненіи своего направленія, состоялъ въ томъ, что онъ всегда старался избѣжать крайностей въ окружавшихъ его обстоятельствахъ и „занять средину между угнетающими и угнетенными“, что и облегчало для него переходъ отъ одной стороны къ другой при измѣненіи обстоятельствъ, въ случаѣ если угнетенные становились угнетающими. Такимъ образомъ роль его теперь была такая же, какъ въ переходное время отъ 1799 до 1800 г. Онъ тогда совѣтовалъ выжидать, избѣгать всего „рѣшительнаго, преждевременнаго, враждебнаго“, и те-

перь онъ въ такомъ же тонѣ писалъ Фошъ Борелю: ни въ какомъ случаѣ не принимать рѣшительныхъ мѣръ и не сжигать кораблей ни въ какомъ лагерѣ. При такой перемѣнѣ роли, въ этомъ выжидающемъ и наблюдательномъ положеніи Фуше не былъ однако слабъ и нерѣшителенъ; идти двумя путями обыкновенно значитъ дѣйствовать нерѣшительно, но онъ былъ рѣшителенъ на каждомъ шагу и во всякомъ дѣлѣ. У него также мало было скрытности, пронырливости и желанія льстить, но онъ всегда закрывалъ себя маской самаго полнаго лицемѣрія: онъ былъ грубъ и рѣзокъ, открыто высказывалъ свое нерасположеніе къ тому, что ему не нравилось, хотя готовъ былъ сдѣлать это по приказанію и необходимости. Такимъ образомъ онъ часто говорилъ правду Наполеону, и также сознавался, что ему самому именно недостаетъ правды. Такимъ же образомъ при первомъ возстановленіи Бурбоновъ онъ предлагалъ имъ совѣты вполнѣ вѣрные и основательные; онъ не льстилъ королю, не увѣрялъ, что народъ его любитъ, но только указывалъ, какъ онъ можетъ пріобрѣсти любовь народа, и говорилъ, что онъ не можетъ называться „желаннымъ", а долженъ быть испытаннымъ и надежнымъ. Выше было разсказано, какъ онъ, отвергнутый Бурбонами, сталъ дѣйствовать съ Орлеанистами и возбудилъ военный мятежъ на сѣверѣ, какъ онъ измѣнилъ Бурбонамъ и въ то же время поддерживалъ ихъ совѣтами, съ какимъ хладнокровіемъ онъ объявилъ о ихъ паденіи и о своемъ обращеніи къ императору. Затѣмъ онъ сблизился съ послѣднимъ, которому онъ былъ непріятенъ, но необходимъ, и увѣрялъ, что онъ уже прежде хотѣлъ обратиться къ нему; онъ хвалился предъ нимъ своимъ участіемъ въ возстаніи войска, которое было не въ пользу императора, и въ бѣгствѣ короля, которое послѣдовало бы и безъ него. Въ ту минуту, когда онъ узналъ о враждебномъ расположеніи союзниковъ къ Наполеону, онъ увидѣлъ уже непрочность наполеоновскаго владычества и принялъ поэтому свои мѣры. Онъ воспользовался первымъ представившимся случаемъ, чтобы войти въ сношенія съ Меттернихомъ, которому онъ оказалъ обязательную услугу въ 1809 году. Еще въ 1807 г., послѣ сраженія при Эйлау, иностранные министры видѣли въ Фуше человѣка, съ которымъ въ случаѣ перемѣны счастія можно будетъ вести переговоры въ пользу Бур-

боновъ и противъ Наполеона; и теперь Меттернихъ не задумался воспользоваться этимъ министромъ императора для тайныхъ и враждебныхъ дѣйствій противъ него. Посланный Меттерниха былъ схваченъ префектомъ полиціи Реалемъ, и Наполеонъ, какъ мы видѣли, предупредилъ переговоры Фуше, пославъ въ Базель Флери какъ будто отъ имени самаго Фуше; какъ скоро Фуше узналъ объ этомъ, онъ тотчасъ же представилъ императору письмо Меттерниха и съ наглою откровенностью оправдался предъ нимъ; онъ сказалъ Флери, что онъ велъ это дѣло тайно отъ императора собственно потому, что иначе императоръ не удержалъ бы его въ секретѣ, какъ это было нужно [72]). Все это такъ согласно было съ обыкновенной манерой Фуше, что Наполеонъ повѣрилъ ему. Но когда онъ отъ Брессона и Монтрона узналъ о дальнѣйшихъ его сношеніяхъ съ Меттернихомъ, тогда только понялъ его замыселъ и сталъ грозить ему, но Фуше не боялся его угрозъ. Послѣ этого, кого же еще могъ опасаться Фуше, если онъ не краснѣлъ предъ Наполеономъ и не страшился его угрозъ? Катастрофа приближалась и онъ дѣйствовалъ повидимому со всѣми и для всѣхъ и радъ былъ всякому порядку, только бы онъ былъ возстановленъ подъ его вліяніемъ. Еще за три дня до битвы при Ватерлоо онъ вошелъ въ переписку съ Веллингтономъ [73]); онъ побудилъ Манюэля говорить о регентствѣ, когда еще можно было опасаться войска; онъ выдавалъ рѣшенія временнаго правительства отъ имени „французскаго народа“, а не отъ имени Наполеона II, держалъ себя свободно въ отношеніи къ другимъ державамъ,—и этой патріотической дѣятельностью приводилъ въ восторгъ почтеннаго Карно и ему подобныхъ; затѣмъ онъ устроилъ свою мастерскую продѣлку, заставивъ главу Орлеанистовъ, Лафайета, прогуляться въ главную квартиру союзниковъ. Но въ тоже самое время, когда онъ давалъ послѣднему инструкцію правительства вести переговоры съ союзными государями въ пользу каго бы то ни было, только бы не въ пользу Бурбоновъ, онъ писалъ Людовику XVIII [74]) и всѣми

15 іюня.

---

[72]) Fleury de Chaboulon 2, 10—25.

[73]) Объ этомъ упоминается два раза въ запискѣ Веллингтону, которую Фуше писалъ уже въ изгнаніи для оправданія своей роли въ это время. Въ memoirs Кестльри.

[74]) Забавный анекдотъ объ этомъ находится въ исторіи 100 дней Капефига.

мѣрами дѣйствовалъ въ пользу тѣхъ же Бурбоновъ, пріобрѣлъ себѣ союзника въ Витролѣ, освободивши его изъ заключенія, и убѣдилъ Даву, отъ котораго теперь зависѣло войско, дѣйствовать въ пользу возстановленія короля.

Дѣйствія Фуше въ пользу Бурбоновъ.

Фуше рѣшился на эти дѣйствія вслѣдствіе прямаго увѣренія Веллингтона, что возстановленіе короля непремѣнно послѣдуетъ. А до сихъ поръ онъ еще поддавался своему пристрастію къ другому правительству; онъ лицемѣрно показывалъ довѣріе, которое другіе въ самомъ дѣлѣ имѣли, къ обѣщанію союзныхъ государей, по которому они предоставляли самой Франціи выбрать для себя правительство. Когда это обѣщаніе взято было назадъ за то, что Франція пристала къ Наполеону, то онъ называлъ это софизмомъ и показывалъ видъ, какъ будто и онъ вмѣстѣ съ другими заблуждался относительно этого обѣщанія. Такимъ образомъ предъ союзниками, даже передъ самыми Бурбонами, въ разговорѣ съ Витролемъ и впослѣдствіи съ Бурьеномъ онъ смѣло высказывалъ свое недовѣріе къ владычеству Бурбоновъ и являлся открытымъ противникомъ ихъ системы. Но за то теперь онъ вознаградилъ это тѣмъ, что съ такою же смѣлостію подвергалъ себя даже опасности за дѣло Бурбоновъ. Когда узнали объ его поступкѣ съ Витролемъ, тогда Карно потребовалъ, чтобы послѣдняго снова арестовали и заключили, но Фуше извѣстилъ его объ опасности и тотъ скрылся; въ главной квартирѣ генералъ Дежанъ предлагалъ разстрѣлять самаго Фуше. Нѣсколько офицеровъ послали въ палату заявленіе противъ Бурбоновъ, которое подписалъ также и несчастный Даву, уже склоненный Фуше въ пользу Бурбоновъ. Палата приняла его съ живѣйшимъ одобреніемъ, хотя уже извѣстно было, что союзники были на сторонѣ Бурбоновъ. Такія мнимо свободныя отношенія къ союзникамъ и Бурбонамъ палата сохраняла до самаго своего уничтоженія, какъ будто воображая, что въ ея рукахъ находятся условія мира и конституціи, тогда какъ ни Франція, ни ея войско и правительство, ни ея представители не сдѣлали ни малѣйшей попытки къ дѣятельному сопротивленію и защитѣ. Палату не могла вывести изъ этого самообольщенія даже та отталкивающая суровость, съ которою союзники, занявшіе уже Сенъ—Дени, отвергали всѣ не нравившіяся имъ предложенія. Они совершенно отказывались отъ перемирія; Блюхеръ на предложенія Даву

30 іюня.

28 іюля.

отвѣчалъ письмомъ, наполненнымъ грубыми оскорбленіями; генералъ Рове, просившій перемирія, получилъ отъ Цитена приказаніе сдать городъ и войско. Благоразумный Веллингтонъ убѣдилъ раздраженнаго Блюхера согласиться на заключеніе капитуляціи, по которой городъ сдавался почти безусловно, а войско обязывалось въ теченіе трехъ дней отступить за Лоару. Палата приняла эти условія безъ малѣйшаго сопротивленія, хотя ими предоставлялся полный просторъ мести Бурбоновъ, раздраженныхъ на нее: Блюхеръ настаивалъ, чтобы въ капитуляціи не было ни одной политической статьи и чтобы такимъ образомъ предоставить полную свободу союзникамъ и Бурбонамъ. Палатѣ казалось, какъ будто это ей хотѣли предоставить полную свободу. Она еще разъ начала совѣщаніе, какъ будто была увѣрена, что французскій Вильгельмъ III сдѣлаетъ „объявленіе правъ"; на случай возможной опасности она предложила потребовать еще „объявленія принциповъ", которое должно было служить постояннымъ напоминаніемъ и урокомъ каждому правительству, уклоняющемуся отъ нихъ. Неописанный восторгъ овладѣлъ палатою, когда это предложеніе было принято единогласно. Всѣ эти подвиги палаты возбуждаютъ удивленіе въ французахъ, а на иностранца они производятъ такое впечатлѣніе, что кажется, какъ будто все собраніе находилось тогда въ умопомѣшательствѣ. Даже дальновидный Фуше не ожидалъ, чтобы палата такъ далеко зашла въ своемъ упорствѣ. Во время ея совѣщанія, будучи еще главою временнаго правительства, онъ уже сдѣлался министромъ полиціи у Людовика XVIII; палата и не воображала этого; до послѣдняго времени она даже не могла и представить себѣ, „чтобы судья Людовика XVI могъ быть повѣреннымъ Бурбоновъ" 75). Онъ отправился къ Веллингтону въ Невиль, разсказалъ ему въ какомъ положеніи находятся дѣла и каково общее настроеніе относительно Бурбоновъ. Веллингтонъ старался ускорить возвращеніе короля, чтобы возстановленіе его было совершившимся фактомъ, прежде чѣмъ соберутся государи; также ревностно онъ хлопоталъ о томъ, чтобы Фуше вступилъ въ министерство, надѣясь этимъ пріобрѣсти его содѣйствіе въ Парижѣ, которое онъ считалъ для себя необходимымъ. Талейранъ представилъ его королю въ

1 іюля. 3 іюля. 6 іюля. 5 іюля. 6 іюля.

75) Lamarque, souvenirs. 1, chap. 11.

Сенъ-Дени [76]); даже Фуше не могъ побѣдить въ себѣ непріятнаго чувства, которое произвелъ въ немъ ироническій видъ Талейрана; король въ обыкновенномъ своемъ грязно шутливомъ тонѣ называлъ эту встрѣчу съ цареубійцей „потерею своей невинности", какъ Блакасъ называлъ свой прежній разговоръ съ нимъ „оскверненіемъ". Возвратившись въ Парижъ, Фуше сдѣлалъ скорый конецъ парламентской комедіи. Палата обсуждала проектъ новой конституціи, когда пришло извѣстіе, что временное правительство уничтожено и Людовикъ XVIII прибудетъ сегодня или завтра. Манюэль, говорившій въ это время о наслѣдственности перовъ, продолжалъ свою прерванную рѣчь и предложилъ на слѣдующій день, въ случаѣ какихъ нибудь насильственныхъ мѣръ, повторить объявленіе Мирабо, что палата уступитъ только штыкамъ. Ночью Фуше приказалъ запереть залу засѣданій палаты. Возвратившійся Лафайетъ лично видѣлъ конецъ объявленнаго имъ непрерывнаго засѣданія. Но Фуше прославляли бурбонистическія газеты: онъ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ обѣщалъ, онъ спасъ монархію и возвратилъ короля.

7 іюля.

Второе возстановленіе Бурбоновъ.

Королевскій дворъ въ Гентѣ въ первое время его пребыванія тамъ менѣе всего воображалъ, что онъ возвратится во Францію съ цареубійцею въ министерствѣ и Талейраномъ. Приверженцы Артуа думали извлечь для себя всѣ выгоды изъ трагическаго положенія его семейства и всю вину несчастій, постигшихъ Бурбоновъ, сваливали на хартію, на слабое правленіе короля и его министра иностранныхъ дѣлъ. Поэтому они вмѣстѣ съ Блакасомъ требовали удаленія Талейрана. Но этотъ взглядъ раздѣляли не многіе изъ иностранныхъ государственныхъ людей, съ которыми опять долженъ былъ соображаться Людовикъ, и даже не всѣ въ его собственномъ лагерѣ. Шатобріанъ, въ отсутствіи Монтескью сдѣлавшійся временнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ своемъ „донесеніи королю" о состояніи Франціи защищалъ передъ Европою Бурбоновъ и ихъ хартію, а передъ Бурбонами—министерство и свою систему умѣренной свободы; французы считаютъ своею обязанностью удивляться этому сочиненію, а умный нѣмец-

---

76) Шатобріанъ видѣлъ обоихъ, когда они входили,—Талейранъ опирался на руку Фуше, «порокъ поддерживалъ преступленіе».

кій наблюдатель [77]) назвалъ его „болтовнею лицемѣрнаго мистика,“ который во время пребыванія въ Гентѣ особенно любилъ находиться въ обществѣ монахинь. Приверженцы Артуа подняли страшный крикъ противъ этого одобренія хартіи; напротивъ министры, подавая въ отставку, въ запискѣ Беньо нападали на принцевъ, на ихъ совѣты и на всѣхъ тѣхъ, которые вызвали бурю противъ Франціи и трона. Но всѣ эти министры короля, не одинъ только Блакасъ, казались англійскимъ и другимъ государственнымъ людямъ, наблюдавшимъ ихъ въ Гентѣ, существами безпомощными, которые не знали настоящаго и прошедшаго и не имѣли никакихъ плановъ относительно будущаго; они—писалъ лордъ Гаровби Веллингтону—просто только „прилагательныя имена“, и потому, вполнѣ подчиняясь грамматикѣ, никогда не осмѣливаются стоять одни и самостоятельно [78]). Веллингтонъ поэтому и хотѣлъ дать имъ въ руководители Талейрана, когда онъ прибылъ изъ Вѣны въ Гентъ, и Фуше, такъ какъ ихъ считали единственными людьми, которые понимаютъ современное положеніе дѣлъ. И Шатобріану на такъ легко было, какъ это ему казалось [79]), отнять первенство у этихъ людей, даже еслибъ онъ и рѣшился, вслѣдствіе намековъ короля занять мѣсто, которое оставилъ наконецъ Блакасъ, вознагражденный за это подаркомъ въ 7 милліоновъ, которые этотъ корыстолюбивый развратникъ имѣлъ наглость потребовать отъ короля. Не только иностранцы, но и всѣ пріѣзжавшіе изъ Парижа убѣдили короля слѣдовать указаніямъ Талейрана и держаться хартіи. Съ какою скоростію Парижъ снова оставилъ императора, съ такимъ же упорствомъ онъ противился теперь Бурбонамъ. Витроль перенесъ въ Парижъ главную квартиру роялистовъ и всѣми мѣрами старался добиться отъ Фуше и временнаго правительства, отъ войска, отъ городскаго совѣта, отъ нѣкоторыхъ генераловъ и гражданскихъ властей хоть какого нибудь оффиціальнаго призванія короля; но никто не отважился последовать его внушеніемъ. Такимъ образомъ король возвращался теперь во Францію, насильно навязанный ей иностранцами, и съ системой правленія, на которую она не давала своего согласія.

---

77) Шлабрендорфъ въ Запискахъ и письмахъ Dorow'а, 2, 15.
78) Castlereagh mem. 10, 305.
79) Chat. mém. 7, 28.

Какъ благодѣтельна была для Франціи эта система, даже еслибъ держались ея со всею строгостію,—это показали самыя первыя дѣйствія короля. Изъ замка Камбрезисъ, воспользовавшись минутнымъ отсутствіемъ сдерживавшаго его Талейрана, онъ обнародо-
26 іюня. валъ первое воззваніе[1], въ которомъ онъ прямо угрожалъ местію всѣмъ виновнымъ противъ него,—и все это въ то время, когда въ Парижѣ едвали кто осмѣливался произнести даже имя Бурбоновъ. Веллингтонъ, который вовсе не расположенъ былъ къ кроткимъ мѣрамъ, и тотъ сейчасъ же сдѣлалъ возраженіе противъ этого преждевременнаго объявленія. Талейранъ замѣнилъ это воззваніе
28 іюня. другимъ изъ Камбре[1], въ которомъ король сознавался въ ошибкахъ, сдѣланныхъ его правительствомъ, обѣщалъ точное исполненіе хартіи, называлъ пустою выдумкою слухи о возстановленіи феодальныхъ порядковъ и давалъ слово забыть все прошедшее, исключая виновниковъ и предводителей возстанія, произведеннаго около 23 марта, вслѣдствіе котораго король долженъ былъ оставить Лилль. Король склонился на эти милости конечно потому, что недалеко отъ него находился человѣкъ, одна тѣнь котораго наводила ужасъ даже на тѣхъ, которые считали себя сильными. Наполеонъ долженъ былъ удалиться въ Мальмезонъ. Онъ находился въ какомъ то фаталистическомъ настроеніи и только по временамъ обнаруживались въ немъ проблески самостоятельной силы. Въ немъ возбудила отвращеніе легкомысленная измѣна ему народа, энтузіазму котораго онъ не довѣрялъ уже и во время торжества на Майскомъ полѣ. Поперемѣнно являлись у него то напряженное вниманіе и разсѣянность, то упадокъ силъ и рѣшимость на самые отважные планы; но страстные порывы его становились все слабѣе и непродолжительнѣе. Онъ могъ бы сначала найти себѣ убѣжище на американскомъ кораблѣ, но по своей нерѣшительности не воспользовался этимъ. Въ послѣднее время онъ такъ часто предостерегалъ французовъ отъ легкомысленнаго довѣрія къ иностраннымъ державамъ, а теперь и самъ попалъ въ эту сѣть. До послѣдней минуты онъ надѣялся, что его народъ, его войско опомнятся и снова обратятся къ нему. Уже на пути въ Рошфоръ онъ все еще ожидалъ какихъ нибудь препятствій и какихъ нибудь затрудненій, которыя заставили бы всѣхъ снова призвать его; онъ предался своей злой судьбѣ и въ то же время надѣялся, что для

него могутъ наступить лучшія времена.—Жалко было, что онъ не кончилъ смертью заключительнаго акта своей дѣятельной жизни, и не рѣшился пасть вмѣстѣ со многими, которые были готовы пожертвовать за него жизнію; тогда онъ съ большимъ достоинствомъ окончилъ бы свое поприще, чѣмъ теперь, когда онъ на далекомъ островѣ долженъ былъ разыгрывать комическую роль царственной особы, какъ жалкій король Бурбонскаго дома въ Митавѣ.

Взглядъ на изложенныя событія.

Исторія пятнадцати мѣсяцевъ, которую мы изложили, во многихъ отношеніяхъ можетъ служить введеніемъ ко всей исторіи послѣдующаго времени. Возвращеніе Наполеона служитъ послѣднею связью, которая соединяла характеристическія явленія будущаго времени съ явленіями прошедшаго; оно воскресило еще разъ великія дѣянія и событія прежнихъ лѣтъ уже послѣ того, какъ десять мѣсяцевъ бурбонскаго владычества дали почувствовать спокойствіе и неподвижность послѣдующаго времени, когда міръ въ теченіе многихъ лѣтъ пережилъ такъ мало, какъ много въ теченіи немногихъ лѣтъ онъ пережилъ прежде. Сто дней еще разъ принесли съ собою великія и явныя опасности войны; предшествовавшіе имъ десять мѣсяцевъ породили тайныя опасности заговоровъ и революціонныхъ прихотей, а не страстей,— естественный плодъ неестественнаго положенія Франціи, которое своею рѣзкою противоположностью прошедшему возбуждало въ живомъ еще поколѣніи чувство отвращенія, презрѣнія и стыда. Эти опасности перешли какъ наслѣдство и ко времени ста дней и съ тѣхъ поръ существовали во все послѣдующее время. Въ короткій періодъ смѣны Бурбонскаго и Наполеоновскаго владычества идеи французской революціи, долго подавляемыя, снова возникли въ своей первоначальной чистотѣ; народъ и его представители яснѣе стали сознавать ихъ и стремились къ ихъ осуществленію, король фактически допускалъ ихъ въ разныхъ учрежденіяхъ, хотя самъ держался противоположныхъ принциповъ, императоръ признавалъ ихъ въ самомъ принципѣ и противодѣйствовалъ только ихъ полному осуществленію на практикѣ. Неограниченная монархическая власть въ 1814 году уже не казалась столь могущественною, какъ была прежде; монархіи, существовавшія во Франціи въ 1814 и 1815 годахъ, сами сознавали это и подчинялись ограниченіямъ; съ другой стороны революціонныя идеи, бывшія уже теперь только

слабымъ изверженіемъ потухшаго вулкана, имѣли силу только для разрушенія, а не для созиданія. Первоначальная цѣль революціи состояла въ томъ, чтобы возвысить политическое значеніе мѣщанства; до 1814 года цѣль эта оставлена была въ сторонѣ, мѣщанство съ неудовольствіемъ смотрѣло на это, но должно было терпѣть; съ 1814 года оно стало дѣйствовать явно и тайно, чтобы снова поставить ее на первый планъ. Орлеанистская партія имѣла въ виду эту цѣль, которой она достигла только впослѣдствіи, спустя пятнадцать лѣтъ: съ этой стороны исторія пятнадцати мѣсяцевъ служитъ точнымъ подобіемъ 1830 года и вполнѣ объясняется происшествіями этого года. Стремленія этой партіи въ 1815 г. нашли себѣ противодѣйствіе и помѣху въ Наполеонѣ; военное возстаніе возвело его на тронъ, который однако скоро рушился: съ этой стороны исторія 15 мѣсяцевъ представляетъ подобіе военныхъ возстаній 1820 г. въ Испаніи, Неаполѣ и Піемонтѣ. Исторія всѣхъ этихъ нигдѣ не удавшихся движеній солдатской силы представляетъ вообще переходъ отъ времени, когда солдатъ былъ всѣмъ, къ тому времени, когда мѣщанинъ захотѣлъ быть всѣмъ. Всѣ эти военныя возстанія вездѣ имѣли быстрый успѣхъ, какъ и въ 1815 г. во Франціи, потому что вооруженная толпа нигдѣ не встрѣчала себѣ противодѣйствія; но за то они и прекращались такъ же быстро, во первыхъ потому, что и побѣдители съ своей стороны не имѣли никакого оружія противъ тайной силы мѣщанскаго неудовольствія, во вторыхъ потому, что для интересовъ этого сословія гораздо выгоднѣе монархическая неограниченная власть, нежели владычество солдатъ, и наконецъ потому, что государи стали оказывать другъ другу самую усердную помощь, увидавъ себя въ новомъ положеніи, при которомъ то, что казалось прежде самою твердою опорою престола, теперь сдѣлалось опасной для него подземной миной, и защитники оказались нападающими врагами.—Во Франціи послѣ 100 дней вмѣстѣ съ паденіемъ военнаго владычества пали и партіи—бонапартистовъ, республиканцевъ и орлеанистовъ, и казалось, что они не скоро возстанутъ послѣ этого паденія; о быстромъ возвышеніи послѣдней въ 1830 г. нельзя было бы и думать, еслибы Бурбоны не надѣлали множества ошибокъ; на возрожденіе первыхъ въ 1848 и 1850 годахъ рѣшительно никто и не надѣялся; такую же судьбу имѣли эти партіи и въ пе-

ріодъ 15 мѣсяцевъ, значитъ и въ этомъ оношеніи 15 мѣсяцевъ представили подобіе будущихъ отдаленныхъ событій. Вообще они представляютъ въ общихъ очеркахъ и быстрой смѣнѣ все, что развивалось во Франціи въ теченіи сорока лѣтъ путемъ болѣе спокойнымъ, болѣе богатымъ историческими уроками, т. е. представляютъ образъ будущаго (или отпечатокъ такого же прошедшаго), а именно: какъ въ этомъ подвижномъ и измѣнчивомъ народѣ политическія партіи, сословія и направленія всегда разъединяются и враждуютъ между собою даже тогда, когда общія опасности и интересы, казалось, должны были бы заставить ихъ соединиться вмѣстѣ; кажется, какъ будто какой то внутренній законъ дѣлаетъ невозможнымъ въ этомъ народѣ соединеніе и примиреніе крайнихъ направленій для того, чтобы они шли вмѣстѣ среднимъ равномѣрнымъ ходомъ долгое время, — какъ будто перемѣна и непостоянство существующихъ отношеній имѣютъ неодолимую прелесть для этого народа, — какъ будто это государство предоставило свое дѣло игрѣ случая, на жертву развлеченію и мимолетнымъ страстямъ. Ни одинъ народъ не переживалъ столькихъ перемѣнъ въ такое короткое время, какъ французы во время великихъ движеній послѣдняго времени, когда быстро смѣнялись одинъ за другимъ короткіе періоды республики, имперіи и владычества Бурбоновъ, до того различные между собою, что кажется, какъ будто ихъ раздѣляли цѣлыя столѣтія, — когда самыя измѣненія въ модѣ и нравахъ (парики и римскія имена, красныя шапки и греческія сандаліи, jeunesse dorée и возрожденіе имперіи) были до того рѣзки, что кажется, какъ будто они принадлежатъ различнымъ столѣтіямъ, — когда народное образованіе и развитіе поддерживалось самыми разнородными возбужденіями и шло самыми рѣзкими скачками, представляя разительныя противоположности полнаго политически-религіознаго невѣжества и самаго утонченнаго раціонализма. Всѣ эти рѣзкія противоположности объясняются различіемъ характеровъ тѣхъ разнообразныхъ племенъ, которыя соединились во Франціи неразрывно въ одно народное тѣло; быстрые же политическіе порывы и постоянные рѣзкіе скачки объясняются исключительнымъ вліяніемъ столицы. Въ Англіи, при самостоятельности провинціальной жизни, столица не можетъ имѣть такого преобладающаго вліянія, какъ Парижъ во Френціи; городъ всемірной торговли, удовлетворяющій великимъ потребностямъ всѣхъ частей

свѣта, для каждаго предпріятія котораго потребно много времени, дорожитъ продолжительнымъ спокойствіемъ и потому своимъ вліяніемъ необходимо содѣйствуетъ постоянному и равномѣрному ходу государственнаго развитія. Въ Парижѣ напротивъ торговля и промышленность обращена на предметы утонченной роскоши и на каждую отрасль ихъ устремлено самое сосредоточенное вниманіе, при которомъ мысль постоянно занята придумываніемъ какихъ нибудь новыхъ удовольствій или какихъ нибудь перемѣнъ, которыя бы понравились всѣмъ. Это стремленіе къ перемѣнамъ въ области маловажныхъ ежедневныхъ потребностей производитъ то, что вся жизнь французскаго народа проходитъ въ непрерывной смѣнѣ напряженія и разслабленія, пресыщенія и жажды новыхъ удовольствій, совершенной пустоты и сильныхъ порывовъ, и вмѣстѣ объясняетъ намъ то, почему французы такъ любятъ великія политическія потрясенія и движенія, центромъ которыхъ стала Франція въ послѣднее время, и которыя отъ ней передавались всей Европѣ. Однако такого дѣйствія на Европу не могли еще имѣть политическія движенія 1814 и 1815 г., когда Парижъ два раза былъ въ непріятельскихъ рукахъ, когда возвращеніе Наполеона не произвело ни малѣйшаго дѣйствія даже на Испанію, когда вслѣдъ за послѣднимъ пораженіемъ роялизма онъ снова возникъ съ страшною силою въ провинціяхъ. Ничтожныя движенія трехъ короткихъ революцій, совершившихся въ теченіи 15 мѣсяцевъ, не имѣли въ себѣ ничего увлекательнаго; они не затрогивали существенныхъ сторонъ народной жизни и не руководились тѣми могучими побужденіями, которыя дѣйствовали въ первую революцію, и которыми объясняются и до нѣкоторой степени извиняются быстрыя перемѣны въ расположеніяхъ и дѣйствіяхъ французовъ. Болѣе строгіе нравственные судьи даже между французами, порицая эту безумную страсть къ перемѣнамъ, говорили, что если революція внушала имъ только временную ненависть къ ихъ соотечественникамъ, то реставрація внушила постоянное презрѣніе къ нимъ. Они со стыдомъ и отвращеніемъ смотрѣли на страшную моральную испорченность народнаго характера, которая обнаруживалась въ частыхъ измѣнахъ и нарушеніяхъ долга. И въ самомъ дѣлѣ, кого не поразитъ эта картина, какъ маршалы и сенаторы въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сражались за Наполеона, ползали предъ Наполеономъ, потомъ оставили,

оскорбили и низложили его, сдѣлались чиновниками и перами Бурбоновъ, затѣмъ спкойно смотрѣли на ихъ паденіе и опять примирились съ Наполеономъ, чтобы измѣнить ему также хладнокровно и въ другой разъ! Если намъ кажутся возмутительными даже тѣ событія, которыми сопровождалось первое возстановленіе Бурбоновъ, то какія чувства послѣ этого должны возбудить въ насъ тѣ, которыя совершались при ихъ второмъ возстановленіи? Если сопоставить вмѣстѣ эти два ряда событій, то первая сдача беззащитнаго Парижа покажется просто геройскимъ подвигомъ въ сравненіи со второю; Мармонъ представляется храбрецомъ и честнѣйшимъ человѣкомъ въ сравненіи съ Даву, который, стоя съ войскомъ при укрѣпленномъ городѣ, безчестно позволилъ себѣ слѣдовать внушеніямъ Фуше; поступки Талейрана кажутся просто добродѣтелями въ сравненіи съ постыдными дѣйствіями Фуше, и измѣна сената въ присутствіи иностранныхъ войскъ представляется невиннѣйшимъ дѣйствіемъ въ сравненіи съ измѣной свободной палаты въ то время, когда непріятель еще не ступилъ на французскую почву. Въ послѣдующіе годы совершились событія другаго рода, еще болѣе возмутительныя, такъ что поведеніе палаты 100 дней не только не казалось позорнымъ, но еще возбуждало къ себѣ удивленіе какъ подвигъ геройскаго мужества, до тѣхъ поръ пока основательнѣйшій изъ всѣхъ историковъ реставраціи не уничтожилъ и этого послѣдняго блестящаго призрака того времени.

Роялистическая реакція.

Какъ ни гибельны были моральныя бѣдствія, причиненныя Франціи всѣми этими событіями, однако они не избавили ее отъ внѣшнихъ осязательныхъ бѣдствій. Послѣ паденія Наполеона тотчасъ же обнаружились анти-бонапартистскія движенія внутри Франціи, именно на югѣ, гдѣ между населеніемъ господствовали вѣчные раздоры и несогласія со времени религіозныхъ войнъ и во времена революціи, и гдѣ непродолжительная междоусобная война при герцогѣ Ангулемскомъ снова воспламенила вражду между федералистами и роялистами. Во времена 100 дней побѣдившіе бонапартисты и гордое войско постоянно раздражали роялистовъ; снова раздались крики à bas les seigneurs, à bas la calotte; дворяне и духовные подвергались угрозамъ и преслѣдованіямъ, и не одни только они. Федералисты не щадили и возвратившихся на родину королевскихъ волонтеровъ; по свидѣтельству Полиньяка одинъ изъ

его батальоновъ въ Греноблѣ носилъ знамя съ надписью: à bas Dieu, vive l'enfer! Вражда къ приверженцамъ Бурбоновъ усиливалась тѣмъ болѣе, что и жаръ роялистовъ еще не остылъ и сохранялся подъ пепломъ. Въ Тулузѣ они продолжали организоваться; въ департаментѣ Гарда и Севеннѣ религіозная вражда еще болѣе возбуждала страсти роялистовъ. Чтобы уничтожить этотъ опасный духъ въ городахъ, маршалъ Брюнъ объявилъ Марсель въ осадномъ положеніи и принималъ самыя строгія мѣры, которыя давали полный просторъ якобинскому элементу. Въ Бордо за недостаткомъ гарнизона составились отряды изъ мулатовъ, жандармовъ и бывшихъ на половинномъ жалованьѣ офицеровъ подъ предводительствомъ двухъ патріотическихъ генераловъ, братьевъ близнецовъ Фоше, и угрожали малѣйшему роялистическому движенію. Но когда бонапартистскій гнетъ исчезъ, тогда въ суевѣрной толпѣ, считавшей кровавую и личную месть неоспоримымъ правомъ, пробудилась уже ничѣмъ не сдерживаемая ярость противъ бонапартистовъ и протестантовъ вмѣстѣ. Въ Марсели при первомъ извѣстіи
25 іюня. о ватерлооской битвѣ тотчасъ начались покушенія на жизнь и собственность тѣхъ, которые считались бонапартистами. Маршалъ
2 августа. Брюнъ на пути изъ Тулона въ Парижъ былъ задержанъ въ Авиньонѣ, его застрѣлили въ гостинницѣ и трупъ его бросили въ Рону.
17 августа. Вскорѣ послѣ этого въ Тулузѣ палъ жертвою народной ярости генералъ Рамель, приверженецъ Бурбоновъ, вслѣдствіе того, что хотѣлъ остановить безчинства роялистовъ. Въ Гардѣ подъ руководствомъ королевскихъ комисаровъ, между которыми особенною ревностію отличался графъ Рене-де-Берни, образовались страшныя толпы бандитовъ, извѣстныхъ подъ именемъ verdets, и совершали въ Нимѣ, Узé и во всемъ департаментѣ страшныя жестокости, достойныя Варѳоломеевской ночи и сентябрскихъ ужасовъ. Терроризмъ сдѣлался теперь орудіемъ роялистовъ; протестанты должны были бѣжать или скрываться, церкви ихъ были заперты; убійства, грабежи, поджоги въ іюлѣ и августѣ были обыкновенными, почти ежедневными явленіями; вся страна находилась въ рукахъ предводителей бандитовъ, которые безпрепятственно совершали свои жестокости въ глазахъ префектовъ, иногда даже и по ихъ порученію. Суды оставались безмолвными; ни одна газета не осмѣливалась говорить объ этихъ сценахъ ужаса. Въ октябрѣ, д'Аржансонъ

упомянулъ объ нихъ въ палатѣ только какъ о слухахъ, дошедшихъ до него; но его голосъ былъ заглушенъ яростными криками всего собранія, которое защищало эти извѣстныя всей странѣ преступленія и такимъ образомъ само дѣлалось участникомъ въ нихъ. Герцогъ Ангулемскій лично явился въ Нимъ[1], чтобы возстановить порядокъ, и главный зачинщикъ злодѣйствъ, Трестелонъ былъ арестованъ; но едва только герцогъ удалился изъ города, какъ по поводу открытія протестантской церкви произошло новое волненіе, во время котораго Буавенъ застрѣлилъ генерала Лагарда; убійца, сознавшійся въ своемъ преступленіи, былъ признанъ невиннымъ по суду присяжныхъ. Также точно не были разыскиваемы убійцы Рамеля, и вдова Брюна только по прошествіи шести лѣтъ, когда уже было слишкомъ поздно, осмѣлилась начать процессъ, чтобы открыть настоящаго убійцу ея супруга. Но это было еще счастьемъ, когда судьи относились только пассивно къ подобнымъ преступникамъ; бывали случаи, когда они явно покровительствовали имъ; бандиты являлись обвинителями, и судьи осуждали невинныхъ. Въ 1817 г. тюрьмы наполнены были людьми, схваченными и осужденными по указаніямъ и доносамъ этихъ негодяевъ. Въ Бордо братья Фоше пали жертвою постыднаго судебнаго убійства; при этомъ цѣлою системою преслѣдованій и угрозъ такъ напугали всѣхъ, что никто не осмѣлился защищать ихъ передъ судомъ. Губернаторъ графъ Віомениль приказалъ другу ихъ Равезу (впослѣдствіи графъ и президентъ палаты) не вмѣшиваться въ ихъ дѣло; Мартиньякъ (впослѣдствіи министръ) также былъ друженъ съ ними, но онъ еще въ декабрѣ при другомъ ихъ процессѣ воображалъ, что онъ долженъ говорить объ нихъ какъ объ ужасныхъ преступникахъ; единственный вѣрный другъ, капитанъ Монецъ, который хотѣлъ защищать ихъ, былъ заключенъ въ тюрьму; военный судъ подъ предсѣдательствомъ графа Пюйсегюра приговорилъ ихъ къ смерти[1].

[1] Въ ноябрѣ.

[1] 27 сентября.

Продолженіе.

Кровавыя злодѣйства, совершенныя судами и чернью, находили для себя поощреніе въ примѣрахъ, которые подавались сверху со стороны двора, откуда напротивъ слѣдовало ожидать примѣровъ снисходительности и умѣренности. Постыдныя преступленія, совершенныя въ послѣднее время предъ вторымъ возстановленіемъ Бурбоновъ казалось вполнѣ заслуживали наказанія, и въ Англіи и въ Германіи всѣ думали, что самая полная справедливость требуетъ

того, чтобы главные приверженцы Бонапарта были строго наказаны; это мнѣніе высказывалось въ печати и его раздѣляли всѣ честные патріоты во Франціи. Союзники также считали необходимыми строгія наказанія, которыя должны были служить примѣромъ для другихъ и „нравственнымъ урокомъ“ для всей Франціи. Воззваніе Людовика XVIII изъ Камбре составлено было въ такомъ же смыслѣ и съ такою же цѣлію. Всѣ мнѣнія о необходимости строгихъ наказаній основывались на ошибочномъ предположеніи существованія систематическаго бонапартистскаго заговора; но такъ какъ его на самомъ дѣлѣ не было, то и трудно было открыть настоящихъ виновниковъ между множествомъ людей невинныхъ, обманутыхъ и увлеченныхъ. Фуше изложилъ подобныя соображенія въ письмѣ, которое онъ представилъ королю сейчасъ же, какъ только получилъ доступъ къ нему. Взгляды Фуше, можетъ быть даже внушенные ему сознаніемъ собственной виновности, были вполнѣ основательны и разумны [80]). Онъ совѣтовалъ королю расположить въ свою пользу общественное мнѣніе мѣрами кроткими и успокоительными, и не столько наказывать противниковъ Бурбоновъ, сколько побѣждать ихъ; совѣтовалъ также простить имъ ихъ заблужденія, щадить ихъ честь, и тѣмъ снова обращать ихъ къ сознанію долга. Только такой образъ дѣйствій онъ считалъ единственно справедливымъ, потому что въ то критическое время дѣйствительно было больше заблужденій и увлеченій, чѣмъ преступленій и измѣнъ, и потому что невозможно было найти границу между ними и опредѣлить для нихъ справедливую мѣру наказаній. А безъ этой строгой справедливости въ распредѣленіи наказаній необходимо должны были возбудить ожесточеніе въ партіяхъ и противъ невольнаго бонапартистскаго увлеченія вызвать роялистическую ярость въ судѣ. Злодѣйства, совершенныя на югѣ, противныя всѣмъ требованіямъ справедливости и суда, и однако оставленныя правительствомъ безъ вниманія, естественно возбуждали подобный же мстительный роялистическій духъ въ печати, въ судьяхъ и въ высшихъ слояхъ общества; уже это одно должно было показать союзникамъ, какъ ужасна была предложенная ими система строгихъ наказаній, казавшаяся такою справедливою. Поццо ди

---

[80]) Они изложены въ упомянутой выше (прим. 73) запискѣ его къ Веллингтону.

Борго, отъ природы мстительный и злой корсиканецъ, угадалъ напередъ систему наказаній, которымъ подвергнутся бонапартисты во Франціи и угадалъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ наказаніе возвратившагося съ Эльбы Наполеона,котораго ему хотѣлось видѣть повѣшеннымъ на первомъ попавшемся деревѣ; еще въ апрѣлѣ въ одномъ своемъ частномъ письмѣ [81]) онъ описывалъ эту систему наказаній именно въ такомъ видѣ, въ какомъ она теперь приводилась въ дѣйствіе во Франціи. „Для возстановленія спокойствія, писалъ онъ, необходимо, чтобы король распустилъ армію и освободилъ Францію отъ 50 важныхъ преступниковъ, которые не даютъ ей покою; французы должны принять на себя исполненіе этого, а союзники—дать имъ возможность къ тому“. Какъ будто въ наказаніе, Фуше, внушавшій королю благоразумныя мѣры снисходительности, долженъ былъ „принять на себя исполненіе“ мстительныхъ плановъ правительства; но для него это вовсе не было наказаніемъ. Не въ его харктерѣ было—отступать передъ какими бы то ни было мѣрами; онъ всегда руководствовался принципомъ всѣхъ властолюбивыхъ людей, трусовъ и негодяевъ, кторый состоитъ въ томъ, что нужно рѣшиться на всякое зло, если только посредствомъ его можно предотвратить большее зло. Онъ зналъ, что его тайная полиція содѣйствуетъ „нравственной порчѣ и униженію“ всего народа, но онъ оправдывалъ ее тѣмъ, что она искореняетъ другое зло,—какъ будто еще возможно было что нибудь хуже этого нравственнаго зла! Такимъ образомъ онъ и теперь взялъ въ свои руки реакцію, потому что еще нельзя было знать, какъ далеко она зашла бы въ другихъ рукахъ. Ему поручено было составить списокъ „важыхъ преступниковъ“. Въ воззваніи изъ Камбре король объявлялъ, что онъ потребуетъ отъ палатъ, чтобы они указали ему главныхъ зачинщиковъ возмущенія; Фуше такимъ образомъ имѣлъ право и долженъ былъ отказаться отъ возложеннаго на него порученія. Но онъ уже привыкъ къ исполненію порученій подобнаго рода; еще 26 брюмера и послѣ 3 нивоза онъ противъ своей воли составлялъ списки лицъ, долженствовавшихъ быть изгнанными. Кто же подавалъ теперь большій примѣръ безнравственности и самой вопіющей несправедливости,—самъ ли Фуше, кото-

---

[81]) Castlereagh memoirs; письмо изъ Гента отъ 21 апрѣля

рый былъ виновенъ болѣе всѣхъ и котораго Савари считалъ достойнымъ висѣлицы, и не смотря на это взялся составлять списокъ преступниковъ,—или правительство и иностранные государи, которые требовали отъ него составленія такого списка и все это дѣлали во имя справедливости и „нравственности"? Фуше помѣстилъ въ своемъ спискѣ самыхъ невинныхъ и неизвѣстныхъ людей, орлеанистовъ, съ которыми вмѣстѣ онъ составлялъ заговоръ, своихъ товарищей по временному правительству, далѣе тѣхъ, которые были его орудіями въ палатѣ и нѣкоторыхъ другихъ, которымъ онъ хотѣлъ отмстить теперь. Можно охотно повѣрить тому, что онъ въ свой первоначальный списокъ помѣстилъ такъ много лицъ (110) собственно для того, чтобы показать неудобоисполнимость вообще всего этого плана правительства, что онъ, послѣ того, какъ явился уже его окончательный списокъ (изъ 57 человѣкъ), нѣкоторымъ лицамъ, осужденнымъ на заключеніе, тайно давалъ паспорты, и что онъ, также какъ и самъ король, предполагалъ, что другія лица, преданныя военному суду, будутъ оправданы; но все это нисколько не уменьшаетъ преступности всего этого позорнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что большинству осужденныхъ теперь обѣщана была

11 іюля. полная безопасность въ воззваніи изъ Камбре, и еще недавно въ новомъ воззваніи увѣряли всѣхъ служившихъ въ войскѣ, что они не лишатся своихъ мѣстъ, и что вообще правительство не имѣетъ въ виду систематической реакціи. Нѣкоторые изъ осужденныхъ имѣли неблагоразуміе оставаться во Франціи и попали въ руки правительства, напр. Лабедойеръ, Ней и графъ Лавалетъ, который по удаленіи короля завѣдывалъ почтами. Онъ не рѣшился бѣжать, потому что думалъ отдѣлаться заключеніемъ на нѣсколько лѣтъ; но на немъ кажется хотѣли показать примѣръ наказанія гражданскихъ чиновниковъ; судъ присяжныхъ присудилъ его къ смерти, отъ которой спасъ его извѣстный поступокъ его супруги, разсказанный въ запискахъ графа. Лабедойеръ казненъ былъ по приговору военнаго суда, а Ней по приговору 139 перовъ. Ихъ обоихъ нельзя было оправдать ни нравственно ни юридически. Лабедойеръ предъ судомъ отказывался отъ своего заблужденія, льстилъ мудрости и снисходительности короля и письменно просилъ его о помилованіи; а виновность Нея не могли отрицать даже тѣ, которые поставили ему памятникъ въ 1853 г. Но фран-

цузская нація всегда была того мнѣнія, что за его заслуги слѣдовало простить ему его ошибки; даже герцогиня Ангулемская, которая въ то время настаивала на его наказаніи, прочитавши сочиненіе Сегюра, согласилась съ этимъ мнѣніемъ; а до этого она какъ будто не знала, что за человѣкъ былъ Ней! Независимо отъ этого, приговоръ суда надъ Неемъ должно было смягчить то обстоятельство, что онъ измѣнилъ Бурбонамъ въ минуту всеобщаго болѣзненнаго увлеченія и всеобщей измѣны и притомъ въ то время, когда по сознанію самихъ противниковъ его, онъ уже ничего не могъ бы сдѣлать въ пользу Бурбоновъ. Кто въ осужденіи Нея хочетъ видѣть дѣйствіе безпощадно строгой справедливости, и тотъ долженъ съ отвращеніемъ смотрѣть на тотъ способъ, какимъ веденъ былъ его процессъ, въ которомъ нарушены были всѣ условія и требованія правильнаго суда. Главнымъ свидѣтелемъ противъ Нея въ судѣ былъ генералъ Бурмонъ, самый негоднѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ „бѣлыхъ", дѣйствовавшихъ въ Вандеѣ, который нѣкогда сознался предъ своимъ главнымъ начальникомъ въ намѣренной измѣнѣ, который во времена 100 дней, по рекомендаціи Нея, былъ принятъ въ императорское войско, которому онъ снова измѣнилъ, убѣжавъ изъ арміи предъ сраженіемъ при Линьи; и этотъ человѣкъ не былъ преданъ суду, хотя Ней и обвинялъ его въ томъ, что онъ же и склонилъ его самаго къ измѣнѣ. Живые еще очевидцы этого событія [82]) съ отвращеніемъ вспоминаютъ о томъ, что женщины высшаго круга непремѣнно желали и даже просили судей, чтобы они приговорили Нея къ смерти; кто же станетъ послѣ этого удивляться кровавымъ сценамъ, происходившимъ въ Севеннѣ! При засѣданіяхъ суда толпами являлись иностранные министры, принцы и князья, чтобы взглянуть на человѣка обреченнаго на жертву. Герцогъ Веллингтонъ не послушался своихъ земляковъ, которые совѣтовали ему вступиться за Нея; это пятно на памяти герцога сравнивали съ позоромъ, которымъ покрыло Нельсона убійство адмирала Каракчіоло. Послѣ того какъ военный судъ объявилъ себя не имѣющимъ права судить Нея и дѣло было перенесено въ палату перовъ, новый министръ, добродушный Ришелье, высказалъ обвиненія

[82]) Lamartine, hist. de la rest. 6, 58.

въ рѣчи, въ которой онъ уже напередъ называлъ обвиняемаго заслуживающимъ наказанія, и во имя Франціи и Европы требовалъ отъ палаты скораго и блистательнаго удовлетворенія правосудію. Внушеніемъ подобной строгости союзники оказали Бурбонамъ самую дурную услугу. Еще въ 1814 г. Бернадотъ, прощаясь съ королемъ въ Компьени, совѣтовалъ ему держать французовъ желѣзною рукою, но въ бархатныхъ перчаткахъ (выраженіе, употребленное Наполеономъ въ разговорѣ съ Лафитомъ); и въ настоящее время Мюфлинъ при прощаніи съ королемъ, также совѣтовалъ ему держаться наполеоновской строгости [83]); король заливался при этомъ слезами. Онъ чувствовалъ себя неспособнымъ къ выполненію такой задачи; и ничего не было хуже, какъ совѣтовать этому человѣку твердость и строгость, которую охотно прощаютъ сильному характеру, но никогда не извиняютъ въ людяхъ съ слабымъ характеромъ. Король съ полною холодностію въ сердцѣ отворачивался отъ женъ приговоренныхъ, которыя на колѣняхъ умоляли его о помилованіи. Помилованіе Нея показало бы правительство сильнымъ и ослабило бы всеобщее расположеніе къ осужденному; а когда приговоръ былъ совершенъ надъ нимъ, — всѣ смотрѣли на него какъ на мученика; и ничто такъ не поддерживало во Франціи ненависти къ Бурбонамъ, какъ воспоминаніе о казни Нея. Маршалъ Монсей, отказываясь съ честію отъ предсѣдательства въ военномъ судѣ надъ Неемъ, предостерегалъ короля и предсказывалъ, что казнь не принесетъ ему никакихъ радостей. Казнь Нея казалась тѣмъ болѣе возмутительною, что при этомъ такой человѣкъ какъ Даву оставался совершенно свободнымъ и даже его осыпали почестями и возвели въ достоинство пера. Сочли нужнымъ только на время удалить его отъ войска, которое союзники требовали распустить. Макдональдъ исполнилъ это неблагодарное дѣло въ ноябрѣ. Эта мѣра казалась также одною изъ самыхъ жестокихъ и чувствительныхъ въ числѣ прочихъ, которыми иностранцы отяготили страну.

Паденіе министерства Талейрана.

Мстительный духъ мрачной реакціи, который потребовалъ всѣхъ этихъ жертвъ, казалось на долго утвердился во Франціи, чтобы довершить ея страшное разстройство. Въ то самое время,

---

83) Мюфлинъ, «Изъ моей жизни», стр. 274.

когда яростныя возстанія на югѣ наводили ужасъ на всѣхъ, когда всѣ раздражены были тѣмъ, что во Франціи остались непріятельскіе гарнизоны и вообще всѣми враждебными дѣйствіями союзниковъ, когда всѣ находились подъ вліяніемъ страха, внушеннаго изгнаніями и казнями, и ожидали смѣщенія должностныхъ лицъ, судей и чиновниковъ всякаго рода, которые не нравились правительству, — въ это время назначены были выборы въ палату 14 августа. и образовались избирательные комитеты округовъ. Составъ избирателей былъ тотъ же, что и во времена имперіи; поэтому Талейранъ и Фуше ожидали и тѣхъ же результатовъ отъ выборовъ; въ безпечности они ничего не дѣлали, чтобы упрочить вліяніе правительства на выборы. Префекты и подпрефекты по большей части еще недавно поступили на свои мѣста, они шли вслѣдъ за другими; богатые избиратели обнаружили робость и боялись дѣйствовать; противъ всякаго ожиданія обоихъ искусныхъ министровъ, которые впрочемъ, какъ и всѣ люди ихъ закала, оказывались совершенно неспособными тамъ, гдѣ нужно было имѣть въ виду естественныя стремленія массъ, чтобы подвинуть ихъ на что нибудь,— выбраны были въ палату по большей части самые ревностные ультрароялисты въ духѣ партіи Артуа. Фуше впрочемъ надѣялся еще помочь горю. Онъ представилъ королю два донесенія, сочиненныя его любимцемъ Манюэлемъ [84]), которыя потомъ безъ вѣдома Фуше были напечатаны. Они были составлены въ томъ же отважномъ тонѣ, какъ и всѣ его прежнія донесенія. Въ нихъ онъ изображалъ предъ королемъ развратное поведеніе иностранныхъ войскъ, оставленныхъ во Франціи, опустошеніе страны, постоянную войну среди мира, невозможность примирить уже возстановленныя одна противъ другой различныя партіи—вандейцевъ и бонапартистовъ, безпокойства на югѣ, гдѣ правосудіе умолкло, начальства остались праздными, и дѣйствовали однѣ только страсти. Онъ хотѣлъ устрашить короля малочисленностью его приверженцевъ, а иностранныхъ союзныхъ государей — внутренними возстаніями, которыя будто бы грозили имъ во Франціи. Это была его обыкновенная система, къ которой онъ прибѣгалъ такъ часто, и которую онъ можетъ быть перенялъ отъ прежняго, достойннаго его, народнаго ора-

---

[84]) Капефигъ видѣлъ рукопись Манюэля съ поправками Фуше.

тора (кардинала Реца): застращать людей всевозможными опасностями, чтобы потомъ заставить ихъ рѣшиться на тотъ исходъ, какой онъ указывалъ имъ. Въ настоящее время Фуше указывалъ слѣдующій исходъ: союзники должны предложить самыя точныя, но болѣе умѣренныя и успокоительныя требованія и въ видѣ договора возложить на Францію исполненіе ихъ; — это устранитъ всѣ затрудненія. Для него самаго это было также выгодно, потому что онъ тогда отвѣтственность за всѣ строгости своей полиціи сваливалъ бы на все правительство. Но онъ выбралъ самую неудачную минуту для своихъ предложеній. Его товарищи министры поняли такое его намѣреніе, и обнародованіемъ его донесеній воспользовались какъ предлогомъ, чтобы отдѣлаться отъ него. Талейранъ представлялъ ему въ привлекательномъ видѣ посольство въ Америку; но Фуше не хотѣлъ понять такого намека. Но и самъ Талейранъ уже потерялъ все значеніе вслѣдствіе результатовъ послѣднихъ выборовъ и вслѣдствіе нерасположенія къ нему русскаго императора, находившагося тогда въ Вѣнѣ; императоръ былъ неуступчивъ при переговорахъ до тѣхъ поръ, пока Талейранъ оставался во главѣ министерства. Правительство нашло теперь, что Талейранъ больше не нуженъ ему, какъ и Фуше. Ихъ обоихъ, послѣ того какъ они привели въ исполненіе самыя ненавистныя мѣры къ общей злой радости людей неблагонамѣренныхъ, удалили отъ дѣлъ, чѣмъ возбудили еще большее злорадство въ тѣхъ же людяхъ. Талейранъ искусно воспользовался своимъ положеніемъ, чтобы или укрѣпиться на своемъ мѣстѣ, или оставить его подъ какимъ нибудь патріотическимъ предлогомъ: онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ вмѣстѣ со всѣмъ совѣтомъ министровъ, настаивая на той системѣ правленія, какой онъ держался въ Гентѣ и разсчитывая на такой же успѣхъ. Но онъ обманулся,—король принялъ его прошеніе. Фуше былъ отставленъ еще за нѣсколько дней прежде. Преемникъ его Деказъ, бывшій у него префектомъ полиціи, котораго всѣ французы представляютъ какъ образецъ изящества, утонченной вкрадчивой вѣжливости и другихъ увлекательныхъ свойствъ гасконскаго честолюбія и ловкости, подставилъ ему ногу въ то самое время, когда Фуше окончилъ свое дѣло — подставлять ногу другимъ. Говорятъ, что онъ нанесъ ему сильный ударъ во мнѣніи короля двойной мошеннической продѣлкой, устроивъ попытку

освободить Лабедойера и потомъ взвалилъ ее на Фуше [85]). Но и безъ этого Фуше не удержался бы на своемъ мѣстѣ. Герцогиня Ангулемская отказалась принять его; въ передней короля онъ долженъ былъ выслушать насмѣшки; избранные въ палату депутаты еще до собранія протестовали противъ него черезъ Лене. Онъ уѣхалъ тайно изъ Парижа въ Дрезденъ, куда онъ назначенъ былъ посланникомъ; спустя два мѣсяца, такъ называемымъ закономъ амнистіи онъ былъ лишенъ мѣста и осужденъ на изгнаніе изъ Франціи. Въ его запискахъ разсказывается, что когда Карно, помѣщенный въ списокъ изгоняемыхъ, написалъ Фуше лаконическія слова: куда мнѣ дѣваться измѣннику?—этотъ послѣдній отвѣтилъ ему: куда тебѣ угодно, дуракъ! Какъ бы въ наказаніе за это, коварный хитрецъ самъ долженъ былъ отправиться въ изгнаніе съ именемъ измѣнника и дурака, и въ скромномъ бездѣйствіи, которое было убійственно для его честолюбія, умеръ на чужбинѣ. 24 сентября.

Слѣдствія войны.

Позорныя событія ста дней произвели всеобщее раздраженіе даже въ самой Франціи, которое обнаружилось насильственной и мстительной реакціей роялистической партіи; тѣмъ болѣе они должны были раздражить всю Европу, войска, полководцевъ и государей, вслѣдствіе чего война велась съ большимъ ожесточеніемъ и договоры получили другой характеръ. Прежнее уваженіе къ храброму французскому войску смѣнилось ненавистью и презрѣніемъ къ клятвопреступнымъ приверженцамъ императора, союзники не оказывали уже прежней снисходительности и миролюбія, какъ въ 1814 г., и Франція на этотъ разъ должна была сильно почувствовать, что она страна побѣжденная. Столица напрасно надѣялась, что союзники и теперь пощадятъ общественную собственность; похищенныя сокровища искусствъ были взяты назадъ, между тѣмъ какъ Французы по чувству своекорыстія и хвастливой суетности настаивали на томъ, что они имѣютъ право удержать ихъ у себя;—и къ удивленію, даже въ настоящее время есть историки, которые защищаютъ это мнимое право. Парижане надѣялись, что ихъ городъ избавится отъ тягостей постоя, какъ въ 1814 г.; но Блюхеръ хотѣлъ, чтобы они теперь сами почувствовали тѣ

---

[85]) Vaulabelle 3, 463.

бѣдствія войны, которыя Франція такъ долго причиняла почти всему свѣту. Онъ непремѣнно хотѣлъ потребовать 100 милліоновъ за военныя издержки, но союзные государи уменьшили эту сумму до 10 милліоновъ, не считая различныхъ предметовъ, взятыхъ натурою. Но Парижъ получилъ и вознагражденіе за свои жертвы. Пребываніе и содержаніе въ столицѣ гарнизона, дворовъ, полководцевъ и множества англичанъ ужасно возвысило цѣны на квартиры и на всѣ жизненныя потребности, такъ что полагаютъ, что многіе теперешніе купцы составили себѣ состояніе именно въ это время. Гораздо болѣе пострадала вся страна. До октября по Франціи передвигались огромныя массы иностранныхъ войскъ, и вездѣ, гдѣ они ни появлялись, жители должны были терпѣть тягости постоевъ, поборовъ и даже насильственнаго грабежа. На главныхъ путяхъ войскъ крестьяне убѣгали изъ селеній и, возвратившись, находили свои дома разграбленными и опустошенными. До 1816 г. на большей части страны лежало это бремя содержанія иностранныхъ войскъ, которое стоило до 400 милліоновъ. Наполеонъ предсказывалъ французамъ, что союзники будутъ издѣваться надъ ними и они должны будутъ проливать кровавыя слезы; это и сбылось на самомъ дѣлѣ. Иностранцы сдѣлались теперь предметомъ національной ненависти, между тѣмъ какъ въ 1814 г. многіе принимали ихъ какъ друзей. Тогда они относились къ французскому правительству какъ союзники его, сенатъ и Талейранъ видѣли, что иностранные государи по крайней мѣрѣ показываютъ видъ, будто хотятъ руководиться ихъ желаніями; но теперь они прямо сами назначали министровъ, производили судъ и распоряжались французскими войсками; и вся Европа соединилась какъ бы для продолжительнаго союза противъ Франціи. Раздраженныя постоянными потрясеніями, центромъ и источникомъ которыхъ была Франція, европейскія державы при всякомъ случаѣ старались поставить ее въ изолированное положеніе, въ которомъ она и находилась теперь, и обнаруживали враждебность къ французскому народу, которая ожесточила противъ иностранцевъ эту самую общительную и привѣтливую изъ всѣхъ націй и стерла нѣсколько лоскъ вѣжливой обходительности, которымъ она отличается. Заключенные въ то время договоры и теперь возбуждаютъ во Франціи народное неудовольствіе и негодованіе. Они были обременительны, хотя въ

сравненіи съ тѣми, которые заключалъ Наполеонъ съ побѣжденными, казались еще снисходительными и легкими. Франція обязалась содержать въ сѣверныхъ департаментахъ въ теченіи пяти лѣтъ 150,000 союзнаго войска, выдавая ежегодно на ихъ содержаніе 130 милліоновъ; огромная сумма была потребована въ уплату за военныя издержки, и сверхъ того вслѣдствіе особыхъ требованій, которыя заявили почти всѣ европейскія правительства каждое отдѣльно, Франція должна была выдать почти такую же сумму (первоначально 735 мил.) для покрытія долговъ и разныхъ неуплатъ, лежавшихъ на ней еще со временъ революціи и имперіи. Вообще вся эта революція ста дней стоила странѣ почти два милліарда. Часть пріобрѣтенныхъ областей, оставленныхъ за Франціею въ 1814 г., по второму парижскому миру была отнята у ней. Намъ необходимо теперь изложить условія этого мира вмѣстѣ съ условіями перваго парижскаго мира и въ общей связи ихъ съ переговорами на вѣнскомъ конгрессѣ, гдѣ положены были основанія новыхъ государственныхъ отношеній, и за тѣмъ мы перейдемъ къ событіямъ послѣдующаго времени, которыя собственно и составляютъ нашъ предметъ.

II.

ВѢНСКІЙ КОНГРЕССЪ.

Замедленіе конгресса и его занятій.

При заключеніи Парижскаго мира великія державы условились собрать, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ, въ Вѣнѣ всеобщій конгрессъ изъ уполномоченныхъ для того, чтобы дополнить постановленія мирнаго договора и дать имъ надлежащую полноту. Этотъ срокъ приходился къ началу августа, но былъ потомъ отложенъ до 1-го октября по случаю засѣданій англійскаго парламента и поѣздки императора Александра въ Россію, не терпѣвшей отлагательства. Между тѣмъ уже въ срединѣ сентября собрались въ Вѣнѣ полномочные министры и вскорѣ затѣмъ и самые государи, и начали переговоры о нерѣшенныхъ еще окончательно вопросахъ. Такъ какъ въ предшествовавшихъ договорахъ и мирныхъ условіяхъ были утверждены въ общихъ чертахъ основанія новаго государственнаго порядка Европы, то и ожидали—какъ вѣнскій дворъ, такъ и его гости—скораго окончанія всего этого дѣла. 32 милліона людей, которымъ готовилась новая судьба, напряженно ожидали скорѣйшаго исполненія своихъ надеждъ и желаній. Но постоянными проволочками въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ и таинственною неподвижностію дѣлъ это ожиданіе было до того обмануто, что наконецъ оно перешло въ другую крайность—совершенно тупаго и горькаго равнодушія къ вѣнскимъ

переговорамъ. 8-го октября было въ первый разъ объявлено о томъ, что открытіе конгресса отложено до 1-го ноября. Но и въ этотъ день только и узнали, что была повѣрка полномочій. И послѣ четырехъ слѣдующихъ затѣмъ мѣсяцевъ можно было узнать по газетамъ, что во все это время ничего рѣшительнаго не было сдѣлано, кромѣ присоединенія Генуи къ Сардиніи и возведенія Ганновера на степень королевства. Съ самаго начала уже встрѣтились съ двухъ сторонъ неожиданныя затрудненія по вопросамъ о вознагражденіи Россіи и Пруссіи и о государственномъ устройствѣ Германіи. Переговоры по послѣднему пункту, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ соглашенія, были прекращены еще въ концѣ ноября, а рѣшеніе перваго вопроса затянулось до возвращенія Наполеона съ о-ва Эльбы и въ одно время, казалось, способно было вмѣсто желаемаго мира возжечь новою войну.

Праздничный характеръ конгресса.

Въ публикѣ между тѣмъ получались по временамъ отрывочныя свѣдѣнія объ этомъ разногласіи. Остановку дѣлъ можно было замѣтить по отсутствію рѣшеній. Но праздники, даваемые дворомъ, министрами и дворянствомъ Австріи своимъ гостямъ, казалось, должны были опровергать или по крайней мѣрѣ скрывать то и другое. Этимъ праздникамъ, равно какъ и мнимому единодушію и доброму согласію присутствовавшихъ, не было конца. Все это придавало Вѣнскому конгрессу съ внѣшней стороны характеръ одного изъ тѣхъ празднествъ, которыя были послѣ Вестфальскаго мира, конечно, по окончаніи всѣхъ дѣлъ на немъ. Частные балы и придворные рауты, маскарады и живыя картины, фейерверки и каруссели, охота, прогулки въ экипажахъ и верхомъ, маневры и смотры войскамъ,—все это смѣнялось одно другимъ въ какой-то безпрерывной суетѣ; сегодня ни къ чиму не идущая панихида по Людовикѣ XVI, вечеромъ балъ, а на завтра пышное катанье въ саняхъ. Вся картина того времени представляла чрезвычайно много разнообразія. На тѣсномъ пространствѣ города Вѣны толпились государи съ своими свитами, литературныя, военныя и политическія знаменитости, пышное дворянство Аввтіи, Венгріи и Богеміи съ ихъ иностранными гостями, салонные бонмотисты, германскіе и космополитическіе мечтатели, чудаки и искатели приключеній, фокусники и акробаты, танцовщики и пѣвцы; утонченныя страсти запада встрѣчались здѣсь съ болѣе грубыми потребностями предста-

вителей полувосточныхъ державъ; высшій кругъ общества выставлялъ свои богатства на показъ и на приманку продажныхъ танцовщицъ, которыя увозили съ собой огромныя суммы; легкомысленные и желчные остряки—мефистофелевскій хоръ въ этой драмѣ—распространяли эти горькія тайны въ публикѣ. Впрочемъ злые языки не высказывались въ печати; напротивъ того, краснорѣчивы были восторженныя описанія всѣхъ празднествъ, выходившія изъ подъ пера оффиціальныхъ писарей нѣмецкихъ министровъ и печатавшіяся въ „Австрійскомъ Наблюдателѣ". Эта суета пустой, праздной, безнравственной жизни цѣлаго общества и эта безмѣрная расточительность денегъ, времени и силъ нашли себѣ осужденіе не въ однихъ только строгихъ судьяхъ, но и въ людяхъ, которые далеко не были желчными моралистами [1]). Можно еще было простить знати этотъ взрывъ радости послѣ 25 лѣтъ безпокойства и униженія; но нельзя было оправдать того, что на придворной кухнѣ ежедневно тратились страшныя суммы, и по увѣренію людей, знавшихъ дѣло, на всѣ увеселенія по случаю конгресса было употреблено вѣнскимъ дворомъ болѣе 30 милліоновъ гульденовъ, въ странѣ, гдѣ три года тому назадъ государственное банкрутство разорило безчисленное множество людей, гдѣ въ то самое время находилось болѣе 50 тысячъ инвалидовъ, на половину на самомъ скудномъ содержаніи, а на половину просто при однихъ документахъ на подобную пенсію,—когда въ Трансильваніи былъ страшный голодъ, отъ котораго погибло нѣсколько тысячъ народу (въ началѣ 1815 г.), — и гдѣ везли коронованныхъ гостей (въ Офенъ) по дорогамъ, которыя послѣ долгаго времени въ первый разъ были исправлены. Къ этому можно только прибавить то, что весь этотъ развратъ принялъ болѣе утонченную форму сравнительно съ грубостью, съ которою нѣкогда посланники въ Оснабрюкѣ наслаждались женщинами и виномъ; но нельзя все таки позабыть страшнаго вреда, который приносился дѣламъ такимъ пустымъ препровожденіемъ времени. Если на прежніе конгресы юридическая и богословская ученость налагала свою печать педантизма, то на Вѣнскомъ конгрессѣ преимущественно отразилась утонченная вѣжливость. Упорные и непріятные нѣкогда

---

[1]) Ср. Karl von Nostiz Leben. Leipzig. 1848.

споры изъ за чиновъ въ Оснабрюкѣ уступили топерь въ Вѣнѣ мѣсто учтивой непринужденности. При подписаніи протоколовъ и договорныхъ условій порядокъ подписей былъ или случайный или алфавитный. За то недоставало здѣсь той строгой точности въ веденіи дѣлъ, которая была въ прежнія времена, и развилось болѣе всего умѣнье мистифировать, искусство скрывать коварство подъ личиной честности, злобу — подъ кажущимся великодушіемъ, своекорыстныя цѣли—подъ благозвучными фразами. Любопытные сплетники, по словамъ Штейна, не щадили ни государственныхъ людей, ни ихъ занятій; увеселенія отвлекали искавшихъ развлеченія руководителей всѣхъ дѣлъ къ пустымъ постороннимъ предметамъ. Таково свойство человѣческой природы, что быстрый переходъ отъ заботъ и труда къ вихрю наслажденій разслабляетъ даже самыя сильныя натуры; тѣмъ гибельнѣе должно было отразиться вліяніе такого перехода на слабыхъ людяхъ, постоянно преданныхъ удовольствіямъ и бывшихъ артистами въ дѣлахъ развлеченій. Во главѣ ихъ стоялъ Меттернихъ.—Онъ былъ „правая рука" августѣйшаго хозяина, „министръ коалиціи", президентъ конгресса, руководитель вліятельныхъ людей Англіи и Россіи, виновникъ козней Талейрана и Монжела. Такими титлами онъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ господство въ конгрессѣ. И тогда уже не было недостатка въ проницательныхъ людяхъ, которые, видя все это, предвѣщали, что его уловки и кривые пути, его ограниченность и легкомысліе сдѣлаютъ тщетными благія ожиданія, возлагаемыя на конгрессъ.

Это тотчасъ же подтвердилось при разрѣшеніи всѣхъ главныхъ вопросовъ, которые замедляли конгрессъ и грозили еще болѣе запутать нити прошедшаго, которыя предполагалось распутать здѣсь окончательно.

Предметы Вѣнскихъ конференцій.

Предметы переговоровъ въ Вѣнѣ раздѣляются на три большія группы. Они касались частію внѣ европейскихъ отношеній, какъ напр. торговли неграми, о чемъ мы будемъ говорить только при случаѣ, частію германскаго государственнаго устройства, частію же новаго политическаго порядка Европы и устройства отнятыхъ отъ Франціи областей. При подробномъ изложеніи двухъ послѣднихъ предметовъ, мы будемъ останавливаться преимущественно на тѣхъ мотивахъ, которые привели государей и вліятельныхъ минист-

ровъ къ извѣстнымъ результатамъ; всѣ же частности самаго дѣлопроизводства составляютъ предметъ монографій о Вѣнскомъ конгрессѣ [2]). Напомнимъ только, что четыре великія державы обсуждали между собой вопросы о распредѣленіи государственныхъ территорій по секретной статьѣ Парижскаго мира; другіе же предметы европейской политики обсуждались въ особомъ собраніи 8 державъ, подписавшихъ этотъ мирный договоръ. Это собраніе и составляло собственно конгрессъ. Оно назначало частныя комиссіи для предварительнаго разсмотрѣнія частныхъ вопросовъ и по ихъ докладамъ постановляло законы, которые давали Европѣ новый видъ и новое устройство.

а. Распредѣленіе европейскихъ государственныхъ территорій.

Франція. Главный вопросъ мира, — вопросъ о границахъ Франціи, былъ рѣшенъ великими державами еще въ Парижѣ. Основныя черты плана относительно того, сколько Франція должна потерять изъ своихъ завоеваній и какъ это потерянное должно быть раздѣлено между другими государствами, уже напередъ опредѣлены были прежними отношеніями и новыми перемѣнами; такъ что и друзья и враги даже въ различное время предлагали одинаковые проекты этого плана. Мы уже видѣли, какъ Людовикъ XVIII еще въ 1800 году хотѣлъ довольствоваться прежними границами Франціи, онъ тогда уже предполагалъ, какъ теперь и случилось,—что Австрія откажется отъ Бельгіи, какъ годной для отдачи въ вознагражденіе другимъ, и возьметъ себѣ въ замѣнъ Венецію, и что Генуя отойдетъ къ Сардиніи. Въ 1805 г. Питтъ составилъ проектъ возста-

---

[2]) «Акты Вѣнскаго Конгресса» Клюбера останутся навсегда необходимымъ пособіемъ при каждой разработкѣ этихъ предметовъ. Но его «Uebersicht der diplomatischen Verhandlungen des Viener Congresse, 1816», такъ же какъ Flassan'a: «histoire du congrés de Vienne, 1819»—заказная работа офиціальнаго історіографа французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ—сдѣлались почти ненужными для нѣмцевъ послѣ появленія IV т. «Біографіи Штейна» соч. Перца, О сочиненіи de Pradt'a: «du Congrès de Vienne, 1815» не стоитъ и упоминать. — Замѣчательныя записки графа La Garde и Varnhagen'a касаются только тѣхъ предметовъ, которые по своему частному характеру не входятъ въ изложеніе всеобщей исторіи.

новленія общаго порядка въ Европѣ, который сходенъ былъ съ этими предположеніями. Кестльри, принимавшій участіе въ его составленіи, въ 1813 г. снова обратился къ этому же проекту и сообщилъ его русскому императору [3]), съ выраженіемъ желанія, чтобы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ условій, неприложимыхъ болѣе къ дѣлу, проектъ этотъ былъ положенъ въ основаніе совѣщаній предстоящаго конгресса. И въ немъ также предполагалось, чтобы Франція введена была въ свои прежнія границы; это предположеніе было заявлено Англіей въ то время, когда союзники еще слишкомъ мало полагались на силу своего оружія, чтобы предписывать такія условія мира. Такое опредѣленіе границъ Франціи, — въ этомъ были убѣждены союзники равно какъ и Наполеонъ,—должно было имѣть своимъ необходимымъ слѣдствіемъ возстановленіе Бурбоновъ. Наполеонъ самъ объявилъ, что скорѣе примирится съ мыслью о возстановленіи Бурбоновъ, чѣмъ останется въ урѣзанной Франціи, меньшей чѣмъ та, которую онъ принялъ. Онъ былъ убѣжденъ, что прежнее относительное могущество Франціи не могло быть возстановлено при сохраненіи ея старыхъ границъ, послѣ того какъ всѣ другія государства такъ значительно увеличились; самъ Талейранъ поддерживалъ это мнѣніе на конференціяхъ, тогда какъ другіе ставили на видъ то, что эти увеличенія были ничѣмъ инымъ, какъ отнятіемъ у Франціи того, что она захватила отъ сосѣдей до Людовика XIV и при немъ. Такими глазами смотрѣли на это дѣло голландскіе государственные люди,—напр. Гогендорпъ,—которые лучше всѣхъ помнили исторію и опасности французской завоевательной системы отъ древнихъ временъ до настоящаго момента, и ихъ взглядъ былъ конечно исторически вѣренъ. Въ этомъ именно и состоитъ великое всемірно-историческое сходство мирныхъ договоровъ Парижа и Вѣны съ вестфальскимъ миромъ, не по одному громадному ихъ значенію, но также и по ихъ политическому содержанію, а именно по тому, что какъ тогда былъ положенъ конецъ стремленіямъ Австріи къ владычеству надъ всей Европой, начавшимся нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ и сдѣлавшимся такъ опасными въ 30-ти лѣтнюю войну, такъ и теперь былъ положенъ предѣлъ такимъ же стремленіямъ Франціи, которыя начались и имѣли успѣхъ

---

[3]) Castlereagh къ Cathcart, 9 апрѣля 1813. См. въ Мемуарахъ Кестльри.

за сто лѣтъ назадъ при Людовикѣ XIV и увѣнчались еще большимъ успѣхомъ при Наполеонѣ. При началѣ этихъ завоевательныхъ стремленій французы отняли отъ Германской имперіи Эльзасъ, а потому теперь, когда былъ положенъ предѣлъ этимъ стремленіямъ,—требованіе возвратить Эльзасъ было очень умѣреннымъ условіемъ, которое Австрія предъявила Англіи при самомъ началѣ войны[1] и которое подтверждено было всѣми нѣмецкими державами въ 1815 г. [4]). Но всякое увеличеніе нѣмецкихъ областей еще въ 1813 и 1814 г., когда существовало полное согласіе между союзниками, съ завистью было отвергнуто. Франція удержала по Парижскому миру (ст. 1 и 2) свои владѣнія до 1792 г., съ большей частью колоній, которыя были отняты у нея Англіей, Португаліей и Швеціей. Бурбоны и Талейранъ, какъ прежде въ Парижѣ, такъ и теперь въ Вѣнѣ, держали себя такъ, какъ будто они были не побѣжденные, а союзники. Они предъявили требованіе удержать Бельгію и Рейнскія провинціи; хотѣли по крайней мѣрѣ оставить за собой часть Бельгіи (Люксенбургъ и Люттихъ), также Савойю и Женеву, и наконецъ въ самомъ дѣлѣ получили округленное приращеніе къ своимъ владѣніямъ, удержавъ за собою часть Женевской области и Савойи, Ландау и всѣ внутреннія земли: Авиньонъ, Венессенъ, Мюмпельгардъ, и нѣкоторыя другія нѣмецкія владѣнія, которыя по второму парижскому миру были только частью возвращены назадъ.

[1] Въ дек. 1813.

Проекты раздѣла между союзниками.

Какъ опредѣленіе границъ Франціи, такъ и вознагражденіе четырехъ побѣдоносныхъ державъ, ихъ союзниковъ и помощниковъ, и самый раздѣлъ отнятыхъ у Наполеона земель были заранѣе условлены въ Парижѣ и Лондонѣ; при этомъ большею частію соображались съ прежними договорами. Въ Англо-русскомъ кооперараціонномъ договорѣ 1805 г.[1] въ явныхъ и секретныхъ статьяхъ, которыя отчасти и доселѣ неизвѣстны офиціально [5]), предполагалось отдать Ломбардію Австріи, Рейнскія провинціи — Пруссіи, Голландію увеличить присоединеніемъ къ ней Бельгіи, а къ Сардиніи присоединить Генную и даже Дофине. Такой же планъ былъ начертанъ и прусско-русской Бартенштейнской конвенціей 1807 года. Прежде чѣмъ къ нему снова обратились въ 1813 году, онъ былъ замѣ-

[1] 30 марта / 11 апрѣля

---

[4]) Napier, histoire de la guerre dans la péninsule, éd. Dumas, 12, 281.

[5]) Bignon, histoire de France, cap. 46; съ этимъ согласенъ и Lefèvre.

ненъ во время торжества русскаго оружія въ концѣ 12 года новыми проектами существенной перестройки политическаго порядка Европы. Штейнъ тогда думалъ не только вернуть Германіи ея прежнія границы, расширивъ ихъ на счетъ Франціи, но даже раздѣлить всю Германію между Австріей и Пруссіей и, если бы только было возможно, готовъ былъ образовать изъ нея одно государство. Напротивъ того принцъ регентъ Англіи и графъ Мюнстеръ подозрѣвали Штейна въ томъ, что онъ хочетъ усилить на сѣверѣ Германіи не Вельфскій, а Гогенцоллернскій домъ. Мюнстеръ (какъ Гнейзенау и въ одно время самъ Штейнъ) думалъ, что могущество Пруссіи уже навсегда погибло, и предсказывалъ ей низведеніе въ число третьестепенныхъ государствъ; онъ не видѣлъ причины, почему Пруссія при ея тогдашнемъ положеніи могла ожидать лучшей участи, чѣмъ та, которую Штейнъ готовилъ государямъ Рейнскаго Союза. Тогда Мюнстеръ составилъ планъ, проектированный имъ еще въ 1809 году, въ которомъ онъ, принимая въ соображеніе вѣроятный переходъ Англійской короны въ другой царственный домъ, мечталъ объ образованіи большаго вельфскаго государства, которое должно было обнять Нидерланды и Сѣверную Германію до самой Эльбы [6]. Онъ хлопоталъ объ этомъ планѣ въ Швеціи, и чтобы привести его въ исполненіе, готовъ былъ на раздробленіе Даніи и благопріятствовать пріобрѣтенію новыхъ областей Россіею. Что касается самой Россіи, то министры Александра, и даже самъ Штейнъ, думали сдѣлать границей ея Вислу по всему ея теченію. Эти разсчеты на слабость Пруссіи были разстроены необычными усиліями прусскаго народа, благодаря которымъ нельзя было отказаться отъ исполненія договоровъ ея съ Россіею, по которымъ Пруссіи возстановлялись въ сѣверной Германіи ея прежнія границы 1806 г. Англія и Россія уже не осмѣлились предъявлять свои прежнія планы; Австрія, съ ревнивою боязнью передъ такимъ неожиданнымъ возрожденіемъ Пруссіи, поспѣшила увѣрить мелкія государства Германіи въ своемъ покровительствѣ; такимъ образомъ масса, подлежавшая дѣлежу, соединялась плотнѣе,—и надо было обратиться снова къ прежнимъ болѣе умѣреннымъ планамъ. Въ нихъ всегда предпо-

---

[6]) Мы не приводимъ здѣсь подробностей и доказательствъ, которыя каждый можетъ найти у Perz'a «Steins Leben» III.

лагалось, какъ дѣло уже рѣшенное, что Англія получитъ главнымъ образомъ вознагражденіе въ колоніяхъ, Австрія въ Италіи, Россія въ герцогствѣ Варшавскомъ, Пруссія въ сѣверной Германіи, гдѣ разумѣли главнымъ образомъ Саксонію.

Что касается до второстепенныхъ союзныхъ государствъ, то четыре изъ нихъ были возстановлены въ прежнихъ границахъ или получили новый территоріальный составъ, и само собой разумѣлось, что каждое изъ нихъ будетъ находиться подъ покровительствомъ одной изъ великихъ державъ. Швеція стала подъ покровительство Россіи, Голландія—Англіи; Франція старалась подчинить своему вліянію Неаполь, а Австрія—и Неаполь и Сардинію. На долю Пруссіи безъ сомнѣнія досталась бы Германія, если бы она поняла свою роль, дѣйствовала бы какъ настоящая великая держава и руководилась бы политическими соображеніями.

Швеція и Норвегія.

Въ двухъ изъ этихъ второстепенныхъ государствъ, лежащихъ на двухъ крайнихъ оконечностяхъ Европы, въ Швеціи и Неаполѣ, въ единственныхъ странахъ, гдѣ остались два человѣка изъ Наполеоновской военной школы,— одинъ обладателемъ престола, другой наслѣдникомъ престола,—новый порядокъ былъ введенъ путемъ совершившихся фактовъ и силою. Въ Швеціи все совершилось въ пользу Бернадотта, незадолго до начала Вѣнскаго конгресса, въ Неаполѣ же дѣло кончилось гибелью Мюрата незадолго до окончанія конгресса. Наполеонъ послѣ Тильзитскаго мира съ непростительнымъ легкомысліемъ отнялъ у Швеціи, старой союзницы Франціи, Финляндію, и отдалъ ее въ 1808 г. Россіи. Неудачная попытка снова завоевать Финляндію было поводомъ или только предлогомъ къ низложенію Густава IV; бездѣтство его наслѣдника Карла XIII имѣло слѣдствіемъ усыновленіе Бернадотта, послѣ того какъ прежде избранный наслѣдникъ принцъ Августенбургскій, Христіанъ (Карлъ) Августъ умеръ, а братъ его, герцогъ Августенбургскій, тоже избранный въ наслѣдники, отказался отъ права наслѣдства по весьма неполитическому великодушію, или просто малодушію. Съ самой минуты своего избранія въ наслѣдника престола Бернадоттъ стремился къ тому, чтобы въ замѣнъ утраченной Финляндіи принести Норвегію въ даръ своему будущему королевству. Въ трудный 1812 г. онъ добился чрезъ

24 марта 1812 Петербургскій договоръ[1] отъ русскаго правительства вѣрныя обѣщанія въ пріобрѣтеніи Норвегіи, на что Англія дала неохотно свое со-

гласіе, въ которомъ послѣ раскаивалась. Шведскій наслѣдный принцъ при личномъ свиданіи съ императоромъ Александромъ въ Або[1], умѣлъ пріобрѣсть его расположеніе искренностью своего обращенія, которою онъ прельстилъ этого мягкаго и впечатлительнаго человѣка, а также и своею стойкостью въ своихъ обязательствахъ, которая избавила Россію отъ посылки обсерваціоннаго корпуса въ Финляндію,—и своимъ довѣрчивымъ терпѣніемъ, съ которымъ онъ согласился отложить занятіе Норвегіи, что дало Россіи возможность отправить назначенный для сего русскій вспомогательный корпусъ въ дѣйствующую армію [7]). Съ этихъ поръ ничто не могло поколебать расположенія русскаго императора къ этому коварному принцу, ни его вѣроломное совѣщаніе съ Наполеономъ въ концѣ мая 1812 г., когда онъ находился въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ Россіей и Англіей, ни его двусмысленное положеніе въ общей войнѣ противъ Франціи, ни его козни въ Шлезвигъ-Голштейнѣ, ни его нейтралитетъ 1815 года, ни даже ненависть къ нему нѣмецкихъ патріотовъ. Данія по кильскому мирному договору[1] отказалась отъ Норвегіи и Германія должна была радоваться ослѣпленію, съ которымъ датскій король оставался вѣрнымъ Наполеону; иначе она поплатилась бы своими дорогими владѣніями на сѣверѣ за эту жертву, принесенную Даніей. По кильскому договору Данія получила Шведскую Померанію и островъ Рюгенъ, съ обѣщаніемъ дальнѣйшаго вознагражденія въ будущемъ за Норвегію; но она потеряла право на это вслѣдствіе того, что оказала помощь возстанію въ Норвегіи; такъ что Данія окончательно должна была удовлетвориться небольшою суммою денегъ и частью Лауенбурга, принадлежавшею Пруссіи, которая въ свою очередь получила за это Померанію и Рюгенъ. Возстаніе въ Норвегіи было единственнымъ случаемъ, гдѣ народъ осмѣлился воспротивиться распоряженіямъ великихъ державъ; оно было подавлено силою. Норвежцы объявили тѣми же словами, которыя употреблялъ въ 1813 г. ихъ датскій король, что ими нельзя распоряжаться какъ стадомъ, провозгласили свою независимость, назначили своего штатгальтера, датскаго наслѣдника, принца Христіана Фридриха регентомъ и черезъ выборныхъ, имѣвшихъ собраніе въ Эйдсвольдѣ (округѣ

[1] Въ авг. 1812

[1] 14 янв. 1814

7) Touchard Lafosse, histoire de Charles XIV. 2, 294.

10 апр.—20 мая Аггерхузъ) составили конституцію самую демократическую, какая только возможна въ монархическомъ государствѣ. Регентъ не рѣшился бы принять участіе въ этихъ дѣйствіяхъ, еслибы онъ предвидѣлъ близкое паденіе Наполеона. Когда оно совершилось, тогда въ Норвегіи стали дѣйствовать приверженцы Швеціи. Англійскіе и русскіе корабли заперли Норвегію; а первое движеніе шведской арміи и флота, и занятіе Фридрихштадта при устьѣ Гломмена—рѣшили все дѣло. Шведскій наслѣдный принцъ (Бернадоттъ) показалъ при этомъ не одну воинскую, но и дипломатическую ловкость; онъ почти безъ всякихъ измѣненій принялъ конституцію Норвегіи и этимъ расположилъ къ себѣ ея жителей. Сеймъ постановилъ (4 ноября) присоединеніе ея къ Швеціи. Чрезъ эту перемѣну Швеція избавилась отъ того перевѣса, которымъ пользовалась Данія въ Скандинавіи, владѣя островами и еще Норвегіей. Все это также послужило въ пользу Россіи, которая теперь стоитъ у воротъ Стокгольма, тогда какъ прежде для всякаго врага Россіи Швеція была страшной для ней союзницей, и, владѣя своими финляндскими крѣпостями, стояла бы у воротъ самаго Петербурга. Россіи былъ такой же интересъ выжить шведовъ изъ этого мѣста, какъ нѣкогда Франціи—выжить англичанъ изъ Нормандіи.

Неаполь и Сицилія.

Совершенную противуположность этой умной и хитрой игрѣ Птоломея въ группѣ Наполеоновскихъ полководцевъ составляло поведеніе Іоахима Мюрата, короля Неаполитанскаго. Мы только вскользь упомянемъ о его нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ при двухъ реставраціяхъ 1814 и 1815 г., чтобы объяснить его положеніе во время Вѣнскаго конгресса и его паденіе. Мюратъ не имѣлъ въ Неаполѣ ни одного изъ тѣхъ преимуществъ, которыя пріобрѣлъ Бернадоттъ въ Швеціи. Онъ даже не сдѣлался полузаконнымъ государемъ, ничѣмъ не закрѣпилъ свои связи съ новымъ отечествомъ и не съумѣлъ даже уничтожить въ народѣ привязанности къ такой королевской четѣ, какъ Фердинандъ IV и Каролина. Онъ не имѣлъ силы удержать Сицилію за Неаполемъ и не могъ ожидать содѣйствія въ ея возвращеніи ни отъ своего покровителя, ни отъ его противниковъ. Какъ родственникъ Наполеона онъ слылъ за его ближайшаго друга, между тѣмъ какъ Бернадоттъ съ самаго начала своихъ связей съ французскими демократами постоянно находился подъ опалой Наполеона. Поведеніе Мюрата съ марта до

іюля 1813 года, когда онъ сносился то съ Австріей, то велъ переговоры съ Наполеономъ, не было ему прощено, какъ были забыты подобные же двоедушные поступки Бернадотта, и потому особенно, что Неаполь имѣлъ большое значеніе при открытомъ переходѣ Мюрата на сторону союзниковъ. Въ Ноябрѣ 1813 года ему отдали бы Сицилію, если бы онъ искренно принялъ ихъ сторону. Но его сердце лежало къ Франціи. Онъ лучше желалъ и скорѣе надѣялся получить Италію до р. По отъ побѣжденнаго и давно уже на него озлобленнаго Наполеона. Мюратъ находился тогда въ сношеніи съ лордомъ Бентинкомъ, который былъ бы къ нему благосклоннѣе, чѣмъ къ Бурбонамъ; но онъ сдѣлалъ лорда своимъ врагомъ нерѣшительностью и слабостью своего характера. Съ этихъ поръ ему уже больше не удавалось сближаться ни съ Россіей, ни съ Англіей, ни вступать съ Австріей въ болѣе искреннія отношенія. Когда Австрія въ 1814 г.[1] заключила съ нимъ договоръ, который обезпечивалъ ему Неаполь и вознагражденіе за Сицилію, то этотъ договоръ былъ принятъ другими державами только неохотно и съ измѣненіями; и за тѣмъ съ радостію воспользовались какъ предлогомъ къ уничтоженію этого договора, бездѣйствіемъ и двусмысленностью поведенія Мюрата во время похода союзниковъ. Этотъ договоръ давалъ ему надежду получить вознагражденіе въ легатствахъ, но нѣсколько недѣль спустя[1] генералъ Бельгартъ объявилъ о возстановленіи папской области. Когда войска подъ командою лорда Бентинка были расположены въ Ливорно, то наслѣдный принцъ Сициліи съ его вѣдома объявилъ въ дневномъ приказѣ, что англо-сицилійскія войска пришли затѣмъ, чтобы поддержать законныя права его фамиліи на Неаполь. Мюратъ заслужилъ такое съ собою обращеніе своимъ безразсуднымъ и коварно нерѣшительнымъ поведеніемъ, которое ему самому казалось хитрою политикою. А сами по себѣ ни Австрія, ни Англія, не стали бы вредить ему. Англія упрочила бы свое вліяніе въ Сициліи, при ея отдѣленіи отъ Неаполя, и Австрія не имѣла никакого интереса возвести Бурбона на Неаполитанскій престолъ; потому обѣ державы колебались и не знали на что рѣшиться. Австрія пыталась въ августѣ 1814 года добиться добровольнаго отреченія Мюрата. Англія съ сдержанною осторожностью во всѣхъ сношеніяхъ съ нимъ избѣгала принимать на себя какія нибудь обязательства

[1] 14 января.

[1] 4 февраля.

относительно его лица; но вмѣстѣ съ тѣмъ Англія нисколько не хотѣла позволить Фердинанду, даже послѣ взятія Парижа, предъявлять свои права на Неаполь противъ воли союзныхъ державъ; она хотѣла открыто, передъ лицомъ Европы устроить между Мюратомъ и Фердинандомъ взаимное соглашеніе [8]). Но въ теченіе года политика эта измѣнилась; поводомъ къ этому послужили слухи о сношеніяхъ Мюрата съ Эльбою. Но настоящей же причиною этой перемѣны были виды англичанъ на Іоническія острова, которые, еслибъ Мюратъ остался, должны были отойти въ вознагражденіе Фердинанду IV. Осенью [1] этого же года Веллингтонъ и Кестльри составляли безъ вѣдома лорда Ливерпуля „планы“ противъ Мюрата; они собирали свѣдѣнія о военномъ положеніи Неаполя и о расположеніи его жителей къ Фердинанду IV. Въ сентябрѣ они думали изгнать Мюрата силою соединенныхъ англійскихъ, испанскихъ, сицилійскихъ и нѣкоторыхъ французскихъ войскъ; а за тѣмъ Веллингтонъ отправился въ Вѣну, желая, чтобы Фердинандъ самъ попытался завоевать Неаполь. Кестльри и Меттернихъ подъ вліяніемъ этихъ неопредѣленныхъ обстоятельствъ, были согласны въ своей нерѣшительности, и откладывали Неаполитанскій вопросъ до конца конгресса. Этимъ дѣло Талейрана было выиграно. Неаполитанскій вопросъ былъ единственнымъ, гдѣ могло быть допущено вмѣшательство личныхъ интересовъ Бурбонской фамиліи и она воспользовалась этимъ случаемъ, рѣшившись на всѣ позволительныя и непозволительныя мѣры. Талейранъ умѣлъ расположить русскаго императора въ пользу этого дѣла нѣкоторыми уступками по швейцарскимъ дѣламъ; притомъ же Россія охотно желала бы уравновѣсить австрійское вліяніе въ Италіи бурбунскимъ элементомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ подрывалъ бы вліяніе Англіи въ Сициліи. Вслѣдствіе этого Талейранъ открыто потребовалъ въ Вѣнѣ низложенія Мюрата; а изъ Парижа герцогъ Блакасъ переслалъ лорду Кестльри письма Наполеона къ Мюрату и его супругѣ 1811 — 13 годовъ, помѣтивъ ихъ мошенническимъ образомъ другими числами; эти письма послужили доказательствомъ измѣны Мюрата, которой союзники повѣрили тѣмъ легче, чѣмъ больше сознавали себя виновными въ этой измѣнѣ своею нерѣшитель-

[1] Авг.—октябрь.

8) Castleregh memoirs 9, 433.

ностью. Мюратъ чувствовалъ, что почва колеблется у него подъ ногами, какъ Наполеонъ на островѣ Эльбѣ, и его паденіе сдѣлалось во всякомъ случаѣ также неизбѣжнымъ, какъ и удаленіе Наполеона съ острова Эльбы, даже еслибы онъ и не возвращался во Францію. Въ началѣ 1815 года Мюратъ требовалъ отъ Австріи свободнаго пропуска 80,000 войска черезъ верхнюю Италію, чтобы предупредить враждебныя дѣйствія Бурбоновъ, которые съ своей стороны открыто собирали свои войска между Ліономъ и Шамбери. Когда онъ потомъ узналъ, что планы Наполеона на Эльбѣ уже созрѣли, онъ во вредъ себѣ и императору, вопреки совѣтамъ супруги, министровъ и генераловъ, рѣшился на безумныя поступки— вторгнулся въ папскія владѣнія, принудилъ папу, своего непримиримаго врага, бѣжать изъ Рима на страстной недѣлѣ, и раздражилъ тѣмъ итальянцевъ, на возстаніе которыхъ онъ надѣялся. И тутъ еще этотъ непостоянный человѣкъ имѣлъ слабость безпрестанно увѣрять Австрію въ своей вѣрности, въ то время какъ сносился съ Наполеономъ; онъ заставилъ войска свои сражаться съ австрійскими и назвалъ это недоразумѣніемъ. Такъ онъ окончательно палъ во мнѣніи англійскихъ министровъ, которые были къ нему сначала очень расположены, и сдѣлался одинаково презрѣннымъ и ненавистнымъ въ глазахъ какъ Австріи, такъ и Наполеона. Австрія объявила ему войну; его армія, уже 1813 году не расположенная сражаться за Францію, была всюду побѣждена; возстаніе заставило жену его бѣжать изъ Неаполя, который 8 дней спустя заняли Австрійцы. Мюратъ былъ на столько неразсудителенъ, что, отвергнутый Наполеономъ послѣ его паданія, хотѣлъ отважиться относительно Неаполя,—гдѣ за Фердинанда IV поднялись даже разбойники и лаццарони,—на такое же отчаянное предпріятіе, которое и самому императору, въ странѣ его славы, удалось только на сто дней. И послѣ своего отчаяннаго поступка, уже сидя въ темницѣ, онъ наивно воображалъ, что король Фердинандъ добровольно раздѣлитъ съ нимъ свои владѣнія, въ то самое время, когда послѣдній подписывалъ ему смертный приговоръ, какъ простому бунтовщику.

Мартъ и апрѣль 1815 г.

10 и 13 апрѣля.

14 мая.

22 мая.

Нидерланды и Бельгія.

Такимъ образомъ Франція достигла своей цѣли въ Неаполѣ, а Россія въ Швеціи; Англія задумала съ своей стороны устроить изъ Нидерландовъ благодарную сосѣднюю страну, хотя она и лишала ихъ

самой существенной силы, оставивъ за собою флотъ и лучшія колоніи Голландіи въ Гвіанѣ, торговыя конторы ея въ Индіи, Цейлонъ и Капскую землю. За это ей предложено было вознагражденіе щедрымъ надѣломъ въ близь лежащихъ земляхъ. Предлогомъ къ увеличенію Нидерландовъ было то, что здѣсь какъ и въ Сардиніи, нужны были укрѣпленные форпосты Европы противъ двухъ оконечностей Франціи; это было одно изъ основныхъ положеній и прежнихъ проектовъ 1805 г. Главная же цѣль Англіи была та, чтобы уничтожить всякое вліяніе Франціи на Бельгію и Антверпенъ, значеніе которыхъ еще такъ недавно показалъ Наполеонъ и присоединеніе которыхъ къ Франціи возбудило непримиримую вражду Англіи противъ императора. Поэтому все убѣждало въ необходимости соединить Бельгію съ Голландіей, которая мечтала даже о полномъ подчиненіи себѣ первой. Александръ желалъ охотно отдать Голландію герцогу Ольденбургскому; но голландцы помѣшали этому плату тѣмъ, что возстали противъ французскаго владычества еще въ ноябрѣ 1813 г. и провозгласили сына послѣдняго наслѣдственнаго штатгальтера, Вильгельма Оранскаго, своимъ „верховнымъ государемъ". Противиться избранію такого лица было трудно. Онъ имѣлъ въ Голландіи старыя права, на которыя не нашлось соперника. Въ послѣднее время онъ постоянно былъ противъ Франціи, потерялъ всѣ свои владѣнія, сражался въ рядахъ прусскихъ и австрійскихъ войскъ и пріобрѣлъ въ Англіи расположеніе торіевъ. Подобно тому, какъ Бернадоттъ до того, пока Англія не дала своего согласія на присоединеніе Норвегіи къ Швеціи, постоянно высказывалъ желаніе тѣснѣйшаго союза Швеціи съ Англіей,—такъ и принцъ Оранскій, пока дѣло его не уладилось, носилъ личину самой искренней преданности Англіи и пріятной надежды на самый тѣсный родственный и національный союзъ съ нею. Кестльри принялъ его сторону очень благосклоно. Онъ горячо настаивалъ на возстановленіи принца на Голландскомъ престолѣ, и еще въ Шомонѣ прямо указывалъ на соединеніе Бельгіи съ Голландіей, какъ на одно изъ главныхъ условій обезпеченія общаго порядка и спокойствія въ Европѣ. Россія хотѣла было дать свое согласіе на это съ условіемъ, чтобы новое государство приняло на себя ея голландскій долгъ; но Кестльри желалъ, чтобы это принятіе долга было предоставлено доброй волѣ

Голландіи. Что касается до предѣловъ новаго государства, то принцъ Оранскій предоставилъ рѣшить Англіи этотъ вопросъ; оно должно было обнимать собой Австрійскіе Нидерланды (Бельгію) и земли по правую сторону Мааса отъ Мастрихта и Ахена до Кельна. Это значило бы ужъ слишкомъ много отнять у Германіи; но на этомъ предложеніи даже нѣмецъ Гагернъ въ Вѣнѣ настаивалъ такъ усердно, что Штейнъ сталъ упрекать его въ батавизмѣ, а Меттернихъ замѣтилъ ему, что онъ уже слишкомъ милостивъ къ „баловню великихъ державъ". Но голландскимъ совѣтникамъ принца Оранскаго и это слишкомъ многое казалось все еще недостаточнымъ. Они съ самаго начала разсчитывали на весь правый берегъ Мааса. Впрочемъ не вышло еще такъ худо; однако къ Австрійской Бельгіи все таки присоединено было епископство Люттихъ, Лимбургъ и часть аббатствъ Сталбо и Мальмеди; Люксембургъ былъ напротивъ того вознагражденіемъ за уступленныя Пруссіи Оранскія наслѣдственныя земли—Нассау, Дилленбургъ, Зигенъ, Гадамаръ и Дитцъ. Казалось Англія достигла исполненія своихъ желаній. Но если надежда ея, какъ это высказывали англійскіе дипломаты, состояла въ томъ, чтобы тѣснымъ союзомъ Голландіи съ Англіей уничтожить навсегда возможность повторенія континентальной системы или чего нибудь подобнаго, что ей страшно было въ Наполеоново время, и чтобъ это соединеніе имѣло значеніе полной передачи Бельгіи и Антверпена въ руки Англіи,—то надежда эта не сбылась. Думали усилить политическое вліяніе родственными связями, но предположенный бракъ принца Оранскаго съ англійскою наслѣдною принцессою Шарлоттою разстроился еще во время пребыванія монарховъ въ Лондонѣ[1], ихъ вліяніемъ на принцессу [9]). Русскій Императоръ во время своего обратнаго проѣзда чрез Голландію былъ крайне внимателенъ къ голландцамъ и ихъ принцу. Вскорѣ затѣмъ этотъ принцъ (принявшій въ мартѣ мѣсяцѣ 1815 года титулъ короля) предпочелъ предъ всѣми другими политическія и родственныя связи съ Россіей. Англія употребила всѣ старанія и не пощадила жертвъ, чтобы заинтересовать Россію въ этомъ соединеніи Голландіи съ

[1] Въ іюнѣ 1814.

---

[9]) Она по странному стеченію обстоятельствъ сдѣлалась въ 1816 г. супругой Леопольда Кобургскаго, который 14 лѣтъ спустя послѣ ея преждевременной кончины вступилъ на бельгійскій престолъ.

Бельгіей и дать своему вліянію перевѣсъ надъ русскимъ. Вознагражденіе за военныя издержки, которыя должна была выплатить Голландія, за покоренную ей Бельгію, союзники предоставили Россіи въ уваженіе ея участія въ этой отдаленной отъ нея войнѣ. 19 мая 1815. Вслѣдствіе этого Англія и Голландія по взаимному соглашенію приняли на себя упомянутый русскій долгъ, долгъ Гопе и К° въ 50 милл. гульденовъ, такимъ образомъ, чтобы Россія оставалась должникомъ, — проценты же и сумма на погашеніе по 6% должны быть уплачиваемы обѣими державами русскому уполномоченному въ Голландіи. Этотъ платежъ (по 5-му пункту договора) долженъ былъ прекратиться въ томъ случаѣ, когда до погашенія долга „Бельгія чего Боже сохрани, отойдетъ отъ владычества Голландскаго короля“. Никто не предполагалъ тогда, что чрезъ нѣсколько лѣтъ интересъ Англіи въ соединеніи этихъ двухъ странъ приметъ совсѣмъ иное направленіе.

Сардинія и Генуя.

Гораздо меньше разногласій между союзниками оказалось при соединеніи Генуи съ Сардиніей; это былъ первый зрѣлый плодъ конгресса. Россія и Пруссія, понятно, были этимъ очень довольны: Австрія, хотя и не заинтересованная въ увеличеніи Сардиніи, все таки не могла желать, чтобы самостоятельностью Генуи поддерживалось въ Венеціи стремленіе къ независимости. Англіи не могли нравиться торговыя республики на Средиземномъ морѣ. Этому единодушному согласію великихъ державъ тщетно противорѣчили слабыя голоса Франціи и Испаніи, которыя противились присоединенію къ Сардиніи по крайней мѣрѣ всей бывшей лигурійской республики. Ни одно изъ тогдашнихъ государствъ не получило стольких выгодъ отъ присоединенія къ нему новыхъ областей, сколько получала Сардинія отъ присоединенія къ ней Генуи, и ни для одного не была бы такъ чувствительна потеря ихъ, какъ была бы для ней чувствительна потеря Генуи. Савойскіе государи умѣли всегда хорошо справляться съ Франціей, Австріей и Испаніей, даже при такомъ опасномъ сосѣдѣ, какъ Людовикъ XVI; въ дѣлахъ же съ республиками Генуэзской и Швейцарской они не были такъ счастливы. Во время образованія Швейцарскаго союза они потеряли Унтервальденъ, Ваадтъ и Женеву, и Генуя была ограждена отъ ея посягательствъ зоркою ревностью сосѣднихъ странъ. Теперь Швейцарія сдѣлалась безопасною, а Генуя

совершенно даромъ досталась Савойской династіи, которая во время владычества Наполеона должна была совсѣмъ покинуть Итальянскій континентъ. Піемонтъ, и безъ того природная крѣпость, получилъ такимъ образомъ за разъ крѣпкую морскую позицію, большой торговый городъ и безпрепятственное сообщеніе съ Сардиніей. Для Генуи, напротивъ, это подчиненіе старинному врагу было тѣмъ болѣе чувствительнымъ и ужаснымъ ударомъ, чѣмъ сильнѣе и постояннѣе въ ней поддерживалась и въ послѣднее время особенно оживилась надежда на независимость. Секретная статья парижскаго мира, рѣшившая ея судьбу, не была еще извѣстна. Не задолго до утвержденія этой статьи, лордъ Бентинкъ, которому отдалась Генуя[1] безъ всякаго уполномочія, составилъ въ ней временное правительство[1], и этимъ возбудилъ въ генуэзцахъ надежду на возвращеніе ихъ прежней независимости. По увѣренію Кестльри онъ имѣлъ положительное предписаніе не возобновлять старыхъ формъ правленія, и во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ знать расположеніе къ нимъ союзниковъ. Но пользуясь безотчетнымъ полновластіемъ, онъ незадолго предъ этимъ имѣлъ важныя политическія совѣщанія съ наслѣднымъ принцемъ Сициліи, безъ особеннаго на то уполномочія, и вслѣдствіе этого распорядился въ Генуѣ по своему, согласно своему вигистскому образу мыслей. Но напрасны были его старанія въ пользу свободы Генуи; напрасны были усилія Парето въ Парижѣ, Бриньоля въ Вѣнѣ; напрасно маркизъ Букингамъ и Вайтбридъ оффиціально дѣлали запросъ въ парламентѣ о генуэзскомъ временномъ правительствѣ, этой жертвѣ новой грабительной системы, вслѣдствіе которой сдѣлана была эта вопіющая несправедливость, неслыханная даже въ самыя страшныя времена французской революціи. Напрасно генуэзское временное правительство старалось о своемъ сохраненіи; когда Сардинскій дворъ предъявилъ свои акты, то оно въ трогательномъ извѣщеніи объявило себя уничтоженнымъ[1], сознавая свою слабость, но нисколько не отрекаясь отъ своей законности. Вскорѣ затѣмъ[1] прибылъ сардинскій уполномоченный для принятія въ управленіе Генуи; лордъ Бентинкъ не желалъ, чтобы британскія войска присутствовали при „этой возмутительной передачѣ Генуи“ [10]).

[1] 18 апр. 1814.

[1] 23 апрѣля.

[1] 17 декабря.

[1] 6 янв. 1815.

[16]) Письмо отъ 7 января 1815 года въ Castlereagh memoirs неправильно обозначено 1814 г., и должно быть перемѣщено въ собраніи писемъ съ № 9147 на 10221.

Швейцарія. Подобную счастливую судьбу, какъ Сардиніи, казалось, готовили и для Швейцаріи, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ союзниковъ. При началѣ французской революціи воскресло въ Швейцаріи давно уснувшее республиканское движеніе; это было противоборство народа противъ выродившейся аристократіи, второстепенныхъ городовъ противъ главныхъ, національнаго духа противъ шаткаго союзнаго правительства: образовалась объединенная и нераздѣльная гельветическая республика. Но на сколько это единство не удовлетворяло общимъ желаніямъ и потребностямъ, это показала въ самое короткое время реакція кантональнаго духа противъ новаго объединяющаго устройства. Посредническіе акты Наполеона, одно изъ благодѣтельнѣйшихъ его политическихъ дѣйствій, возстановили права отдѣльныхъ кантоновъ и скрѣпили союзъ общимъ федеративнымъ устройствомъ, которое было разумной срединой между системой объединенія и обособленія. Швейцарцы почти всегда съ большою благодарностью отзывались обо всемъ этомъ устройствѣ и о его благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ. Поэтому Швейцарія въ 1813 г. не хотѣла принимать участія во враждебномъ движеніи Европы противъ Франціи, еще менѣе чѣмъ королевство итальянское, ожидавшее для себя много выгодъ отъ французскаго вліянія. Она надѣялась, какъ и итальянское королевство, избавиться скоро отъ зависимости отъ Франціи и вѣрнѣе ея сохранить свою независимость, благодаря своему счастливому положенію, дѣлавшему ее желаемою стѣною между Франціей и Австріей, и своему важному значенію, вслѣдствіе котораго ни одна страна не могла бы позволить, чтобы кто нибудь изъ сосѣдей завладѣлъ Швейцаріей, имѣвшей такую важность по своему положенію. Если бы союзники уважили нейтралитетъ Швейцаріи и оставили неизмѣннымъ ея политическое устройство, то можно было бы надѣяться, что, при сохраненіи настоящаго порядка и при возвратившемся равнодушіи народа къ политическимъ вопросамъ, Швейцарія спокойно пережила бы эту критическую эпоху. Такую счастливую судьбу предназначалъ ей императоръ Александръ. Къ этому онъ былъ настроенъ своимъ бывшимъ наставникомъ генераломъ Лагарпомъ, который желалъ предохранить свое общее отечество отъ всякой реакціи, чтобы удержать независимость своего роднаго кантона Ваадта отъ Берна, отъ котораго онъ вмѣстѣ съ кантономъ Ааргау

отдѣлился во времена французской революціи. Этимъ объясняется то, что Александръ во время своего пребыванія въ Фрейбургѣ формально обѣщалъ ваадтцамъ полную независимость. Но тутъ же Меттернихъ началъ, въ противуположность этому обѣщанію, свою ретроградную политику, которая навлекла на него презрѣніе и негодованіе Александра. Вопреки желанію императора, онъ дозволилъ Шварценбергу пройдти съ войсками черезъ Швейцарію, что собственно имѣло цѣлью вызвать въ ней аристокритическую реакцію, которую Лагарпъ старался всѣми силами устранить. Эта цѣль сначала была замаскирована глупою двуличностью. Въ Бернъ явился графъ Зенфтъ Пильзахъ (оффиціальное посольство котораго было впослѣдствіи заподозрѣно) и требовалъ отъ лица Австріи возстановленія прежняго порядка, существовавшаго до 1798 г. Благородное сопротивленіе малаго совѣта было побѣждено корыстными видами пріобрѣсть снова Ваадтъ и Ааргау; прежнее правительство было тотчасъ же востановлено[1] и оно немедленно послало къ этимъ двумъ отдѣлившимся кантонамъ приказанія, какъ бы своимъ подчиненнымъ Это случилось въ то время, когда другой австрійскій комиссаръ, Лебцельтернъ, который вмѣстѣ съ русскимъ уполномоченнымъ Каподистріей передавалъ въ Цюрихѣ временному Ландаману Швейцаріи оффиціальное объявленіе союзниковъ, дѣйствовалъ совершенно въ другомъ духѣ. Это объявленіе съ близорукою мелочностію требовало уничтоженія посредническихъ актовъ, какъ дѣла Наполеона, но оно не говорило ничего въ пользу измѣненія кантоннаго устройства, котораго требовалъ Зенфтъ Пильзахъ въ Бернѣ; напротивъ того оно утверждало независимость Ааргау и Ваадта, уничтоженную Зенфтомъ Пильзахомъ въ Бернѣ. Эти событія грозили запутать швейцарскія дѣла въ неразрѣшимый узелъ.

[1] 23 дек. 1813.

Продолженіе.

Въ Цюрихѣ Ландаманъ Рейнгардъ, который своимъ обдуманнымъ и безкорыстнымъ поведеніемъ поднялъ себя и свой кантонъ высоко въ глазахъ всей Швейцаріи, собралъ чрезвычайное собраніе, въ которомъ объявилъ рѣшеніе союзниковъ. Онъ составилъ временный союзъ изъ десяти близлежащихъ городовъ[1] и приглашалъ присоединиться къ нему Ваадтъ и Ааргау. Напротивъ того правительство Берна утверждало, что послѣ уничтоженія посредническаго акта должна была имѣть силу одна прежняя конституція

[1] 29 декабря.

*

1798 года, которая признавала только 13 кантоновъ, и ему удалось склонить на свою сторону старые кантоны и католическіе города Фрейбургъ, Золотурнъ и Люцернъ, гдѣ въ подражаніе бернской акціи легитимистическая партія захватила въ руки власть и ничего не хотѣла знать, по примѣру Бурбоновъ, о случившемся съ 1798 до 1814 г. Когда же Бернъ зашелъ такъ далеко, что
17 марта 1814. созвалъ эти кантоны на отдѣльный сеймъ въ Люцернѣ, то коммиссары союзниковъ прекратили это сепаратисткое движеніе угрозою формальнаго вмѣшательства, такъ что вскорѣ потомъ состоявшее изъ
6 апрѣля. 19-ти кантоновъ собраніе могло быть открыто обыкновеннымъ порядкомъ. Между тѣмъ какъ на этомъ собраніи, не смотря на усилія посланниковъ, желавшихъ окончить швейцарскія дѣла прежде чѣмъ Франція успѣетъ возобновить на нихъ свое вліяніе, совѣщанія о новомъ союзномъ устройствѣ тянулись довольно медленно, — въ отдѣльныхъ кантонахъ происходили жаркіе споры о формѣ правленія и о границахъ, споры, которые безъ иностраннаго вмѣшательства, интригъ и подстрекательствъ могли быть значительно утишены и давно окончены. Одно слово со стороны посланниковъ въ пользу настоящаго порядка избавили бы Швейцарію въ значительной степени отъ тогдашнихъ реакціонныхъ и позднѣйшихъ революціонныхъ бурь. Союзники желали, какъ они и объявили во время Люцернскихъ споровъ объ устройствѣ Швейцаріи [11]), чтобы вмѣстѣ съ посредническимъ актомъ потеряли силу и отдѣльныя кантонныя конституціи, не возвращаясь однако къ прежнему устройству 1798 года; они остались вѣрны этой умѣренной политикѣ и въ слѣдующихъ своихъ дѣйствіяхъ, когда они съ одной стороны совѣтовали реакціоннымъ правительствамъ Берна, Фрейбурга, и Золотурна сдѣлать сообразныя съ духомъ времени измѣненія въ ихъ аристократическихъ учрежденіяхъ, а съ другой старались ослабить либеральное устройство въ Ааргау [12]), чтобы подвести его подъ одинъ уровень съ прочими. Однакожъ сохранить такую умѣренную середину было невозможно въ демократическомъ государствѣ въ такое возбужденное время, когда притомъ была дана

---

[11]) v. Tillier, Gesch. der Eidgenossenschaft während der sog. Restaurationsepoche. 1848. 1, 64.

[12]) Тамъ же, 1, 157. Müller von Friedberg, Schweiz. Annalen. Zu Aargau.

воля антиреволюціонному фанатизму въ Бернѣ. По данному Бернομъ примѣру возстановленъ былъ старый порядокъ въ Золотурнѣ и Фрейбургѣ; Цугъ, Ури и Унтервальденъ послѣдовали за ними'; въ Люцернѣ, послѣ безплодныхъ мирныхъ совѣщаній, пра- ' Въ янв. и февр.
вительство было свергнуто' приверженцами стараго порядка. Въ ' 15 февраля.
началѣ однако реакція была еще не такъ сильна, такъ что въ
Бернѣ при пополненіи большаго совѣта' только что побѣжденные ' 12 янв.
защитники союзной конституціи имѣли большинство, между тѣмъ какъ яростные побѣдители Люцерна имѣли очень незначительное меньшинство. Но когда паденіе Наполеона совершилось, движеніе
приняло болѣе шумный характеръ. Въ Тургау и въ Сентъ-Галенѣ' ' Въ маѣ.
произошли жаркія схватки, которыя продолжались до самой осени и вызывали вмѣшательство союзной власти. Въ Золотурнѣ возстановленное аристократическое правленіе вело себя такъ дурно, что
тамъ вспыхнуло явное возстаніе', которое вызвало уступки, но, ' 2 іюня.
не смотря на нихъ, вспыхнуло снова въ октябрѣ. Въ Бернѣ производили безпорядки недовольные, подстрекаемые Ваадтомъ и Ааргау, но за то они были строго наказаны правительствомъ. Въ Фрейбургѣ борьба противъ возстановленной конституціи также не имѣла успѣха. Въ Тессенѣ партіи были въ открытой борьбѣ, такъ
что сеймъ долженъ былъ вмѣшаться' для возстановленія правитель- ' Въ половинѣ декабря.
ства и порядка. О границахъ спорили Ури съ Тессеномъ, Верхній Валлисъ — съ Нижнимъ Валлисомъ, Обвальденъ — съ Нидвальденомъ, Бернъ — съ Базелемъ. Бернъ вмѣстѣ съ Фрейбургомъ и Золотурномъ вооруженною силою возставали на свои прежнія террито-
ріи Ваадтъ и Ааргау еще до самаго конца Вѣнскаго конгресса'. Та- ' Февраль 1815.
кимъ образомъ все смѣшалось въ хаотическомъ безпорядкѣ и безъ помощи конгресса нельзя было ожидать возстановленія порядка въ странѣ и рѣшенія этого важнаго вопроса. Но и въ Вѣнѣ господствовалъ тотъ же разладъ относительно Швейцарскихъ дѣлъ. И если съ одной стороны бернская аристократія имѣла опору въ Австріи, къ которой присталъ и Талейранъ, старавшійся до этого о сохраненіи независимости Ваадта отъ Берна, въ надеждѣ возстановить старинныя связи бернскихъ аристократовъ съ Бурбонами,—то съ другой стороны въ глазахъ Россіи и Англіи дѣло демократическихъ, преслѣдуемыхъ реакціею, кантоновъ—„этихъ якобинцевъ", по выраженію Меттерниха и Абердина, выигрывало все болѣе и

болѣе. Либеральные члены конгресса склонялись въ пользу ихъ дѣла. Ренгеръ позволилъ себѣ даже неосторожное объясненіе въ пользу Ааргау; Пиктетъ склонилъ Штейна въ пользу независимости Женевы и присоединенія ея къ Швейцаріи; Трокслеръ постоянно поддерживалъ членовъ швейцарской депутаціи; ихъ аристократическій противникъ Церледеръ изъ Берна былъ весьма дурно принятъ императоромъ Александромъ. Изъ числа представителей швейцарскаго сейма Монтенахъ желалъ бы покончить бернскій вопросъ по старому обычаю третейскимъ судомъ, но онъ вмѣстѣ съ двумя другими представителями, Рейнгардомъ и Виландомъ, скоро увидѣлъ, что соглашеніе невозможно и что необходимо въ этомъ случаѣ рѣшеніе союзниковъ. Штейнъ, который представлялъ Россію въ Швейцарской коммиссіи конгресса, выразилъ мнѣніе, что великія державы должны рѣшить дѣло кантоновъ и признать независимость и нейтралитетъ Швейцаріи только тогда, когда она согласится съ этимъ рѣшеніемъ. Россія и Англія были согласны въ томъ, что положеніе Швейцаріи требуетъ бо́льшаго покровительства новымъ, чѣмъ древнимъ аристократическимъ кантонамъ, и что пограничное раздѣленіе ихъ должно остаться въ настоящемъ видѣ, не смотря на то, кѣмъ и когда оно произведено, потому что посредническіе акты Наполеона сами по себѣ имѣютъ значеніе и уничтоженіе ихъ не можетъ имѣть обратнаго дѣйствія. Ааргау и Ваадтъ должны были поэтому остаться независимыми, а Бернъ въ вознагражденіе за это долженъ былъ получить епископство Базель, Брундрутъ и Биль; Валисъ, Женева и Невшатель, оторванные Франціей отъ Швейцарскаго Союза, должны были вновь вступить въ него, въ видѣ трехъ новыхъ кантоновъ. Эти постановленія союзниковъ[1] были приняты сперва отдѣльными кантонами, а потомъ[1] и самимъ сеймомъ.

[1] Отъ 20 марта. 1815.

[1] 27 мая.

Такимъ образомъ дѣла второстепенныхъ государствъ, сосѣднихъ съ Франціею, устроились безъ особенныхъ затрудненій; даже при новомъ опредѣленіи границъ великихъ державъ никто не ожидалъ какихъ либо столкновеній. Союзники, казалось, были согласны между собою; Франція на конференціяхъ парижскаго мира справедливо была отстранена отъ всякаго участія въ тѣхъ вопросахъ, которые касались потерянныхъ ею владѣній, и распредѣленіе областей между многими изъ большихъ государствъ не предвѣщало никакихъ затрудненій.

Австрія. Австрія, въ силу Рейхенбахскаго договора, получила обратно

Штирію и Далмацію; а по договору съ Баваріей были возвращены ей Тироль и Форарльсбергъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она съумѣла уменьшить обѣщанное Баваріи вознагражденіе за эти потери, которое состояло изъ южной части Зальцбурга и нѣкоторыхъ другихъ пограничныхъ земель. Австрія отказалась отъ Нидерландовъ и Швабскихъ владѣній, и вмѣстѣ съ ними отъ своего прежняго вліянія на прирейнскія страны; такимъ образомъ она избавилась отъ совершенно чуждой ей Бельгійской провинціи, которую Тугутъ называлъ жерновомъ на шеѣ Австріи, и отъ Брейзгаузской области, которую Меттернихъ во времена Рейнскаго Союза видѣлъ увлеченною политическими стремленіями, отстранившими ее совершенно отъ Австріи. За такія легкія потери Австрія пріобрѣла въ непрерывной связи Верхнюю Италію, Венецію и Ломбардію, ограниченную По, Тичино и Лаго-Маджіоре, соединеніе которыхъ подъ именемъ Ломбардо-Венеціянскаго королевства было рѣшено и объявлено[1] только въ 1815 году. За возвращеніе легатствъ, которыя Австрія занимала съ самаго похода Мюрата, снисходительно обращалась съ ними и желала подобно Мюрату оттянуть отъ церковной области, папа въ своей рѣчи отъ 4 сентября 1815 года долженъ былъ благодарить преимущественно однихъ только некатолическихъ государей. Но и безъ этихъ легатствъ, Австрія могла быть увѣрена въ своемъ всемогущемъ вліяніи на Италію, которое Людовикъ XVIII предвидѣлъ еще въ 1800 году. Это вліяніе было усилено предоставленіемъ Пармы, Піаченцы и Гвасталлы императрицѣ Маріи-Луизѣ, правами членовъ австрійскаго дома на Тоскану и Модену и правомъ содержанія гарнизоновъ въ Феррарѣ и Комаккіо. Соединеніе итальянскихъ земель съ нѣмецкими еще болѣе было упрочено пріобрѣтеніемъ Вельтлины съ Клевеномъ и Вормсомъ. Для обладателя Милана это были такіе важные пункты, что уже въ XVII столѣтіи они были предметомъ борьбы между Испаніей и Франціей. Австрія обѣщала было ихъ Швейцаріи, но схватилась за нихъ снова, когда жители сами пожелали быть присоединенными къ Ломбардіи; она получила эти долины[2] за незначительное вознагражденіе, данное союзниками Граубиндену, хотя вельтлинцы потомъ отказались отъ своего желанія и члены швейцарской депутаціи представили совершенно противуположное предложеніе. Границы Галиціи съ рѣшеніемъ польскаго вопроса получили желаемое расширеніе.

[1] 7 апрѣля.

[2] Въ мартѣ.

Вслѣдствіе увеличенія морскихъ береговъ, Австріи предстояла возможность къ своей сухопутной силѣ присоединить и морскую. Такимъ образомъ Австрія показала снова свое старинное искусство—послѣ сильныхъ пораженій вставать съ свѣжими силами. По Теплицкому договору ей былъ обезпеченъ ея объемъ 1805 года; но Пруссія указала при этомъ, что Австрія еще увеличилась присоединеніемъ къ ней двухъ милліоновъ жителей [13]). Австрійская имперія никогда еще не достигала такого объема, который имѣлъ еще большее значеніе своею округленностію.

Англія. Англія, подобно Австріи, могла быть довольна своими условіями мира. Наполеонъ на островѣ св. Елены считалъ стыдомъ для англійскихъ министровъ то, что отъ побѣды, стоившей Англіи столько денегъ, они не съумѣли пріобрѣсти большихъ выгодъ. На ихъ мѣстѣ онъ иначе воспользовался бы господствомъ на морѣ, далъ бы Бельгіи англійскаго принца и предоставилъ бы себѣ разныя преимущества въ Испаніи, Италіи, въ Балтійскомъ и Средиземномъ моряхъ. Но собственно и Англія пріобрѣла для себя не меньше этого; она оставила за собою изъ голландскихъ владѣній неоцѣнимую станцію на мысѣ Доброй надежды въ Африкѣ, Демерари въ Гвіанѣ, Эссеквебо и Бербиче съ превосходными американскими хлопчатыми плантаціями; изъ французскихъ колоній—Иль-де-Франсъ, Табаго и другіе Вестъ-Индскіе острова. Она удержала Мальту и послѣ долгихъ спорныхъ переговоровъ взяла себѣ въ награду за услуги ея въ 1815 году, съ титломъ покровительства, Іоническіе острова, которые требовала себѣ Австрія для обезпеченія своихъ итальянскихъ владѣній и адріатическихъ береговъ. Этому требованію Англіи—получить острова Средиземнаго моря, скромному по объему, неоцѣнимому по значенію, ни одна держава не смѣла воспротивиться, и потому ни одна изъ нихъ не поддержала ни Мальтійскаго ордена въ его стремленіяхъ сохранить Мальту или въ замѣнъ Мальты получить Корфу, ни Баварію въ ея желаніи дать

---

[13]) Сравнительно съ объемомъ, который имѣла Австрія при восшествіи на престолъ Франца II (11,925 квад. м. и 23½ милліона жителей), она въ 1816 году увеличилась не столько въ своемъ протяженіи, какъ обыкновенно утверждаютъ австрійскіе писатели, сколько въ числѣ ея подданныхъ и состояла изъ 12,153 квад. м. и почти 28 милліоновъ жителей. Schubert, Staatskunde von Europa, II, 1. стр. 121.

Іоническимъ островамъ принца Евгенія, ни Каподистріо въ его стараніи независимостью острововъ начать освобожденіе Греціи. Господство Англіи на Атлантическомъ и Индійскомъ океанахъ и на Средиземномъ морѣ получило такимъ образомъ важнѣйшія точки опоры; а вліяніе ея на континентъ Европы было упрочено возстановленнымъ и увеличеннымъ на счетъ Пруссіи „королевствомъ" Ганноверскимъ. Въ этомъ увеличеніи пріобрѣтеніе 250,000 жителей было самою еще незначительною выгодою. Важнѣйшая же состояла въ отстраненіи Пруссіи отъ Сѣвернаго моря пріобрѣтеніемъ восточной Фрисландіи. Акты, которыми опредѣлялись эти уступки, какъ и всѣ почти переговоры перваго парижскаго мира, остаются и до сихъ поръ тайной. Мы знаемъ только, что Англія при первомъ денежномъ вспомоществованіи Пруссіи, въ 1813 году, тотчасъ же потребовала отъ нея уступки восточной Фрисландіи, Гильдесгейма и Лингена, и что эта дорогая цѣна, на которую сначала не соглашались, послѣ битвъ при Гершенѣ и Бауценѣ была отдана за деньги, въ которыхъ крайне нуждалась Пруссія, не смотря на недовольство короля, на несогласіе Штейна, который скорѣе согласился бы отдать Ганноверу Голштинію. Англія умѣла всегда съ предусмотрительною осторожностію обезпечивать свои интересы, именно въ то время, когда за ея помощь готовы были все отдать. Такъ поступила она въ сѣверной Германіи, такъ и въ Голландіи; эта политика Англіи рѣзко оттѣняетъ уступчивое легкомысліе Пруссіи, обнаруженное ею при всѣхъ совѣщаніяхъ во время войны и въ вопросахъ о вознагражденіи въ ея пользу [14]).

Россія и Польша.

Не такъ легко какъ для вышеупомянутыхъ государствъ опредѣлились вознагражденія для Россіи и Пруссіи. Притязанія Россіи на герцогство Варшавское и Пруссіи на Саксонію запутали дѣло Вѣнскаго конгресса и придали ему совершенно иное, не только формальное, но и реальное содержаніе, такъ что государи и министры великихъ державъ находились въ весьма затруднительномъ положеніи относительно этого вопроса до самаго возвраще-

---

[14]) Панегиристы Гарденберга, Гиппель и Клозе (Жизнь Гарденберга), говорятъ только мелькомъ объ этомъ. Фрикціусъ, въ своей Исторіи войнъ 1813—1814 гг., думаетъ объяснить эти уступки ганноверскимъ происхожденіемъ Гарденберга и вліяніемъ на него его двоюроднаго брата, презираемаго всѣми честными людьми вѣнскаго графа Гарденберга.

вія Наполеона съ острова Эльбы. Переговоры объ Саксонско-Польскихъ дѣлахъ касались и тѣхъ отношеній, которыя послѣ уничтоженія Наполеоновскаго владычества были самыми важнѣйшими для Европы.

Съ тѣхъ поръ, какъ Россія вошла въ составъ европейскихъ державъ, она неотступно преслѣдовала цѣль овладѣть Польшею, чтобы этимъ приблизиться къ цивилизованному міру и, по словамъ Поццо-ди-Борго [15]), дать большій просторъ своимъ талантамъ, своимъ страстямъ и интересамъ, своей гордости и своему могуществу. Наполеонъ остановилъ ея стремленія учрежденіемъ въ 1807 г. герцогства Варшавскаго; онъ задумалъ даже въ 1809 и 1811 гг. возстановить Польшу, а пока намѣревался соединить Галицію съ Варшавою. Для Россіи это соединеніе имѣло бы значеніе возстановленія самой Польши и было бы для нея убійственнымъ ударомъ. Русскій императоръ уже въ 1809 г. дѣлалъ возраженія противъ этого плана относительно Галиціи и былъ готовъ на всѣ крайности; главнымъ образомъ намѣренія Наполеона относительно Польши впослѣдствіи воспламенили вражду и войну между двумя императорами. Опасность указала Россіи на средство спасенія. Уже съ 1811 года Александръ желалъ предупредить Наполеона въ его намѣреніяхъ и задумалъ возстановить Польшу подъ верховной властью русскаго императора. Когда въ 1812 году русскіе войска вступили въ Варшаву, — тотчасъ поднятъ былъ вопросъ о возстановленіи царства Польскаго. Польскіе патріоты возобновили тогда свои смѣлыя надежды и простирали свои виды до границы Вислы, до отчужденія отъ Пруссіи восточныхъ и западныхъ ея провинцій; впослѣдствіи они уже довольствовались соединеніемъ съ Польшею однихъ польско-русскихъ провинцій съ собственнымъ отдѣльнымъ управленіемъ или даже съ какимъ нибудь русскимъ княземъ. Трудность задачи для императора состояла въ томъ, чтобы сдѣлать свои намѣренія относительно Польши въ одно и тоже время пріятными для поляковъ, сносными для русскихъ и безопасными для Европы. Предъ лицемъ Европы польская національностъ должна была прикрывать собою настоящее увеличеніе Россіи Польшею, подъ видомъ одной только умѣренной зависимости отъ нея. Конституція, такъ какъ хотѣли ее поляки,

[15]) Записка 1814 года, у Тургенева: La Russie. T. I. стр. 463.

входила въ планы императора, но она обусловливалась, какъ и наполеоновская въ Варшавѣ, ненарушеніемъ покоя сосѣднихъ государствъ. Если Александръ утѣшалъ Чарторижскаго, увѣряя его, что либеральныя учрежденія ему всего пріятнѣе, то съ другой стороны онъ утѣшалъ Штейна, боявшагося послѣдствій этой конституціи, увѣреніемъ, что онъ съумѣетъ держать Польшу въ страхѣ и повиновеніи. Въ Россіи же можно было понимать это какъ образованіе подчиненнаго Россіи царства, центръ котораго составляло бы новое русское пріобрѣтеніе въ герцогствѣ Варшавскомъ. Вопросъ, какъ далеко должно было простираться это пріобрѣтеніе, долженъ былъ рѣшить Вѣнскій конгрессъ. По Рейхенбахскому договору[1] герцогство Варшавское должно было быть раздѣлено между тремя восточными державами; но подробности дѣленія не были опредѣлены ни здѣсь, ни въ Парижѣ. Императоръ избѣгалъ объясненій на этотъ счетъ даже съ Пруссіей, и, полагаясь на свою силу, былъ увѣренъ въ своей значительной долѣ. Когда Пруссія въ 1813 году приступила къ Союзу, то думали провести русскую границу по теченію Вислы (внутри герцогства), а Пруссію вознаградить частью Саксоніи. Съ возрастаніемъ успѣха, увеличивались и требованія; на конгрессѣ русскій императоръ предложилъ Австріи только шесть квадратныхъ миль, а отъ Пруссіи требовалъ линію отъ Торна на Калишъ и Краковъ, вмѣстѣ съ этими двумя важными пограничными городами. Пруссія за то получила отъ Россіи обѣщаніе присоединить къ ней всю Саксонію, которая за приверженность ея короля къ Наполеону считалась покоренною страною.

[1] 27 іюня 1813.

Отношенія союзниковъ къ Россіи.

Во времена французскаго владычества Россія пріобрѣла много выгодъ отъ Персіи и на Черномъ морѣ. Она имѣла сильное вліяніе на сообщеніе Австріи съ Чернымъ моремъ, съ тѣхъ поръ, какъ пріобрѣла Бессарабію, и по близости своей къ Турціи налегала на вассальныя ея владѣнія. Неприступностью своею со стороны восточныхъ государствъ и обладаніемъ Финляндіи, Россія была ограждена съ юга и сѣвера; она могла сосредоточить всѣ свои силы на западѣ, и, благодаря возстановленію Польскаго царства, грозила бы Берлину и Вѣнѣ на 100 часовомъ разстояніи. Допустить такое положеніе Россіи казалось Наполеону противнымъ всякой здравой политикѣ, даже въ то время, когда его огромная имперія уравновѣшивала русскую. Теперь, когда Наполеонъ палъ,

общій интересъ всѣхъ требовалъ,—въ то время какъ Австрія и Пруссія получала только то, что было отнято у нихъ Наполеономъ, — не оставлять за Россіею того, что она отняла у другихъ вмѣстѣ съ Наполеономъ, а еще менѣе усиливать ее новыми придачами. Возстановленіе Польши какъ совершенно независимаго государства было бы самой лучшей мѣрой для этого; оно ограничило бы вліяніе Россіи на Европу; и еслибы требованіе этого возстановленія было единогласно, то Россія не могла бы ему воспрепятствовать, потому что силы ея были истощены и войска разсѣяны по всей Европѣ. Австрія и Англія въ самомъ дѣлѣ при
[1] Въ октяб. 1814. началѣ конгресса[1] письменно и устно заявили, что полное возстановленіе Польши есть одно изъ самыхъ желаемыхъ событій; но они сами уничтожили силу своего требованія, если только оно можетъ назваться этимъ словомъ, тѣмъ, что допускали и случай, когда это возстановленіе будетъ невозможно. Въ такомъ случаѣ англійскіе министры хотѣли ограничить Россію Вислою по ея теченію въ герцогствѣ Варшавскомъ. Они не хотѣли, чтобы восточное государство было сильно до того, что въ случаѣ его враждебныхъ дѣйствій всей Европѣ необходимо было бы вооружиться противъ него, какъ это дѣлалось до сихъ поръ противъ Франціи; они не хотѣли, чтобы Пруссія и Австрія оставались съ открытыми границами къ Россіи, потому что они проницательно угадывали [16]), что эти два сосѣднія государства будутъ въ такой же зависимости отъ Россіи, какъ Рейнскій Союзъ и Италія отъ Франціи. Англія должна была бы внушить такую мысль этимъ двумъ государствамъ, которымъ грозило такое опасное и близкое сосѣдство. Австріи столь же мало могло нравиться желаніе Пруссіи получить Саксонію, какъ и стрем-
[1] Январь 1813. леніе Россіи перешагнуть за Вислу. Меттернихъ[1], узнавъ изъ перехваченнаго письма Александра къ Чарторижскому о планѣ возстановленія русской Польши, рѣзко объявилъ Нарбонну, что Австрія скорѣе погибнетъ, чѣмъ дозволитъ это. Но теперь въ Вѣнѣ онъ сдѣлался такъ уступчивъ и миролюбивъ, что даже не сталъ поддерживать требованіе Англіи о границѣ по Вислѣ (подобно Пруссіи, которая требовала для себя только Торна и границы по Вар-

---

[16]) Отвѣтъ Кестльри отъ 4-го ноября на русскую промеморію отъ 30-го октября. Pertz, Steins Leben, 4. 198.

тѣ). Какъ могъ онъ серьезно остановиться на мысли ограничить Россію возстановленной Польшей, когда онъ рѣшался противиться другимъ болѣе незначительнымъ требованіямъ Россіи только въ такомъ случаѣ, еслибъ на его сторонѣ были по крайней мѣрѣ три великія державы противъ ея одной! Озабоченный планами Россіи, Меттернихъ не щадилъ ничего, чтобы въ этомъ общемъ дѣлѣ возстановить Пруссію противъ Россіи. Онъ настойчиво внушалъ Гарденбергу, что потомство никогда не проститъ имъ, если они не воспользуются случаемъ ограничить Россію ея настоящими предѣлами. На этотъ планъ Меттерниха Пруссія должна была согласиться по двоякому побужденію: во-первыхъ, чтобы обезпечить себѣ въ будущемъ независимость отъ Россіи, во-вторыхъ, чтобы сохранить общіе интересы всей Европы и свои собственные, частные и ближайшіе интересы, которые касались Саксоніи. Лордъ Кестльри въ письмѣ къ Гарденбергу далъ свое согласіе на требованія Пруссіи, но подъ условіемъ общаго согласнаго противодѣйствія Россіи. Всѣ государственные люди Пруссіи, Гарденбергъ, Гумбольдтъ, Кнезебекъ, слѣдовали въ началѣ конгресса, въ октябрѣ, этой политикѣ, тѣмъ съ большей надеждой на успѣхъ, что всѣ приближенные Александра, имѣвшіе вѣсъ, были въ этомъ вопросѣ скорѣе на сторонѣ его противниковъ, чѣмъ на его сторонѣ. Нессельродъ былъ убѣжденъ окончательно Меттернихомъ. Штейнъ объявилъ, что требуемыя Россіей границы обидны для сосѣдей. Поццо-ди-Борго назвалъ возстановленіе русской Польши съ національными учрежденіями препятствіемъ, которое Россія сама себѣ ставитъ между собою и Европою. Польская конституція, думалъ онъ, также какъ Каподистріа, Штейнъ и многіе русскіе, будетъ предметомъ зависти для Россіи, возбужденіемъ Польши къ полной независимости и угрозой для сосѣдей; Штейнъ сказалъ пророчески, „что за этимъ соединеніемъ, послѣ новыхъ потрясеній, послѣдуетъ или паробощеніе Польши, или ея отдѣленіе [17]).

Личная политика русскаго императора и прусскаго короля.

Рѣдко можно видѣть всю невыгоду неограниченнаго правленія въ такой наготѣ, какъ въ этомъ случаѣ. Можно было бы отклонить всѣ новыя потрясенія, если бы политическія учрежденія Россіи имѣли силу заставить русскаго императора под-

---

[17]) Pertz, Steins Leben. 4, 165.

чинить свои стремленія болѣе мудрымъ совѣтамъ; и прусская политика достигла бы лучшихъ результатовъ, если бы король прусскій не слѣдовалъ только своимъ личнымъ наклонностямъ. Русскій императоръ не раздѣлялъ мнѣній, которыя предлагали ему его собственные и иностранные министры. Когда Кестльри подалъ свое
[1] 12 октября. [11] 30 октября. первое рѣзкое объясненіе[1], императоръ въ своемъ отвѣтѣ[11] хотѣлъ
[1] 14 октября. распустить конгрессъ. Когда герцогъ Кобургскій[1] дѣлалъ представленія о занятіи Саксоніи, то Александръ приказалъ сказать ему, чтобы онъ снялъ русскій мундиръ, если хочетъ слѣдовать такой ложной политикѣ. Только что Талейранъ началъ ссориться съ Меттернихомъ, Александръ объявилъ первому, что Франція обязана ему и онъ ожидалъ отъ ней большей благодарности, и во все время питалъ личное нерасположеніе къ Талейрану до тѣхъ поръ, пока не лишилъ его мѣста и всякаго вліянія. Къ Меттерниху онъ также былъ очень нерасположенъ и даже запретилъ своимъ приближеннымъ посѣщать домъ князя. Императоръ дѣйствовалъ самостоятельно. На представленія своихъ министровъ онъ поручалъ возражать одному Чарторижскому, человѣку преданному своей партіи и ея интересамъ, и самъ дѣлалъ къ нимъ рѣзкія замѣчанія и дополненія. Государь хотѣлъ теперь сдержать данное имъ Польшѣ слово. По увѣренію другихъ, онъ былъ привязанъ къ русскимъ, хотѣлъ имъ привезти вѣсть о новомъ увеличеніи имперіи и потому не хотѣлъ уступать ничего. что разъ было въ его владѣніи. Полякамъ хотѣлъ онъ даровать національное правленіе для того, чтобы заставить ихъ забыть прежнее обращеніе съ ними русскаго правительства. Въ разговорѣ съ Штейномъ ему понравилась собственная его мысль жить мирно, для распространенія и поддержанія либеральныхъ идей, какъ лучшей цѣли и настоящей прелести жизни. Сознавая въ себѣ эти добрыя начала, онъ заявлялъ въ своихъ запискахъ постоянно о своемъ миролюбіи, указывалъ на дружбу къ нему союзниковъ и ожидалъ благодарности Европы за свои услуги. Англія, которая также могла бы выставить свои заслуги предъ Европой, не допускала однако никакого личнаго вліянія, въ своихъ политическихъ цѣляхъ. Напротивъ того, на добродушнаго короля прусскаго политика Александра сдѣлала сильное и единственное въ своемъ родѣ
[1] 6 ноября. впечатлѣніе. Король запретилъ[1] своимъ министрамъ имѣть дѣло съ представителями Австріи и Англіи. Это былъ поворотный пунктъ въ его

политикѣ, имѣвшій важныя слѣдствія. Онъ разстроилъ согласіе между союзниками, воспрепятствовалъ дѣлу германскаго государственнаго устройства, вовлекъ Францію и второстепенныя нѣмецкія государства въ распри, поставилъ Пруссію не противъ Россіи, а за нее; отсюду вышло, что прусскій король, чего не могъ отрицать и самъ Штейнъ сталъ жертвовать общими европейскими интересами своимъ прусскимъ, а свои интересы, и именно пріобрѣтеніе Саксоніи, сталъ искать на томъ пути, на которомъ впослѣдствіи онъ долженъ былъ потерять ихъ. Прусскій государственный канцлеръ былъ очень огорченъ такою политикою своего короля, но онъ былъ слишкомъ безхарактеренъ и легкомысленъ, чтобы рѣшиться сдѣлать шагъ, который могъ бы предотвратить гибельныя послѣдствія такой перемѣны прусской политики. Его слабости приписываютъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, причину, почему Пруссія не воспользовалась многими плодами побѣды, которые она все таки заслужила. Ни въ Рейхенбахскихъ, ни въ Шатильонскихъ договоровъ онъ не могъ опредѣлить положительно вознагражденія для Пруссіи. Во время войны съ Франціей онъ дѣйствовалъ съ самой непрактичной непослѣдовательностью противъ Штейна и Мюнстера, за одно съ Австрійской партіей мира, и потому потерялъ возможность настаивать на условіяхъ блестящаго исхода борьбы. Въ Парижѣ онъ соглашался на притязанія Англіи на сѣверо-западъ Европы и Австріи въ Италіи, и не требовалъ въ вознагражденіе за это признанія прусскихъ требованій. Онъ оставался совершенно спокоенъ и безпеченъ, когда Александръ и Меттернихъ ничего не отвѣчали на его планы относительно раздѣла, которые онъ имъ подалъ въ Парижѣ. Онъ не нашелъ для себя точки опоры во всемъ этомъ дѣлѣ вознагражденія и возстановленія Пруссіи, пропустилъ первый моментъ для начала этого дѣла, и не понималъ значенія настоящей минуты, когда все должно было рѣшиться. Если бы онъ потребовалъ отставки, король можетъ быть опомнился бы; но такой образъ дѣйствій и политическій тактъ былъ недоступенъ ему.

Оборотъ, который приняла прусская политика, былъ еще рѣшительнѣе вслѣдствіе другаго случившагося въ это время событія. Когда князь Репнинъ, управлявшій въ это время Саксоніей именемъ союзниковъ, передалъ генералъ-губернаторскую власть въ руки Пруссіи, то онъ объявилъ саксонскимъ чиновникамъ, что ихъ страна

Пруссія и Саксонія.

8 ноября.

соединяется съ Пруссіей только подъ условіемъ сохраненія ея цѣлости и всѣхъ правъ. Съ этой минуты саксонскій вопросъ выступилъ на первый планъ и возбудилъ всеобщій интересъ. Англія и Австрія только

Въ октябрѣ.

съ оговорками допускали временное занятіе Саксоніи; Репнинъ не былъ уполномоченъ на такое рѣшительное объявленіе; въ то время, когда всѣ находились еще въ неизвѣстности и въ нерѣшительномъ ожиданіи относительно этого вопроса, объявленія Репнина возбудило сильное движеніе въ Саксоніи и Пруссіи, въ англійскомъ парламентѣ и французской дипломатіи. Въ Германіи появилось множество брошюръ за и противъ присоединенія Саксоніи [18]); мнѣнія становились все рѣзче, партіи—все ожесточеннѣе. Въ самой Саксоніи мнѣнія были раздѣлены. Чиновники и столица были за сохраненіе независимости своей страны; купцы, ремесленники, Лейпцигъ, особенно тотчасъ послѣ битвы при немъ, былъ за присоединеніе къ Пруссіи; въ войскѣ и между офицерами были различныя мнѣнія; дворянство и народъ были спокойны или скорѣе равнодушны къ вопросу. Внѣ Саксоніи прусскіе и нѣмецкіе патріоты (между ними Нибуръ и Эйхгорнъ въ весьма умѣренно написанныхъ сочиненіяхъ) доказывали, что присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи есть мѣра благодѣтельная и приносящая честь Германіи. Завистники Пруссіи, члены Рейнскаго Союза, баварцы, которые имѣли причины бояться этого примѣрнаго наказанія за измѣну, сильно возстали противъ соединенія (частью въ памфлетахъ, полныхъ жолчнаго раздраженія и зависти къ Пруссіи). Друзья народа, стремившіеся къ нѣмецкому единству, дѣйствовали въ пользу этого вопроса; защитники разъединенія, князья и ихъ дворы были противъ соединенія, и въ особенности маленькія саксонскія династіи, которыя въ этомъ случаѣ должны были лишиться совершенно даромъ своихъ наслѣдственныхъ правъ. Непріязненное озлобленіе, съ которымъ члены одного народа, только что соединенные въ славномъ великомъ дѣлѣ, при первомъ случаѣ снова напали другъ на друга, было зрѣлищемъ не мѣнѣе позорнымъ, какъ прежнее соперничество ихъ въ униженіи предъ чуждымъ повелителемъ. Благоразумныхъ совѣтниковъ было немного, да и ихъ голоса никто не слушалъ.

---

18) См. литературу этого вопроса въ актахъ Клюбера, LVII. Также у Лидерса Dipl. Archiv für Europa. 3, 2.

Доводы въ пользу присоединенія Саксоніи.

Надо замѣтить, что доказательства pro и contra въ этомъ вопросѣ имѣли одинаковую силу даже въ глазахъ безпристрастныхъ людей. Король саксонскій не присоединялся, какъ другіе нѣмецкіе государи, къ общему нѣмецкому дѣлу, когда поборники этого дѣла находились въ его владѣніяхъ; онъ не принялъ нейтралитета, который предлагала ему Австрія подъ условіемъ неприкосновенности его государства, лишилъ союзниковъ помощи саксонскихъ войскъ и не далъ имъ опоры въ саксонскихъ крѣпостяхъ, и такимъ образомъ былъ виновникомъ и продолжительности войны и ея несчастнаго хода. Онъ ни на что не хотѣлъ рѣшиться, тогда какъ Пруссія, крѣпости которой были въ рукахъ французовъ, жертвовала всѣмъ. Его государство было завоевано, самъ онъ взятъ былъ военноплѣннымъ. Воспользоваться плодами завоеванія, показать надъ нимъ примѣръ наказанія было бы справедливо по самому строгому суду. Въ 1813 г. отъ него требовали только того, чтобы онъ дѣйствовалъ противъ своего союзника Наполеона и въ пользу Пруссіи, точно также какъ въ 1806 г. онъ дѣйствовалъ противъ его союзника, короля прусскаго, въ пользу Наполеона. Но онъ предпочелъ показать свое упрямство въ ложной преданности. Образованіе герцогства варшавскаго подъ державою этого фаворита Наполеона было бы грабежемъ, униженіемъ для Пруссіи и угрозою Россіи; наглые поступки, которые саксонскій король позволялъ себѣ въ силу своего вассальнаго права, чтобы показать Пруссіи свое новое величіе и силу, его дѣятельное участіе въ походѣ на Россію въ 1812 г. достаточно ручались за то, что въ случаѣ побѣды Франціи онъ поступилъ бы съ Пруссіей точно также, какъ теперь Пруссія хотѣла поступить съ Саксоніей. Если бы союзники захотѣли поступить такъ, какъ обыкновенно дѣлалъ его покровитель, то его династія съ октября 1813 г. „перестала бы царствовать“. Какъ съ точки зрѣнія права, такъ и политики были достаточны основанія для присоединенія Саксоніи къ Пруссіи. Пруссія своими центральными областями служила же прежде укрѣпленіемъ, предназначеннымъ противъ Россіи; такимъ же укрѣпленіемъ хотѣли сдѣлать теперь и Саксонію, только противъ Франціи. Англія могла поэтому поддерживать планъ присоединенія, и Франція имѣла интересъ въ томъ, чтобы оттѣснить Пруссію къ востоку. Самые договоры также благопріятствовали этимъ мѣрамъ. Они обѣщали Пруссіи округленную и сплошную территорію; пріобрѣтеніемъ Саксоніи она достигла бы этого положенія хоть приблизительно.

Противоположные доводы.

Но на все можно представить самыя основательныя возраженія. Положимъ, право, которымъ хотѣли воспользоваться относительно короля саксонскаго, безспорно; но отчего же не воспользовались этимъ правомъ относительно другихъ государей старыхъ династій, находившихся въ подобныхъ же вассальныхъ отношеніяхъ къ Наполеону. Эти государи приставали къ союзникамъ по мѣрѣ того, какъ война приближалась къ ихъ владѣніямъ; но какъ только они приняли участіе въ войнѣ, для нихъ уже невозможенъ былъ выборъ чего нибудь другаго. Всѣмъ прочимъ нѣмецкимъ государямъ ручались за ихъ владѣнія, даже съ прибавленіями, полученными ими отъ Наполеона; королю саксонскому тоже было обезпечено Австріей его королевство, но безъ прибавленія къ нему герцогства варшавскаго. Такимъ образомъ онъ не надѣялся получить столько, сколько получили другіе, не смотря на то, что онъ рисковалъ тѣмъ же, чѣмъ рисковали и другіе, и притомъ еще находился въ болѣе опасномъ положеніи, чѣмъ другіе, Боязливое выжиданіе маленькой Саксоніи въ мартѣ и апрѣлѣ 1813 г. нисколько не было преступнѣе, вреднѣе и непатріотичнѣе шаткой нерѣшительности Австріи въ ту же пору. Столько же надо было прощать себѣ и другимъ, сколько и саксонскому королю; другіе измѣнники были же вознаграждены; совершенно несправедливо было низложить только его одного, и послѣ того какъ всеобщій виновникъ всѣхъ золъ погибъ, погубить только одного изъ многихъ, служившихъ ему орудіями. Кестльри справедливо называлъ поведеніе короля саксонскаго, котораго Наполеонъ считалъ честнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, политическою безнравственностью; но несправедливость наказанія за его опасную преданность Наполеону заключалась въ томъ, что переговоры между Россіей и Пруссіей о раздѣленіи Саксоніи и даже о ея совершенномъ упраздненіи начались еще до окончательнаго перехода короля на сторону Франціи [19]); притомъ одинъ изъ союзниковъ, король виртембергскій, уже гораздо позже безнаказанно писалъ Наполеону предательскія письма, гдѣ выражалъ надежду „на скорое возвращеніе подъ его побѣдоносныя знамена“. Это дѣло было замято, чтобы „не сдѣлать скандала“, а такъ какъ въ Саксоніи этотъ

---

19) Мы знаемъ это изъ словъ Бернадотта, сказанныхъ прусскому послу въ Стокгольмѣ 1813 г. и повторенныхъ почти въ то же время Александромъ Кнезебеку въ главной квартирѣ въ Хлодавѣ.

скандалъ случился, то неужели только поэтому и надо было на ней показать примѣры строгости! Если же все это и не оправдываетъ саксонскаго короля, то во всякомъ случаѣ нельзя же было произвольно распоряжаться страною и народомъ, которому торжественно обѣщано было[1], что ему не поставится въ вину враждебное поведеніе его короля, и распоряжаться, не узнавши навѣрно, считаетъ ли онъ эти распоряженія наказаніемъ или благодѣяніемъ и подчиненіе имъ—нѣмецкимъ патріотизмомъ или саксонской измѣной. Политическія соображенія требовали прежде всего заботиться, если только Германія должна была остаться союзнымъ государствомъ, о сохраненіи независимости отдѣльныхъ племенъ, которыя имѣли такое важное и самостоятельное значеніе въ исторіи и развитіи Германіи; а между ними на первомъ мѣстѣ стояло саксонское племя. Изъ Саксоніи и Баваріи возникли маркграфства Бранденбургъ и Австрія, которыя потомъ поставили задачею своего честолюбія захватить всѣ сосѣднія области. Противъ такого рода попытокъ всякій разъ возставало нѣмецкое союзное чувство. Когда въ прошломъ столѣтіи Австрія хотѣла обмѣнять Баварію на Бельгію, тогда подъ руководствомъ Пруссіи образовался нѣмецкій союзъ противъ нея. Теперь, когда Пруссія хотѣла привести въ исполненіе свои старые планы пріобрѣтенія или обмѣна Саксоніи, во всякомъ случаѣ при совершенно другихъ обстоятельствахъ, то она встрѣтила на пути къ своей цѣли противъ себя Австрію въ союзѣ съ Баваріей. Намѣреніе Пруссіи казалось тѣмъ хуже, что сохранялось еще свѣжее воспоминаніе о той жадности, съ которою Пруссія нѣсколько лѣтъ тому назадъ старалась захватить въ свои руки Ганноверъ. Это поставило графа Мюнстера и ганноверцевъ въ число противниковъ Пруссіи. Если такимъ образомъ многое говорило въ пользу Пруссіи по саксонскому вопросу, то въ общемъ германскомъ интересѣ было бы гораздо благотворнѣе оставить Саксонію какъ самостоятельное государство для того, чтобы оно раздѣляло двухъ сильныхъ соперниковъ, а Пруссію усилить на Рейнѣ, чтобы имѣть ее оплотомъ противъ Франціи. Даже въ общеевропейскомъ интересѣ цѣль усиленія Пруссіи противъ Россіи была не такъ важна, какъ другая цѣль—ослабленія Россіи, отнятіемъ у нея Варшавы; вдвойнѣ дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія послѣдней цѣли могъ быть отказъ Пруссіи отъ Саксоніи, даже если бы послѣдняя и тѣсно примкнула къ западнымъ державамъ.

[1] Въ мартѣ 1813.

Меттернихъ. Если при взвѣшиваніи всѣхъ этихъ противорѣчащихъ доводовъ самому разсудительному человѣку трудно было придумать справедливое рѣшеніе этого дѣла, то въ Вѣнѣ такое рѣшеніе должно было затрудниться еще болѣе отъ того, что козни Меттерниха въ связи съ раздражительностью Александра, съ безхарактерностью и неловкостью Гарденберга до крайности запутывали дѣло. Австрія имѣла много уважительныхъ, даже безкорыстныхъ основаній противиться образованію русской Польши и прусской Саксоніи; она могла ими воспользоваться тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ откровеннѣе высказала бы ихъ. Но Меттернихъ не любилъ прямыхъ путей. Онъ продолжалъ относительно союзниковъ туже неискреннюю политику, какой онъ держался еще прежде того, при заключеніи своихъ договоровъ съ южногерманскими государствами, во время войны съ Франціей, въ швейцарскихъ дѣлахъ, и потомъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ воспользовался личнымъ нерасположеніемъ Александра къ принцу-регенту и неопытностью Кестльри, плохо понимавшаго континентальныя дѣла, чтобы привлечь этого министра на свою сторону. Теперь въ Вѣнѣ, озабоченный дружбою государей Россіи и Пруссіи и будущимъ близкимъ сосѣдствомъ Пруссіи съ Австріею, пустилъ онъ въ ходъ разныя записки еще въ декабрѣ, доказывая въ нихъ необходимость союза Австріи, Баваріи и Франціи, чтобы уравновѣсить этимъ сѣверный союзъ. Съ этой цѣлью онъ сошелся съ Талейраномъ, что подозрѣвалъ еще въ декабрѣ императоръ Александръ, хотя и было условлено не сближаться съ французами. Впослѣдствіи узнали, что онъ во время конференцій сообщалъ Талейрану свои самыя секретныя ноты. Со всевозможною предупредительностью старался онъ расположить къ себѣ Баварію, и это вдругъ усилившееся государство, которое еще такъ недавно видѣло низведеніе Пруссіи на степень второстепеннаго подобнаго ему государства, жертвовало всѣмъ, чтобы помѣшать присоединенію Саксоніи къ Пруссіи и поджигало всѣхъ къ формальному разрыву. Эта политика Меттерниха не имѣла даже той высокой цѣли, чтобы вредному для Европы союзу Россіи съ Пруссіей противупоставить другой прочный союзъ; онъ заботился только о томъ, чтобы раздѣлить ихъ въ этомъ частномъ вопросѣ. Онъ велъ переговоры съ Нессельродомъ,—и не смотря на это лицемѣрно обѣщалъ Пруссіи Саксонію, если она вмѣстѣ съ нимъ будетъ препятствовать Россіи въ осуществленіи ея плановъ въ Польшѣ, и въ

то же время обѣщалъ Александру содѣйствовать его видамъ на Польшу, если онъ будетъ препятствовать присоединенію Саксоніи къ Пруссіи. Когда Александръ сказалъ объ этомъ Гарденбергу, Меттернихъ отрекся отъ своихъ словъ. А когда Меттернихъ сообщилъ Александру враждебныя для Россіи предложенія Гарденберга до 6-го ноября, когда еще прусскіе министры шли за одно съ Кестльри и Меттернихомъ, то императоръ съ благороднымъ презрѣніемъ объявилъ объ этой подлости Францу II, и сказалъ, что онъ не можетъ больше вести переговоры съ его министромъ. Но императоръ Францъ, казалось, самъ старался перещеголять въ хитрости своего министра. Политика вѣнскаго кабинета была направлена къ тому, чтобы навязать Пруссіи подобную же непріятность, отъ которой избавилась Австрія, промѣнявъ отдаленную отъ нея Бельгію, т. е. она хотѣла раздѣлить Пруссію и отбросить ее къ Рейну, чтобы она не такъ близка была къ Австріи. Въ ноябрѣ она внесла на разсмотрѣніе свой проектъ о раздѣленіи Саксоніи, съ надеждой повредить Пруссіи въ той части, которая достанется на ея долю. Францъ ожидалъ, что раздѣленіе возбудитъ и поддержитъ неудовольствія и смятенія въ части Саксоніи, отдѣленной для Пруссіи. Онъ сказалъ герцогу веймарскому, когда тотъ покачалъ головой надъ этимъ планомъ: „Ну, что вы трясете головой? вы не понимаете дѣла; когда страна раздѣлена, то она опять скоро соединится въ одно“ [20]). 14 декабря.

Къ такому недостойному обращенію съ Пруссіей отчасти подавало поводъ Меттерниху непостоянное, то унизительное, то заносчивое поведеніе государственнаго канцлера Пруссіи, которую нѣмецкіе патріоты старались привести въ постоянное согласіе съ Австріей, и которую австрійскій министръ всегда увѣрялъ въ самой искренней дружбѣ. Меттернихъ подъ извѣстными условіями соглашался сначала на присоединеніе къ Пруссіи всей Саксоніи. Когда же за тѣмъ Гарденбергъ по приказанію своего короля разошелся съ Англіею и Австріею, то Меттернихъ предлагалъ ему только три четверти Саксоніи и хотѣлъ получить отъ короля пол-милліона. Гарденбергъ не согласился на это, а впослѣдствіи долженъ былъ уступить ему втрое больше. Когда же затѣмъ, вслѣдствіе уступчивости Александра, Ан- Гарденбергъ. 22 октября. 11 ноября.

[20]) Изъ мемуаровъ Л. Вольцогена, съ которыми согласны и показанія Штейна у Перца.

Начало дек. глія и Австрія стали снисходительнѣе къ польскому вопросу и еще больше упорствовали въ саксонскомъ, то Гарденбергъ въ весьма за-

Письмо отъ 3 декабря. мѣчательномъ дипломатическомъ актѣ [21]), который въ свободномъ государствѣ подвергъ бы его большой отвѣтственности, бросился въ объятія Австріи и умолялъ Меттерниха, „австрійскаго министра," найдти средство спасти Пруссію, чтобы она не покрылась позоромъ послѣ такой дорого стоившей ей войны. Послѣ такихъ словъ смиренія очень странны были угрозы въ письмѣ канцлера, что въ случаѣ крайности Пруссія снова рѣшится на все; это было тѣмъ обиднѣе для Австріи, что такая угроза была обращена противъ Австріи отъ имени одной Пруссіи, тогда какъ въ этомъ же самомъ письмѣ онъ считалъ немыслимымъ подобные же угрозы всѣхъ трехъ великихъ державъ вмѣстѣ противъ одной Россіи. Вмѣсто великодушія, котораго ждалъ Гарденбергъ на это сознаніе своего ничтоже-

10 декабря. ства, онъ возбудилъ противъ себя насмѣшливую злобу. Меттернихъ предлагалъ ему только одну пятую часть Саксоніи съ нѣкоторыми другими вознагражденіями въ Познани и при Рейнѣ, въ перечисленіи которыхъ нарочно или безъ намѣренія были сдѣланы грубыя ошибки. Тогда Пруссія еще тѣснѣе сблизилась съ Россіей, и вели-

11 декабря. кій князь Константинъ издалъ свою знаменитую прокламацію къ полякамъ, призывая ихъ вооружиться для „защиты своего существованія." Отвѣтомъ на это со стороны Меттерниха было раскрытіе предъ Александромъ прежняго поведенія Гарденберга противъ Россіи. А когда въ Вѣнѣ распространились рѣзкія выраженія Блюхера и поэтическое воззваніе къ войнѣ Штегемана, и въ одной изъ послѣднихъ конференцій въ декабрѣ Гарденбергъ снова повторилъ свои угрозы, что Пруссія съумѣетъ поддержать свои права, тогда

3 января. 1815. Меттернихъ заключилъ съ Англіей и Франціей оборонительный союзъ противъ Россіи и Пруссіи.

Ошибки Пруссіи. Эта крайняя мѣра была вызвана собственно тѣмъ, что лордъ Кестльри сильно оскорбился угрозою Гарденберга. При столь часто обнаруживаемой слабости, это была одна изъ тѣхъ неловкостей, которыя дѣлала въ то время Пруссія во многихъ случаяхъ. Пруссія заслужила удивленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила и зависть Европы своими блестящими воинскими подвигами; но она забывала,

---

[21]) Акты Клюбера, 6, 297.

что слава ея была бы еще выше, еслибъ она сохранила ее съ достоинствомъ, съ справедливою гордостью, но безъ оскорбительнаго высокомѣрія, и если бы она свою побѣду увѣнчала умѣренностію и тѣмъ обезоружила бы зависть. Черты солдатской жестокости и мстительности, чиновнической грубости и невнимательности возбудили неудовольствіе во Франціи и Германіи и повредили Пруссіи въ общественномъ мнѣніи и въ глазахъ государственныхъ людей. Мы хотимъ напомнить только о нѣкоторыхъ безспорныхъ фактахъ, объясняющихъ то неудовольствіе, которое прусское высокомѣріе возбуждало въ высшихъ и низшихъ классахъ и даже въ тѣхъ кругахъ, гдѣ высоко цѣнили прусское мужество. Во Франціи, въ 1814 г., жестокіе поступки прусскихъ генераловъ и цѣлыхъ частей арміи вызвали осужденіе даже со стороны такого человѣка, какъ Штейнъ, который въ непріятельской странѣ не слишкомъ строго смотрѣлъ на подобные поступки, и осуждалъ ихъ только потому, что они могли вредить національному интересу при переговорахъ. Во время совѣщанія о Саксоніи, чтобы взять примѣръ изъ этого ближайшаго дѣла, Штейнъ сильно работалъ въ пользу Пруссіи, не находясь на прусской службѣ. Что одно допускали безъ другаго—это уже было неловко. Штейнъ также пристрастно дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и прусскій король; послѣ его осужденія въ 1809 году саксонское правительство конфисковало его имѣнія въ герцогствѣ варшавскомъ; это сильно раздражило его противъ Саксоніи; при этомъ раздраженіи, да еще не имѣя оффиціальной должности и не боясь никакой отвѣтственности, онъ рѣшался на самые безразсудные и отважные поступки, которые тѣмъ не менѣе вмѣнялись въ вину самой Пруссіи. Извѣстно какъ Штейнъ смотрѣлъ на нѣмецкихъ государей; на конгрессѣ ходила по рукамъ книга Эйхгорна о центральномъ управленіи Штейна, гдѣ было прямо повторено все, что Штейнъ[1] предлагалъ русскому императору, а именно низложить всѣхъ нѣмецкихъ государей и отдать ихъ земли въ управленіе союзникамъ; это необходимо должно было возстановить германскіе доводы противъ прусскихъ плановъ въ саксонскомъ вопросѣ. А обращеніе съ саксонскими войсками могло раздражить и самыхъ благомыслящихъ патріотовъ [22]).

[1] Октяб. 1813.

[22]) Описаніе этого, на основаніи подлинныхъ источниковъ, можно найти у Капефига въ его книжкѣ 1814 и 1815 г.: Вѣнскій Конгрессъ и нынѣшняя Европа. Также Darstellung der k. Preussischen Decimation des seinem Eide treu gebliebenen sächsischen. Heeres (v. Zezschvitz.). Grimma, 1847.

Саксонскимъ войскамъ сдѣлано было возваніе, чтобы онѣ политически отдѣлились отъ французовъ. Когда послѣ этого офицеры еще до рѣшенія дѣла остались на сторонѣ короля, то за это „политическое вмѣшательство" угрожали какъ за преступленіе. Переходъ ихъ на сторону германскаго дѣла, вмѣсто того чтобы возбудить уваженіе къ ихъ вѣрности, названъ былъ измѣною ихъ королю, хотя и это все таки не могло оправдывать поступокъ Іорка. Войсками распоряжались не отъ имени союзниковъ, а отъ имени прусскаго короля. Ихъ разбивали на части самымъ безжалостнымъ образомъ, не дожидаясь на то согласія ихъ короля. Когда вслѣдствіе всего этого произошло конечно неблаговременное и достойное наказанія возмущеніе саксонскихъ войскъ въ Люттихѣ[1], тогда сожгли у нихъ знамена, которымъ они не хотѣли измѣнить и десятаго прогнали сквозь строй.—Это было уже слишкомъ и не подъ силу даже солдатамъ того времени; по словамъ поэта, сама природа гнушается такимъ наказаніемъ. Такимъ образомъ сѣяли вражду тамъ, гдѣ надо было стараться о согласіи, и возбуждали неудовольствіе даже въ гражданскомъ кругу. Когда управленіе Саксоніей перешло въ руки Пруссіи, тогда прусское правительство начало вытѣснять оттуда лучшихъ приверженцевъ своихъ, лишать ихъ вліянія и должностей, и ставить на ихъ мѣста никѣмъ не уважаемыхъ саксонскихъ и прусскихъ чиновниковъ; это говорилъ самъ Штейнъ, совѣты котораго о томъ, какъ овладѣть Саксоніей и снискать ея расположеніе Гарденбергъ не умѣлъ во время передать своему королю, и самъ король теперь своими неудачными мѣрами и противурѣчивыми требованіями возбуждалъ неудовольствіе. Такое же колебаніе между нерѣшительной медлительностію и необдуманной поспѣшностью обнаружилъ Гарденбергъ и на конгрессѣ. Онъ не осмѣливался противорѣчить своему королю, держалъ себя нерѣшительно и неровно по отношенію къ Россіи, безъ достоинства и самостоятельности по отношенію къ Меттерниху, и наконецъ столкнулся съ лордомъ Кестльри, вслѣдствіе своей „безразсудной выходки," которая напомнила лорду подобныя же неумѣстныя и неловкія угрозы, которыя въ 1801 г., во время ганноверскихъ несогласій, Гаугвицъ дѣлалъ англійскому посланнику въ Берлинѣ. Основное правило всякаго англійскаго министра—ничего не требовать и ничѣмъ не угождать, пока нѣтъ возможности осуществить требованія и угрозы. Даже могущественный русскій императоръ вмѣсто

[1] Въ маѣ 1815

того, чтобы угрожать на словахъ, приказалъ только произвести въ Варшавѣ въ свою пользу демонстрацію, отъ которой онъ могъ всегда отказаться. Выходка Гарденберга могла въ сущности показаться англійскому министру столь же странною, какъ брату его (лорду Стюарту) въ Швейцарскомъ комитетѣ подобная же угроза депутата Ааргау, что его кантонъ развѣ только силой можно будетъ заставить подчиниться рѣшеніямъ, противнымъ его интересамъ.

Талейранъ.

Когда между союзниками возникли несогласія, грозившія разрывомъ, тогда пришло время для дѣятельности Талейрана. Несогласно было съ характеромъ Меттерниха—сдѣлать какой нибудь рѣшительный шагъ безъ многихъ поддержекъ съ разныхъ сторонъ. Этимъ онъ далъ Франціи возможность выйти изъ ея исключительнаго положенія и устраненія, которое она съ нетерпѣніемъ выносила еще въ Парижѣ. Талейранъ имѣлъ счастливую долю тѣхъ, которымъ нечего терять, и онъ воспользовался своимъ положеніемъ съ несомнѣнной ловкостью и дѣятельностью. Еще до конгресса умѣлъ онъ пріобрѣсть въ Парижѣ расположеніе Веллингтона и Сэра Чарльза Стюарта льстивою мыслью, что Англія сдѣлается третейскимъ судьей въ Вѣнѣ, когда она вмѣстѣ съ Франціей будетъ противиться всякимъ незаконнымъ притязаніямъ и требованіямъ, откуда бы они ни шли. Кестльри по дорогѣ въ Вѣну заѣхалъ въ Парижъ, чтобы повидаться съ Талейраномъ [23]) и заранѣе переговорить съ ними о тѣхъ отношеніяхъ къ своему старому союзнику, на которыя онъ долженъ обратить вниманіе. Кестльри не хотѣлъ потерять своего вліянія въ другихъ дипломатическихъ лагеряхъ слишкомъ уже явною дружбою съ французомъ, но онъ дѣйствовалъ, явно соображаясь съ нимъ. Тотчасъ же, при самомъ началѣ конгресса, Талейранъ старался сдѣлать недѣйствительными секретныя статьи парижскаго мира, устранявшія Францію отъ участія въ рѣшеніяхъ относительно распредѣленія областей. Пользуясь всеобщимъ ожиданіемъ, раздѣляемымъ и Кестльри, что конгрессъ будетъ состоять изъ общаго совѣщательнаго собранія, онъ настаивалъ на томъ, чтобы было составлено именно такое собраніе, которое дало бы Франціи вліяніе на малые государства, а имъ предоставило бы участіе въ рѣшеніи важныхъ Европейскихъ дѣлъ. Эта первая попытка вмѣшательства Франціи была отвергнута восточ-

---

[23]) Castlereagh Memoirs, 10, 91—94.

ными державами съ неудовольствіемъ, и даже Кестльри возражалъ противъ нея. Не успѣвши въ этомъ, Талейранъ добивался по крайней мѣрѣ того, чтобы въ общее Европейское отдѣленіе конгресса, въ которомъ участвовали сперва только 6 державъ, допущены были Швеція и Португалія; съ этимъ согласовались и интересы Англіи, которой было бы непріятно въ спорныхъ вопросахъ быть одной противъ остальныхъ великихъ державъ. Затѣмъ онъ съумѣлъ найти себѣ дорогу въ швейцарскую коммиссію, куда также по парижскому договору не допускалась Франція. Но тѣснѣе всего, онъ сблизился съ посланниками Италіи и Сициліи, подъ предлогомъ бурбонскихъ семейныхъ договоровъ, и вмѣстѣ съ ними дѣйствовалъ въ пользу общихъ бурбонскихъ интересовъ въ Италіи, не смотря на недружелюбныя отношенія самихъ дворовъ. Онъ самъ вмѣшался въ переговоры о Неаполѣ; въ другихъ вопросахъ, непосредственно касавшихся интересовъ Австріи, онъ выставлялъ противъ нея Испанію, посланникъ которой (Лабрадоръ) вполнѣ слѣдовалъ его указаніямъ [24]). Испанія, уже прежде оскорбленная тѣмъ, что ее не допускали къ общему засѣданію конгресса и требовали отъ нея уступки Оливенцы въ пользу Португаліи, настаивала¹ на учрежденіи особой итальянской коммиссіи; но старанія ея были напрасны. Тогда она стала требовать, чтобы Тоскана, которая опять попала въ руки прежняго своего владѣльца, эрцгерцога Фердинанда, была снова возвращена младшей бурбонской линіи въ Парижѣ, т. е. королевѣ Маріи Луизѣ и ея инфанту, которымъ Наполеонъ сперва далъ Этрурію и потомъ лишилъ ихъ всего. Когда же Меттернихъ назвалъ это требованіе вопросомъ войны, а не мирныхъ переговоровъ, тогда Лабрадоръ сталъ требовать, по совѣту Меттерниха, Парму, Піаченцу и Гвасталлу; но это все однако осталось за императрицей Маріей Луизой (безъ права перехода по неслѣдству къ ея сыну), и только по позднѣйшему договору¹ должно было перейти къ королевѣ Маріи Луизѣ и ея инфанту. На конгрессѣ же за инфантомъ оставили только Лукку. По этимъ и другимъ причинамъ Испанія не подписала актовъ конгресса и во все его продолженіе была въ раздраженномъ состояніи. Бурбонскіе посланники не пропускали ни одного случая, гдѣ имъ можно

¹ Въ ноябрѣ.

¹ Отъ 10 іюня 1817.

---

[24]) Flassan 2, 106.

было вмѣшаться въ дѣла; ни одинъ малѣйшій вопросъ не ускользалъ отъ нихъ, въ которомъ они могли принять участіе. Они пытались препятствовать соединенію Генуи съ Сардиніей, или по крайней мѣрѣ выдѣлить изъ нихъ императорскіе лены, которые были соединены съ лигурійской республикой; они поддерживали Генуэзскаго посланника Бриньоля, который былъ обязанъ Талейрану и былъ зятемъ его товарища по посольству Дальберга. Лабрадоръ старался препятствовать осуществленію англійскихъ желаній относительно торговли неграми. Талейранъ старался отклонить соединеніе Вельтлина съ Австріей. Онъ хотѣлъ измѣнить союзную коммиссію, устроенную для пересмотра прежнихъ капитуляцій съ Франціею. Онъ вовремя умѣлъ воспользоваться раздорами великихъ державъ по Польско-Саксонскому вопросу. Такъ какъ Меттернихъ держался старой политики Кауница (союза съ Франціей), то Талейрану по всему праву слѣдовало обратиться къ соотвѣтственной Шуазелевской или Помпадуровской политикѣ. Тотчасъ послѣ разъединенія Пруссіи съ Австріей и Англіей представители послѣднихъ двухъ державъ соединились съ Талейраномъ, который уже тогда осмѣливался разговаривать съ Александромъ въ воинственномъ тонѣ. Въ декабрѣ съ помощью Кестльри получилъ онъ право присутствовать на совѣщаніяхъ конгресса, гдѣ онъ сначала выступилъ съ своимъ докладомъ противъ Мюрата, и потомъ съ краснорѣчивою нотою о саксонскомъ дѣлѣ, которое онъ ловко связалъ съ неаполитанскимъ и бурбонскимъ дѣломъ. Здѣсь онъ объяснялъ, что въ Европѣ сначала шла борьба между республикой и монархіей, а потомъ между революціонной и законной монархіей; первая исчезла, а вторая возстановлена за немногими исключеніями (Неаполь и Саксонія). Онъ говорилъ далѣе, что всеобщій миръ не возстановится, а будетъ только временное перемиріе до тѣхъ поръ, пока не устранятся и эти исключенія. Искусство Талейрана, громкими фразами прикрывать свое политическое и нравственное ничтожество, проявилось здѣсь во всемъ блескѣ; онъ выпустилъ изъ виду національный интересъ Франціи, для которой было бы гораздо полезнѣе ближе держаться Россіи, и заботился объ династическихъ интересахъ, потому что съ ними соединялись его собственныя выгоды. Онъ, говорятъ, получилъ взятку отъ короля Саксонскаго въ три милліона франковъ и такія же суммы взялъ съ Мюрата и его противника Фердинанда IV за одно и тоже

дѣло [25]). Такія драгоцѣнныя выгоды получилъ Талейранъ и въ добавокъ пріобрѣлъ еще славу, что онъ такъ скоро возвысилъ Францію изъ ея недавняго униженія. Онъ заключилъ съ Австріей и Англіей союзъ, 3 января 1815 года, къ которому потомъ присоединилась Баварія, Нидерланды, Ганноверъ и Сардинія. Императоръ Александръ даже не хотѣлъ вѣрить этому союзу, заключенному августѣйшимъ хозяиномъ съ общимъ врагомъ противъ своихъ гостей, или думалъ, что Штейнъ преувеличиваетъ одни слухи, дошедшіе до него. Наполеонъ,
8 апрѣля 1815. по возвращеніи съ острова Эльбы, сообщилъ ему ¹ этотъ актъ съ совѣтникомъ посольства Будякинымъ. Нерасположеніе Александра къ Талейрану еще больше увеличилось по этому случаю. Меттерниха онъ еще больше не жаловалъ; но не смотря на это великодушно въ его безстыдныхъ глазахъ сжегъ при свидѣтельствѣ Штейна этотъ договоръ [26]).

Окончательное рѣшеніе Польско-Саксонскаго вопроса.

Повидимому до составленія этого договора и послѣ него, все готовилось къ войнѣ. Тѣсный союзъ между Россіей и Пруссіей еще болѣе скрѣпился послѣ коварныхъ попытокъ Меттерниха поссорить двѣ эти державы, и Штейнъ тогда еще предрекалъ этому союзу прочное и продолжительное существованіе. Константинъ находился въ Варшавѣ уже съ конца ноября, чтобы усилить польскую армію до 70,000 человѣкъ. Австрія стягивала свои войска въ Богеміи; Вреде назначался быть главнокомандующимъ лигистической арміи, французы должны были двинуться на Рейнъ. Англія имѣла свобод-
24 дек. 1814. ныя руки послѣ Гентскаго мира, заключеннаго съ Америкой ¹, и усилила свои войска въ Нидерландахъ. Не смотря на эти приготовленія, ни одна изъ державъ не желала войны. Союзъ 3 января былъ оборонительный, хотя дѣло шло о дѣйствительномъ нападеніи. Каждая сторона боялась перваго удара, каждая чувствовала свою слабость и боялась возможныхъ послѣдствій. Настроеніе въ Верхней
Въ концѣ янв. 1815. Италіи было неспокойно; о духѣ французскаго войска слышались ¹ не добрыя вѣсти. Только Баварія серьезно принялась за дѣло, и горячность Вреде вызвала самыя рѣзкія объясненія со стороны

---

[25]) Послѣднее основано на сомнительномъ показаніи. Савари: Mémoires du duc de Rovigo, t. VIII, первое на показаніи Шатобріана, Mémires d'outre-tombe, t. VI. въ концѣ; съ этимъ согласенъ La Garde и донесеніе русскаго посла Алопеуса изъ Берлина, о которомъ говоритъ Pertz 4, 118.

[26]) Мемуары Л. Вольцогена.

Кестльри. Опасеніе скорой войны заставило всѣхъ поспѣшить примиреніемъ, или какъ говоритъ оффиціальный панегиристъ Талейрана и дипломатіи (Флассанъ): духъ благоразумія побѣдилъ; но это благоразуміе было больше необходимостью. Оттого никогда прежде такъ горячо не принимались за совѣщаніе и не стремились перещеголять другъ друга во всевозможныхъ уступкахъ, какъ послѣ воинственныхъ приготовленій, послѣ поѣздки Константина въ Варшаву, послѣ его проклмаціи и послѣ союза 3 января. Тотчасъ послѣ перваго изъ этихъ фактовъ императоръ Александръ сдѣлалъ важнѣйшую уступку, объявивъ Торнъ и Краковъ вольными городами; за тѣмъ послѣдовало согласіе Пруссіи дать въ Вестфаліи саксонскому королю область съ 350,000 населенія. При второмъ изъ этихъ событій Александръ уступилъ Тарнопольскій округъ Австріи, а король прусскій предложилъ саксонскому область при Рейнѣ съ 7—800,000 жителей. О союзѣ 3 января державы, противъ которыхъ онъ былъ составленъ, узнали по всей вѣроятности тотчасъ же, а не во время ста дней, но, кажется, не желая произвести разрыва, притворялись, будто ничего объ немъ не знаютъ. Дѣйствительно, тотчасъ же послѣ заключенія союза лордъ Кестльри протянулъ руку къ примиренію и каждый спѣшилъ чѣмъ нибудь пожертвовать. Александръ уступилъ Торнъ Пруссіи, чтобы вознаградить ее за Лейпцигъ, котораго Австрія и Англія не хотѣли оставить за Пруссіей. Даже Ганноверъ и Нидерланды пожертвовали небольшимъ числомъ жителей, чтобы дать полное вознагражденіе Пруссіи за потерю населенія на западѣ, такъ какъ она должна была удовольствоваться $^{2}/_{5}$ Саксоніи (по 15 пункту акта Вѣнскаго Конгресса). Когда Австрія приняла это окончательное предложеніе Пруссіи, то все это трудное дѣло окончилось. Король саксонскій своимъ упрямствомъ отдалялъ конецъ его и затянулъ бы его на долго, если бы возвращеніе Наполеона не усилило строгости союзниковъ по отношенію къ нему и не принудило бы его къ соглашенію. Договоры трехъ державъ о Польшѣ кончены были 3 мая, а договоръ съ королемъ саксонскимъ заключенъ 18 того же мѣсяца.

27 нояб. 1814.

10 февр. 1815.

Пруссія.

Пруссія такимъ образомъ должна была испытывать горькіе плоды нерѣшительной политики короля и его министровъ. Самая могущественная изъ второстепенныхъ державъ Европы, находящаяся среди четырехъ великихъ державъ, которыя обыкновенно на крестъ

подавали другъ другу руку, Россія — Франціи, а Англія — Австріи, Пруссія очутилась теперь въ самомъ невыгодномъ положеніи относителнно каждой изъ этихъ державъ. Передъ Россіей лежала она съ открытыми границами, а новая русская Польша вошла клиномъ между Австріей и Пруссіей до самой Просны, представляя въ военномъ отношеніи столько выгодъ, которымъ удивлялся Наполеонъ и которыми въ настоящее время воспользовалось вполнѣ русское правительство. На югѣ Саксонія вслѣдствіе враждебныхъ притязаній Пруссіи совершенно перешла на сторону Австріи; Баварія также осталась на сторонѣ Австріи и прекратила свои прежнія отношенія къ Пруссіи. На западѣ Пруссія одною частью своей области должна была служить оплотомъ противъ Франціи, народонаселеніе которой было вдвое больше числа жителей въ обоихъ частяхъ. И эти части растянуты были отъ Мемеля до Сарбрюкена и имѣли такую длинную линію границъ, какой не имѣла прежде и Австрія, въ подобномъ положеніи, хотя была вдвое больше по объему. И эта длинная линія была опять таки разрѣзана враждебнымъ Ганноверомъ, находившимся въ союзѣ съ Англіей. Въ пользу Ганновера Пруссія отказалась отъ сообщенія съ Нѣмецкимъ моремъ и уступила сокровище великаго Курфирста, восточную Фрисландію, которая со времени таможеннаго союза была бы очень выгодна для Пруссіи. Баваріи же были отданы франконскія княжества, которыя всегда были преданы Пруссіи. Въ замѣнъ ихъ, при Рейнѣ и въ Вестфаліи получено было населеніе, представлявшее для Пруссіи столько враждебныхъ и трудно примиримыхъ элементовъ по своему вѣроисповѣданію, по своимъ чисто французскимъ учрежденіямъ, по прежнему подданству духовнымъ князьямъ. Но если съ одной стороны Пруссія была доведена дипломатами до такого жалкаго положенія, то съ другой счастливая судьба бодрствовала надъ ней, чтобы этими невыгодами открыть путь къ еще большему ея возвышенію. Что по старо-прусскимъ понятіямъ могло назваться паденіемъ, то съ германской точки зрѣнія было возрожденіемъ. Разбитая, разорванная, окруженная съ этихъ поръ все нѣмецкими землями, освободившаяся отъ большей части Польши и отъ заботъ о ней, Пруссія сдѣлалась изъ славянской державы чисто нѣмецкою, и при томъ въ то самое время, когда Австрія потеряла швабскія владѣнія, свое нѣмецкое императорство и свое вліяніе на духовное и свѣтское дворянство Германіи.

Принимая въ вознагражденіе рейнскія провинціи, Пруссія прямо объявила въ Вѣнѣ, что она беретъ эти земли, которыя еще Питтъ называлъ самымъ лучшимъ оплотомъ противъ Франціи въ рукахъ Пруссіи, только „съ тою цѣлью, чтобы защищать Германію". И тогда уже патріоты видѣли, что Пруссія становится во главѣ Германіи и радовалась этому обороту дѣлъ съ такою искренностью, которая повторилась потомъ только въ 1848 г. И такъ какъ Пруссія съ самоотверженною заботливостью рѣшилась оправдать надежды Германіи, то по самому ея растянутому положенію ей предстоятъ въ будущемъ новыя болѣе высокія задачи и она соединила свои разнородныя владѣнія болѣе тѣсною связью, чѣмъ она могла бы это сдѣлать съ менѣе растянутыми польскими областями.

Вслѣдъ за рѣшеніемъ польско-саксонскаго вопроса рѣшены были одно за другимъ и другія дѣла—распредѣленіе областей на сѣверѣ, обмѣнъ Помераніи и Лауенбурга, небольшія увеличенія Веймара, Кобурга, Ольденбурга и другихъ; отъ этого также подвинулись къ рѣшенію и баварскія дѣла. Баварія, у которой много было причинъ держать себя скромно, выступила въ Вѣнѣ съ большими притязаніями, какъ будто ея четырехмѣсячный вынужденный союзъ вполнѣ загладилъ ея восьмилѣтнія и обдуманныя враждебныя дѣйствія противъ Австріи и Германіи. Меттернихъ къ удивленію былъ очень милостивъ къ Баваріи послѣ ея присоединенія къ Европейскому Союзу противъ Франціи по Ридскому договору[1]. Австріи хотѣлось отдѣлить для себя отъ Баваріи нѣсколько важныхъ пунктовъ; но главнымъ образомъ милость ея къ Баваріи была вызвана страхомъ предъ возвышавшейся Пруссіей. Поэтому Меттернихъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы привязать къ себѣ германскія второстепенныя государства. Старая политика Австріи, враждебная Баваріи, должна была уступить искреннему и полному соглашенію, что дало бы возможность Австріи держать въ рукахъ посредствомъ Баваріи всю южную Германію, такъ какъ сѣверная подпала подъ вліяніе Пруссіи. Поэтому Меттернихъ могъ въ 1813 г. сказать во Франкфуртѣ Сентъ-Эньяну, что переговоры съ Баваріей, вызванные необходимостью съ обѣихъ сторонъ, этимъ самымъ обезпечиваютъ союзъ болѣе чѣмъ на столѣтіе. Для Баваріи необходимо было держаться скорѣе покровительства Австріи противъ слабѣйшей Пруссіи, чѣмъ въ союзѣ съ Пруссіей держать-

Баварія.

[1] 8 дек. 1813.

ся самостоятельно относительно Австріи. Политическій союзъ, который Меттернихъ счелъ нужнымъ заключить между Баваріей, Австріей и Франціей, нашелъ себѣ такого же ревностнаго дѣятеля въ Монжела, какимъ въ послѣдствіи былъ Вреде въ воинственномъ оборонительномъ союзѣ противъ Россіи и Пруссіи. Монжела еще послѣ заключенія Ридскаго договора сказалъ французскому посланнику Мерси д'Аржанто: одно вѣрно, что когда возстановится миръ, Баварія будетъ имѣть нужду только въ одной Франціи (объ этомъ узналъ и Меттернихъ изъ перехваченной депеши). Еще до открытія конгресса, Штейнъ подозрѣвалъ Монжела въ томъ, что онъ дѣйствуетъ за одно съ Талейраномъ и принцемъ Евгеніемъ, чтобы увеличить Баварію и доставитъ ей второстепенный патронатъ надъ южной Германіей, какъ она имѣла надъ Рейнскимъ Союзомъ. Дать Евгенію осѣдлость въ Германіи не казалось Монжела, какъ и Штейну, позоромъ для Германіи; напротивъ, онъ старался объ этомъ. Наполеонъ зналъ это французское настроеніе Мюнхенскаго двора, и потому послѣ своего возвращенія послалъ Стассара къ Монжела и Меттерниху, чтобы воспользоваться такимъ настроеніемъ. Баварія съ самаго начала систематически дѣйствовала противъ интересовъ нѣмецкаго союзнаго дѣла. Желаніе Монжела, прямо имъ высказанное, состояло въ томъ, чтобы Германскія государства были разъединены и независимы другъ отъ друга, на подобіе итальянскихъ, и Штейнъ, вслѣдствіе нелѣпой претензіи, совѣтовалъ даже вовсе исключить Баварію изъ Союза. Требованія, предъявленныя ею, и на которыя Австрія такъ охотно согласилась, имѣли ту цѣль, чтобы ей можно было во всякое время сближаться съ Франціей и имѣть сильнѣйшее вліяніе на южную Германію. Она получила Ашафенбургъ и Вюрцбургъ въ вознагражденіе за уступленный ею Тироль и Форарльбергъ, а Австрія хотѣла по договору (3 іюня 1813.) не утвержденному союзниками дать ей непрерывную и сплошную область, въ которую бы вошли Франкфуртъ, Ганау, Майнцъ (ключъ Германіи) и земли между Рейномъ и Мозелемъ, которыя со времени Парижскаго мира, занимали Австрійскія и Баварскія войска. Такимъ образомъ Баварія совершенно отрѣзала бы отъ сѣвера Германіи Баденъ и Вюртембергъ, и изъ этихъ государствъ составилась бы особая группа и система, которая во всякое время могла бы сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ

Франціи. Австрія думала, что опасность близости къ Франціи заставитъ Баварію сдѣлаться еще болѣе нѣмецкой, но прежніе факты, напримѣръ исторія Пфальца, не говорили въ пользу этого предположенія. Потому Штейну не трудно было вооружить Англію и Россію противъ этихъ требованій, которыя Вреде такъ напыщенно представилъ на конгрессѣ. Майнцъ сдѣланъ былъ союзной крѣпостью; Франкфуртъ получилъ обѣщанную[1] независимость. Обѣщаніе непрерывной и сплошной области (по 3 пункту Ридскаго договора) устранялось само собой, послѣ того какъ оно неисполнено было даже относительно Пруссіи. Дѣло объ удовлетвореніи Баваріи не могло окончиться въ Вѣнѣ, оно продолжалось до конца войны 1815 г., когда даны ей были нѣкоторыя новыя вознагражденія въ рейнскомъ Пфальцѣ; но окончательное опредѣленіе границъ между Австріей и Баваріей затянулось еще надолго[1] и было рѣшено только впослѣдствіи. Баварія должна была наконецъ уступить формальнымъ угрозамъ и отдать Австріи всѣ тѣ мѣста, которыя необходимы были послѣдней въ стратегическомъ отношеніи;—Баварія кажется ожидала всего отъ уступчивости Меттерниха до тѣхъ поръ, пока наконецъ императоръ Францъ, руководимый въ этомъ дѣлѣ Шварценбергомъ и военной партіей, потерялъ всякое терпѣніе и покончилъ съ требованіями Меттерниха и Монжела [27]). Другія желанія Баваріи также не исполнились. По второму Парижскому миру, баденскій Пфальцъ—по прекращеніи прямой линіи царствующаго великаго герцога Баденскаго—долженъ былъ отойти къ Баваріи. Впослѣдствіи однако же и эта надежда Баваріи не сбылась. Штейнъ старался еще на конгрессѣ повредить этому дѣлу, и вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ убѣждалъ великаго герцога Баденскаго признать право наслѣдства Графовъ Гохберговъ.

[1] Дек. 1813.

[1] До 14 апр. 1816

Второй парижскій миръ.

Послѣ войны 1815 года при заключеніи втораго Парижскаго мира [28]) былъ самый удобный случай и имѣлись самыя вѣрныя средства къ тому, чтобы удовлетворить требованія Баваріи и другихъ нѣмецкихъ государствъ, чтобы сдѣлать Пруссію оплотомъ на западѣ и усилить Германію противъ Франціи. Но этотъ случай и

[27]) Castlereagh, memoirs, 11, 100, 143.

[28]) Cp. Schaumann, Geschichte des zweiten Pariser Friedens. 1844.—Gagern, der zweite Pariser Frieden, Leipzig, 1845.

средства пропали даромъ, благодаря тому же недовѣрію союзниковъ къ собственнымъ силамъ, тому же недостатку предусмотрительности въ нѣмецкихъ государственныхъ людяхъ и тому же неожиданно быстрому ходу событій,—какъ это все было и въ 1814 году. Когда дѣлались военныя приготовленія противъ возвратившагося Наполеона, никто не сомнѣвался, что на этотъ разъ можно будетъ исправить всѣ упущенія относительно Франціи, сдѣланныя въ 1814 г., и что теперь уже не выкажутъ прежней слабости излишнею снисходительностью къ ней. Въ Англіи было общее мнѣніе,—его раздѣлялъ и самъ лордъ Ливерпуль,—что на этотъ разъ накажутъ Францію такъ, какъ она наказывала другихъ, что сосѣднія государства для своей безопасности опредѣлятъ новыя границы для Франціи и отнимутъ у ней главныя завоеванія Людовика XIV. Когда въ іюнѣ въ главной квартирѣ въ Гейдельбергѣ лично совѣщались объ этомъ Штейнъ, Гагернъ, Гарденбергъ и Меттернихъ, то они, казалось, всѣ согласны были въ томъ, что нужно отдѣлить отъ Франціи Эльзасъ, Лотарингію и французскую Фландрію. Но только боялись съ самаго начала, что императоръ Александръ снова приметъ роль покровителя и благодѣтеля Франціи. Англійскіе министры, находившіеся на континентѣ, однако все еще раздумывали надъ этимъ обезсиленіемъ Франціи, хотя они должны были согласиться, что здѣсь интересы Англіи сходились съ интересами Австріи и Пруссіи, а не Россіи, и хотя самъ Веллингтонъ говорилъ, что при первомъ парижскомъ договорѣ Франція оставлена была слишкомъ сильною. Къ сожалѣнію, нѣмецкія государства, которымъ болѣе всѣхъ хотѣлось уменьшенія территоріи Франціи, не постановили никакихъ условій на этотъ счетъ до начала войны.

Веллингтонъ. Положеніе Англіи.

Поразительно быстрый исходъ войны въ три іюньскіе дня поставилъ Веллингтона во главѣ положенія дѣлъ. Онъ выработалъ изъ себя во время своихъ индійскихъ и испанскихъ походовъ полководца и министра; будучи посланникомъ въ Парижѣ, онъ узналъ людей и положеніе событій; то и другое кромѣ опытности давало ему еще значеніе, котораго онъ уже не раздѣлялъ съ Блюхеромъ, какъ славу побѣды при Ватерлоо. Онъ твердо и быстро воспользовался своимъ важнымъ значеніемъ, чтобы устроить внутренній порядокъ во Франціи сообразно съ желаніями Англіи и подготовить условія мира по своимъ собственнымъ взглядамъ. Мы видѣли, какъ

настойчиво и поспѣшно онъ требовалъ немедленнаго возвращенія въ Парижъ Людовика XVIII еще до прибытія государей, опасаясь, чтобы они не воспротивились возстановленію Бурбоновъ; онъ былъ такимъ образомъ настоящимъ возстановителемъ короля, такъ какъ Блюхеръ нарочно держалъ себя въ дали отъ него. Онъ руководилъ всѣми дѣйствіями короля; по его внушенію удаленъ былъ Блакасъ, принялъ министерство Фуше и возобновлено вліяніе Талейрана, этого новаго союзника Англіи со времени Вѣнскаго конгресса. Онъ хотѣлъ упрочить вліяніе Англіи на французскую политику, и показалъ себя въ этомъ отношеніи, по словамъ Ла-Бернадьера, еще болѣе французомъ, чѣмъ сами французы. Онъ противился поэтому уменьшенію французской территоріи, и склонилъ совершенно на свою сторону слабаго Кестльри. Онъ лично былъ расположенъ въ пользу той мысли, что Францію нужно обуздать временнымъ оккупаціоннымъ корпусомъ, а не уменьшеніемъ ея областей, потому что онъ надѣялся быть начальникомъ этого корпуса. Но эта мысль была согласна и съ интересами самой Англіи. Боялись, что уменьшеніе Франціи тѣмъ скорѣе побудитъ ее къ новой войнѣ для возвращенія потеряннаго, а раздѣленная Германія, также какъ и маленькая Голландія, не въ силахъ будутъ сохранить отнятое, такъ что Англія поэтому будетъ снова вовлечена въ войну. Притомъ при временномъ занятіи Франціи, связь ея съ Англіею не была бы ничѣмъ нарушена, между тѣмъ какъ отнятіе областей у Франціи не принесло бы никакой существенной пользы для Англіи. По второму парижскому миру Англія потребовала отъ Франціи немедленнаго прекращенія торговли неграми; затѣмъ получила Іоническіе острова; болѣе она не могла ожидать никакихъ территоріальныхъ выгодъ и потому не хотѣла предоставлять ихъ и другимъ.

Александръ. Положеніе Россіи.

Также дѣйствовала въ этомъ случаѣ и Россія, которая опередила Англію въ своей благосклонности къ Франціи и возобновила свое виликодушіе. Можно было ожидать противнаго, — императоръ былъ недоволенъ Талейраномъ и Бурбонами. Онъ раскаивался въ своемъ прежнемъ великодушіи къ Франціи. Предоставить Англіи Іоническіе острова, казалось, было выгодно и ему и всѣмъ; онъ надѣялся на пріобрѣтеніе части Галиціи, что благопріятствовало бы нѣмецкимъ требованіямъ отнятія областей у Франціи. Но опасеніе новыхъ споровъ, подобныхъ вѣнскимъ, заставило Александра отка-

*

заться отъ этихъ возможныхъ выгодъ; самъ Меттернихъ боялся повторенія споровъ. Скоро за тѣмъ у русскаго императора возникли мысли другаго рода. Онъ давно уже втайнѣ лелѣялъ мысль освободить христіанскій востокъ отъ ига турокъ. Эта мысль проглядывала и въ проектѣ священнаго союза, съ которымъ онъ тогда выступилъ; эта мысль была задачею всей жизни Каподистріи, котораго Александръ тогда болѣе всѣхъ слушалъ. Для осуществленія этого плана надобно было имѣть на своей сторонѣ сильную Францію, чтобы она служила противодѣйствіемъ Англіи, какимъ, по тогдашнему мнѣнію, была Пруссія относительно Австріи. Поэтому и Россія, подобно Англіи, скоро и явно обнаружила желаніе сколько возможно щадить Францію. Французы сдѣлали все, чтобы поддержать и усилить это благопріятное для нихъ настроеніе. Когда была послана депутація подъ начальствомъ Лафайета въ союзный лагерь, тогда еще въ Парижѣ понимали, что слабая сторона будетъ самой притязательной и наиболѣе обиженная—самой враждебной, и что слѣдовательно нечего ожидать отъ Пруссіи, а скорѣе надобно искать спасенія у Англіи и Россіи. Бурбонскіе приверженцы поняли политику этихъ двухъ державъ, когда явилась записка Каподистріи [1]; объявленіе Кестльри, нота Талейрана и эта записка, открывшія собою вѣнскія совѣщанія, были согласны между собою въ общихъ основаніяхъ, которыя потомъ и приведены были въ дѣйствіе, и требовали, чтобы Франція поплатилась за все только контрибуціей и временнымъ занятіемъ ея союзными войсками. Хитрые побѣжденные употребляли всѣ средства, чтобы опутать императора. Они льстили ему, какъ льстили Веллингтону; они пугали его будущими движеніями и возстаніями во Франціи; они пользовались честолюбіемъ Поццо-ди-Борго, желавшаго получить французское министерство, чтобы усилить черезъ него свое вліяніе на императора; для этой же цѣли они употребляли другаго французско-русскаго государственнаго человѣка, герцога Ришелье, чтобы чрезъ него дѣйствовать на мадамъ Крюднеръ, а черезъ нее на императора. Французамъ удалось возбудить въ немъ нерасположеніе къ дружественной Пруссіи и наслѣдному принцу Виртембергскому посредствомъ безконечныхъ жалобъ на насилія — часто вымышленныя — прусскихъ и нѣмецкихъ войскъ; въ тоже время они тщательно скрывали отъ него что дѣлали русскія. Императоръ конечно вдвойнѣ удовлетворилъ желаніямъ своихъ войскъ,

[1] Отъ 28 іюля.

оставляя ихъ на нѣсколько лѣтъ во Франціи. Вслѣдствіе этой милости къ французамъ, которой они добились лестью, угрозами и хитростью, Александръ могъ торжествовать побѣду надъ своей соперницей Англіей. Веллингтонъ при входѣ въ королевскую ложу театра Фаваръ долженъ былъ испытать на себѣ лично ненависть французовъ къ Англіи, долженъ былъ видѣть, что его орудія, Фуше и Талейранъ, были удалены изъ министерства, а близкій Александру герцогъ Ришелье занялъ первое мѣсто въ королевствѣ.

Требованія Германіи.

Независимо отъ личныхъ побужденій Александра и его восточныхъ плановъ, русскою политикою относительно Франціи руководили главнымъ образомъ опасенія, возбуждаемыя Германіей. И въ этомъ случаѣ опять таки могли имѣть нѣкоторое вліяніе личное нерасположеніе императора къ Меттерниху и непріятное чувство, оставленное въ немъ политикою Гарденберга до 6 ноября. Но и кромѣ этого Россія въ самомъ дѣлѣ все болѣе и болѣе начинала опасаться внѣшняго расширенія Германіи и ея внутренняго возрожденія; того и другаго она должна была опасаться тѣмъ серьезнѣе, что общественное мнѣніе Германіи заявляло много требованій, ссылаясь на заслуги нѣмецкихъ войскъ. Русская политика, угаданная еще Петромъ Великимъ во время его пребыванія въ Парижѣ, всегда стремилась къ тому, чтобы быть съ Франціей на самой дружеской ногѣ и въ постоянномъ союзѣ. Каподистрія прямо говорилъ Штейну, что Россія имѣетъ интересъ оставить Францію могущественной, чтобы другія державы не могли обратить всѣ свои силы противъ одной только Россіи. Англійскіе министры также раздѣляли эту завистливую ревность и боязнь, внушаемую нѣмецкими государствами, или, по ихъ деликатному выраженію, „алчностью и бѣдностью“ Австріи и Пруссіи. Ультрагерманизмъ Гагерна и Штейна смущалъ ихъ. Веллингтонъ представлялъ самыя слабыя возраженія противъ тѣхъ, основательныхъ въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ, требованій, которыя съ рѣдкимъ единодушіемъ и въ самое благопріятное время заявляли нѣмецкіе государственные люди и полководцы, какъ Гнейзенау, Бойенъ, Кнезебекъ, Гарденбергъ, Гумбольдтъ, Штейнъ, Мюнстеръ, Гагернъ и Винцингероде. Никогда прежде не было болѣе справедливаго повода къ тому, чтобы сдѣлать Францію безвредною на долгое время. Бурбоны не могли ссылаться на первый парижскій миръ, который ограждалъ неприкосновенность

Франціи, потому что они сами себя лишили престола своею неспособностью и безсиліемъ и поставили себя внѣ всякихъ договоровъ. Ничего не могло быть снисходительнѣе, какъ требовать для защиты западной границы Германіи Юрскаго хребта, чтобы онъ былъ для Германіи тоже, что Пиринеи и Альпы для Испаніи и Италіи. Даже требованіе Штейна было еще очень снисходительнымъ, когда онъ предлагалъ для укрѣпленія слабыхъ пунктовъ восточной нѣмецкой границы, верхняго Рейна и верхняго Маасса, отнять у Франціи внѣшнюю линію тройнаго ряда крѣпостей, которыми Франція такъ грозитъ континенту. Если бы всѣ эти умѣренныя требованія были единодушно высказаны Германіей, то конечно ихъ нельзя было бы не уважить. Къ несчастію, нѣмецкая союзная политика при этомъ первомъ случаѣ для ея дѣятельности началась самымъ гнуснымъ раздоромъ. Единодушнаго согласія хватило у министровъ только на то, чтобы требовать ослабленія Франціи. Но что и для кого надо требовать,—въ этомъ уже не много было согласія,—а чтобы дѣйствовать сообща, для этого и вовсе его не было.

Несогласія между нѣмецкими державами.

По мнѣнію Штейна Эльзасъ и Лотарингію, какъ наслѣдство, принадлежавшее австрійскому дому, слѣдовало отдать эрцгерцогу Карлу; но Пруссія этому противодѣйствовала. Предлагали еще дать Эльзасъ Виртембергскому наслѣдному принцу, для котораго еще на вѣнскихъ совѣщаніяхъ хотѣли пріискать какую нибудь область и кругъ дѣятельности и въ пользу котораго легко было склонить его будущаго тестя, императора Александра; тогда Пруссія могла бы надѣяться получить Лотарингію; но то и другое не нравилось австрійскому двору. Австрія могла бы также требовать областей для Баваріи; раздѣливши отнятыя у Франціи провинціи между Баваріею и Пруссіею, она дѣйствительно „примирила“ бы ихъ съ Франціею, въ чемъ Меттернихъ, возражая Гагерну, поставлялъ „великую цѣль австрійской политики“; но для этой цѣли ему казалось достаточнымъ отдѣлить отъ Франціи самые небольшіе клочки. Поэтому Меттернихъ явился съ предложеніями, противорѣчившими Прусскимъ и скоро перешелъ на сторону Россіи и Англіи. Представители малыхъ и среднихъ нѣмецкихъ государствъ всѣ смотрѣли на отнятіе французскихъ областей съ патріотической точки зрѣнія. Нѣмецкіе государи приняли участіе въ новой борьбѣ противъ Франціи, съ условіемъ, имѣвшимъ силу договора, что ихъ желанія отностительно

обезпеченія нѣмецкихъ границъ будутъ приняты въ уваженіе и что ихъ уполномоченные будутъ допущены къ участію въ мирныхъ переговорахъ. Это условіе относительно переговоровъ было принято въ совѣтѣ великихъ державъ[1]; однако уполномоченныхъ, какъ было и въ Вѣнѣ, удалили отъ „предварительныхъ совѣщаній" до того времени, когда дѣла будутъ „зрѣло" обсуждены великими державами,— послѣ чего эти совѣщанія конечно получали силу законовъ, не подлежащихъ возраженіямъ. Это удаленіе уполномоченныхъ второстепенныхъ державъ поддерживалъ и Гарденбергъ, желая потщеславиться тѣмъ, что онъ представитель великой державы, и такимъ образомъ потерялъ удобный случай помириться съ Голландіей, Ганноверомъ, Баваріей и Вюртембергомъ, чего бы онъ достигъ, если бы поставилъ Пруссію на ея настоящее мѣсто—первою между второстепенными державами. Отказываясь отъ своихъ выгодъ, преслѣдуя чисто нѣмецкіе интересы, рѣшительно настаивая на своихъ умѣренныхъ требованіяхъ, онъ бы пріобрѣлъ Пруссіи большой вѣсъ; тогда какъ теперь, безъ опоры маленькихъ дворовъ, безъ единодушнаго соглашенія съ Австріей противъ Англіи, Россіи и Франціи, Пруссія стояла одиноко, какъ прежде въ Вѣнѣ. Это одиночество имѣло слѣдствіемъ то, что всѣ ея желанія не осуществились.

[1] Въ августѣ.

Ошибки Пруссіи.

Виною всѣхъ неудачъ Пруссіи и въ настоящемъ случаѣ была прежняя безтактность прусскихъ министровъ и ихъ неумѣнье вести переговоры. Неудовольствіе и зависитъ противъ Пруссіи послѣ новыхъ военныхъ ея подвиговъ возрасли съ новою силою; тѣмъ съ большею обдуманностью должны были дѣйствовать прусскіе министры. Въ Парижѣ ожидали, что Пруссія снова, какъ и въ 1814 году, явится съ самыми заносчивыми притязаніями; тѣмъ умѣреннѣе требованія и тѣмъ меньше ихъ она должна была предъявлять въ опредѣленной формѣ, до тѣхъ поръ пока она была одна, безъ всякой поддержки. Вмѣсто того Гарденбергъ оффиціально предъявилъ самыя крайнія требованія; еще дальше заходили пруссаки въ частныхъ разговорахъ и запискахъ; лордъ Кланкарти читалъ прусскіе проекты, которые отнимали отъ Франціи 3 милліона жителей. Эти требованія, также какъ и военная контрибуція въ 1200 милліоновъ, которую Гарденбергъ хотѣлъ наложить на Францію, кажутся еще весьма умѣренными, если сравнить ихъ съ прежними договорами самихъ французовъ, которые въ свое время гораздо больше ослабили ма-

ленькую Пруссію и изъ нея одной, какъ доказано, выдавили такую же сумму. Однако требованіе Пруссіи, такъ какъ оно шло отъ нея только одной, всѣ считали самымъ неумѣреннымъ; эта неумѣренность имѣла даже угрожающій видъ въ присутствіи огромнаго количества прусскихъ войскъ въ союзной арміи. Обыкновенно бываетъ, что обиженный (какимъ были въ 1814 году Пруссія и Германія) становится жестокимъ и обратно жестокій всегда теряетъ: Пруссія представила новый примѣръ въ доказательство этой практической истины; чѣмъ хуже было ея положеніе, тѣмъ осторожнѣе слѣдовало ей дѣйствовать. Мы уже говорили о томъ, что на этотъ разъ стали требовать изъ Парижа оставленныя тамъ въ 1814 году, похищенныя французами, драгоцѣнныя произведенія искусствъ. Блюхеръ немедленно приказалъ вывезти все, что принадлежало Пруссіи и Германіи и далъ этимъ примѣръ другимъ государствамъ. Французскій дворъ и его сторонники были на столько безстыдны, что позволили себѣ насильственное сопротивленіе; но прусскій губернаторъ Парижа поставилъ на своемъ; это было вполнѣ справедливо и законно. Англія и Россія въ этомъ отношеніи не могли возбудить къ себѣ неудовольствія въ французахъ, потому что ни у той, ни у другой ничего не было взято, чтобы слѣдовало теперь потребовать обратно. Если бы даже Блюхеръ выполнилъ свое намѣреніе взорвать Іенскій мостъ, то и это было бы только возмездіемъ за подобныя жестокости французовъ; но Бюловъ [29]) отсовѣтовалъ ему привести въ исполненіе эту вандальскую мѣру; а императоръ Александръ благородно объявилъ, что онъ доволенъ уже тѣмъ, что войска его прошли чрезъ Аустерлицкій мостъ. Требованіе Блюхера наложить на Парижъ 100 милліоновъ контрибуціи было только повтореніемъ того, что обыкновенно дѣлалъ Наполеонъ; но все таки это требованіе было своевольной мѣрой, оскорбившей союзныхъ государей. Блюхеръ хотѣлъ разстрѣлять Наполеона, если онъ попадется въ плѣнъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ палъ герцогъ Энгіенскій; и Веллингтонъ долженъ былъ при этомъ напомнить ему, что собственная его слава обязывала его къ великодушію. Этого не хотѣлъ понять Гнейзенау, даже послѣ такого напоминанія; онъ называлъ это театральнымъ великодушіемъ и предполагалъ въ этой пощадѣ національное своекорыстіе Англіи;

---

29) Varnhagen, Leben Bülows, стр. 435.

между тѣмъ какъ самъ онъ, оправдывая мстительныя мѣры относительно величайшаго героя послѣднихъ столѣтій, выказалъ гораздо худшее побужденіе жалкаго сословнаго своекорыстія, говоря, что Наполеонъ былъ виновникомъ обѣдненія прусскаго дворянства. Послѣ всего этого не удивительно, что грубый тонъ Блюхера и его безразсудныя требованія возбудили неудовольствіе въ Веллингтонѣ и представлялись союзнымъ государямъ „почти какъ возстаніе противъ союзниковъ“. Еще до начала войны пугали всѣхъ статьи Рейнскаго Меркурія, грозившія „уничтожить совершенно“ французскій народъ раздѣленіемъ его на мелкія государства, также какъ и фантастическія воззванія и рѣчи Грунера, генералъ-губернатора въ Дюссельдорфѣ, которыя тоже грозили Франціи раздѣленіемъ и напоминали роялистамъ воззваніе герцога Брауншвейгскаго. Даже суровые отвѣты Гумбольдта и прямота Штейна были невыносимы для союзныхъ дипломатовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ слышны были оскорбительныя грубости и со стороны людей непризванныхъ, напр. Яна. Нѣмецкое чувство глубоко возмущаетъ то, что даже теперь хотѣли мстить французамъ за ихъ прежнее страшное воинское величіе и нисколько не цѣнили его; но нельзя не признаться въ томъ, что Пруссія могла бы дѣйствовать сообразно съ желаніемъ Блюхера только въ томъ случаѣ, когда бы она одна вела войну и не имѣла въ союзномъ лагерѣ своихъ непримиримыхъ враговъ, разрывъ съ которыми былъ однако для нея невозможенъ. Поэтому были весьма некстати ссоры прусскихъ военачальниковъ съ государственнымъ канцлеромъ и его совѣтниками; а между тѣмъ военачальники даже въ королѣ возбудили неудовольствіе на Гарденберга и его безплодную политику. Такое неудовольствіе было вполнѣ заслужено, потому что Гарденбергъ снова пропустилъ время и удобный случай обезпечить еще до начала войны выгоды побѣды. У него не было конечно недостатка въ желаніи поправить дѣло; но вообще прусской политикѣ недоставало такта въ дѣйствіяхъ. Суровость генераловъ играла въ ней самую главную роль. Гарденбергъ чувствовалъ, что изолированное положеніе Пруссіи, особенно послѣ свѣжихъ еще воспоминаній о саксонскомъ дѣлѣ, требовало умѣренности; но съ этимъ не согласовались запальчивыя требованія солдатъ и канцелярскихъ писакъ, которыхъ канцлеръ долженъ былъ терпѣть. Онъ раздѣлялъ съ Гумбольдтомъ увѣренность, что Пруссія не можетъ увеличить своихъ

владѣній, не возбудивъ зависти и опасеній. Съ такимъ убѣжденіемъ онъ могъ бы многое сдѣлать въ пользу Германіи, но для этого ему недоставало великодушнаго патріотическаго чувства. Онъ старался представить народнымъ свое дѣло въ газетныхъ статьяхъ, а между тѣмъ оттолкнулъ отъ себя маленькія нѣмецкія государства, вмѣсто того, чтобы соединиться съ ними. Онъ слишкомъ поспѣшилъ своимъ первымъ требованіемъ и слишкомъ долго замедлилъ послѣднимъ. Колебаніе между совершенно противуположными стремленіями, замѣчаемое въ поведеніи представителей Пруссіи, удивляетъ каждаго. Ихъ слабости и ошибки можно было простить тогда только, когда бы они готовы были уступить всѣмъ; съ другой стороны можно было принимать такой угрожающій видъ, какъ они, только тогда, когда бы они имѣли намѣреніе начать войну. Такими глазами смотрѣли на это англійскіе министры, для которыхъ слово и дѣло были нераздѣльны. Лордъ Кланкарти полагалъ, что дѣло не можетъ кончиться безъ войны съ Пруссіей. Между прочимъ, все кончилось тѣмъ, что Гарденбергъ взялъ назадъ свои послѣднія требованія. Когда
19 сентября. Талейранъ вскорѣ послѣ этого палъ съ своимъ министерствомъ, найдя условія союзниковъ слишкомъ суровыми и не имѣя возможности измѣнить ихъ, то онъ, по крайней мѣрѣ, показывалъ видъ, будто бы онъ оставилъ министерство вслѣдствіе неудачи въ своихъ планахъ и этимъ показалъ Гарденбергу примѣръ того, что̀ обязанъ сдѣлать всякій министръ, когда онъ не достигаетъ задуманныхъ цѣлей. Въ Германіи до сихъ поръ привыкли смотрѣть на министра какъ на солдата, который долженъ всегда повиноваться приказаніямъ, приказываютъ ли ему идти впередъ или назадъ.

По окончательному соглашенію союзниковъ, состоявшемуся наконецъ 19-го сентября, отъ Франціи ничего не отошло, кромѣ большей части чужихъ владѣній, которыя были оставлены за ней въ 1814 году. Конде, Живе и Шарлемонъ, Маріенбургъ и Филиппвиль должны были отойти къ Бельгіи; но три первыя области скоро отпали отъ ней и остались за Франціей. Ландау и земли до Лаутера отошли къ Германіи; вся Савойя отдана была Сардиніи; Гюнингенъ должно было срыть (что въ особенности было обидно французамъ). Таковы были мирныя условія союзниковъ; Наполеонъ при заключеніи мира держался всегда того правила, что если въ его власти было предписывать условія, то онъ не отдавалъ противнику ниче-

го кромѣ того, что не имѣло для него особаго интереса. Военныя издержки, за которыя должна была заплатить Франція, опредѣлили не свыше 800 мил., а время военнаго занятія не больше 7 лѣтъ. Изъ уваженія къ новому министерству Ришилье, сумма была умень- шена до 700 мил., а срокъ занятія до пяти лѣтъ (съ обѣщаніемъ дальнѣйшаго сокращенія до трехъ лѣтъ). 20-го ноября послѣдовало формальное заключеніе мира.

2 октября.

Надежды, возбужденныя вѣнскимъ миромъ.

На условіяхъ двухъ парижскихъ мировъ и на вѣнскихъ договорахъ долженъ былъ съ этого времени основываться весь порядокъ европейскихъ дѣлъ. Они были величайшимъ мирнымъ актомъ въ исторіи новаго времени. Даже конгрессы въ Мюнстерѣ и Утрехтѣ касались больше мѣстныхъ отношеній только немногихъ, хотя и могущественныхъ государствъ; Вѣнскій конгрессъ касался въ своихъ постановленіяхъ всѣхъ, даже малѣйшихъ государствъ Европы, за исключеніемъ Турціи. Цѣлая часть свѣта сознавала себя въ эту минуту болѣе чѣмъ когда либо одною большою общиною государствъ. Поэтому нечего удивляться, что тогда пробудились самыя мечтательныя желанія и высказывались самыя несбыточныя надежды; хотѣли чтобы это мирное соединеніе было началомъ постоянныхъ періодическихъ совѣщаній объ общемъ благѣ этой большой общины, чтобы здѣсь былъ положенъ красугольный камень для законнаго общественнаго порядка, на основаніи народнаго права, чтобы учредился третейскій судъ, который ускорилъ бы всеобщее обезоруженіе и затруднилъ войны, возникающія изъ обыкновеннаго честолюбія, чтобы великій союзъ обезпечилъ частнымъ государствамъ ихъ учрежденія, которыя въ свою очередь обезпечивали бы народамъ ихъ права, чтобы владѣнія государствъ были признаны неотъемлемымъ правомъ, какъ основаніе законнаго политическаго равновѣсія. Таковы были желанія частныхъ лицъ между французами и нѣмцами и филантроповъ (столь различныхъ характеровъ, какъ напр. Сенъ-Симонъ и Кнезебекъ); даже министры въ оффиціальныхъ сношеніяхъ говорили, что твердый, непоколебимый порядокъ возможенъ только тогда, когда создано будетъ новое фактическое равновѣсіе, возстановленъ континентъ и уничтожена возможность революціи. Въ актахъ торжественно опредѣлялась цѣль мира такимъ образомъ: прекратить долгія безпокойства справедливымъ раздѣленіемъ власти между государствами, которое въ себѣ самомъ

имѣло бы залогъ прочности. Даже такой холодный, насмѣшливый критикъ всѣхъ политическихъ утопій какъ Генцъ [30]), и тотъ объявилъ во всеуслышаніе, что безъ потрясеній, принесенныхъ съ Эльбы, результатомъ вѣнскаго конгресса, по намѣреніямъ его главныхъ представителей, была бы всеобъемлющая политическая система, которая, будучи построена на самыхъ простыхъ принципахъ, обезпечила бы прочность всѣхъ государствъ, способствовала бы внутреннему благосостоянію каждаго въ отдѣльности и закрѣпила бы всеобщій миръ на многія лѣта. Такъ всегда случается, что въ великіе переходные періоды исторіи слабыя натуры, надломленныя несчастіями прошедшаго, увлекаются идеальными надеждами на лучшее будущее. Такъ, послѣ фанатическихъ, религіозныхъ смутъ 30-тилѣтней войны построили храмъ согласія и терпимости трехъ вѣроисповѣданій, и такой человѣкъ какъ Лейбницъ мечталъ о христіанской республикѣ и о соборахъ, которые установили бы вѣчный миръ. Такъ случилось и теперь, что идеальныя надежды на будущее раздѣляли даже коронованныя особы, которыя старались осуществлять ихъ въ своихъ политическихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ. Припоминая, что никогда еще не было такого бѣдственнаго для государей времени, какъ незадолго предъ этимъ, когда короли Франціи, Испаніи, Швеціи, Голландіи, Сардиніи и многихъ маленькихъ государствъ въ Германіи и Италіи скитались какъ изгнанники, ограбленные и обѣднѣвшіе, мы видимъ, что жестокая нужда и горе, которыя обыкновенно достаются на долю только низшихъ классовъ, на этотъ разъ въ видѣ исключенія коснулись и высшихъ глассовъ и заставили ихъ живо почувствовать тѣ горестныя ощущенія, которыя обыкновенно заглушаются у нихъ однообразіемъ жизни, полной наслажденій. Между могущественными побѣдителями Наполеона одинъ вспоминалъ, какъ онъ, лишенный всѣхъ своихъ владѣній, долженъ былъ бѣжать на Мемель, другой—какъ онъ послѣ Аустерлицкаго сраженія въ жалкомъ видѣ явился на бивуакъ окруженнаго величіемъ корсиканца, въ третьемъ—со времени горестнаго 12-го года произошла полнѣйшая внутренняя перемѣна, внушившая ему смиреніе. Въ другомъ мѣстѣ мы объяснимъ личныя побудительныя причины, заставившія императора Александра рѣшиться на

---

[30]) Oester. Beobachter 12 Juni 1815.

заключеніе священнаго союза, который во время совѣщаній втораго парижскаго мира былъ подписанъ государями трехъ восточныхъ державъ, какъ дополненіе мирныхъ договоровъ и основаніе европейской политической системы. Согласно содержанію этихъ документовъ, политика государей, въ ихъ взаимномъ отношеніи и во внутреннемъ управленіи ихъ государствъ, должна была основываться на предписаніяхъ христіанства—справедливости, любви и мирѣ. Три подписавшіеся государя рѣшились быть между собою въ христіанскомъ, братскомъ союзѣ и при каждомъ случаѣ подавать другъ другу помощь. Относительно своихъ подданныхъ они думали держать себя какъ отцы семействъ и намѣрены были управлять ими въ томъ же духѣ братской любви. Они хотѣли считаться членами одной христіанской націи и смотрѣли на себя какъ на уполномоченныхъ самимъ провидѣніемъ, чтобы управлять тремя вѣтвями одного семейства, „и тѣмъ самымъ свидѣтельствовали, что христіанская религія не имѣетъ никакой другой главы кромѣ Бога“. Такимъ образомъ въ этомъ документѣ однимъ почеркомъ пера высокихъ особъ фактически разрѣшалась трудная задача, надъ которою теорія трудилась цѣлыя тысячелѣтія, состоявшая въ томъ, чтобы согласовать правила религіи и нравственности съ дѣйствіями политики; ручательство за вѣчный миръ и ненарушимый порядокъ, казалось, было несомнѣннымъ, потому что оно исходило отъ могущественнѣйшихъ державъ, которыя обыкновенно способны скорѣе другихъ къ войнѣ и нарушенію порядка.

Какъ бы то ни было, никто не вѣрилъ этимъ блестящимъ обѣщаніямъ, потому что такому порядку вещей, какъ представлялъ его этотъ „дипломатическій апокалипсисъ“, противорѣчилъ, къ сожалѣнію, опытъ всѣхъ временъ и взглядъ каждаго безпристрастнаго судьи. Мыслители, которые для политики принимаютъ другія правила чѣмъ для морали, потому что обязанности въ общественомъ быту совершенно другаго свойства чѣмъ въ частномъ, считали свой осуждаемый многими образъ мыслей, согласный по крайней мѣрѣ съ дѣйствительностью, гораздо нравственнѣе, чѣмъ это новое христіанское политическое ученіе о братствѣ народовъ, которое было компрометировано уже тѣмъ, что оно исходило отъ тѣхъ самыхъ властителей, которые еще такъ недавно въ переговорахъ о взаимныхъ отношеніяхъ между собою поступали несправедливо, немирно и далеко не по братски. Всеобщее недовѣріе было отвѣтомъ

тому, что требовало полнѣйшаго довѣрія. У подданныхъ возникли сомнѣнія на счетъ политическаго значенія священнаго договора, который хотя и обѣщалъ во внутреннемъ управленіи справедливость и братскую любовь, но при этомъ упоминалъ только объ отеческихъ отношеніяхъ государя къ народу, которыя весьма различны отъ братскихъ. Даже въ правительствахъ, о чемъ будетъ сказано подробнѣе въ послѣдствіи, возникли подобныя же сомнѣнія на счетъ договора, который обязывалъ трехъ сильныхъ государей къ взаимной помощи; всѣ боялись, что онъ только маска, за которой скрывалось русское честолюбіе. Такимъ образомъ въ низшихъ и высшихъ сферахъ общества многіе не раздѣляли серьезно мечтательныхъ надеждъ на священный союзъ и на мирные договоры, торжественно провозглашавшіе, что они посредствомъ справедливаго и прочнаго раздѣленія власти положили конецъ войнамъ и безпорядкамъ. И эти договоры, подобно всѣмъ другимъ, были только временнымъ перемиріемъ. Союзъ благоустроенныхъ государствъ идеально стремится къ тому, чтобы установить между собою извѣстные законы и порядки; но только одни идеалисты и систематики могутъ вѣрить въ возможность, посредствомъ народнаго права или мирнаго договора, устранить несогласія и возможность столкновеній между многими государствами на слишкомъ продолжительное время. Разсудительные люди, какъ напр. Даво и Кестльри считали подобную надежду безсмысленной въ то самое время, когда они подписывали мирные договоры (въ Оснабрюкѣ и Вѣнѣ), заключенные „на вѣчныя времена," какъ требуетъ принятая форма трактатовъ. Договоры и на этотъ разъ, какъ и всегда, были только орудіемъ, которымъ пользовались сильнѣйшіе, исполняя или нарушая ихъ по требованію своихъ интересовъ; основанный ими порядокъ былъ обязателенъ только для слабѣйшихъ, не имѣвшихъ сильнаго помощника. Чрезъ 5 лѣтъ возстановленное спокойствіе было нарушено, а чрезъ 15 лѣтъ потрясенъ былъ и весь устроенный порядокъ; и это сдѣлали не честолюбивые завоеватели, а народы, жаждавшіе свободы.

Такое быстрое потрясеніе произошло отъ того, что въ сущности новыя постановленія не имѣли въ себѣ залога продолжительнаго существованія, потому что власть несправедливо была раздѣлена между государствами, и внутри каждаго государства также дѣйствовали несправедливо.

Несправедливость въ территоріальныхъ распредѣленіяхъ.

Если союзники желали справедливымъ и прочнымъ образомъ распредѣлить власть и территоріальныя отношенія между различными государствами, то они должны были бы дѣйствовать совершенно противоположно тому, какъ поступалъ Наполеонъ въ теченіи своего несправедливаго и кратковременнаго владычества. Во всѣхъ ихъ прокламаціяхъ отъ Калиша до Шатильона повторялось, что „націи будутъ съ этихъ поръ взаимно уважать свою независимость; что ни одно политическое зданіе не будетъ воздвигнуто на развалинахъ государствъ, прежде бывшихъ независимыми; что цѣль войны и мира состоитъ въ томъ, чтобы защищать права, свободу и независимость народовъ". Но эти обѣщанія, данныя во время опасности, не были исполнены во время успѣха. И вмѣсто того, чтобы положить конецъ произвольнымъ распоряженіямъ коронами и народами, — что имѣло самыя гибельныя послѣдствія для Европы, — вмѣсто того, чтобы устроить новыя основы для будущаго, государи, возстановлявшіе миръ, поступали совершенно такъ, какъ самъ виновникъ всѣхъ безпокойствъ. Вмѣсто одного личнаго его произвола дѣйствовали теперь и стремились къ тѣмъ же цѣлямъ враждебные другъ другу личные интересы пяти сильныхъ державъ и близорукая политика министровъ; великія личности народовъ были принесены въ жертву ничтожнымъ личностямъ коварныхъ людей. Когда въ Вѣнѣ началась торговля головами и душами, точно такая же какъ послѣ люневильскаго мира въ Регенсбургѣ и Аугсбургѣ, то Джеферсонъ писалъ тогда, что обычай обращаться съ народомъ произвольно вѣроятно вошелъ въ составъ европейскаго народнаго права; когда въ 1813 году хотѣли вознаградить Данію за отнятіе у ней Норвегіи, то лордъ Понсонби въ Лондонѣ пришелъ въ благородное негодованіе и порицалъ этотъ чисто наполеоновскій поступокъ со стороны противниковъ Наполеона. Отъ самаго лживаго человѣка [31]) конгрессъ долженъ былъ выслушать чистѣйшую истину, что образомъ дѣйствій въ Саксоніи союзники ясно показали, что возможно обращаться съ цѣлымъ народомъ, не спрашивая его желанія; но вѣдь это и есть то ученіе, которое стоило Европѣ столько бѣдствій, крови и слезъ, и она дорогою цѣною купила себѣ право презирать его. Союзники въ своихъ договорахъ до начала войны сами отвергали это ученіе, но при заключеніи мира снова къ

[31]) Записка Талейрана, о саксонскомъ дѣлѣ.

нему возвратились. Въ Вѣнѣ былъ статистическій конгрессъ, но не національный; тамъ точно на фабрикѣ дѣлали государства весьма скоро, но за то непрочно. Монархическая преданность прежнихъ вѣрныхъ подданныхъ, нравственная сила племенъ не имѣли здѣсь никакого значенія; дѣло шло о числѣ головъ и количествѣ податей. Права и независимость народовъ не были уважаемы тамъ, гдѣ онѣ казались неудобными; законность, по словамъ Ботты, соблюдалась только относительно нѣкоторыхъ, а не всѣхъ. Единство языка, не смотря ни на какіе доводы, не было достаточной причиной для возвращенія Эльзаса Германіи. Различіе вѣроисповѣданій не помѣшало насильственному соединенію народовъ и Кестльри утѣшалъ католическихъ бельгійцевъ, управляемыхъ королемъ-кальвинистомъ, тѣмъ, что лютеранская Саксонія довольна была своимъ католическимъ королемъ. Нигдѣ не была принята во вниманіе притягательная и отталкивающая сила національнаго инстинкта, и могучая способность въ нѣкоторыхъ племенахъ къ самостоятельной жизни; англійскій министръ утѣшалъ генуэзцевъ въ потерѣ ихъ самостоятельности тупоумнымъ указаніемъ на спокойствіе и процвѣтаніе торговли въ будущемъ.

Неуваженіе къ національностямъ.

Если союзники при заключеніи мира хотѣли дать прочность своему дѣлу, то они должны были бы обратиться къ источнику и началу всѣхъ золъ, терзавшихъ Европу впродолженіе многихъ лѣтъ, именно къ несправедливому владѣнію государствами чуждыми имъ народностями. И эту мысль высказалъ имъ Талейранъ. Онъ былъ одинъ изъ немногихъ, которые вынесли изъ пережитыхъ ими историческихъ волненій пониманіе новаго духа времени, и онъ могъ высказать здѣсь эту истину, такъ какъ сама Франція сначала лишена была права голоса на вѣнскихъ конференціяхъ. Въ возстановленіи этихъ павшихъ народовъ надобно было искать главнаго средства для уврачеванія настоящихъ золъ. Каждая держава въ отдѣльности должна была сознать справедливость этой мѣры. Такое сознаніе оживилось еще болѣе, когда приближалось время четвертаго раздѣла Польши. Тогда Меттернихъ объявилъ, что онъ готовъ рѣшиться на жертву для возстановленія Польши, и Александръ обѣщалъ тоже, но только подъ условіемъ, чтобы и всѣ прочія государства отказались отъ сдѣланныхъ ими завоеваній. Дипломаты въ Вѣнѣ знали слишкомъ хорошо свѣтъ, чтобы вѣрить въ возможность исполненія такого условія. По обыкновенному политическому взгляду это возвращеніе

неправильныхъ владѣній было просто жертвой, а вовсе не средствомъ для возстановленія прочнаго спокойствія въ Европѣ. Такія жертвы вынуждаются только необходимостью, а поляки въ 1812 году не показали того непреодолимаго стремленія къ возрожденію своей національности, которое сдѣлало бы возстановленіе ихъ страны необходимостью. Когда такимъ образомъ произошло уничтоженіе національностей, то можно уже было не останавливаться передъ другими подобными мѣрами и безбоязненно распоряжаться народами и племенами. Такъ Норвегію, говорящую языкомъ Даніи, соединили съ Швеціей; чтобы вознаградить эту потерю, Данія въ свою очередь принуждена была образовать изъ себя однородное цѣльное государство и сдѣлаться еще несправедливѣе, чѣмъ прежде, къ Шлезвигъ-Голштейну. Такъ же точно монархическій Невшатель соединили съ республиканскимъ Швейцарскимъ союзомъ, какъ будто нарочно хотѣли отказать Швейцаріи въ той однородности, которая нужна была ей, и тѣмъ подали поводъ къ затрудненіямъ и неизбѣжнымъ столкновеніямъ. Такъ же отдали Бельгію Голландіи и почти всѣ безъ исключенія воображали, что это было самое разумное политическое соединеніе; только весьма немногіе изъ проницательныхъ французовъ, русскихъ и нѣмцевъ [32]) уже тогда предсказывали несостоятельность соединенія этихъ государствъ, которыя въ правахъ, въ религіи, въ языкѣ и образѣ жизни такъ различны между собою, и были разъединены даже во время самой сильной потребности союза (противъ Испаніи), оставаясь всегда во враждебныхъ другъ къ другу отношеніяхъ вслѣдствіе торговой конкуренціи. Такъ Генуя подпала подъ тягостное для нея господство стариннаго ея врага, а Сицилія по присоединеніи ея къ Неаполю опять подпала подъ власть деспотическаго государя, не смотря на то, что она такъ часто отдѣлялась отъ Неаполя,—и хотя въ продолженіе трехъ послѣднихъ столѣтій большей частью была съ нимъ связана, но всегда была недовольна этимъ и имѣла отдѣльное управленіе. Ломбардія и Венеція преданы были подъ власть Австріи, хотя старый опытъ доказалъ, что итальянцы всегда готовы сбросить съ себя иго иноплеменныхъ повелителей и согласны даже замѣнить ихъ какими нибудь новыми. Напрасно благоразумные люди предостерегали союзниковъ отъ этихъ соединеній; на ихъ совѣты не

[32]) Къ нимъ принадлежалъ Финке. См. его жизнеописаніе Бодельшвинга, 1,542.

обращали вниманія. Союзники хотѣли искоренить революцію, а вмѣсто того своими мѣрами въ Парижѣ и въ Вѣнѣ они, какъ Наполеонъ съ радостью предвидѣлъ, еще глубже вкореняли ее. Нѣсколько лѣтъ спустя, исполнились не только Штейновы предсказанія относительно Польши, но и Бельгія снова отдѣлилась отъ Голландіи; при каждомъ итальянскомъ движеніи въ Генуѣ происходили волненія, а въ Сициліи—возстанія; Ломбардія въ 1848 году почти совершенно отдѣлилась отъ Австріи, а Невшатель до сихъ поръ находится въ зависимости отъ Пруссіи; устройство Норвегіи всегда подвергалось опасности отъ законнаго вмѣшательства, а права Шлезвигъ-Голштейна отъ незаконныхъ притязаній. Въ Вѣнѣ опасались, даже желали, чтобы и въ Саксоніи продолжались подобныя неудовольствія и волненія; но здѣсь однако ихъ не было. Въ Германіи патріотическія чувства стали все болѣе и болѣе брать перевѣсъ надъ монархическими и сепаратистскими и, не смотря на странные обмѣны земель и неестественныя соединенія ихъ, патріоты тѣсно соединились въ своихъ надеждахъ на общее отечество.

Всеобщія обѣщанія дать государствамъ конституціонное устройство.

Такимъ образомъ власть и области раздѣлены были несправедливо между различными государствами; подобно этому и самое употребленіе власти внутри государствъ было несправедливо. Правда, государи во время конгресса, казалось, сознавали, что они поступили несправедливо, уничтоживъ независимость стольких государствъ и племенъ, и они повидимому хотѣли вознаградить эту потерю внѣшней самостоятельности сохраненіемъ національности, внутренней свободы и народныхъ учрежденій. Всѣ уроки послѣдняго времени указывали на подобную систему внутренняго управленія, какъ на неизбѣжную необходимость. Въ XVIII столѣтіи всѣ старались о сосредоточеніи правленія, власти и законодательства въ одномъ лицѣ; теперь все стремилось къ раздѣленію, къ народному представительству и къ тому, чтобы дать народу участіе въ общественныхъ его дѣлахъ. Наполеонъ довелъ до послѣдней крайности систему XVIII вѣка, но наконецъ самъ отказался отъ нея, когда понялъ, что между крайностями республиканскаго и самодержавнаго порядка конституціонная форма есть настоящая средина, которая можетъ излечить политическую болѣзнь времени. Онъ совѣтовалъ своему брату въ Испаніи принять конституцію кортесовъ, а въ Варшавѣ онъ самъ ввелъ конституцію, которая внушила и Александру его польскіе пла-

ны. Сами союзники обѣщали народамъ, которыхъ они призывали къ независимости, сохранить ихъ внутреннюю свободу и конституціонныя права и, казалось, хотѣли сдержать свое слово. Такъ Александръ далъ Польшѣ „существованіе“ и конституцію; при окончаніи польскихъ дѣлъ Кестльри рекомендовалъ Россіи, Пруссіи и Австріи, чтобы онѣ національными учрежденіями вознаградили Польшу за потерю самостоятельности. Разсчитывая на всю Саксонію, Пруссія возставала противъ раздробленія ея, и обѣщала Саксоніи сохраненіе ея правъ и особыхъ учрежденій. Бельгіи было обѣщано участіе въ пользованіи голландской конституціей и въ знакъ ея равноправности съ Голландіей было постановлено, чтобы мѣстопребываніе правительства и государственныхъ сословій было попеременно въ столицахъ обѣихъ странъ. Въ высшей степени либеральная конституція Норвегіи была признана Швеціей. Сицилія получила конституцію подъ покровительствомъ Англіи и это покровительство, казалось, ручалось за прочность конституціи. Соединеніе Генуи съ Сардиніей Кестльри сравнивалъ съ соединеніемъ Англіи съ Ирландіей. Французскіе посланники однако спросили его, въ какомъ же парламентѣ будутъ засѣдать генуэзцы? Они получили только одну свободную гавань, совѣщательные провинціальные совѣты, городской совѣтъ съ 80-ю членами на половину изъ дворянъ и изъ прочихъ гражданъ, которые хотя избирались самимъ совѣтомъ, но были утверждаемы королемъ; эти условія были утверждены за Генуей особеннымъ дополнительнымъ актомъ къ вѣнскимъ договорамъ. Союзники обезпечили Испаніи ея конституцію, а сохраненіе гражданской свободы во Франціи считали лучшею порукою за прочность новаго порядка вещей. Въ Пруссіи обѣщано было[1] народу представительство, и въ актахъ союза говорилось, что конституція будетъ введена во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ. Одна только Австрія, за исключеніемъ неопредѣленныхъ обѣщаній нѣмецкимъ землямъ, не подавала никакихъ прямыхъ надеждъ на конституцію; за то, какъ оказалось впослѣдствіи, она обманула своихъ подданныхъ менѣе, чѣмъ другія государства своихъ. Вся исторія послѣдующаго времени есть разсказъ о всеобщемъ нарушеніи данныхъ обѣщаній, въ которомъ въ большей или меньшей степени сдѣлались виновными всѣ правительства и всѣ государи. Какъ при заключеніи мира въ Парижѣ и Вѣнѣ, какъ только миновала опасность войны, они нарушили свое первое обѣщаніе національной независимости, такъ и теперь, когда бы-

[1] 22 мая 1815.

ло обезпечено общее спокойствіе, они не сдержали своего втораго обѣщанія относительно національнаго устройства и свободнаго правленія. Несчастія научили ихъ благоразумію; когда прекратились первыя, тогда не стало у нихъ и послѣдняго. Обѣщанныя конституціи или не были даны вовсе, или даны изуродованныя; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ медлили приводить ихъ въ дѣйствіе, а въ другихъ дали конституцію, но потомъ снова ее отняли.

Наполеоновскій характеръ Вѣнскаго мира.

Если спросить, были ли какія нибудь общія твердыя основанія и политическія убѣжденія въ этихъ мѣрахъ внѣшняго и внутренняго порядка европейскихъ государствъ, то на первый взглядъ факты даютъ отрицательный отвѣтъ на вопросъ. Одинъ только Талейранъ въ своихъ запискахъ представляетъ обстоятельное обсужденіе тогдашняго положенія вещей и тѣхъ задачъ, которыя изъ него вытекали. Онъ ввелъ въ союзную дипломатію изобрѣтенный имъ принципъ „легитимности", болѣе въ интересѣ своего двора, чѣмъ своего отечества, и производилъ имъ чарующее впечатлѣніе, какое свойственно всякой рѣзко выраженной, вѣрной обстоятельствамъ, и хотя односторонней, но основательной мысли. Талейранъ понималъ этотъ принципъ болѣе поверхностно, чѣмъ Фуше, который тогда уже предвидѣлъ, что это прекрасное слово есть только новый, священный предлогъ къ новымъ угнетеніямъ и выразилъ желаніе, чтобы оно стоило міру меньше слезъ, чѣмъ другое прекрасное слово „равенство". Этимъ своимъ принципомъ легитимности Талейранъ далъ Меттерниху и всему послѣдующему времени, ознаменованному его вліяніемъ, лозунгъ и политическій масштабъ, по которому должны были измѣряться и судиться всѣ событія. Поэтому во все это время можно замѣтить извѣстное, опредѣленное направленіе, совершенно противоположное предшествовавшему времени и выдерживаемое съ большою послѣдовательностью: если Наполеонъ былъ представителемъ принциповъ революціи, войны и завоеваній, то Меттернихъ сталъ представителемъ принципа законности, мира и охраненія. Только во время самаго заключенія мира не было такой основательной, опредѣленной политики и казалось, что одни только побудительныя причины корыстолюбія и борьба сталкивавшихся эгоизмовъ рѣшали судьбу государствъ и народовъ. Какъ бы то ни было, въ этомъ спорѣ противуположныхъ интересовъ и дѣйствій союзниковъ видно одно общее начало, довольно опредѣлительно обозначившееся. Но оно не вы-

текало изъ какого нибудь политическаго убѣжденія, а было вызвано необходимостью и обстоятельствами и преимущественно примѣромъ великаго человѣка, находившагося въ такихъ же условіяхъ, какъ союзники. Со времени возстанія испанцевъ Наполеонъ желалъ употребить и противъ Россіи оружіе возмущенія въ Польшѣ; союзники употребили это оружіе противъ него самаго. Наполеонъ съ того времени узналъ, что въ народахъ есть національная сила; на нее разсчитывали союзники и возбуждали ее своими обѣщаніями. Узнавши силу народовъ, Наполеонъ захотѣлъ дать имъ нѣкоторыя права и свободу,—и союзники увидали необходимость сдѣлать тоже самое. Но только опасности и нужды заставили Наполеона сдѣлать эти уступки, которыя были ему противны,—и въ союзникахъ дѣйствовали тѣже побужденія. Наполеонъ, съ весьма немногими исключеніями, велъ войну со всѣми старыми династіями, ослабилъ ихъ могущество, лишилъ ихъ власти; союзники съ своей стороны были неумолимы къ государствамъ, созданнымъ Наполеономъ. У Наполеона было обыкновеніе, для защиты себя отъ сильныхъ враговъ, ставить предъ ними въ видѣ укрѣпленія увеличенныя второстепенныя государства; и это военное ученіе было принято въ соображеніе союзниками при преобразованіи Сардиніи и Нидерландовъ. Но Наполеонъ никогда не увеличивалъ этихъ государствъ до такой степени, чтобы они могли быть опасны для него самаго; такъ поступали и союзники. Питтъ смѣло совѣтовалъ отдать Голландію Пруссіи, а Сардинію не только увеличить Генуей, но и Ліономъ и Дофинэ; такова была дѣйствительно великая мысль этого государственнаго человѣка; но что было сдѣлано союзниками въ 1814 году относительно Пруссіи и Сардиніи кажется вынужденною мѣрою узкихъ умовъ. По плану Питта дѣйствительно образовались бы два настоящія укрѣпленія, Пруссія сдѣлалась бы именно великой державой, а Сардинія усилилась бы ослабленіемъ Франціи; а то, что сдѣлали союзники съ этими державами, скорѣе ослабило, нежели усилило ихъ; Голландія и Піемонтъ не сдѣлались сильнѣе и значительнѣе противъ прежняго, когда они были малы и имѣли однородный составъ. Далѣе система Наполеона требовала, чтобы могущественныя государства старались устраивать не столько сильныя укрѣпленія другъ противъ друга, сколько широкія стѣны, раздѣляющія ихъ между собою. Наполеону служили для этого Швейцарія и Рейнскій

союзъ, онъ ихъ раздѣлилъ и держалъ слабыми, чтобы имѣть ихъ въ своей зависимости. Такъ точно поступили союзники. Было бы легко воздвигнуть противъ Франціи сильный нѣмецкій валъ, если бы Пруссія подвинулась къ сѣверному морю и если бы ей даны были твердые пункты защиты, весьма необходимые для ней по суду всѣхъ знатоковъ военнаго дѣла, какъ-то Майнцъ, Люксембургъ, Люттихъ и крѣпости по Маасу,—вмѣсто того чтобы оставить, какъ сдѣлано было союзниками, Эльзасъ за Франціей, раздѣлить лѣвые берега Рейна между однимъ полунѣмецкимъ и тремя нѣмецкими государями и отрѣзать изъ бывшаго департамента Саары клочокъ для Ольденбурга и Стрелица, для Кобурга, Гомбурга и Папенгейма. Но это еще не всѣ и не самыя важныя дѣйствія союзниковъ, въ которыхъ замѣтно сильное вліяніе Наполеоновскаго примѣра. Съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ сталъ защищать дѣло монархизма, въ Европѣ исчезли республики одна за другою; союзники также не могли ихъ терпѣть. Польша, прежде родъ аристократической республики, потомъ Наполеоновское государство, подъ этими двумя титулами была обречена на гибель; Венеція, Генау, Лукка, Голландія и всѣ имперскіе города исчезли; изъ республикъ сохранились только маленькое Санъ-Марино и Швейцарія; но и въ Швейцаріи единственный сильный округъ Вернъ былъ лишенъ власти надъ Ааргау и Ваатландомъ. Союзники одинаково враждебно относились въ этихъ государствахъ какъ къ республиканскимъ формамъ, такъ и къ аристократическимъ корпораціямъ. Республиканскія формы представляютъ болѣе препятствій вмѣшательству иноземныхъ властителей, чѣмъ дворы и монархи, а замкнутая аристократія со дня на день оказывалась несообразнѣе съ идеями и потребностями новаго времени. Потому ни въ чемъ союзники не были такъ вѣрны Наполеоновской политикѣ, какъ въ устраненіи духовной, полудуховной и свѣтской аристократіи. Римскій дворъ испыталъ это на себѣ больше всѣхъ; напрасно папа протестовалъ противъ договоровъ вѣнскаго конгресса, сильно вредившихъ его церкви и государству, какъ нѣкогда его предшественники протестовали противъ рѣшенія Вестфальскаго мира. Напрасно требовалъ онъ[1] съ увѣренностью, съ давнимъ высокомѣріемъ куріи и съ обыкновеннымъ римскимъ неуваженіемъ къ силѣ обстоятельствъ, возстановленія священной римской имперіи, какъ „освященнаго религіей центра политическаго

[1] 17 нояб. 1814.

единства", также возстановленія духовныхъ государствъ въ Германіи и возвращенія церковныхъ земель. Авиньонъ, Венессинъ и лѣвый берегъ По, не смотря на всѣ возраженія, были отдѣлены отъ церковной области; отнятыя отъ церкви земли въ Германіи также не были ей возвращены. Напрасно Вессенбергъ хлопоталъ о всеобщемъ нѣмецкомъ конкордатѣ съ папою или по крайней мѣрѣ о такой статьѣ въ договорномъ актѣ, которая бы предоставляла церкви ея прежнія епископства, организацію, обезпечивающую ея права и участіе въ земскомъ представительствѣ черезъ своихъ представителей. Напрасно многіе изъ духовныхъ, называвшіе себя въ Вѣнѣ „ораторами" католической нѣмецкой церкви, старались помочь тому же дѣлу своими докладными записками и личною дѣятельностью. Напрасно нѣмецкій орденъ стремился къ возстановленію себя и своихъ владѣній, а мальтійскій заботился о вознагражденіи себя островомъ Корфу, что̀ могло бы имѣть слѣдствіемъ вассальныя отношенія греческихъ христіанъ къ папѣ. Напрасно имперскіе чины дѣлали представленія о своемъ возстановленіи въ прежнихъ правахъ и владѣніяхъ, какъ было въ 1805 году; напрасно княгиня Фюрстенбергъ во главѣ особой депутаціи упрашивала императора Франца о принятіи имъ прежняго императорскаго достоинства, которое возвратило бы императорскимъ князьямъ и принцамъ ихъ прежнія права, по крайней мѣрѣ право представительства въ союзѣ.

Это послѣднее желаніе возстановленія Германской имперіи было еще неисполнимѣе, чѣмъ другое желаніе возстановленія правъ имперскихъ князей; потому что еслибы оно исполнилось, то Германія получила бы сильное союзное устройство и эта центральная страна Европы сдѣлалась бы новой могущественнѣйшей державой въ самой выгодной позиціи. Въ этомъ усиліи народа мирнаго, неспособнаго и не привыкшаго къ политическому насильственному вмѣшательству безспорно лежало бы вѣрное ручательство продолжительнаго равновѣсія и общаго спокойствія Европы. Но къ такому дѣлу не нашлось тогда достаточно доброй воли и зрѣлаго пониманія ни у нѣмцевъ, ни у иностранцевъ, ни у друзей, ни у враговъ.

В. Государственное устройство Германіи.

Германскій комитетъ.

Послѣднія событія, показавшія отчего ослабѣла и пала нѣмецкая имперія, раздѣленіе Сѣвера съ Югомъ, образованіе Вестфальскаго королевства и Рейнскаго союза подъ верховной властью Франціи,—все это заставило великія державы подумать о прочномъ устройствѣ порядка въ этой центральной странѣ Европы. Всѣ увидѣли, что независимость Германіи отъ другихъ державъ есть одна изъ главныхъ гарантій спокойствія всей Европы; потому еще въ Бартенштейнской конвенціи (1807 г.) между Россіей и Пруссіей было условлено образовать изъ всей Германіи федеративное государство, подобное Рейнскому союзу, и поставить его подъ уравновѣшенное вліяніе Австріи и Пруссіи. Эта мысль принята была во время переговоровъ въ Шомонѣ и Парижѣ. Далѣе увидѣли, что для спокойствія Европы необходимо и внутреннее устройство Германіи, необходимо національное соединеніе племенъ, которое бы удовлетворило политическимъ потребностямъ, честолюбію и самодержавной свободѣ каждаго отдѣльнаго государства. Вліятельные министры Пруссіи и графъ Мюнстеръ, представитель Англіи и Ганновера, при каждомъ случаѣ говорили въ этомъ смыслѣ, а Каподистрія внушилъ Штейново мнѣніе о союзномъ устройствѣ даже самому русскому императору. По всѣмъ этимъ даннымъ можно было надѣятся на свободную конституцію и прочное союзное устройство. Хотя въ Шомонѣ всѣ были согласны въ томъ, чтобы не возстановлять императорскаго достоинства, но это не могло быть препятствіемъ къ учрежденію сильнаго федеративнаго союза, который могъ бы существовать и безъ императорской главы; ничто не помѣшало бы даже перемѣнить и это рѣшеніе, ибо изъ четырехъ великихъ державъ три были заинтересованы въ этомъ дѣлѣ, а Россія была здѣсь безпристрастна и одинаково могла одобрить планы союзнаго устройства съ императорской властью и безъ оной. Александръ, казалось, совершенно былъ готовъ, во всемъ, что касалось Германіи, слѣдовать планамъ Штейна. По старанію Штейна тотчасъ же по открытіи конгресса дѣло Германіи было отдѣлено отъ общихъ европейскихъ дѣлъ, и изъ пяти королевскихъ кабинетовъ (исключая Саксоніи) образовался особый германскій комитетъ, который постановлялъ рѣшенія, соображаясь

14 октября.

съ правомъ, обстоятельствами и съ договорами между союзниками и маленькими государствами, обязавшимися подчиниться тѣмъ новымъ порядкамъ, которые будутъ установлены въ Германіи. Подъ предлогомъ устраненія зловреднаго вліянія Франціи, этимъ учрежденіемъ особаго комитета Штейнъ хотѣлъ устранить и русское вліяніе. Нѣмцы могли сами совѣщаться между собою о благѣ Германіи и, казалось, ничто не мѣшало теперь исполненію Калишскаго обѣщанія, что Германія создастъ сама для себя конституцію изъ глубины своего народнаго духа. Можно было надѣяться, что нѣмецъ, не меньше русскаго, убѣдится, что „чѣмъ рѣзче въ главныхъ чертахъ и опредѣленнѣе рѣшится это дѣло, тѣмъ сильнѣе и обновленнѣе выступитъ Германія въ среду европейскихъ народовъ [33])“. Но къ стыду Германіи вышло иначе; Штейнъ долженъ былъ призывать на помощь открыто и тайно вмѣшательство отстраненной имъ Россіи противъ недостатка патріотизма въ нѣмецкихъ государяхъ и министрахъ,—что прибавило къ прежней бѣдѣ еще новую. Довольно было и того, что Россія являлась спасительницей Германіи и умѣла такъ хорошо вознаградить себя за эту услугу и что ей въ самомъ Калишскомъ воззваніи предназначалась роль покровительницы Германскаго союзнаго устройства. Вмѣсто освобожденія непривыкшаго къ самостоятельности нѣмецкаго народа, одно иго, какъ предсказывалъ Гёте (въ разговорѣ съ Луденомъ), было замѣнено другимъ; и какъ во время войны „красавицы обнимали людей и лошадей“, пришедшихъ съ запада, такъ во время праздниковъ мира въ Вѣнѣ, когда русскій императоръ пилъ за здравіе Германіи, газеты умилялись „предъ этимъ небывалымъ зрѣлищемъ въ исторіи Германіи, которое едва ли когда нибудь повторится!“ При этой наклонности къ подчиненію въ разъединенномъ и политически несовершеннолѣтнемъ народѣ, вдвойнѣ было вредно, что Штейнъ допустилъ русское вліяніе, безъ того уже сильное договорами съ Пруссіей и родственными связями съ Веймаромъ, Ольденбургомъ, Баденомъ и Виртембергомъ, не только на дѣла внутренняго устройства и порядка наслѣдованія въ этихъ отдѣльныхъ государствахъ, но и на общее дѣло германской федераціи, которая по желанію самаго же Штейна должна была остаться вполнѣ независимою.

[33]) Слова Калишскаго воззванія 25 марта 1813 г.

Трудность вопроса о государственномъ устройствѣ Германіи.

Самый вредъ этого вліянія обнаружился не при самомъ установленіи нѣмецкаго союзнаго устройства, а гораздо позже. Промахи и ошибки, сдѣланныя въ этомъ устройствѣ на Вѣнскомъ конгрессѣ, произошли отъ самаго матеріала, который требовалъ много работъ, отъ трудныхъ, почти непреодолимыхъ препятствій и отъ личныхъ качествъ нѣмецкихъ министровъ, занимавшихся этимъ дѣломъ. Уклончивое поведеніе Австріи въ дѣлѣ союзнаго устройства, зависть обѣихъ великихъ державъ, изолированное положеніе Ганновера, притязанія государей Рейнскаго союза представляли трудности, съ которыми едва ли справились бы люди даже болѣе способные, чѣмъ тѣ, которые занимались нѣмецкими дѣлами въ Вѣнѣ. Между ними Штейнъ стоялъ за возможно сильное устройство союза; колебаться между различными цѣлями было не въ его характерѣ; однако и онъ, вслѣдствіе разныхъ препятствій и затрудненій, не менѣе подвижнаго Прусскаго посольства, бросался отъ одного плана къ другому, отъ самыхъ крайнихъ требованій и предположеній къ самымъ умѣреннымъ. Даже и при этихъ умѣренныхъ планахъ никто не былъ доволенъ ихъ результатомъ, кромѣ прирейнскихъ противниковъ германскаго единства, которые меньше всѣхъ имѣли право высказывать свою волю, и иностранныхъ державъ, въ пользу которыхъ дѣйствовалъ нѣмецкій конгрессъ почти безъ всякихъ стараній съ ихъ стороны.

Различные планы государственнаго устройства.

Можно насчитать пять совершенно различныхъ цѣлей, которыя преслѣдуемы были при новомъ устройствѣ Германіи до конгресса и во время самыхъ совѣщаній. Одинъ за другимъ являлись планы устроить изъ Германіи то одно государство, то два или пять, то нѣсколько отдѣльныхъ государствъ съ одной главой, пока наконецъ не былъ принятъ планъ союза изъ многихъ отдѣльныхъ государствъ безъ одной главы и безъ единичной опоры.

Планъ Штейна — устроить одно государство.

Планъ Германскаго государственнаго единства былъ любимою мечтою Штейна, который съ 1812—14 пользовался, благодаря своимъ отношеніямъ къ русскому императору, такимъ вліяніемъ на политическія дѣла, какого не имѣлъ еще ни одинъ частный человѣкъ безъ должности и оффиціальнаго положенія. Разсматривая исторію Германіи, онъ вмѣстѣ съ другими патріотами глубоко сожалѣлъ, что развитіе Германіи шло не такъ, какъ развитіе другихъ единодержавныхъ государствъ, которыя соединили все свое достояніе нераздѣльно въ однихъ рукахъ. Опасное сосѣдство сильныхъ го-

сударствъ, которое давно должно было принудить Германію къ тѣсному государственному соединенію, и на этотъ разъ повредило этой разъединенной странѣ. Въ это время глубокаго паденія Германіи Штейнъ съ чувствомъ гнѣва, заглушавшимъ всѣ другія чувства, увидѣлъ, какъ много терпитъ эта страна, положеніе которой при двухъ моряхъ съ большими рѣками въ центрѣ Европы обѣщаетъ ей большую силу и значеніе, отъ того, что она не составляетъ одной націи и одного государства, что ей не достаетъ крѣпкаго организма, который во всѣхъ національностяхъ дѣйствуетъ какъ несокрушимая отталкивающая сила противъ всякаго внѣшняго давленія. Штейнъ давно зналъ по опыту, что жизнь въ маленькихъ государствахъ съуживаетъ взгляды человѣка, портитъ характеръ и дѣлаетъ его мелочнымъ,—что у разъединеннаго народа безъ всеобщихъ великихъ интерессовъ нѣтъ ни общественнаго духа, ни широкихъ національныхъ надеждъ, ни основательнаго политическаго образованія, ни общественнаго мнѣнія, ни практическаго смысла, ни воинственнаго духа, однимъ словомъ ни одной пружины къ славѣ и великимъ дѣламъ. Потому онъ рано перешелъ на сторону Пруссіи, послѣ того какъ ему опротивѣла жизнь въ мелкихъ государствахъ и непріятности между мелкими государями и имперскимъ дворянствомъ, къ которому онъ принадлежалъ. Ему непріятно было насиліе, съ которымъ государи Рейнскаго союза завладѣли помѣстьями этого дворянства (Нассау было владѣніемъ Штейна); но онъ съ удовольствіемъ принесъ бы эту жертву самостоятельности Германіи, если бы можно было подчинить имперское дворянство, вмѣстѣ со всѣми государями, Пруссіи и Австріи; онъ молилъ провидѣніе (въ 1804 г.), чтобы дожить ему до этого. 1813 годъ подавалъ ему надежды на исполненіе его желаній. Мѣра насилія и предательства была переполнена государями Рейнскаго союза. Раздраженіе Штейна не находило достаточно сильныхъ выраженій для порицанія ихъ поведенія. Онъ признавалъ восторженнымъ союзъ этихъ „титулованныхъ рабовъ и намѣстниковъ“ съ ихъ подданными; онъ отказывалъ имъ въ правѣ на ихъ титулы и владѣнія, не обращая вниманія на то, противились ли они или способствовали освобожденію Германіи. Онъ не видѣлъ ни одного препятствія къ полному приложенію къ нимъ завоевательнаго права и желалъ бы перевести ихъ изъ положенія „наслѣдственныхъ префектовъ“ въ

болѣе почетное положеніе членовъ совѣта цѣлой націи. Въ Калишскомъ воззваніи (сочиненномъ Карломъ Мюллеромъ безспорно по внушенію Штейна) слышится это радостное чувство возмездія въ словахъ, которыми предлагается низложить государей, желающихъ остаться въ сторонѣ отъ общаго германскаго дѣла. Побуждаемый этой идеей единства, Штейнъ желалъ, чтобы низложены были мелкіе германскіе государи при вступленіи въ ихъ земли русскихъ войскъ и чтобы надъ этими занятыми землями было учреждено центральное управленіе, которому первоначально онъ подчинялъ даже и Баварію. Этимъ путемъ дѣйствительно можно было бы проложить путь къ единству Германіи. Притомъ Штейнъ былъ человѣкъ, который войну, миръ, договоръ, конституціи и все вообще направлялъ къ этой одной цѣли. Если бы была возможность, онъ не сталъ бы искать помощи въ германскихъ государяхъ цѣною Ридскаго и подобныхъ ему договоровъ, которые онъ проклиналъ; онъ бы на всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ показалъ примѣръ, который желалъ дать Саксоніи. Онъ боялся возстановленія Германіи временъ Вестфальскаго мира, когда чуждая воля и мѣстный духъ партій образовали государственное ея устройство. Въ этомъ смыслѣ онъ проповѣдывалъ графу Мюнстеру единство Германіи, „какъ свое евангеліе“, чтобы видѣть свое отечество сильнымъ между Франціей и Россіей. Онъ смѣялся надъ тѣми правами, которыя уничтожались по его плану; ему было все равно, кто будетъ господиномъ Германіи—Пруссія или Австрія; „то и другое хорошо, писалъ онъ Мюнстеру, лишь бы только исполнилось“. Но этими словами онъ самъ произнесъ смертный приговоръ своему плану. Такъ благородно и съ такою энергіею и силою собственнаго сознанія стоялъ Штейнъ совершенно одинокъ. Никто бы не осмѣлился, какъ онъ предлагалъ, вести войну съ Наполеономъ, устранивъ отъ себя всѣхъ ненадежныхъ союзниковъ; никто не раздѣлялъ его преувеличенныхъ понятій о силѣ Пруссіи и Россіи, которая, какъ это зналъ хорошо Гнейзенау, была истощена въ средствахъ еще въ концѣ 1812 г.; всѣ боялись не воспользоваться помощью прежнихъ товарищей Наполеона въ Швеціи и Неаполѣ и помощью маленькихъ государей Германіи. Счастье такъ долго благопріятствовало Наполеону, что даже въ 1815 г. сомнѣвались, оставило ли оно его навсегда. Подчиненіе нѣмецкихъ государствъ одной главѣ

было невозможно, потому что въ Теплицѣ было рѣшено поддерживать ихъ независимость. Графъ Мюнстеръ представлялъ Штейну (Гнейзенау былъ того же мнѣнія), что вся Европа возстанетъ противъ такого плана, и это поведетъ къ новой 30-ти лѣтней войнѣ. И дѣйствительно, несправедливость, заключащаяся въ исполненіи этого плана, была бы самымъ справедливымъ поводомъ къ такой войнѣ. Если бы Австрія и Пруссія въ 1805 и 1806 г. и были настолько сильны, чтобы во время всеобщей измѣны нѣмецкихъ государствъ поймать на мѣстѣ преступленія мелкихъ государей и низвергнуть ихъ вмѣстѣ съ ихъ провителемъ, тогда можно было бы и справедливо отнять у нихъ владѣнія, не смотря на свои собственные прежніе грѣхи. Но послѣ 1812 г., когда Пруссія и Австрія, по презрительному выраженію самого Штейна, Гнейзенау и Мюнстера, ползали за побѣдною колесницею Наполеона не хуже мелкихъ государей и, подобно послѣднимъ, отложились отъ него только тогда, когда побѣдоносные враги его стояли на границахъ Германіи; послѣ того, когда народъ и войско въ Пруссіи, также точно какъ и въ мелкихъ государствахъ, раньше оставили Наполеона, чѣмъ самъ король,—по какому праву слѣдовало наказывать маленькихъ государей за то, что они относительно своего благодѣтеля вели себя точно также, какъ великіе государи относительно своего врага и притѣснителя!

Планы—устроить изъ Германіи два государства.

Штейнъ впрочемъ самъ чувствовалъ всю необъятную трудность выполненія своего плана, внушеннаго страстью и политическимъ идеализмомъ,—и много непріятностей было бы устранено, если бы онъ никогда не обнаруживалъ его. Въ минуты спокойствія и разсудительности, Штейнъ ясно сознавалъ невозможность возстановленія Гогенштауфенской имперіи, и тутъ-же искалъ другаго „выхода изъ этого положенія“ или перехода къ чему нибудь. Этотъ переходъ онъ полагалъ въ одномъ планѣ, который былъ весьма противоположенъ намѣреніямъ Пруссіи, именно въ планѣ раздѣленія всей Германіи между Австріей и Пруссіей. Этотъ планъ, безъ сомнѣнія, могъ возникнуть только послѣ того, какъ прусское оружіе въ 1813 г. покрыло себя славой. Но и при этомъ планѣ Штейнъ ни на минуту не останавливался на мысли о двухъ совершенно единодержавныхъ государствахъ; Ганноверъ не могъ быть лишенъ самостоятельности, а Баварія такъ усилилась, что еще въ

концѣ 1814 г. Нибуръ, пруссакъ, считалъ ее, въ случаѣ ея союза съ Евгеніемъ и Мюратомъ, противникомъ равносильнымъ Австріи. Поэтому Штейнъ долженъ былъ примириться съ существованіемъ этихъ двухъ и другихъ второстепенныхъ государствъ, но ему сильно хотѣлось привести ихъ въ границы 1802 г. и въ союзное подчиненіе Австріи и Пруссіи. Этимъ проектомъ воспользовалась Австрія во время Теплицкихъ переговоровъ съ тою хитрою ловкостью, которой Меттернихъ показалъ столько примѣровъ. Если нѣтъ на это опредѣленныхъ свидѣтельствъ, то ясно говорятъ за это факты. Австрія, опираясь на мысль раздѣленія вліянія между двумя державами, достигла того, что Пруссіи предоставлено было заключеніе договоровъ съ сѣверными, а ей самой—съ южными государствами Германіи. Со стороны Пруссіи это была самая неразумная уступка, потому что бо̀льшая часть сѣверной Германіи навѣрное и безъ того принадлежала бы ей, а на Ганноверъ она не могла имѣть никакого вліянія. Когда Баварія въ 1813 г. хотѣла по своимъ прежнимъ отношеніямъ къ Пруссіи начать съ ней переговоры о своемъ участіи въ войнѣ, то Пруссія на основаніи послѣдняго соглашенія весьма честно указала ей обратиться къ Австріи. Пруссія лишилась этимъ съ обычной необдуманностью своего прежняго приверженца, которому покровительствовала, и потеряла свою естественную союзницу внутри Германіи. Австрія въ Ридскомъ и другихъ договорахъ дѣлала все, чтобы навсегда нарушить этотъ союзъ Пруссіи съ Баваріей и привязать къ себѣ Баварію. Когда же это было достигнуто, Меттернихъ не хотѣлъ уже слышать о Прусскомъ королевствѣ и прусскомъ вліяніи въ германскомъ союзѣ; онъ очень ясно и положительно сказалъ[1] въ Вѣнѣ Гарденбергу, что его императоръ не желаетъ раздѣленія Германіи на Сѣверъ и Югъ, хочетъ полнаго единства союза и увѣренъ теперь, что осуществитъ его на дѣлѣ. Когда это единство не было установлено, то въ Шомонѣ, какъ мы уже видѣли, было рѣшено, что Германія получитъ союзное устройство, и Штейнъ поспѣшилъ представить тутъ же въ Шомонѣ краткій проектъ его [34]). Было весьма странно, и это показываетъ недостатокъ основательности въ планахъ даже самаго Штейна, что онъ не предложилъ сейчасъ же возстановить импера-

[1] Въ окт. 1814.

[34]) Pertz, Steins Leben, 3, 718. Также Denkwürdigkeiten des Grafen Münster

торское достоинство для сохраненія возможнаго единства; онъ уже предлагалъ это въ срединѣ 1813 года и стоялъ потомъ за свой планъ съ обычной горячностью. Но его Шомонскій планъ склонялся скорѣе къ устройству четырехъ державъ, а второй проектъ, въ которомъ онъ согласился съ Гарденбергомъ во Франкфуртѣ [35]), снова предлагалъ раздѣленіе власти между двумя великими державами. По этому послѣднему плану, состоявшему изъ 41 статьи, союзъ долженъ былъ образоваться изъ трехъ частей, Австрія могла войти въ него только передними своими частями, даже безъ эрцгерцогства, Пруссія своими странами по сю сторону Эльбы, чтобы по возможности однородныя земли получили одинаковое устройство. Обѣ державы должны были заключить съ нѣмецкою федераціею ненарушимый союзъ и гарантировать его неприкосновенность и устройство, которому они сами въ бо́льшей части своихъ владѣній не обязаны были подчиняться. Это устройство дало бы сильное союзное государство съ представительствомъ, съ обезпеченіемъ мѣстныхъ конституцій и либеральными началами, которыя были бы введены и въ земляхъ Австріи и Пруссіи, вошедшихъ въ федерацію. Главное управленіе должно было быть двойственное, такимъ образомъ, что Австрія получила бы предсѣдательство, а Пруссія, въ качествѣ канцлера, какъ прежде въ имперіи курфирстъ Майнцскій, управляла бы веденіемъ дѣлъ. Союзное федеративное государство съ сильнымъ, самостоятельнымъ устройствомъ вступило бы такимъ образомъ въ международный союзъ съ двумя великими державами, совершенно другаго устройства, и подпало бы подъ ихъ двойное вліяніе. Третья часть владѣній Пруссіи вошла бы въ составъ этого союза, и она лишилась бы такимъ образомъ навсегда внутренняго своего единства; тогда какъ изъ владѣній Австріи не входило въ союзъ даже и двадцатой доли, но за то она имѣла внѣ союза архимедову точку опоры и рычагъ силы, чтобы давать чувствовать союзу свое, чуждое ему вліяніе. А чтобы Австріи легче было обращаться съ этой массою, ей было предоставлено имѣть въ союзѣ три голоса (въ совѣтѣ окружныхъ начальниковъ), — столько, сколько и Пруссіи, болѣе заинтересованной въ союзѣ; такъ что вмѣстѣ съ Пруссіей Австрія имѣла 6 голосовъ, —

Іюль 1814.

---

[35]) Pertz, Steins Leben 4, 49.

болѣе чѣмъ всѣ другіе (5) члены союза. Къ этому странному, пестрому союзу предполагалось пригласить Швейцарію и Нидерланды. Такіе неестественные, болѣзненные проекты могли возникнуть только въ такой политически хилой странѣ, какъ Германія. Но странно то, что они принадлежали самому лучшему и благомыслящему государственному человѣку Германіи. Безъ сомнѣнія, и самая мысль о подчиненіи союза двойственному вліянію двухъ соперничествующихъ державъ съ трудомъ возникла бы даже и въ Германіи въ другое время; но теперь она явилась, конечно, вслѣдствіе того, что въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ всѣ видѣли, какъ изъ разногласія Австріи и Пруссіи происходили несчастія и бѣдствія, а изъ согласія ихъ—побѣда и счастіе. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ 1805 и 1806 годовъ было принято въ Бартенштейнскомъ договорѣ уничтожить всякій поводъ къ зависти между Австріей и Пруссіей, возстановить между ними прочный союзъ и предоставить въ опредѣленныхъ границахъ той и другой участіе въ управленіи нѣмецкимъ союзомъ для общей защиты отечества. Съ этого времени союзъ и согласіе обѣихъ державъ, при отсутствіи котораго Германія такъ много страдала въ 1809 году, сдѣлались политическимъ убѣжденіемъ всякаго нѣмецкаго патріота. Но Штейну и Гарденбергу не приходило въ голову дать этому союзу прочность, обязавъ въ своемъ проектѣ обѣ державы такимъ же ненарушимымъ договоромъ, какъ и членовъ конфедераціи; новый разрывъ между этими державами, происшедшій въ ноябрѣ 1814 года, казался имъ въ іюлѣ невозможнымъ. Вслѣдствіе такой довѣрчивости и недальновидности ошиблись въ главныхъ основаніяхъ союза, въ цѣляхъ и даже средствахъ его, предположенныхъ въ Бартенштейнскомъ договорѣ,—что̀ имѣло самыя вредныя слѣдствія. Если слѣдовало устранить „всякій поводъ къ зависти“ между двумя великими державами, то не нужно было ту и другую соединять съ германскимъ союзомъ, который неизбѣжно сдѣлался бы для нихъ предметомъ зависти. Если ихъ вліяніе на союзъ „имѣло цѣлью взаимную защиту“, то эту цѣль не слѣдовало смѣшивать съ цѣлью внутренняго развитія, и если союзъ былъ устроенъ для особенныхъ цѣлей и интересовъ, то ему не слѣдовало давать такого вида, какъ будто онъ нуженъ былъ для поддержанія самихъ государствъ, съ чѣмъ связаны уже всѣ интересы и цѣли; интересы двухъ или трехъ группъ отдѣльныхъ

государствъ, которые въ большей части случаевъ неизбѣжно расходились между собою, нельзя было насильственно соединять и направлять въ одну сторону, а скорѣй нужно было предоставить каждому свободное и особое самостоятельное развитіе.

Противники союзнаго устройства.

Но ни образованіе двухъ государствъ изъ Германіи, ни международный союзъ германскихъ государствъ съ Пруссіей и Австріей во главѣ, ни союзное устройство по плану Штейна и Гарденберга не могли нравиться Австріи и другимъ, болѣе значительнымъ германскимъ кабинетамъ. Послѣдній планъ былъ представленъ въ сентябрѣ въ Вѣнѣ только Меттерниху и Мюнстеру. Совѣщанія объ немъ совершенно неизвѣстны; результатомъ ихъ былъ новый проектъ, сведенный съ 41 на 12 неважныхъ пунктовъ, въ которомъ три прежде принятыя начала были исключены. Двойственное предсѣдательство и уравненіе Пруссіи съ Австріей были устранены. Международныя отношенія къ союзу не понравились Меттерниху, который желалъ войти въ него со всѣми нѣмецкими землями Австріи. Для этого надобно было уничтожить союзно-государственныя постановленія объ устройствѣ земскихъ чиновъ и правахъ германскаго подданства. Такимъ образомъ этотъ безсвязный и пустой планъ былъ представленъ въ германскій комитетъ. При этомъ Виртембергъ и Баварія объявили себя противъ всякаго союзно-государственнаго или государственно-союзнаго устройства, которое ограничивало бы отдѣльныя государства въ ихъ внутреннихъ дѣйствіяхъ. (14 октября.)

Виртембергъ и Баварія.

Эти двѣ страны достигли въ послѣдніе годы Наполеонова владычества всего того, къ чему стремилась территоріальная политика Германіи въ продолженіи столѣтій. Имперскій союзъ былъ разрушенъ Пресбургскимъ миромъ, курфирсты Виртемберга, Баваріи, Ганновера (Вестфаліи) и Саксоніи сдѣлались королями, давно желаемыя ими независимость и самодержавіе были достигнуты. Протекторъ Рейнскаго союза былъ послѣднимъ стѣсненіемъ для нихъ и когда онъ палъ, то маленькіе самодержцы думали насладиться теперь новою совершенною и полною свободой. Личности, стоявшія во главѣ дѣлъ Виртемберга и Баваріи, были совершенно склонны къ тому, чтобы всѣми силами отстаивать свое новое независимое властительство, противиться нѣмецкому союзному плану, который непремѣнно ограничилъ бы ихъ. Свободная пресса обличала самымъ безпощаднымъ образомъ поведеніе этихъ личностей; Арндтъ, Рей-

захъ и другіе характеризовали ихъ въ брошюрахъ и газетахъ и полемизировали съ ними въ народномъ духѣ; журналъ „Рейнскій Меркурій“ былъ запрещенъ въ обоихъ этихъ государствахъ.

Король Фридрихъ I.

Королю Фридриху I Виртембергскому казалось ужаснымъ все патріотическое движеніе Германіи 1813—14 годовъ. Онъ грозилъ этому движенію, и въ брошюрѣ своего ландфохта Ясмунда называлъ его крайнимъ увлеченіемъ и зловреднымъ духомъ, который нужно истребить. Онъ разошелся съ своимъ сыномъ и наслѣдникомъ, который, въ противуположность ему, былъ надеждою всѣхъ свободномыслящихъ нѣмецкихъ патріотовъ и работалъ въ согласіи съ идеями Штейна надъ союзнымъ устройствомъ Германіи и конституціею для Виртемберга. Видя такое расположеніе своего сына и замѣчая общее расположеніе къ союзу, король боялся въ началѣ конгресса, что онъ долженъ будетъ уступить и сыну и общему настроенію, и жаловался почти со слезами, что скоро будетъ стыдно называться виртембергцомъ. Онъ былъ образцомъ того Наполеоновскаго своеволія, которое Штейнъ называлъ султанизмомъ; современники называли его „Виттеліемъ по фигурѣ и Людовикомъ XV по характеру и настроенію“ [36]); памфлеты временъ освобожденія называли его восточнымъ деспотомъ съ ненасытнымъ властолюбіемъ и гордостью, со всѣми жестокими капризами и противуестественными пороками. Онъ въ 1805 г. уничтожилъ своевольно конституцію своего государства; для него не были святы права частныхъ лицъ и приговоры судей; онъ мучилъ своихъ подданныхъ какъ наемныхъ рабовъ и подчинялъ ихъ всѣмъ капризамъ и причудамъ своего двора и правленія. Съ особенною злою радостію онъ давалъ чувствовать свою неограниченную власть дворянству; онъ отнялъ у него, подобно другимъ государямъ Рейнскаго союза, судныя привиллегіи и патримоніальные суды и подвергнулъ его власти деревенскихъ старостъ, которыхъ прежде ставило само дворянство съ платою жалованья; онъ выжималъ изъ него соки страшными налогоми, такъ что дворянскія земли потеряли цѣлую треть своей прежней цѣны; отъ него зависѣли свобода и мѣста жительства частныхъ лицъ, которыхъ онъ держалъ часть года при своемъ дворѣ, какъ крѣпостныхъ, и запретилъ всѣмъ своимъ подданнымъ выѣздъ изъ предѣ-

---

[36]) Hormayr въ «Lebensbilder aus den Befreiungskriegen».

ловъ королевства. Поэтому въ Виртембергѣ все тайно и явно готовилось къ возстанію. Король съумѣлъ однако предотвратить его, потому что былъ и ловокъ и силенъ. Онъ умѣлъ сохранить свою власть самодержавнаго правителя даже противъ притязаній Наполеона, и осмѣлился противиться съ несокрушимымъ упрямствомъ союзнымъ державамъ и ихъ центральному управленію. Онъ до того былъ разсерженъ предпочтеніемъ Баваріи предъ Виртембергомъ, что уже въ декабрѣ 1813 года писалъ Наполеону, что онъ только по принужденію присталъ къ союзникамъ и только ждетъ времени, чтобы снова стать подъ его побѣдоносное знамя.

Совершенно другаго характера былъ король Максимиліанъ Іосифъ Баварскій, который продолжалъ бурбонское придворное безпутство, принесенное въ Мюнхенъ Карломъ Теодоромъ, и постоянныя связи съ актерами, пѣвцами, танцовщиками и любовницами, и вкоренилъ въ своей столицѣ ту распущенность нравовъ, которая поставила её наравнѣ съ Стокгольмомъ въ числѣ самыхъ распутныхъ городовъ. Самодержавныя склонности Максимиліана Іосифа были капризами добродушнаго крикуна, не имѣвшими ничего общаго съ жестокими выходками „толстаго короля“ Виртембергскаго. Но недостатокъ этого духа султанизма восполнялъ его визирь и министръ Монжела, который игралъ въ Баваріи роль кардинала Ришелье. Онъ былъ французскаго (савойскаго) происхожденія и характера; получилъ воспитаніе въ Нанси и Страсбургѣ, былъ во время своей юности изгнанъ изъ Баваріи, какъ иллюминатъ, и вступилъ на службу Максимиліана Іосифа въ то время, когда послѣдній былъ еще принцемъ Цвейбрюкенскимъ и жилъ въ нищетѣ и несчастіи. Это открыло ему дорогу къ всемогущему вліянію на будущаго курфирста и короля, и онъ искусно пользовался своимъ положеніемъ для личныхъ и политическихъ цѣлей, пріобрѣлъ любовь короля своимъ вкусомъ къ роскоши, расточительностію и легкимъ поведеніемъ; всего же болѣе онъ расположилъ къ себѣ короля тѣмъ, что, хитро обманывая его, показывалъ видъ, будто самъ поддается хитростямъ короля. Онъ однако оказалъ потомъ большія услуги Баваріи тѣмъ, что ввелъ науки въ это враждебное наукамъ государство и освѣтилъ на время іерархическій мракъ Баваріи, разсѣявъ вкоренившійся тамъ поповскій духъ, іезуитизмъ, капуцинское нищенство и путешествія ко святымъ мѣстамъ,— Монжела.

*

что̀ все снова появилось тамъ послѣ его отставки (вскорѣ послѣ Вѣнскаго конгресса). Но прежде всего онъ съумѣлъ воспользоваться политическими обстоятельствами лучше, чѣмъ Гаугвицъ и Цастровъ; онъ обезпечилъ существованіе Баваріи противъ враждебныхъ намѣреній Австріи, которыя были бы гибельны для Баваріи въ 17 и 18 столѣтіяхъ безъ французской или прусской помощи. Для этой цѣли онъ считалъ дозволенными всякія средства; рабская преданность Наполеону, доставившая его королю названіе примѣрнаго вассала изъ устъ самаго леннаго господина, простиралась до того, что баварское правительство взяло на себя и теперь, какъ послѣ Оснабрюкскаго мира, должность французскаго шпіона и пожертвовало лучшимъ цвѣтомъ страны, пославъ въ 1812 г. сильный отрядъ въ Россію „для защиты отечества", какъ значится на памятникѣ въ Мюнхенѣ, но только, какъ вѣрнѣе сказало баварское правительство въ 1813 году, „не для національнаго интереса." Съ такимъ же безразсудствомъ, какъ во внѣшнихъ дѣлахъ, Монжела дѣйствовалъ и внутри государства, стараясь возстановить королевское самодержавіе. Увеличеніе государства новыми землями, франконскими княжествами и Тиролемъ, духовными княжествами и свободными городами, владѣніями монастырей, рыцарскихъ орденовъ и медіатизированныхъ принцевъ давало поводъ и средство отстранить старые государственные чины, уничтожить по системѣ французовъ дворянскія привиллегіи, податныя льготы и вообще все, что было обременительно для крѣпостныхъ подданныхъ, и по примѣру Наполеона системой централизаціи нанести ударъ пестрому разнообразію старыхъ порядковъ. Эти порядки вѣроятно уже отжили свой вѣкъ, такъ какъ они были уничтожены большею частью навсегда и притомъ уничтожены даже посредствомъ такой системы, которая давила, истощала силы государства и навлекала на себя проклятіе всей страны. То, что заступило мѣсто стараго, было только новымъ зломъ; государство снова начали терзать: совершенно несоразмѣрная роскошь двора и расточительность военнаго вѣдомства, министръ, пришедшій съ большими долгами и вскорѣ сдѣлавшійся очень богатымъ, финансовая игра, въ которой министръ и придворные банкиры приготовили разореніе государства, цѣлая армія кляузныхъ чиновниковъ, которыхъ не могло обуздать слабое правительство; грубость и негодность ихъ каждые два года производили, такъ сказать, „административныя банкротства",

которыя вызывали каждый разъ „новую организацію", т. е. замѣну одного негоднаго чиновничества другимъ. Благодаря этому управленію, случилось то, что при отобраніи церковныхъ имуществъ большая часть движимостей и недвижимостей была вандальскимъ образомъ расхищена и государство лишилось неисчислимыхъ выгодъ. Эта администрація была виною того, что кредитныя бумаги и имущества упали въ цѣнѣ, что по всей странѣ распространилась страшная бѣдность, вслѣдствіе обременительныхъ податей, квартирныхъ и военныхъ повинностей, уничтоженія прежнихъ кредитныхъ установленій и ослабленія рабочихъ силъ военною службою.

План ъ — устроить въ Германіи союзъ изъ пяти государствъ.

При такомъ состояніи администраціи, которое описывается одинаковыми красками современными свидѣтеля и послѣдующими повѣствователями [37]), понятно, что правительства Баваріи и Виртемберга смотрѣли неблагопріятно на контроль союза, который бы простирался и на внутреннія дѣла. Они вслѣдствіе этого единодушно возстали противъ всякаго союзнаго устройства, которое могло бы ограничить ихъ систему притѣсненій, называемую ими правомъ верховной власти. Въ началѣ и въ концѣ конгресса король Виртембергскій говорилъ и дѣйствовалъ въ такомъ смыслѣ: Вѣнскія конференціи не должны имѣть вліянія на отношенія государя къ подданнымъ и не должны ограничивать права верховной власти, признанной прежними договорами. Онъ представлялъ себѣ союзъ чисто внѣшнимъ, не имѣющимъ дѣла до внутренняго управленія; такъ думалъ и Монжела, который желалъ уничтожить мелкія государства и даже отодвинуть Виртембергъ и Баденъ къ Италіи [38]). Баварія и Виртембергъ съ упорствомъ оспаривали опредѣленіе minimum'а правъ земскихъ чиновъ и мысль о постоянномъ союзномъ судѣ, которыя казались имъ посягательствомъ на ихъ монаршія права. Тотчасъ же по представленіи проекта 14 октября обѣ державы съ непатріотическою откровенностію объявили себя противъ намѣренія создать „изъ совершенно различныхъ народовъ—Прусскаго и Баварскаго, 20 октября.

[37]) Въ сочиненіи графа Рейзаха: Baiern unter der Regierung des Ministers Montgelas, Deutschland 1813 г., Гракхъ жалуется на возмутительныя поступки, а въ Memoiren des Ritters von Lang 1842 г. видна болтливость Жиль Блаза, для котораго нѣтъ ничего святаго; но, къ сожалѣнію, еще болѣе невѣроятные разсказы, чѣмъ тѣ, которыми мы пользовались, дѣйствительно составляютъ неопровержимые факты.

[38]) Julie v. Zerzog, Briefe von Montgelas (1853) p. XI.

такъ сказать, одну націю." Онѣ не переставали надѣяться на Францію, и Вреде, желавшій тѣснѣе сблизиться съ Виртембергскимъ посланникомъ фонъ-Линденомъ, сказалъ ему, что ихъ общій союзникъ, безъ всякаго сомнѣнія, Франція, и что она скоро снова возстанетъ [39]). Съ этими видами представитель Баваріи, на котораго Штейнъ смотрѣлъ за его угодливость французамъ съ глубокимъ презрѣніемъ, требовалъ для Баваріи права заключать отдѣльные договоры съ германскими и другими государствами для веденія войнъ, въ которыхъ не принимаетъ участія весь союзъ; подобныя войны, въ которыхъ Баварія сочла бы для себя полезнымъ принять участіе, могутъ возникнуть на западѣ и на востокѣ Европы; кромѣ того и національная гордость была бы польщена этимъ правомъ. Онъ говорилъ, что Баварія только потому приступаетъ къ союзу, что это общее желаніе, а не изъ „личнаго" интереса, какъ выразился Вреде,—потому что тѣ выгоды, которыя далъ бы ей союзъ, она всегда можетъ получить и по договорамъ съ другими державами, благодаря своему положенію. Вслѣдствіе этого положенія, говорилъ онъ, Баварія, не имѣя сообщеній съ моремъ и покровительства болѣе могущественной державы, чѣмъ Австрія, и будучи окружена сильными границами Тироля, Богеміи и Тюрингіи, можетъ сохранять самостоятельную политическую роль единственно только тогда, когда будетъ въ союзѣ съ негерманскими, иноземными государствами. Но если бы по примѣру Баваріи и маленькое Виртембергское королевство стало требовать такихъ же правъ (какъ дѣйствительно король его и хотѣлъ заключить союзъ съ Россіей [40]), если бы и другія подобныя государства получили тѣ же права и если бы національный духъ и власть великихъ державъ не воспрепятствовали осуществленію этихъ правъ на дѣлѣ, то Германія отъ этого распалась бы окончательно. Но независимость Баваріи и всѣхъ другихъ германскихъ государствъ была бы все таки еще незначительнѣе, чѣмъ независимость итальянскихъ государствъ, и это понимали Виртембергъ и Баварія,—поэтому они требовали, чтобы германскій союзъ былъ международнымъ союзомъ государей для внѣшней безопасности, который бы, согласно этой цѣли, не касался внутренняго управленія и даже военнаго

---

[39]) Pertz, Steins Leben, 4, 144.
[40]) Castlereagh, memoirs, 10, 266.

устройства. Такого союза они желали тѣмъ болѣе, что имъ обоимъ представлялась надежда получить перевѣсъ надъ мелкими нѣмецкими государствами. Планъ Штейна и Гарденберга и позднѣйшій прусскій планъ Гумбольдта раздѣляли Германію на округи; пять королей должны были быть окружными начальными; а по проекту особаго комитета объ устройствѣ военнаго вѣдомства, имъ предоставлялась команда надъ войскомъ и другіе члены округовъ были имъ подчинены въ военномъ отношеніи. Такой планъ конечно очень нравился Баваріи и Виртембергу; послѣдній желалъ даже, чтобы союзъ состоялъ только изъ пяти главныхъ государствъ, а всѣ прочія были просто членами округовъ. На это подчиненіе слабѣйшихъ Баварія и Виртембергъ давали свое согласіе, но сами они не хотѣли подчиниться сильнѣйшимъ, потому и не соглашались съ проектомъ 14 октября въ томъ, что онъ предоставлялъ Австріи и Пруссіи въ совѣтѣ окружныхъ начальниковъ не по одному голосу, какъ имъ самимъ, а по нѣскольку. Такимъ образомъ на мѣсто владычества двухъ державъ предлагалось владычество пяти, и нѣсколько равныхъ между собою властителей господствовали бы надъ тѣми, которые были бы имъ подчинены.

Противники этого плана.

Такое государственное устройство усилило бы второстепенныя нѣмецкія государства, болѣе другихъ виновныя противъ Германіи, на счетъ общей силы и единства цѣлой Германіи. Оно, какъ писалъ тогда Штейнъ, ослабило бы высшую власть, которая въ союзѣ неравныхъ государствъ уже и безъ того слаба была по принципу, и въ самомъ органѣ, который служилъ бы выраженіемъ этой власти. Не смотря на это, представитель Виртемберга полагалъ, что пятеричное число государствъ не нарушаетъ принципа единства. На это Гагернъ возразилъ остроумно, что когда говорятъ о Троицѣ, то и въ нее вѣрятъ только какъ въ непостижимую тайну. Однако ни Пруссія, ни Австрія, ни Ганноверъ, казалось, не были согласны въ первые мѣсяцы Вѣнскаго конгресса на такой ошибочный и непрактическій планъ. Пруссія больше всего заботилась о прочномъ государственномъ устройствѣ, которое обезпечивало бы существованіе союза и конституціонныя права отдѣльныхъ государствъ. Австрія настаивала на томъ[1], чтобы ясно опредѣлены были права подданства, существовавшія еще при прежнемъ имперскомъ устройствѣ, и Меттернихъ требовалъ устраненія такихъ притѣсненій, какія были напр. въ Виртембергѣ, гдѣ

[1] 20 октября.

подданнымъ не позволялось переселяться въ другія государства,— мѣра, которой подвергся даже его отецъ. Графъ Мюнстеръ, поддерживаемый Австріей и Пруссіей, старался выставить на видъ различіе между деспотическою и самодержавною властію и высказалъ такія положенія: Ганноверъ не думаетъ, что съ уничтоженіемъ имперіи должны уничтожиться территоріальныя учрежденія, существовавшія при ней; представительная система совершенно законна и свойственна Германіи; въ понятіи о верховной власти не заключается еще понятіе о деспотіи; король Великобританіи, безъ сомнѣнія, пользуется верховною властію, какъ и всякій другой государь, но права народа еще болѣе укрѣпляютъ его тронъ и нисколько не колеблятъ его; только съ либеральными началами можно при настоящемъ положеніи вещей и при умѣренныхъ требованіяхъ германской націи возстановить порядокъ и общее довольство. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ уполномоченныхъ этихъ трехъ государствъ не имѣлъ достаточно твердости остановиться на этихъ мудрыхъ и справедливыхъ основаніяхъ. Меттернихъ и Мюнстеръ больше по личнымъ неудовольствіямъ возставали противъ Виртембергскаго „королька", какъ они его называли. А тѣ положенія, которыя они высказывали при этомъ, вовсе не были ихъ политическимъ убѣжденіемъ. Прежде всѣхъ почувствовалъ это Штейнъ. Онъ не имѣлъ довѣрія ни къ пяти властителямъ, ни къ представителямъ мелкихъ государствъ, ни къ Меттерниху, ни къ Гарденбергу. Онъ обратился поэтому къ русскому императору, чтобы его вліяніемъ усилить Австрію и Пруссію противъ Виртемберга и Баваріи. Онъ сказалъ ему, что вся Европа должна стараться уничтожить „возбуждающую, коварную и подлую политику" маленькихъ германскихъ дворовъ, вопіющія злоупотребленія ихъ власти и притѣсненія ихъ „завистливой и якобинской дворни" и бюрократіи, для того чтобы Германія перестала быть собраніемъ притѣснителей и притѣсненныхъ. Нессельродъ поэтому въ своей нотѣ одобрилъ планъ союзнаго устройства 14 ноября и его либеральные принципы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Штейнъ побудилъ представителей мелкихъ германскихъ дворовъ сдѣлать объявленія, несогласныя съ желаніями Виртемберга и Баваріи. Гагернъ уже прежде совѣтовался съ нимъ о дѣйствіяхъ противъ желавшихъ пятеричнаго союза; Штейнъ старался, помимо Гагерна, вести это дѣло такъ, чтобы не раздражить Австріи, Пруссіи и Ганновера. Нѣсколько дней спустя, представители 29 госу-

21 октября.

4 ноября.

11 ноября.

16 ноября.

дарствъ и городовъ потребовали себѣ права на участіе въ совѣщаніяхъ о Германіи, послѣ того какъ Баденъ мѣсяцемъ раньше объявилъ себя противъ права законодательства, которое хотѣли раздѣлить только между пятью державами. Они всѣ выразили готовность подчиниться необходимымъ ограниченіямъ ихъ верховной власти со стороны союза и ввести опредѣленный minimum сословныхъ правъ; они настаивали вмѣстѣ съ тѣмъ на возстановленіи императорскаго достоинства. Въ этотъ же самый день, представитель Виртемберга дерзко вышелъ изъ комитета, объявляя, что Виртембергъ не откажется отъ своихъ правъ, если не получитъ за это какихъ нибудь другихъ выгодъ. Австрія и Пруссія отвѣчали на это [1], что Виртембергъ не можетъ требовать никакихъ выгодъ за свои пожертвованія, кромѣ тѣхъ, которыя союзъ доставитъ всѣмъ, что одному государству, хотя бы оно и не имѣло прямыхъ выгодъ для себя отъ союза, не должно отказываться отъ союза и ставить себя въ противорѣчіе съ общимъ благомъ. Теперь, когда эта борьба федеративныхъ и партикуляристическихъ стремленій обнаружилась съ такою силою, былъ удобный моментъ созвать всѣ нѣмецкія государства на общее совѣщаніе и сломить этимъ упорство южно-германскихъ королей. Но споры о саксонско-польскомъ вопросѣ воспрепятствовали продолженію этого дѣла. Германскій комитетъ не собирался по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ; Баварія и Виртембергъ въ этотъ промежутокъ времени выиграли свое дѣло.

[1] 22 ноября.

Мелкія германскія государства на сторонѣ возстановленія императорской власти.

Только что [1] саксонскій вопросъ сталъ приближаться къ концу, Штейнъ снова обратился къ дѣламъ Германіи; мелкіе государства (въ числѣ 32) стали требовать [2] возобновленія германскаго конгресса, съ участіемъ всѣхъ членовъ будущаго цѣлаго. И до этого времени, въ теченіе декабря и января, они одни только, по мѣрѣ возможности, хлопотали въ пользу этого дѣла. Вообще маленькія нѣмецкія государства всегда сохраняли національный духъ, и духъ разъединенія почти не дѣйствовалъ въ нихъ. Во времена реформаціи они поддерживали нѣмецкій элементъ противъ иностраннаго. Во время Вестфальскаго мира Франція напрасно соблазняла ихъ выгодами, которыя они получили бы вслѣдствіе распаденія Германіи, — и французскій посланникъ Даво своимъ порицаніемъ далъ имъ хорошую рекомендацію, говоря, что они, въ противуположность итальянскимъ государямъ, всегда разсчитывающимъ на французскую помощь и слѣдую-

[1] Въ янв. 1815.
[2] 2 февраля.

щимъ политикѣ, „сообразной съ ихъ климатомъ“, неразумно предпочитаютъ сохраненіе имперіи, каково бы ни было ея устройство, всѣмъ выгодамъ отъ ея распаденія. Такъ и теперь соединились мелкіе государи для устройства крѣпкаго союза съ одной главой. Ихъ первый
16 нояб. 1814. шагъ¹ далъ толчекъ общественному мнѣнію и возбудилъ интересъ къ германскому вопросу. Впослѣдствіи, послѣ 1815 года, поддерживали они болѣе всѣхъ національный духъ въ ихъ владѣніяхъ, опередили даже большія германскія государства въ томъ, что касается политическаго смысла и либеральнаго правленія, и своими, хотя умѣренными конституціями составляли дружную массу, которая противопоставляла матеріальному вліянію двухъ покровительствующихъ державъ—идеальную силу. 1848 годъ засталъ ихъ въ такомъ же положеніи. Положимъ, что въ настоящемъ случаѣ нужда заставила ихъ дѣйствовать подобнымъ образомъ, такъ же точно какъ боязнь, возбужденная въ Вѣнѣ пятеричнымъ союзомъ [41]), и зависть къ медіати-
22 октяб. 1814. зированнымъ принцамъ, хлопотавшимъ¹ у Франца о возстановленіи императорской власти, принудили ихъ сблизиться и дѣйствовать за одно; однакоже второстепенныя государства Германіи впослѣдствіи при подобныхъ же обстоятельствахъ и въ такой же нуждѣ дѣйствовали не патріотически, потому что они тогда не понимали своего положенія. Больше всего говоритъ въ пользу этой единодушной группы мелкихъ государствъ то обстоятельство, что даже Штейнъ, противникъ маленькихъ государствъ и государей и усердный другъ Пруссіи, оставилъ Пруссію и перешелъ на ихъ сторону,—и съ той поры, какъ представители мелкихъ государствъ начали свои совѣщанія, онъ сталъ защищать и поддерживать ихъ планы, въ которыхъ предлагалось устроить союзъ изъ государствъ, съ императорской главой. Въ теченіе ноября и декабря уполномоченные 32 государствъ мѣнялись съ графомъ Мюнстеромъ нотами объ этомъ предметѣ [42]). Письменныя и устныя объясненія графа на этотъ счетъ даютъ возможность узнать, какъ относились великія державы къ этому вопросу. Когда въ 1806 г. Австрія сложила съ себя импера-

---

[41]) См. признанія одного изъ представителей этихъ государствъ у Schaumann'a, Bildung des deutschen Bundes etc. въ Raumer's Taschenbuch, 1850, стр. 207.

[42]) Австрійскіе и прусскіе министры еще не рѣшались прямо сноситься съ ними, какъ съ признанной союзной державой, а потому прибѣгали къ такой увертк.

торскую корону, то это было сдѣлано ею съ соблюденіемъ формъ, которыя объявляли имперію прекращенною и всѣ области свободными отъ всѣхъ нѣмецкихъ обязанностей. То и другое насильственное уничтоженіе императорскаго достоинства и сложеніе короны, Англія не признала законнымъ фактомъ. Въ концѣ 1812 г. Россія за то, что Австрія пристала къ ея союзу, охотно признала бы за ней Германское императорство, что сдѣлала бы и Пруссія въ 1813 году. Но Австрія и тогда и впослѣдствіи отклонила отъ себя эту честь, потому что Пруссія однажды явно высказалась противъ возстановленія имперіи, и для австрійской политики было гораздо важнѣе расположить въ свою пользу мелкія государства, настаивая на томъ, чтобы имъ предоставлена была независимая верховная власть. Императоръ лично тяготился неблагодарною ролью императорства; даже радушіе, съ которымъ онъ былъ встрѣчаемъ въ Германіи въ 1813—1814 годахъ, не измѣнило его мыслей. Во время конгресса онъ остался вѣренъ себѣ и имѣлъ на своей сторонѣ партію Цихи-Угарте; Вессенбергъ былъ за возстановленіе императорскаго достоинства, а Меттернихъ былъ ни за, ни противъ этого. Въ 1813 г. Меттернихъ сказалъ Сентъ-Эньяну во Франкфуртѣ, что его государь презираетъ поднесенный ему ничего не значущій титулъ и присовокупилъ, что безъ него Германія станетъ больше чѣмъ когда либо принадлежать Австрійскому императору (что однако было не совсѣмъ вѣрно); въ Вѣнѣ онъ говорилъ потомъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ императорства, если „дѣло сдѣлается само собой“. Эти слова были вопросомъ, обращеннымъ къ Пруссіи и второстепеннымъ государствамъ, возбужденіемъ къ дѣятельности для мелкихъ государствъ и намекомъ на то, что для возстановленія императорства нужны средства, при которыхъ только оно и возможно. Но Пруссія теперь стала высказываться противъ учрежденія императорства; того же можно было ожидать и отъ Баваріи. Англія могла надѣяться, въ случаѣ нужды, образовать для своихъ видовъ изъ Ганновера, Брауншвейга, Ганзейскихъ городовъ и Нидерландовъ сѣверо-западный союзъ, который получилъ бы большой вѣсъ, имѣя одного могущественнаго главу. Веллингтонъ поэтому сказалъ Штейну съ торійскимъ лаконизмомъ, что считаетъ исполненіе его плана невозможнымъ. Но еще прежде этого Мюнстеръ объявилъ себя противъ возстановленія императорскаго

достоинства и противъ мелкихъ государствъ, не смотря на то, что прежде онъ самъ былъ на ихъ сторонѣ. По своему гвельфизму и по политическимъ убѣжденіямъ, онъ всегда стоялъ за сохраненіе союзнаго устройства и за раздѣленіе Германіи на мелкія государства, которое благопріятствовало наукамъ, культурѣ и благосостоянію, и желалъ только уничтоженія въ нихъ мелкой тираніи и сохраненія императорской власти для укрѣпленія союзнаго единства. Но теперь, очевидно слѣдуя вліяніямъ сверху, онъ указывалъ на трудность доставить германскому императору нужныя средства для упроченія власти, тогда какъ прежде онъ самъ совѣтовалъ императору вознаградить военными учрежденіями потерю своего вліянія, вслѣдствіе секуляризаціи военныхъ земель и другихъ преобразованій въ имперіи. Но именно противъ этого возражали представители мелкихъ государствъ, указывая на права императора, какъ верховнаго судьи, какъ на одно изъ средствъ усилить его вліяніе. Графъ Мюнстеръ возражалъ имъ потомъ, говоря, что Парижскій миръ исключаетъ им-
24 дек. 1814. ператорскую главу въ Германіи; съ этимъ уполномоченные никакъ не хотѣли согласиться и сослались на Калишскія обѣщанія. Штейнъ рѣшился на самую крайнюю и дѣйствительную мѣру, чтобы обезси-
Январь 1815. лить возраженія Мюнстера. Онъ бросился снова къ императору Александру, чтобы получить согласіе Россіи на свои планы. Согласіе Александра побѣдило бы нерасположеніе Англіи, упрямство Пруссіи и несговорчивость Австріи. Штейнъ думалъ, что если Австрія и теперь будетъ отказываться, то нужно будетъ по выбору или ее или Пруссію возвести въ императорское достоинство.

Записка Каподистріи. 29 января / 9 февраля.

По внушенію Штейна составлена была въ началѣ 1815 г. записка Каподистріи объ этомъ предметѣ [43]). Она выходила изъ весьма вѣрнаго положенія, что новое движеніе Германіи не можетъ быть отклонено отъ политическихъ цѣлей; за тѣмъ Каподистрія ставилъ вопросъ, что лучше при этихъ обстоятельствахъ,—дать ли Германіи крѣпкое и прочное устройство, или слабое, которое при перемѣнѣ обстоятельствъ скоро измѣнилось бы. Пятеричный союзъ, къ которому до сихъ поръ стремились, былъ бы устройствомъ втораго рода и носилъ бы въ себѣ сѣмя разложенія; онъ не принесетъ ни спокойствія, ни счастія, ни независимости; онъ принудитъ германскій на-

---

[43]) Pertz, въ указ. мѣстѣ 4, 735.

родъ возстать для установленія новаго, болѣе прочнаго порядка,—и такимъ образомъ нарушится покой Европы, который должна поддерживать Германія. Даже главная цѣль устранить вліяніе Франціи на Германію не будетъ достигнута. Только такое устройство, которое вѣрно опредѣляло бы кругъ нравственной дѣятельности германскихъ народовъ, можетъ дать Германіи гарантію ея свободы, а Европѣ прочное основаніе ея будущей политической системы. А это союзное устройство требуетъ единой главы. Австрія должна быть этой главой союза и получить всѣ необходимыя средства для подтвержденія своей новой власти. Тогда Европѣ нечего будетъ бояться союза Австріи съ Франціей, между тѣмъ какъ Пруссія прочно установитъ свои политическія отношенія къ сѣвернымъ державамъ; Австрія будетъ имѣть возможность дать Италіи національную независимость, подъ властію одного изъ принцевъ своего дома. Сочетаніе германской короны съ Австріей не будетъ опасно, такъ какъ Австрія преимущественно отличается консервативнымъ и пассивнымъ характеромъ. Поэтому надобно поддержать этотъ планъ, и если онъ не осуществленъ еще въ настоящее время, то слѣдуетъ посовѣтоваться относительно его съ Австріей и Пруссіей.

Возраженія Гумбольдта.

Эта ловкая записка польстила желаніямъ Штейна, превосходно изобразила потребности и настоящее положеніе Германіи и въ то же время не забыла и русскихъ интересовъ: въ ней сдѣланъ былъ намекъ на то, что нужно дать Италіи болѣе независимое положеніе, исключено было вліяніе Франціи на Германію, а посредствомъ Пруссіи, сохраняющей свои сѣверныя отношенія, незамѣтно выдвинуто было русское вліяніе. Но Пруссія не позволила себя обманывать тамъ, гдѣ была очевидная невозможность. Не говоря уже о данномъ случаѣ, совершенно отвлеченно можно было доказать невозможность того, чтобы два самостоятельныя и равносильныя государства могли подчиниться другъ другу въ дѣйствительномъ союзѣ, и чтобы они могли связать на всегда свое развитіе такимъ взаимнымъ порабощеніемъ; подчиненіе было бы возможно въ томъ только случаѣ, когда одна изъ державъ вслѣдствіе нужды или насилія должна была бы уступить вліянію другой. Гумбольдтъ въ своемъ возраженіи [1] на записку Каподистріи не разъ указывалъ на эту невозможность; онъ прямо говорилъ, что Пруссія никогда не подчинится дѣйствительной императорской власти. Эту прусскую точку зрѣнія онъ

[1] 3 марта.

не развивалъ далѣе, потому что она была слишкомъ ясна; тѣмъ дольше онъ останавливался на германской точкѣ зрѣнія, которая представляла для него еще болѣе осязательныя и неоспоримыя основанія. Австрія, говорилъ онъ, всегда будетъ жертвовать германскими интересами въ пользу своихъ. Обладая германской короной, Австрія будетъ опасна для Германіи; корона въ ея рукахъ будетъ только средствомъ для усиленія ея австрійскаго владычества, а это будетъ гибельно и для Германіи и для Европы. Въ распряхъ между Пруссіей и Австріей, послѣдняя будетъ въ такомъ же положеніи относительно маленькихъ государствъ, какъ Франція относительно Рейнскаго союза. Безъ военныхъ силъ имперіи, императоръ будетъ слабъ, какъ и прежде, а съ ними онъ сдѣлается властителемъ всей Германіи. Австрія станетъ запутывать Германію во всѣ свои интересы; всякое различіе между Австріей какъ отдѣльной державой и какъ главой Германіи останется только на бумагѣ. Во внутреннихъ дѣлахъ, если вся отвѣтственность будетъ лежать на ней одной, она не захочетъ безъ нужды входить въ непріятности съ отдѣльными государствами; напротивъ, при союзномъ устройствѣ, она всегда подчинялась бы большинству. Поэтому союзное устройство безъ единичной главы есть единственно возможное. Иначе духъ австрійскаго двора и министерства станетъ управлять Германіей и часто совершенно противно народному духу; между тѣмъ какъ при союзномъ устройствѣ общественное мнѣніе будетъ имѣть большое вліяніе на управленіе. Такое устройство согласовалось бы съ духомъ нѣмецкой націи, которой противны безпокойства и волненія, но которая стремится впередъ и хочетъ пользоваться плодами просвѣщенія и ненавидитъ ту неподвижность, для которой опытъ ничего не значитъ и столѣтія проходятъ безплодно.

Штейнъ. Основательнѣе этого нельзя было ничего сказать съ точки зрѣнія германскихъ интересовъ противъ австрійскаго императорства; подобные аргументы противъ усиленія Австріи въ имперіи приводились еще въ XVI и XVII столѣтіяхъ. И странно, что записка Гумбольдта не понравилась Штейну. Онъ хорошо зналъ, что Австрія далеко расходится съ Германіей, что ея правительственная система и интересы имѣютъ совершенно другое направленіе, что населеніе ея чуждо Германіи и не довѣряетъ ея духовному развитію, что у Австріи есть много мотивовъ, побуждающихъ ее къ совер-

шенному отдѣленію отъ Германіи. Это повторялъ и Гумбольдтъ, но Штейнъ не хотѣлъ его слушать. Самъ Штейнъ питалъ глубокое отвращеніе къ тупоумной австрійской династіи и ея всемогущему министру; когда же Гумбольдтъ выводилъ изъ этого необходимое слѣдствіе, то Штейнъ называлъ недостатки Австріи временнымъ несовершенствомъ, которое зависѣло отъ неразвитости и необразованности всего населенія. Онъ надѣялся посредствомъ императорства тѣснѣе соединить Австрію съ Германіей и совершенно оторвать ее отъ Франціи; но эта надежда не могла бы исполниться, если бы Россія рѣшилась постоянно держаться своихъ опредѣленныхъ отношеній къ Пруссіи. Усиленіе Австріи, вслѣдствіе ея императорства, Штейнъ считалъ не только безопаснымъ для Европы, но и полезнымъ, хотя онъ не такъ легко могъ убѣдить въ этомъ Англію и Францію, какъ убѣдилъ Александра. Такія противорѣчія, составляющія большой недостатокъ въ этомъ достойномъ человѣкѣ, оправдываются той горячностью, съ которою онъ принималъ впечатлѣнія извнѣ и его темпераментомъ, изъ котораго онъ справедливо выводилъ и всѣ свои лучшія качества. Въ 1813 году онъ думалъ о возстановленіи императора, но когда онъ представилъ себѣ, что первыя роли будутъ принадлежать императору Францу и Меттерниху, то онъ съ ужасомъ отступился отъ своего плана. Потому въ Шомонѣ онъ молчалъ, когда рѣшено было образованіе союза государствъ безъ главы, и предложилъ въ своемъ первомъ проектѣ раздѣленіе верховной власти между четырьмя державами; въ это время у него свѣжо было воспоминаніе о равнодушіи Меттерниха во время войны и объ его неблагородствѣ, съ которымъ онъ оставилъ на произволъ судьбы права подданныхъ имперіи, и не хотѣлъ подчинить вліянію Австріи національнаго правительства Пруссіи. Но когда потомъ его возмутила заносчивость Баваріи въ Вѣнѣ, онъ призвалъ на помощь Россію, которую самъ же старался прежде устранить, присталъ къ мелкимъ нѣмецкимъ государямъ, которыхъ прежде не могъ терпѣть, и выступилъ снова съ планами возстановленія императорства, которое прежде отвергалъ. Также точно по рѣшенію польскаго вопроса онъ вошелъ въ короткія связи съ Меттернихомъ и поссорился, въ угоду Австріи, съ своими прусскими друзьями, которые противились австрійскому владычеству, по причинамъ, которыя прежде онъ самъ выставлялъ. Эти стран-

ныя колебанія по личному пристрастію или отвращенію имѣли тѣмъ большій просторъ, что въ то время не было составлено ни Штейномъ, ни другими государственными людьми ни одного плана, основаннаго на точномъ пониманіи интересовъ и отношеній цѣлаго союза къ частнымъ государствамъ. Иначе онъ нашелъ бы неопровержимыми Гумбольдтовы доказательства противъ императорской власти и поставилъ бы главною цѣлью своихъ стремленій то, чтобы совершенно исключить Австрію изъ союза, если она не приметъ честныхъ условій,—что онъ и самъ иногда признавалъ единственнымъ средствомъ для упроченія германскаго союза и союзной имперіи. Это средство предложено было еще до Вестфальскаго мира Ипполитомъ (Hippolitus a Lapide) для устройства союза изъ германскихъ государствъ; это же средство предлагали и въ 1849 г. люди, свободные отъ увлеченій. Гагернъ и Плессенъ были съ этимъ согласны, высказывая мысль (на которую общее неудовольствіе навело всѣхъ въ 1849 году), что нужно составить союзъ однихъ только мелкихъ государстъ. Цѣль ихъ была таже—устранить Австрію, а за тѣмъ они предоставляли будущему рѣшить, нуждаются ли маленькія государства, составляющія союзъ въ опорѣ какой нибудь сильной сосѣдней державы и какой именно, или одна изъ этихъ державъ и какая именно должна будетъ по необходимости примкнуть къ союзу. При мысли объ устраненіи Австріи Штейнъ не долженъ былъ бояться упрека въ отсутствіи патріотизма, потому что онъ самъ же совѣтовалъ въ случаѣ крайности устранить Баварію; такъ поступилъ при своемъ образованіи и сѣверо-американскій союзъ: онъ оставилъ въ сторонѣ несогласные штаты и составился только изъ согласныхъ, притягивая къ себѣ въ послѣдствіи и другіе своею естественной силой. Кромѣ указаннаго средства дать германскому союзу единообразіе и конституціонную прочность, было еще и другое, хорошо извѣстное Штейну; но оно не было имъ употреблено съ твердою увѣренностію,—это было представительство германской націи въ союзѣ. Было бы гораздо сообразнѣе съ вѣрными положеніями записки Каподистріи, съ которыми соглашался и Штейнъ, если бы стали больше заботиться о народномъ союзномъ законодательствѣ, чѣмъ о единичной исполнительной власти. Штейнъ считалъ нужнымъ императорскую главу, чтобы дать поступательное движеніе союзному собранію, имѣвшему видъ сейма, которое иначе съ самаго

начала осталось бы неподвижнымъ; но можно было отстранить эту бѣду народнымъ представительствомъ, а не главой, которая въ своемъ собственномъ государствѣ останавливала всякое движеніе. Штейнъ предвидѣлъ и другую доказанную опытомъ опасность,—что на сеймѣ, гдѣ будутъ представители только отъ государей, охраненіе мѣстныхъ конституцій предоставлено будетъ тѣмъ, которые имѣютъ интересъ въ нарушеніи конституцій. Поэтому въ своихъ проектахъ Штейнъ предлагалъ представительство земскихъ чиновъ въ союзѣ; но онъ такъ мало былъ проникнутъ сознаніемъ необходимости этого, что тутъ же высказывалъ неудобоисполнимость своего предложенія и на этотъ случай считалъ неизбѣжнымъ лишь участіе въ представительствѣ медіатизированныхъ принцевъ и имперскаго дворянства, которое этотъ благородный человѣкъ считалъ столь же честнымъ, какъ онъ самъ. Кромѣ этихъ первыхъ предложеній Штейнъ впослѣдствіи сталъ требовать сохраненія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ земскихъ правъ, но никогда не возвращался къ мысли о союзномъ представительствѣ, потребность въ которомъ въ то время, съ весьма рѣдкими исключеніями, не сознавалась ясно и не высказывалась опредѣлительно ни въ народѣ, ни самыми либеральными газетами, ни писателями и государственными людьми.

Прусскіе государственные люди и ихъ проекты.

Штейнъ, какъ и большая часть прусскихъ государственныхъ людей того времени, былъ человѣкъ службы, которому вопросы государственнаго устройства были незнакомы и фальшиво освѣщены опытомъ французской революціи. Въ администраціи онъ прошелъ двѣ великія школы, плохую практическую—Фридриха и хорошую теоретическую—Смита; въ дѣлахъ конституціонныхъ онъ былъ новичекъ, какъ и всѣ нѣмцы того времени. Вильгельмъ Гумбольдтъ справедливо отрицалъ у него способность устроивать отношенія тамъ, гдѣ надо было принять въ соображеніе много правъ и условій. Но самъ Гумбольдтъ и прусскіе министры обнаружили не больше и даже еще меньше способностей для приведенія государственнаго устройства Германіи въ надлежащій видъ. Мы уже говорили о странномъ проектѣ Гарденберга. О Гумбольдтѣ нѣкоторые выражались, что онъ созданъ скорѣе для общества, гдѣ онъ внушалъ къ себѣ уваженіе въ Генцѣ холодностью, въ французахъ своимъ умомъ и знаніями; безъ особеннаго пристрастія къ политическимъ дѣламъ, онъ былъ скорѣе усерднымъ работникомъ, чѣмъ искуснымъ изобрѣтателемъ,—

качества, которыя не годятся для того, на комъ лежитъ призваніе къ устройству самыхъ высшихъ духовныхъ человѣческихъ благъ. Когда мелкія государства своими усиліями старались подвинуть снова германскій вопросъ, то Гумбольдтъ предложилъ два свои вновь составленные проекта [44]), изъ которыхъ одинъ, состоящій изъ 120 параграфовъ, былъ весьма подробенъ и удерживалъ изъ прежнихъ плановъ раздѣленіе на округи, пятеричный исполнительный совѣтъ, вмѣстѣ съ другимъ законодательнымъ совѣтомъ изъ членовъ владѣтельныхъ и медіатизированныхъ домовъ,—а другой проектъ исключалъ раздѣленіе на округи. Въ прежнихъ Гарденберговыхъ проектахъ, вслѣдствіе возраженій Австріи и Ганновера, уничтожено было все существенное, а теперь предложены были на выборъ два совершенно различные между собою проекта, какъ будто практическая политическая цѣль проектовъ состояла вовсе не въ томъ, чтобы устроить союзъ на опредѣленныхъ основаніяхъ и для извѣстныхъ интересовъ, а точно вся цѣль заключалась только въ писаніи и въ подаваніи проектовъ, въ пріобрѣтеніи славы составленія какихъ нибудь плановъ для какихъ нибудь конституцій. Въ послѣднихъ проектахъ нѣтъ уже и слѣда народнаго представительства, относительно союзныхъ правъ сдѣлано много важныхъ уступокъ. Остался только minimum земскихъ правъ, общихъ германскихъ правъ горожанъ и союзный судъ; въ положеніяхъ о послѣднемъ встрѣчается удивительно мелочное постановленіе, которое характеризуетъ долго сохранившееся впослѣдствіи низкое понятіе прусской бюрократіи о человѣческомъ, гражданскомъ и должностномъ достоинствѣ, именно, что избранные въ члены союзнаго суда, т. е. люди, которые, какъ въ Сѣверной Америкѣ, должны были занимать первыя мѣста въ союзѣ, подвергались испытанію. Вскорѣ затѣмъ Пруссія представила еще болѣе обширный проектъ, гдѣ было признано равенство членовъ союза; вслѣдъ за этимъ она согласилась съ Австріей на счетъ четвертаго плана, составленнаго послѣднею. Такимъ образомъ, жертвуя однимъ началомъ другому, спускались все ниже и ниже, какъ будто право и добро не стоили того упорства, съ какимъ король Виртемберга защищалъ несправедливость и зло. Въ дополнительной запискѣ къ проектамъ 10 февраля были еще разъ

[Margin notes: 2 феврaля. — 10 февраля. — Въ началѣ апр.]

---

[44]) Klüber, Acten des W. C. 2, 6.

высказаны Гарденбергомъ и Гумбольдтомъ превосходныя положенія: что германская конституція должна заботиться не только о выгодахъ дворовъ, но и объ удовлетвореніи потребностей націи, которая проникнута сознаніемъ, что ея благосостояніе, безопасность и процвѣтаніе ея чисто народнаго образованія зависятъ отъ соединенія отдѣльныхъ ея частей въ одно крѣпкое политическое цѣлое, и замѣчательное разнообразіе ея племенъ тогда только благодѣтельно будетъ дѣйствовать, когда оно будетъ уравновѣшено общимъ единствомъ. Затѣмъ въ запискѣ обозначены были три пункта, отъ которыхъ обѣщали они не отступать ни въ какомъ случаѣ,—сильное военное устройство, мѣстныя конституціи и союзный судъ. Намѣреніе было самое благое, воля, казалось, была самая твердая, выразившаяся въ этихъ сильныхъ словахъ. Но съ тупоумною услужливостью Гарденбергъ отказался отъ этихъ трехъ пунктовъ, вслѣдствіе чего и Штейнъ разошелся съ нимъ.

Совершенно иначе и съ большею обдуманностью дѣйствовалъ Меттернихъ въ пользу интересовъ Австріи. Если Германія должна сдѣлаться союзнымъ государствомъ, что было для него дѣломъ рѣшеннымъ, то Австрія непремѣнно должна въ немъ господствовать; въ противномъ случаѣ Германія, по его мнѣнію, была бы слабымъ союзомъ, который предоставлялъ бы свои отдѣльныя части вліянію болѣе сильныхъ государствъ. Послѣдній исходъ былъ бы для Австріи гораздо выгоднѣе, потому что онъ предотвращалъ столкновеніе съ Пруссіей и второстепенными державами, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ самый вѣроятный и легкодостижимый; поэтому Меттернихъ еще въ октябрѣ 1813 года, до лейпцигской битвы, объявилъ себя передъ Гарденбергомъ противъ всѣхъ разсматривавшихся тогда плановъ устройства Германіи, между тѣмъ какъ Пруссія, вѣроятно вслѣдствіе битвъ при Лютценѣ и Баутценѣ, высказала мимоходомъ свое согласіе предоставить Австріи императорскую корону. Но уже тогда Меттернихъ былъ противъ всякаго проекта союзнаго устройства, и стоялъ только за „обширную систему договоровъ и отдѣльныхъ союзовъ между германскими государями“ для внѣшней защиты, безъ всякаго отношенія ко внутреннему управленію [45]). Съ этою цѣлью онъ старался

Акты союзнаго устройства.

---

[45]) Ср.—въ Castlereagh memoirs, 9, 60—письмо Гарденберга къ Мюнстеру отъ 12 октября 1813 года.

въ Вѣнѣ уничтожить проектъ Штейна и Гарденберга; а когда зашла рѣчь о союзныхъ учрежденіяхъ, земскихъ конституціяхъ и союзныхъ гражданскихъ правахъ, онъ настаивалъ, чтобы Австріи и Пруссіи представлена была въ этомъ отношеніи полная независимость, вслѣдствіе тѣхъ неудобствъ, которыя могли бы возникнуть для нихъ отъ земскихъ правъ и обязанностей подданства. Вессенбергъ послѣ этого подалъ проектъ[1], который въ сущности заключалъ все, что впослѣдствіи и было сдѣлано. Въ немъ все было устроено въ смыслѣ союза отдѣльныхъ государствъ; общія германскія гражданскія права были уничтожены; земскія права должны были въ отдѣльныхъ государствахъ опредѣляться по происхожденію и мѣстному обычаю; члены союза должны имѣть равныя политическія права, и имѣть на союзномъ совѣтѣ частію отдѣльные, частію коллективные голоса подъ руководствомъ Австріи на первый случай. На этотъ проектъ мало обратили вниманія, но онъ въ тиши пробивалъ себѣ дорогу. Меттернихъ впрочемъ ничего не дѣлалъ явно въ пользу этого плана; въ февралѣ мѣсяцѣ, когда снова принялись за германское дѣло, онъ упорно держался въ сторонѣ отъ него; и даже по возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы, когда мелкія государства, въ которыхъ все болѣе и болѣе усиливался духъ патріотизма, тотчасъ же предложили свои услуги союзникамъ, настаивая съ тѣмъ вмѣстѣ на скорѣйшемъ окончаніи союзнаго договора и требуя въ немъ участія,—когда всѣ торопились окончательнымъ рѣшеніемъ этого дѣла и сама Россія желала этого, Меттернихъ все еще медлилъ рѣшеніемъ, чтобы еще болѣе запутать его. Если такимъ образомъ германское дѣло было подъ конецъ рѣшено поспѣшно, то виною этой поспѣшности, которой приписываютъ слабость союзнаго устройства, было не возвращеніе Наполеона, а проволочки Меттерниха. Между тѣмъ мысль о возстановленіи имперіи забывалась все болѣе и болѣе, даже между представителями мелкихъ государствъ; Плессенъ предложилъ также равноправность членовъ союза; этой равноправности требовали потомъ всѣ, потому что она устраняла подчиненіе слабыхъ членовъ окружнымъ начальникамъ и сильнымъ государствамъ. Наконецъ и Австрія[2] представила съ своей стороны плохой проектъ Вессенберга въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, и къ концу мая вмѣстѣ съ Ганноверомъ и Пруссіей изготовила изъ него и другаго, самаго безсмысленнаго прусскаго проекта, новый планъ—третій. Въ одинадцати поспѣшныхъ засѣда-

[1] Въ декаб. 1814.

[2] Въ началѣ мая.

ніяхъ[46]), съ участіемъ всѣхъ членовъ и при обстоятельствахъ, призывавшихъ къ другимъ дѣламъ, окончено было государственное устройство Германіи. За день до начала этихъ засѣданій, прусскій король издалъ повелѣніе объ учрежденіи представительства въ Пруссіи. Всѣ выказывали серьезныя намѣренія, а собственно не имѣли никакихъ. Представитель Бадена объявилъ, что не имѣетъ полномочій, а Виртембергскій (фонъ Линденъ) прозѣвалъ засѣданіе, отправившись на охоту, и извинился передъ собраніемъ въ запискѣ на французскомъ языкѣ; оба они поэтому отказались подписывать акты союзнаго договора. На совѣщаніяхъ даже самыя незначительныя постановленія въ пользу подданныхъ были отмѣнены. Относительно земскихъ чиновъ оставлена голословная фраза, что во всѣхъ германскихъ государствахъ должна существовать конституція; эта въ нѣкоторомъ родѣ обязательная фраза замѣнена была еще болѣе незначущей формулой, просто объявлявшей, что конституція будетъ, а въ французскомъ переводѣ договорныхъ актовъ выраженіе: constitution représentative замѣнено было другимъ assemblée d'états. Но все еще раздавались голоса въ пользу союзнаго суда; Баварія и Дармштадтъ были въ состояніи ихъ подавить. Мелкія государства еще разъ предлагали опредѣлить minimum земскихъ правъ; Баварія, по внушенію Австріи отклонила и это предложеніе. Даже въ дѣлахъ католической церкви духъ разъединенія побѣдилъ принципы единства; противъ ожиданія и желанія многихъ, предоставлено было папѣ заключать конкордаты не съ одною католическою церковью въ Германіи, а съ „отдѣльными нѣмецкими церквями", по куріальному выраженію. Въ пользу духовныхъ интересовъ медіатизированныхъ принцевъ въ союзѣ также хлопотали многіе, и преимущественно Пруссія, такъ что Штейнъ, самъ расположенный къ нимъ, признавалъ это крайностью; теперь же этотъ вопросъ былъ отложенъ до сейма во Франкфуртѣ; но даже и противъ этого возставала Баварія. „Приготовлять, откладывать до лучшаго времени"—таковъ былъ смыслъ рѣчи Меттерниха при открытіи засѣданія. А для того чтобы уничтожить всякую возможность разумныхъ преобразованій въ союзѣ, постарались въ основномъ законѣ союза заключить принципъ неподвижности, что и было цѣлью Австріи во всемъ этомъ дѣлѣ.

Отъ 23 мая до 10 іюня.

22 мая.

10 іюня.

---

[46]) Klübers Akten etc. 2; 324.

Опредѣлено было, что обыкновенные законы будутъ постановляемы въ особомъ уменьшенномъ собраніи (изъ 17 голосовъ) по большинству голосовъ; важнѣйшіе вопросы, касающіеся измѣненія союзнаго устройства или органическихъ преобразованій, должны быть разсматриваемы въ полномъ собраніи, гдѣ бы мелкія государства имѣли по одному, а большія по нѣсколько голосовъ, и рѣшенія его могутъ состояться только по единогласію. Но кромѣ того правительства разныхъ государствъ еще прибавили условіе, чтобы союзные законы были согласны съ мѣстными постановленіями ихъ государствъ и имѣли силу только тогда, когда правительство объявитъ ихъ отъ своего имени (Баварія впослѣдствіи распространила это условіе и на основные законы союза). Такой законодательный порядокъ дѣлалъ невозможнымъ при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ составленіе какого бы то ни было важнаго и существеннаго закона, который бы что нибудь значилъ для союза. Такимъ образомъ на мѣсто прежняго разъединенія, существовавшаго на старыхъ имперскихъ сеймахъ, этотъ порядокъ ввелъ новое коренное зло, которое уравняло новый союзъ въ ничтожествѣ и бездѣйствіи съ старымъ имперскимъ союзомъ.

Что касается внѣшнихъ отношеній союза, то и здѣсь остались нетронутыми старые недостатки имперіи, при которыхъ невозможны были искреннія международныя отношенія даже между такими государствами, у которыхъ всегда и во всемъ одинаковые интересы. Между членами настоящаго союза были три большія державы и двѣ второстепенныя; часть, а у нѣкоторыхъ даже большая часть, владѣній не принадлежала къ союзу, ихъ дѣла мало касались Германіи, а по своимъ интересамъ они не только несходны были съ Германіей, но скорѣе враждебны ей. Для мелкихъ государствъ союзныя отношенія были тяжелымъ бременемъ, а для сильныхъ—средствомъ имѣть вліяніе на Германію, властвовать надъ ней или дѣлать ее для себя безопасной. Ничто не могло препятствовать этимъ сильнымъ державамъ употреблять нѣмецкія силы для интересовъ не нѣмецкихъ, Австріи — въ Италіи, Англійскому Ганноверу — въ Португаліи; за ихъ неудачныя войны Германія должна была бы платить своими землями или, для избѣжанія этого, всѣмъ союзомъ принимать участіе въ войнѣ, которая предпринята во вредъ ей. Эти державы также легко могли нарушить свои обязанности къ Германіи, ссылаясь на обязательства, данныя ими иностран-

нымъ державамъ, какъ это и бывало во времена нѣмецкой имперіи; союзъ долженъ былъ защищать свои права противъ своихъ же членовъ силою, что равнялось бы фактическому уничтоженію союза. Даже чисто нѣмецкимъ государствамъ предоставлено было право заключать договоры съ иностранными державами, лишь бы они не были направлены противъ союза и его членовъ. Поэтому нѣмцы безпрепятственно могли вести войны не только съ какимъ нибудь иностраннымъ государствомъ, но и съ своими же соотечественниками, находящимися въ союзѣ съ этимъ государствомъ. Хотя подобныя возможныя столкновенія были невѣроятны, но все же можно было легко предвидѣть, что союзъ при такомъ внутреннемъ и внѣшнемъ устройствѣ останется на всегда въ политическомъ бездѣйствіи и неподвижности. Такой монархическій союзъ безъ монархической главы, безъ національной связи земскаго собранія, не имѣя дипломатическихъ сношеній и представительства, и дѣлалъ возможнымъ то, что нѣкоторые нѣмецкіе дворы были въ болѣе тѣсной связи съ Петербургомъ, чѣмъ съ Франкфуртомъ. Союзъ, правительство котораго состояло изъ множества личностей, подчинявшихся самымъ разнороднымъ вліяніямъ и въ составѣ котораго были государства, изъ которыхъ въ каждомъ царствующій домъ соединялъ фамильные интересы съ интерессами страны и становился вдвойнѣ сильнѣе противъ слабаго, лишеннаго единства и связи союза, — такой союзъ не могъ составлять государства, которое бы самостоятельно развивалось и своей политикой создавало и опредѣляло свою судьбу; оно должно было ожидать рѣшенія своей судьбы или отъ внѣшней политики сосѣдей, или отъ политики сильнѣйшихъ государствъ — своихъ членовъ. Это именно и было цѣлью Меттерниха, которой должно было способствовать такое устройство внѣшнихъ отношеній и такое стѣсненіе внутренняго движенія. Онъ прямо и ясно высказалъ при составленіи союзнаго акта свои намѣренія относительно Германіи, опредѣляя назначеніе союза такимъ образомъ: образовать въ центрѣ Европы большой оборонительный союзъ, для сохраненія спокойствія въ этой части свѣта. Онъ навязалъ такимъ образомъ великому народу постыдную роль пассивнаго нейтральнаго государства, свойственную только самимъ мелкимъ странамъ. Этимъ онъ вполнѣ удовлетворилъ коварнымъ желаніямъ иностранцевъ, которые хорошо были увѣрены въ томъ, „что вся-

кій германскій союзъ не опасенъ самъ по себѣ", но которые вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это видно изъ писемъ Кестльри, смотрѣли на взаимное порабощеніе Австріи и Пруссіи (гораздо вѣрнѣе умныхъ людей этихъ государствъ) какъ на лучшее средство сдѣлать и эти двѣ великія державы порознь безопасными для другихъ великихъ державъ. Вѣнцомъ всего этого дѣла было то, что Меттернихъ присоединилъ союзные акты, касавшіеся чисто германскихъ учрежденій, къ общимъ актамъ вѣнскаго конгресса, вмѣстѣ съ разными документами, касавшимися чисто внѣшнихъ территоріальныхъ отношеній, и что онъ вмѣстѣ съ вопросомъ о распредѣленіи областей между европейскими государствами представилъ на разсмотрѣніе иностранныхъ государей и союзное устройство Германіи. Изъ его объявленія въ засѣданіи нѣмецкаго комитета видно, что все это сдѣлано было съ обдуманнымъ намѣреніемъ.

Принятіе союзныхъ актовъ.

Въ Вѣнѣ въ то время были собраны всѣ знаменитые государственные люди Германіи. Никто изъ нихъ не былъ въ состояніи употребить негодный матеріалъ нѣмецкихъ отношеній для образованія естественнаго и здороваго политическаго цѣлаго. Никто даже не написалъ на бумагѣ ни одного проекта, гдѣ бы вѣрно обозначены были больныя мѣста государственнаго быта Германіи и указаны средства для ихъ исцѣленія. Штейнъ иногда вѣрно опредѣлялъ эти средства, но, изъ страха передъ трудностью добыть ихъ, онъ не осмѣливался постоянно имѣть въ виду настоящую причину зла. Даже и въ послѣдствіи эта причина, тяжело и долго сознаваемая Германіей, рѣдко была высказываема и едва затронута только однажды во время событій 1848 года. Потому что до сихъ поръ ни національное сознаніе Германіи не было на столько дальновидно и самостоятельно, ни политическія потребности не были на столько развиты, ни не было на столько навыка въ политической дѣятельности, чтобы понять эту главную причину безплодности союза, которая могла быть устранена только практически и фактически. Напротивъ, теоретическаго остроумія было довольно у нѣмцевъ, чтобы понять теоретическія недостатки союзнаго устройства. Прежде чѣмъ оно гдѣ либо было испытано на дѣлѣ, нѣмецкій народъ съ рѣдкимъ единодушіемъ порицалъ ошибочность этого устройства и совершенно отвергалъ его. Конечно, нашлись и люди довѣрчивые, которые были довольны уже однимъ окончаніемъ неопредѣленнаго

состоянія и съ беззаботнымъ воодушевленіемъ пѣли пѣсни „о здравіи Германскаго союза“. Вообще же всѣ на перерывъ осыпали это устройство въ тогда еще свободной прессѣ, словахъ и картинахъ, порицаніями, насмѣшками и бранью. Обыкновенно каждая новая власть имѣетъ своихъ панегиристовъ, но Германскій союзъ не имѣлъ ни одного, даже въ первую минуту своего существованія. Обыкновенно бываетъ, что тѣ, которые устроили новый порядокъ стараются выставить свое дѣло въ возможно лучшемъ свѣтѣ, но на союзный актъ нападали и порицали его недостатки даже сами мелкія государства, а въ особенности Ганноверъ и Пруссія. Они объявили, что актъ уничтожаетъ самыя существенныя, прежде утвержденныя положенія и что сами они подписали актъ только потому, что несовершенный союзъ все же лучше, чѣмъ никакой. Всѣ находили главный недостатокъ союза преимущественно въ пестрой смѣси разнородныхъ союзно-государственныхъ и государственно-союзныхъ сословныхъ и международныхъ элементовъ, соединеніемъ которыхъ союзное устройство представляло изъ себя страннаго урода. Разногласіе въ планахъ членовъ союза отразилось и въ результатѣ ихъ совѣщанія; въ немъ же отразилась и непослѣдовательность, заключавшаяся въ каждомъ отдѣльномъ планѣ. Понятія о союзномъ государствѣ и о союзѣ государствъ легко могли быть выведены изъ примѣра сѣверо-американскихъ штатовъ въ 1776 и 1787 годахъ, и Пруссія въ своихъ первоначальныхъ планахъ видно стремилась къ союзному государству, въ которомъ отдѣльныя части были бы подчинены общему цѣлому. Однако никому не пришло въ голову предложить то, что могло придать силу такому союзу, именно земское союзное собраніе, куда бы избирались представители вообще какъ нѣмцы, а не какъ члены отдѣльныхъ государствъ; вмѣсто этого, имѣли въ виду одно представительство въ союзѣ отдѣльныхъ сословій. Также многое другое существенно необходимое для союзнаго государства, напр. единство правъ и однообразіе судебнаго устройства и проч., не было даже и упомянуто. Одна только Пруссія серьезно настаивала на учрежденіе общаго союзнаго суда, на единство средствъ сообщенія, торговли и таможеннаго устройства, на предоставленіе земскихъ правъ въ отдѣльныхъ государствахъ и извѣстныхъ гражданскихъ правъ всѣмъ нѣмцамъ; однако изъ всего этого ничего не было сдѣлано для всего союза.—Когда

Штейнъ и подобные ему патріоты увидали эти недостатки союзной конституціи, увидали, что нѣтъ даже въ ней акта habeas corpus, что въ ней собственность и личность не были достаточно обезпечены даже на столько, какъ это было въ прежней имперіи, то они сказали, что 20 лѣтняя борьба Германіи „кончилась фарсомъ", и съ горечью отступились отъ дѣла, въ которомъ ничего не было сдѣлано для великой цѣли освобожденія, во имя которой призывались и возставали всѣ, въ которомъ не было достаточнаго содержанія для удовлетворенія патріотическаго честолюбія и занятія для политической дѣятельности,— что даже русскій министръ считалъ цѣлью германской конституціи. Согласно съ желаніями государей Рейнскаго союза, для которыхъ единственною цѣлью было — сохраненіе своей верховной власти, Германскій союзъ имѣлъ видъ международнаго союза, какъ онъ и названъ въ окончательномъ актѣ. Союзный актъ начинался формулой, какая обыкновенно употребляется въ международныхъ договорахъ; цѣль союза указана также международная: „поддержаніе внѣшней и внутренней безопасности Германіи, независимости и неприкосновенности отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ". Въ послѣднемъ проектѣ союзнаго акта „внутренняя безопасность" была отнесена не къ Германіи вообще, а подобно независимости и неприкосновенности къ „отдѣльнымъ нѣмецкимъ государствамъ," такъ что можно было предположить, что здѣсь разумѣлась и союзная защита правъ подданныхъ; это измѣненіе было сдѣлано вслѣдствіе напоминанія голштинскаго посланника, — такъ что и эта забота о внутренней безопасности Германіи получила чисто международный характеръ. Германская союзная конституція, которая сравнительно съ прежними имперскими порядками, должна была сдѣлать шагъ впередъ къ единству, на самомъ дѣлѣ вела къ полному разъединенію нѣмецкаго союза. Штейнъ видѣлъ въ новомъ устройствѣ только подтвержденіе прежнихъ положеній Рейнскаго союза. Рейнскій союзъ устранилъ много поводовъ къ несогласіямъ, много вредныхъ наростовъ, и упрощеніемъ отношеній много способствовалъ національизированію Германіи, хотя имѣлъ въ виду противуположную цѣль; новый же союзъ не подавалъ даже никакихъ надеждъ на подобные результаты. Не смотря на перевѣсъ, который данъ былъ въ союзномъ устройствѣ международному элементу, имъ были одинаково недовольны какъ противники союзнаго государства, такъ и защитники его. Виртембергъ не хо-

тѣлъ признать и тѣхъ немногихъ основныхъ правъ, которыя заключали въ себѣ союзные акты. Онъ хотѣлъ подписать только одинадцать параграфовъ чисто международнаго характера, и не подписывалъ тѣхъ особыхъ постановленій, которыя, вмѣстѣ съ постояннымъ органомъ законодательства и управленія, одни могли бы дать цѣмецкому союзу общегосударственный характеръ, характеръ союза, составленнаго изъ государствъ,—чего-то средняго, по выраженію Меттерниха, между союзнымъ государствомъ. и обыкновеннымъ международнымъ союзомъ [47]). Вслѣдствіе такой смѣси разнородныхъ составныхъ частей, германское союзное устройство имѣло видъ невиданнаго доселѣ тройственнаго политическаго тѣла, въ которомъ должны были обнаружиться невиданныя жизненныя явленія. Въ союзномъ устройствѣ были постановленія, дававшія возможность образоваться и союзно-государственнымъ отношеніямъ, если бы Австрія и Пруссія дѣйствовали единодушно. Онѣ могли бы лишить Германію, какъ союзъ государствъ, всякаго значенія въ ея внѣшнихъ отношеніяхъ, но могли обращаться съ ней какъ съ союзнымъ государствомъ; для того и другаго была одинаковая возможность. Когда дѣло шло о промышленномъ и коммерческомъ развитіи, можно было истолковать 19 статью союзнаго акта въ смыслѣ союзно-государственномъ; если же принять во вниманіе выраженіе „независимость отдѣльныхъ государствъ“, то эту же статью можно принимать въ смыслѣ государственно-союзномъ, и она „запрещала союзу касаться промышленности и торговли.“ Если въ какомъ нибудь отдѣльномъ государствѣ возникли внутреннія безпорядки, то правительство его, въ силу своихъ государственно-союзныхъ правъ, одно должно было укрощать безпорядки, не допуская посторонняго вмѣшательства, но въ то же время и другія государства по союзно-государственному праву могли вмѣшаться въ его внутреннія дѣла. Опредѣленія сейма должны были зависѣть отъ инструкцій, инструкціи зависѣли отъ воли великихъ державъ, а союзно-государственная сила или государственно-союзная слабость этой воли зависѣла отъ согласія или несогласія между этими державами. При такомъ хамелеоновскомъ устройствѣ, сужденія объ немъ, довольство или недовольство имъ въ народѣ могли быть единодушны и по-

---

34) Gagern. Mein Antheil an der Politik. Bd. 3.

слѣдовательны только до того времени, пока оно не приведено было въ дѣйствіе. До этого времени патріоты и либералы возставали противъ международнаго характера союза, т. е. противъ союза отдѣльныхъ государствъ. Но еслибы союзъ сталъ дѣйствовать какъ одно союзное государство и обратился бы къ деспотическимъ союзно-государственнымъ мѣрамъ, то эти же самые люди, желавшіе одного союзнаго государства, стали бы защищать противоположныя государственно-союзныя дѣйствія сейма и на основаніи международныхъ опредѣленій союзнаго акта вооружались бы противъ практическихъ измѣненій, къ которымъ они стремились теоретически.

Параллель между германскимъ союзнымъ устройствомъ и швейцарскимъ.

Если мы остановимся только на внѣшней исторіи происхожденія союзныхъ актовъ и не обратимъ вниманія на древнѣйшія основы германскаго народнаго союза и на всю исторію нѣмецкаго народа, то легко можемъ впасть въ прагматическую ошибку и приписать всѣ недостатки союзнаго устройства Германіи произвольнымъ и случайнымъ династическимъ вліяніямъ. Безспорно эти вліянія произвели то, что при устройствѣ союза оставлены были безъ вниманія тѣ политическіе уроки времени, которые въ теоріи и практикѣ указывали на усиленіе единства; однако этому главнымъ образомъ содѣйствовалъ германскій національный характеръ. Старинное отвращеніе нѣмцевъ къ централизаціи и однообразію выразилось въ этомъ новомъ устройствѣ союза и было причиною его недостатковъ. Сравнительный взглядъ на союзное устройство, образовавшееся тогда въ сосѣдней Швейцаріи, гдѣ не было произвольныхъ династическихъ вліяній, лучше всякихъ историческихъ разсужденій доказываетъ эту истину. Когда сеймъ въ Цюрихѣ, послѣ уничтоженія посредническихъ актовъ, окончилъ свой первый проектъ союзнаго устройства[1], коммиссары великихъ державъ требовали, чтобы какъ въ частныхъ конституціяхъ кантоновъ, такъ и въ устройствѣ всего союза сохранена была извѣстная середина, которая клонилась къ государственно-союзному порядку, необходимому для нейтралитета. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же коммиссары требовали нѣкоторыхъ союзно-государственныхъ опредѣленій, какъ наприм. права союза пересматривать частныя кантональныя конституціи. Но подобно тому, какъ нѣмецкое устройство вышло гораздо менѣе единичнымъ, чѣмъ желалъ того даже русскій императоръ, и швейцарское устройство было гораздо слабѣе, чѣмъ этого требовали представители

[1] 3 февр. 1814.

державъ. Различные проекты союзнаго устройства Швейцаріи, подобно германскимъ, должны были, для полученія согласія отдѣльныхъ членовъ союза, принимать характеръ государственно-союзный и международный. Послѣ перваго проекта, вслѣдствіе возраженія разныхъ сословій, приступлено было къ сотавленію новаго проекта¹ и къ новымъ совѣщаніямъ, а вслѣдствіе новыхъ разногласій и послѣ частныхъ совѣщаній составленъ былъ третій проектъ, который былъ одобренъ старыми кантонами и аристократическими сословіями, потому что онъ отстранялъ Цюрихъ, который предназначался быть постоянною главою союза, и назначалъ главными городами попремѣнно Цюрихъ, Бернъ и Люцернъ, отказывая вмѣстѣ съ тѣмъ сейму въ правѣ утверждать частныя кантональныя конституціи. Союзные акты, окончательно утвержденные¹ безъ всякаго участія дипломатовъ, государей и министровъ-теоретиковъ, были однако совершенно сходны съ актами германскаго устройства и составляютъ шагъ назадъ—относительно посредническаго устройства, переходъ отъ одного союзнаго государства къ союзу многихъ кантоновъ. Цѣлый рядъ централизующихъ параграфовъ, заключавшихся въ посредническихъ актахъ, былъ измѣненъ въ смыслѣ государственно-союзномъ. Статья, по которой уничтожались всѣ привиллегіи мѣстъ, происхожденія, лицъ и фамилій, была въ угоду аристократическимъ кантонамъ замѣнена постановленіемъ: что пользованіе политическими правами не должно составлять исключительной привиллегіи одного класса гражданъ. Право свободнаго жительства, свобода промысловъ (§ 4), безпошлинная внутренняя торговля (§ 5) были уничтожены. Въ посредническихъ актахъ (§ 10) безусловно были запрещены союзы между отдѣльными кантонами; но въ Швейцаріи, подобно какъ и въ Германіи, есть люди, жаждущіе верховной власти, они и замѣнили это запрещеніе неопредѣленнымъ положеніемъ, что не должно заключать никакихъ договоровъ, вредныхъ или цѣлому союзу или отдѣльнымъ кантонамъ; Швейцарія имѣла также свою Баварію и свой Виртембергъ, которые хотѣли обратить союзъ въ простой договоръ между кантонами. Швейцарскій союзъ такимъ образомъ сталъ договоромъ 22-хъ полновластныхъ кантоновъ для взаимной защиты ихъ устройства и областей, для сохраненія внутренняго порядка и внѣшней независимости; вслѣдствіе этого швейцарскій союзъ кантоновъ, какъ и германскій союзъ

¹ 10 мая.

¹ 7 августа 1715.

государей, не былъ способенъ самъ по себѣ ни къ какому развитію, и на это развитіе не могли имѣть вліянія ни прогрессъ, ни упадокъ цѣлой націи или ея частей. Швейцарскій сеймъ, какъ и германскій, былъ не столько законодательнымъ собраніемъ, сколько международнымъ конгрессомъ дипломатовъ, уполномоченныхъ отъ кантоновъ, на которомъ происходили совѣщанія о дѣлахъ уже рѣшенныхъ, такъ какъ уполномоченные дѣйствовали по инструкціямъ, даннымъ не отъ законодательныхъ собраній, а отъ исполнительныхъ чиновниковъ, т. е. отъ малыхъ совѣтовъ. Только въ одномъ отношеніи Швейцарія значительно опередила Германію, именно въ томъ, что международныя отношенія исключительно предоставлены были союзу, такъ что иностранныя государства не могли имѣть съ отдѣльными кантонами дипломатическихъ сношеній, и еще въ томъ, что военное устройство скрѣпляло союзъ одной, національной связью. А за тѣмъ швейцарскій сеймъ, также точно какъ и германскій, не имѣлъ самостоятельныхъ органовъ, посредствомъ которыхъ онъ могъ бы дѣйствовать независимо отъ кантоновъ, не имѣлъ подчиненныхъ только ему одному чиновниковъ, никакихъ судовъ, которые бы представляли верховную власть союза. Отъ того швейцарскій сеймъ, какъ и германскій, не имѣлъ ни значенія, ни силы, чтобы защищать общіе интересы страны. Право, воспитаніе, публичныя работы, почты, монеты, таможня, торговля, — все это было изъято изъ круга его дѣятельности. Всѣ переговоры о подобныхъ предметахъ на сеймѣ остались бы безплодны; что нибудь общее въ этомъ отношеніи могло быть сдѣлано только согласіемъ отдѣльныхъ сословій, какъ и въ Германіи.

Хорошая сторона Германскаго союза.

Въ Швейцаріи все зависѣло отъ того, на сколько національный духъ восполнитъ недостатки союзныхъ формъ. Тоже самое было и въ Германіи. Могло случиться, что, не смотря на недостаточное содержаніе союзнаго устройства, оно могло имѣть успѣшное развитіе; если бы духъ его пониманія былъ хорошъ, то буква его статей не могла имѣть значенія. Все зависѣло отъ того, будетъ ли преобладать въ Германскомъ союзѣ Австрія, которой еще въ 1814 году боялся Штейнъ, или Пруссія, отъ которой онъ и другіе ожидали всего; и потомъ, — духъ прусскаго правительства такъ ли много обѣщаетъ хорошаго, какъ думали объ немъ Штейнъ, Гнейзенау и др. и сохранитъ ли оно этотъ духъ постоянно. Если бы это

было такъ, то союзное устройство, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, не могло бы представлять никакихъ препятствій свободному политическому развитію. Другія государства при обстоятельствахъ еще менѣе благопріятныхъ и другіе народы менѣе даровитые, чѣмъ нѣмцы, процвѣтали и развивались, имѣя устройство еще хуже нѣмецкаго союзнаго устройства. А это послѣднее еще имѣло стороны, которыя хотя и были порицаемы съ раціональной точки зрѣнія умными людьми, но на дѣлѣ были выше всѣхъ порицаній и не подчинялись усиліямъ людей,—стороны, въ которыхъ гораздо больше выказалась необходимость естественной жизни, чѣмъ произволъ и личный взглядъ отдѣльныхъ лицъ. Это именно тѣ стороны, въ которыхъ выразился политическій духъ націи, который не былъ личнымъ убѣжденіемъ каждаго принадлежащаго къ ней, но всегда былъ закономъ для цѣлой націи. Такіе люди какъ Штейнъ и Генцъ жаловались на дробность германскихъ государствъ и на союзное разъединеніе, которое продолжалось въ германской исторіи около двухъ тысячъ лѣтъ. Однако, предположимъ, что желаніе Генца исполнилось и Габсбургскій домъ достигъ верховнаго господства надъ Германіей, или,—что Пруссія, по желанію Штейна, одна взяла на себя начавшееся дѣло возрожденія Германіи; мы увѣрены, что при такого рода единствѣ погибло бы все, что называется истинно нѣмецкимъ, и даже немыслимо, чтобы такой порядокъ вещей могъ просуществовать долгое время. Даже нивелирующій духъ Наполеона не осмѣлился затронуть союзнаго устройства Германіи и Швейцаріи. Даже такой самодержавный государь какъ Фридрихъ II, которому всего легче могла придти въ голову мысль о единствѣ Германіи, и тотъ не допускалъ возможности этого единства; услышавъ эту мысль отъ Геллерта, онъ удивился и спросилъ его иронически, ужели онъ хочетъ, чтобы во всей Германіи былъ только одинъ Августъ? Мирабо, приверженецъ централизованной Франціи, завидовалъ многочисленности государствъ въ Германіи, подобно тому какъ Маккіавелли хвалилъ раздѣленіе Италіи, какъ благопріятное для развитія и просвѣщенія, и въ тоже время порицалъ его съ политической точки зрѣнія. Одинъ изъ прежнихъ политиковъ Германіи, благородный Фёрстеръ, желалъ, чтобы его отечество сохранило свободу и національность, не утративъ однако своего племеннаго быта и связаннаго съ нимъ естественнаго,

многосторонняго, сходнаго съ греческимъ развитія.—И другимъ замѣчательнымъ личностямъ, напр. Виланду, Гердеру и другимъ, понятія и чувства обще-германской національности и единства были совершенно чужды, если не противны; къ нимъ были равнодушны Гёте и Шиллеръ. Французскія времена принесли въ Германію вражду и раздоръ; нѣмецкая кровь лилась отъ нѣмецкаго же оружія; ненависть между племенами достигла высшей степени; быстрое возвышеніе Пруссіи возбудило въ ней гордость и мстительность, а въ другихъ зависть и нерасположеніе къ ней. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ единодушное національное соединеніе казалось невозможнымъ; даже болѣе крѣпкія формы союзнаго устройства, вмѣсто того чтобы потушить вражду между нѣмецкими племенами, еще болѣе раздували бы ее. Въ это время даже такой ограниченный человѣкъ и фанатикъ какъ Цельтеръ желалъ „положить головы молодыхъ людей къ ихъ ногамъ“ за то, что они хотѣли быть нѣмцами вообще, а не пруссаками. Чтобы это внутреннее несогласіе и вражда между нѣмецкими племенами нѣсколько забылись и ослабѣли, необходима была остановка политическаго движенія, и слабость союза, произведшая эту остановку, была такимъ образомъ благодѣяніемъ. Если остановка не способствовала къ продолженію союза, то она преимущественно упрочила его будущее существованіе. Германія лишилась матеріальнаго единства, но отъ этого укрѣпился духъ единенія, а онъ одинъ способенъ создать прочное національное единство. Сознавая недостатокъ единства въ цѣломъ и отсутствіе самостоятельности въ отдѣльныхъ государствахъ, всѣ умы сближались между собою этимъ сознаніемъ одинаковыхъ потребностей. Если бы какое нибудь государство сочло для себя возможнымъ разорвать духовную связь съ общимъ отечествомъ и отдѣлиться съ своими школами и университетами отъ остальной Германіи, тогда другіе мало по малу привыкли бы смотрѣть на его положеніе какъ на нормальное. Но если бы ему предоставлено было большое союзно-государственное вліяніе, то это имѣло бы самыя вредныя послѣдствія, потому что политическій духъ въ Германіи не былъ еще на столько силенъ, чтобы противиться такому вліянію. Ничего бы не вышло и съ единствомъ, если бы оно и было достигнуто. Въ это напряженное время настроеніе свободной прессы въ пользу единства было весьма слабо по числу представленныхъ про-

ектовъ и по незначительности ихъ содержанія. Всѣ эти проекты были совершенно сходны съ планами, составленными въ 1848 году относительно германскаго единства; но имъ недоставало силы, общеизвѣстности и популярности въ общественномъ отношеніи и общаго сочувствія. Это были больше нѣмыя желанія и ожиданія вещи, которую надѣялись получить даромъ; но не надо забывать, что только то остается достояніемъ народовъ, что есть плодъ ихъ собственнаго усиленнаго труда. Самая настоятельная потребность защиты противъ Франціи вызвала необходимость внѣшнихъ союзовъ и систему взаимной защиты Германіи; а потребность общаго внутренняго, государственнаго развитія хотя и предчувствовалась, но слабо сознавалась. Недостатокъ сильнаго устройства болѣзненно отзывался въ мыслящихъ людяхъ, но не былъ понятъ или осмысленъ большинствомъ. Такъ ужъ всегда бываетъ въ исторіи, что массы не видятъ подобныхъ недостатковъ, пока они со всѣми ихъ послѣдствіями не сдѣлаются слишкомъ невыносимыми, и что даже величайшіе умы могутъ имѣть вліяніе на прогрессъ государствъ и производить реформы только въ моментъ величайшихъ несчастій и бѣдствій, сдѣлавшихся нестерпимыми.

III.

РЕАКЦІИ ОТЪ 1815 ДО 1820 ГОДА.

I. Умственныя движенія, подготовлявшія реакцію.

Характеръ исторіи 19 столѣтія.

Историку, который отъ великихъ міровыхъ событій, волновавшихъ человѣчество на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій, переходитъ къ происшествіямъ и отношеніямъ послѣдующаго періода, рѣзко бросается въ глаза поразительная разница между этими двумя періодами. Предшествовавшая четверть вѣка обнимаетъ собою массу историческихъ фактовъ необыкновенно громадныхъ и величественныхъ; въ теченіи ея міръ взволнованъ былъ новыми идеями и дѣяніями, которыя глубоко потрясли человѣческій духъ, наполнили воображеніе блестящими образами и задали уму для разрѣшенія труднѣйшія задачи. Менѣе блистательна, но не менѣе значительна исторія послѣдующаго времени. Ей недостаетъ блеска великихъ войнъ и переворотовъ; скорѣе это исторія мира, только изрѣдка нарушаемаго. Если и повторялись въ это время подобныя возстанія, войны, гражданскія и государственныя перемѣны, какія совершались во времена французскаго господства, то онѣ представлялись только мимолетными отраженіями предшествовавшихъ великихъ движеній; массы не обнаруживали уже тѣхъ глубокихъ и продолжительныхъ страстей, отдѣльныя личности не имѣли уже тѣхъ могучихъ принциповъ и отважныхъ плановъ, подъ вліяніемъ которыхъ въ прежнее время такъ легко являлись своевольныя, дерзкія, но всегда

творческія попытки образованія новыхъ государствъ и государственныхъ учрежденій и новаго раздѣленія власти въ Европѣ. Исторія слѣдующаго затѣмъ времени всеобщаго изнуренія должна разсказывать только о многосторонней дѣятельности дипломатическаго искусства и о всеобщемъ желаніи уклоняться отъ великихъ рѣшеній и дѣйствій, отъ всякихъ серьезныхъ затрудненій, отъ всякой рѣзко очерченной системы правленія и отъ малѣйшаго рѣшительнаго шага впередъ. Эти явленія произошли вслѣдствіе политическаго изнеможенія, господствовавшаго во все время продолжительнаго спокойствія въ общественныхъ отношеніяхъ; они же вызвали благодѣтельную дѣятельность частныхъ лицъ, которая теперь освободилась отъ многихъ стѣсненій. Науки и искусства, торговля и промышленность, внутреннее образованіе и внѣшнее благосостояніе испытали на себѣ въ значительной степени эти благодѣтельныя дѣйствія мира; духъ изобрѣтательности и предпріимчивости пережилъ новую эпоху своего процвѣтанія; матеріальные и духовные капиталы, тратившіеся прежде на вещи ненужныя, обращены были теперь на содѣйствіе тому, что нужно для мирныхъ отношеній между людьми и для обмѣна ихъ богатствъ физическихъ и моральныхъ. Благосостояніе значительно распространилось и вызвало въ полуобразованныхъ и необразованныхъ классахъ новыя потребности и стремленія, для удовлетворенія которымъ возникли разныя учрежденія, придуманныя человѣколюбивою заботливостью объ общемъ благѣ, и явились планы преобразованій, враждебныхъ правительствамъ и нерѣдко вредныхъ для общества. И эти стремленія къ улучшенію общественнаго положенія низшихъ классовъ были такъ сильны, что вызвали даже предназначенныя для всѣхъ народовъ системы философіи, политики, соціальныхъ ученій, тѣ системы всемірнаго гражданства и всемірной республики, соціализма и коммунизма, осуществленіе которыхъ должно было проложить путь къ вѣчному миру между всѣми народами, братски соединенными между собою. Вслѣдствіе такихъ напряженныхъ стремленій, даже во время неподвижнаго общественнаго спокойствія, стали обнаруживаться первые признаки новыхъ потрясеній, которыя, выходя изъ опасной глубины, должны были распространиться на большое пространство и дѣйствовать долгое время. Особенно позднѣйшія движенія, въ концѣ послѣдняго періода нарушившія неподвижный характеръ времени и возмутившія миръ неожи-

данными ударами всколебавшихся массъ, ясно показали, что господствующей системой политическаго усыпленія приготовляется еще болѣе страшная почва для новыхъ и болѣе общихъ движеній. Потому что подобныя движенія неизбѣжно появляются вездѣ, гдѣ старыя государственныя формы приходятъ въ несогласіе съ возрастающими умственными, нравственными и соціальными потребностями общественнаго и частнаго быта, и гдѣ застой всѣхъ общественныхъ отношеній сталкивается съ усиленной жаждой дѣятельности новаго поколѣнія, которое хочетъ испробовать свои собственныя способности и имѣть свои собственныя дѣянія, какъ предшествовавшее поколѣніе имѣло свои.

Борьба противъ направленій, господствовавшихъ въ прежнее время.

Это было дѣйствіемъ самаго простаго естественнаго закона,— что послѣ излишняго напряженія силъ въ послѣднія 25 лѣтъ, изнуренная Европа предалась покою, что недостатокъ въ денежныхъ средствахъ и людяхъ произвелъ миръ, и уставшіе умы желали отдохновенія. Принудительная сила этого закона, не смотря на всѣ усилія человѣческаго произвола, имѣла полное дѣйствіе уже въ послѣднихъ военныхъ событіяхъ. Вся Европа, вооружившаяся противъ Наполеона съ цѣлью низвергнуть его, съ радостію оставила бы его въ покоѣ, лишь бы только это повело къ прочному миру, даже въ то время, когда союзныя войска стояли во Франціи, которая столько же была изнурена своимъ императоромъ и его побѣдами, сколько противники его своими пораженіями. Въ Вѣнѣ сильный союзъ угрожалъ стойкой Россіи, но эта стойкость и угрозы разрѣшились взаимною уступчивостью. По поводу нѣмецкаго государственнаго устройства также возникли несогласія, но потребность въ мирѣ примирила эти несогласія; всѣ были недовольны тѣмъ, что случилось, однако никто не хотѣлъ принимать мѣръ къ тому, чтобы это не случилось. Еще разъ, когда всѣ мечтали уже наслаждаться плодами мира, явился нарушитель мира съ острова Эльбы, и огромныя военныя приготовленія были сдѣланы для того, чтобы снова поразить его. И когда послѣ столькихъ усилій желанный миръ былъ наконецъ возстановленъ, то весьма естественно было, что всѣ желали сохранить и обезопасить на будущее время то, что съ такимъ трудомъ было достигнуто въ настоящее, преувеличивали значеніе достигнутой цѣли и утѣшали себя идеальными надеждами на прочный миръ въ союзѣ европейскихъ государствъ, который дол-

женъ былъ поддерживаться третейскимъ судомъ и совѣщаніями государей. Если бы во главѣ дѣлъ стояли государственные люди съ юношески свѣжими силами, то они, быть можетъ, поняли бы опасность такого рѣзкаго перехода отъ чрезвычайнаго напряженія къ внезапному покою и общему разслабленію, опасность, которую въ подобныхъ случаяхъ представляютъ войска, привыкшія къ дѣятельности, и чтобы предупредить эту опасность, поставили бы задачей своей умѣренной и спокойной политики — прекратить это всеобщее усыпленіе и дать движеніе свѣжимъ силамъ. Но вмѣсто этого, всѣ они желали мира во что бы то ни стало, для спокойствія жертвовали всѣмъ, и потребность въ мирѣ ставили выше другихъ, болѣе важныхъ потребностей; правители государствъ даже вмѣнили себѣ въ заслугу то, что было для нихъ необходимостью, и то изнеможеніе, которое они сами чувствовали, положили въ основаніе своей политики. Вслѣдствіе этого самымъ нужнымъ для того времени и самымъ вліятельнымъ человѣкомъ сталъ министръ государства, которое дольше и больше всѣхъ потерпѣло во времена французскихъ движеній и войнъ; человѣкъ, котораго даже его соотечественники находили лѣнивымъ отъ природы, который съ юности преданъ былъ страсти къ наслажденіямъ. Принципамъ революціи, войны и завоеванія князь Меттернихъ противопоставилъ принципъ анти-революціи, мира, неприкосновенности, легитимизма и выставилъ его знаменемъ всеобщей политики для послѣдующаго времени, и слѣпое противодѣйствіе всѣмъ направленіямъ, существовавшимъ въ прежнее время, стало основнымъ принципомъ почти всѣхъ европейскихъ правительствъ и сдѣлалось главною характеристическою чертою послѣдующаго времени.

Основанія этой борьбы въ другихъ противоположныхъ направленіяхъ, существовавшихъ въ прежнее время.

Поэтому несправедливо думать, что эта борьба противъ прежнихъ направленій была слѣдствіемъ указанныхъ правительственныхъ принциповъ и что вообще великая реакція слѣдующихъ годовъ была дѣломъ чистаго произвола и насилія. Вліяніе неподвижныхъ принциповъ Меттерниха простиралось далеко, однако подобные принципы дѣйствовали даже и тамъ, куда не доходили его примѣръ и вліяніе; потому что весьма естественно было, что разныя правительства принимали одинаковыя мѣры противъ духа, принциповъ, государственныхъ учрежденій революціонной Франціи, отъ которыхъ всѣ они одинаково пострадали. Но кромѣ всего этого, въ

европейскомъ обществѣ, даже въ самой Франціи, въ литературѣ, въ умственной и нравственной области, независимой или имѣющей возможность быть независимою отъ всякаго правительства, существовало совершенно свободное движеніе противъ тѣхъ же революціонныхъ принциповъ, обнаружившееся съ самаго начала ихъ происхожденія и дѣятельности. Въ этихъ-то умственныхъ движеніяхъ, именно потому, что они свободны отъ произвольныхъ внѣшнихъ вліяній, и нужно искать главный источникъ идей времени, которыя могли оказать такое сильное противодѣйствіе всѣмъ стремленіямъ, существовавшимъ доселѣ въ государствѣ и церкви, въ искусствѣ и нравственности; безъ тихой предварительной работы этихъ противодѣйствующихъ идей въ самихъ народахъ, никакое правительственное искусство не могло бы выработать и осуществить на дѣлѣ враждебные революціи принципы. Поэтому въ нашемъ разсказѣ мы должны обратить вниманіе на эти антиреволюціонныя движенія въ умственной области и представить ихъ хоть въ краткомъ очеркѣ, указывая только на главныхъ представителей и виновниковъ этихъ движеній; тогда только историческая истина явится намъ во всей чистотѣ, не обезображенная поверхностными взглядами и духомъ партій. Въ этомъ очеркѣ нѣтъ нужды опредѣлять самостоятельное значеніе ученыхъ и художественныхъ произведеній,— это дѣло исторіи литературы,—а слѣдуетъ только показать взаимное отношеніе и соприкосновеніе между литературою и дѣятельною жизнью, опредѣлить вліяніе внѣшнихъ событій на дѣятельность духа и обратное дѣйствіе послѣдней на явленія въ государствѣ и во внѣшней жизни.

Развитіе нѣмецкой литературы въ 18 столѣтіи.

Умственное противодѣйствіе французскимъ нововведеніямъ имѣло отдаленное и общее основаніе въ могучемъ развитіи германскаго духа въ области науки и искусства съ половины XVIII вѣка. Характеристическія особенности сѣверныхъ и протестантскихъ народовъ обнаружили свою противоположность съ свойствами романскихъ народовъ, сначала въ дѣлахъ религіозныхъ, а потомъ ясно выразились и въ области искусства и науки, которыя у германскихъ народовъ имѣли опредѣленный своеобразный характеръ и составляли совершенную противоположность съ романской поэзіей и философіей съ того самаго времени, когда Беконъ возсталъ противъ схоластической философіи и Шекспиръ ослабилъ вкусъ къ итальянской поэ-

зіи. Впослѣдствіи Гендель, вслѣдствіе подобнаго направленія своего вкуса, своею музыкой провелъ рѣзкую черту между германскимъ и романскимъ искусствомъ; къ нему непосредственно примкнулъ Клопштокъ и представилъ первые очерки той неизмѣримой духовной работы, которая поставила нѣмецкую націю съ ея литературой на ряду съ опередившими ее сосѣдними народами. Во времена Шекспира, когда данъ былъ первый толчекъ новому искусству, духовная связь между народами и знаніе языковъ были еще слабы, сама Англія была страной уединенной и незначительной, такъ что развившееся въ ней германское умственное направленіе не могло перейти въ литературы другихъ европейскихъ народовъ. Но когда это направленіе подъ вліяніемъ англійской литературы съ новою силою возникло въ Германіи, странѣ, лежащей въ срединѣ Европы, густо населенной народомъ, который по языку и племеннымъ свойствамъ родственъ былъ съ жителями сосѣднихъ странъ, и возникло въ то время, когда постоянныя связи облегчали умственныя сношенія между націями,—тогда этотъ своеобразный характеръ германской литературы вездѣ проложилъ себѣ дорогу, и въ частности нѣмецкая литература достигла высшей степени своего процвѣтанія и, одновременно съ всемірнымъ политическимъ владычествомъ Франціи, какъ бы для противодѣйствія ему, пріобрѣла всемірное духовное владычество, болѣе прочное и имѣющее великое значеніе въ исторіи.

Особенность характера германской литературы и ея вліяніе на литературу романскую.

Особенность германскаго направленія въ искусствѣ и наукѣ, такъ же какъ и въ религіи, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что оно духовное содержаніе ставитъ выше внѣшней формы, истину выше красоты, реальное выше идеальнаго и природу выше искусства. На югѣ Европы въ теченіи послѣднихъ столѣтій, при пустотѣ и безсодержательности общественной жизни, вѣра заключалась въ неприкосновенныхъ догматахъ, наука была школьнымъ знаніемъ преданія, искусство—безжизненнымъ школьнымъ упражненіемъ, до такой степени, что Фосколо называлъ письменный итальянскій языкъ полумертвымъ и мадамъ Сталь отрицала всякое значеніе французской поэзіи для народа. Напротивъ въ Англіи и Германіи въ наукѣ господствовали неустрашимая любовь къ истинѣ, сомнѣніе и свободное изслѣдованіе, въ искусствѣ — непосредственность чувства и страсти и свободное естественное выраженіе ихъ, подоб-

ное тому, какое представляютъ простыя пѣсни народа; искусство черпало матеріалъ изъ жизни и обратно имѣло вліяніе на жизнь народа. Поэтому англійская поэзія у Шекспира и Мильтона, нисколько не нарушая строгихъ требованій искусства, сдѣлалась судьею житейскихъ и общественныхъ отношеній и была то обличительнымъ зеркаломъ, то грознымъ бичемъ для своего времени. На этотъ путь вступила и нѣмецкая литература съ того самаго времени, когда въ Англіи въ прошломъ столѣтіи Шекспиръ воскресъ на сценѣ и въ объясненіяхъ его сочиненій, а Мильтонъ, такъ сказать, ожилъ въ Клопштокѣ; съ сердцемъ, полнымъ любви къ религіи и отечеству, онъ указалъ поэзіи то высокое призваніе, слѣдуя которому она въ нѣсколько десятилѣтій совершенно преобразовала нѣмецкое общество и его нравственное положеніе. Въ тоже время и итальянская поэзія, подчиняясь общимъ вліяніямъ съ сѣвера, если не по формѣ, то по своему духу приняла направленіе сѣвернаго искусства, которое со временъ Петрарки совершенно было чуждо формалистическому характеру ея литературы. Въ царствованіе Маріи Терезіи, когда ломбардцы и нѣмцы жили еще въ общеніи и согласіи между собою, графъ Фирміанъ въ Миланѣ побудилъ священника Іосифа Парини, человѣка высокоуважаемаго Италіей, издать написанную имъ сатиру на мелкія и безнравственныя стремленія испорченнаго ломбардскаго дворянства [1]); это стихотвореніе своимъ практическимъ житейскимъ направленіемъ ослабило укоренившуюся въ итальянцахъ любовь къ безнравственнымъ произведеніямъ Голдони и Касти и къ нелѣпостямъ аркадской поэзіи. Послѣдователи Парини, Монти и Фосколо, воскресили поэзію Данте и среди политическихъ страданій своего времени вспоминали объ немъ съ восторженнымъ благоговѣніемъ, потому что онъ въ политической и патріотической ревности своею поэзіей старался содѣйствовать благу отечества, такъ точно, какъ теперь содѣйствовали ему Парини и Альфіери. Графъ Альфіери провелъ юность свою въ тѣхъ порокахъ, которые осмѣивалъ Парини, въ невѣжествѣ, разсѣянности и развратѣ, и уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, пораженный политическимъ униженіемъ своего народа, совершенно измѣнилъ свой образъ жизни, оставилъ свою прежнюю вандальскую безчувственность ко всѣмъ

---

[1]) Первая часть, il mattino, 1763.

высшимъ интересамъ и съ лихорадочнымъ рвеніемъ стремился къ тому, чтобы своею поэзіей воззвать націю къ новой жизни и свободѣ. Чувствуя непреодолимую потребность дать исходъ волновавшимъ его сильнымъ страстямъ въ своихъ сочиненіяхъ и стихотвореніяхъ, онъ обнаружилъ въ нихъ такіе порывы, которые сдѣлали его романтикомъ въ Италіи, прежде чѣмъ стала извѣстна настоящая германская романтика. Альфіери впрочемъ зналъ сѣверъ такъ хорошо, какъ рѣдкій изъ итальянцевъ того времени. Среди скандинавскихъ зимъ ему стала понятна мрачная меланхолія Оссіана (въ переводѣ Цезаротти), политическія и религіозныя событія Англіи пролили для него свѣтъ на положеніе его отечества, Шекспиръ сталъ близокъ ему, „перешелъ въ его кровь", хотя онъ, съ итальянскою гордостью передъ сѣвернымъ варварствомъ, старался освободиться изъ подъ его вліянія. Вслѣдствіе такого преднамѣреннаго упорства, онъ держался французскихъ формъ и правилъ классицизма, — что̀ составляло самое рѣзкое противорѣчіе съ внутреннимъ направленіемъ и цѣлями его поэзіи. Съ подобными противорѣчіями и другими странностями и вся итальянская поэзія, такъ же какъ и французская литература, приняли новое германское направленіе и, можетъ быть для совершенія такого переворота въ направленіи, какъ и вообще для всякаго потрясенія старыхъ народныхъ привычекъ, именно и нужны были такіе эксцентрическіе и такъ мало зараженные старыми литературными привычками люди, какъ Альфіери и Руссо, изъ которыхъ первый, родомъ изъ Піемонта, сначала не умѣлъ ни писать, ни понимать по итальянски, а послѣдній былъ иностранцемъ для Франціи, дѣйствуя въ протестантской Женевѣ. Въ музыкѣ Руссо рѣшительно стоялъ на нѣмецкой точкѣ зрѣнія: онъ опровергалъ положеніе Рамо, что гармонія есть единственное основаніе музыкальнаго искусства, и указывалъ на первоначальное мелодическое искусство, какъ на самое естественное, которое, какъ второй языкъ, почерпаетъ для себя выраженіе изъ движеній духа, а не изъ правилъ генералъ-басса. Въ поэзіи онъ также первый далъ толчекъ такъ называемому романтическому направленію во Франціи и по мѣрѣ возможности старался обратить поэзію отъ условныхъ правилъ разсудка къ природѣ и непосредственному чувству. Но и во Франціи поэзія долго еще держалась классическихъ формъ, хотя въ своемъ содержаніи преслѣдовала революціон-

ныя цѣли новой французской философіи, которая, усвоивъ себѣ матеріалистическія ученія англійскихъ деистовъ и эмпиристовъ, уничтожила безплодный спиритуализмъ старой школьной философіи французской и, обратившись къ человѣку и его интересамъ, подвергла своей разрушительной критикѣ порядки, существовавшіе въ церкви, государствѣ и обществѣ.

Внутреннее различіе между германской и романской литературой.

Хотя литература XVIII столѣтія во всѣхъ странахъ была одинакова по своему протестующему и реформаторскому характеру, по своему свободному обсужденію жизненныхъ отношеній и вездѣ одинаково проповѣдывала великій переворотъ въ жизни и нравахъ, который совершился потомъ во Франціи; однако предъ наступленіемъ этого переворота въ одинаковыхъ повидимому направленіяхъ поэзіи и философіи ясно обнаружились, кромѣ всѣхъ формальныхъ разностей, и внутреннія различія въ духовныхъ стремленіяхъ германскихъ и романскихъ народовъ. Что касается поэзіи, то здѣсь большое различіе заключалось уже въ томъ, что въ Германіи напр., гдѣ литературный переворотъ совершился прежде всего въ поэтической области, поэзія хотя и преслѣдовала практическія цѣли, однако въ сущности сама для себя была цѣлью, а во Франціи и Италіи она служила только средствомъ для политическихъ цѣлей. Но кромѣ этой несущественной разницы, которая происходила отъ различія временныхъ условій развитія, были еще и другія, которыя указывали уже на самое различіе въ характерахъ европейскихъ народовъ. Протестантскія страны не имѣли никакого основанія и повода къ тѣмъ враждебнымъ и усиленнымъ нападеніямъ, которымъ подвергались во Франціи религія и церковь, находившіяся въ рѣзкомъ разладѣ со всѣмъ образованіемъ того времени. Между тѣмъ какъ Вольтеръ приписывалъ христіанству, какъ самой неразумной и кровожадной религіи, всѣ бѣдствія человѣчества и пытался уничтожить его только своими личными усиліями, нѣмецкіе раціоналисты съ благоговѣніемъ останавливались предъ историческимъ величіемъ христіанства, и свѣжее воображеніе нѣмецкой націи признало за вѣрой и суевѣріемъ по крайней мѣрѣ поэтическое значеніе. Далѣе, вся нравственная природа нѣмцевъ вооружалась противъ того, какъ энциклопедисты возвели испорченную нравственность высшаго французскаго общества въ систему эпикурейской философіи, въ которой слѣдствія ученія о зависимости души отъ чувствъ доведены были

до осязательной крайности, и по которой случай есть творецъ міра, фатализмъ управляетъ имъ, а человѣкъ есть только машина. И тогда какъ эта система доведена была до совершенства Гольбахомъ и ему подобными, въ Германіи она возбудила отвращеніе во всѣхъ, даже въ вольнодумцѣ Фридрихѣ II, который, прежде чѣмъ судьба научила его уважать Зеноновскую мудрость, еще ревностнѣе слѣдовалъ этой философіи, нежели самъ обожаемый имъ Вольтеръ. Въ Британіи противъ этой житейской философіи образованнаго общества возстала шотландская философія Рида и Беатти, какъ бы въ вознагражденіе за то, что англійскіе сенсуалисты въ свое время содѣйствовали нравственной порчѣ французской философіи; однако шотландская философія не считала нужнымъ возставать, подобно Руссо, противъ всякаго образованія вообще и противъ общества. Въ Германіи Кантъ также вооружился противъ этого эпикуреизма, который признавалъ источникомъ и побужденіемъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій одно самолюбіе и цѣлью жизни ставилъ наслажденіе и счастіе; онъ старался внушить людямъ болѣе высокое уваженіе къ ихъ внутреннему достоинству и духовной натурѣ и возвысить ихъ надъ всѣмъ земнымъ; онъ училъ, что назначеніе человѣка состоитъ не въ счастіи, а въ томъ, чтобы онъ былъ достоинъ этого счастія, и своимъ ученіемъ объ обязанности утвердилъ оспариваемую свободу человѣческой воли. Этотъ катоновскій голосъ разума и совѣсти, направленный противъ страстей и чувственныхъ влеченій, привлекъ на сторону Канта всѣ сильные умы и воодушевлялъ такихъ людей какъ Фихте и Шиллеръ, которые болѣе другихъ содѣйствовали происхожденію въ Германіи тѣхъ идей и взглядовъ, послѣдователи которыхъ своими дѣйствіями старались остановить политическія увлеченія и порывы Франціи, не желая однако слѣпо и ретроградными мѣрами противодѣйствовать ея разумнымъ нововведеніямъ.

Открытая борьба между романскимъ и германскимъ направленіемъ возникшая со временъ революціи.

Во времена американскихъ войнъ за независимость и послѣ въ первое время французской революціи, когда повидимому казалось, что нива реформаторской литературы даетъ уже обильную жатву и приноситъ благородный плодъ—основаніе царства свободы и разума, литература всей Европы въ этихъ счастливыхъ событіяхъ находила для себя новое воодушевленіе и поощреніе въ своемъ свободномъ направленіи, обращенномъ къ внѣшней жизни человѣка.

Въ Италіи Альфіери воспѣвалъ американскую независимость и разрушеніе Бастиліи; въ Англіи поэты новой школы, Кольриджъ и Соутсей, въ Шотландіи Борнсъ, Кемпбель и Монтгомери воодушевлялись новыми идеями свободы; въ Германіи приходили въ удивленіе и радостный восторгъ отъ послѣднихъ событій не только геніальные ученики изъ школы Клопштока, но и философы, которые впослѣдствіи, отрѣшившись отъ внѣшней жизни, предались внутреннему созерцанію,—но теперь мечтали о томъ, что ихъ наука и идеи обновятъ міръ и произведутъ улучшенія въ государствѣ помощію государства. Фихте, явный приверженецъ Руссо, защищалъ противъ Рехберга (1793) законность революціи, — и еще въ 1795 г. Шеллингъ и Гегель выставляли своимъ знаменемъ разумъ и свободу, и согласно указывали на одинаковый способъ преобразованія государства и церкви; послѣдній прямо возлагалъ свои надежды на революцію, въ которой, какъ онъ говорилъ, народы, узнавъ изъ философіи свое достоинство, „не станутъ требовать отъ другихъ своихъ попранныхъ правъ, но сами возвратятъ ихъ себѣ“ [2]). Но когда во Франціи практически осуществились тѣ политическія и религіозныя буйства, которыя теоретически господствовали въ ея литературѣ, тогда ясно и открыто обнаружилась внутренняя духовная разность между ею и остальною Европой, и даже внѣшнимъ образомъ вся Европа стала во враждебное отношеніе къ Франціи. Послѣ этого даже въ Италіи самъ Парини разочаровался въ своихъ надеждахъ на Францію и Альфіери изливалъ свою ненависть на націю „тигровъ“, осквернившую свободу. Глава англійской и шотландской литературы, Вальтеръ Скоттъ, слѣдуя Питту, сдѣлался почти фанатическимъ тори и врагомъ французовъ. Въ Германіи, прежнее благоговѣніе и удивленіе къ Франціи замѣнилось—у восторженныхъ поэтовъ, какъ Клопштокъ и Виландъ, отвращеніемъ, у болѣе раздражительныхъ натуръ, какъ Клингеръ и Г. Л. Шлоссеръ, негодованіемъ на человѣчество и отчаяніемъ въ немъ, а у людей, неимѣвшихъ политическаго смысла, какъ напр. у Гёте, глубокимъ равнодушіемъ и полнымъ отчужденіемъ отъ всякой внѣшней жизни. Послѣднее направленіе съ того времени, когда не удалась первая попытка нѣмецкаго оружія остановить бурный потокъ революціи, ясно обнаружилось въ на-

---

[2]) Розенкранцъ, Hegels Leben. Стр. 70.

строеніи всей нѣмецкой націи, въ дѣйствіяхъ правительствъ, въ равнодушіи народа и безчувственности его духовныхъ вождей. По мѣрѣ того какъ Франція мѣняла свою литературную роль на политическую, Германія истрачивала всѣ свои силы на литературную дѣятельность и упорно отказывалась отъ своего политическаго и національнаго призванія, не смотря на то, что революціонная слава и военное величіе сосѣдняго государства сначала своимъ примѣромъ, а потомъ и опасностью указывали Германіи, что исполненіе ея политической задачи есть неизбѣжная необходимость въ настоящее время. Политическое возвышеніе Франціи въ глазахъ нѣмца поколебало новое зданіе его духовнаго образованія, стоявшее еще на зыбкомъ основаніи; построенное при вулканическихъ изверженіяхъ революціи, это чудное зданіе умственнаго государства, казалось, увлекло всѣ дѣятельныя силы націи въ идеальную область; составленное изъ обломковъ лавы, оно при внѣшнемъ расширеніи распадалось внутренно, и чѣмъ быстрѣе это совершалось, тѣмъ яснѣе казалось нѣмецкому духу, страдавшему подъ постыднымъ гнетомъ внѣшнихъ обстоятельствъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего прочнаго, кромѣ идеальныхъ сокровищъ мысли и поэзіи, и, какъ бы страшась внѣшней жизни, онъ хотѣлъ забыться въ полномъ квіетизмѣ художественныхъ и научныхъ стремленій.

Извращенія характера нѣмецкой литературы въ романтической школѣ.

Это новое направленіе усиленной духовной дѣятельности въ Германіи и новое направленіе литературы, бывшее его результатомъ, скоро измѣнилось совершенно и перешло въ другую крайность, которая представляла прямую противоположность всему тому, что составляло прежде естественный характеръ и славу германской духовной жизни. Въ лицѣ господствующей школы литература отказалась отъ своихъ стремленій — стать нравственнымъ судьею и преобразовательницею міра, стала удаляться отъ общественной и дѣятельной жизни, отъ настоящаго, отъ народа и государства и обратилась на предметы совершенно чуждые чувственному и дѣйствительному міру: философія превратилась въ идеалистику, отвергавшую міръ и опытъ, поэзія, изслѣдованіе природы и миѳовъ — въ фантастику, совершенно забывавшую міръ и опытъ. Въ тѣхъ предметахъ, гдѣ неизбѣжно было указаніе практическихъ отношеній къ государству и обществу, наприм. въ исторіи, государственныхъ наукахъ и религіи, ученые, какъ бы избѣгая настоящаго, съ осо-

беннымъ пристрастіемъ обращались къ содержанію и формамъ прошедшаго и преимущественно среднихъ вѣковъ. Нѣмецкая философія нашла для себя лозунгъ въ системѣ мистиковъ 14-го столѣтія, философія природы обратилась къ средневѣковымъ воззрѣніямъ, поэзія переводила сочиненія изъ рыцарскихъ временъ и подражала имъ въ сюжетахъ, въ формахъ и манерѣ, люди религіозные обращались къ римской церкви. Въ противоположность характеристическимъ свойствамъ германскаго духа, образовался совершенно романскій формалистическій характеръ въ нѣмецкой школѣ, которая называется романтическою и которую правильнѣе было бы назвать романскою. Правда она поколебала новый классицизмъ, воскресившій въ поэзіи древне-римскій элементъ; но при этомъ только отчасти дѣйствовали германскій вкусъ и чувство, развитые Шекспиромъ; главнымъ же образомъ она поколебала его тѣмъ, что поставила на первый планъ средневѣковой элементъ романтизма и все средневѣковое предпочитала новому, все фантастическое — ясному для разсудка; изъ лирики и испанской драмы она сама подражала тѣмъ формамъ, какія отвергала во французской поэзіи. Въ лицѣ этой школы германская литература сдѣлала свои великія завоеванія въ романскихъ странахъ, именно потому, что своимъ незначительнымъ сближеніемъ съ романтизмомъ она дала возможность другимъ понимать свое содержаніе. Послѣ паденія французской имперіи, когда обстоятельства потребовали новыхъ политическихъ преобразованій и литература снова обратилась непосредственно къ практическимъ вопросамъ, въ литературахъ всей Европы и въ этомъ практическомъ отношеніи господствовало то же стремленіе къ среднимъ вѣкамъ и къ возстановленію средневѣковыхъ государственныхъ порядковъ. И это обращеніе къ среднимъ вѣкамъ было весьма естественно. Вся французская литература 18-го вѣка и революція, послѣдовавшая за ней, были ничѣмъ инымъ какъ разрывомъ съ прошедшимъ и разрушительной борьбой противъ государственныхъ, общественныхъ и церковныхъ порядковъ, существовавшихъ въ средніе вѣка; реакція противъ этой ожесточенной борьбы естественно должна была обратиться къ возстановленію этихъ порядковъ и въ своемъ ретроградномъ шествіи дойти до подобнаго же ожесточенія. Великій человѣкъ этого времени также слѣдовалъ этому всеобщему направленію, учредивши свое новое дворянство и возстановивши внѣшнимъ

образомъ іерархію; его примѣръ еще болѣе укрѣпилъ вѣру, что въ средневѣковыхъ учрежденіяхъ заключается вѣрнѣйшее средство противъ революціи. Туземцы и иностранцы, просвѣщенные люди и обскуранты, друзья отечества и романтики, внутри и внѣ Франціи,—всѣ сходились въ этомъ пунктѣ.

Идеалистическая философія въ Германіи. Фихте.

Новое направленіе германскаго духа, представлявшее противоположность его естественнымъ характеристическимъ свойствамъ, и противоположныя направленія, образовавшіяся при этомъ, съ удивительною ясностью и отчетливостью обнаружились и стали замѣтны въ самыхъ первыхъ своихъ проявленіяхъ, съ того самаго момента, когда Фихте нашелъ скрытое идеалистическое зерно въ ученіи Канта, пересадилъ его на свѣжую почву и тѣмъ содѣйствовалъ новому процвѣтанію нѣмецкой философіи. До сихъ поръ казалось, будто филофствованіе Канта должно уничтожить всякую метафизику. Его скептическая точка зрѣнія и его отрицательное отношеніе къ ней увлекали даже знатоковъ міра, для которыхъ знаніе историческаго развитія было важнѣе, нежели знаніе основанія и происхожденія вещей, у которыхъ философія не начиналась тѣмъ положеніемъ всякаго идеализма, что человѣкъ можетъ и долженъ достигнуть абсолютной истины, и которымъ разнообразные, хотя бы и ошибочные взгляды на міръ дѣйствительныхъ явленій казались гораздо поучительнѣе, нежели одно какое нибудь исключительное пониманіе его, хотя бы оно и было истинно. Самъ Фихте сначала далекъ былъ отъ всякой философіи, которая не имѣла вліянія на жизнь; для него образованіе характера было важнѣе научнаго образованія, дѣло и дѣйствованіе онъ уважалъ болѣе, чѣмъ слово и мышленіе; и даже впослѣдствіи эта натура его, жаждущая дѣятельности, обнаруживалась при всякомъ случаѣ. Въ горѣ отъ несбывшихся личныхъ надеждъ своихъ, онъ прежде всего принялся за Канта (1791); но онъ изучалъ его „больше съ отчаянія, чѣмъ по охотѣ“, и сначала увлеченъ былъ только практическою частью его ученія. Но потомъ, когда несбывшіяся политическія его надежды дали ему возможность расширить свои спекулятивныя занятія, онъ съ тою же рѣшительностью, съ какою прежде предавался дѣятельному міру, обратился къ духовной жизни, называлъ ее самостоятельною цѣлью всей жизни и характеризовалъ свой вѣкъ какъ чисто научный, который напрасно призываютъ къ прак-

тической дѣятельности, какъ онъ и самъ прежде дѣлалъ. Теперь съ свойственной ему силой онъ принялся за идеалистическую разработку и переработку непослѣдовательной и не имѣвшей единства Кантовой системы, и сдѣлался творцемъ и руководителемъ послѣдующей философіи, именно вслѣдствіе того, что, отказавшись отъ всѣхъ догматическихъ предположеній, онъ пытался построить міръ, выходя изъ одного непоколебимаго основанія и изъ одной мысли. Этой исходной точкой для него былъ тотъ строго идеалистическій взглядъ, по которому человѣкъ знаетъ внѣшніе предметы только посредствомъ представленія и такъ, какъ они кажутся въ представленіи, а не такъ, какъ они существуютъ сами по себѣ и для себя; этотъ взглядъ принимаетъ за основаніе для объясненія вещей, за исходный пунктъ, за начало и конецъ всего—сознательную и свободную разумность, *Я* (единственный предметъ, существующій для себя и знающій себя), а не самыя вещи, которыя по этому взгляду низводятся на степень простыхъ отраженій дѣятельности духа. Развитіе этой мысли съ строгою послѣдовательностью, съ какою нѣкогда минориты-мистики излагали свое ученіе о самообнаруженіи міра, привело къ системѣ отрицанія міра, самыхъ крайнихъ слѣдствій которой не побоялся Фихте, говоря: „что внѣшній міръ не существуетъ въ сколько нибудь серьезномъ значеніи этого слова, и что въ сущности и основаніи онъ ничто“. Этотъ нигилистическій результатъ не былъ удовлетворителенъ для школы, и внѣ школы онъ становился въ противорѣчіе съ ученіемъ тѣхъ людей, которые считали внѣшній міръ единственно важнымъ, тѣхъ непосредственныхъ натуръ, которыя прежде такъ цѣнилъ самъ Фихте, которыя всецѣло жили во внѣшнемъ мірѣ и съ міромъ, чтобы жить для себя. Такъ какъ никто изъ нихъ не хотѣлъ признать за его системой „принудительной“ несомнѣнности, то Фихте долженъ былъ разочароваться въ засвидѣтельствованномъ имъ прежде научномъ призваніи своего вѣка, и съ гордымъ самосознаніемъ говорилъ, что его „ученіе о наукѣ“ на цѣлую эпоху опередило этотъ вѣкъ; скорѣе приближаясь къ своей прежней практической точкѣ зрѣнія, онъ объявлялъ теперь, около 1808 года, что государство и гражданскія дѣла находятся въ положеніи болѣе безнадежномъ, чѣмъ научныя. Но потомъ прусская государственная жизнь подала мимолетную надежду на лучшее, и это незначительное измѣненіе внѣшнихъ обстоятельствъ неза-

мѣтнымъ образомъ подѣйствовало и на человѣка, который воображалъ, что владычествуетъ мыслію надъ внѣшнимъ міромъ. Въ 1806 г. онъ признавалъ политическія язвы времени неизлечимыми и въ 1807 г. не хотѣлъ даже жить на свѣтѣ, но въ 1808 г. въ своихъ „рѣчахъ къ нѣмецкой націи“ самъ же указывалъ средства къ излеченію и старался возбудить народъ къ жизни, рѣшившись улучшить нравственное воспитаніе въ Пруссіи, въ то время, какъ Шлейермахеръ реформировалъ религіозное воспитаніе, Штейнъ политическое, Шарнгорстъ военное. Самые противоположные взгляды на отношеніе между философіею и жизнію боролись въ этомъ человѣкѣ, который по натурѣ и вліяніямъ времени къ той и другой чувствовалъ одинаковое призваніе. Онъ рѣзко разграничивалъ ихъ между собою, говоря, что философія не есть собственно жизнь и жизнь не есть философія, и въ этомъ смыслѣ отрицалъ вліяніе послѣдней на жизнь; но, не смотря на это, все его стремленіе было направлено къ тому, чтобы своимъ ученіемъ, какъ солью, предотвратить гніеніе историческаго міра, и наконецъ онъ назвалъ свою философію приготовительницею дѣлъ и всякую вообще философію только средствомъ для цѣлей дѣятельной жизни. Въ этихъ его личныхъ колебаніяхъ можно наблюдать въ маломъ видѣ то, что исторически и въ большихъ размѣрахъ совершалось тогда въ Германіи. Всѣ идеалистическія системы свойственны только временамъ и народамъ, которые имѣютъ мало политическихъ надеждъ и мало гражданскаго счастья; въ здоровыхъ же государствахъ съ счастливымъ развитіемъ, какъ наприм. въ древнемъ Римѣ и Англіи, невозможны философскія школы съ идеалистическимъ направленіемъ; здѣсь, когда общественное бѣдствіе принудило умы къ отвлеченной духовной дѣятельности, Мильтонъ пишетъ поэму Потерянный рай, имѣющую близкое отношеніе къ современности, и Ньютонъ открываетъ законы движенія міровыхъ тѣлъ. Для философіи Германіи весьма характеристично то обстоятельство, что она въ то время какъ въ Англіи господствуетъ принципъ опыта, а во Франціи философскія системы обращаются то къ католическому идеализму Декарта, то къ сенсуализму энциклопедистовъ, всегда сохраняетъ средину между этими двумя методами философствованія. Уже Лейбницъ, какъ и всѣ новыя школы, гордился тѣмъ, что онъ примирилъ механическую и метафизическую системы, реализмъ и идеа-

лизмъ; изъ дуализма Канта развились совершенно противоположныя системы Фихте и Гербарта; сами философы лично нерѣдко колебались между практическими и теоретическими интересами. Такъ было съ Лейбницомъ, тоже случилось и съ Фихте; справедливо приписывая политическія бѣдствія нѣмцевъ ихъ неспособности постоянно и всецѣло стремиться къ одному какому нибудь предмету такъ, чтобы уже въ тоже самое время не имѣть никакихъ стремленій къ чему нибудь совершенно противоположному, онъ самъ одновременно или послѣдовательно преслѣдовалъ самыя крайнія противоположности, философію и жизнь, которыя, по его понятію, исключали другъ друга. И въ области философіи онъ былъ гораздо снисходительнѣе къ матеріалистическимъ системамъ, чѣмъ можно было ожидать этого, судя по противоположности его ученія съ этими системами. Онъ былъ довольно безпристрастенъ къ нимъ [3]) и въ спекулятивномъ отношеніи признавалъ за ними такое же значеніе, какъ и за идеалистическими системами; но онъ самъ сталъ на сторону послѣднихъ вслѣдствіе того возвышеннаго практическаго основанія, которое ручалось за постоянное и непрерывное существованіе этихъ системъ во всемъ человѣчествѣ: онъ понималъ, что, указывая человѣку недостижимую цѣль, они не позволяютъ ему остановиться на томъ, что достигнуто и, видя прискорбныя слѣдствія сенсуалистической философіи во Франціи, долженъ былъ признать за нимъ высшее нравственное значеніе. Фихте былъ настоящимъ сыномъ своего народа, когда онъ во всемъ своемъ ученіи признавалъ высшимъ достоинствомъ человѣка нравственную и разумную дѣятельность. Въ практическихъ отдѣлахъ своей философіи, въ естественномъ правѣ и въ ученіи о нравственности, онъ старался сдѣлать свои понятія приложимыми къ жизни, примирить ихъ съ здравымъ человѣческимъ разумомъ и связать съ реальнымъ міромъ: съ точки зрѣнія спекулятивной онъ признавалъ абсолютное безконечное *Я*, но въ области практической, въ жизни, онъ допускалъ индивидуальное конечное *Я*, чувственное существо между другими чувственными существами; съ послѣдней точки зрѣнія прежде уничтоженный имъ внѣшній міръ (который и теперь былъ для него непонятенъ по своему происхожденію и свойствамъ, но ясенъ по

---

[3]) Первое введеніе къ «ученію о наукѣ». 1797.

своему назначенію) представлялся ему сценой, на которой мы должны осуществлять наше главное, нравственное призваніе. Подобнымъ переходомъ къ реализму, идеализмъ, который обыкновенно упрекаетъ эмпирическія системы за скачки при переходѣ отъ бытія къ представленію, самъ сдѣлалъ такой же скачекъ въ практическомъ ученіи Фихте, какъ дѣлалъ его и гностицизмъ при переходѣ отъ духовнаго къ психическому, мистицизмъ при переходѣ отъ безконечнаго созданія съ конечному, Спиноза — отъ Бога къ конечнымъ вещамъ, и Шеллингъ—отъ абсолютнаго къ дѣйствительному. Такой скачокъ казался школѣ непослѣдовательностью, но внѣ школы Фихте своимъ практическимъ ученіемъ, какъ Шиллеръ своею поэзіей, расположилъ къ себѣ всѣхъ дѣятельныхъ людей, именно тѣмъ, что онъ возвратилъ дѣятельной жизни ея права, указывалъ самыя благородныя побужденія къ дѣятельности для отечества и человѣчества и примирилъ противорѣчащіе философскіе принципы въ слѣдующемъ положеніи: жизнь для рода, или что тоже, жизнь для идеи есть единственно истинная жизнь. Живыя дѣйствія этого толчка, даннаго этимъ практическимъ направленіемъ ученія Фихте, впослѣдстіи обнаружились въ идеяхъ и стремленіяхъ, которыя одушевляли стремившуюся впередъ, патріотически и либерально настроенную молодежь послѣдующаго времени.

Напротивъ того метафизическая теорія Фихте въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи все болѣе и болѣе уклонялась отъ дѣятельной жизни. Какъ самъ Фихте выходилъ изъ начала Канта, такъ и Шеллингъ сначала развивалъ только идеализмъ Фихте, хотя онъ незамѣтно но значительно уклонился отъ него уже въ то время, когда излагалъ и продолжалъ его ученіе. Несогласіе и разрывъ, возникшіе между ними впослѣдствіи, имѣли основаніе въ ихъ различномъ отношеніи къ дѣятельной жизни и обнаружились бы еще сильнѣе и рѣзче, если бы Шеллингъ развилъ подробно существенную часть своего ученія, философію духа. Фихте не нравилось отрѣшеніе отъ живой современности, которое онъ замѣтилъ въ немногихъ самостоятельныхъ положеніяхъ Шеллинга, относившихся къ философіи духа, гдѣ онъ впрочемъ сначала держался основныхъ положеній Канта и Фихте. Въ своихъ очеркахъ философіи исторіи и въ „системѣ трансцедентальнаго идеализма“ (1800) Шеллингъ уже смотритъ на міръ сквозь тусклыя очки, хотя въ нѣкоторыхъ положе- Шеллингъ.

*

ніяхъ его еще можно замѣтить, что взглядъ его имѣетъ нѣкоторую связь съ фактической исторіей; но спустя девять лѣтъ [4]), въ то самое время, когда Фихте казалось, что въ его отечествѣ сильнѣе укрѣпляется политическій духъ, чѣмъ научный, Шеллингъ уже намѣренно закрывалъ глаза предъ современной исторіей, называлъ характеръ новѣйшаго времени идеалистическимъ“ и говорилъ, „что господствующій духъ времени есть стремленіе къ внутренней сосредоточенности.“ Всѣмъ своимъ существомъ онъ отвращался отъ здраво разсуждавшаго вѣка „просвѣщенія и раціонализма“, и объявлялъ, что вся его система есть реакція противъ него; прежде при меньшемъ разладѣ съ вѣкомъ, подобно Гегелю, онъ хотѣлъ помочь ему практически, а теперь стремился не столько къ тому, чтобы спасти вѣкъ, сколько къ тому, чтобы самому спастись отъ вѣка. Отъ безпокойной дѣятельности окружающаго міра Шеллингъ удалялся мыслью въ первобытныя времена, какъ Гёте на далекій востокъ, искалъ тамъ источникъ истины и жизни. Отказавшись отъ мнѣнія, господствовавшаго въ раціоналистическомъ поколѣніи, что человѣчество постепенно возвышалось отъ темнаго инстинкта къ разумности, онъ думалъ напротивъ [5]), что образованіе человѣчества значительно понизилось противъ его первобытнаго состоянія, когда въ воспитаніи его принимали участіе высшія существа „изъ породы духовъ“; въ періодъ паденія человѣчества очень рѣдко являлись учители, которые сознательно стремились бы къ возстановленію первобытной совершеннѣйшей жизни. Принимая на себя роль такого учителя, онъ обратился къ первобытному міру, саги котораго о богахъ и полубогахъ казались ему историческими фактами, а миѳологія представлялась величайшимъ изъ всѣхъ художественныхъ произведеній, способнымъ къ безконечному развитію. Въ этихъ положеніяхъ лежали зародыши цѣлой революціи, которая совершалась только въ области науки, гдѣ явились новые цѣлые отдѣлы первобытной исторіи человѣчества, миѳологіи всѣхъ народовъ и ея символическаго значенія и обширныя изслѣдованія о первомъ пробужденіи нѣмецкаго духа. Такія указанія на прежнія блага, потерянныя человѣчествомъ, могли бы имѣть освѣжающее дѣйствіе и на внѣшнюю

---

[4]) Въ статьѣ о сущности человѣческой свободы, въ Philos. Schriften. 1809.

[5]) Въ 1804 г., въ своей «Philosophie und Religion».

жизнь, стремившуюся впередъ къ будущимъ благамъ, и самъ Шеллингъ, казалось, ожидалъ этого отъ той противоположности, какую представляло образованіе „недавно прошедшаго времени“ [6]) съ изученіемъ древней мудрости; но чтобы произвести такое дѣйствіе, это обращеніе къ древности должно было выходить изъ практическаго пониманія настоящихъ отношеній и возвращаться къ нимъ же, какъ это было у Руссо, когда онъ отъ выродившагося настоящаго бросился къ первобытному естественному состоянію. Но ученіе Шеллинга объ обращеніи къ прошедшему было безучастно къ настоящему; поэтому Фихте называлъ его „не нѣмецкимъ“, и пристрастіе къ золотому вѣку, презрѣніе къ господствующему духу времени заклеймилъ названіемъ „ограниченности, которая стремится къ мертвечинѣ“. Это пристрастіе находилось въ связи съ основнымъ ученіемъ Шеллинговой мистики, которая въ области природы смотрѣла на происхожденіе міра не какъ на твореніе Божества, но какъ на отпаденіе отъ него, и въ области духа, въ исторіи, въ воззрѣніяхъ на потерянное блаженство первобытнаго времени выходила изъ мысли о грѣхопаденіи и почти тономъ аскетовъ 14-го вѣка предписывала людямъ умерщвлять себя для внѣшняго міра и возстановлять нарушенное общеніе съ Богомъ.

Философія природы.

Удаленіе отъ общественныхъ интересовъ человѣчества, выражавшееся по большей части отрицательно, еще яснѣе и положительнымъ образомъ выразилось въ обращеніи Шеллинга къ природѣ; одновременно съ нимъ и Гёте подъ вліяніемъ подобнаго же стремленія къ успокоенію духа, также обратился къ природѣ; а въ то время, когда національное горе давило всѣхъ, симпатическое обращеніе къ ней легко могло сдѣлаться заразительною болѣзнію. Обладая большими знаніями, чѣмъ Фихте, въ области многихъ наукъ, Шеллингъ съ самаго начала понялъ безсодержательную пустоту идеалистики, которая уничтожала всю неизмѣримую область существующихъ предметовъ и только одному знанію приписывала дѣйствительное бытіе. По Шеллингу абсолютное не есть одно только знаніе, бытіе также точно существенно принадлежитъ абсолютному; абсолютное есть „равное бытіе“, тожество (Identität) реальнаго и идеальнаго, мышленія и бытія. Это положеніе, средоточіе всей новѣйшей фило-

---

[6]) Отношеніе философіи природы къ улучшенному ученію Фихте. 1809, стр. 46.

софіи нѣмецкой, долженствовавшее устранить всякое различіе и противоположность между Богомъ и міромъ, между знаніемъ и бытіемъ, сущностью и формою, духомъ и матеріею, придавало „реальному" (т. е. не явленіямъ чувственнаго міра, но сущности его, законамъ его составляющимъ) такое же значеніе, какъ и знанію, внѣшній міръ ставило наравнѣ съ внутреннимъ; знаніе принадлежитъ не одному только человѣку, но въ каждой вещи есть знаніе и откровеніе своего рода; божественное заключается во всемъ бытіи, а не въ нравственномъ только, какъ училъ Фихте; оно заключается и въ природѣ, также какъ въ духѣ. Воодушевляемый примѣромъ Канта, отвергавшаго атомистику, и успѣхами эмпирическаго естествовѣдѣнія, положившаго со времени Лавуазье основаніе новой химіи, пораженный гальваническими и магнетическими явленіями, въ которыхъ природа, такъ сказать, слагаетъ съ себя характеръ матеріальности и осязательно представляетъ законъ тожества, Шеллингъ составилъ свое динамическое воззрѣніе на природу, по которому вся природа обратилась въ разумность, и которое признавало природу ничѣмъ инымъ, какъ видимымъ духомъ, а духъ—невидимой природой. Этими плодотворными воззрѣніями Шеллингъ проложилъ путь Гегелю, далъ бытіе роскошно распустившейся философіи природы, и наконецъ—чего совершенно не было у Канта и Фихте — возстановилъ связь новой философіи съ прежними пріобрѣтеніями философствующаго духа. Въ ученіи Платона объ идеяхъ, въ пантеизмѣ Спинозы и монадологіи Лейбница онъ нашелъ зерно своей философіи природы, и дополняя ученіемъ Спинозы ошибочное положеніе Лейбница, „что представленія о внѣшнихъ вещахъ происходятъ въ душѣ по ея собсвеннымъ законамъ, какъ будто бы она составляла совершенно особый міръ и какъ будто кромѣ ея и Бога ничего не существуетъ", онъ сталъ на ту точку, съ которой вдругъ представилась ему вся его система и онъ увидѣлъ ее какъ бы чрезъ непосредственное воззрѣніе. Этимъ, можетъ быть, и можно объяснить прогматически то, что онъ призналъ органомъ спекуляціи „умственное воззрѣніе" (которое отличается отъ чувственнаго тѣмъ, что оно само производитъ для себя объекты); такъ по представленіямъ мистиковъ Божественное воображеніе создало міръ мыслію, такъ и по Шеллингу соотвѣтствующая сила въ человѣкѣ своимъ мысленнымъ созданіямъ можетъ дать по крайней мѣрѣ идеальную дѣйствительность; эта (въ сущности

эстетическая) сила по Шеллингу, который очевидно дѣйствовалъ здѣсь подъ вліяніемъ эстетической критики этого классическаго времени поэзіи, одна только можетъ открыть намъ путь къ философіи и постигнуть тожество реальнаго и идеальнаго. Это смѣшеніе двухъ различныхъ дѣятельностей духа, отожествленіе произведенія съ орудіемъ было началомъ той путаницы въ понятіяхъ, которая господствовала въ нѣмецкой романтической поэзіи и наукѣ, когда наука для своего развитія употребляла средства, принадлежавшія искусству, а искусство дѣйствовало средствами религіи и философіи; особенно для философіи природы это возведеніе духовнаго и восторженнаго созерцанія на степень органа спекуляціи имѣло невыгодныя слѣдствія; признавая „возможность непосредственнаго знанія", Шеллингъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на нелѣпость атомистики, которая должна была пасть послѣ того, какъ его философія „возвысилась до идеи вселенной." Но вмѣсто этого сама философія природы осталась мимолетною и блѣдною тѣнью, тогда какъ накопленіе точныхъ опытовъ, безкорыстная общая работа здравомыслящихъ и восторженныхъ естествоиспытателей во всѣхъ странахъ образованнаго міра приготовили огромный матеріалъ, который должна была разработать исторія 19-го столѣтія. Этотъ матеріалъ въ рукахъ творческаго ума всегда могъ пригодиться для будущаго научнаго зданія; между тѣмъ какъ очерки зданія, составленные философіей природы безъ знанія почвы и тѣхъ веществъ, изъ которыхъ должно строить, привели только къ столпотворенію вавилонскому, въ которомъ строители сами не понимали своего языка. Исторія этой недолговѣчной науки представляетъ такой же извращенный образъ, какъ исторія месмеризма и сенсимонизма во Франціи прежде и послѣ этого времени. Гордыя обѣщанія послѣдователей этой науки, возбудившія столько самыхъ преувеличенныхъ надеждъ, разрѣшились тѣмъ, что обманули даже самыя умѣренныя ожиданія. Ученіе о непосредственномъ знаніи уничтожило оплотъ науки и въ нее вторглись всѣ туманныя головы и фантастическія натуры; когда многіе ученики Шеллинга, славившіеся какъ люди умные, оставивъ область спекуляціи, стали примѣнять свои воззрѣнія на природу къ частнымъ наукамъ, тогда умами овладѣло отвращеніе отъ критики и здравыхъ сужденій въ видѣ заразительной болѣзни, которая и до сихъ поръ еще не прекратилась. Прихотливо играя поверхностными

аналогіями, стали смѣшивать и отожествлять математическія формы съ физическими явленіями, явленія физическія съ физіологическими и физіологическія съ психологическими до такой степени, что людямъ здраво и ясно судившимъ все это представлялось какъ бы всеобщимъ помѣшательствомъ. Болѣе сильные умы, Гете и Гегель, возставая противъ Ньютона, также не свободны были отъ этой странной умственной путаницы, которая въ головахъ болѣе слабыхъ доходила до того, что они, не желая представлять себѣ природу атомистически бездушною, охотнѣе обращались къ астрологіи и алхиміи и поддавались очарованію чудеснаго. Фихте предвидѣлъ эту характеристическую черту времени уже при первыхъ признакахъ того настроенія, которое отъ пресыщенія вольнодумствомъ и раціонализмомъ перешло въ любовь къ непонятному. Такъ какъ философія природы показывала видъ, что она какъ бы ударомъ волшебнаго жезла можетъ вызвать сокровище природы изъ необработанныхъ шахтъ, то отъ этого теоретическаго волшебства оставался только одинъ шагъ до практическаго. Поэтому ученіе Месмера, изгнанное изъ Франціи революціей, нашло благосклонный пріемъ въ Германіи. Подобно бурбонскимъ эмигрантамъ оно странствовало по Европѣ и раздѣляло всѣ участи эмиграціи. Сначала, когда Лафатеръ былъ его апостоломъ, оно возбуждало большой интересъ и послѣ, когда философія природы вдалась въ разсужденіе о міровой жидкости, всѣ думали видѣть въ магнетической жидкости Месмера искомую единую жизнь вселенной, которая проникаетъ всякое существо. Въ теченіи всего критическаго времени воинственныхъ движеній Европы жаръ къ нему нѣсколько поумѣрился, пока физіологи (Рейль, Гмелинъ, Бекманъ) держали месмеризмъ подъ научнымъ контролемъ. Но потомъ, вмѣстѣ съ реставраціей, это ученіе получило новую силу, и какъ естественный союзникъ всякаго политическаго и религіознаго обскурантизма, во время полнаго застоя въ общественной жизни достигло процвѣтанія между чудесными врачами, теософами и духовидцами.

Романтическая поэзія.

Какъ въ древнихъ философскихъ школахъ изъ теоретическаго ученія философовъ возникали практическія направленія у ихъ учениковъ, такъ въ Германіи, соотвѣтственно противоположнымъ направленіямъ, обозначившимся въ философіи Фихте (въ его практическомъ ученіи) и Шеллинга, образовались двѣ группы, различныя

по своимъ политическимъ, религіознымъ и эстетическимъ воззрѣніямъ. Въ области поэтической всѣ тѣ, которые принимали участіе въ судьбахъ своего времени и отечества, примкнули къ Шиллеру, у котораго идеалистическіе порывы не ослабили любви къ дѣйствительной жизни міра и романтическое стремленіе къ другимъ временамъ не нарушало правильныхъ практическихъ отношеній къ современности. Напротивъ романтики, приверженцы братьевъ Шлегелей, не признавали Шиллера, отвергали его поэзію какъ революціонный принципъ и склонялись на сторону Гёте, который раздѣлялъ съ ними отвращеніе къ современности, симпатіи къ природѣ, пристрастіе къ пластическому искусству и стремленіе къ востоку. Первые надѣялись осуществить въ дѣйствительности свои политическіе идеалы, и въ своихъ нравственныхъ воззрѣніяхъ твердо держались ученія объ обязанности Канта, Фихте и Шиллера; недовольство настоящимъ временемъ не выразилось у нихъ обращеніемъ къ чисто духовной жизни, но они съ принужденнымъ спокойствіемъ или съ безпокойной принужденностью ожидали лучшей будущности,—и одни изъ нихъ вовсе не дождались возвращенія лучшаго времени, другіе пожертвовали собою въ самую минуту спасительной перемѣны, третьи наконецъ въ эту минуту вдохнули въ себя новую жизнь. Даже французовъ съ неокаменѣвшими сердцами, напр. Сталь и Шатобріана поражала картина, какую представляла въ 1813 г. германская молодежь, мечтавшая о свободѣ, жертвовавшая жизнію для отечества, мѣнявшая лиру на мечь, аудиторію на военный лагерь,—воскресившая и воспѣвшая времена Арминія. Поэтическія произведенія Клейста и Кернера, Арндта и Уланда, принадлежавшія этому энергически дѣятельному направленію, вездѣ проникнуты живымъ стремленіемъ къ современности, даже тамъ, гдѣ замѣтны у нихъ слѣды романтической заразы. Напротивъ существеннымъ признакомъ романтики было постоянное стремленіе къ надземной и подземной области, въ царство видѣній и духовъ, къ отдаленнымъ временамъ и народамъ, воспроизведеніе поэтическихъ произведеній древнихъ вѣковъ, отрицаніе настоящаго, новаго времени и всей дѣйствительной жизни. Романтики съ высоты нѣмецкой поэзіи сначала усиливались облагородить посредствомъ искусства обыкновенную будничную жизнь, но потомъ сами унизились до совершеннаго презрѣнія къ міру; Новалисъ искалъ убѣжища отъ духа „міровой экономіи“,

которой онъ не могъ постигнуть; Тикъ посвятилъ одно изъ своихъ юношескихъ произведеній людямъ, изнуреннымъ дѣйствительною жизнію и жившимъ одними мечтами, которыхъ не могла разрушить дѣйствительность; Арнимъ по собственному его признанію хотѣлъ забыться въ поэзіи и забыть политическое бремя, лежавшее на Германіи, а Фридрихъ Шлегель сидячую праздность Индуса сдѣлалъ идеаломъ, и въ прозябаніи на подобіе растенія видѣлъ высшую, совершеннѣйшую жизнь. Такимъ образомъ душою этой поэзіи и эстетики стало пристрастіе ко всему фантастическому и чудесному; миѳы и басни стали для нихъ образцами и каноническимъ родомъ поэзіи. Въ драмѣ исчезла всякая почва дѣйствительности и психической истины до такой степени, что нѣмецкое драматическое искусство, едва только достигшее значительной высоты въ психологическихъ художественныхъ произведеніяхъ поэтовъ, обладавшихъ знаніемъ человѣческаго сердца, въ короткое время снова уничтожилось на нѣсколько десятковъ лѣтъ; трагедія съ элементомъ судьбы, произведенная Шлегелемъ, представляла на сценѣ символическія тѣни и произведеніе дикой фантастики; юмористическія пьесы и драматическія сатиры имѣли видъ кукольныхъ комедій; трагедіи съ историческимъ содержаніемъ держались на утопической почвѣ или подражали образамъ испанской драмы, заимствуя матеріалы изъ давнопрошедшихъ нравовъ и понятій прошлыхъ временъ. Во многихъ случаяхъ на мѣсто пристрастія къ фантастическому и недѣйствительному у романтиковъ являлось пристрастіе къ отдаленному, чужому и старому. Романтики занимались и отечественными предметами только по любви къ старинѣ, потому что старонѣмецкіе герои были для нихъ также привлекательны, какъ и чужіе. Отъ пластическаго искусства они требовали, чтобы оно подобно живописи подражало устарѣлымъ формамъ, и нѣмецкая средневѣковая архитектура снова ожила подъ вліяніемъ нѣмецкой романтики въ наукѣ и практикѣ. И здѣсь замѣтно было особенное пристрастіе къ среднимъ вѣкамъ. Реакція противъ революціоннаго вѣка, противъ демократическаго уравниванія, противъ новофранцузскаго просвѣщенія, вольнодумства и строгаго классическаго искусства, была и здѣсь цѣлью и побужденіемъ этого слѣпаго обращенія къ старымъ, отжившимъ формамъ въ искусствѣ, также какъ въ наукѣ и жизни. Въ Берлинѣ, во французской академіи Фридриха II, новое французское образованіе

привилось къ нѣмецкой почвѣ, но уже при Фридрихѣ Вильгельмѣ II здѣсь началась противъ него придворная и оффиціальная реакція ханжества, къ сожалѣнію, не сопровождавшаяся реакціей лучшей нравственности; здѣсь же пріютились и романтики; ихъ приторныя произведенія и нравственность для ослабѣвшихъ умовъ и остроумцевъ прусской столицы были желаемой приправой къ суровой пищѣ реформъ Фихте и Штейна. Процвѣтаніе романтики какъ разъ совпало съ усиліями этихъ людей поднять униженное отечество, и ничто такъ рѣзко не могло охарактеризовать духовнаго раздвоенія, существовавшаго въ Германіи, какъ это явленіе, состоявшее въ томъ, что во время великихъ политическихъ кризисовъ 1806 и потомъ 1812 года, когда величіе внѣшнихъ событій превосходило всякую поэзію и должно было подѣйствовать даже на тѣхъ, которые жили болѣзненною исключительно умственною жизнію,—въ это самое время на ряду съ дѣятельностью свѣтлыхъ умовъ развивалась и распространялась фантастическая игра романтиковъ; занимавшихся самыми ничтожными мелочами. Мадамъ Сталь, находившаяся въ дружескихъ отношеніяхъ съ вождями романтики, видѣла разслабляющее дѣйствіе ихъ на силы народа и смотрѣла на него другими глазами, чѣмъ на вліяніе Канта и Фихте. Безхарактерное отношеніе къ государственнымъ интересамъ произвело на нее болѣе непріятное впечатлѣніе въ Германіи, чѣмъ въ Италіи, такъ какъ въ первой духовныя потребности были гораздо выше; она порицала и упрекала друзей Шлегеля за ихъ враждебное отношеніе къ реформаціи и за ихъ суетную попытку ограниченными умствованіями унизить это великое міровое событіе, которому Германія обязана своей новой славой, и поставить его въ рядъ подобныхъ умствованій.

Религіозная реакція.

Неразумное стремленіе укрыться отъ дѣятельныхъ идей настоящаго въ ограниченномъ прошедшемъ достигло самой высшей степени въ тѣхъ высокообразованныхъ людяхъ Германіи, которые отъ свѣтлой сферы духовной жизни 18 вѣка обратились къ мраку монашества и къ подчиненію власти духовенства. И то правда впрочемъ, что крайнія увлеченія революціоннаго духа нигдѣ столько не поколебали духовныхъ интересовъ и нигдѣ не могли вызвать такой сильной реакціи, какъ въ области религіозной. Въ началѣ французской революціи можно было ожидать, что она въ своей политической борьбѣ противъ высшихъ классовъ общества возстанетъ также про-

тивъ ихъ нравственныхъ и религіозныхъ понятій; но вмѣсто этого демократизмъ Вольтера только привелъ въ исполненіе самыя заносчивыя угрозы противъ христіанства, а нравственность, которою отличалась аристократія, призналъ вполнѣ законною. Измѣна старой церкви священниковъ, присягнувшихъ конституціи, уничтоженіе алтарей, поклоненіе богинѣ разума были ступенями, по которымъ свободная Франція дошла до уничтоженія христіанства, до этой мѣры, которая въ глазахъ людей благочестивыхъ придавала революціи сатанинскій характеръ. Однако не возможно было въ цѣломъ обществѣ произвольно отнять у человѣческой природы религіозную потребность—находиться въ подчиненномъ союзѣ съ сверхъестественными силами. Невѣріе, когда оно берется за пропаганду и проповѣдь, приводитъ также къ слѣпой вѣрѣ и суевѣрію, и во Франціи, когда вмѣстѣ съ трономъ пали и алтари, люди вѣрующіе надѣялись, что христіанство изъ своего паденія возстанетъ съ обновленною силой. Когда Бонапартъ возстановилъ папство и богослуженіе, тогда элементъ старой вѣры повсюду пріобрѣлъ могущественное вліяніе; но въ Германіи умѣренное движеніе въ его пользу началось еще прежде. Здѣсь борьба вольнодумства съ религіей не имѣла такого ожесточенія, какъ во Франціи; сами философы признавали за откровенной религіей значеніе перваго руководства для человѣчества въ его нравственной дѣятельности, значеніе, котораго не имѣло ни одно философское ученіе; и даже въ то время, когда на нѣмецкой литературѣ лежалъ самый революціонный отпечатокъ, въ ней сохранялось уваженіе къ вѣрѣ народа. Эта умѣренность, которою отличалась въ Германіи религіозная революція, соблюдалась сначала и въ религіозной реакціи. Человѣкъ, старавшійся вывести религіозное чувство въ Германіи изъ оцѣпенѣнія, равнодушія и сомнѣнія, Фр. Шлейермахеръ, самою природою былъ созданъ для такой благоразумной и умѣренной дѣятельности. Онъ не чуждъ былъ испытующаго сомнѣнія, и даже на нѣкоторое время поддался слишкомъ снисходительнымъ взглядамъ своихъ романтическихъ друзей на нравственность и искусство, но они не могли уничтожить въ немъ религіозности, которая развилась въ немъ съ самаго дѣтства. Въ своихъ „рѣчахъ о религіи", написанныхъ (1799, 1806 г.) безъ всякихъ притязаній на священническое помазаніе и въ духѣ Платоновой діалектики, онъ обращался къ образованнымъ против-

никамъ религіи. Онъ сначала раскрылъ предъ ними общій идеальный образъ религіи, устранивъ изъ него все ложное, ограниченное и несущественное, что было примѣшано къ религіи государствомъ, наукою, духовенствомъ, нетерпимостью, страстью къ спорамъ и чувственными представленіями народа; потомъ изобразилъ сущность религіозности, преданность Богу, чувство единенія съ безконечнымъ, и показалъ какъ естественны и даже неизбѣжны въ человѣческомъ духѣ эти чувства въ ихъ чистотѣ. Онъ располагаетъ въ свою пользу образованныхъ противниковъ религіи благоразуміемъ, котораго не достаетъ у духовенства, и по которому онъ оставляетъ въ сторонѣ несовершенныя чувственныя понятія о Богѣ и безсмертіи, о чудесахъ, откровеніи и проч., называетъ слѣпую вѣру въ авторитетъ рабскимъ служеніемъ, уважаетъ религію во всѣхъ ея видахъ и обнаруженіяхъ, даже о самомъ христіанствѣ утверждаетъ, что оно не ищетъ исключительнаго господства и допускаетъ возможность другаго обновленнаго вида религіи, хотя бы это обновленіе послѣдовало изъ той сферы, которая обыкновенно считается самою крайнею и сомнительною границею религіи. Соотвѣтственно этому, переходя къ церкви, онъ склоняется въ пользу небольшихъ церковныхъ обществъ, вооружается противъ униженія церкви до государственнаго учрежденія, отвергаетъ государственную церковь, которая должна поддерживать свое единство „насильственною связью символовъ", требуетъ богослуженія, совершаемаго въ свободномъ собраніи, свободно избраннымъ священникомъ, который бы предлагалъ свою религіозную систему на свободное обсужденіе вѣрующихъ, безъ всякихъ притязаній на ея исключительную истинность. Послѣ такихъ приготовительныхъ понятій ему легко было примириться и съ положительной религіей откровенія. Требованіе такого примиренія произвело свое дѣйствіе на философію. Фихте, котораго сначала преслѣдовали какъ атеиста за то, что онъ не признавалъ другаго Бога, кромѣ нравственнаго порядка міра, въ своемъ „руководствѣ къ блаженной жизни" (1806 г.) старался примирить свою моральную философію съ христіанствомъ. Этого онъ не могъ сдѣлать безъ натяжекъ и Шеллингъ издѣвался надъ его искусственной религіозностью, хотя она совершенно свойственна была натурѣ Фихте, также точно какъ въ немъ практическія стремленія уживались съ его идеалистической спекуляціей. Религіозность, также какъ и нравственность, по понятію Фихте, состоитъ въ

стремленіи къ божественному, первая — въ стремленіи посредствомъ дѣйствій, а вторая — посредствомъ чувства и вѣры. Онъ давалъ предпочтеніе нравственности, когда дѣло шло о практической дѣятельности; напротивъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимо было одно пассивное терпѣніе, онъ прибѣгалъ къ своему понятію о религіозности. Шеллингъ требовалъ, чтобы прежде всего сдѣланъ былъ опытъ примирить философію съ религіей, Фрисъ отрицалъ и ту и другую на томъ основаніи, что духъ времени, обманутаго во многихъ своихъ надеждахъ, прямо привелъ Германію къ религіозной вѣрѣ. Шеллингъ, который въ мистеріяхъ христіанской церковной вѣры видѣлъ чувственное выраженіе своего философскаго міровоззрѣнія, гораздо скорѣе чѣмъ Фихте принялъ въ философіи принципъ вѣры, т. е. „созерцанія всѣхъ вещей въ Богѣ безъ всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій и доказательствъ", тогда какъ по ученію Фихте, духъ свободнаго существа противится подчиненію божественной силѣ. И въ самомъ дѣлѣ Фихте, также какъ и Шлейермахеръ, далекъ былъ отъ того, чтобы признать сковывающій авторитетъ старой вѣры; ему всегда казались неразумными тѣ люди, которые въ области религіи считали водную баню, вкушеніе хлѣба и помазаніе елеемъ чудодѣйственными средствами, ведущими къ добродѣтели. Напротивъ къ направленію Шеллинга близко подходили практическія нелѣпости тѣхъ натурфилософовъ, которые при магнитномъ леченіи употребляли религіозные обряды, просто какъ физическія врачебныя средства, и романтики въ исходномъ пунктѣ своихъ религіозныхъ обращеній къ старому также сближались съ нимъ. Въ средѣ этихъ людей Шлегель умствовалъ о новой религіи, о чемъ-то въ родѣ „символизированнаго и гностическаго язычества"; даже Шлейермахеръ въ своихъ рѣчахъ выражалъ надежду на образованіе новой религіи, въ области христіанства или внѣ его; но онъ съ ироніею [7]) относился къ восторгу тѣхъ пламенныхъ умовъ, которые думали ускорить это образованіе. Какъ своей поэзіей они мечтали одухотворить прозаическую дѣйствительность, такъ точно и новой религіей они надѣялись удовлетворить духовнымъ потребностямъ; и религію, и поэзію, по ихъ мнѣнію, слѣдовало искать въ недавно от-

---

[7]) Въ изданіи его рѣчей 1821 г., въ рѣчи, написанной еще въ 1806 г., но тогда запрещенномъ мѣстѣ.

крытой миѳологіи, которая содержала въ себѣ все, чѣмъ восхищался Шеллингъ въ жизни древнихъ, и въ которой заключались неизсякаемый источникъ поэзіи, всеобъемлющее символическое міросозерцаніе и новый живительный элементъ религіи. Но какъ вмѣсто поэзіи у нихъ являлся только блѣдный образъ средневѣковыхъ поэтическихъ произведеній, такъ и вмѣсто образованія новой религіи представители романтической школы просто обратились къ старой римской церкви. Причины этого обращенія, совершившагося повидимому безъ постепенныхъ переходовъ, были бы намъ непонятны (объяснять его личными причинами, внѣшними соображеніями, предшествовавшею безнравственною жизнью обратившихся—не достойно историка), если бы мы не знали подобныхъ же великихъ историческихъ кризисовъ, какъ напр. во время 30 лѣтней войны, когда совершались подобныя явленія, имѣвшія слѣдовательно одинаковыя причины и происходившія отъ такого же умственнаго изнеможенія. Какъ тогда многіе стремились къ тому, что бы примирить и соединить различныя вѣроисповѣданія, такъ и теперь, когда Наполеонъ заключилъ свой конкордатъ съ папой, многіе ожидали, что онъ, воспользовавшись господствующимъ индифферентизмомъ, дастъ лучшій видъ возстановленному католицизму и тѣмъ облегчитъ обращеніе протестантизма къ католичеству. Но Шлейермахеръ, вопреки своимъ друзьямъ, измѣнившимъ родной вѣрѣ, въ концѣ своихъ рѣчей говорилъ, что если Наполеонъ и отважится на такую попытку, употребивъ въ дѣло всю свою силу и хитрость, то не будетъ имѣть успѣха, потому что Германія возстанетъ съ исполинскою силой, чтобы защитить свое германское достояніе. Друзья Шлейермахера желали, чтобы всѣ вѣрующіе снова составили одну большую массу, но самъ онъ думалъ, что религіозная жизнь всего лучше можетъ развиваться въ небольшихъ обществахъ, подобныхъ братской общинѣ, которую онъ предлагалъ. Съ самаго начала онъ расположенъ былъ къ американской религіозной свободѣ, и только впослѣдствіи, въ противоположность указаннымъ стремленіямъ къ католичеству, онъ признавалъ необходимымъ большое церковное общество на ряду съ малыми или во главѣ ихъ, подобно Фихте, который тоже требовалъ, чтобы государственная религія, вокругъ которой могли группироваться всѣ по свободному убѣжденію и безъ всякаго принужденія, давала полный просторъ отдѣльнымъ и частнымъ вѣроисповѣданіямъ.

Политика.

Тоже уклоненіе отъ современности, какое замѣтно было въ философіи, поэзіи и религіи, обнаружилось наконецъ и въ политическихъ теоріяхъ; тотъ же недостатокъ практическаго смысла и пониманія обстоятельствъ замѣтенъ и здѣсь, гдѣ мысль невольно должна была обращаться къ современности и политической практикѣ. Тѣже разногласія мы встрѣчаемъ и въ политикѣ, и притомъ у тѣхъ же самыхъ руководящихъ главныхъ дѣятелей и ихъ послѣдователей, изъ которыхъ одни въ своихъ политическихъ желаніяхъ стремились къ будущему, а другіе обращались къ прошедшему. Убѣдившись въ 1806—7 годахъ собственнымъ опытомъ къ испорченности Пруссіи, Фихте, поддерживаемый Штейномъ, убѣждалъ всѣхъ въ 1808 г. не отступать съ трусостію передъ настоящимъ зломъ, но постоянно имѣть его въ виду. Своекорыстіе, говорилъ онъ, всегда приводитъ къ самоуничтоженію (и слова его были справедливы относительно многихъ случаевъ въ исторіи Пруссіи). Правительство слабое и унижающее себя во внутреннихъ дѣлахъ пренебрегаетъ и внѣшнимъ союзомъ съ другими государствами, который необходимъ для его собственной безопасности; въ праздномъ бездѣйствіи онъ не заботится объ интересахъ того цѣлаго, часть котораго онъ составляетъ, и воображаетъ, что пока не сдѣлано нападенія на границы государства, оно вполнѣ можетъ быть увѣрено въ сохраненіи мира, между тѣмъ другіе члены того же цѣлаго оставили это правительство, потому что они боялись его менѣе, чѣмъ иностранныхъ государствъ. Фихте поэтому былъ убѣжденъ, что только совершенно новый порядокъ можетъ спасти государство и требовалъ для этого народнаго воспитанія, которое руководилось бы тою мыслью, съ какою оберъ-фискалъ Моска составилъ тогда союзъ добродѣтели, проникнуто было тѣмъ духомъ, который лежалъ въ основѣ Берлинскаго университета и стремилось бы къ той цѣли укрѣпленія нравственныхъ силъ народа, какую преслѣдовалъ Штейнъ, чтобы во время опасности и въ минуту избавленія отъ нея въ угнетенныхъ гражданахъ могла пробудиться самоотверженная любовь къ отечеству. Такими практическими совѣтами Фихте хотѣлъ помочь стѣсненному и бѣдственному положенію, въ которомъ находилось прусское государство. Во время войны 1813 г. онъ думалъ прежде всего о ближайшихъ, возможныхъ и вѣроятныхъ политическихъ преобразованіяхъ; онъ вѣрилъ въ возможность возстановленія импе-

ріи и хотѣлъ, чтобы во главѣ ея стояла не Австрія, которая всегда злоупотребляла нѣмецкими силами въ пользу своихъ династическихъ интересовъ, но Пруссія, которая есть „настоящее нѣмецкое государство“ и потому не имѣетъ никакого интереса въ порабощеніи и несправедливостяхъ, и которая, чтобы избѣжать собственной гибели, должна стремиться къ возстановленію имперіи. До сихъ поръ Фихте разсуждалъ какъ практическій государственный человѣкъ; но затѣмъ мысль его также уклонилась отъ современности, которой онъ хотѣлъ помочь. Онъ находилъ, что понятіе о государственномъ единствѣ еще не сильно въ Германіи (и это было вѣрно); поэтому онъ мечталъ о будущемъ и думалъ, что изъ развившейся личной свободы возникнетъ нѣмецкое царство, а не наоборотъ; до этого царства общаго равенства, до этой республики съ союзнымъ устройствомъ нѣмецкій народъ созрѣваетъ медленно въ теченіи тысячелѣтій. Въ союзномъ видѣ „нѣмецкая республика 22-го столѣтія“, лежащая въ средоточіи народовъ, увидитъ свое признаніе въ томъ, чтобы содѣйствовать дальнѣйшему развитію человѣческаго рода и обезпечивать каждому народу возможность свободно и своеобразно стремиться къ общей цѣли. Всѣ эти мечты были однако совершенно противоположны „неразумной и ненавистной универсальной монархіи“, къ которой стремился поработитель Германіи. Весьма любопытно сравнить съ идеями Фихте то, что въ это же самое время проповѣдывалъ Фридрихъ Шлегель въ Вѣнѣ послѣ униженія Австріи въ 1809 году [8]); замѣчательно, что эти два даровитые человѣка, одинъ съ сѣверо-германскимъ протестантскимъ настроеніемъ, другой съ австрійско-католическимъ, одинъ съ независимой свободой, другой въ политикѣ и религіи подчинявшійся вліяніемъ извнѣ и свыше, хотя предметы ихъ любви и нерасположенія были противоположны, съ вѣрнымъ инстинктомъ однако отыскивали въ историческомъ прошедшемъ и старались примѣнить къ будущему тѣ именно идеи и порядки, которые всего болѣе характеризуютъ германскій и романскій бытъ народный и государственный. Шлегель своими „чтеніями о новой исторіи“ (1810 г.), подобно Фихте, хотѣлъ дѣйствовать на современную политику и имѣлъ въ виду чисто практическую цѣль содѣйствовать поддержанію дружескихъ отношеній между

---

[8]) Vorlesungen über neuere Geschichte. 1810. См. Fr. Schlegels Werke, 11 томъ.

Австріей и Англіей. Предназначенныя для такихъ цѣлей, его чтенія вышли гораздо либеральнѣе и сильнѣе, чѣмъ его послѣдующія сочиненія; имѣя въ виду политическія цѣли, онъ отзывался съ сочувствіемъ даже о реформаціи, что совершенно противорѣчило его позднѣйшимъ сужденіямъ объ ней (доказательство, что его религіозныя понятія были не дѣломъ убѣжденія, а опредѣлялись политическою цѣлью). Главная цѣль его чтеній состояла въ томъ, чтобы въ прошедшемъ исторіи найти вѣрное спасительное средство для будущей судьбы Австріи и всего міра. При этихъ поискахъ Шлегель вездѣ приходитъ къ тому положенію, что въ системѣ государствъ и народовъ необходимъ центръ, отъ котораго исходило бы руководящее вліяніе на всю систему, что такой центръ всегда былъ и будетъ. Поэтому взоръ его съ удовольствіемъ останавливается на нѣмецкой имперіи, когда Карлъ и Оттоны управляли міромъ, на папствѣ, когда оно было третейскимъ судомъ въ союзѣ европейскихъ государствъ, на рыцарствѣ, которое объединяло всѣ народы по крайней мѣрѣ нравственною связью; согласное и совокупное дѣйствіе папства и императорства кажется ему „идеаломъ, который лежитъ въ основаніи системы европейскихъ государствъ и народовъ". Когда всѣ эти соединительные пункты уничтожились и замѣнены были „понятіемъ мертваго искусственнаго равновѣсія", тогда началось разложеніе Европы, окончившееся раздѣленіемъ Польши и революціей. Указанныя три великія формы и силы объединенія привлекаютъ мысль Шлегеля къ среднимъ вѣкамъ, затѣмъ онъ находитъ ихъ въ новой исторіи, въ настоящемъ положеніи Австріи, которая сохранила по возможности средневѣковое устройство и со времени Максимиліана и Карла V старалась также сохранить понятіе объ общности всего христіанства и объ общей европейской семьѣ; ея стремленія не представляли ни малѣйшей опасности для всеобщей свободы, потому что владычество ея основывалось на союзѣ государствъ, а не на универсальной монархіи и неограниченной власти французскихъ королей, развращенныхъ сыновъ папы. При этомъ само собою подразумѣвалось (хотя и не высказано было смѣло какъ у Фихте), что Австрія должна и въ настоящее время играть роль союзной защитницы общихъ правъ европейской семьи противъ деспотической универсальной монархіи Неполеона, и выражалось желаніе, чтобы она сохранила вѣротерпимый союзъ съ протестантской

Англіей противъ мимо католической Франціи и образовала бы такимъ образомъ основной камень и точку опоры для международнаго и нравственнаго равновѣсія государствъ, настоящій „центръ Европы". Такимъ образомъ Шлегель одну универсальную монархію и династію, господствовавшую надъ массами, хотѣлъ замѣнить другою, тогда какъ Фихте возставалъ противъ нея съ республиканской точки зрѣнія, въ видахъ личной и нравственной свободы. Указавши Австріи путь внѣшней средневѣковой политики, Шлегель занялся далѣе изслѣдованіемъ того, какіе уроки даетъ исторія относительно ея внутренняго устройства, такъ какъ главный вопросъ состоялъ въ томъ, какимъ образомъ все лучшее въ старомъ устройствѣ соединить съ новыми понятіями и новыми государственными отношеніями. Это привело его къ разсмотрѣнію „первой основной силы общественнаго устройства". Сущность древнѣйшаго германскаго устройства Шлегель находитъ въ полнѣйшей свободѣ отдѣльныхъ личностей, по которой они сами во всемъ должны были заботиться о себѣ; сословіе свободнорожденныхъ гражданъ онъ называетъ „истиною и силою націи, потому что оно служило основаніемъ и опорой военной службы". Кромѣ свободнорожденныхъ существовало еще дворянство, которое онъ также (противорѣча сейчасъ сказанному) называетъ первымъ изъ всѣхъ сословій, основаніемъ сословнаго устройства, первымъ и существеннымъ элементомъ „истиннаго государства, т. е. сословнаго устройства". Это дворянство со временемъ вытѣснило сословіе свободнорожденныхъ, мѣсто котораго заняли городскія сословія и города, между тѣмъ какъ духовное сословіе въ видѣ христіанскаго европейскаго дворянства существовало на ряду съ національнымъ свѣтскимъ дворянствомъ. Шлегель желалъ, чтобы и теперь возстановилось прежнее отношеніе между сословіями, хотя онъ зналъ, что настоящее время ведетъ всеобщую борьбу противъ преобладанія дворянства, и за возстановленіе одного сословія свободнорожденныхъ, чего желалъ и Фихте, взоръ котораго, когда онъ подобно Шлегелю обращался къ прошедшему, останавливался не на династической власти и универсальности, но на Арминѣ и Лютерѣ, на Ганзейскихъ городахъ и Швейцаріи и на тѣхъ временахъ, когда великія національныя дѣла „сводились къ народу", о которомъ у Шлегеля вовсе нѣтъ рѣчи. Дворянство у него есть основная сила государства. Въ Австріи въ особенности имѣетъ глубокіе

корни аристократическое устройство; онъ совѣтуетъ также въ отдѣльныхъ государствахъ ввести сословное устройство съ сохраненіемъ національныхъ особенностей, а для поддержанія связи и единенія между ними учредить дворянскій сенатъ, который былъ бы общимъ для всѣхъ государствъ, на подобіе института грандовъ Карла V. Всѣ эти результаты историческихъ изслѣдованій Шлегеля нашли для себя удобную почву въ Вѣнѣ и продолжали развиваться въ нѣмецкихъ и иностранныхъ теоріяхъ, заимствованныхъ у Шлегеля, или случайно сходившихся съ его воззрѣніями; такъ Галлеръ составилъ свою сословную теорію, Бональдъ проповѣдывалъ ученіе о мертвомъ равновѣсіи и папскомъ третейскомъ судѣ, а де-Местръ фанатически развивалъ свой теократическій идеалъ европейскаго единства: все это совершалось уже въ то время, когда болѣе не нужны были умѣренность и сдерживающее вліяніе Шлегеля, какое онъ имѣлъ въ 1810 г. Даже онъ самъ не могъ сдерживать себя впослѣдствіи, сталъ прямо защищать де-Местра, перемѣнилъ тонъ своихъ рѣчей, восхвалялъ уже не королевство, ограниченное дворянствомъ, но абсолютную монархію, какъ единственно религіозное государство, и, занимаясь во Франкфуртѣ при австрійскомъ посольствѣ, ожидалъ, что изъ нѣмецкаго союза разовьется средневѣковое царство, и церковь будетъ занимать въ немъ первое мѣсто какъ въ прежнихъ духовныхъ государствахъ, въ которыхъ онъ видѣлъ высшую степень приближенія къ царству Божію [9]).

Дѣйствіе нѣмецкой литературы на другія страны.

Мы пришли теперь къ тому времени, когда нѣмецкій умъ, доселѣ уклонявшійся въ своей дѣятельности отъ предметовъ политическихъ, силою внѣшнихъ обстоятельствъ снова принужденъ былъ обратиться къ внѣшней жизни, къ церковнымъ и государственнымъ порядкамъ. Но прежде чѣмъ мы станемъ разсказывать о томъ, какъ благосклонно были приняты въ Австріи указанные взгляды Шлегеля и его друзей на государство и церковь, мы прослѣдимъ, какимъ образомъ умственное движеніе, пока оно еще не смѣшалось съ внѣшними интересами, изъ Германіи переходило въ другія страны. Незадолго передъ реставраціей одинъ послѣдователь Шеллинговой школы, человѣкъ съ государственнымъ и практическимъ смысломъ, съ удовольствіемъ говорилъ о чисто духовномъ и выдержанномъ харак-

---

[9]) Varnhagen, Denkwürdigkeiten 7, 282.

терѣ нѣмецкой литературы, о силѣ и достоинствѣ, какія сообщило ей это свойство и думалъ, что, обладая однимъ этимъ внутреннимъ богатствомъ, нѣмцы не нуждаются ни въ какомъ другомъ [10]. При своихъ разсужденіяхъ онъ имѣлъ въ виду направленіе поэзіи и философіи въ тотъ самый моментъ, когда онѣ обѣ соединились вмѣстѣ, чтобы возвысить религію послѣ ея паденія, и поставлялъ высокую задачу нѣмецкой философіи въ томъ, чтобы она разрозненныя науки привела къ высшему духовному единству, а чрезъ него къ религіи, подобно тому какъ нѣмецкая поэзія снова открыла „забытыя сокровища всѣхъ вѣковъ и народовъ и свои собственныя, нѣкогда принадлежавшія ей“, и въ чудесномъ волшебномъ царствѣ своемъ всюду нашла Бога. Между тѣмъ какъ всѣ другіе народы обращаютъ искусство и науку на служеніе массамъ для земныхъ цѣлей и отношеній, лучшіе люди между нѣмцами, соединившись между собою невидимымъ союзомъ, должны составить такъ сказать церковь для сохраненія искусства и науки и служить имъ съ благоговѣйнымъ чувствомъ, подобно древнимъ жрецамъ, употребляя ихъ не для внѣшнихъ, а для чисто духовныхъ выгодъ. Такимъ образомъ нѣмцамъ приходится быть жрецами новаго времени; мечъ и скипетръ политическаго преобладанія и вліянія перешли къ Франціи, золотая держава богатства и промышленности къ Англіи, нѣмцамъ же остался вѣнецъ всего; благочестивое чувство, свободная геніальность, неиспорченная природа, органъ для воспріятія всѣхъ высшихъ вліяній и разумное стремленіе къ основательности во всемъ.

Мадамъ Сталь о Германіи.

Въ это самое время и иностранцы стали признавать за Германіей такое значеніе, въ особенности французы, которые до сихъ поръ съ глубочайшимъ презрѣніемъ смотрѣли на тупость нѣмецкаго ума. Чтобы поколебать въ французахъ гордость вѣкомъ Людовика XIV и его умственнымъ значеніемъ и дать имъ возможность сравнить его съ иностранной литературой,—для этого нужны были огромныя потрясенія революціи, эмиграція большими массами, многолѣтняя продолжительная скука, которая заставила изгнанниковъ во время упадка французской литературы познакомиться съ иностранными умственными произведеніями. При такихъ обстоятельствахъ изъ эмигрантовъ

---

[10]) Görres, Fall der Religion und ihre Wiedergeburt. 1810. Въ Görres pol. Schriften. 1854. 1, 176 и слѣд.

дѣйствительно образовалась литературная сила, которая въ религіозно-политическомъ отношеніи была союзницей союзныхъ державъ въ ихъ борьбѣ противъ крайнихъ революціонныхъ идей и противъ Наполеоновскаго владычества и которая въ литературномъ отношеніи, подчинившись идеямъ, вкусамъ и образцамъ нѣмецкой („романтической“) литературы, также непатріотически боролась противъ старо-французскихъ литературныхъ порядковъ, какъ вооруженные эмигранты противъ новыхъ государственныхъ порядковъ. Мадамъ Сталь прежде всѣхъ имѣла такое видоизмѣняющее вліяніе на французскую литературу. Дочь женевца-кальвиниста, почитательница Руссо, едва избѣжавшая революціонныхъ ужасовъ и гильотины, преданная какъ и отецъ ея англійской конституціи, долго путешествовавшая въ Англіи и Германіи, Россіи и Швеціи, лично познакомившаяся въ Веймарѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ со всѣми главами нѣмецкой литературы, окруженная въ Коппетѣ людьми французской оппозиціи, она, вслѣдствіе всѣхъ этихъ разнообразныхъ сношеній, обстоятельствъ и побужденій, болѣе чѣмъ кто либо другой способна была съ твердою рѣшимостью освободиться отъ укоренившихся предразсудковъ французскаго образованія. Ея книга о Германіи, оконченная въ 1810 и появившаяся въ Англіи въ 1813 г.; дала если не бытіе, то сознаніе и побѣдоносную самоувѣренность французскому романтицизму. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми сочиненіями лотарингца Виллера и воспитаннаго въ Женевѣ и Парижѣ Ансильона, эта книга была первымъ сочиненіемъ на французскомъ языкѣ, которое было написано съ дѣйствительнымъ знаніемъ Германіи. Сталь представляетъ въ ней картину нѣмецкихъ поэтовъ и мыслителей, и хотя многое въ ея сужденіяхъ не нравится нѣмцамъ и даже кажется смѣшнымъ, однако ни одинъ французъ прежде не умѣлъ такъ хорошо понять нѣмецкаго духа. Она хвалитъ въ нѣмецкой литературѣ умѣнье приспособляться къ обстоятельствамъ мѣста и времени, и сама представляетъ замѣчательный примѣръ такого приспособленія въ своихъ сужденіяхъ, которыя были направлены противъ исключительнаго пристрастія Вольтера къ французскому національному вкусу и чисто революціоннымъ образомъ разорвали покровъ, закрывавшій святилище этого вкуса. Она знала, какъ отважно ея предпріятіе, она понимала, что взаимныя сужденія нѣмцевъ и французовъ объ ихъ литературахъ напоминаютъ басню о лисицѣ и журавлѣ; однако она не побоялась пред-

ложить французамъ узкогорлый, глубокій и полный сосудъ нѣмецкой литературы во всемъ ея величіи. Какъ будто съ злою радостью она говоритъ, что насмѣшка Лессинга надъ главою насмѣшниковъ, Вольтеромъ, нанесла французскому вкусу въ Германіи смертельный ударъ; она сама смѣялась надъ прозаическимъ стихоплетствомъ, которое во Франціи считается поэзіей, и утверждала, что только одна проза возможна тамъ, гдѣ языкъ не способенъ къ свободнымъ сочетаніямъ, отважнымъ порывамъ и необыкновеннымъ выраженіямъ и гдѣ общепринятый (александрійскій) стихъ исключаетъ всякую простоту, естественность и характеристичность. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ она объявляетъ, что французы выиграли бы гораздо болѣе, научившись понимать геній нѣмецкой поэзіи, самой замѣчательной и разнообразной въ настоящее время, чѣмъ нѣмцы, подчинившись французскому вкусу. Относительно ученой литературы она сознается, что, узнавши ее, она вступила въ совершенно новую сферу, гдѣ объяснилось для ней все, что она понимала до сихъ поръ весьма неясно; сокровища идей, заключающіяся здѣсь, не скоро могутъ быть исчерпаны прочими націями; во Франціи ни одинъ ученый, занимающійся серьезной реботой, не можетъ обойтись безъ нѣмецкихъ писателей-спеціалистовъ. Кромѣ поэзіи и науки она хвалитъ еще религіозное чувство, которое сохранилось въ Германіи при всей свободѣ духа. Пользуясь выраженіями и пріемами Фихте, она высоко цѣнила идеалистическую философію, которая представила оплотъ разрушительному потоку французскаго сенсуализма; подобно этому и Ройе-Колларъ въ своихъ чтеніяхъ, опираясь на шотландскихъ философовъ, вооружался противъ энциклопедистовъ,—и всѣ его преемники на философской каѳедрѣ, Жоффруа, Кузенъ, Гизо, слѣдовали нѣмецкимъ и англійскимъ школамъ и противодѣйствовали матеріалистическому направленію своихъ земляковъ. Въ укоръ французскому католицизму, мадамъ Сталь не задумала сь указывать на благодѣтельныя дѣйствія протестантизма и вѣры, укрѣпленной убѣжденіемъ, и французскому раціонализму предпочла нѣмецкую мистику, которая охотнѣе слѣдуетъ побужденіемъ сердца, чѣмъ сухому безпристрастію скептицизма. Чрезъ всѣ эти частности проходитъ какъ красная нить одна цѣль и мысль: возстать противъ литературной деспотіи академическихъ правилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать и политическое нападеніе на порядки Наполеоновской деспо-

тіи; министръ полиціи Савари отплатилъ ей тѣмъ же,—по литературнымъ соображеніямъ онъ назвалъ ея сочиненіе, льстившее иностранцамъ, не французскою книгою, а по политическимъ приказалъ уничтожить его. Называя литературу французовъ, подражавшую древнимъ, пересаженнымъ растеніемъ, сочинительница называетъ романтическую литературу, имѣющую корень въ прошедшемъ еще живыхъ народовъ, народнымъ искусствомъ, и чисто демократическимъ оружіемъ защищаетъ романтическую поэзію, которая есть достояніе народа и можетъ служить въ видѣ пѣсни для всѣхъ классовъ, тогда какъ французская поэзія составляетъ достояніе только высшихъ сословій. Нападая на тираннію академіи, распоряжавшейся языкомъ, и столицы, дававшей тонъ всей литературѣ, она хвалитъ самоувѣренность и самообладаніе нѣмецкаго духа, который самъ для себя есть законъ и правило, который образуетъ общество, а не самъ образуется имъ, и который дѣйствуетъ съ полной свободой въ поэзіи, приводитъ не къ анархіи вкуса, а къ идеальному понятію искусства и къ богатому разнообразію произведеній. Всѣ эти чудесныя дѣйствія она приписываетъ личной свободѣ, независимости и протестантскому индивидуализму, которые сами себя считали мѣркой литературнаго вкуса и политической свободы въ государствѣ и которые самому Руссо внушили смѣлость вооружиться противъ старыхъ французскихъ преданій. Съ точки зрѣнія этого чисто германскаго духа, который она называетъ романтическимъ, съ вѣрнымъ тактомъ и съ чисто германскими цѣлями она вооружилась даже противъ не-нѣмецкихъ уклоненій своихъ романтическихъ друзей въ Германіи. Этотъ духъ приводилъ ее въ восторгъ въ нѣмецкой одушевленной молодежи, которая вооружилась противъ Франціи въ 1813 г., а энтузіазмъ молодежи,—божественную искру, возвышающую надъ матеріальными интересами и своекорыстными разсчетами (идолами Наполеоновскаго государства),—она называла отличительнымъ свойствомъ нѣмцевъ. По заключеніи мира она старалась внести этотъ же германскій духъ и въ область политики въ Парижѣ, гдѣ, какъ уже сказано было прежде, вокругъ нея собралися друзья англійской конституціи, а послѣдователи романтическаго евангелія почитали ее какъ свою учительницу. Впрочемъ этотъ послѣдній тріумфъ не легко ей достался. Конечно Ламартинъ за ея смѣлое возстаніе противъ стараго Парнаса превозносилъ ее

какъ „великаго человѣка съ женскою страстью, какъ Мирабо въ бесѣдахъ и литературѣ" и съ удовольствіемъ вспоминаетъ о томъ времени, когда ея одушевленныя бесѣды производили въ слушателяхъ „высокое и восторженное духовное опьяненіе", но за то въ началѣ реставраціи очень многіе называли галиматьей романтическія нововведенія въ ея сочиненіяхъ, и ее вмѣстѣ съ Шатобріаномъ ставили на одну линію съ Дюсисомъ, который коверкалъ Шекспира, и съ Пиксерикуромъ, котораго „желтый карликъ" называлъ Шекспиромъ бульваровъ. Въ ея похвалахъ Германіи видѣли только сатиру на Францію и надѣялись, что книга ея если и не будетъ запрещена, то будетъ скоро забыта. Она сама не отважилась бы такъ смѣло выступить съ своей критикой, если бы ей прежде не былъ проложенъ путь въ изящной литературѣ. Она говорила, что Руссо, Сенъ-Пьеръ и Шатобріанъ по нѣкоторымъ своимъ сочиненіямъ „принадлежали къ нѣмецкой школѣ, сами того не замѣчая"; она сама подражала имъ въ своихъ Дельфинѣ и Коринпѣ, хотя въ нихъ и не было чисто нѣмецкаго духа, которымъ были проникнуты ея теоріи. Но этотъ нѣмецкій вкусъ всякій разъ встрѣчаемъ былъ съ шумнымъ одобреніемъ, какъ скоро кто нибудь рѣшался замѣнить натянутую старофранцузскую правильность иностранною непринужденностью, спуститься въ глубину собственной души и черпать поэзію изъ природы и сердца, а не изъ искусственности и разсудка.

Из указанныхъ писателей виконтъ Шатобріанъ по своей литературной дѣятельности принадлежалъ тому подготовляющему реакцію умственному движенію, о которомъ мы разсказываемъ; о его политической (публицистической и практической) дѣятельности мы уже говорили и будемъ говорить еще впослѣдствіи. Онъ раздѣлялъ съ мадамъ Сталь славу обновленія французской литературы, намѣренно дѣйствовалъ на тогдашнія реакціонныя направленія этой литературы, а потомъ безъ намѣренія, хотя и не безъ сознанія, содѣйствовалъ возобновившимся въ ней революціоннымъ направленіямъ. Оставленное имъ его жизнеописаніе объясняетъ намъ причину этихъ различныхъ дѣйствій и стремленій его подвижнаго духа, которыя имѣютъ характеристическое значеніе для литературы и государственной жизни Франціи. Необыкновенныя обстоятельства, среди которыхъ выросъ Шатобріанъ, объясняютъ намъ и то, почему онъ, подобно мадамъ Сталь, относился къ своей націи и ея литературѣ, какъ ино- Шатобріанъ.

странецъ. Рожденный въ отдаленной Бретани (1768 г.), среди племени, преданнаго староотеческой вѣрѣ и суевѣрію, принадлежавшій къ бѣдному дворянскому семейству, запуганный суровымъ воспитаніемъ гордаго отца, избалованный благочестивою матерью и мечтательною любимою сестрою, онъ рано погрузился въ фантастическую жизнь, которая изнуряла его духовно и тѣлесно, обнаружилъ наклонность къ уединенію, меланхоліи, нелюдимости и тихой мечтательности, вслѣдствіе которой онъ занимался фантастическими призраками своей воображаемой любви и приходилъ къ болѣзненной рѣшимости на самоубійство. Эта наклонность перешла потомъ въ мрачное скептическое настроеніе и въ совершенную безчувственность къ внѣшнему міру, суровость котораго принудила его мягкое сердце, также какъ и раздражительныя души въ Германіи, сосредоточиться во внутреннемъ мірѣ мечтаній и образовъ. Его личныя столкновенія съ мірскою жизнью должны были запугать его еще болѣе. Во время перваго пребыванія его въ тогда еще мирномъ Парижѣ въ немъ возбуждало ужасъ то, что дѣлалось на улицахъ, и отвращеніе то, что происходило при дворѣ. При началѣ революціи нѣкоторыя отчаянныя головы раздражали его до опаснаго самозабвенія и страшась каннибальныхъ сценъ, происходившихъ тогда, онъ рѣшился эмигрировать въ 1789 г. Онъ носилъ въ сердцѣ отчаяніе и не зналъ его причины, между тѣмъ она ясно видна между строками его записокъ. Великія событія времени пробудили честолюбіе въ его богато одаренномъ духѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе неспособности играть дѣятельную роль въ ужасномъ хаосѣ, окружавшемъ его; съ энтузіазмомъ, также безъотчетнымъ какъ и его честолюбіе, онъ обращался къ другимъ обѣщающимъ славу задачамъ, къ выполненію которыхъ онъ считалъ себя способнымъ, но, встрѣтивъ, здѣсь суровыя препятствія дѣйствительности, онъ съ тѣмъ же честолюбивымъ жаромъ принимался еще за другіе планы, которые опять не удавались ему. Рѣшившись эмигрировать, онъ задумалъ открыть сѣверо-западный проходъ въ Индію, мимо Америки, безъ приготовленія, безъ средствъ и безъ знанія. Прибывъ въ Америку (1791 г.) и убѣдившись въ безразсудствѣ своего предпріятія, онъ скоро воспользовался извѣстіемъ о бѣгствѣ и опасности своего короля, какъ предлогомъ для возвращенія во Францію, и здѣсь присталъ къ вооружившимся эмигрантамъ. Страшные удары, поразившіе его семейство

во время террора, были для него достаточнымъ побужденіемъ предаться сердцемъ и душою дѣлу эмигрантовъ, но онъ стоялъ въ ихъ рядахъ безъ сочувствія къ ихъ партіи, онъ дѣлилъ съ ними страданія, но не раздѣлялъ ихъ обольщеній, и снова устраненный онъ оставилъ дѣятельную жизнь и удалился въ Англію (1793 г.). Его судьба отняла у него страннический посохъ и мечъ и дала ему въ руки перо. У него, какъ и у нѣмецкихъ литераторовъ, было много основаній для этого сосредоточенія въ чисто духовной дѣятельности, но честолюбіе и теперь поддерживало въ немъ желаніе чѣмъ нибудь ознаменовать себя въ практической дѣятельности, и онъ поэтому постоянно „колебался между двумя жизнями, которыя не имѣли между собою ничего общаго“, между поэтически-мечтательною и дѣятельною.

Съ растерзаннымъ сердцемъ и болѣзненнымъ духомъ онъ написалъ въ Англіи (1794—7) свой „историческій опытъ о революціяхъ“, книгу, содержаніе которой можно было извинить его юностью, несчастьями и неопытностью, и которою однако пользовались для злостныхъ обвиненій противъ него; Шатобріанъ самъ впослѣдствіи называлъ ее полной противорѣчій, отвратительной и смѣшной книгой. Очень рѣзко обрисовываетъ во всемъ замѣтный характеръ автора то обстоятельство, что его книга „посвящена всѣмъ партіямъ“, и однако она, подобно всей его послѣдующей жизни и дѣятельности, не понравилась ни одной. Въ сочиненіи своемъ онъ нападаетъ на революцію, однако считаетъ ее неизбѣжною; возстаетъ, подъ вліяніемъ республиканскихъ идей древности, противъ абсолютизма, и въ тоже время находитъ, что республика невозможна въ настоящее испорченное время; теоретически признаетъ принципъ народнаго самодержавія и съ отвращеніемъ смотритъ на его практическое осуществленіе. Онъ отрицаетъ последовательно всякую гражданскую свободу и признаетъ только одну личную; кто не хочетъ подчиняться людямъ, тотъ долженъ возвратиться къ жизни дикарей. Эти парадоксы, странные сами по себѣ, если искать для нихъ объясненія въ его жизни, представляются просто плутовскими, вслѣдствіе той тщеславной суетности, которая въ нихъ обнаруживается. Ученикъ Руссо, онъ хотѣлъ изучить на опытѣ въ Америкѣ естественное состояніе человѣка. Тамъ онъ любилъ проводить время съ колонистами, лѣсными жителями, которые однако имѣли фортепіано и пѣли дуэты Пэсіелло, и съ

ирокезцами, которыхъ онъ однако встрѣчалъ въ школѣ французскаго танцмейстера; онъ самъ, пользуясь первобытной естественной свободой, носилъ полуиндійское платье и позволялъ себѣ дѣйствія, „которыя его спутникамъ могли казаться глупыми“. Въ такой то школѣ онъ научился презирать всякое образованіе и всякое государство, которое онъ называлъ кучей разложившихся и гнилыхъ страстей. Не иначе представлялось ему и церковное общество. Въ своей книгѣ онъ говоритъ о христіанствѣ какъ о явленіи человѣческомъ; духовенство, реформацію, папство и всю исторію христіанства онъ представляетъ въ темномъ свѣтѣ; онъ даетъ ему только еще нѣсколько лѣтъ жизни и подобно нѣмецкимъ романтикамъ надѣется увидѣть появленіе новой религіи. Какъ романтики издѣвались въ жизни надъ всѣми нравственными законами, такъ онъ надъ государственными: владычество закона онъ называетъ тиранніей, столь же отвратительной какъ и всякая другая, существованіе законовъ и правительствъ — величайшимъ несчастіемъ. Такой же анархическій принципъ высказывала въ позднѣйшіе годы во Франціи и Германіи революціонная молодежь, заимствовавшая свои привычки и представленія у этихъ же романтиковъ, которыхъ послѣдующее реакціонное направленіе и благочестивое настроеніе не могли препятствовать дальнѣйшему распространенію ихъ первоначальнаго фривольнаго направленія.

Смерть матери и сестры, опечаленной содержаніемъ этой книги, была побужденіемъ, вслѣдствіе котораго Шатобріанъ склонился въ пользу христіанства. Въ раскаяніи онъ написалъ потомъ (1799—1802) свой „духъ христіанства“. Однако и мірская суетность руководила имъ при написаніи этого покаяннаго сочиненія: „онъ хотѣлъ надѣлать имъ много шуму, который бы донесся даже туда, гдѣ покоилась теперь его мать.“ Руководимый разсчетливымъ честолюбіемъ, онъ удачно выбралъ для обнародованія его тотъ самый моментъ, когда Бонапартъ примирился съ папою. Въ тотъ же день, когда въ Notre Dame возстановлено было церковное богослуженіе, другъ его Фонтань съ похвалою объявилъ въ Монитерѣ о появленіи въ свѣтъ его книги. Самъ Бонапартъ привѣтствовалъ это сочиненіе, впослѣдствіи названное имъ весьма вреднымъ, какъ благопріятную поддержку его стремленій. Все это доставило книгѣ чрезвычайный успѣхъ. Успѣху ея содѣйствовало также и всеобщее

настроеніе этого времени, когда всѣ благочестивыя души надѣялись найти себѣ удовлетвореніе, и даже самые безпристрастные люди не безъ радости возвращались къ незабытымъ еще религіознымъ обрядамъ и чувствамъ. Въ такое время подобное сочиненіе, если бы оно съ безъискусственной простотой прямо вылилось изъ благочестивой души и стремилось бы къ чистой религіозной истинѣ, произвело бы во Франціи несравненно сильнѣйшее и благодѣтелнѣйшее дѣйствіе, чѣмъ рѣчи Шлейермахера въ Германіи. Но Шатобріанъ, возставая противъ школы Вольтера, думалъ привести своихъ читателей къ Богу мірскими средствами и „путемъ, усѣяннымъ цвѣтами“; стараясь подѣйствовать на чувство красоты и воображенія, онъ написалъ поэтическое оправданіе христіанскаго преданія, легендъ и сагъ, чтобы доказать, какъ выражались остряки, что христіанство болѣе чѣмъ всякая другая религія заключаетъ въ себѣ матеріаловъ для пантомимъ, балетовъ и большой оперы. Съ ограниченной аффектаціей онъ въ своей христіанской эстетикѣ ставитъ Расина и Сенъ-Пьера за христіанскій оттѣнокъ въ ихъ сочиненіяхъ выше Гомера и Теокрита; въ своей богословской морали на ряду съ разумными положеніями онъ безъ разбора принимаетъ и самыя неразумныя; въ своемъ правовѣрномъ ученіи о природѣ онъ опровергаетъ историческое развитіе земнаго шара и этому „непоэтическому представленію о землѣ“ предпочитаетъ вѣру въ театральное созданіе міра въ одинъ моментъ, такимъ образомъ, что въ немъ молодые дубы явились одновременно съ старыми и на вѣтвяхъ ихъ вдругъ оказались и старыя гнѣзда вороновъ и молодые птенцы голубей. Такимъ образомъ этой книгой онъ поставилъ себя на ряду съ Бональдомъ, Вѣнской конгрегаціей и со всѣми людьми мрака, которые старались воскресить средневѣковой духъ для улучшенія настоящаго времени. Успѣхъ, какой онъ имѣлъ, укрѣпилъ его въ этомъ направленіи. Онъ полагалъ свою славу въ томъ, что этимъ сочиненіемъ онъ уничтожилъ вліяніе Вольтера и его послѣдователей, спасъ дѣло, „котораго даже Римъ не могъ бы поддержать“, что, остановивши это умственное движеніе, „онъ положилъ конецъ революціи и началъ новую литературную эру!“

Эту славу Шатобріанъ пріобрѣлъ собственно отдѣльными эпизодами въ своемъ сочиненіи, которые утвердили во Франціи и его поэтическую славу. Прибывши изъ Бретани въ первый разъ въ

Парижъ съ своей богатой фантазіей, онъ сталъ читать тогдашнихъ поэтовъ Палиссо, Шенье, Бомарше, а другихъ, напр. Парни, Лебрюна и Шамфора онъ узналъ лично; всѣ они не понравились и скоро наскучили ему бѣдностью мыслей и чувствъ и устарѣлыми выраженіями. Среди американской природы онъ побѣдилъ свою наклонность къ уединенію, воспринималъ въ себя впечатлѣнія, дѣйствовавшія на его чувство, которыя дали новый видъ его музѣ [11]), собиралъ одну за другою характеристическія черты этихъ впечатлѣній и запечатлѣвалъ въ себѣ даже отдѣльные представляшіеся ему образы, которые онъ впослѣдствіи воспроизвелъ въ своихъ разсказахъ: Натшезъ, Атала и Рене. За тѣмъ въ Англіи онъ британизировалъ свой вкусъ и привычки до того, что по возвращеніи на родину онъ едва могъ привыкнуть къ французской небрежности и къ шумной болтливости своихъ земляковъ. Онъ научился тамъ понимать Шекспира и прочиталъ Вертера; но въ особенности у Оссіана онъ нашелъ поэзію утонченной дикости, которая помогла ему разукрасить его американскіе образы. Онъ воображалъ себя окруженнымъ цѣлымъ поэтическимъ міромъ, хотя матеріалы, составлявшіе его поэтическое достояніе, были скудны и для увеличенія ихъ онъ (1806) путешествовалъ въ Африку и на Востокъ, откуда происходили Абенсерражи, герои его романа, носящаго это названіе. Иностранцу въ настоящее время кажется непонятнымъ, какимъ образомъ всѣ эти небольшіе разсказы Шатобріана могли произвести такое сильное дѣйствіе на публику. Но въ то время, когда Шатобріанъ возвратился во Францію, онъ нашелъ старыя идеи, привычки, вкусъ и чувства измѣнившимися и погибшими въ бурѣ революціи; среди литературной пустыни казались спасительными оазисами его небольшія сочиненія, носившія на себѣ новый иностранный отпечатокъ и представлявшія смѣсь христіанства, чувства, естественности и дикости. Они содѣйствовали образованію новой эстетики; Сталь, Констанъ, Лемерсье, Бональдъ, а потомъ Гюго и Ламартинъ подчинялись новымъ вліяніямъ; и хотя „духъ христіанства" представлялъ реакцію противъ революціонной философіи и политики, но тѣми поэтическими прибавками, которыя въ немъ заключались, онъ производилъ плодотворное и живительное вліяніе;

---

[11]) Mémoires d'outre-tombe. 2, 95.

18 вѣкъ, хвалился Шатобріанъ, былъ имъ выбитъ изъ его колеи. Сильный противникъ угрожалъ этому романтическому движенію; Наполеонъ покровительствовалъ классицизму; вліятельный другъ Шатобріана Фонтань вмѣстѣ съ Шенье былъ послѣднимъ приверженцемъ школы Буало, врагомъ всякой идеологіи и неологіи. Однако и онѣ нравились ему въ Шатобріанѣ, который, слѣдуя его совѣту, заботился о правильности стиля, и, не смотря на свой романтизмъ, раздѣлялъ, подобно Альфіери, совершенно старо-французскую увѣренность, что безсмертіе писателю даетъ его стиль. Эта антиромантическая ересь и дружба съ Фонтаномъ незамѣтно отвлекли бы Шатобріана отъ новаго романтизма и обратили бы его въ „обыкновеннаго стража стараго Пинда“, но разрывъ его съ Наполеономъ предотвратилъ это. Шатобріанъ съ первой же встрѣчи не понравился консулу, который обыкновенно назначалъ его на второстепенные посты, и Шатобріана обижало такое неуваженіе, хотя онъ и скрываетъ это въ своихъ запискахъ. Онъ отмстилъ Бонапарту тѣмъ, что послѣ казни герцога Ангіенскаго подалъ въ отставку. Онъ рѣшился на это не вслѣдствіе нравственнаго отвращенія, а по внушенію оскорбленнаго самолюбія; онъ написалъ свою отставку прежде чѣмъ узналъ, виновенъ или невиновенъ былъ разстрѣлянный герцогъ. Стѣсняемый человѣкомъ, который совершалъ великое дѣло „помимо его мечтаній“, онъ почувствовалъ завистливую ревность къ нему и хотѣлъ „догнать“ [12]) выскочку; онъ нападалъ на него въ своихъ „мученикахъ“, въ Меркуріи, въ Академіи, и говорилъ, что хоть императоръ и справляется съ королями, „но съ нимъ не такъ легко можетъ справиться“! Напротивъ Шатобріанъ думалъ, что онъ самъ справился съ Наполеономъ и нанесъ ему ударъ упомянутой уже нами брошюрой 1814 года, которою онъ открылъ свое роялистическое поприще и помогъ Бурбонамъ достигнуть престола. Такимъ образомъ, не подчиняясь Наполеону и сохраняя умственную независимость, онъ могъ имѣть на литературу обновляющее дѣйствіе. Онъ самъ наконецъ съ удовольствіемъ увидѣлъ себя во главѣ молодой поэтической школы, которая въ религіи и политикѣ разрушала все то, къ чему стремилась теоретически и практически. Онъ видѣлъ сходство между собою и лордомъ Байрономъ въ

---

[12]) Mémoires d'outre-tombe. 5, 168.

положеніи и судьбѣ, такъ какъ оба они имѣли одинаковое пристрастіе къ поэтической образности и живописности, которую осуждалъ Лессингъ въ первыхъ произведеніяхъ новой поэзіи, оба имѣли одинаковую наклонность переносить въ свою поэзію, подобно Гёте, свое личное настроеніе и ощущенія, въ чемъ Сталь полагала существенный отличительный признакъ нѣмецкой поэзіи; ему лестно было, что и Беранже назвалъ Чайльдъ Гарольда принадлежащимъ къ семейству „Рене". Въ своемъ Рене Шатобріанъ представилъ тотъ типъ страдающихъ духомъ героевъ, который потомъ сдѣлался эпидемическимъ въ области литературы у людей съ поэтическимъ и поэтизирующимъ характеромъ. Онъ впослѣдствіи въ своихъ запискахъ сожалѣлъ даже, что онъ своимъ Рене породилъ эту секту страдающихъ геніевъ, истерзанныхъ страстями и воображаемыми мученіями, хотя въ этихъ же запискахъ болѣе чѣмъ гдѣ нибудь онъ представляется утомленнымъ жизнію и презирающимъ ее; только его отчаяніе слишкомъ слабо, нетерпѣніе и страсть слишкомъ флегматичны, тоска слишкомъ равнодушна и не доходитъ до мучительной ипохондріи, какъ у Байрона. Съ сдержаннымъ честолюбіемъ человѣка, который съ неудовольствіемъ осматривается на свою внѣшнюю жизнь, онъ жалуется въ запискахъ на то, что вся жизнь его протекла въ однихъ только мечтахъ и называетъ величайшимъ счастіемъ не родиться и ничего не знать. Среди окружавшихъ его великихъ событій онъ въ минуты скромной откровенности почувствовалъ ничтожество своего мечтательнаго міра. И потому, точно сотрудникъ ново-революціонной молодежи, онъ обращалъ свой взоръ къ будущему и, не смотря на свои щекотливыя аристократическія чувства и на рыцарскую привязанность къ государямъ, онъ предсказывалъ успѣхъ республикѣ, которую онъ прежде считалъ невозможною и безъ неудовольствія смотрѣлъ на принципъ равенства, составляющій послѣднюю цѣль имѣющей совершиться революціи. Поэтому нѣкоторые утверждали [13]), что никогда еще не было такого яростнаго республиканца, какъ этотъ капризный роялистъ, который въ своей практической дѣятельности постоянно оскорблялъ то роялистовъ, то либераловъ, то людей религіозныхъ, то друзей просвѣщенія,—и все

---

[13]) Lerminier, la litérature révolutionnaire. 1850.

это для того, чтобы не измѣнить своему принципу и не потерять популярности.

Въ путаницѣ мнѣній и стремленій этого одного человѣка ясно выразилась вся безпорядочность, господствовавшая въ литературѣ и государственной жизни Франціи въ послѣднія десятилѣтія; поэтому и нужно было подробно разсмотрѣть его дѣятельность. Мѣсто тѣхъ понятій Шатобріана, которыя не подходили къ реакціонному направленію, заступила въ реакціонной литературѣ та крайняя односторонность, съ которой Павильонъ Марсанъ отнесся къ измѣнчивой политикѣ Людовика XVIII. У этихъ политиковъ во всемъ замѣтно было тоже незнаніе исторіи и государства, жизни и современности, какое обнаруживалось въ нѣмецкой, убѣгавшей отъ міра, литературѣ, съ тою разницею, что они, принадлежа къ дѣятельной націи, всегда имѣли въ виду непосредственное приложеніе своихъ ученій къ жизни. Политическіе и правительственные принципы эмигрантовъ стали высказываться еще въ девятидесятыхъ годахъ, и мы уже видѣли начало этой бурбонистической литературы. Во время возстановленія Бурбоновъ многіе изъ писателей этого времени явились съ новыми, предлагающими совѣты, сочиненіями, которыя кратчайшимъ путемъ вели къ цѣли ихъ стремленій; а нѣкоторымъ изъ нихъ была возможность преслѣдовать эту цѣль лично и на дѣлѣ. Виконтъ Бональдъ, въ качествѣ члена незамѣнимой палаты и потомъ (съ 1823) въ качествѣ пера, во всѣхъ практическихъ вопросахъ поступалъ такъ, какъ можно было ожидать отъ него, зная его сочиненія, которыя онъ написалъ какъ эмигрантъ и вѣрный старо-роялистъ [14]). Въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ въ его серьезной и мужественной рѣчи замѣтны были слѣды вліянія новой школы, къ которой открыто причислялъ его Шатобріанъ и, не смотря на это, въ своихъ запискахъ съ презрѣніемъ отозвался объ его метафизическихъ политическихъ теоріяхъ, которыя онъ выдумалъ въ Шварцвальдѣ. И дѣйствительно Бональдъ, проживши нѣкоторое время въ Гейдельбергѣ, не свободенъ былъ отъ нѣмецкой заразы. Подобно идеалистическимъ философамъ Германіи, онъ обратился къ старой французской школѣ Декарта и Мальбранша и къ правовѣрному богословію 17 вѣка, чтобы чрезъ него снова воз- Бональдъ.

---

[14]) Théorie du pouvoir pol. et rélig. 1796. Législation primitive. 1802.

становить уваженіе къ этимъ высокимъ умамъ, потрясенное въ 18 вѣкѣ „демократіей посредственности“. Но эти люди мало занимались обществомъ и его отношеніемъ къ божеству; поэтому онъ присоединилъ къ нимъ еще Лейбница, который служилъ поддержкою французскому спиритуализму противъ англійскихъ сенсуалистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ теоріи и практикѣ стремился къ благу общества и въ этомъ именно отношеніи служилъ источникомъ, изъ котораго Бональдъ черпалъ свою мудрость и свою отвагу. Лейбницъ старался о соединеніи различныхъ вѣроисповѣданій, мечталъ о равновѣсіи между духовною и мірскою властью, осуществленіе котораго казалось ему возможнымъ, если бы только папы захотѣли идти рука объ руку съ церковными соборами. т. е. если бы можно было достигнуть такой же „бездѣлицы“, какой по мнѣнію Фридриха II недоставало для водворенія вѣчнаго мира, о которомъ мечталъ Сенъ-Пьеръ. Что считалъ возможнымъ Лейбницъ, то и Бональду не казалось невозможнымъ. Въ этомъ убѣжденіи онъ дѣйствовалъ гораздо искреннѣе и съ большимъ постоянствомъ и терпѣніемъ, чѣмъ Шатобріанъ, хотя его умъ былъ гораздо ограниченнѣе и при своей ограниченности онъ еще не былъ свободенъ отъ той утонченной болтовни, въ которой обвинялъ его Шатобріанъ. Ученіе Бональда, его цѣли и характеръ можно видѣть какъ бы въ краткомъ извлеченіи въ небольшомъ его сочиненіи [15]), въ которомъ онъ, на перекоръ Вѣнскому конгрессу, даетъ свои совѣты для возстановленія спокойствія Европы. Съ тѣмъ же полузнаніемъ, съ какимъ нѣмецкіе романтики, уклоняясь отъ современности, поэтизировали по своему желанію историческое прошедшее, и Бональдъ утверждаетъ, что до реформаціи Европа наслаждалась всеобщимъ миромъ, рѣдко нарушаемымъ. Но за тѣмъ религіозныя и противурелигіозныя войны, бывшія слѣдствіемъ реформаціи, произвели въ ней раздоръ и несогласія. Миръ въ Оснабрюкѣ хотѣлъ прекратить этотъ раздоръ равновѣсіемъ вѣроисповѣданій и политической власти, также точно и вѣнскіе договоры и бывшій слѣдствіемъ ихъ священный союзъ имѣли въ виду равновѣсіе трехъ великихъ вѣроисповѣданій. Но достигнуть спокойствія можно не посредствомъ равновѣсія и колебанія многихъ авторитетовъ, а только чрезъ возстановленіе един-

---

[15]) Réflexions sur l'intérêt générale de l'Europe etc. 1815.

ства на великихъ основахъ религіи и королевской власти. Генрихъ IV и Лейбницъ хотѣли возстановить порядокъ въ Европѣ на этихъ двухъ основахъ и сдѣлать папу третейскимъ судьею и руководителемъ міра. Также точно и онъ совѣтуетъ расширить свѣтскую власть папы и сдѣлать духовенство почетнѣе, т. е. независимѣе, т. е. богаче. И Францiя, какъ страна христіаннѣйшая, должна прежде другихъ осуществить эти цѣли, а для этого ей необходимо удержать перевѣсъ надъ другими въ значеніи и силѣ, т. е. удержать Рейнскія границы. Тогда только она будетъ въ состояніи возстановить тотъ порядокъ, при которомъ существовала бы королевская власть, „благочестивая и неограниченная“, и наслѣдственное дворянство сохранило бы всѣ государственныя должности. Такимъ образомъ духовенству, королю, дворянству и націи представляются каждому изъ нихъ особыя соблазнительныя выгоды; foi, loi, roi полагается девизомъ, на заднемъ планѣ котораго стоитъ moi. Представлять особыя привлекательныя выгоды для средняго сословія Бональдъ не считалъ нужнымъ; въ немъ, какъ и во всей аристократіи, возбуждало отвращеніе то, что содѣйствуетъ торговлѣ, рабочей силѣ и увеличенію народонаселенія; подобно тому какъ де-Местръ, опираясь на авторитетѣ протестанта Мальтуса, старался поддержать отвергнутыя положенія Григорія VII, и Бональдъ требуетъ новой заслуги отъ іерархіи, чтобы она снова возстановила безбрачіе и монастыри и такимъ образомъ предупредила размноженіе бѣдныхъ классовъ. Духъ торговли, по его мнѣнію, источникъ вѣчной войны, онъ выводитъ изъ народныхъ учрежденій, которыя поэтому онъ совершенно отвергаетъ; догматъ о власти народа кажется ему атеистическимъ, такъ какъ должна существовать только власть Божія. Эти теократическія идеи несогласны были какъ съ державными понятіями Людовика XVIII, такъ и съ принципами духовенства, которое держалось галликанской свободы, какъ національнаго достоянія, и вообще со всѣмъ характеромъ французскаго мышленія и образованія; ультрамонтаны поэтому скоро очутились въ положеніи небольшой, не имѣвшей значенія и смѣшной секты. Поэтому весьма естественно было, что это направленіе въ послѣдующей борьбѣ церковныхъ отношеній совершенно ослабѣло, а въ натурахъ непреклонныхъ обратилось въ противоположную революціонную крайность, какъ напр. у Ламенне, единственнаго человѣка изъ духовнаго сословія, который сначала съ нѣкоторымъ успѣхомъ отстаивалъ въ ли-

ратурѣ тотъ іерархическій путь, который проложили свѣтскіе люди, Бональдъ и де-Местръ.

Де-Местръ. При такомъ положеніи ультрамонтановъ и ультрароялистовъ во Франціи Бональдъ, месмеріанецъ Бергакъ [16]) и имъ подобные находили нужнымъ стыдливо скрывать свои рѣзкіе взляды за глубокомысленными теоріями и ученостью. Совершенно иначе и съ полною смѣлостью развивалъ подобныя же теократическія ученія графъ Іосифъ де-Местръ, который какъ иностранецъ не стѣснялся никакими соображеніями. Съ 1803 г. онъ жилъ въ Петербургѣ въ качествѣ сардинскаго посланника, ревностно дѣйствовалъ въ пользу папы и іезуитовъ и написалъ тамъ, вдали отъ великихъ жизненныхъ движеній, большую часть своихъ раставраціонныхъ сочиненій, вѣнцомъ которыхъ была книга о папѣ [17]). Его „разсужденія о Франціи“ (1796 г.), заслужившія одобреніе Людовика XVIII, были снова напечатаны въ 1814 году. Въ нихъ онъ представляетъ революцію какъ событіе, которымъ непосредственно управляло божество, и человѣкъ, воображавшій себя строителемъ, былъ здѣсь просто только орудіемъ. Поэтому онъ совѣтовалъ тогда строго сохранять старое устройство, и этотъ же принципъ строгаго сохраненія онъ проповѣдывалъ и 16 лѣтъ спустя въ сочиненіи „о творческомъ принципѣ въ политическомъ устройствѣ“. Онъ основывалъ его на томъ религіозномъ воззрѣніи, что все неизмѣнно существующее есть дѣло божественное, а то, что допускаетъ измѣненіе и нововведенія есть тщетное дѣло человѣческое; только религіозный принципъ имѣетъ творческую и охранительную силу; всякое политическое устройство въ сущности есть дѣло божіе; люди сами не могутъ составить и написать никакого устройства, даже для измѣненія его они имѣютъ только самую ограниченную свободу; воображая себя свободными, люди въ самомъ дѣлѣ только рабы. Онъ выходилъ такимъ образомъ, хоть для совершенно противоположныхъ цѣлей, изъ того же начала, къ которому пришла скептическая философія 18 вѣка, хотя онъ преслѣдовалъ ее съ безпредѣльной ненавистью. Съ запальчивостію, ни

[16]) Въ небольшомъ сочиненіи, написанномъ для Людовика XVI: essai sur la loi, sur la souveraineté et sur la liberté de la presse, 1817.

[17]) Essai sur le principe générateur des constitutions politiques, 1810, 1814. Du Pape, Lyon 1819. De l'église gallicane, 1821. (Оба написаны въ 1817 г.). Les soirées de St. Petersbourg, 1822.

мало не скрываемою, онъ нападаетъ на ея философскій источникъ въ своей книгѣ противъ Бакона, которая есть ничто иное какъ борьба пигмея съ исполиномъ, и на ея религіозный источникъ, т. е. на реформацію, виновниковъ которой, Кальвина и Лютера, онъ называетъ людьми ничтожными, дѣйствовавшими съ грубостью черни и съ фанатизмомъ кабаковъ; съ безстрашною послѣдовательностью онъ нападаетъ даже на отдаленный источникъ реформаціи, на священное писаніе, „письменное законоположеніе реформаціи.“ Его ненависть ко всякимъ законоположеніямъ и писаніямъ простиралась и на священное писаніе; потому что какъ всякое писаніе вообще, такъ и Библія одно и тоже говоритъ разнымъ лицамъ, „что Лейбницу, то и его служанкѣ,“ не разбирая того, что можно сказать одному, и что нужно скрыть отъ другаго; только одной церкви принадлежитъ живо распространяющееся и взвѣшенное слово; св. писаніе есть нѣмое слово и ложный Богъ! Для него вся задача времени состояла въ уничтоженіи протестантства; онъ вовремя наблюдалъ многообѣщавшее судорожное движеніе противъ порожденій реформаціи, т. е. французской философіи и революціи, и противъ ихъ матери. Паденіе новаго порядка дѣлъ въ Италіи и Испаніи, поэтическій нео-католицизмъ французскихъ и итальянскихъ романтиковъ, отступничества въ Германіи, принятіе католическихъ обрядовъ почитанія Маріи и тому под. нѣмецкими буршами, взявшими для себя знакомъ крестъ,—благочестивая ревность, охватившая не только слабые натуры между протестантами, но и людей съ мужественнымъ характеромъ (что можно видѣть въ жизни Пертеса, Штейна и многихъ другихъ), одушевленіе протестантовъ въ Римѣ при возвращеніи папы, происшествія другаго рода въ Англіи, религіозную систему которой паписты считали фальшивою, но однако самою близкою къ истинѣ, — всѣ эти явленія укрѣпили въ де-Местрѣ убѣжденіе (которое онъ высказалъ въ то самое время, когда въ Испаніи, странѣ самой преданной католичеству, нанесенъ былъ страшный ударъ папизму), что плодъ реформаціи уже созрѣлъ и долженъ погибнуть. Но и безъ этого она не имѣла способности къ произрастанію, распространенію и пропагандѣ. Эта способность къ пропагандѣ есть преимущество католической церкви и главнымъ образомъ французскаго народа, который поэтому кажется графу избраннымъ народомъ, не смотря на то, что онъ только что порицалъ „сатанинскіе порывы“ его революціи. Этотъ народъ долженъ дѣйство-

вать на первомъ мѣстѣ при возстановленіи священнаго зданія „единства,“ его король долженъ быть ученикомъ, котораго любитъ Петръ. Подъ единствомъ разумѣется неограниченное владычество папы; самый же „творческій принципъ“ опредѣленно раскрытъ въ книгѣ о папѣ. Въ ней съ такою же хитростію какъ Бональдъ, де-Местръ старается самыя опасныя аттрибуты папы сдѣлать сносными для развращеннаго вѣка. Такъ напр. непогрѣшимость; онъ не защищаетъ ученія объ ней, но говоритъ только, что она въ практическомъ примѣненіи есть ничто иное, какъ выраженіе послѣдней судебной инстанціи; и это все равно, подвержена ли эта инстанція ошибкамъ, или нѣтъ; дѣло не въ томъ непогрѣшимъ ли папа, эта послѣдняя инстанція, но въ томъ, что онъ долженъ быть непогрѣшимымъ. Какъ предъ друзьями разума онъ не хочетъ теоретически защищать непогрѣшимость, такъ и предъ друзьями конституціи онъ не защищаетъ королевской неограниченности. Онъ соглашается, что ею могутъ злоупотреблять, но и протестантское право сопротивленія приводитъ къ великимъ революціямъ. Должны ли поэтому народы терпѣть Нероновъ? Духовная власть въ такихъ случаяхъ должна разрѣшить народъ отъ присяги государю; и друзья конституціи могутъ изъ этого понять, что между ихъ любовью къ конституціи и ненавистью къ папской власти оказывается осязательное противорѣчіе; такимъ образомъ возможны будутъ народныя сопротивленія безъ переворотовъ, если только папамъ предоставлено будетъ это останавливающее veto и широкое духовное право отлученія отъ церкви, т. е. если мы „возвратимся къ простымъ и яснымъ идеямъ того времени, которое обыкновенно называютъ варварскимъ.“ Но какой уловкой онъ хочетъ убѣдить государей въ необходимости подчиненія этому третейскому суду папы? Подобно тому какъ Шлегель утверждалъ, что соединеніе духовной и свѣтской власти было главной причиной, почему Византія существовала дольше чѣмъ Римъ, и де-Местръ показалъ [18]), что въ теченіи 300 лѣтъ въ католическихъ царствующихъ домахъ средняя продолжительность царствованія составляла 22—25 лѣтъ, а въ Англіи и Швеціи послѣ реформаціи только 17. Эта таинственная связь между продолжительностью царствованія и качествомъ вѣроисповѣданія ясно доказываетъ, „что папы были распоря-

---

[18]) De Maistre, oeuvres 3, 332 и слѣд.

дителями, защитниками и спасителями, дѣйствительно устрояющими геніями Европы!"

Легко замѣтить, что какъ ученіе Бональда и де-Местра сближалось съ взглядами Фр. Шлегеля и предоставляло ихъ односторонне іерархически, такъ и современное имъ систематическое сочиненіе бернца К. Л. фонъ Галлера „реставрація государственныхъ наукъ" (1818 г. и слѣд.) тоже соприкасалось съ историческими воззрѣніями Шлегеля. Но только теократическій, аристократическій и абсолютистическій элементъ является въ немъ болѣе свѣтскимъ, болѣе протестантскимъ и демократическимъ, чѣмъ у Бональда и де-Местра; это объясняется швейцарской родиной и протестантскимъ происхожденіемъ автора, хотя онъ при гельветическомъ правительствѣ жилъ въ изгнаніи за границей, обратился тамъ въ безусловнаго приверженца всего стараго и даже тайно обратился къ католичеству [19]. Духъ противорѣчія, замѣтный въ характерѣ Галлера, содѣйствовалъ этимъ обращеніямъ человѣка, который по натурѣ своей не склоненъ былъ къ религіозной мечтательности и въ юности своей былъ даже защитникомъ Руссо. Таже черта характера обнаруживается и въ его прославленномъ сочиненіи, въ которомъ онъ съ незнаніемъ исторіи, человѣческой природы и современныхъ возможностей проповѣдуетъ витіеватую мудрость съ напыщеннымъ высокомѣріемъ, проистекавшимъ изъ самоувѣренности систематизатора; тогда какъ подобное же высокомѣріе его аристократическихъ послѣдователей, усвоившихъ себѣ эту мудрость, происходило отъ увѣренности въ поддержкѣ и защитѣ со стороны стоявшей за ними государственной власти. Швейцарскій реставраторъ начинаетъ опроверженіемъ общественнаго договора Руссо. Права на владычество проистекаютъ не изъ договоровъ, но составляютъ первоначально собственное, естественное и пріобрѣтенное право, основывающееся на томъ, что страна, захваченная государемъ, есть его собственность. Такъ какъ эта собственность существуетъ прежде государства, то и государи существуютъ прежде народа и стоятъ выше народа, который потомъ приходитъ къ нимъ какъ къ помѣщикамъ и отцамъ семействъ и обязывается служить имъ. Естественная независимость всѣхъ немыслима, и государство начинается

К. Л. Ф. Галлеръ.

---

[19]) Срав. Lettre de Mr. Ch. L. de Haller à sa famille pour lui déclarer son retour à l'église catholique etc. Paris 1821.

только возможной свободой частнаго лица. Власть государя есть ничто иное какъ власть главы семейства или помѣщика, и величайшая монархія есть дѣло частное, союзъ между владычествующимъ и подчиненными; государи поэтому суть правители не общаго дѣла, но своего собственнаго; власть ихъ дается имъ природою, т. е. Божіею милостью; правленіе есть слѣдствіе ихъ собственныхъ правъ, а вовсе не обязанность ихъ; они какъ отцы семействъ не имѣютъ никакихъ другихъ обязанностей, кромѣ одной общей обязанности справедливости и благожеланія, которая возложена на нихъ державнымъ, независимымъ и единственнымъ ихъ главою, Богомъ. По такому началу сочиненія казалось бы, что оно хочетъ установить систему первобытной восточной патріархіи, гдѣ свободно только одно лицо; но въ немъ однако далѣе кромѣ свободы одного лица является еще и свобода многихъ лицъ; на первомъ планѣ выступаетъ средневѣковое учрежденіе леновъ и патримоній, изъ котораго выводятся различные виды монархіи; подлѣ государя является дворянство, которое въ ленномъ государствѣ ограничиваетъ королевскую власть. Дворянство,—не человѣческое учрежденіе, но естественное произведеніе и необходимое слѣдствіе разницы внѣшнихъ состояній и внутреннихъ способностей,—отвѣтственно и подчинено одному только государю, какъ онъ одному Богу; члены дворянства суть по преимуществу его члены, болѣе другихъ самостоятельные, изъ нихъ произошли сословные чины, изъ которыхъ собственно и состоитъ государство. Государь созываетъ собранія сословныхъ чиновъ для совѣщанія, а не для законодательства, изъ довѣрія къ нимъ, а не по обязанности, не въ опредѣленное время и по опредѣленной формѣ, но тогда, такъ и на такое время, какъ онъ самъ захочетъ. Они являются представителями не народа, а только самихъ себя, только какъ естественные защитники народа, своихъ крестьянъ и подданныхъ, которые не имѣютъ никакихъ правъ и рабство которыхъ бываетъ даже справедливостью при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Изложенное доселѣ сословное ученіе принималось съ большимъ одобреніемъ и сильно распространилось; но не такъ было съ тѣмъ, что слѣдуетъ у него дальше, и что было однако существеннымъ въ его системѣ. Собственное право государя, обнимающее собою почти все, не простирается однако на единственное право и принадлежность подданныхъ, на ихъ тѣло и на пріобрѣтенную ими собственность.

Поэтому онъ можетъ требовать отъ нихъ военной службы только вслѣдствіе особыхъ служебныхъ договоровъ; конскрипція есть революціонное учрежденіе; государи должны вести войны на собственный счетъ, такъ какъ онѣ большею частью возникаютъ изъ за ихъ собственныхъ дѣлъ. Также точно они должны испрашивать и получать разрѣшеніе отъ подданныхъ на всѣ прямыя подати, такъ какъ обыкновенно бываетъ, что господинъ плотитъ своему слугѣ, а не слуга господину; государственный долгъ есть также нѣчто неестественное, потому что подданному гораздо приличнѣе быть должникомъ государя, чѣмъ его кредиторомъ. Эти теоріи уже должны были уменьшить ту похвалу, съ какою сначала защитники абсолютизма встрѣтили ученіе Галлера, но то, что было въ заключеніи системы, гдѣ говорится о взаимныхъ обязанностяхъ и правахъ государей и подданныхъ, должно было уже совершенно не понравиться имъ. Разсматривая древнѣйшія гражданскія общества, Галлеръ пришелъ къ патріархіи, изслѣдуя запутанныя отношенія новыхъ государствъ, онъ пришелъ къ ленной системѣ среднихъ вѣковъ, но потомъ романтически-супранатуралистическое ученіе о правахъ, даруемыхъ божіей милостью, въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ привело его къ чисто демократическимъ слѣдствіямъ, и „Руссо контра-революціи“ сталъ защитникомъ революціи. Государи, говоритъ онъ, существуютъ прежде всего для самихъ себя, а не для народа; но также и каждый человѣкъ существуетъ не для государей только, но и для себя. Этой юридической точкѣ зрѣнія даетъ обратный видъ и смыслъ нравственная, т. е. что по закону любви и благожеланія каждый существуетъ не для себя, но и для другихъ, слуга для господина, и господинъ для слуги. Идеалъ государства основывается на этой взаимности, на этомъ господствѣ божественныхъ законовъ, которые дѣлаютъ излишними всякіе другіе законы. Какъ де-Местръ предполагалъ о папахъ и духовенствѣ, такъ и здѣсь предполагается о государяхъ, что они совершенно чужды мірскимъ пожеланіямъ, и соблюденіе ими божественныхъ законовъ должно замѣнять конституцію; на этомъ смѣшеніи моральной и политической области, вполнѣ соотвѣтствующемъ вавилонскому смѣшенію прочихъ понятій, основывается придуманный имъ идеалъ государства. Возможность уклоненія отъ этого закона взаимнаго благожеланія обращаетъ его къ реальному міру, какъ онъ есть на дѣлѣ. Можетъ возникнуть деспотизмъ, когда государь, во-

преки этому божественному закону, станетъ нарушать собственныя права подданныхъ, которыя дарованы имъ (также какъ и государямъ) тоже божіею милостью. Тамъ, гдѣ начинается несправедливость и несправедливыя повелѣнія, оканчивается граница повиновенія; возстанія и защита себя не только позволительны, но даже похвальны, такъ какъ они защищаютъ божественные законы. Средневѣковыя возстанія вассаловъ противъ несправедливостей государей, извиняемыя Шлегелемъ, здѣсь совершенно оправдываются; кулачное право признается справедливостью во имя нарушенныхъ божественныхъ законовъ. Чувство справедливости отдѣльныхъ лицъ и массъ ясно и само собою покажетъ, когда послѣдуетъ такое нарушеніе; подданные сами безошибочно могутъ судить объ этомъ и сами могутъ быть своими судьями. Всякій судъ есть ничто иное какъ безпристрастная защита, и естественнымъ образомъ онъ произошелъ изъ требованія защиты. Онъ не есть исключительное право государей, но принадлежитъ каждому; и только по недостатку силы многіе не могутъ пользоваться правомъ суда. На сколько частное лицо имѣетъ силы, на столько для него возможно право суда. Болѣе формальнаго оправданія революціонныхъ народныхъ судовъ надъ королями во Франціи и Англіи нельзя было придумать,—и это оправданіе тѣмъ формальнѣе, что вся система Галлера основана на фактѣ, на правѣ сильнѣйшаго, на томъ естественномъ отношеніи, что превосходящій силою всегда господствуетъ. Какъ скоро уничтожается это превосходство, тогда прекращается и господство. Такъ какъ защита себя собственными силами — законна, то и республика въ божественномъ и естественномъ порядкѣ также справедлива, какъ и монархія. При такомъ содержаніи „реставраціи государственныхъ наукъ“ нечего удивляться, что во время усиленной реакціи въ Австріи эта книга (также какъ и сочиненіе де-Местра о папѣ) была запрещена.

Итальянская литература.

Средневѣковыя идеи, соединявшія общею связью всѣ эти политическія и іерархическія, эстетическія и философскія системы, появились какъ во Франціи и Германіи, такъ и въ итальянской и англійской литературахъ временъ реставраціи и предшествовавшихъ ей годовъ. О де-Местрѣ, савойярѣ, который съ своими проектами обращался къ Франціи и искалъ чести сдѣлатьси перомъ въ палатѣ Людовика XVIII, мало знали въ Италіи; но іерархическія ученія и планы, подобные его проектамъ, возникали здѣсь въ другихъ умахъ.

Оживленію средневѣковыхъ понятій и отношеній въ Италіи много содѣйствовали снова возникшія стремленія гвельфской либеральной партіи. Они обнаружились въ Италій одновременно съ возстановленіемъ прежнихъ правительствъ, съ гибелинскимъ владычествомъ въ верхней Италіи, съ религіозной реакціей и поэтической романтикой. Необыкновенныя превратности судьбы требовались для того, чтобы сдѣлать возможнымъ здѣсь это явленіе. Въ Италіи, именно вслѣдствіе близости папства, раціоналистическая французская философія 18 вѣка пустила глубокіе корни между образованными людьми; рука объ руку съ нею шли правительства и литература почти во всѣхъ государствахъ Италіи предъ революціей. Этому содѣйствовало также и то, что всѣ великіе люди Италіи, соединявшіе съ любовью къ отечеству политическій смыслъ и опытность, всегда проникнуты были антипапистическимъ направленіемъ, какъ напр. Данте и Макіавелли. Одинъ желалъ для Италіи чужаго гибеллинскаго владыку, другой— венеціанскаго государственнаго порядка и политики, которая также была враждебна папству. Отъ Макіавелли и до Альфіери въ Италіи не было ни однаго политическаго мыслителя съ отважно свободнымъ направленіемъ. Чтеніе сочиненій Макіавелли пробудило въ Альфіери политическую мысль, которою открылась и опредѣлилась его литературная дорога: онъ высказалъ ее въ двухъ книгахъ о „тиранніи“, написанныхъ въ одинъ разъ (1777 г.). Макіавелли въ свое время считалъ временную неограниченность княжеской власти неизбѣжнымъ зломъ, но Альфіери съ глубокою скорбью свободной души и съ рѣзкостью характера, враждебнаго всякой срединѣ, смѣло высказалъ, что эта тираннія уже слишкомъ долго тяготѣла надъ его отечествомъ. Папство онъ также включалъ въ эту тираннію и утверждалъ,—что рѣдко высказываютъ итальянцы открыто и съ чѣмъ рѣдко они соглашаются,—что католическая религія не совмѣстима съ политической свободой и что сѣверные народы только отпаденіемъ отъ нея проложили себѣ путь къ свободѣ [20]). Онъ не оставилъ въ сторонѣ и вопроса, какъ произошла тираннія? Въ своемъ отвѣтѣ онъ сначала въ немногихъ словахъ изложилъ итальянскія стремленія 19 вѣка. Масса народа должна прежде всего почувствовать тираннію, которая держится единственно его волей и

---

[20]) Della tirannide, opere (ed. Basil. 1803) 7, 69 и слѣд.

его мнѣніемъ и которая поэтому можетъ быть уничтожена также единственно волей и мнѣніемъ всѣхъ или многихъ. „Со слезами“ онъ признаетъ, что это медленный, но единственно вѣрный путь. Поэтому онъ находитъ преждевременными всякіе заговоры до тѣхъ поръ, пока гнетъ тиранніи не почувствуется всѣми. Если кто нибудь почувствовалъ этотъ гнетъ такъ глубоко, что рѣшился предпочесть добровольную смерть рабской жизни,—тогда онъ вмѣстѣ съ Тацитомъ превозноситъ подобную славную жертву, которая по своему возвышенному примѣру не можетъ остаться совершенно безплодною. Первое положеніе нравилось умѣреннымъ либераламъ, пути которыхъ были въ самомъ дѣлѣ весьма медленны, но за то приводили къ удачнымъ опытамъ низверженія тиранніи въ Италіи; но надъ ними смѣялись, какъ надъ „плаксами“, горячіе, искавшіе заговоровъ и возстаній, люди, которыхъ второе положеніе не останавливало, но еще болѣе подстрекало, и которые, разочаровавшись въ той участи, о какой говорится въ третьемъ положеніи, падали, одни славно, другіе безславно. Эти люди въ послѣдующее время давали направленіе популярной литературѣ и политикѣ въ Италіи. И главной причиной этого былъ самъ Альфіери, не смотря на указанныя выше его благоразумныя соображенія. Онъ (также какъ потомъ Фосколо, родившійся на Занте отъ матери гречанки и воспитанный въ высокихъ чувствахъ) почерпнулъ свои первыя политическія воззрѣнія изъ Плутарха; исполненный греческими и римскими представленіями, которыя и теперь еще, среди христіанскаго ханжества и гнета духовенства, служатъ живыми возбужденіями для итальянскихъ умовъ, онъ „приходилъ въ бѣшенство“ отъ того, что живетъ въ такое время, когда невозможно сдѣлать ничего великаго, что дѣлали герои древности. Честолюбіе побуждало его по крайней мѣрѣ сказать что нибудь великое; съ этимъ честолюбивымъ намѣреніемъ были задуманы его трагедіи, также какъ и трагедіи его преемниковъ Монти, Фосколо, Пеликко, Никколини младшаго и др., которыя представляли въ античныхъ формахъ великія дѣянія древнихъ и хотѣли пробудить античное гражданское чувство; нѣкоторыя изъ своихъ трагедій Альфіери написалъ, находясь „въ фанатической лихорадкѣ свободы“. Онѣ вносили въ головы юношей, погрязшихъ въ нечистотѣ гибельнаго положенія народа и государства, блестящіе образы греческой и римской республики, образы тѣхъ героевъ, ко-

торые своими частными силами основывали и освобождали государства и подобными дѣяніями пріобрѣтали славу лично для самихъ себя. Поэты и ихъ читатели, проникнутые стремленіемъ къ славѣ такихъ личныхъ дѣяній, пренебрегали скромнымъ общимъ благомъ и совокупнымъ дѣйствіемъ вмѣстѣ со многими и для многихъ, при которомъ только и возможно что нибудь сдѣлать въ новыхъ многосложныхъ государствахъ, гдѣ обширность ихъ, число народа и свобода низшихъ классовъ заставляютъ тѣмъ внимательнѣе слѣдить за потребностями массъ и тѣмъ терпѣливѣе ждать ихъ зрѣлости. Они разучились отличать собственныя страсти и способности отъ страстей и способностей народа, на который они хотѣли дѣйствовать; увидѣвши неизмѣримую пропасть, отдѣлявшую въ Италіи простой народъ отъ людей образованныхъ и лично испытавши грубость черни, Альфіери и Фосколо съ одинаковымъ презрѣніемъ смотрѣли на нее какъ на илотовъ, которымъ нуженъ плугъ, патеръ и палачъ. Такимъ образомъ они наконецъ стали пренебрегать и политическими интересами; слишкомъ поторопившись, они отстали слишкомъ далеко. Болѣе юнымъ смѣльчакамъ, не имѣвшимъ ихъ опытности, они оставили въ наслѣдство ту же трагическую наклонность — личную славу ставить выше народнаго блага, противиться ходу природы и неподвижности времени, желать всего только по своимъ понятіямъ, или совершенно ничего не желать. Судьбы Италіи давали пищу этому политическому нетерпѣнію и торопливости въ слѣдующемъ поколѣніи. Революція во Франціи, учрежденіе итальянскихъ республикъ насильственно отвлекли Италію отъ торнаго пути реформъ; республиканскія наклонности снова укрѣпились въ умахъ, и не только поэты, но почти всѣ замѣчательные люди, которыхъ имѣла тогда Италія, напр. Скарпа, Канова, Гальвани, Вольта и др. были настроены республикански. Когда владычество Наполеона разочаровало блестящія надежды итальянской свободы, тогда въ области умственныхъ движеній появились тѣ изліянія измученныхъ сердецъ, которыя вездѣ въ Европѣ помогли новореволюціонной дѣятельной литературѣ оторваться отъ вялой и безжизненной романтики. Во время французскаго владычества Италія то находилась въ порабощеніи, то пользовалась свободой, чувствовала гордость и вмѣстѣ уничиженіе при новой славѣ итальянскаго войска, сражавшагося за чужое дѣло и служившаго урожденному итальянцу, который снова воскресилъ имя

Италіи, но употреблялъ ее какъ средство для чуждыхъ ей цѣлей,— все это заставляло напряженные умы того времени сравнивать горькую дѣйствительность съ своими идеалами и вызывало въ нихъ убійственную игру самыхъ сильныхъ страстей.

Уго Фосколо. Сочиненія и личный характеръ Уго Фосколо ставятъ его въ число итальянскихъ патріотовъ этого времени. По своему поэтическому и гражданскому чувству онъ равнялся Альфіери, „первому итальянцу"; любовь къ свободѣ сдѣлала ихъ обоихъ поэтами и у того и другаго дошла до „патріотическаго бѣшенства" и „бѣшеной славы". Подобно Альфіери, онъ былъ страненъ и страстенъ, и также какъ онъ былъ скептикомъ, врагомъ духовенства и республиканцемъ. Въ ранней молодости паденіе Венеціянской республики, его отечества, пробудило въ немъ горькое чувство, снѣдавшее Данте, и двойной гнѣвъ на несчастіе и позоръ своего народа, паденіе котораго возмущало его, также какъ и самый видъ и способъ паденія. Послѣ этого, въ теченіи трехъ лѣтъ бѣдствія и изгнанія, въ немъ накоплялся матеріалъ для его сочиненія „послѣднія письма Джакобо Ортисъ" (1802 г.), гдѣ разсказывается самоубійство юноши, который послѣ гибели своего отечестава потерялъ еще свою возлюбленную. Этимъ сочиненіемъ онъ хотѣлъ къ морали Альфіери о добровольной смерти любящаго свободу придѣлать басню; его герой Кокцей Нерва избавился отъ тиранніи, не запятнавши себя; но только по смыслу Альфіери не слѣдовало, чтобы герой съ любовью къ отечеству соединялъ любовь къ женщинѣ и чтобы рѣшимость его на смерть проистекала изъ самолюбія и ревности. Обѣ страсти однако изображены были въ неразрывной связи и съ силою простой естественности, книга написана была кровью поэта и потому производила глубокое дѣйствіе. Въ это время Фосколо еще вполнѣ сохранялъ юношескій жаръ сердца; но впослѣдствіи, когда онъ въ итальянскомъ королевствѣ пережилъ еще разъ такое же паденіе и такой же позоръ паденія, какъ въ Венеціи, онъ охладѣлъ совершенно и даже своего друга оттолкнулъ своимъ крайнимъ фатализмомъ, своимъ мрачнымъ взглядомъ на исторію, на человѣчество и на отечество. Разсматривая личныя дѣйствія Фосколо при паденіи итальянскаго королевства, мы не находимъ никакого основанія, которое бы давало ему право быть такимъ строгимъ судьею своего народа и такъ ожесточаться при судѣ надъ нимъ. Даже въ его

прежнемъ поведеніи нѣтъ причинъ для этого. Нерѣшительный по природѣ и колебавшійся, какъ всѣ въ Италіи, между благодарностью и ненавистью къ французамъ, онъ постоянно дѣйствовалъ нерѣшительно въ итальянскомъ королевствѣ. Онъ служилъ и отказывался дать присягу на службу; онъ служилъ въ войскѣ и въ университетѣ, и за неисправность лишенъ былъ обоихъ мѣстъ; неспособный, подобно Шатобріану, къ подчиненію, онъ неспособенъ былъ и отказаться отъ всякаго оффиціальнаго положенія; онъ ненавидѣлъ французовъ и порицалъ въ Альфіери ненависть къ французамъ: онъ задѣвалъ Наполеона въ своемъ „Аяксѣ" (1811 г.), и сдѣлалъ потомъ Евгенія своимъ цензоромъ; обожавшій Наполеона въ Ліонѣ, онъ въ Павіи отказывался въ своей рѣчи исполнить формальность и сказать ему нѣсколько похвальныхъ словъ; онъ удивлялся ему и ненавидѣлъ его, желалъ его побѣдъ и надѣялся многаго отъ его паденія. Какъ въ своемъ политическомъ, такъ и въ нравственномъ поведеніи онъ не сохранялъ достоинства и мѣры. Циническая натура, онъ пренебрегалъ законами, принятыми въ обществѣ, и въ своей философіи, также какъ и въ жизни, былъ весьма снисходителенъ ко всякаго рода страстямъ. Преданный попеременно книгамъ, игрѣ и женщинамъ, онъ не способенъ былъ къ порядочной семейной жизни; подобно Альфіери, онъ держался принципа, что при тиранніи нужно оставаться безбрачнымъ, но этотъ прекрасный политическій предлогъ придуманъ былъ для оправданія дурной нравственности и безпорядочной жизни. Противорѣча въ жизни своимъ принципамъ, Фосколо мѣнялъ и самые принципы. Послѣ катастрофы 1814 г. ему вдругъ опротивѣла вся государственная жизнь, не смотря на то, что онъ еще въ молодости отличался гражданскимъ направленіемъ. Ему показалось, что отечество не могутъ спасти тысячи Ликурговъ, что испорченность его можетъ быть исправлена только его разрушеніемъ, и его заслуженный позоръ смоется только тогда, когда два моря затопятъ Италію [21]). Годъ спустя, находясь въ изгнаніи въ Швейцаріи и потомъ въ Англіи, онъ смотрѣлъ на вещи снисходительнѣе, но за то несогласно съ своими прежними принципами. Врагъ всякихъ неземныхъ силъ, онъ сталъ говорить теперь о необходимости религіи и о благотворности католической религіи, въ увѣренности, кото-

---

[21]) Foscolo, opere (Firenze 1850) 6, 15.

рую раздѣляли многіе даже опытные итальянцы, что обновленіе католичества возможно при сохраненіи папства и при господствѣ духовенства. Онъ, прежде позволявшій себѣ самыя желчныя выходки противъ папъ, внушалъ итальянцамъ, „что нужно до послѣдней капли крови стоять за то, чтобы державный папа, высшій защитникъ религіи въ Европѣ, избранный итальянскій государь, не только существовалъ и продолжалъ царствовать, но чтобы онъ всегда царствовалъ въ Италіи и защищаемъ былъ итальянцами“. Прежде бывшій республиканцемъ, онъ стоялъ теперь за умѣренную монархію, и боясь черни, не надѣясь на дворянство, страшась заговоровъ политическихъ сектъ, онъ желалъ, какъ впослѣдствіи умѣренные либералы 30-хъ годовъ, чтобы все среднее сословіе соединилось въ одну партію. Однако самъ онъ въ 1814 г. не задумался принять участіе въ военномъ государственномъ переворотѣ и въ то же время съ своей обыкновенной измѣнчивостью разошелся съ индепендентами, которыхъ онъ называлъ ребяческой партіей; далѣе, согласно со всѣми благоразумными людьми своего отечества, онъ обвинялъ этихъ возмутителей въ гибели Италіи и остерегался открыто высказывать то, что могло бы смутить эти „вулканическія головы“; однако только въ свѣтлые промежутки своего остраго ума онъ отдѣлялся отъ этихъ людей, а обыкновенно онъ самъ раздѣлялъ ихъ обольщенія и эксцентричности ихъ заносчиваго самолюбія. Вслѣдствіе такой двуличности или многосторонности въ словахъ и дѣлахъ Фосколо, его соотечественники смотрѣли на него различно. Тѣ, которые съ дружескимъ и патріотическимъ почтеніемъ смотрѣли на него, какъ на мученика, напр. Галленга [22]), упрекали его однако въ томъ, что онъ мѣнялъ часто свои расположенія и не признавали въ немъ способности вести правильный рядъ идей: Монти ненавидѣлъ этого „придворнаго Катона“, какъ и онъ его; Томазео въ основаніи его образа дѣйствій видѣлъ суетность, графиня Албани—страсть къ оригинальности, Цезаротти — страстность, а графъ Пеккіо — непостоянство. Онъ всегда и сильно старался защищать себя отъ справедливыхъ упрековъ публичнымъ и частнымъ образомъ и доказать свою послѣдовательность и вѣрность самому себѣ. Но такъ какъ онъ не могъ остановить обвиненій противъ себя, которыя онъ приписы-

[22]) Marmiotti Italy past and present, 2, 30—63.

валъ ядовитому злословію итальянцевъ, то онъ рѣшился не принимать ихъ къ сердцу, и, чтобы избавиться отъ нихъ, удалился въ Англію; онъ навѣрное снова возвратился бы въ свое греческое полуотечество, если бы не постигла его внезапная смерть (1827 г.). Не смотря на все это, Фосколо остался любимцемъ итальянской молодежи со всѣми своими странностями и крайностями. Это явленіе не походило на то, что случилось въ этомъ отношеніи въ Германіи, гдѣ все болѣе и болѣе становились политическими образцами Штейнъ и Шарнгорстъ, а не Клейстъ и Сейме, которые были такими же и даже болѣе чистыми жертвами отечественнаго несчастія, какъ Фосколо.

Манцони.

Мы указали одно время, въ которое Фосколо, признавая непреодолимую силу обстоятельствъ, склонился на сторону умѣренныхъ политическихъ взглядовъ. Собственно говоря, спокойно обдуманныя сужденія никогда не были совершенно чужды ему. Уже въ „Ортисѣ“ онъ вложилъ въ уста Парини мудрыя слова противъ бѣшеной славы героя и этого послѣдняго заставилъ высказать примиряющій историческій взлядъ: что несчастіе народа происходитъ отъ всей его обстановки и имѣетъ основаніе въ историческомъ равновѣсіи и соотвѣтствіи, что порабощенная Италія такимъ образомъ терпитъ теперь только возмездіе за то тяжелое иго, которое она сама нѣкогда наложила на міръ. Подобное умѣренное настроеніе обнаруживалось и у другихъ современниковъ Фосколо еще во времена французскаго владычества; оно въ первый разъ выразилось поэтически, когда Ипполитъ Пиндемонте отвѣтилъ на извѣстное стихотвореніе Фосколо „Гробы“ своимъ стихотвореніемъ подъ такимъ же заглавіемъ, гдѣ онъ мрачному духу перваго противопоставляетъ примиряющее и отрадное чувство. За тѣмъ явился Александръ Манцони (1810 г.) съ своими „духовными гимнами“, которымъ подражала потомъ цѣлая группа благочестивыхъ лириковъ. Это были пьесы въ духѣ старой церковной пѣсни, вылившіяся изъ истинно благочестиваго сердца кроткаго, созерцательнаго человѣка, который потрясенъ былъ великими моральными опустошеніями революціи и котораго, говорятъ, одинъ французскій проповѣдникъ, внезапно поколебавъ, отвлекъ отъ скептицизма и снова обратилъ къ церкви. Эти стихотворенія были въ Италіи первымъ признакомъ того обращенія къ религіи, какое обозначилось во Франціи „духомъ христіан-

ства“ Шатобріана, и того средневѣковаго направленія, какое господствовало въ нѣмецкой романтикѣ. Живительное вліяніе сѣверной литературы уже замѣтно въ письмахъ Ортиса; Фосколо былъ почитателемъ Оссіана и Шекспира, воспользовался для Ортиса переведеннымъ имъ въ 1805 г. сентиментальнымъ путешествіемъ Стерна и весь разсказъ его составленъ былъ подъ свѣжимъ и сильнымъ вліяніемъ Вертера; его намѣреніе состояло въ томъ, чтобы снова дать итальянской прозѣ жизнь и простоту, и дѣйствительно, представленныя имъ картины настоящихъ страстей не имѣли себѣ ничего подобнаго въ итальянской литературѣ, послѣ искусственныхъ чувствъ любви, изображенныхъ Петраркою. Послѣ него Манцони, читавшій лучшія произведенія англійской и нѣмецкой литературы, слѣдовалъ въ сущности тому же направленію, избѣгалъ холодной реторической напыщенности и старался сообщить поэзіи непосредственную правду и естественную простоту. Долгое время онъ оставался одинокимъ, пока наконецъ по паденіи французскаго владычества и послѣ мира не проникла въ Италію сѣверная литература. Въ это переходное время Леони перевелъ Мильтона (1817 г.) и еще годомъ раньше этого, чтобы проложить путь Бацдони и Сормани, долженъ былъ перевести 8 трагедій Шекспира, подобно тому какъ Помпео Феррaріо перевелъ превосходной прозой драмы Шиллера, которыя потомъ Маффеи переложилъ въ стихи. Байронъ и Скоттъ въ первые годы обновленія итальянской литературы сдѣлались извѣстными въ отдѣльныхъ переводахъ Пеллико и Борсіери; Беркетъ возбудилъ теоретическій споръ между классицизмомъ и романтизмомъ своимъ переводомъ двухъ балладъ Бюргера. Въ это время Манцони своимъ значеніемъ далъ перевѣсъ романтикѣ въ Ломбардіи и чрезъ своихъ подражателей распространилъ ее въ Тосканѣ, которая вмѣстѣ съ Римомъ строго держались античныхъ образцовъ. Еще болѣе содѣйствовалъ этому перевѣсу романтики патріотическій духъ романтической школы въ Миланѣ; въ этомъ отношеніи при первоначальной живости и силѣ своихъ стремленій она представляла собою выгодное противодѣйствіе своимъ противникамъ-классикамъ. Литературный органъ послѣднихъ, „итальянская библіотека“, издавался Винченцо Монти, человѣкомъ, которому никто и никогда въ Италіи не могъ простить его измѣнчиваго политическаго поведенія. Онъ всегда высматривалъ откуда дуетъ вѣтеръ и вмѣстѣ съ измѣненіемъ

общественнаго положенія дѣлъ измѣнялись его личныя настроенія. Его поэзія, какъ почти вся поэзія аркадской школы, къ которой онъ принадлежалъ, состояла почти исключительно изъ стихотвореній, написанныхъ на случай; изображая великія событія времени, она иногда возвышалась до высокаго стиля, но всегда измѣняла свои краски сообразно описываемому случаю. Какъ папскій поэтъ въ Римѣ, онъ воспѣвалъ путешествія Пія VI въ Вѣну; воодушевленный Альфіери, онъ написалъ двѣ трагедіи, которыя Фосколо похвалилъ за ихъ свободное направленіе; напротивъ, его Басвилліана (написанная по случаю убіенія французскаго агента Гюго Бассевилля въ Римѣ) сожжена была демократами въ Миланѣ; изъ боязни, Монти, какъ онъ самъ сознавался, сдѣлался революціоннымъ поэтомъ, раздѣляя заблужденія другихъ; затѣмъ онъ продалъ свое перо французскому императорству, а во время австрійскаго владычества воспѣвалъ возвращеніе Астреи и писалъ по заказу другія придворныя стихотворенія. Напротивъ Манцони въ Миланѣ держалъ себя вдали отъ двора, безъ всякой заносчивости, спокойно и беззаботно, независимо и съ достоинствомъ, какъ Парини, проникнутый подобно ему идеями свободы и любовью къ отечеству и также какъ онъ убѣжденный, что нельзя достигнуть свободы возстаніями и заговорами, какъ нельзя подавить ее силою, и что литература, проникнутая отчаяннымъ недовольствомъ жизнію, и ораторскія декламаціи болѣе препятствуютъ, чѣмъ содѣйствуютъ достиженію свободы. Вокругъ него сгруппировались писатели литературнаго органа романтиковъ, Conciliatore, съ дѣятельностью которыхъ мы еще встрѣтимся въ исторіи Ломбардіи; самъ Манцони не участвовалъ въ немъ, но вполнѣ содѣйствовалъ его литературнымъ стремленіямъ, направленнымъ къ тому, чтобы въ противодѣйствіе подозрительнымъ мѣрамъ австрійскаго правительства возбудить національный духъ. Обѣ его трагедіи, Карманьола и Адельки (1818 г.), построенныя не по образцамъ Альфіери, а по формамъ Шиллера и болѣе походившія на нѣмецкія драмы Уланда, въ своемъ содержаніи и развитіи заключали патріотическія тенденціи; въ послѣдней, богатой указаніями на современность, изображается паденіе Ломбардіи отъ внутреннихъ раздоровъ. Въ этихъ пьесахъ не было ни внѣшнихъ формъ античной трагедіи, ни дерзкаго и хвастливаго героизма; съ полнымъ спокойствіемъ они внушали страдавшимъ терпѣніе и надежду, по-

тому что счастіе не можетъ же быть въ вѣчномъ союзѣ съ угнетающими, какъ и съ угнетенными; на мѣсто скрежещущихъ зубовъ Фосколо, у Манцони являются молящіяся уста. Явившійся спустя десять лѣтъ послѣ этого, его знаменитый романъ „Помолвленные" (1827 г.) проникнутъ тѣмъ же духомъ терпѣнія и направленъ противъ личной мести и личной расправы во время страданія и возстанія. Казалось, какъ будто поэтъ вовсе не хотѣлъ касаться политическаго элемента; но предметъ его романа заимствованъ изъ исторіи отечественнаго угнетенія, и впечатлѣніе, производимое имъ, напоминаетъ выраженіе Фосколо, что поэтъ, даже когда онъ учитъ терпѣнію, растравляетъ однако раны сердца, потому что всегда сильно потрясаетъ его. Но цѣль самаго Манцони состояла въ примиреніи съ страданіями. Изображая состояніе Ломбардіи во времена испанскаго владычества, онъ этимъ самымъ какъ бы хотѣлъ показать, что съ настоящимъ ея положеніемъ еще можно мириться, какъ бы оно худо ни было; потомъ гораздо выше гражданской жизни онъ ставитъ нравственную жизнь, которая можетъ развиваться до самой высокой степени при всякой формѣ государства и во всякомъ состояніи, и наконецъ выше всего онъ ставитъ религіозную жизнь, спасительную надежду на Бога, промыслъ котораго выражается въ этомъ романѣ яснѣйшимъ образомъ. Но почти всѣ итальянскіе патріоты того времени находили, что это (дѣйствительное или мнимое) уклоненіе отъ государственныхъ интересовъ въ тихую область нѣмецкой романтики есть совершенное противорѣчіе національному преданію. Они не знали никакого другаго интереса кромѣ интереса отечества и политическаго освобожденія, и даже умѣреннѣйшіе между ними торжественно возставали противъ этой проповѣди безотвѣтной покорности во имя Божіе. На Манцони нападали даже за то, что онъ представлялъ нравственную силу религіи только подъ видомъ дѣятельнаго человѣколюбія, производимаго ею, и не указалъ при этомъ на какія нибудь суевѣрія или злоупотребленія, и видѣли въ этомъ возвращеніе къ католицизму со всѣми его вредными сторонами; эти нападенія показываютъ, какъ извращена была религія въ этой странѣ, что даже лучшіе люди оставались нечувствительными къ лучшимъ сторонамъ религіи. Въ итальянской литературѣ до того казалось страннымъ художественное произведеніе безъ ясныхъ политическихъ тенденцій, что даже у Манцони искали такихъ тенденцій и приписы-

вали ему намѣреніе содѣйствовать оживленію гвельфизма. Ревностные противники его отрицали въ немъ такое намѣреніе. Но, не смотря на это, уже въ Адельки ясно высказывается предпочтеніе гвельфской политикѣ; у Фосколо мы также видѣли гвельфскія идеи; австрійское правительство тоже подозрѣвало гвельфское направленіе въ разныхъ правительствахъ Италіи; вообще гвельфизмъ появился и сталъ развиваться вездѣ въ литературѣ и политикѣ. Не говоря уше о де-Местрѣ, признанномъ противникѣ гибеллинской политики равновѣсія въ Вѣнѣ, Бальбо и Карлъ Троя, какъ свѣтскіе политики, также имѣли въ виду гвельфизмъ; священникъ Антоніо Росмини, составившій подъ вліяніемъ англійской и нѣмецкой философіи метафизическую систему, во многомъ сходную съ христіанскими средневѣковыми школами, занимаясь приложеніемъ гвельфизма къ нравственнымъ и общественнымъ проблемамъ, пришелъ наконецъ къ іерархической системѣ, которая у него, какъ любимца Рима, должна была явиться въ формѣ благопріятной папству и гвельфизму. Джіоберти впослѣдствіи опровергалъ его и примѣнялъ къ цѣлямъ національнаго прогресса тотъ же гвельфизмъ, который Росмини и де-Местръ употребляли для цѣлей реакціонныхъ; онъ сталъ, не желая этого, опорою политической партіи, которая хотѣла сдѣлать своимъ орудіемъ Пія IX; въ пользу ея дѣйствовалъ и Азельо, зять Манцони. Это была единственная партія, которая хотя и не одержала рѣшительной побѣды въ Италіи, но имѣла большой успѣхъ въ литературѣ и политикѣ, не смотря на то, что много раздавалось голосовъ и въ пользу ея противниковъ. Натура и исторія итальянскаго народа препятствовали продолжительному господству у него чистаго художественнаго идеала, научнаго духа, политической и религіозной умѣренности, подобно тому какъ это было на сѣверѣ. Какъ въ живописи даже тѣ, которые слѣдовали романтическому направленію, не могли отказаться отъ классическихъ манеръ, такъ и въ литературѣ характеристическія особенности сѣверной поэзіи съ трудомъ могли удержаться въ странѣ, древнѣйшія воспоминанія которой относились не къ первобытной простотѣ естественнаго состоянія государства и общества, а къ исчезнувшей цивилизаціи, и въ народѣ, который не имѣлъ глубокаго расположенія къ природѣ, къ сельской жизни и уединенію, и въ которомъ съ самаго начала убито было религіозное чувство порочностью его духовной іерархіи. Сдержанность, какъ

необходимое ограниченіе свободы, вообще дѣло трудное; потому англійскіе и нѣмецкіе классики только весьма короткое время были образцами для итальянской романтики. При томъ сама нѣмецкая литература уже спустилась съ высоты своего классическаго положенія. Пассивное отношеніе нѣмецкихъ романтиковъ къ внѣшнему міру и жизни не могло найти себѣ подражанія въ Италіи съ 1794 года, когда всѣ прогрессивные люди при перемѣнѣ иноземнаго владычества стали думать о совершенномъ его уничтоженіи и національная независимость стала вопросомъ жизни и смерти. Поэтому впослѣдствіи итальянская литература обратилась къ тому роду романтики, который въ Англіи и Франціи произошелъ тоже отъ нѣмецкой романтики, но получилъ другой своеобразный видъ, рѣзко противоположный ей; образцомъ для ней сталъ Байронъ, котораго новореволюціонный духъ какъ бы протягивалъ руку до-революціонному Альфіери, и который вмѣстѣ съ Фосколо сдѣлался героемъ свободной молодежи, пока ихъ обоихъ не смѣнили Викторъ Гюго и Мадзини.

Англійская литература. В. Скоттъ.

Лордъ Байронъ обозначаетъ собою тотъ поворотный пунктъ, гдѣ квіетистическій характеръ романтической литературы, за которою мы слѣдили въ разныхъ странахъ Европы, принялъ совершенно противоположное направленіе. До Байрона и въ Англію перешли изъ Германіи только романтическія особенности нѣмецкой литературы, хотя слѣдовало бы ожидать, что въ странѣ, по духу сродной съ Германіей, гораздо скорѣе будетъ воспринята классическая сущность нѣмецкой литературы. Главная причина этого страннаго явленія заключается въ томъ, что британская литература подъ вліяніемъ французскаго вкуса при Стюартахъ совершенно ослабѣла въ собственной Англіи и всѣ замѣчательнѣйшія произведенія ея появлялись въ странахъ сосѣднихъ съ Англіей. Ирландіи принадлежали самыя замѣчательныя имена въ области изящной литературы въ теченіи 18 столѣтія; Валійцы воскресили свою старую поэзію; въ Шотландіи господствовало живое стремленіе къ поэзіи, философіи и исторіи. Въ этихъ странахъ, удаленныхъ отъ средоточія политической жизни, существовало много романтическихъ элементовъ въ природѣ, исторіи и народной жизни, изъ которыхъ дѣлалось поэтическое употребленіе особенно въ Шотландіи, гдѣ народъ, любившій музыку и преданный родинѣ, не знавшій однообразнаго труда англійскихъ фабричныхъ рабочихъ, проводилъ свободную жизнь и

твердо держался старыхъ преданій народной пѣсни, суевѣрія и политической особенности. Отсюда Макферсонъ Оссіанъ, своею непосредственностью въ изображеніяхъ чувствъ и поразительною простотою своихъ выраженій представлявшій рѣзкую и всякому понятную противоположность всякой подчиняющейся правиламъ искусственной поэзіи, дѣйствовалъ на весь континентъ, ослабляя вкусъ къ холодноразсудочной романтической манерѣ въ поэзіи; мы видѣли его сильное вліяніе на Альфіери, Фосколо и Шатобріана, — онъ же дѣйствовалъ на Гердера и Гёте. Въ Англіи, какъ бы въ соотвѣтствіе его поэзіи, явилось извѣстное собраніе старыхъ народныхъ балладъ Перси, за которымъ послѣдовалъ шотландскій поэтическій сборникъ В. Скотта [23]); въ Шотландіи, казалось, воскресло старое время бардовъ, когда сынъ земледѣльца Робертъ Борнсъ запѣлъ свои славныя пѣсни о природѣ, и по стопамъ его пошли пастухъ изъ Эттрика Гогъ (Hogg), каменьщикъ Алланъ Куннингамъ и др. Эта ожившая народная поэзія природы произвела свое дѣйствіе на Германію, которая съ своей стороны также дѣйствовала на британскую поэзію. Двѣ баллады Бюргера „Леонора“ и „дикій охотникъ“ (тѣ самыя, съ которымъ познакомилъ Италію Беркетъ), явившіяся (1794—6) въ переводѣ Тайлора и Скотта, обратили вниманіе дружескаго кружка Скотта въ Эдинбургѣ на нѣмецкую литературу. Въ области баллады Скоттъ, Льюисъ, Кольриджъ, Уордствортъ и др. сначала подражали нѣмцамъ, потомъ, оставивъ Бюргера и обратившись къ Виланду, они принялись наконецъ за большіе эпическіе разсказы, матеріалъ для которыхъ они брали изъ романтическихъ среднихъ вѣковъ; въ этомъ родѣ Вальтеръ Скоттъ въ свой первый поэтическій періодъ (1805 г. и слѣд.) заслужилъ себѣ отъ своихъ почитателей имя новаго Аріоста. Но во всемъ этомъ направленіи не было связи съ жизнію и современностью. Изобразить нравы среднихъ вѣковъ, оживить для поэтическаго суевѣрія сверхъестественную область, перенестись къ отдаленнымъ народамъ и вѣрно изобразить ихъ мѣстный колоритъ,—въ этомъ, совершенно въ духѣ нѣмецкой романтики, состояло главное стремленіе всѣхъ рыцарскихъ, арабскихъ, южноевропейскихъ, индійскихъ разсказовъ, написанныхъ рядомъ писателей отъ Соусея до Мура. Даже тамъ, гдѣ поэзія обращалась къ современнымъ

---

[23]) Minstrelsy of the scottish border, 1802.

отношеніямъ, напр. у такъ называемыхъ озерныхъ поэтовъ (Кольриджъ, Соусей, Уордсвортъ) и ихъ подражателей, она стремилась, также точно какъ и у поэтическихъ доктринеровъ нѣмецкой романтики, къ лирическимъ чувствованіямъ и дидактическимъ разсужденіямъ, занималась описаніями и безжизненною живописью, заботясь болѣе о гладкости внѣшнихъ формъ и о благозвучіи языка и стиха, что не свойственно сѣверному характеру. Если же она, утомившись описаніемъ неподвижныхъ положеній, переходила къ изображенію дѣйствій, то здѣсь всегда оставалась вѣрною романтическому пристрастію къ прошедшему. Для англійской драмы ничего не могли сдѣлать поэты нѣмецкой школы—Скоттъ, переведшій Геца, Кольриджъ—Валленштейна; оба не имѣли успѣха, какъ и Байронъ съ своими собственными драматическими опытами, и какъ вообще всей нѣмецкой романтикѣ не удавалась драма. Напротивъ въ области романа Вальтеръ Скоттъ имѣлъ безпримѣрный успѣхъ, доставившій ему огромныя выгоды; устрашенный первымъ появленіемъ Байрона, онъ послѣ своего „Рокеби“ оставилъ поэзію и стихотворство и послѣ Аріоста хотѣлъ состязаться съ Сервантесомъ. Этому успѣху чрезвычайно благопріятствовало выгодное совпаденіе первыхъ разсказовъ Скотта (Уэверлей, 1814 г.) съ временемъ мира, національной гордости и всеобщихъ надеждъ; и Вальтеръ Скоттъ съ чисто купеческой ловкостью воспользовался этими благопріятными обстоятельствами. Съ самаго начала своей литературной дѣятельности онъ вступилъ въ торговыя сношенія съ своими издателями; на верху своего счастія, когда онъ въ одинъ годъ (1822) выпустилъ 145,000 экземпляровъ старыхъ и новыхъ новеллъ, онъ заключалъ контракты на такія сочиненія, для которыхъ онъ еще не придумалъ не только содержанія, но и заглавія; вмѣстѣ съ своимъ издателемъ Констаблемъ онъ составилъ отважный планъ дѣлать дешевыя изданія, которыя бы расходились сотнями тысячъ экземпляровъ и дали бы возможность всякому значительному семейству завести библіотеку. Это предпріятіе не удалось, совершенно разстроило все состояніе Скотта, поправленіе котораго стоило ему потомъ здоровья и жизни (ум. 1831 г.); но оно произвело переворотъ въ книжной торговлѣ Англіи, который отразился потомъ и на Германіи, гдѣ Пертесъ въ 1816 г., путешествуя по восточнымъ и южнымъ странамъ ея, не находилъ еще и слѣда той обширной, обнимающей всѣ страны книжной торговли, которая

развилась впослѣдствіи, и гдѣ данъ былъ примѣръ обширныхъ, доступныхъ для средняго класса изданій напечатаніемъ Conversations-lexicon'а, „часовъ благоговѣнія" и дешевымъ изданіемъ романовъ Скотта. Этотъ замѣчательный переворотъ, имѣвшій благодѣтельныя послѣдствія, необходимо сопровождался и вредными послѣдствіями: онъ вызвалъ механическую фабрикацію сочиненій для торговыхъ, барышническихъ цѣлей. Это внѣшнее дѣйствіе Скотта имѣло для литературы, быть можетъ, бо̀льшее значеніе, чѣмъ его внутреннія вліянія,—что очень характеризуетъ то разслабѣвшее время, когда явились его романы. Хотя объ немъ (какъ и о Бетговенѣ) говорили, что никто не доставлялъ столько удовольствія, какъ онъ своими разсказами, которые составляли насущную пищу всего читающаго міра, однако ни въ личности Скотта, ни въ его сочиненіяхъ не было той умственной глубины, которая, разрѣшая великія проблемы или только указывая на нихъ, содѣйствуетъ духовной жизни народовъ, и того глубокаго идеальнаго пониманія національной жизни, которое могло бы служить зеркаломъ времени въ смыслѣ Шекспира. Онъ даже не могъ цѣнить и понимать поэтовъ, которые стремились къ такимъ высокимъ цѣлямъ, въ родѣ Шекспира или Данте. Человѣкъ съ холодной натурой, надѣленный порядочной долей народнаго здороваго англійскаго юмора, съ юности хорошій и занимательный разсказчикъ, онъ писалъ свои новеллы безъ всякихъ высшихъ цѣлей, просто для развлеченія большинства и чаще всего для исполненія контрактовъ на постановку сочиненій. Онъ работалъ, не имѣя или не держась плана, который вообще служилъ для него только нитью, чтобы нанизывать на нее „милыя вещицы"; все, что онъ писалъ, онъ старался сдѣлать только занимательнымъ, а остальное предоставлялъ счастью. Такому происхожденію сочиненій соотвѣтствовало и ихъ дѣйствіе. Строгіе критики находили, что разсказы Скотта почти непонятнымъ образомъ только забавляли жизнію и движеніемъ, но не давали особеннаго удовлетворенія разсудку, особеннаго возбужденія чувству и особеннаго возвышенія духу, даже не особенно сильно возбуждали любопытство. Своеобразность и разнообразіе содержанія главнымъ образомъ содѣйствовали успѣху его сочиненій. Скоттъ увидѣлъ, что Мекферсонъ и Борнсъ обратили общее внимание на все шотландское, и „захотѣлъ поддержать это пламя". По себѣ и по другимъ онъ замѣчалъ какъ много прелести имѣютъ для обыкновенныхъ читателей

ландшафтныя особенности разныхъ мѣстностей; ирландскіе разсказы Маріи Эджвортъ навели его на мысль обратиться къ шотландскимъ картинамъ. Въ своемъ „Уэверлеѣ“ онъ началъ оживлять мечты своего дѣтства и употребилъ въ дѣло свои наблюденія надъ частной жизнью своихъ земляковъ, сдѣланныя имъ во время его первой юридической практики, и свое знаніе природы и народа, пріобрѣтенное имъ во время его путешествій по пограничнымъ и горнымъ областямъ и по островамъ; обширное изученіе забытыхъ трактатовъ и народныхъ пѣсенъ дало ему возможность вѣрно и живо изобразить прошедшее своего народа въ разные періоды. Эти шотландскія картины, изображавшія народъ и мѣстность, по суду самаго Скотта и по общему мнѣнію, составляютъ самую лучшую часть въ его сочиненіяхъ. Онъ, какъ дѣлали часто и прежніе романисты, писалъ сначала свои разсказы какъ этнографъ и археологъ и при полномъ изданіи своихъ сочиненій (съ 1828 г.) онъ даже прибавилъ къ нимъ историческія и антикварныя примѣчанія. Затѣмъ онъ перешелъ къ историческому роману и исторіи, въ области которой его разсказы породили тѣ самыя зловредныя полупоэтическія, двуполыя произведенія, которыя не удовлетворяли художественнаго чувства и затемняли историческій смыслъ, которыя, послѣ изгнанія изъ исторіи древнихъ сагъ, снова вводили въ нее еще болѣе опасный родъ миѳовъ и сообщали превратное понятіе о людяхъ и временахъ, трудно исправимое лучшими историческими сочиненіями. Однако историческія занятія не могли развить въ Скоттѣ здраваго и вѣрнаго пониманія своего времени и его значенія. Съ самой юности, находясь въ связяхъ съ торійской фамиліей герцога Боклейха, онъ былъ ревностнымъ противникомъ радикализма во время революціи и доходилъ даже до донкихотства, и вмѣстѣ съ герцогомъ составлялъ планъ въ случаѣ высадки французовъ возстановить пустынный замокъ и жить тамъ, подобно Робинъ Гуду, на счетъ другихъ [24]). Раздраженный журналомъ „Edinburg Review“ и его либеральнымъ направленіемъ, онъ въ 1808 г. основалъ вмѣстѣ съ Эллисомъ и Кэннингомъ „Quarterley Review“ и далъ прочность торійскому журналу. Во многихъ случаяхъ своими торійскими выходками, рѣчами и сочиненіями онъ возбуждалъ неудовольствіе даже своихъ политическихъ друзей; имъ

24) Lockhart, memoirs of the life of Sir W. Scott. 1838. 2, 208.

не нравилась мелочность и неловкость, съ какою онъ высказывалъ свое пристрастіе къ шотландскимъ учрежденіямъ, свою нетерпимость къ католикамъ, свою слѣпую ненависть къ Наполеону и другія подобныя чувства крайняго фанатизма его партіи. Многіе изъ его друзей объясняли такое его политическое направленіе поэтическимъ его пристрастіемъ къ среднимъ вѣкамъ, какъ было съ нѣмецкими романтиками. Враждебность Скотта въ дѣлахъ политическихъ партій была тѣмъ ненавистнѣе, что онъ въ литературѣ умѣлъ сойтись съ каждымъ изъ своихъ поэтическихъ современниковъ, даже съ самымъ неуживчивымъ; союзъ согласнаго мира и чисто джентльменской степенности, совершенно не похожій на военное положеніе критическихъ котерій въ Германіи, соединялъ его, озерныхъ поэтовъ и всѣхъ ихъ послѣдователей между собою. Байронъ первый и одинъ бросилъ яблоко раздора въ этотъ мирный кругъ. Онъ не терпѣлъ этихъ „доморощенныхъ минстреловъ", не хотѣлъ ихъ славы, не раздѣлялъ ихъ эстетическихъ воззрѣній, направленныхъ противъ Попе, ихъ удивленія къ среднимъ вѣкамъ, ихъ отвращенія отъ государственной жизни и современности и ихъ торійской ненависти къ свободѣ; всю свою жизнь онъ преслѣдовалъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ считалъ отступниками, напр. Соусея, который сначала составилъ планъ пантисократіи, а потомъ „продалъ аристократію своего пера въ Morning Post". Почитатель Руссо и Альфіери, партизанъ Фокса и Шеридана, онъ твердо держался идей революціи и подъ вліяніемъ Томаса Мура, раздражаемый духомъ противорѣчія, возбуждаемый страстностью, онъ сталъ во враждебное отношеніе къ общественнымъ, государственнымъ и литературнымъ порядкамъ своего отечества, до того рѣзкое, что оно давало возможность его противникамъ нападать на него, какъ на главу и основателя сатанинской школы враговъ религіи, нравственности и государственнаго устройства Англіи. Обратившись къ жизни, поэзія приняла у него направленіе, которое повидимому оправдывало возраженія французской академіи противъ полной свободы литературы: свобода духа обратилась въ необузданность, либерализмъ въ либертинизмъ, а индивидуализмъ въ страшное самолюбіе. Но это измѣненіе въ поэзіи произведено было уже новыми политическими событіями, показавшими, что дѣло реакціи уже пришло къ концу; поэтому впослѣдствіи мы возвратимся еще къ Байрону и къ огромному вліянію, кото-

рое имѣла его поэзія на коренное измѣненіе литературы въ цѣлой Европѣ.

Австрія. Изъ этихъ послѣднихъ, равно какъ изъ нѣкоторыхъ предшествовавшихъ указаній видно, что въ разсмотрѣнныхъ нами умственныхъ движеніяхъ, совершавшихся въ области литературы и государства уже лежалъ зародышъ отдаленнѣйшихъ событій послѣдующаго времени: за старореволюціонной партіей друзей конституціи и за противореволюціонными защитниками абсолютизма выступалъ уже на заднемъ планѣ новореволюціонный элементъ и обнаруживался даже въ средѣ отсталой партіи, руководимой Бональдомъ и де-Местромъ, отъ которыхъ отдѣлились Ламеннэ и Шатобріанъ, называвшій себя предшественникомъ Байрона и Виктора Гюго. Въ происшествіяхъ послѣдующаго времени очень легко будетъ по нашему разсказу наблюдать полное соотвѣтствіе между фактами и событіями въ разныхъ странахъ Европы и между господствовавшими въ нихъ различными теоріями и умственными направленіями. На романскомъ югѣ, въ Испаніи и Италіи, реакція неограниченной власти духовенства и государей совершилась въ томъ же видѣ, въ какомъ она является намъ въ ученіи де-Местра. Но въ Италіи съ этимъ ново-римскимъ направленіемъ съ первыхъ дней его боролся старо-римскій республиканизмъ молодежи, вышедшей изъ школы Альфіери, и революціонный духъ остатковъ французской партіи,—двѣ стороны, направленія которыхъ совмѣщались въ Фосколо; между ними образовалась умѣренная средина изъ людей, желавшихъ возможно лучшимъ образомъ устроить существующія отношенія. На югѣ Франціи мрачная отсталая партія духовенства пыталась устроить свое дѣло такъ, какъ оно устроилось въ Испаніи и какъ въ области теоріи пытался устроить его Бональдъ (родомъ изъ Авейрона); но здѣсь съ этимъ направленіемъ боролись подражавшіе Англіи конституціонисты и существовала еще средняя группа, колебавшаяся между обѣими сторонами, подобно Шатобріану, который желалъ конституціи, но безъ революціонныхъ приправъ, основанной на началахъ религіи, но безъ римскаго мрака. Въ Швейцаріи возстановилось господство аристократовъ въ городахъ и господство городовъ надъ округами; французскія нововведенія и государственныя понятія уступили мѣсто теоріямъ Галлера, пока народъ впослѣдствіи, на основаніи этихъ же самыхъ теорій, не понялъ своихъ верховныхъ правъ. Въ Англіи

враждебный революціи торизмъ, господствовавшій во время войны, остался и во время мира, и одинаковая симпатическая связь соединяла англійскую и нѣмецкую романтику, политическія ученія Борка и Адама Мюллера, также какъ и политику Кестльри и Меттерниха. Въ Англіи теоретическое отношеніе партій необходимо держалось въ границахъ уже издавна существовавшихъ государственныхъ партій, напротивъ въ Германіи, гдѣ этого не было и гдѣ въ небольшихъ государствахъ только постепенно со введеніемъ конституцій образовалась конституціонная партія, политическія направленія и стремленія раздѣлились по національнымъ и отчасти по религіознымъ отличіямъ на двѣ стороны, на прусскую и австрійскую. И что было въ отдѣльныхъ отрасляхъ литературы и съ отдѣльными личностями этихъ годовъ, когда болѣе или менѣе подчинялись господствующему направленію времени даже тѣ литературныя группы и личности, которыя противодѣйствовали романтическимъ и супранатуралистическимъ идеямъ въ искусствѣ и отсталымъ стремленіямъ въ государствѣ и церкви,—тоже повторилось и въ области этихъ общихъ политическихъ стремленій нѣмецкихъ: въ Пруссіи патріоты съ неудовольствіемъ, но не безъ собственной воли и вины подчинились австрійскому вліянію, и Галлерова „Реставрація“ торжествовала здѣсь свою побѣду въ то время, когда она уже была осуждена въ Австріи и осмѣяна во всей Европѣ. Такая сила австрійскаго вліянія объясняется весьма легко. Въ Австріи государственный принципъ неприкосновенности и неподвижности уже давно пустилъ глубокіе корни и всего менѣе былъ нарушаемъ; отъ ней исходило самое упорное противодѣйствіе нововведеніямъ Франціи и потому послѣ счастливаго исхода борьбы, она сдѣлалась естественнымъ центромъ этого противодѣйствія, въ ней послѣдовательность реакціонныхъ политическихъ ученій совпадала съ издавна существовавшимъ государственнымъ управленіемъ. Поэтому и ученія и управленіе находились между собою въ самой тѣсной связи, и особенно съ того времени, когда бурбонскій дворъ за границей, бывшій сначала сборнымъ мѣстомъ легитимистской литературы, потерялъ видъ двора, отказался отъ своей правительственной роли, отъ своихъ посольствъ и отъ теоретическихъ писательскихъ услугъ своихъ приверженцевъ. Послѣ этого австрійское правительство старалось воспользоваться услугами всякаго податливаго пера. Оно подкупило

Генца пансіономъ и принятіемъ на себя его долговъ, и онъ, находясь еще на прусской службѣ, писалъ уже въ пользу австрійскихъ интересовъ [25]), еще прежде чѣмъ перешелъ къ Австріи (1802 г.). Оно привлекло въ Вѣну обратившагося къ католичеству Фр. Шлегеля (1808 г.). и пользавалось его талантомъ въ военномъ лагерѣ, въ аудиторіи и въ дипломатіи. Адамъ Мюллеръ, другъ Генца, еще въ 1805 г. обратившійся къ католической церкви, по приглашенію Іосифа Буоля переселился въ Вѣну въ 1811 г., послѣ неудачной попытки поступить на службу къ Гарденбергу, которому онъ отмстилъ за это своими сочиненіями въ пользу непослушнаго прусскаго дворянства. За ними послѣдовалъ Іосифъ Пилатъ изъ Аугсбурга, подъ редакціей котораго „австрійскій наблюдатель" сталъ главнымъ орудіемъ въ прессѣ для распространенія австрійскихъ правительственныхъ принциповъ, подобно тому какъ позднѣе „Конкордія" (съ 1820 г.) Шлегеля выражала церковное направленіе этого же лагеря и „Вѣнскія лѣтописи" составляли критическій сборный пунктъ всей романтической литературы. Изъ этихъ указаній видно, что выборъ этихъ иностранныхъ отступниковъ дѣлался не безъ разбора, но съ большимъ искусствомъ, —и ловко умѣли воспользоваться этими непостоянными и измѣнчивыми вождями романтики, которые оказались гораздо понятливѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ нихъ. Безстыдство, съ какимъ Зах. Вернеръ, въ 1807 г. издѣвавшійся надъ мессами и папствомъ, а въ 1811 г. переселившійся въ Австрію и обратившійся къ католичеству, во время Вѣнскаго конгресса являлся на публичной каѳедрѣ капуциномъ, можетъ сравниться только съ тою комедіею, которую разъигрывалъ Фр. Генцъ въ различныхъ роляхъ отъ мнимо-горячаго патріотизма до унизительнаго разврата. Между Генцомъ и Штейномъ можно было бы провести сравнительную параллель, которая служила бы характеристическимъ продолженіемъ параллели между противоположными политическими принципами Фихте и Шлегеля; но мы ставимъ ихъ отдѣльно одинъ отъ другаго, такъ какъ они относились къ Пруссіи и Австріи больше какъ практическіе государственные люди и имѣли въ нихъ только совѣщательное значеніе. Двойное отношеніе Генца къ литературѣ, которую мы доселѣ разсматрвали, и къ правительству государства,

---

[25]) Erinnerungen von Henriette Hertz, 1850.

положеніе котораго мы сейчасъ станемъ разсматривать, служитъ для насъ переходомъ отъ умственныхъ движеній къ государственной жизни,—и взглядъ на исторію его жизни будетъ поучителенъ съ двухъ сторонъ, не только потому, что мы можемъ видѣть ограниченность политическаго пониманія, всегда губившую Германію, на примѣрѣ человѣка, который всегда (и не безъ основанія) считался однимъ изъ проницательнѣйшихъ политиковъ Германіи, но и потому, что въ его исторіи мы можемъ наблюдать послѣдній значительный кризисъ въ Австріи, который какъ въ немъ, такъ и во всѣхъ руководящихъ личностяхъ Австріи, совершенно убилъ уже замиравшую дѣятельную силу и довелъ до конца систему наслажденія, спокойствія и порабощенія.

II. Австрія.

Фридрихъ Генцъ.

Между всѣми литературными знаменитостями времени процвѣтанія нѣмецкой литературы, Фридрихъ Генцъ былъ единственный человѣкъ, посвятившій свою дѣятельность политическимъ наблюденіямъ, и именно, чисто практическому, политическому обсужденію современныхъ происшествій. Не совращаемый съ пути поэтическими или философскими наклонностями, не вводимый въ заблужденіе никакими мистическими и фантастическими стремленіями его времени, свѣтлый мыслитель изъ трезвой школы англійскихъ историковъ и ораторовъ, онъ употреблялъ свои политическія способности, главнымъ образомъ, на обсужденіе событій дня и мнѣній другихъ публицистовъ о случившемся. Въ занятіяхъ своихъ онъ рѣдко обнаруживалъ порывъ къ самостоятельной, неутомимой дѣятельности, которымъ былъ одушевленъ Штейнъ, и во всѣхъ его сочиненіяхъ трудно найти собственно ему принадлежащую, творческую политическую мысль; за то критическія занятія рано пріучили его къ тому стройному и свѣтлому порядку, который такъ необходимъ въ запутанныхъ задачахъ государственнаго управленія и такъ хорошо рекомендуетъ властителей, придерживающихся этого порядка. Вслѣдствіе такой привычки Генцъ сдѣлался настоящимъ мастеромъ этого дѣла, въ которомъ онъ съ одинаковою ловкостью соединялъ правду и діалектику съ мудростью и съ софистикою. И то, и другое умѣлъ онъ соединять въ одно и тоже время и дѣйствительно всегда соединялъ; правдивымъ и мудрымъ являлся онъ тогда, когда, не руководимый никакимъ внутреннимъ и внѣшнимъ интересомъ, давалъ неподкупный приговоръ, діалектикомъ и софистомъ, когда внѣшній интересъ налагалъ на него чужое убѣжденіе; и тѣмъ, и другимъ—когда сущность дѣла и интересы, а еще болѣе обстоятельства, заставляли его смотрѣть на вещи прямо или криво. Такая двойственность заставляетъ предполагать въ немъ характеръ, которому въ нравственномъ отношеніи не доставало самостоятельности, а въ политическомъ—твердаго убѣжденія, создающагося великими историческими воззрѣніями или вѣр-

нымъ пониманіемъ современнаго и національнаго положенія. Тою хладнокровною способностью, которая прежде всего нужна государственному человѣку, для того чтобы, не мигая глазами, смотрѣть на бѣдствія политической жизни и непоколебимо стоять въ вихрѣ великихъ волненій,—этою способностью Генцъ не обладалъ до того, что не понималъ какъ она можетъ быть въ историкѣ и называлъ ее у Іоанна Мюллера фатализмомъ. Точно также онъ былъ зараженъ нѣмецкимъ идеализмомъ, внутри котораго жило естественное отвращеніе отъ всего дѣйствительнаго. Когда, въ началѣ своей лилературной дѣятельности (1793—4 г.), онъ переводилъ сочиненія противъ французской революціи Борка, Маллэ-дю-Пана и Мунье, то въ замѣчаніяхъ, которыми онъ сопровождалъ свой переводъ, обнаружилось полнѣйшее отсутствіе живаго сочувствія нуждамъ, судьбамъ и стремленіямъ народа, и это происходило единственно отъ ужаса, наведеннаго на него страшными событіями того времени. Эта трусливость, введя въ заблужденіе его чувства, сбила съ толку и его разсудокъ, и эти двѣ основныя черты встрѣчаются въ немъ, въ одно и тоже время, во все продолженіе его жизни. Нѣмецкое добросердечіе ужасалось политическаго фанатизма съ его наружными знаками, военными шествіями и эшафотами, также какъ и фанатизма религіознаго съ его мощами, крестовыми походами и кострами. Потерявъ здравое пониманіе, Генцъ боялся, что какъ тотъ, такъ и другой будутъ оказывать свое дѣйствіе еще въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, забывая, что спорные пункты религіознаго бреда отчасти не могутъ быть уничтожены, между тѣмъ какъ въ государственныхъ отношеніяхъ ощутительныя послѣдствія очень скоро выводятъ на надлежащій путъ. Полный того же заблужденія разъ оробѣвшаго ума онъ думалъ, что Франціи нужно весьма много времени, чтобы снова вернуться къ государственному порядку; и былъ убѣжденъ, что такое возвращеніе можетъ быть произведено скорѣе усиленіемъ монархическаго гнета, чѣмъ усиленіемъ свободы. Скоро представившійся опытъ доказалъ ложность этой мысли и этого убѣжденія. Генцъ пугался односторонности равенства, видя, что во Франціи образуется продолжительное рабство духа подъ владычествомъ демократической ограниченности, не смотря на то, что многочисленныя наблюденія могли показать ему, какъ быстро революція поглощала своихъ собственныхъ дѣтей. Онъ еще болѣе ужасался равенства

извнѣ, революціонной пропаганды и ревностно проповѣдывалъ мудрое правило, что нѣтъ никакой исключительно спасительной политической церкви, что благо народовъ не связано съ какой нибудь государственною реформой. Онъ напрасно безпокоился, когда предостерегалъ Германію отъ принятія опаснаго подарка революціи, къ которой его отечество не чувствовало ни малѣйшаго влеченія; но онъ самъ забылъ свое ученіе, когда захотѣлъ мѣрять французскія дѣла на нѣмецкій аршинъ. Съ этими мудрыми правилами отлично согласовалось революціонное ученіе того времени, состоявшее въ томъ, что народъ самъ долженъ рѣшать, какая форма правленія годна для него, и что онъ имѣетъ право во всякое время измѣнять свое государственное устройство. Генцъ боролся противъ этого ученія, потому что его жаждавшая покоя душа приходила въ ужасъ при мысли о постоянныхъ государственныхъ перемѣнахъ, подобныхъ тѣмъ, которыя происходили въ свободныхъ государствахъ древняго міра. Вслѣдствіе этого, онъ настоятельно доказывалъ, что сообразныя съ цѣлію и временемъ реформы гораздо благодѣтельнѣе всѣхъ бурныхъ переворотовъ. Такое мнѣніе положилъ онъ, кажется, въ основаніе своего знаменитаго посланія къ Фридриху Вильгельму III (въ 1797 г.). Въ посланіи этомъ онъ ставилъ задачею правительства охраненіе народа отъ нравственныхъ уклоненій, безъ ослабленія его силы, и открытіе для него доступа ко всему, что относится къ позволительному наслажденію жизнью и къ развитію внѣшнихъ и внутреннихъ силъ. Что же касается до тѣхъ улучшеній, которыя собственно нужно было произвести для этого, то Генцъ коснулся ихъ весьма немного; онъ не опредѣлялъ, но ясно обозначилъ очень близкую границу, за которой увеличеніе желаній подданныхъ должно перейти въ преступленіе. Но это длилось не долго, и скоро Генцъ заговорилъ объ опасностяхъ реформъ точно также настойчиво, какъ объ опасностяхъ революціи. Отдавая справедливость блестящимъ успѣхамъ, сдѣланнымъ государственнымъ управленіемъ и хозяйствомъ во время правительственныхъ реформъ 18-го столѣтія, онъ однако (въ 1801 г.) называлъ и эти улучшенія важнѣйшими приготовительными причинами революціи, потому что, по его мнѣнію, реформаторы дѣйствовали съ слишкомъ большою гордостью, предпріимчивостью и дерзостью и тѣмъ воспитали въ народахъ чувство силы и собственнаго достоинства,

страсть къ богатству, свободѣ и образованію, а вслѣдствіе всего этого, недовольство, надменность и стремленіе къ безнравственнымъ спекуляціямъ. Онъ не дѣлалъ различія между слишкомъ большою долею этихъ реформъ въ тѣхъ маленькихъ, отсталыхъ государствахъ, гдѣ реформы встрѣчали сопротивленіе въ неспособномъ народѣ, и между слишкомъ малою долею ихъ во Франціи, гдѣ у великаго народа дѣло шло не объ отдѣльныхъ правительственныхъ реформахъ, а объ исправленіи всего испорченнаго государственнаго устройства, и объ этомъ во всѣхъ нападкахъ Генца на революцію почти нѣтъ и рѣчи. Для опредѣленія насильственныхъ пружинъ и инстинктивныхъ толчковъ подобнаго движенія, онъ не имѣлъ никакого масштаба и былъ въ состояніи утверждать, что это событіе, со всею своею страшною обстановкой, развилось и закончилось „вслѣдствіе отдѣльныхъ, опредѣленныхъ ошибокъ“ [26]. Слѣдствіемъ такихъ мнѣній, относящихся къ лучшему времени дѣятельности этого человѣка, было другое мнѣніе, которое онъ высказывалъ въ худшее время своей жизни; оно состояло въ томъ, что для противодѣйствія революціи надо остерегаться каждаго смѣлаго, предпріимчиваго улучшенія, чтобы такою осторожностью помѣшать развитію въ народѣ чувства силы и собственнаго достоинства, страсти къ богатству, свободѣ, образованію и всѣмъ послѣдствіямъ этихъ вещей. Въ началѣ [27] онъ ратовалъ противъ лѣности, препятствующей всякому участію въ судьбахъ народовъ и противупоставлялъ этой равнодушной апатіи безпристрастіе ума,—свойство, сущность котораго состоитъ не въ отсутствіи стремленій, но въ равновѣсіи ихъ. Это были слова безучастнаго идеалиста, отъ котораго надо было ожидать, что при первомъ удобномъ случаѣ, когда событія коснутся его самого и нарушатъ его безпристрастное раздумье, онъ фанатически возстанетъ противъ нарушителей, или когда его лѣность пересилитъ фанатизмъ, то равнодушіе ума подавится равнодушіемъ апатіи.

Переходъ Генца въ австрійскую службу.

Когда, послѣ вступленія его въ австрійскую службу (1802 г.), настало время, въ которое онъ въ первый разъ принялъ участіе въ великихъ общественныхъ событіяхъ, опасенія его оказались со-

---

[26]) Von dem pol. Zustande Europas vor und nach der franz. Revolution. 1801. Стр. 63.

[27]) Ueber pol. Freiheit. Въ примѣчаніяхъ къ переводу Борка.

*

вершенно ложными. Въ 1805 и 1806 годахъ, глазамъ его явилось отвратительное зрѣлище взаимной борьбы Пруссіи и Австріи—борьбы, приведшей оба государства на край гибели; съ неомраченнымъ взоромъ смотрѣлъ онъ на неспособность и слабость государей, правительствъ и полководцевъ, на испорченность общественнаго мнѣнія, на гибель всей гражданской жизни, словомъ, на все, что было виною этой борьбы. Въ извѣстномъ разсказѣ о положеніи Пруссіи передъ сраженіемъ при Іенѣ и въ частныхъ письмахъ, особенно къ Іоанну Мюллеру, касательно австрійскихъ дѣлъ, Генцъ произносилъ надъ современными событіями приговоры, полные силы и почти циническихъ выраженій. Какъ будто подъ вліяніемъ глубокаго душевнаго потрясенія, онъ высказывалъ гнѣвъ на свою старую и новую отчизну, на „живодёровъ", бывшихъ причиною гибели Пруссіи, на „сгнившій трупъ" министра Кобенцля, на „грязныя души" и на „собакъ", составлявшихъ правительство, на эту столицу, „въ которой охота, лошади и гулянье на Пратерѣ считались знакомъ высшаго благополучія". Генцъ утверждалъ, что Австрія для спасенія Европы и самой себя должна была не оставить въ своемъ правительствѣ камня на камнѣ; этого же мнѣнія держался въ 1809 г. и баронъ фонъ-Штейнъ, котораго Генцъ въ то время причислялъ къ „своимъ" и охотно перетащилъ бы въ Вѣну. Но всѣ эти энергическія сердечныя изліянія означали въ Генцѣ ничто иное какъ гнетъ, который онъ почувствовалъ отъ бѣдствій Германіи, какъ прежде отъ боязни революціи. Гнетъ этотъ однако сбилъ съ толку его сужденія теперь, какъ и въ прежнее время, и послѣ перваго опыта ослабилъ въ немъ послѣдніе остатки бодрости, твердости характера и воли. Въ одномъ изъ писемъ его, относящихся къ этому времени (23 декабря 1805 г.) и адресованныхъ къ Іоанну Мюллеру, встрѣчается нѣсколько новыхъ основныхъ положеній, которыя могутъ служить продолженіемъ высказанныхъ уже прежде. Тамъ исходнымъ пунктомъ его было безпристрастное политическое наблюденіе, сообразно которому онъ оспаривалъ одностороннее преимущество какой нибудь формы государственнаго устройства; здѣсь съ тѣмъ же безпристрастіемъ онъ становится на средину между принципами прогресса и его необходимаго ограниченія. „Царствуй одинъ первый принципъ — ничто не будетъ прочно и продолжительно, царствуй одинъ второй — все окаменѣетъ и сгніетъ"; лучшія времена, по его

мнѣнію, тѣ, въ которыя оба эти принципа находятся въ счастливомъ равновѣсіи. Тамъ же, гдѣ это равновѣсіе нарушается, „отдѣльныя личности также должны пристать къ какой нибудь партіи и нѣкоторымъ образомъ сдѣлаться односторонними, для того чтобы придать безпорядку родъ нѣкотораго равновѣсія, когда отвращеніе отъ истины, преслѣдованія, тупость подавляютъ человѣческій духъ, тогда лучшіе люди должны до мученичества трудиться на пользу развитія; когда же, напротивъ того, преобладающимъ стремленіемъ нашего столѣтія становится разрушеніе всего стараго, то лучшіе люди должны съ самою упорною настойчивостью оставаться вѣрными старинѣ“. Вслѣдствіе этихъ убѣжденій, Генцъ и избралъ своею путеводною звѣздой принципъ сохраненія, но никогда не забывалъ, что можно и должно дѣйствовать, будучи въ тоже время связаннымъ. Равнодушіе ума и безпристрастнаго размышленія такимъ образомъ перешло однако, въ видахъ примиренія противуположностей, въ пристрастное сочувствіе къ означенному счастливому равновѣсію двухъ враждующихъ принциповъ. Дальнѣйшая ступень, на которой это незабываемое равновѣсіе было однако забыто Генцомъ, на которой онъ дѣйствовалъ уже не изъ равнодушія ума, а изъ равнодушія лѣности, должна была обнаружиться при первомъ кризисѣ. Сначала онъ обратилъ произвольно принятую и притворную привязанность къ старинѣ только противъ новаго французскаго принципа разрушенія, и это совершенно сознательное признаніе романтическихъ стремленій такимъ холодно-разсудительнымъ человѣкомъ служитъ превосходнѣйшимъ объясненіемъ всей неестественности этого направленія. Ставши въ совершенное противорѣчіе съ своимъ прежнимъ образомъ мыслей, Генцъ перешелъ теперь на сторону средневѣковыхъ причудъ своихъ друзей; въ 1806 году онъ съ большимъ одушевленіемъ прославлялъ чтенія о литературѣ Адама Мюллера—одно изъ нелѣпѣйшихъ произведеній романтической литературы, и говорилъ о немъ, какъ о лучшемъ и единственномъ произведеніи этого писателя; еще въ 1811 году онъ называлъ этого полупомѣшаннаго человѣка однимъ изъ первыхъ людей всѣхъ временъ; наконецъ, слѣдуя примѣру этихъ друзей, онъ также началъ сваливать на реформацію всю вину упадка Германіи. Съ такими взглядами, принявъ исходною точкою привязанность къ старинѣ, онъ отнесся и къ внутреннимъ

дѣламъ Австріи, въ которой конечно „разрушеніе всего стараго“ не было преобладающимъ принципомъ; но главная дѣятельность его обратилась сначала противъ французскихъ нововведеній во внѣшнихъ отношеніяхъ Европы. Внутри Австріи Генцъ терпѣлъ еще теперь небольшіе порывы народнаго духа, обнаруживавшіеся въ правленіе братьевъ Стадіоновъ, которые, будучи истыми нѣмцами по настроенію и образованію, охотно дали бы, въ духѣ Штейна, просторъ благороднымъ патріотическимъ чувствамъ и которые по крайней мѣрѣ хотѣли разрушить правительственныя, промышленныя, гражданскія и умственныя оковы, для того чтобы дать государству возможность новой борьбы противъ властителя. Эта борьба началась въ 1809 году и окончилась новымъ пораженіемъ. То было время австрійскаго кризиса, который губительно подѣйствовалъ и на всю слѣдующую эпоху. Усилія, сдѣланныя во время этой послѣдней борьбы и во время приготовленія къ ней, въ связи со всѣми предшествовавшими бѣдствіями, казалось, навсегда сокрушили австрійскій народный духъ и народную силу. Мѣсто Стадіона занялъ человѣкъ съ шаткими житейскими и государственными правилами, который отказался отъ старовѣрческой борьбы съ Франціею и искалъ выгодъ Австріи въ союзѣ ея съ отъявленнымъ врагомъ. Но при этихъ обстоятельствахъ все находилось въ усыпленіи и паденіи. Были воинственные люди, предлагавшіе Меттерниху дѣятельно воспользоваться союзомъ съ Франціею, укрѣпиться противъ Россіи и завоевать Дунай; другіе, вѣрные политикѣ, преобладавшей до тѣхъ поръ, совѣтовали, напротивъ того, но также рѣшительно какъ и первые, протянуть руку Англіи и возбудить къ движенію Германію. И тотъ, и другой планъ, именно вслѣдствіе своей энергичности, казались для Меттерниха немыслимыми; онъ точно ждалъ, что Всемогущій раздѣлитъ міръ на части и самъ принесетъ ихъ породнившейся съ нимъ Австріи. Между тѣмъ въ то самое время, когда Наполеонъ и министры его являлись какъ въ кабинетѣ, такъ и на полѣ битвы, образцами самой неутомимой дѣятельности по развитію французскаго и европейскаго законодательства, въ Вѣнѣ, судя по оффиціальнымъ извѣстіямъ французскаго посланника Отто, императоръ Францъ занимался цвѣтами или забавлялся анекдотами съ своимъ довѣреннымъ лейбъ-медикомъ, докторомъ Штифтомъ; донесеній своихъ чиновниковъ онъ не читалъ, съ министрами видѣлся рѣдко,

съ родственниками — никогда. Меттернихъ сдѣлался властителемъ почти всѣхъ государственныхъ интересовъ; онъ вращался въ кружкѣ, считавшемся сборнымъ пунктомъ безнравственности, продажности и испорченности. Правленіе его было „регентство въ маломъ размѣрѣ"; къ тому же денежныя средства министра были въ такомъ плохомъ положеніи, что его векселя ходили съ 24% потери. И все это совершалось въ то время, когда государство стояло на краю банкротства, въ которое ввергнули его рѣшительныя мѣры министра финансовъ Валлиса (1811 г.). Посторонній наблюдатель приходилъ въ изумленіе, глядя сколько могъ переносить этотъ народъ, сначала принесшій огромнѣйшія жертвы для веденія войны, потомъ такъ страшно обезсилѣвшій вслѣдствіе этихъ громадныхъ имущественныхъ потерь и, не смотря на все это, сносившій свое критическое положеніе и равнодушно жившій во время государственнаго банкротства, „какъ живетъ въ Константинополѣ народъ во время моровой язвы". Такимъ же точно равнодушіемъ отличалось и дворянство. Оно предоставило низшимъ чиновникамъ тѣ мѣста, которыхъ не хотѣло или не было способно занимать, увлекалось частными дѣлами или любовными интригами, или раззорялось игрою и другими шумными удовольствіями; богемскіе и венгерскіе вельможи избѣгали жизни въ Вѣнѣ и почти не выѣзжали изъ провинцій. Венгерскій сеймъ (Landtag), находившійся въ сильнѣйшей оппозиціи вслѣдствіе того, что Венгрія сильно потерпѣла отъ потери морскихъ береговъ, также равнодушно смотрѣлъ въ 1811 году на всеобщую государственную нужду и, опираясь на свои привиллегіи, отклонялъ отъ себя всякое непривычное бремя; тутъ нужны были самыя рѣшительныя мѣры, и самъ Штейнъ рѣшился бы въ то время на какое нибудь насильственное измѣненіе государственнаго устройства, если бы только могъ найти людей, способныхъ довести это дѣло до конца.

Совершенный упадокъ характера Генца.

Эта хаотическая запутанность сломила сильнѣйшіе умы; Фридрихъ Стадіонъ умеръ вскорѣ послѣ кризиса 1809 года, братъ его Филиппъ впалъ въ озлобленіе и мизантропію. Неудивительно поэтому, что характеры слабые окончательно измельчали. Это случилось и съ Генцомъ. Онъ давно уже былъ склоненъ къ распущенному образу жизни и еще въ юности называлъ самъ себя „слабымъ, безумнымъ и легковѣрнымъ поклонникомъ житейскаго шума". Отъ юныхъ

до преклонныхъ лѣтъ находился онъ подъ вліяніемъ женщинъ и никогда не вступалъ въ тѣсныя сношенія съ мужчиной, развѣ когда это нужно было для его тщеславія, напримѣръ, съ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, въ которомъ Генцъ видѣлъ только софиста, и котораго онъ хотѣлъ перещеголять въ софистикѣ. Если случайно въ его нравственномъ настроеніи и оказывался поворотъ къ лучшему, то это имѣло такое же ничтожное значеніе, какое имѣли подобные же случаи въ жизни Меттерниха, который, какъ говоритъ преданіе, въ юности писалъ противъ пудренныхъ париковъ, а во время взятія Бастиліи находился въ числѣ толпы. Между тѣмъ, какъ молодой Генцъ записывалъ въ своихъ „Берлинскихъ письмахъ" нравственныя проповѣди, почтеннѣйшіе изъ современниковъ его уже тогда называли его „безгранично-безнравственнымъ человѣкомъ." Дѣйствительно, не смотря на циническія выходки его (въ 1805—1806 г.) касательно бѣдственнаго положенія окружавшихъ его людей, онъ уже съ самаго начала своей вѣнской жизни поставилъ своею главною цѣлью „жить шумно и хорошо", имѣть прекрасную мебель, много денегъ и большое число слугъ. Казалось, что онъ ненавидѣлъ Наполеона единственно за то, что тотъ мѣшалъ его мирнымъ наслажденіямъ; онъ желалъ Наполеону попасть въ адъ за то, что Наполеонъ заставилъ его провести одно лѣто въ Теплицѣ; „я былъ бы совершенно счастливъ — писалъ онъ въ 1806 году—если бы могъ забыть про политику." Если въ 1805—9 годахъ онъ, въ письмахъ къ Штейну, казался доросшимъ до мужественныхъ мѣръ этого министра, то въ промежуткѣ между этими годами и именно въ 1808 году другъ его Мюллеръ, занимавшійся въ то время въ Дрезденѣ политикой съ прусскими патріотами, казался ему слишкомъ энергическимъ; письма Мюллера, слишкомъ жесткія для его „слабыхъ нервовъ", болѣзненно раздражали его; онъ снова началъ обращаться въ кругу женщинъ. Ничего не значило, что онъ для оправданія этой наклонности постоянно ставилъ женскій полъ неизмѣримо выше мужскаго: самымъ горькимъ самоуниженіемъ наполнены письма его къ Рахили Левинъ (1803 г.), въ которыхъ онъ называлъ ее великимъ человѣкомъ, а себя первою изъ женщинъ, воспріимчивымъ и впечатлительнымъ существомъ. Ничего не значило, что онъ тогда выдавалъ себя за чрезвычайно набожнаго человѣка: Лукреція все таки оставалась для него опас-

ною, точно также какъ въ послѣдствіи восхищали его антирелигіозныя пѣсни Гейне. На такую слабую, чувственную натуру событія 1810 года должны были подѣйствовать съ разрушительною силой; послѣднія преграды пали передъ раскрывшимся безстыдствомъ и внутренняя испорченность выплыла наружу въ страшныхъ размѣрахъ. Генцъ совершенно подчинился примѣру своего новаго начальника Меттерниха, съ которымъ онъ, начиная съ 1812 года, находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Въ 1809 онъ хотѣлъ еще спасти часть своей самостоятельности, но жизнь въ Вѣнѣ въ 1810 году—такъ писалъ онъ [28])—убила его на смерть, усилила его душевную болѣзнь, его изнеможеніе, его уныніе, его пустоту, и породила въ немъ родъ равнодушія, котораго онъ никогда не предчувствовалъ, родъ духовной сухотки. Теперь настало для него время индеферентизма, время презрѣнія ко всѣмъ важнымъ дѣламъ и время лѣности. Теперь Генцъ явился образцомъ нравственной и политической испорченности, какая встрѣчается весьма рѣдко; это состояніе онъ самъ выразилъ въ своихъ письмахъ, безъ свидѣтельства которыхъ ни одинъ историкъ не осмѣлился бы признать дѣйствительною такую невѣроятную картину человѣческой испорченности. Когда нѣмецкое движеніе 1813 г., во время котораго онъ находился въ Богеміи, въ средоточіи всѣхъ событій, приблизило къ осуществленію цѣль его прежнихъ желаній,—то онъ зналъ уже, что близкое знакомство его съ дѣлами потеряно для свѣта; по собственному его признанію, онъ былъ уже тогда „слишкомъ лѣнивымъ, разочарованнымъ и озлобленнымъ", чтобы писать и говорить; онъ только язвительно смѣялся и „дьявольски радовался тому, что такъ называемыя великія дѣла кончились такимъ смѣшнымъ образомъ". Въ это время онъ потерялъ способность даже письменно слѣдить за событіями и ссылался только на „Рейнскаго Меркурія", въ которомъ статьи Герреса казались ему произведеніями Исаіи и Данта. Казалось, что теперь онъ еще болѣе утратилъ даръ правильнаго пониманія людей и событій. Теперь, когда настало время нововведеній, слѣдовало по настоящему ожидать полезныхъ совѣтовъ и наставленій отъ его „проницательности, глубокомыслія и остроумія", которыми онъ такъ тщеславился; но если и прежде онъ

---

28) Къ Іоанну Мюллеру отъ 21 іюня 1810 года.

былъ бѣденъ положительными совѣтами, если и прежде, въ рѣдкихъ случаяхъ высказывая практическія мысли, онъ являлся такимъ же причудливымъ, какъ его друзья романтики, то теперь онъ оказался въ этомъ отношеніи бѣднѣйшимъ изъ бѣдныхъ, и къ тому же самымъ грубымъ порицателемъ всѣхъ, дававшихъ добрый совѣтъ въ добромъ дѣлѣ. Онъ „давно уже принялъ рѣшительное положеніе по отношенію ко многимъ неосуществимымъ вещамъ“,—положеніе индифферентизма лѣности. Полный такого равнодушія, Генцъ въ 1814 году собрался ѣхать въ Парижъ; пріѣхавъ туда въ 1815 г., онъ, судя по увѣреніямъ очевидцевъ, закружился „въ вихрѣ самаго презрѣннаго свѣта“ и въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ являлся до того не нѣмцемъ, что самъ Меттернихъ долженъ былъ наставлять его на путь истины. Послѣ Парижа, гдѣ онъ составлялъ протоколы въ совѣтѣ министровъ разныхъ державъ, Генцъ сдѣлался секретаремъ на всѣхъ реакціонныхъ конгрессахъ и весь отдался влеченію реакціи. Настало то время, когда во внутреннихъ дѣлахъ, послѣ устраненія всякой французской жажды къ новизнѣ, „отвращеніе отъ истины, преслѣдованіе и тупость подавляли человѣческій духъ“, и не смотря на то, что Генцу нужно было, на основаніи прежнихъ его теорій, стать на другіе вѣсы, т. е. „работать до мученичества за подавляемое развитіе“, онъ сталъ именно на вѣсы угнетенія, выказавъ при этомъ даръ—украшать дурное дѣло личиною мудрой разсудительности. Остатокъ совѣсти, казалось, мучилъ его въ этой роли. Судя по его собственнымъ признаніямъ, онъ безпрерывно находился въ смертельномъ страхѣ; когда въ 1814 г. Больманъ разсказывалъ въ Вѣнѣ о чудесахъ Америки, которую Генцъ прежде самъ называлъ разсадникомъ мужества и силы, то онъ почувствовалъ безпокойство, какъ будто кто нибудь посягалъ на его личность; въ 1815 г., во Франціи, онъ боялся „вооруженнаго якобинизма“, а въ послѣдствіи, въ нѣмецкихъ земляхъ, на него наводили ужасъ кинжалы студентовъ. Малодушіе, всегда вводившее его въ заблужденіе, теперь до такой степени одолѣло его, что онъ служилъ своимъ начальникамъ гораздо ревностнѣе и тревожнѣе, чѣмъ они сами того желали,—и это дѣлалъ онъ въ полномъ убѣжденіи, что вся ихъ реакціонная работа не принесетъ никакой пользы.

Между этими начальниками князь Клементій фонъ-Меттернихъ былъ созданъ на то, чтобы вмѣстѣ съ такимъ довѣреннымъ лицемъ, какимъ былъ Генцъ, въ блаженное время мира и въ блаженной землѣ на перерывъ наслаждаться жизнію, полною умственнаго и физическаго бездѣйствія. Внѣшнее образованіе его съ самыхъ раннихъ лѣтъ подвергало его всевозможнымъ искушеніямъ; внутреннее также не давало возможности противиться имъ. Ему было двадцать лѣтъ, когда Кауницъ далъ ему свидѣтельство, что онъ „добрый, пріятный молодой человѣкъ, самаго милаго нрава и отличнѣйшій кавалеръ". Какъ въ первой юности, такъ и въ преклонныхъ лѣтахъ, князь былъ образцомъ самаго пріятнаго и симпатическаго обращенія. Многозначительная улыбка его производила на наблюдателей въ различныя времена и при различныхъ обстоятельствахъ самое разнообразное впечатлѣніе: маршалъ Ланнъ видѣлъ въ ней изворачивающуюся гибкость, баронъ Гормайръ — хитрость и сладострастіе, лордъ Россель — ничего незначущую привычку. Знаменитый англичанинъ не находилъ на лицѣ уже зрѣлаго государственнаго человѣка выраженія широкаго пониманія и замѣчательнаго ума, также какъ и слѣдовъ серьезнаго размышленія. Страсбургскіе и Майнцскіе товарищи князя по школѣ также никогда не замѣчали, чтобъ онъ особенно утруждалъ себя ученіемъ. Меттернихъ былъ ничто иное какъ человѣкъ рутины, которому даже порицатели его не могли отказать въ понятливости, вкрадчивости и ловкости; великія современныя событія развили эти природные дары, но знанія его и понятія были лишены всякой основательности. Даже такой мастеръ своего дѣла, какъ Фуше, прославлялъ его полицейскую проницательность, его быстрое пониманіе людей, ихъ слабостей и ошибокъ; не смотря на это, онъ до такой степени былъ лишенъ основательнаго познанія людей и самаго себя, что всю жизнь оставался въ полномъ убѣжденіи, что у него не было ни одного личнаго врага. Съ такимъ же простодушіемъ, которое было возможно только въ такой нѣмой странѣ и при такой фальшивой обстановкѣ, онъ выставлялъ на видъ отсутствіе всякихъ другихъ познаній, каждый разъ когда ему приходилось обнаруживать ихъ устно или письменно; въ важнѣйшихъ случаяхъ онъ писалъ письма, полныя логическихъ и граматическихъ ошибокъ и доказывавшія всю поверхностность его образованія. Когда однажды Ра- Меттернихъ.

хиль Левинъ охарактеризовала современное состояніе общества названіемъ „безконечной глубины пустоты“, Меттернихъ назвалъ это выраженіе „по истинѣ геніальнымъ вдохновеніемъ“; то было характеристическое обозначеніе пустоты образованія романтиковъ, которые ощущали въ себѣ порывы глубокаго пониманія и глубокаго чувства, но при этомъ оставались необходимыми украшеніями каждаго развлеченія, каждаго свѣтскаго общества, каждой пустой бесѣды и были лишены той основательности характера, которая одна даетъ достоинство и здравое направленіе всякому остроумію и уму. Изъ первыхъ порывовъ, то есть порывовъ чувства и ума, въ Меттернихѣ не было ничего; жажда же развлеченій и наслажденій жила въ немъ во всей своей цѣлости. Подобно Генцу онъ съ юныхъ лѣтъ находился въ кругу женщинъ и былъ обязанъ имъ своимъ образованіемъ. Безнравственная жизнь, которую онъ велъ въ 1794 году въ Вѣнѣ и которая лишила его всякаго серьезнаго національнаго направленія, не нравилась даже тамъ и уже въ то время. Въ бытность его посланникомъ въ Парижѣ, его дипломатическія похожденія и побѣды шли рядомъ съ успѣхами въ свѣтѣ. О неприличной жизни его по вступленіи въ министерство, въ 1810 г., было уже упомянуто выше. Привычка къ этой распущенности завела его такъ далеко, что онъ, подобно Генцу, въ своихъ признаніяхъ, касавшихся его частной жизни, щеголялъ своей пустотой. Можетъ быть, что во многихъ исторіяхъ и случаяхъ изъ домашней, общественной и семейной жизни князя,—которая всегда была противна благопристойной императорской фамиліи,—есть большая доля неправды; но, во всякомъ случаѣ не хорошо, когда даже клеветы подобнаго рода, касающіяся общественнаго дѣятеля, остаются неопровергнутыми и когда исторія, даже облеченная въ панегирическую одежду [29]), разсказываетъ такъ мало о добропорядочной частной жизни, а скандалезная хроника [30]), напротивъ того, сообщаетъ такъ много. Мы не имѣемъ средствъ излагать здѣсь, на основаніи документовъ, безконечные толки о подкупности и ненасытномъ корыстолюбіи Меттерниха, также какъ и не можемъ доказывать такими же документами неимовѣрныя растраты, которымъ онъ подвергалъ какъ свое

([29] Биндеръ, Fürst Clemenz Metternich und sein Zeitalter. 2 Ausg.
([30] Гормайръ, Kaiser Franz und Metternich. 1848.

собственное состояніе, такъ и государственную казну, употребляя эту послѣднюю на полицейскія и дипломатическія издержки, въ которыхъ ему была предоставлена полная свобода до смерти императора Франца I, когда онѣ доросли до 13 милліоновъ. Тѣмъ не менѣе „разрушительное“ финансовое и домашнее управленіе его извѣстны всему міру. Съ тѣхъ поръ какъ Наполеонъ назвалъ его въ лицо подкупленнымъ Англіею (въ ту самую минуту, какъ другіе утверждали, что его подкупила Россія чрезъ посредство герцогини Саганъ), какъ часто упоминалось о деньгахъ [31]), которыя онъ получалъ съ вѣдома своего государя отъ русскаго императора, какъ плату за частныя донесенія, подобно Зундерланду и другимъ такимъ же государственнымъ людямъ, пользовавшимся самою дурною славою! Съ какою увѣренностью и легкостью Каподистрія (1812 и 1819 г.) всегда разсчитывалъ на возможность склонить Меттерниха нѣсколькими милліонами къ содѣйствію великому плану опаснѣйшаго врага его отчизны! [32]) Съ тѣхъ поръ какъ онъ, уже будучи посланникомъ въ Дрезденѣ, находился въ критическомъ денежномъ положеніи, до послѣднихъ годовъ его вліянія, въ какихъ дѣлахъ не обвиняли его, сколько слуховъ не распространяли о его лихоимствѣ, о сношеніяхъ всевозможнаго рода съ большими и малыми правительствами, въ искусительныхъ и неискусительныхъ случаяхъ! Конечно, скандальная хроника впадаетъ въ смѣшное преувеличеніе, когда исчисляетъ сотнями множество подарковъ, биржевые выигрыши, выгоды отъ условій съ финансовыми знаменитостями, барыши отъ дорогихъ продажъ (Оксенгаузенъ королю Виртембергскому) и дешевыхъ покупокъ (аббатство Плесъ въ Богеміи), милліоны отъ разныхъ „вознагражденій, мирныхъ договоровъ, выводовъ войскъ изъ городовъ, пріобрѣтеній и мореплаванія“, — однимъ словомъ, все, что князь получилъ во время тридцатилѣтняго мира; тѣмъ не менѣе исчисленіе только неопровержимыхъ фактовъ, бывшихъ началомъ, каковы французскіе милліоны 1814 г., выгоды отъ французскаго займа 1817—1818 г., возвышеніе въ санъ неаполитанскаго герцога и подарокъ Іоганнисберга (1815—1816 г.), — только эти факты уже свидѣтельствуютъ о неизмѣримости суммъ, полученныхъ Меттернихомъ, а по этому извѣстному началу, какія заключенія можно вывести о неизвѣст-

---

[31]) Wiener Abendzeitung, 1848. Іюль.
[32]) Carte segrete e atti ufficiali della polizia austriaca in Italia 1852. I, 192.

номъ продолженіи! Человѣкъ, ведшій такую жизнь и пользовавшійся такою дурною славою, могъ быть образцомъ придворнаго, но никогда не могъ сдѣлаться великимъ государственнымъ мужемъ. Незаслуженную славу этого послѣдняго онъ началъ пріобрѣтать въ то время, когда Австрія совершенно неожиданно поднялась блестящимъ образомъ, то есть тогда, когда въ войнѣ 1813 г. недостаточныя силы Пруссіи и Россіи позволили Австріи предписать условія своего вступленія въ союзъ. Съ тѣхъ поръ Меттернихъ получилъ вліятельное мѣсто въ совѣтѣ европейскихъ державъ, на что, по мнѣнію Штейна, не давали ему права ни его дарованіе, ни характеръ, ни военное положеніе его родины. Этого права не признавалъ за нимъ также ни прежде, ни послѣ, ни одинъ изъ заслуживающихъ вниманія людей, особенно изъ людей государственныхъ, находившіеся съ нимъ въ сношеніяхъ, и даже тѣ, которые были его подражателями въ искусствѣ управлять государствомъ. Такъ произносили надъ нимъ презрительный судъ солдаты, составлявшіе уже упомянутые планы во время союза съ Наполеономъ. Такъ, во время вѣнскаго банкротства его называли куртизаномъ, который не одобрялъ пагубной системы Валлиса, но все таки оставался при немъ министромъ. Такъ, во время грозившаго разрыва между Франціею и Россіею передъ 1812 годомъ, его медлительная уклончивость возмущала каждаго дѣятельнаго патріота; также точно всѣ эти патріоты, во время нѣмецкаго движенія 1813 г., приходили въ негодованіе отъ его холодной расчетливости, боязни всякихъ сильныхъ мѣръ, попытокъ къ посредничеству, отъ ограниченныхъ цѣлей и жалкихъ заплатъ его политики. Также точно онъ дѣйствовалъ и во Франціи въ 1814 г., къ неудовольствію тѣхъ же самыхъ патріотовъ. На вѣнскомъ конгрессѣ, своею увертливостью онъ, казалось, оправдалъ выраженіе о немъ Наполеона, что онъ принимаетъ страсть къ проискамъ за искусство государственнаго управленія; мы видѣли, какое неудовольствіе возбудилъ онъ въ государственныхъ людяхъ фальшивостью, съ которою онъ вызывалъ запутанныя положенія, доставлявшія, какъ видно, наслажденія его натурѣ. Въ виду этихъ маневровъ русскій сановникъ Меріанъ съ швейцарскою рѣзкостью назвалъ его „лакированною пылью“; даже Талейранъ осмѣливался давать ему названіе политика de semaine, который каждую минуту мѣняетъ цѣль и средства, не обращая вни-

манія на вѣрность и честь. Когда просматриваешь приговоры о немъ бывшихъ съ нимъ въ дружбѣ англійскихъ сановниковъ, когда читаешь, напримѣръ, какъ Кестльри разсуждаетъ о его двуличной политикѣ и кривыхъ дѣйствіяхъ въ вопросѣ объ устройствѣ судьбы Евгенія, какъ Веллингтонъ говоритъ о его поведеніи по поводу уменьшенія французскаго гарнизона, какъ Мюнстеръ судитъ о его поступкахъ въ различныхъ событіяхъ Германіи, какъ всѣ они произносятъ одинаково строгій судъ, — когда говоримъ мы, читаешь все это, то не понимаешь, какъ имя этого человѣка могло пріобрѣсть славу. И дѣйствительно, это было бы совершенно непонятно, если бы не было извѣстно, что могущество ослѣпляетъ приговоръ соотчичей, и что чужестранцы, естественно, воздаютъ хвалу тому государственному искусству, которое приноситъ имъ выгоды. Однакожъ и въ Австріи, при началѣ мира, въ то время, когда Меттернихъ стоялъ на высшей степени своего величія, противъ него выказывалось сильное неудовольствіе, особенно со стороны военныхъ, которымъ и позже не нравилось его мелкое нѣмецкое искусство управленія государствомъ и которые даже совѣтовали отказаться отъ союза, для того, чтобы Австрія была готова на востокѣ ко всякому столкновенію. Такая, грозившая войною, политика не соотвѣтствовала житейскимъ планамъ ни Меттерниха, ни его императора. Генералъ Ласси далъ этому послѣднему урокъ, состоявшій въ томъ, что испытанный въ войнѣ генералъ никогда не долженъ быть употребляемъ во время мира; этому правилу всѣ большія нѣмецкія государства слѣдовали съ неизмѣнною вѣрностью; маленькій человѣчекъ мира получилъ неограниченное вліяніе въ измельчавшее время. Отвращеніе отъ работы и всякаго душевнаго безпокойства — свойства, въ которыхъ Меттернихъ сходился съ императоромъ—удерживали его отъ всякихъ великихъ мѣръ; стремленіе къ сохраненію своего мѣста преобладало въ этомъ сластолюбивомъ и полномъ неограниченныхъ желаній человѣкѣ надъ всѣми другими интересами. Филиппъ Стадіонъ приписываетъ ему даже раздуваніе „исполинскаго огня" 1809 г. съ единственною цѣлью лишить его, Стадіона, министерской должности. Эта угнетательная пассивная и бездѣйственная политика, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, была причиною того, что внѣшнее вліяніе Австріи мало по малу теряло свою силу, а имя ея пріобрѣтало все болѣе и болѣе дурную славу. Князь Меттернихъ достигъ въ

Австріи высшихъ почестей и мѣста государственнаго канцлера, Европа украсила его рѣшительно всѣми орденами, но въ исторіи Австріи не можетъ сохраниться за нимъ слава великаго министра. Его, можетъ быть, будутъ сравнивать съ Талейраномъ, на котораго онъ походилъ лѣностью и равнодушіемъ, поверхностностью и безнравственностью, сухостью сердца, страстью къ наслажденіямъ, неспособностью къ благодѣтельнымъ политическимъ дѣламъ; но никто не сравнитъ его, какъ и Талейрана, съ дѣятельными министрами французскаго абсолютизма, даже съ такими изъ нихъ, каковы были Ришелье и Мазарини, пользовавшіеся слишкомъ двусмысленною славою. Были, правда, великіе правители, угнетавшіе государство болѣе чѣмъ Меттернихъ, но эти люди искупали свою жестокость другими заслугами государству; если они, какъ Меттернихъ, и ставили свои личные интересы выше общественнаго блага, то за то въ дѣлахъ, въ которыхъ не была затронута ихъ собственная польза, они дѣлали добро, вслѣдствіе ли ума, природной ли склонности къ дѣятельности, или привычки къ ней. Не таковъ былъ Меттернихъ. Главный интересъ его составляло бездѣйствіе, находившееся вслѣдствіе того въ постоянной борьбѣ съ государственнымъ благомъ. О немъ можно было сказать тоже [33]), что говорилъ кардиналъ Ретцъ о Ришелье: „что государство интересовало его только на время его собственной жизни“; но за то къ Меттерниху вовсе не шли слѣдовавшія за этимъ слова Ретца: „ни одинъ министръ не старался такъ ревностно убѣдить другихъ, что онъ заботится о будущности государства“. Меттернихъ былъ равнодушенъ даже къ тому, чтобы составить о себѣ такое мнѣніе; это видно изъ того, что когда онъ однажды, во время разрыва съ нимъ ганноверскихъ и англійскихъ министровъ, высказалъ надежду, что его дѣйствія не останутся безъ пользы для общаго блага, и когда онъ, взявши подъ защиту свой принципъ упрямства, старался скрасить его худшія мѣста, то и тогда даже это стараніе было такъ неловко „аффишированно“, что оно не только не опровергало мнѣнія о его равнодушіи, но еще болѣе подтверждало его. Между тѣмъ наблюдатели, находившіеся въ самомъ близкомъ разстояніи отъ него [34]), утверждали, что онъ по своей

[33]) По извѣстному выраженію Генца: «Mich und den Metternich hälts noch aus.»

[34]) Письмо гр. Гарденберга къ Мюнстеру отъ 14 декабря 1826 г., въ «Münsters Denkwürdigkeiten».

внутренней натурѣ, не былъ чуждъ либеральныхъ началъ, но что онъ подавлялъ ихъ изъ желанія угодить своему государю и вслѣдствіе этого постоянно обнаруживалъ свое презрѣніе къ „gent libérale“, давалъ полную волю орудіямъ крутаго деспотизма, Генцу и Седльницкому, не стѣсняя ихъ въ самыхъ произвольныхъ дѣйствіяхъ и ставилъ все свое призваніе въ подавленіи какого бы то ни было свободнаго движенія.

Императоръ Францъ.

Когда Меттернихъ, согласно съ истиною, увѣрялъ, что императоръ питаетъ къ нему довѣренность только потому, что онъ „слѣдуетъ пути, указываемому ему императоромъ“,—то эти слова въ устахъ Меттерниха были самовосхваленіемъ и самооправданіемъ. Только во внѣшнихъ дѣлахъ министру былъ предоставленъ большой кругъ дѣятельности и на него падала вся тяжесть заботъ; во внутреннихъ же дѣлахъ вліяніе его было незначительно. Правительственная система, далеко не созданная имъ, шла со времени Тугута и Кобенцля по прочно проложенной колеѣ, и мастеромъ великой машины все болѣе и болѣе становился самъ императоръ. Прежде не такъ было; прежняя исторія управленія императора и его природныя склонности позволяли ожидать совершенно противоположныхъ результатовъ. Когда императоръ Іосифъ описывалъ въ 1785 году своего племянника, семнадцатилѣтняго эрцъ-герцога [35], то онъ съ необыкновенною проницательностью обозначилъ тѣ черты, которыя въ послѣдствіи яснѣе выступили наружу въ жизни императора Франца. Онъ находилъ въ немъ легкую способность пониманія, но при этомъ лѣность къ мыслительной дѣятельности, хорошую память съ запасомъ познаній, совершенно однако безплодныхъ, критическую способность и рядомъ съ нею отвращеніе отъ всякой правдивости и откровенности, усвоенный стоицизмъ при отсутствіи самообладанія, нерѣшительность, изнѣженность, равнодушіе ко всѣмъ дѣламъ. Только изрѣдка Іосифъ видѣлъ въ своемъ племянникѣ „зародыши чего-то похожаго на болѣе дѣятельную волю“; вообще же онъ находилъ его человѣкомъ, уклоняющимся отъ всякой дѣятельности и всякаго напряженія, неспособнымъ къ великимъ дѣламъ и приходящимъ въ движеніе развѣ только изъ боязни не-

---

[35]) Ad fontes rerum Austriacarum. Прибавленіе Іосифа Фейла: «Императоръ Іосифъ II, какъ воспитатель».

пріятностей. Впослѣдствіи, въ половинѣ его царствованія (около 1813 г.) приближенные къ нему и проницательные люди [36]) еще болѣе рѣзкими красками описывали тоже самое соединеніе въ немъ противуположныхъ особенностей, ту же удивительную смѣсь твердости и слабости, честности и лживости, здравыхъ сужденій и недальновидности, честолюбія и равнодушія; отдѣльныхъ познаній и всеобщаго невѣжества, мелочной дѣятельности и непобѣдимой лѣности, добродушія и жестокосердія. Эти повидимому несовмѣстимыя черты впослѣдствіи, именно въ то время, когда онъ былъ регентомъ, то выступали яснѣе, то блѣднѣли, смотря по требованіямъ времени и положенія дѣлъ. При первыхъ требованіяхъ его царственнаго призванія имъ, казалось, совершенно овладѣла боязнь дѣятельности и недостатокъ самоувѣренности; послѣ внезапной смерти своего отца Леопольда II онъ даже не рѣшался вступить на престолъ. Будучи естественнымъ врагомъ Іосифовыхъ учрежденій, Францъ во внутреннихъ дѣлахъ подчинялся гибельному вліянію мрачнаго Тугута, человѣка византійской школы, который круто перешелъ отъ реформъ Іосифа II и умѣренныхъ измѣненій Леопольда II къ старой системѣ Фердинанда, снова ввелъ въ государственный строй мертвый механизмъ централизаціи, оффиціальной формалистики и полицейскаго надзора и далъ новую жизнь системѣ, безпрепятственно и ненарушимо господствовавшей въ Австріи до 1813 года. Въ дѣлахъ внѣшней политики, даже во время величайшихъ кризисовъ имперіи, императоръ также предоставлялъ все на волю своихъ министровъ; посторонніе наблюдатели, даже такіе какъ Генцъ, находили его человѣкомъ, лишеннымъ всякаго значенія и всякаго характера, занимавшимся пустыми развлеченіями даже въ то время, когда дѣло шло о спасеніи государства. Разъ однако, и именно послѣ великаго распаденія 1805 года, онъ собрался съ духомъ и началъ высказывать недовѣріе къ своимъ совѣтникамъ и полагаться на свое собственное мнѣніе; ему главнымъ образомъ приписывали революцію при дворѣ, спутникомъ которой въ то время было мимолетное, но ревностное стремленіе водворить въ Австріи свѣжую государственную жизнь. Но несчастье

[36]) Ср. Описаніе одного нѣмецкаго штабъ-офицера, въ «картинахъ изъ войнъ за освобожденіе». 2, 57.

1809 года снова возвратило императора къ его прежнему малодушію; совершенно отдавшись ему, онъ вяло и терпѣливо сносилъ мирную политику своего новаго министра и смиренно склонялся передъ ненавистными французами. Слѣдующій фактъ повидимому заключаетъ въ себѣ много противорѣчія, а между тѣмъ онъ совершенно согласенъ съ характерами подобнаго рода: именно, съ того времени какъ началось это внѣшнее униженіе, императоръ сталъ ревниво заботиться о своемъ внутреннемъ владычествѣ и, пользуясь миромъ извнѣ, началъ бояться враговъ внутреннихъ. Между дипломатами непріязненныхъ Франціи союзныхъ державъ уже въ 1803 г. главнымъ основаніемъ политики было: что Россія и Англія должны управлять Австріею подъ именемъ эрцгерцога Карла, единственнаго человѣка, пользовавшагося общественнымъ довѣріемъ. Это обстоятельство должно было болѣе и болѣе усиливать въ императорѣ недовѣріе къ его родственникамъ,—недовѣріе, порожденное въ немъ еще подозрительнымъ Тугутомъ и проснувшееся снова въ 1805 г.; вслѣдствіе этого, съ тѣхъ поръ какъ война 1808 года окончилась неуспѣхомъ, вѣрнѣйшій путь къ сисканію пріязни императора заключался въ клеветѣ на его братьевъ. Для этого нужно было, напримѣръ, назвать палатина Іосифа и эрцгерцога Карла врагами престола, а на эрцгерцога Іоанна указывать, какъ на претендента на титулъ короля Тироля, куда ему запрещено было въѣзжать съ тѣхъ поръ до 1835 года. Съ этого же времени въ императорѣ начала развиваться болѣе и болѣе страстная любовь къ итальянской тайной полиціи его отца. Въ первое время своего царствованія онъ сжигалъ, не читая, всѣ анонимные доносы; „въ послѣдніе годы его жизни они были дрогоцѣннѣйшимъ достояніемъ кабинета“ [37]). Главное управленіе этою машиной онъ взялъ въ собственныя руки; свѣдѣнія о самыхъ мелкихъ кандидатахъ и высшихъ сановникахъ, и въ то же время справки о самихъ авторахъ этихъ свѣдѣній стекались прямо къ нему; слова эрцгерцога Карла подслушивались и замки его сламывались въ собственныхъ стѣнахъ его дома. Этими путями, какъ полагали нѣкоторые [38]), лживость императора выработалась въ способность обманывать самый зоркій глазъ; вслѣдствіе

[37]) Гормайръ въ книгѣ: Kaiser Franz und Metternich.

[38]) Austria as it is, 1828.

этого же образа дѣйствій и при той непреклонной волѣ и непримиримомъ характерѣ, въ которыхъ онъ самъ сознавался, каждое сопротивленіе его должно было во всей силѣ обнаруживать жесткія стороны его натуры. Народная молва о его добродушіи часто сбивалась съ толку отдѣльными проявленіями безчувственности, каковы напримѣръ: подозрительность его въ отношеніи къ братьямъ, холодность при смерти жены его Терезіи, матери большаго семейста, равнодушіе къ судьбѣ Гофера, жестокость, съ которою онъ вдругъ отдалилъ отъ себя навсегда самыхъ близкихъ приверженцевъ своихъ, воспитателя своего Франца Коллоредо и, впослѣдствіи, лейбъ-медика Штифта. Въ то время, когда счастье начало улыбаться ему, это свойство его характера не только не уменьшалось, но, повидимому, еще болѣе усилилось. Наполеонъ находилъ во всемъ этомъ царственномъ домѣ одну общую черту, состоявшую въ томъ, что несчастіе дѣлало его смиреннымъ въ такой же степени, какъ счастіе—высокомѣрнымъ; не подлежитъ никакому сомнѣнію и то, что въ императорѣ Францѣ не было и слѣдовъ тѣхъ человѣчныхъ побужденій, которыя овладѣли сердцами властителей Пруссіи и Россіи при внезапной перемѣнѣ счастія въ 1814 году. Между тѣмъ какъ въ Вѣнѣ цѣлые милліоны поглощались великолѣпіемъ конгресса, императоръ снова обкладывалъ податями своихъ государственныхъ крестьянъ, давно уже привыкнувшихъ къ облегченіямъ, возстановлялъ эти подати въ прежнемъ ихъ объемѣ и въ Богеміи поручалъ кирасирамъ приводить въ исполненіе это нововведеніе [39]). Во внѣшнихъ дѣлахъ поступалъ онъ не лучше: съ отцовскимъ и политическимъ равнодушіемъ онъ смотрѣлъ, какъ дочь его безславно низводилась съ великаго трона и еще безславнѣе возводилась на тронъ незначительный; а въ то время какъ Александръ и Фридрихъ Вильгельмъ по возвращеніи на родину, въ 1814 г., скромно отклоняли отъ себя всѣ почести и почетные титулы, въ Вѣнѣ въ честь возвращенія императора зажигались транспаранты, славившіе, на ряду съ Отцомъ и Сыномъ, искупившими человѣчество, отца и дочь, которыхъ небо послало для спасенія Европы! Русскій императоръ желалъ предоставить нѣкоторую политическую свободу французамъ, испытавшимъ такую страшную участь, но императоръ

39) Allg Zeitung. Февраль 1815.

Францъ съ упорною послѣдовательностью держался въ сторонѣ отъ этого мнѣнія и предсказывалъ графу Артуа много дурнаго отъ этого благорасположенія къ революціи; сенату, который былъ ему представленъ 21 апрѣля, онъ ничего не говорилъ о хартіи, но много о разрушительныхъ принципахъ, съ которыми онъ боролся въ продолженіе двадцати лѣтъ. Въ этомъ миролюбивомъ правителѣ вся непрестанная вражда къ Франціи имѣла главнымъ основаніемъ какъ зависть къ ея могуществу, такъ и ненависть ко всякому якобинизму и духу политическихъ нововведеній. Вся жестокость этой ненависти, скопившейся въ немъ во время продолжительной несчастной войны, ярко выступила наружу въ 1815 году, при быстромъ паденіи новаго французскаго порядка; императоръ увидѣлъ оправданіе своихъ пророчествъ, довѣріе его къ самому себѣ возрасло, но въ то же время французскій кризисъ поселилъ въ немъ новую боязнь и новую подозрительность, а характеръ Меттерниха, какъ писалъ лордъ Кестльри (30 января 1814), давалъ интригантамъ безпрерывную пищу для развитія этихъ свойствъ. Глазами Аргуса начали теперь государь и министръ слѣдить за малѣйшими дѣйствіями во вредъ императорскому самодержавію, потому что, еще по словамъ Іосифа II, характеристическою чертою Франца былъ эгоизмъ; полный этого чувства, онъ считалъ безконечно важнымъ все, что касалось его личности и въ „самолюбивомъ безуміи“ думалъ, что сохраненіе его особы должно быть главнѣйшею заботою всего государства. Эта мысль все болѣе и болѣе переходила въ твердую вѣру въ святость его особы, неприкосновенность его богодарованной царственной власти и единственно благодѣтельную силу абсолютизма. Англійскіе наблюдатели [40]) замѣтили въ двадцатыхъ годахъ, что правительственная манія, по которой всѣ конституціонныя нововведенія считались революціонными дѣйствіями и пагубою міра, перешла отъ императора во всѣ кружки двора и овладѣла даже женщинами. Когда, въ 1818 году, императоръ Александръ обѣщалъ въ Варшавѣ дать русскую конституцію, Францъ назвалъ это криводушіемъ, на которое онъ не былъ бы способенъ. Дѣйствительно, онъ при случаѣ откровенно говорилъ своимъ итальянскимъ подданнымъ, чтобы они и не надѣя-

---

[40]) Лордъ Россель въ путевыхъ запискахъ объ Австріи, и авторъ книги: «Vertraute Briefe aus Oesterreich».

лись на какую нибудь конституцію, такъ какъ онъ не можетъ дать ее въ такомъ объемѣ, который способенъ къ чему нибудь повести,— а одной депутаціи отъ пестскаго комитата онъ объявилъ (въ сентябрѣ 1820 г.), что весь міръ просто помѣшался на своихъ безумныхъ стремленіяхъ къ конституціямъ. Простое упоминовеніе о конституціонныхъ учрежденіяхъ бѣсило его и своимъ острымъ чутьемъ онъ пронюхивалъ все, что могло способствовать развитію этого обновляющаго политическаго духа: каждая свободная школа, каждое толкованіе религіозныхъ истинъ, философія и исторія, литература и ученость, малѣйшее сомнѣніе въ непогрѣшимости его правленія — все это было ненавистно ему. Вслѣдствіе такого настроенія, онъ неумолимо мстилъ за каждое политическое возстаніе, то обрекая утопистовъ-прожектеровъ долговременному и тяжелому заточенію, то вдругъ принимая мѣры, которыя часто доводили до отчаянія и самоубійства даже невинныхъ [41]). Эти дѣйствія бросаютъ мрачную тѣнь на общую молву о добротѣ императора, молву, которую онѣ однако не могуть уничтожить. Въ дружескихъ аудіенціяхъ, которыя онъ давалъ каждому, хоть бы самому незначительному человѣку, онъ себѣ пріобрѣлъ несчетное число приверженцевъ утѣшительными рѣчами и благотвореніями; а ласковое обращеніе, съ которымъ онъ являлся среди преданнаго ему австрійскаго народа, доставило ему огромную популярность. Это былъ остатокъ отъ великой сокровищницы народнаго счастія, любви и вѣрности, которую онъ получилъ отъ своего отца вмѣстѣ съ престоломъ.

Равнодушіе австрійскаго народнаго характера.

Эта преданность существовала въ германскихъ наслѣдственныхъ земляхъ и тогда, когда въ болѣе развитомъ кругу уже разрасталась глухая ненависть къ правительственной системѣ императора; масса народа не раздѣляла этой ненависти, потому что не чувствовала политическаго и нравственнаго гнета (дѣйствующаго такъ сильно на людей развитыхъ). Мало того, эта масса, вслѣдствіе своего долговременнаго покоя и привычки къ безмятежной системѣ отеческой

---

[41]) Такъ случилось въ 1826 г. въ Прагѣ, когда одно студентское волненіе обнаружило, повидимому, присутствіе тамъ германскаго университетскаго духа. Такъ какъ нельзя было найти виновныхъ, то императоръ приказалъ отдать въ военную службу, безъ надежды на повышеніе, всѣхъ студентовъ, получившихъ въ послѣднее время дурныя отмѣтки. См. Шузелька «Oesterreichische Vor-und Rückschritte», стр. 154.

заботливости одного обо всѣхъ, сама просила бы государя дѣйствовать по старому, если бы онъ даже и не былъ наклоненъ къ такому образу дѣйствій. И это понятно: никогда не должно забывать, что установившееся положеніе народа и государственнаго управленія всегда составляетъ скорѣе причину, чѣмъ слѣдствіе правительственныхъ системъ и что то и другое вмѣстѣ почти всегда есть обыкновенное слѣдствіе народнаго характера и преобладающихъ всемірныхъ отношеній. Мелкія германско-австрійскія государства вели безпрестанныя войны сначала съ Венгріею и Богеміею, а впослѣдствіи съ турками, и за все долгое время этихъ войнъ не соединили своихъ интересовъ, не слились въ одно великое цѣлое. На этомъ разъединеніи, конечно, не могли основаться, какъ у другихъ народовъ, никакой естественный прогрессъ во внутренней жизни народовъ, никакой городской бытъ, никакое богатое, независимое гражданство. За то этотъ порядокъ вещей положилъ на народное развитіе долго сохранившуюся печать нѣкоторой наивности, а внутренней народной жизни онъ придалъ извѣстный идиллическій характеръ, котораго не сломили всѣ воинственныя движенія всѣхъ періодовъ, и который остался въ наши дни такимъ же, какимъ былъ во время Бабенберга Леопольда и Габсбурга Рудольфа. Тутъ образовались счастливые маленькіе народы, какъ напр. тирольцы, но не создался ни одинъ народъ, великій, какъ сосѣди австрійцевъ—швейцарцы; образовались люди, довольные своею судьбою, которые привязаны къ старинѣ и, не обнаруживая никакихъ стремленій къ самодѣятельности и самоуправленію, весело и добровольно подчиняются опекѣ церкви и правительства. Когда Германіи начала грозить опасность со стороны турокъ, эти раздробившіяся государства, съ какою-то инстинктивною податливостію, предоставили Габсбургскому дому сдѣлаться средоточіемъ могущественнаго охранительнаго государства и все болѣе и болѣе лишались самостоятельнаго и свободнаго народнаго развитія. Великаго пріобрѣтенія нѣмецкой реформаціи они не могли удержать, частію вслѣдствіе своего разъединенія, частію — испанскаго правительственнаго гнета, частію—мѣстныхъ обстоятельствъ. На главной поворотной точкѣ новой австрійской исторіи, во время Фердинанда II, когда явною цѣлью австрійскаго и богемскаго дворянства было — сломить и раздѣлить черезъ чуръ усилившуюся имперію, а Венгрію оставить на ея собственный произ-

волъ,—въ это время главный вопросъ заключался въ томъ: одержитъ-ли здѣсь побѣду протестантизмъ и власть дворянства, подъ опасеніемъ турко-маджарскаго положенія въ Венгріи, или въ этой пограничной землѣ удержится, помощію папства и деспотизма, нѣмецкій элементъ. Страшное ослабленіе провинціальнаго духа, дворянства и его преимуществъ было слѣдствіемъ сознанной необходимости — держать въ одной, неограниченной рукѣ замкнутую массу земель и народовъ. Съ тѣхъ поръ эти земли начали привыкать къ нѣмому служенію династическимъ интересамъ; австрійскій народный духъ былъ подавленъ и оставался въ этомъ положеніи тѣмъ долѣе, чѣмъ опаснѣе для раздѣленной страны становилось, послѣ избавленія отъ турковъ, новое могущественное сосѣдство Россіи. Другія, внутреннія обстоятельства принесли такіе же результаты. Государство сдѣлалось здѣсь могущественнымъ только въ то время, когда великій потокъ исторіи уже хлынулъ черезъ море, къ западу; вслѣдствіе этого у народа не было великихъ всемірныхъ поводовъ и побужденій — свободнѣе и дѣятельнѣе вращаться въ кругу промышленныхъ, умственныхъ и политическихъ интересовъ. Поэтому, когда императоръ Іосифъ предпринялъ свои важныя реформы церкви, народнаго обученія, поземельнаго владѣнія, промышленности и торговли,—не цѣлый народъ, соединенный одними общими интересами, отвѣчалъ ему благодарнымъ или неблагодарнымъ рвеніемъ, но сопротивленіе оказали въ отдѣльныхъ земляхъ отдѣльныя племена и сословія, руководимыя своими частными интересами. Напротивъ того, когда преемники Іосифа, напуганные французскою революціей, снова уничтожили все сдѣланное имъ, и уже въ то время приготовили у себя ту реакцію, которая въ другихъ государствахъ Европы началась только съ возстановленіемъ Бурбоновъ, — тогда всѣ провинціи изъявили безмолвное согласіе на эти мѣры. Огромное движеніе революціи прошло, за весьма незначительными исключеніями, совершенно безслѣдно для всей восточной Австріи. Нѣкоторыя французскія нововведенія пробили себѣ дорогу въ самыя оппозиціонныя государства, въ Польшу и Россію, но не могли проникнуть въ Австрію. Приманки Наполеона, напоминавшаго венгерцамъ о ихъ независимости и старавшагося расшевелить австрійцевъ неслыханными порицаніями ихъ правительства, не были въ состояніи потрясти вѣрноподданничество народа. Тирольцы не только въ 1809 г. по-

жертвовали собою за систему, недостатки которой были однако уже въ 1803 г. съ поразительною ясностью выставлены ихъ депутатами,—но и въ 1813 г. опи смирили свою ненависть къ Баваріи, для того чтобы не мѣшать политикѣ Меттерниха. Громаднѣйшія жертвы, цѣль которыхъ была рѣдко ясна народу, приносились имъ во время долгихъ войнъ безъ малѣйшаго ропота,—и императоръ Францъ, возвратившись на родину и принимая депутатовъ всѣхъ провинцій[1], имѣлъ полное основаніе благодарить своихъ вѣрноподданныхъ за ревностное исполненіе всѣхъ ихъ обязанностей. Также и тогда, когда вѣнскій конгрессъ раздавалъ государствамъ судьбы и управленія, въ Австріи никто не высказалъ склонности противодѣйствовать укоризнами и требованіями дѣйствіямъ правительства. Въ тѣхъ земляхъ, куда во время ихъ кратковременнаго отпаденія, проникли французскія постановленія, эти послѣднія были уничтожены безъ сопротивленія со стороны жителей, точно также какъ вошли онѣ туда помимо желанія ихъ; такъ въ Илліріи, французское законодательство было вытѣснено до такой степени[1], что бракъ гражданскій началъ считаться недѣйствительнымъ, если его не освящала церковь; въ Тиролѣ, Форальбергѣ, Зальцбургѣ снова были возстановлены одинъ за другимъ отчинные (патримоніальные) суды и дозволено учрежденіе новыхъ заповѣдныхъ имѣній [42]). Кромѣ того въ этихъ восточныхъ земляхъ не представлялось никакого повода къ реставраціи; тутъ не было никакого духа новизны, который требовалось бы подавить, не было элементовъ для новыхъ интересовъ, новой ненависти и честолюбія новыхъ партій, которыя во Франціи, Испаніи, Италіи, Германіи оставались какъ завѣщаніе послѣдняго времени. Никакія политическія идеологіи восторженнаго юношества не нарушали здѣсь свѣтлой и безмятежной жизни народа, который, будучи лишенъ образованія, не имѣлъ вслѣдствіе того никакихъ особенныхъ нуждъ и потребностей. Въ огромной столицѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, издавались только двѣ незначительныя и даже лишенныя содержанія газеты, и вся страна въ теченіи 30 лѣтъ почерпала свое поли-

[1] 29 Іюня 1814.

[1] Январь 1814.

42) Декреты отъ 19 іюня 1816, 4 іюля 1818, 19 октября 1816, 16 и 20 февраля 1817. Всѣ постановленія, которыя приводятся нами ниже, безъ ссылки на источники, находятся въ собраніи законовъ Гутты.

тическое образованіе изъ газеты иностранной. Въ 1821 г. лордъ Россель нашелъ въ Вѣнѣ полнѣйшее политическое отупѣніе, равнодушіе и незнаніе даже тѣхъ предметовъ, гнетъ которыхъ не могъ не быть чувствителенъ [43]). Во всѣхъ сочиненіяхъ, касающихся этого періода австрійской исторіи, у Генца, въ біографіяхъ Меттерниха и Шварценберга, написанныхъ Биндеромъ и Прокошемъ, въ безчисленныхъ путевыхъ запискахъ трудно найти малѣйшій намекъ на какое нибудь движеніе народной жизни; его не было даже тогда, когда революціи въ Испаніи, Италіи и Греціи волновали всю Европу и эти волненія, столь близкія къ Австріи, отзывались даже въ отдаленной Россіи, проносясь отъ Петербурга до Крыма. При такой апатичности этого народа, правительству его легко было оградить огромное тѣло его отъ какихъ бы то ни было прикосновеній внѣшняго движенія, а князю Меттерниху — выполнить гордое обѣщаніе свое — быть послѣднимъ въ дѣлѣ уступки всемірному движенію. Апатія, которая въ продолженіе столькаго времени была пагубою романскихъ народовъ, казалась роковою язвою въ австрійской тупой неподвижности. Тутъ, по теоріямъ Генца о равновѣсіи между прогрессомъ и застоемъ, не было повидимому ничего, что слѣдовало бы связывать и удерживать; оставалось только развивать и поддерживать. Ни въ одной странѣ это не могло совершиться съ меньшею безопасностью и безпечностью.

Знаменательныя начала первыхъ годовъ мира.

И дѣйствительно, въ первые годы новаго времени казалось, что въ Вѣнѣ не хотѣли нарушить гармонію мирной и спокойной жизни ни шумнымъ прогрессомъ, ни насильственною реакціею; казалось даже, что правительство, полное чувства внутренней самоувѣренности, не только у себя дома, но и въ чужихъ земляхъ, даже въ Италіи и Германіи, „благосклонно смотритъ на примѣненіе либеральныхъ началъ, лишь бы только оно происходило спокойно и въ порядкѣ“ [44]). То были первые медовые мѣсяцы, когда Меттернихъ произносилъ на Вѣнскомъ конгрессѣ либеральныя слова, когда онъ хотѣлъ сдѣлать Штейна президентомъ германскаго союза, когда открытіе сейма ознаменовалось рѣчами, полными обѣщаній, когда

[43]) Путешествіе по Германіи и нѣкоторымъ южнымъ провинціямъ Австріи въ 1820—22 гг. Лейпцигъ, 1825. 2 части.

[44]) Письмо въ жизнеописаніи Пертеса 2, 216.

императоръ, во время своего коронованія въ Зальцбургѣ, лично объявилъ свое рѣшеніе [45]) ввести форму правленія, сообразную съ духомъ времени и потребностями націи, когда, наконецъ, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ конституціи, хотя кажущіяся, были все таки возстановлены. Въ это время сословія Штиріи и Тироля еще имѣли право подавать и подавали просьбы, чего въ послѣдствіи уже не было; въ это же время Зальцбургцы въ одномъ прошеніи написанномъ почти въ дерзкомъ тонѣ!, осмѣливались высказывать же- 12 ноября 1816.
ланіе услышать изъ устъ императора: по его ли :волѣ обѣднѣвшіе жители Зальцбурга впали въ окончательную нищету и отданы на жертву медленной голодной смерти [46]). Въ то время (около 1816 г.) были боязливые люди, находившіе вѣнскую цензуру до того свободною, что она приводила ихъ въ ужасъ. А заслуживающіе довѣрія очевидцы изумлялись тому, что въ эту пору шаткихъ надеждъ и еще неопредѣлившейся системы въ Вѣнѣ, не меньше чѣмъ въ Пруссіи, борьба и столкновеніе политическихъ мнѣній, также какъ и свобода, съ которою эти послѣднія высказывались публично,—были равно велики. Въ то время еще былъ въ дѣйствіи цензурный уставъ 1810 г., по которому всѣ оппозиціонныя сочиненія о государственномъ управленіи были положительно дозволены и изъ котораго еще не было вычеркнуто Іосифово правило, что въ монархическомъ государствѣ никакое свѣтлое замѣчаніе, откуда бы оно ни пришло, не должно оставаться безъ вниманія. Въ то время также былъ еще въ силѣ гуманно-философскій планъ обученія, составленный въ 1805 г. и уничтоженный въ 1824; либеральные, даже протестантскіе учебники были не только терпимы въ школахъ, но употребленіе ихъ было даже обязательно [47]). Въ то время, наконецъ, въ Вѣнѣ ревностно заботились объ основаніи академіи наукъ,—планъ, за осуществленіе котораго принялись снова только въ сороковыхъ годахъ. Люди утѣшали себя надеждою видѣть гласное обнародованіе полнаго государственнаго бюджета; повсюду шли толки о предстоящемъ улучшеніи судопроизводства и о намѣреніи правительства сдѣлать его болѣе гласнымъ. Какъ будто для того,

---

45) Хроника Вентурини, 1816, стр. 84.
46) Въ книгѣ Цшокке: «Ueberlieferungen zur Geschichte unserer Zeit», I, стр. 325.
47) Allg. Zeitung. Прибавленіе къ номеру 5 ноября 1814 г.

чтобы доказать, что работы по развитію благодѣтельныхъ законовъ 1811 г. будутъ дѣятельно продолжаться, императоръ еще въ 1819 г. собственноручнымъ указомъ увеличилъ число членовъ законодательной коммиссіи и высказалъ свое ревностное желаніе — дать своимъ подданнымъ улучшенное судоустройство. Во всемъ государственномъ управленіи, въ первое время послѣ окончанія войны, самостоятельность и свободный образъ дѣйствій чиновниковъ были значительнѣе, а подозрительный надзоръ—меньше, чѣмъ въ позднѣйшіе годы мира. Тогда еще хлопотали о томъ, чтобы склонить на сторону австрійской политики общественное мнѣніе, особенно въ Германіи, и серьезно заботились о пріобрѣтеніи лучшихъ сотрудниковъ для вѣнскихъ газетъ, чтобы съ помощью ихъ дѣйствовать на Германію. Такой же свободный духъ какъ въ Вѣнѣ, замѣтенъ былъ и въ Миланѣ. Графъ Францъ фонъ-Сорау, бывшій въ 1816 г. президентомъ миланскаго правительственнаго совѣта,—почти единственный австріецъ того времени, на которомъ взглядъ останавливается съ удовольствіемъ и съ чувствомъ примиренія. Послѣ миланскаго архіепископа Гайсрука (Gaisruck), врага іезуитовъ, настроеннаго въ духѣ Іосифа, Сорау считался единственнымъ нѣмцемъ, смотрѣвшимъ на итальянцевъ съ сердцемъ и умомъ. Онъ старался, сколько возможно, поддерживать учрежденія и постановленія итальянскаго королевства; онъ возставалъ противъ происковъ и козней ультра-реакціонерной партіи духовенства, которая, подъ предводительствомъ Меллеріо, хотѣла возвратить Австрію къ постыдной реакціи 1799 г. и ко всѣмъ мрачнымъ ужасамъ папства и монашества; онъ совѣтовалъ правительству опираться на дѣятельное и просвѣщенное среднее сословіе; онъ, наконецъ, отваживался откладывать въ сторону и скрывать статуты тайныхъ обществъ и списки членовъ ихъ, доставлявшіеся ему въ большомъ количествѣ. Все это черты, совершенно свойственныя человѣку, который, впослѣдствіи служа въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, всегда былъ извѣстенъ какъ противникъ Меттерниха и, впавши въ немилость по подозрѣнію, былъ отправленъ посланникомъ въ Тоскану,—что равнялось ссылкѣ. Съ окончаніемъ его оффиціальной дѣятельности въ Миланѣ, окончилось и это либеральное направленіе. Поворотъ къ худшему обозначился въ Миланѣ губернаторствомъ Страссольдо (1818 г.), а въ Вѣнѣ — назначеніемъ графа Седльницкаго президентомъ по-

лиціи[1]. Тогда-то начались противодѣйствіе всему чужеземному, строжайшее наблюденіе за обученіемъ, за устною и письменною рѣчью, шпіонство и доносы (отъ которыхъ прежде пострадало римское государство), — словомъ, всѣ тѣ мѣры, которыя, съ тѣхъ поръ до 1848 г., оставались неизмѣнными и характеристическими чертами австрійской правительственной системы. О тѣхъ событіяхъ въ Германіи и Франціи, которыя содѣйствовали этому быстрому и рѣшительному повороту, мы будемъ говорить ниже; но о томъ, что вызвало этотъ поворотъ въ самой австрійской имперіи, необходимо разсказать теперь же.

[1] 19 мая 1817.

Австрійская Италія.

Судьбѣ угодно было, чтобы, при внѣшнемъ возстановленіи Австріи, къ ея покойнымъ, покорнымъ и неподвижнымъ народамъ и землямъ прибавилась или возвратилась составная часть, бывшая произведеніемъ французской революціи и вслѣдствіе того неминуемо долженствовавшая подвергнуться внутренней реставраціи. Отъ упраздненнаго итальянскаго королевства снова подпали подъ власть Австріи Ломбардія, отдѣлившаяся отъ нея еще въ 1797 г., и Венеціянская область, часть которой, до рѣки Эчь, также принадлежала Австріи съ 1797 до 1805 годовъ. Стоило только припомнить прежній характеръ австрійскаго владычества въ этихъ земляхъ, чтобы не имѣть причинъ думать, что съ этихъ поръ управленіе ими будетъ существенно отличаться отъ управленія другими частями имперіи. Кратковременное владычество надъ Венеціей отличалось кротостью и повлекло за собою нѣкоторыя матеріальныя улучшенія; притомъ же венеціанцы, также какъ и австрійцы, давно привыкли къ подчиненію и полицейскому управленію, и возвратившіеся къ нимъ въ 1815 году австрійскіе агенты снова нашли ихъ послушными, добрыми и преданными. Ломбардія же подъ властью Австріи въ XVIII стол. пережила эпоху, которую Ботта назвалъ повторившимся золотымъ вѣкомъ. Въ то время итальянцы и австрійцы жили еще въ мирномъ согласіи; революціонный духъ еще не посѣялъ взаимной подозрительности между правительствомъ и народомъ, а тѣмъ менѣе ненависти партій между обоими народами; итальянскіе сановники занимали высшія мѣста въ Вѣнѣ, точно также какъ нѣмецкіе — въ Миланѣ; итальянцы съ удовольствіемъ видѣли свое умственное превосходство, когда ихъ литература и языкъ проникли въ Вѣну, когда музыка ихъ начала преобладать въ этой столицѣ, когда Зено, Метастазіо,

Касти жили въ ней на правахъ туземцевъ. Представители австрійскаго правительства въ Миланѣ оказывали либеральное покровительство умственному движенію времени Мураторы, Беккаріи и Верри,—движенію, которое въ продолженіи всего слѣдующаго времени, даже до періода самаго страшнаго австрійскаго гнета [48]), дѣлало Миланъ средоточіемъ итальянской литературы; она воодушевляла патріотовъ такъ называемой brigata del café, откуда Беккаріа, Парини, Висконти, Лонги и др. оказывали энергическое противодѣйствіе старымъ предразсудкамъ и испорченнымъ нравамъ; духовенство въ странѣ гибеллиновъ отличалось свободнымъ духомъ и насчитывало въ своей средѣ множество янсенистовъ; управленіе было національное и, не смотря на свой произволъ, пользовалось славою заботливаго охранителя общественныхъ интересовъ. Счастливый удѣлъ поколѣнія того времени такъ сильно напечатлѣлся въ сердцахъ немногихъ итальянцевъ XIX в., знавшихъ о немъ изъ исторіи, что такой человѣкъ, какъ графъ даль-Поццо, который самъ былъ преслѣдуемъ Австріею, настоятельно совѣтовалъ [49]) своимъ пропитаннымъ ненавистью соотчичамъ возвратить прежнія времена; онъ совѣтовалъ имъ для этого покориться необходимости давняго чуждаго владычества, и покорить его въ свою пользу; онъ совѣтовалъ имъ — стараться, посредствомъ предупредительности и примиренія, сдѣлать австрійское правительство въ Италіи національнымъ; онъ совѣтовалъ имъ, — вмѣсто того, чтобы отдѣляться отъ Австріи и тѣмъ создать себѣ опаснаго претендента, — извлекать изъ австрійскаго владычества туже выгоду для Италіи, которую многіе нѣмцы считали возможнымъ извлечь для Германіи изъ гегемоніи Пруссіи. При этомъ благонамѣренномъ совѣтѣ, конечно, далеко не принималось въ разсчетъ, что судьбы двухъ послѣднихъ десятилѣтій, — судьбы, въ которыхъ итальянцы были мало чѣмъ виноваты, — положили непреодолимыя препятствія къ возвращенію прежняго порядка вещей. Въ то время французскія республики пробудили въ Италіи мысль о свободѣ, а съ нею и старыя симпатіи, которымъ давали новую пищу произведенія лю-

---

48) См. сочиненіе Впессé «Italien im 19 Jahrhundert». 1, 99.

49) Della felicita che gl' Italiani possono e debbono dal governo Austriaco procacciarsi. Dal conte Ferd. dal Pozzo. Paris 1833.

бимыхъ писателей той эпохи. Послѣ паденія этихъ республикъ, въ Италіи осталась привычка къ національной жизни, осталось, по крайней мѣрѣ, названіе и подобіе независимости—(а и это такъ много значитъ для итальянской фантазіи и умѣренности!). Слава Наполеона, которому итальянцы могли удивляться, какъ величайшему изъ своихъ кондотьеровъ, отчасти отразилась и на нихъ. Они легче сносили гнетъ его владычества, потому что этотъ гнетъ сопровождался благодѣтельными и леберальными учрежденіями, потому что это правительство часто дѣйствовало въ духѣ Іосифовыхъ постановленій, потому что самые агенты его порицали его темныя стороны, потому что, наконецъ, каждый чувствовалъ и понималъ, что оно со временемъ минетъ. То были залотыя цѣпи, на снятіе которыхъ всѣ граждане питали твердую надежду. Такимъ образомъ, когда австрійцы вернулись въ Италію, итальянцы уже не были тѣ, что прежде, да и побѣдители принесли теперь съ собой уже не прежнюю правительственную систему. И это было не одно только враждебное предположеніе, но Ломбардія уже знала, что Австрія, во время второй коалиціи, далеко ушла назадъ и въ 1799 г. самымъ безсмысленнымъ образомъ преслѣдовала дворянство и всѣхъ, отдавшихся непреодолимому движенію того времени. Можно было предвидѣть, что Австрія уже потому не вернется къ людямъ и принципамъ терезіанскаго времени, что французское правительство крѣпко держалось за нихъ. Притомъ же, тогдашняя Австрія, также какъ и Наполеоновская Франція, уже не была такою безвредною державою, какъ являлась она въ XVIII ст. Если теперь даже Англія опасалась усилившагося значенія Пруссіи, то какъ же могла Италія не бояться возросшаго могущества Австріи? Даже въ умственной области, ревность итальянцевъ раздражалась тѣмъ, что ея прежнее превосходство въ музыкѣ и поэзіи перешло теперь къ Австріи и Германіи,. литературѣ которыхъ, вслѣдствіе того, противодѣйствовали раздраженные итальянскіе патріоты, въ тоже время однако преклонявшіе предъ нею голову. Всѣ эти общія основанія глубокаго разъединенія двухъ, нѣкогда дружественныхъ народовъ, приняли громадные размѣры вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, при которыхъ австрійцы вернулись въ Италію.

Паденіе итальянскаго королевства.

Для Италіи, какъ и для Германіи, случай къ пріобрѣтенію независимости представлялся въ кризисѣ 1812—1814 г.; но итальянцы

не воспользовались этимъ случаемъ, да весьма немногіе изъ нихъ и поняли его. Послѣ того какъ это время было упущено, всѣ попытки къ полученію независимости и свободы были только пустыми и неосуществимыми грезами страстныхъ заговорщиковъ. Между тѣмъ какъ въ Пруссіи, въ то время и прежде, все стояло на сторожѣ и ревностнѣйшіе нѣмецкіе патріоты были непримиримыми врагами Наполеона, или открыто возстававшими противъ него, или строившими противъ него козни на чужбинѣ,—въ Италіи, Фосколо и подобные ему люди оставались только недовольными слугами и не переставали видѣть свое спасеніе въ непобѣдимомъ счастіи властителя. Въ періодъ отъ ноября 1813 г. до апрѣля 1814 г., когда обстоятельства требовали принятія рѣшительныхъ мѣръ, мнѣніе большинства было таково, что войско итальянскаго королевства могло бы повелѣвать судьбою полуострова, если бы вице-король Евгеній, которому оно было вполнѣ предано, послѣдовалъ увѣщаніемъ своего тестя, короля баварскаго, и, сговорившись съ Мюратомъ, рѣшился бы оставить интересы Франціи. Но несогласіе, которое Наполеонъ, съ цѣлью обезпеченія своей диктатуры, намѣренно поддерживалъ между Евгеніемъ и Мюратомъ, принесло только вредъ какъ имъ обоимъ, такъ и Италіи. Когда въ 1814 г. Наполеонъ потребовалъ Евгенія съ войскомъ въ Ліонъ,—то Евгеній не послушался и привелъ въ свое оправданіе положеніе Мюрата при Минчіо и хитрости его съ генералами итальянскаго войска (Пино, Леки и др.); но ни Мюратъ не рѣшился воспользоваться настроеніемъ этихъ своихъ друзей, ни Евгеній не осмѣлился отдѣлиться отъ Наполеона, такъ какъ онъ не былъ увѣренъ въ своей силѣ и народной привязанности для того, чтобы привлечь на свою сторону всѣ партіи итальянскаго королевства. Безнравственное поведеніе его двора, его собственное высокомѣріе и упрямство, тяжесть податей и воинской службы, — все это пресытило французскимъ владычествомъ многихъ, даже тѣхъ, которые извлекли изъ него выгоды, даже Миланъ, чрезвычайно много выигравшій въ это время. Предпочтеніе, оказывавшееся по службѣ Французамъ, отвратило отъ Евгенія большую часть дворянства; еще въ послѣднее время противникомъ вице-короля сдѣлался вліятельный интриганть, генералъ Пино, котораго онъ уволилъ отъ должности; другіе дворяне и духовные были проникнуты австрійскимъ духомъ, частью вслѣдствіе старой зависимости, частію, какъ это было съ

графами Гамбарана, Гвиччіарди и Кастильони, на основаніи принципа неподвижности. Рядомъ съ этими двумя группами враговъ Франціи, въ Миланѣ дѣйствовала еще третья партія „чистыхъ итальянцевъ“; то были, большею частью, молодыя, горячія головы, думавшія достигнуть великой цѣли независимости отъ всякаго чуждаго господства самыми легкими и необдуманными средствами и опиравшіяся только на пустыя обѣщанія, заключавшіяся въ прокламаціяхъ англійскихъ или австрійскихъ генераловъ, Бентинка и Нюгента [50]). Изъ предводителей этой партіи особенно извѣстенъ графъ Конфалоньери, который главнымъ образомъ успѣвалъ въ политическихъ проискахъ, благодаря своимъ массонскимъ связямъ; „чистые итальянцы“ собирались въ домѣ адвоката Траверси и подъ предсѣдательствомъ его жены, которую Фосколо называетъ одною изъ тѣхъ славою покрытыхъ прелюбодѣекъ, которыя нерѣдко пользовались въ католическихъ земляхъ политическимъ вліяніемъ. Естественнымъ союзникомъ этихъ индепендентовъ должна была бы сдѣлаться французская партія, членовъ которой было особенно много въ войскѣ; но близорукіе патріоты держались отъ нихъ въ отдаленіи и вслѣдствіе того сдѣлались жертвою интригантовъ партіи австрійской, бывшей самою могущественною, потому что ей благопріятствовали могущественныя обстоятельства. При столкновеніи этихъ раздробленныхъ сектъ, Миланъ въ апрѣлѣ 1814 г. былъ свидѣтелемъ явленій, служившихъ печальнымъ подражаніемъ тому, что незадолго до того произошло въ Парижѣ и снова повторилось тамъ въ іюнѣ 1815 года. Евгеній уже тогда обезоружилъ себя, когда, вслѣдствіе договора съ австрійскимъ генераломъ Бельгардомъ, отправилъ свои французскія войска обратно во Францію; онъ довольствовался тѣмъ, что въ Мантуѣ собрался съ силами на сколько это было возможно, потомъ просилъ союзниковъ о сохраненіи его трона и ходатайствовалъ у миланскаго сената о заступничествѣ. Но въ сенатѣ, который хотѣлъ зарекомендовать себя передъ новыми властителями и старался прикрыть личиною любви къ отчизнѣ неблагодарность свою къ Наполеону, котораго онъ былъ создані- 16 апрѣля 1814.

50) Въ прокламаціи Нюгента, обнародованной 10 декабря 1813, во имя regno d'Italia indipendente, сказано было: «Avrete tutti a divenire una nazione indipendente.»

емъ,—австрійская партія была уже достаточно могущественна для того, чтобы избрать изъ среды своей вторую депутацію, которая должна была, не указывая какого именно государя она желала имѣть, просить только о сохраненіи итальянскаго королевства. Итальянская партія, соединясь съ приверженцами австрійской, успѣла вызвать протестъ въ массѣ народа, которая считала сенатъ слѣпо преданнымъ Евгенію; протестъ этотъ требовалъ созванія избирательныхъ коллегій (народное представительство); прежде, чѣмъ онъ принесъ какіе нибудь результаты, одна сцена злодѣянія вызвала всеобщее волненіе. Въ подобное время, возстаніе противъ падающей власти — вещъ весьма обыкновенная повсюду, а тѣмъ болѣе въ Италіи, гдѣ каждое возмущеніе — настоящій праздникъ для черни. Однакожъ почти всѣ итальянскія сочиненія [51]) единогласно приписываютъ происшествія того дня искусному и хорошо разсчитанному плану предводителей австрійской и либеральной партій. Утверждаютъ, что графъ Гамбарана, уже прошколенный подобными сценами въ Павіи, сошелся прежде съ графомъ Пино, который въ былое время работалъ для Мюрата и въ этотъ день даже думалъ получить роль короля; въ тоже время онъ соединился съ партіею либераловъ, которыхъ главу, Конфалоньери, видѣли въ день возстанія впереди грубыхъ шаекъ, нарочно приведенныхъ для этого изъ Наварскаго герцогства. Шайки эти осадили сенатъ, между тѣмъ какъ Пино присматривалъ за войсками, разогнали сенаторовъ, предались грабежу и съ малодушною жестокостью убили ненавистнаго министра финансовъ, графа Прина. Собравшіяся въ неполномъ составѣ избирательныя коллегіи сыграли теперь кратковременную роль революціонной власти. Они учредили временное правительство, въ которомъ однакожъ большая часть членовъ состояла изъ австрійцевъ; правительство это послало къ со-

20 апрѣля.

[51]) Позорная и позорящая историческая записка сената: «Sulle rivoluzione di Milano seguita nel giorno 20 aprile 1814. Parigi 1814» и возраженія на нее графа Пино, также какъ и письмо Конфалоньери, теперь сдѣлались лишними вслѣдствіе новыхъ разсказовъ объ этомъ происшествіи: «Studi intorno alla storia della Lombardia negli ultimi 30 anni, 1847». Французское изданіе Леза-де-Пона появилось въ Парижѣ въ 1846. См. также: графъ Гвиччіарди: «Relation hist. de la révol. du royaume d'Italie en 1814, Парижъ 1822, и Гвалтеріо: «Gli ultimi rivolgimenti italiani, 2, 94 и слѣд.

юзникамъ третью депутацію и просило предоставить имъ самостоятельную свободу и дать новаго государя. На просьбу депутататовъ не послѣдовало никакого отвѣта, не смотря на то, что новое регентство, для облегченія заключенія договора, рѣшилось превратить слишкомъ долго сохранившееся королевство въ тѣсное герцогство Миланское прежняго времени, а Венецію предоставить на ея собственный произволъ. Даже Кестльри сухо посовѣтовалъ депутатамъ терпѣливо подчиниться австрійскому абсолютизму; а въ англійскомъ парламентѣ на упреки по поводу раздѣленія Италіи министры отвѣчали вопросомъ: что же сдѣлали итальянцы для того, чтобы съ ними обращались иначе, какъ съ покореннымъ народомъ? При этомъ вопросѣ даже такой другъ отчизны, какимъ былъ Фосколо, долженъ былъ сознаться, что королевство итальянское пало, не сдѣлавъ даже попытки предотвратить это паденіе—деньгами-ли, увѣщаніями или оружіемъ. И онъ былъ правъ: при вѣсти о происшествіяхъ 20 апрѣля, возвѣщавшихъ Евгенію его паденіе, онъ тотчасъ же передалъ Мантую австрійцамъ; затѣмъ, когда Соммарива появился въ Миланѣ, чтобы во имя союзниковъ вступить во владѣніе королевствомъ, когда послѣ того Бельгардъ объявилъ это послѣднее упраздненнымъ, занялъ предсѣдательское мѣсто во временномъ правительствѣ и, наконецъ, объявилъ присоединеніе Ломбардіи къ Австріи,—ни одна рука не поднялась, ни одинъ языкъ не пошевелился, чтобы приготовить Италіи, если ужъ не спасеніе, то по крайней мѣрѣ паденіе, полное славы. Только войско было устранено знаменитымъ Фосколо отъ всякаго участія въ этомъ позорѣ; онъ самъ всячески старался возбудить его къ дѣятельности. Еще въ то время, когда Евгеній находился въ Мантуѣ, не зная на что рѣшиться, Фосколо, съ нѣсколькими офицерами, составилъ заговоръ, который долженъ былъ заставить Евгенія или Мюрата дѣйствовать; но взаимное недовѣріе заговорщиковъ сдѣлало ихъ малодушными и предпріятіе окончилось изъявленіемъ покорности Евгенію. Потомъ, послѣ 20 апрѣля, Фосколо служилъ своимъ перомъ Висконти и др., приглашавшимъ своихъ товарищей довѣриться „великому итальянцу“ (графу Пино), миланскому Фуше, который, какъ только угадалъ намѣренія союзниковъ, отклонилъ заговорщиковъ-мюратистовъ отъ ихъ намѣренія словами: „правительство хочетъ независимости Италіи также какъ и вы сами!“ Точно также, когда коммисары союзни-

23 апрѣля. 26 апрѣля. 25 мая. 12 іюня.

*

ковъ были уже въ Миланѣ, Фосколо лично старался возбудить войско къ дѣятельности и отправился по дорогѣ въ Геную къ Бентинку, но, отозванный на половинѣ пути, обратился за совѣтомъ къ генералу Макферлапу, посовѣтовавшему ему отказаться отъ своихъ плановъ, что́ Фосколо и исполнилъ. Но если бы на самомъ дѣлѣ цѣлью Фосколо и войска было только паденіе съ честью, то чужеземецъ, конечно, не долженъ былъ бы знать объ этомъ отчаянномъ рѣшеніи, а тѣмъ менѣе его совѣтъ могъ бы побудить ихъ отказаться отъ него. То, что случилось въ войскѣ, также какъ и то, что произошло между гражданами Милана, указываетъ на одинаковые внутреннія раздоры и нерѣшительную слабость, и австрійцы съ первыхъ дней своего возвращенія могли наслаждаться зрѣлищемъ, какъ всѣ партіи старались насытить свою ненависть грязью взаимныхъ клеветъ. Очевидцы говорили Фосколо, что Бельгардъ получалъ каждую недѣлю сотни доносовъ, которые онъ сожигалъ, не читая. Къ довершенію зла, покушенія наполеонистовъ продолжались, не смотря на ихъ безсиліе. Генералы поставили во главѣ возстанія, которое они еще теперь хотѣли произвести въ народѣ и войскѣ, Ахиллеса Фонтанелли, также находившагося въ сношеніяхъ съ Фосколо; но въ самую рѣшительную минуту Ахиллесъ отказался. Бельгардъ узнавъ объ этомъ заговорѣ, отправилъ въ ноябрѣ итальянскія войска въ Германію и чрезъ посредство своего родственника, принявшаго имя С.-Эньяна, вывѣдалъ подробности дѣла. Посредствомъ другой хитрости узнали еще большія подробности отъ полковника Гаспаринетти, одного изъ тѣхъ трехъ поэтовъ, о которыхъ Евгеній говорилъ, что они (Гаспаринетти, Фосколо и Черони) давали ему больше дѣла, чѣмъ все его войско. Въ концѣ 1814 г. и въ январѣ 1815 г., онъ и генералы Теодоръ Лекки, Беллотти и Демайстеръ, полковники Варезе, Оливи, Каведони, Моретти и другіе граждане, въ числѣ которыхъ находились кавалеръ Брунетти и врачъ профессоръ Разори, были арестованы и перевезены въ Мантую, въ тюрьму св. Григорія. Слѣдствіе надъ ними
11 апрѣля 1814. окончилось скоро[1]; государственный прокуроръ приговорилъ ихъ къ смертной казни, но такъ какъ слѣдственная коммиссія нашла, что они виновны не въ заговорѣ, а только въ умышленномъ недонесеніи о немъ, то ихъ осудили на пятилѣтнее тяжкое заключеніе, съ перспективою царскаго помилованія. Это помилованіе по-

слѣдовало только чрезъ три года и состояло въ томъ, что срокъ заточенія былъ сокращенъ до полутора года, причемъ однако три прошедшіе года не были приняты въ зачетъ!

Роковое начало австрійскаго владычества.

Эти несчастные случаи въ войскѣ были только частнымъ примѣромъ тѣхъ ужасныхъ, заслуженныхъ и незаслуженныхъ бѣдствій, которыми ознаменовалось начало австрійскаго владычества. Въ процессѣ заговорщиковъ тотчасъ же началась та утайка вины и обвинительныхъ пунктовъ и та рельефность приговора, вслѣдствіе которыхъ поступки австрійцевъ съ политическими преступниками получили въ глазахъ итальянцевъ ненавистный видъ инквизиціи. Но еще прежде того, другія мѣры породили всеобщее негодованіе. По повелѣнію правительства[1], всѣ франмасонскія ложи, пользовавшіяся въ этой странѣ долговременнымъ покровительствомъ, были закрыты; открытые члены массонства подвергались съ этихъ поръ постоянному надзору и были исключены изъ всякаго участья въ государственной службѣ. Другой декретъ[1] былъ направленъ противъ дезертировъ и формально обязывалъ гражданъ и врачей быть доносчиками; но онъ вызвалъ собою самое вѣрное укрывательство, которое у итальянцевъ, въ членахъ одной и той же партіи, также характеристично, какъ характеристична въ членахъ различныхъ партій вѣроломная ненависть. Нужда и дороговизна распространились во всей странѣ, фабрики стояли безъ работы, торговля совершенно прекратилась; множество жителей увидѣло себя въ необходимости переселиться въ другія земли,—правительство не выдавало имъ паспортовъ. Повсюду высказывались требованія касательно пониженія податей, особенно податей личныхъ, лежавшихъ тяжелымъ бременемъ на бѣдномъ классѣ; но правительство съ неумолимою строгостью требовало[1] немедленной ихъ уплаты. Такъ прошелъ первый годъ среди смутъ, неизбѣжныхъ при переходномъ состояніи. Прежнія министерства были теперь замѣнены новыми, прежній порядокъ управленія уничтоженъ, но мѣста его все таки не заступила какая нибудь прочная система. Французскія времена до такой степени пріучили народъ къ постояннымъ перемѣнамъ, что даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ было бы трудно склонить новое мнѣніе на сторону новаго правительства; при этомъ же всеобщемъ недовольствѣ и озлобленіи, ниспроверженіе послѣдняго и прочнаго порядка послужило только къ тому, чтобы расположить

[1] 26 авг. 1814.

[1] 26 октября.

[1] 8 янв. 1825.

умы къ желанію новыхъ перемѣнъ. Пока Генуя не слилась съ Сардиніею, въ Венеціи поддерживались слухи о независимости итальянскаго королевства. Въ началѣ 1815 г. все было въ броженіи; прокламаціи на стѣнахъ Венеціи, воззванія въ Веронѣ напоминали о правахъ народа и призывали къ оружію. При извѣстіи о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы, все затрепетало отъ ожиданія; движеніе партій въ Миланѣ, волненіе въ Венеціи дошли до того, что специальные суды (Specialhöfe), упраздненные только за нѣсколько мѣсяцевъ до
31 марта. этого времени, были снова возстановлены. И долго еще, въ продолженіе слѣдующихъ лѣтъ, каждая вѣсть о возстаніи въ французскомъ или испанскомъ войскѣ, каждый слухъ о новомъ появленіи Наполеона, каждое извѣстіе о конституціи, дарованной отдаленной ли Польшѣ или сосѣдней Баваріи, — воспламеняли пылкій народъ и вселяли въ него лихорадочную жажду перемѣнъ или уступокъ. Во время опасныхъ обстоятельствъ ста-дней, австрійское правительство дѣйствительно увидѣло себя въ необходимости усту-
7 апрѣля. пить общему движенію. Оно объявило объ учрежденіи Ломбардо-венеціанскаго королевства съ вице-королемъ, какъ это было при Наполеонѣ,—слѣдствіемъ чего должно было сдѣлаться сохраненіе „національности, которой, по справедливости, придавали такую цѣну" и приспособленіе организаціи королевства „къ характеру и обычаямъ итальянцевъ." Но какъ будто для того, чтобы отомстить за эту уступку немедленно по минованіи опасности, правительство
12 августа. издало декретъ, возстановлявшій ненавистную конскрипцію (на уничтоженіе которой итальянцамъ, какъ и французамъ, постоянно подавались лживыя надежды); декретъ этотъ вызвалъ однако такое громкое неудовольствіе, что исполненіе его было отложено на два года. За этимъ снисхожденіемъ послѣдовала потомъ еще бо-
Грамота 10 дек. 1820. лѣе отяготительная система, удвоившая срокъ службы и кромѣ того возбуждавшая негодованіе неравнымъ примѣненіемъ ея, благодаря подкупности чиновниковъ. Рядомъ съ этими мѣрами были приняты другія, обнаружившія первоначальное намѣреніе правительства—держать двѣ главныя части королевства въ возможно-большемъ разъединеніи, образовавъ изъ нихъ двѣ провинціи, подъ властью двухъ губернаторовъ, съ совершенно различными особенностями управленія и податной системы, — провинціи, раздѣленныя даже таможенною линіею, которая была уничтожена только въ 1822 г.

Это обстоятельство превратило въ пустую мечту обѣщанное сохраненіе національности, то же самое сдѣлалось и съ надеждою на организацію, приспособленную къ характеру и обычаямъ итальянцевъ. Когда вице-королемъ былъ назначенъ эрцгерцогъ Антонъ', общественное настроеніе замѣтно измѣнилось къ лучшему. Пробудилась надежда на возвращеніе стараго, національнаго управленія 18 стол., на возстановленіе власти вице-короля съ тѣми же правами, которыя имѣлъ эрцгерцогъ Фердинандъ при Маріи Терезіи. Когда же ничего этого не оказалось, Антонъ сложилъ съ себя званіе вице-короля, а мѣсто его заступилъ эрцгерцогъ Райнеръ', не имѣвшій никакого значенія и силы, не смотря на то, что императоръ Францъ увѣрялъ въ Лайбахѣ графа Оттолини, что онъ предоставилъ ему полную власть. Весь пропитанный самолюбіемъ, Райнеръ въ теченіе своего тридцатилѣтняго управленія не выказалъ никакого сочувствія къ странѣ, никакого сознанія достоинства своего положенія. Не питая никакого довѣрія къ австрійскому владычеству въ Италіи, онъ, по словамъ самого императора, думалъ только о томъ, какъ бы „заработать денегъ", которыя онъ старательно хранилъ внѣ Италіи. Власть свою онъ передалъ обоимъ губернаторамъ, точно также, какъ эти послѣдніе отдавали свою власть въ руки вѣнскихъ придворныхъ чиновниковъ. Что касается до организаціи, долженствовавшей быть приспособленной къ національному характеру, то въ этомъ отношеніи были введены одинъ за другимъ австрійскій законъ о бракахъ', австрійское уголовное законодательсво, австрійское судопроизводство' и австрійскіе гражданскіе законы', — и все это безъ малѣйшаго примѣненія къ нравамъ и обычаямъ страны. Даже тотъ, кто былъ искренно увѣренъ въ превосходствѣ австрійскаго гражданскаго законодательства, поневолѣ соглашался, что въ немъ были существенные пробѣлы именно по отношенію къ Италіи; сюда относится, напримѣръ, вопросъ о правѣ собственности на протечную воду. Что касается до уголовныхъ законовъ, то приговоръ надъ ними произнесли такіе факты, какъ число и свойство разбоевъ въ Ломбардіи и ночные военные караулы въ Миланѣ, какъ будто въ городѣ, находящемся въ осадномъ положеніи. И этимъ законамъ австрійцы воздавали всевозможную хвалу, но въ примѣненіи къ Италіи находили въ высшей степени вредными ихъ кротость, неудобный порядокъ судопроизводства и

' 7 апр. 1816.

' 8 янв. 1818

' 16 апр. 1815.

' 29 іюля.

' 16 октября.

особенно отсутствіе суда присяжныхъ, который, по ихъ мнѣнію, былъ необходимъ при безсовѣстности итальянцевъ и ихъ искусствѣ опровергать всякое, основанное на доказательствѣ, обвиненіе. Вслѣдствіе того, даже агенты правительства оспаривали пользу примѣненія этихъ законовъ къ Италіи [52]). Затѣмъ, самое большее неудовольствіе было вызвано тѣмъ, что во всѣхъ судахъ высшія должности и предсѣдательскія мѣста занимались нѣмцами; въ обоихъ апелляціонныхъ судахъ постояннымъ правиломъ было — составлять уголовныя отдѣленія только изъ нѣмцевъ. Туземцы не вѣрили въ правильность судопроизводства, которою судьи тщеславились, и въ одной памятной запискѣ придворной канцеляріи [53]) находится сознаніе, что даже въ тѣхъ гражданскихъ дѣлахъ, гдѣ дѣло шло о казенныхъ интересахъ, нечего было разсчитывать на справедливость. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что и дѣйствительно благія дѣйствія австрійскаго правительства, которыхъ нельзя было отнять даже у ея полиціи по отношенію къ обыкновеннымъ дѣламъ торговли, общественнаго здоровья и религіи,— не вызывали никакой благодарности. Мнѣніе графа Лазанскаго, что „Италію надо германизировать", было достаточно для того, чтобы вселить въ сердца народа самыя мрачныя опасенія. И національная ненависть такъ глубоко засѣла въ эти сердца, что онѣ сдѣлались неспособными къ воспріятію всякаго другаго чувства. Вслѣдствіе этого, уже до враждебнаго разрыва 1820 г. итальянская народная сатира называла нѣмцевъ одною изъ трехъ язвъ, насланныхъ судьбою на Италію [54]).

Развитіе полицейской системы въ Италіи.

Взаимное недовѣріе правительства и народа, при взаимной антипатіи ихъ, дошло въ первые же годы до такой степени, что развитіе полицейской системы и шпіонства уже тогда начало принимать огромные размѣры. Эти искусства перешли изъ Италіи, гдѣ въ нихъ особенно отличались Медичисы и венеціанская аристакратія, въ Австрію и теперь снова мстительно обрушились на Италію; по словамъ Австрійцевъ, главными мастерами въ этихъ дѣлахъ и

[52]) Письмо кавалера Менца къ Меттерниху, отъ 17 авг. 1833; въ сочиненіи Гвалтеріо, 1, 429.

[53]) Въ Documenti della guerra santa, fasc. 14.

[54]) Ecco d'Italia i fati: Tifo, tedeschi e frati.

теперь остались итальянцы, по увѣренію же этихъ послѣднихъ — вѣроломные тирольцы. Послѣ открытія заговора 1815 г., молодежь, находившаяся въ сношеніяхъ съ тайными обществами Рима, Неаполя и Генуи, на нѣтоторое время оробѣла. Директоръ цензуры Брамбилла, въ донесеніяхъ, посылавшихся имъ въ Вѣну, въ началѣ 1816 г. называлъ число недовольныхъ ничтожнымъ до смѣшнаго и безславнымъ. Но мѣсяцъ спустя онъ уже говорилъ о партіи друзей конституціи и независимости, какъ о чрезвычайно сильной и объяснялъ, что она составлена изъ недовольныхъ всевозможныхъ родовъ. Правительство и его слуги были насквозь пропитаны подозрѣніемъ, что эти недовольные находятся въ тайныхъ сношеніяхъ со всѣми чужеземцами, какъ правительствами такъ и частными лицами. Англійскіе путешественники, не скрывавшіе своихъ мыслей о современныхъ событіяхъ, считались эмиссарами, старавшимися добыть Англіи приверженцевъ на всемъ пространствѣ отъ Далмаціи и Корфу до Милана и Генуи. Даже въ Египетъ проникало шпіонство австрійской полиціи; подъ защитою Мегмета-Али оно слѣдило тамъ за франмасонскими обществами, которыя англичане хотѣли употребить въ свою пользу въ Италіи и Германіи [55]). Французскіе путешественники и переселенцы подвергались строгому надзору, за правительственными шпіонами Людовика XVIII слѣдили въ свою очередь шпіоны австрійскіе. Дѣйствія русскихъ дипломатовъ и консуловъ, Каподистріи, Наранци (двоюроднаго брата Фосколо) въ Венеціи, графа Алтести, Италинскаго въ Римѣ — наблюдались съ самою большою внимательностію, столько же по причинѣ ихъ русскихъ происковъ, сколько вслѣдствіе ихъ греческихъ проектовъ. Правительство подозрѣвало участіе Россіи въ анти-австрійскомъ союзѣ папы съ итальянскими князьями, — союзѣ, о которомъ извѣщали полицейскія донесенія 1817 — 1818 годовъ и который, по ихъ справкамъ, имѣлъ цѣлью раздѣленіе Италіи между Неаполемъ, Римомъ, Моденою и Сардиніею, съ предоставленіемъ извѣстнаго вознагражденія Россіи [56]). Ничто не могло быть натуральнѣе такихъ слуховъ и такихъ опасеній. Австрійская диктатура, съ первыхъ дней своего появленія въ Италіи, такъ жестко дала себя

---

[55]) Carte segrete. Донесеніе изъ Венеціи отъ 1 дек. 1818 г.

[56]) Гвалтеріо, 1, 31.

почувствовать этой странѣ, что привела въ равное негодованіе народы и правительства. Австрійскія войска занимали Піемонтъ и, не смотря на просьбы короля объ удаленіи ихъ, исполнили это только въ 1816 г., разрушивъ прежде важныя укрѣпленія, воздвигнутыя Наполеономъ по ту сторону Танеро, въ Александріи. Въ Тосканѣ Австрія старалась превратить свои семейныя отношенія въ формальное право вліянія на дѣла и заявила притязаніе на занятіе города своими войсками. Она не хотѣла вывести своихъ войскъ изъ папскихъ легатствъ; эти свѣтскія и многія церковныя столкновенія повлекли за собою долговременный раздоръ между римскою куріей и вѣнскимъ кабинетомъ. Парма и Модена получили видъ австрійскихъ факторій; въ первомъ изъ этихъ городовъ, во время войны 1815 г., Марія Луиза даже передала въ руки императора временное управленіе страною. Въ томъ же году Неаполь получилъ изъ Вѣны предписаніе устроить извѣстный порядокъ внутренняго управленія и Австрія ревностно старалась о томъ, чтобъ какъ въ этомъ городѣ, такъ и во Флоренціи, Луккѣ и вездѣ, гдѣ обнаруживалась мысль о конституціи,—подавить эту мысль и чтобы принудить къ принятію деспотическаго правленія, казавшагося неизбѣжнымъ въ Ломбардіи, и другія итальянскія государства. Но послѣ первой попытки, австрійскія власти должны были сознаться, что чѣмъ болѣе эти дѣйствія грозили перейти въ родъ верховнаго владычества, тѣмъ болѣе сопротивленія онѣ вызывали, — производя въ итальянскихъ правительствахъ такіе же результаты, какіе подобная же операція производила въ Германіи. Когда Римъ съ своей стороны стоялъ только за сохраненіе своихъ церковныхъ интересовъ, — тогда австрійскіе шпіоны старались найти въ упорномъ сопротивленіи, выходившемъ изъ этого города, широкіе политичеекіе происки; а когда ломбардское духовенство выказывало свое неудовольствіе къ „ультрамонтанскому" направленію правительства, — полиція видѣла въ этомъ противоправительственныя козни всего духовнаго сословія [57]) Одно полицейское донесеніе въ іюлѣ 1817 г. сообщало подробныя свѣдѣнія объ открытомъ гвельфскомъ союзѣ, статуты котораго дышали ненавистью ко всѣмъ гиперборейцамъ, галламъ и тевтонамъ и объявляли „лучшимъ королемъ лучшаго первосвященника." Въ іюлѣ

[57]) Carte segrete. 1, 90.

1818 г. въ Вѣнѣ была получена копія съ оффиціальнаго донесенія генерала Чурча изъ Лечче (Lecce) неаполитанскому правительству; донесеніе это представляло нѣкоторыя подробности организаціи и страшной дѣятельности калабрійскихъ разбойничьихъ сектъ и легко возбудило сильнѣйшее волненіе въ недовѣрчивомъ правительствѣ. Въ томъ же самомъ году въ провинціи Полезинской былъ открытъ союзъ карбонаріевъ [58]); правительство все болѣе и болѣе убѣждалось, что вся Италія подкопана и опутана тайными обществами. Понятно поэтому, что послѣ взрыва неаполитанской революціи австрійская полицейская система должна была достигнуть высшей степени своего развитія. Если же мы припомнимъ, что тутъ былъ замѣшанъ личный интересъ императора, если мы подумаемъ, что примѣръ неограниченнаго государя (даже во внѣшнихъ дѣлахъ, не говоря уже о дѣлахъ служебныхъ) дѣйствуетъ чарующимъ образомъ на доброхотныхъ слугъ, — то намъ станетъ весьма понятно, почему эта система нашла послушныхъ агентовъ, радостно принявшихся за ея примѣненіе. Подъ руководствомъ кавалера Торрезани (изъ Клеса въ Тиролѣ), она, съ 1822 г., достигла въ Ломбардіи огромныхъ размѣровъ, которые совершенно оправдывали позднѣйшее изреченіе Меттерниха, что „высшая полиція теперь тѣсно соединена съ политикой и даже въ нѣкоторомъ родѣ властвуетъ надъ этою послѣдней.“ Торрезани, для того, чтобы сдѣлать себя необходимымъ, безпрерывно поддерживалъ преувеличенными донесеніями опасенія правительства и, проникнутый сознаніемъ важности своей должности и своей особы, вмѣшивался въ дѣла всѣхъ другихъ вѣдомствъ, губернаторовъ, миланскаго подесты, цензуры, общественнаго образованія, благотворительности, судопроизводства. Агентовъ своихъ онъ выбиралъ изъ самыхъ негодныхъ людей и вознаграждалъ ихъ за позоръ, соединявшійся съ ихъ должностію, дозволеніемъ всевозможной продажности и самоуправства. Для надзора за обыкновенными шпіонами была устроена еще особая полиція графомъ Паста, разорившимся игрокомъ и воромъ, надъ которымъ ни одинъ судъ не могъ исполнить тысячу разъ постановленныхъ приговоровъ къ наказанію; такъ, даже за Страффольдо и Торрезани слѣдилъ оберъ-цензоръ Брамбилла, кото-

58) Coppi, annali d'Italia.

рый, въ свою очередь, находился подъ надзоромъ нѣкоего Малавази. Шпіонство за высшими служебными лицами доходило до того, что въ 1848 г. у почтъ-директора Бокинга были найдены печати почти всѣхъ высшихъ сановниковъ [59]). Недавно сдѣлалась извѣстною инструкція тайной полиціи, относящаяся къ 1826 г., когда это учрежденіе получило послѣднюю организацію [60]). Инструкція эта подробно предписываетъ слѣдить тайнымъ образомъ не только за общественнымъ мнѣніемъ и тайными обществами, но и за цензурнымъ начальствомъ, служебною и домашнею дѣятельностью чиновниковъ, обученіемъ юношества, образомъ жизни и познаніями духовенства и учителей, духомъ и поведеніемъ военнаго сословія, иностранными консулами, путешественниками, корреспонденціею изъ пограничныхъ странъ и, наконецъ, за сими агентами тайной полиціи. Полиція должна была доводить до свѣдѣнія отеческаго правительства обо всѣхъ частныхъ отношеніяхъ, рѣшительно не касающихся государственныхъ дѣлъ, и употреблять для этого средства, которыя часто разрывали естественныя связи, существующія между родителями и дѣтьми; полиція должна была замѣнять государству все то, что въ другихъ мѣстахъ доставляется общественнымъ мнѣніемъ, устною и письменною рѣчью,—и доставляется гораздо откровеннѣе и честнѣе, между тѣмъ какъ здѣсь, несмотря на приказаніе агентамъ — дѣйствовать справедливо, совѣстливо и съ достоинствомъ, исполненіе самой по себѣ безнравственной должности какими нибудь Торрезани и его слугами Болца, Виллата и Рагацци (ужасомъ итальянцевъ) не заключало въ себѣ и тѣни той умѣренности и разсудительности, которыя предписывались строками инструкціи, покрытыми румянцемъ невинности.

Вліяніе итальянскихъ дѣлъ на правительственную систему.

Эти несчастныя и исключительныя обстоятельства въ Италіи были главною причиною того, что австрійское правительство, послѣ первоначальнаго, лѣниваго колебанія, вдругъ обнаружило упорное стремленіе къ совершенной неподвижности и спокойствію и къ подавленію всякаго движенія; онѣ послужили поводомъ къ тому, что эта система, оказавшаяся необходимою для снова завоеванной, по прежнему непріязненной и подвергнутой непріязненному обращенію страны, была

---

59) Carte segrete, 1, 232, 266.
60) Тамъ же, 1, 255.

примѣнена, въ большей или меньшей степени, ко всѣмъ другимъ составнымъ частямъ государства, къ конституціонной Венгріи точно также, какъ и къ спокойнымъ наслѣдственнымъ областямъ Германіи. Каждое движеніе, каждое стремленіе къ какой бы то ни было, малѣйшей политической самостоятельности, удерживалось правительствомъ съ самою ревностною бдительностью; каждое умственное движеніе подавлялось съ шпіонскою боязливостью; даже матеріальные интересы, развитію которыхъ правительство охотно желало покровительствовать, были заключены въ тѣсныя границы, благодаря строгой послѣдовательности остальной системы. Глядя на это, казалось, какъ будто Австрія, а не Франція пережила страшное круженіе вихря свободы, какъ будто въ ней обнаружились опаснѣйшіе результаты маніи всеобщаго просвѣщенія, какъ будто въ ней быстро возстававшее національное богатство породило безграничныя притязанія и высокомѣрныя понятія о свободѣ. Послѣдовательной строгости этой системы удалось отстоять это дѣло полнѣйшаго застоя и ненарушимо сохранить его до смерти императора Франца (1835 г.) и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ того. На все это время мы теперь же бросимъ бѣглый, общій взглядъ; только къ частнымъ событіямъ Венгріи и Галиціи мы еще обратимся впослѣдствіи. Хотя всеобщая исторія не должна заниматься внутренними отношеніями отдѣльныхъ государствъ, не имѣющихъ вліянія на общій ходъ событій, а тѣмъ менѣе представлять статистическую картину времени застоя и отсутствіе историческихъ событій, — но мы все таки считаемъ такое изложеніе въ настоящемъ случаѣ необходимымъ, потому что австрійское правительство ревностно старалось распространить свою систему и дать ей вѣсъ въ Германіи, Италіи, Испаніи, Франціи и др. земляхъ. Послѣ того, какъ Австрія со времени реформаціи стала отставать отъ умственнаго движенія и не умѣла больше приноравливаться къ времени, она хотѣла, какъ говорили, чтобы время приноравливалось къ ней. Вслѣдствіе того, она долго старалась представлять въ весьма соблазнительномъ свѣтѣ блаженное и мирное положеніе своихъ внутреннихъ дѣлъ, и была пора, когда это стараніе увѣнчалось успѣхомъ, — именно, когда англичане прославляли идиллическое счастіе государственной жизни Австріи, столь отличной отъ жизни ихъ оте-

чества. На основаніи всего этого намъ необходимо ближе ознакомиться съ сущностью этой системы и съ результатами ея [61]).

Подавленіе всякой политической самостоятельности. Монархическая и бюрократическая централизація.

Неограниченное полновластіе императора и его слугъ надъ всѣми подданными осталось, какъ это было и въ старину, основаніемъ всего государственнаго зданія [62]). Правительство не только присвоило себѣ исключительно власть и силу, но еще заявляло притязанія на проницательность. Вслѣдствіе этого, оно не ограничилось законодательствомъ и установленіемъ общихъ нормъ управленія, но кромѣ того, вмѣстѣ съ постановленіями, издавало и правила для ихъ исполненія, — правила, въ которыхъ оно старалось предвидѣть каждый отдѣльный случай; для непредвидѣнныхъ же повелѣвалось спрашивать указаній въ Вѣнѣ. Вслѣдствіе такой методы, только изъ Вѣны должно было выходить управленіе землями, различавшимися между собой въ такой же степени, въ какой Англія не похожа на свои колоніи; такимъ образомъ выгода, которую можно было бы извлечь изъ мѣстныхъ познаній и дарованій, была потеряна, національная чувствительность — раздражена, мѣстныя должности и губернаторы — лишены всякаго самостоятельнаго вліянія. Скупость императора и его ревность къ своимъ высшимъ чиновникамъ существенно содѣйствовали развитію этихъ учрежденій. Съ этой неестественной централизаціей находилась въ удивительномъ противорѣчіи система полнѣйшаго отсутствія единства въ высшемъ управленіи Вѣны. Генцъ и Штейнъ уже за нѣсколько лѣтъ до того были увѣрены, что спасеніе всего государственнаго устройства Австріи зависитъ единственно отъ сосредоточенія всѣхъ дѣлъ въ рукахъ одного перваго министра; въ 1814 г. всѣ ожидали, что эта власть предоставится Меттерниху, но ожиданіе не сбылось. Разладица, взаимная зависть, раздоры различныхъ придворныхъ мѣстъ (или министерскихъ отдѣленій), кото-

[61]) При крайней бѣдности источниковъ, особенно источниковъ несомнѣнно надежныхъ, касательно внутренняго состоянія Австріи въ это время, намъ едва ли можно будетъ, въ этомъ изображеніи, избѣжать неполноты, а по временамъ и невѣрности. Въ цѣломъ однако разсмотрѣніе австрійскаго собранія законовъ даетъ прочное основаніе.

[62]) Ср. сочиненіе графа Гартига: «Genesis der Revolution in Oesterreich», 1851, стр. 20 и слѣд. Съ этой отдѣльной характеристикой управленія совершенно согласуется и общее сужденіе Фекельмонта: «Lord Palmerston, England und der Continent», 1852, стр. 10 и слѣд., стр. 43 и слѣд.

рыя, будучи въ свою очередь устроены коллегіально, рѣшали дѣла большинствомъ голосовъ,—остались въ своей силѣ. Затѣмъ, съ тѣхъ поръ, какъ императоръ болѣе и болѣе сталъ лично вмѣшиваться въ хлопотливое управленіе государствомъ и самъ хвалился тѣмъ, что можетъ замѣнить хорошаго гофрата, почти всѣ дѣла должны были изъ придворныхъ мѣстъ поступать на высочайшее утвержденіе. Медленно и тяжело рѣшались дѣла, переходя отъ мѣстныхъ властей къ окружному суду, отъ окружнаго суда къ областнымъ присутственнымъ мѣстамъ, отсюда къ придворнымъ мѣстамъ, отъ нихъ къ императору, и въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ послѣдній находилъ дѣло достойнымъ уваженія, снова возвращались тѣмъ же самымъ путемъ къ первой инстанціи для новыхъ справокъ, и опять восходя къ императору для окончательнаго рѣшенія. При этомъ порядкѣ, въ императорѣ все таки не сосредоточилось единство управленія, потому что слишкомъ большое количество занятій заставляло его передавать произвольно назначеннымъ штатсъ и конференцъ-ратамъ многія дѣла, къ рѣшенію которыхъ придворныя мѣста не находили побудительныхъ причинъ, такъ какъ это было несогласно съ достоинствомъ неограниченной власти. Такимъ образомъ, верховное управленіе вмѣстѣ съ единствомъ должно было лишиться и этого послѣдняго основанія—абсолютной власти государя. Эта послѣдняя не рѣдко принимала характеръ самой патріархальной, первобытной простоты. Случалось, что императоръ, свѣдавъ о какихъ нибудь отдѣльныхъ случаяхъ дурнаго хода правительственной машины, вдругъ останавливалъ спокойный ходъ ея, вторгался во всѣ области управленія, всегда самопроизвольно, часто (по сознанію самихъ итальянцевъ) ознаменовывая свое вмѣшательство благодѣтельными распоряженіями, — подобно тому, какъ восточные государи, среди всеобщаго злоупотребленія неограниченной власти, часто въ припадкѣ справедливости уничтожаютъ злоупотребленія частныя. И въ самомъ дѣлѣ, очень близко держась восточныхъ воззрѣній, австрійское правительство, полное патріархальныхъ понятій объ отеческомъ управленіи, являлось народу въ двойной одеждѣ властителя и отца. Въ народномъ учебникѣ объ „Обязанностяхъ подданныхъ", этимъ послѣднимъ съ юныхъ лѣтъ внушалось правило—чтить своего государя какъ отца и мать, обращаться съ нимъ, какъ вѣрный слуга съ господиномъ, потому что государь — ихъ господинъ, имѣющій „полное право располагать ихъ

имуществомъ и жизнью" [63]). Это основное правило австрійскаго правительства далеко превзошло все, что наука реставраціи осмѣливалась утверждать въ какихъ бы то ни было земляхъ, да и самый способъ приведенія его въ исполненіе, какой мы указали, далеко отличался отъ теоріи другихъ странъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не было такъ противоположно средневѣковому и сословному государственному ученію, какъ то развитіе и та власть чиновничества, которыя выработались въ Австріи, — чиновничества притомъ такого, какимъ оно необходимо должно было сдѣлаться при существованіи означенной системы правленія. Чуждое жизни, приготовленное механизмомъ школы къ механизму службы, запуганное доносами и постояннымъ надзоромъ, австрійское чиновничество сдѣлалось сословіемъ лишеннымъ воли и потому безчувственнымъ, въ которомъ человѣкъ ограниченный становился на одну доску съ даровитымъ, а дѣятельный шелъ подъ однимъ ярмомъ съ лѣнивымъ. Съ неспособностью весьма часто соединялась надменность, съ подчиненіемъ высшему лицу—самоуправство въ отношеніи къ низшимъ; расположеніе дѣлъ увеличивало число чиновниковъ, увеличеніе это влекло за собою уменьшеніе жалованія, а это послѣднее имѣло слѣдствіемъ невысокую степень служебной честности. Уже давно „вѣнскій канцеляризмъ", неспособность, педантизмъ, ползанье и грубость, происки, продажность, зависть, произволъ младшихъ чиновниковъ, необразованность и заносчивость выскочекъ — служили предметомъ описанія, кажущагося каррикатурою въ сравненіи со всѣми смѣшными нелѣпостями, придуманными политическою сатирою. Если даже допустить, что въ описаніи этомъ все было несправедливо и преувеличено, — то и тутъ нельзя не прійти въ ужасъ при мысли объ обстоятельствахъ, заставлявшихъ людей упражняться въ такой лжи и въ такихъ преувеличеніяхъ.

Дворянство и сословія.

Правительственная власть въ Вѣнѣ не допускала преградъ своимъ дѣйствіямъ ни со стороны церкви и народа, ни въ самостоятельности общинъ или другихъ отдѣльныхъ обществъ, а тѣмъ менѣе въ сословныхъ правахъ. Если Шлегель нашелъ, что средневѣковая организація дворянства еще имѣла въ Австріи глубокіе корни, то это значило, что въ Венгріи и Польшѣ она сохранялась

---

63) Біанки Джовини, L'Autriche en Italie, 1, 12.

въ самомъ ужасающемъ видѣ, что нѣмецко-австрійское дворянство находилось еще отчасти въ ленномъ отношеніи къ мѣстному владѣтелю и не имѣло права свободно отчуждать свои имущества [64]), что вообще, сравнительно съ другими государствами, дворянство въ австрійской имперіи было очень многочисленно и въ царствованіе Франца еще болѣе размножилось, благодаря привилегіямъ и пожалованіямъ. Во всѣхъ провинціяхъ ему принадлежала большая часть земли, оно владѣло также самыми большими денежными суммами, посредственно или непосредственно содержало значительнѣйшія фабрики и занимало важнѣйшія мѣста, какъ военныя, такъ и гражданскія; суды давали ему громкіе титулы, университеты предоставляли особыя скамьи и отличные отъ другихъ матрикулы. Кромѣ этихъ правъ и преимуществъ, дворяне, по свидѣтельству туземцевъ и чужеземцевъ, пользовались еще другими, менѣе завидными: они имѣли право позволять себѣ въ отношеніи къ недворянамъ всякаго рода своевольные поступки и даже явныя преступленія и безбоязненно предавались всевозможнымъ безнравственнымъ прихотямъ; англійскіе путешественники, привыкшіе къ строгому соблюденію приличій, съ изумленіемъ смотрѣли, какъ это дворянство въ театрахъ и танцовальныхъ залахъ свободно вращалось между дворомъ и извѣстными въ городѣ гетерами [65]). Однакожъ, древнія сословныя, политическія и административныя преимущества дворянства, уничтоженныя сначала Фердинандомъ II, а потомъ Кауницомъ и Іосифомъ, такъ и остались уничтоженными. Въ царствованіе Леопольда II, правительство старалось нѣкоторымъ образомъ вознаградить дворянство за понесенныя имъ потери, съ цѣлью сдѣлать изъ него опору престола; но при этомъ оно строго наблюдало за тѣмъ, чтобы не придавать серьезнаго смысла ни одной привилегіи, которая могла бы послужить основаніемъ сословнаго союза или политическаго значенія и права. Стѣснительныя полицейскія постановленія о частномъ обученіи, о паспортахъ и т. п. имѣли для дворянъ такую же силу, какъ и для прочихъ гражданъ; обязанность платить подати не уничтожилась; зависимость крестьянъ сохранилась,

---

64) Гейкe, „Darstellung des in den österreichisch deutschen Staaten üblichen Lehenrechts", 1831.

65) Путевыя записки Лорда Росселя, 2, 319.

но она обратилась скорѣе во вредъ, чѣмъ въ пользу землевладѣльцамъ; отчинные суды остались, но они лишились всякаго значенія учрежденіемъ „адвокатовъ подданныхъ“ (Unterthanenadvocaten),— учрежденіемъ, отсылавшимъ обиженнаго земледѣльца къ окружному суду, гдѣ бюрократія жадно пользовалась случаемъ—систематически отдавать предпочтеніе подданному въ его спорѣ съ землевладѣльцемъ. Сословное представительство (совершенно уничтоженное только въ Герцѣ, Истріи и Далмаціи) сохранилось по формѣ; оно, какъ выше замѣчено, было даже снова введено въ провинціяхъ, во второй разъ доставшихся Австріи, а именно: въ Тиролѣ и Форарльбергѣ—въ 1816 г., въ Галиціи—въ 1817, въ Карніоліи—въ 1818, въ Зальцбургѣ еще въ 1826 г.,—и все это съ цѣлью выполнить, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, предписанія конституціи германскаго союза и польскія обязательства. Во всѣхъ мѣстахъ (за исключеніемъ Форарльберга, гдѣ нѣтъ никакого дворянства, и Тироля, гдѣ всѣ четыре сословія имѣютъ одинаковое число представителей) преобладали дворянство и духовенство, составлявшія среднимъ числомъ три четверти всего количества представителей; только эти сословія могли владѣть поземельными имуществами и напрасно граждане, владѣльцы 80 имѣній, въ Штиріи осмѣлились въ 1819 г. обращаться къ правительству съ просьбою о дарованіи имъ сословныхъ правъ [66]). Городовъ, способныхъ участвовать въ сеймѣ, въ Силезіи не было ни одного, въ Галиціи — одинъ, въ Богеміи — de jure четыре, но de facto только одинъ, именно Прага [67]), въ Моравіи— семь съ однимъ голосомъ; въ нижней Австріи депутаты отъ городовъ должны были при совѣщаніяхъ выходить изъ залы. Но кромѣ этого численнаго превосходства и права носить мундиръ своего сословія, у дворянства не осталось никакихъ преимуществъ; сословія вообще не имѣли никакихъ правъ и дѣятельность ихъ ограничивалась только тѣми ненавистными занятіями, отъ которыхъ правительство охотно отказалось, т. е. мѣстною полиціею, рекрутскими наборами, раскладкою и сборомъ податей, — занятіями, возлагавшимися на коммиссіи, состоявшія на жалованьи, и на сборщиковъ податей. Такими же правами пользова-

---

[66]) Oppositionsblatt 1819 г. Прибавленіе къ № 89.

[67]) Шмидль, „Das Königreich Böhmen“.

лись и обѣ итальянскія центральныя конгрегаціи, члены которыхъ избирались правительствомъ изъ кандидатовъ общинныхъ совѣтовъ, находились на жалованьи и подлежали выпуску въ отставку. Совѣтъ ихъ только тогда могъ приводиться въ исполненіе, когда правительство „находило это удобнымъ“,—случай, который ни разу не представился въ теченіи тридцати и болѣе лѣтъ. Конституція и сословное учрежденіе въ Форарльбергѣ и Зальцбургѣ существовали только на бумагѣ и никогда не переходили въ область дѣйствительности [68]). Самое незначительное и элементарное изъ всѣхъ сословныхъ правъ—право подачи просьбъ и представительства, правда, было подтверждено во всей силѣ еще при возстановленіи сословій въ Карніоліи; но когда въ 1817—18 годахъ, времени всеобщей нужды и дороговизны, штирійскія и тирольскія сословія обратились къ правительству съ просьбою объ облегченіи податей — имъ отвѣчали высочайшей немилостью и нѣкоторое облегченіе пало только на долю безгласныхъ провинцій. Почти тоже самое испытала въ 1825 г. миланская конгрегація: адресъ ея къ императору два раза возвращался ей, какъ составленный въ непочтительной формѣ, наконецъ, послѣ цензурныхъ помарокъ Страффольдо, онъ былъ принятъ, но не удостоился никакого отвѣта. Точно также сословныя собранія въ Австріи были пустыми формальностями; большею частью онѣ открывались и закрывались въ одинъ и тотъ же день; какъ требованія правительства исполнялись безъ всякой повѣрки, такъ и получавшіеся налоги тратились безъ всякаго контроля. Общественное мнѣніе отворачивалось равнодушно или съ нѣмымъ негодованіемъ отъ этихъ ничтожныхъ, но дорого стоившихъ „фарсовъ“, какъ называлъ ихъ Штейнъ. Дворянство не предпринимало ничего для того, чтобы вывести какъ самого себя, такъ и эти собранія изъ такого недостойнаго положенія. Напрасно Фр. Шлегель напоминалъ ему, что для того, чтобы снова сдѣлаться сильнымъ, оно должно быть дворянствомъ по духу, проникнуться высокими національными чувствами, обратиться въ лучшій цвѣтъ націи. Даже сословія Венгріи и Трансильваніи не возставали противъ того, что императоръ Францъ не созывалъ первыхъ въ продолженіе четыр-

---

[68]) I. Шрингеръ, Statistik des österreichischen Kaiserstaates. Вѣна 1840, 1, 254, 256.

*

надцати лѣтъ (1811—1825), а вторыхъ въ теченіи 23 лѣтъ (1811—1834). Въ Италіи знатнѣйшія фамиліи съ ропотомъ и насмѣшками выходили изъ провинціальныхъ и центральныхъ конгрегацій; онѣ, также какъ и сословія другихъ частей государства, сдѣлали слишкомъ мало для того, чтобы воспользоваться своимъ правомъ подачи просьбъ и пріучить правительство съ первыхъ же дней къ иному образу дѣйствій. Такая небрежность вызвала строгое порицаніе даже со стороны итальянцевъ [69]). Также точно они безмолвно отдали подъ опеку правительства свое общинное устройство, основавшееся уже въ древнія времена на свободныхъ началахъ и пощаженное даже Наполеономъ. Въ продолженіи цѣлаго вѣка австрійское дворянство, необразованное и безнравственное, лишенное политическихъ мнѣній и стремленій, чуждое интересовъ своего сословія, непріязненное народу, не свободное отъ симпатіи къ іезуитамъ, не принося пользы и не пользуясь вліяніемъ,—жило, какъ выразился одинъ человѣкъ изъ его среды, „жизнью полипа, проводя ее въ зимней спячкѣ и влача какое то испорченное существованіе.“ Только тогда, когда въ сороковыхъ годахъ ревность къ чужеземному прогрессу, невыгодныя послѣдствія крестьянскихъ событій и дѣла Галиціи расшевелили общество,—въ сословіяхъ обнаружились первыя начала боязливаго движенія.

Церковь. Если аристократическое сословіе послужило важнымъ средствомъ къ сохраненію патріархальнаго государственнаго порядка, — то еще болѣе важною опорою этого послѣдняго было возстановленіе власти и вліянія католической церкви, образующей почти единственную общую связь различныхъ національностей этого многоязычнаго государства. Но австрійское правительство, обнаруживъ стремленіе исцѣлить церковь отъ ранъ, нанесенныхъ ей Іосифовыми временами, держалось однако и здѣсь основнаго правила своей политики, вслѣдствіе чего не допускало духовенства до сословной независимости и преобладанія, а старалось сдѣлать его, точно также какъ и дворянство, орудіемъ для исполненія своихъ цѣлей. Императоръ Францъ и его воспитатель Коллоредо смотрѣли на религію прежде всего, какъ на уздечку для народа. Этимъ двусмысленнымъ отношеніемъ правительства къ церкви объясняется, почему съ одной

---

69) Pensieri sull' Italia, da un anonimo Lombardo, Парижъ 1846.

стороны общее мнѣніе было таково, что Австрія въ правленіе Франца I возвратилась, вмѣстѣ съ властью, къ римско-католическимъ идеямъ, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, дѣти Рима видѣли въ этомъ правленіи продолженіе Іосифовой системы [70]). Оба эти мнѣнія были возможны въ одно и тоже время только при государѣ, который, нуждаясь въ церкви, былъ при этомъ полонъ завистливой недовѣрчивости къ Риму,—и въ государствѣ, котораго различныя судьбы и части и безъ того обнаруживали самыя перемѣнчивыя отношенія къ этому городу. Во время войнъ, въ пору финансоваго кризиса 1809 г., монастыри были упразднены и возбудился даже вопросъ о конфискаціи имуществъ духовенства; но тутъ же снова начали покровительствовать монашескимъ орденамъ и ихъ интересамъ. Послѣ 1814 г. въ Тиролѣ была возстановлена большая часть монастырей и обителей (число которыхъ было значительно уменьшено при Іосифѣ); послѣ 1816 г. піаристы, капуцины и францисканцы были освобождены отъ платежа податей. Въ 1804 г. народныя школы были отданы подъ духовный надзоръ, но не епископовъ, а ихъ консисторій, находившихся въ подчиненіи у губернаторовъ; тогда же духовенству поручено было представлять правительству доклады обо всѣхъ дѣлахъ церковныхъ и по народному образованію. Но это было сдѣлано, какъ говорили приверженцы Рима, только для того, чтобы пріучить духовенство смотрѣть на себя какъ на государственныхъ чиновниковъ, и чтобы изъ ученѣйшихъ между духовными лицами выбирать (съ 1816 г.) какъ можно болѣе епископовъ, которые, какъ хорошіе канцелярскіе дѣятели, избавляли бы правительство отъ всякихъ нововведеній и превращали принципъ преданности императору въ церковный догматъ. Особенно въ Италіи, гдѣ близость Рима и національное родство съ нимъ увеличивали подозрительность, поведеніе правительства было совершенно не римское. Въ венеціянской области оно упразднило нѣсколько епископствъ, остальныя наполнило нѣмцами и поставило весь церковный бытъ на австрійскую ногу. По всѣмъ этимъ предметамъ, по дѣламъ

---

[70]) Ср. сочиненіе Бейдтеля «Untersuchungen über die kirchlichen Zustände in den oester. Staaten», 1849. Авторъ, извѣстный своими полезными изслѣдованіями въ области австрійской исторіи, является здѣсь, въ противоположность своимъ прежнимъ сочиненіямъ, рьянымъ ультрамонтаномъ.

брачнымъ, по вопросу о равенствѣ трехъ исповѣданій, возбужденному на вѣнскомъ конгрессѣ, по другимъ политическимъ вопросамъ,—австрійское правительство стало съ 1814 г. въ рѣзкое несогласіе съ Римомъ, гдѣ Австрію снова начали считать, какъ во время Іосифа II, схизматическою и погибшею страною. Во время этихъ переговоровъ (остававшихся въ глубокой тайнѣ) дѣло дошло до рѣзкихъ нотъ, которыя австрійскій посланникъ фонъ Лебцельтернъ долженъ былъ возвратить назадъ; въ 1816 г. произошелъ формальный разрывъ, вслѣдствіе котораго папа удержалъ за собою инвеституру итальянскихъ епископовъ, а императоръ Францъ запретилъ своимъ епископамъ ѣздить въ Римъ для утвержденія въ санѣ и должности [71]). Раздоръ этотъ принялъ меньшіе размѣры только
30 сент. 1817. тогда, когда папская булла предоставила государству право замѣщать венеціанскія епископства; когда, нѣсколько времени спустя, папскій нунцій былъ въ Вѣнѣ, то, по поводу его аудіенціи у императора, согласіе между государствомъ и церковью было гласно заявляемо въ такой формѣ, которая показывала, что до тѣхъ поръ оно не всегда существовало [72]). Все это случилось въ то время, когда уже, явно вслѣдствіе вліянія литературныхъ кружковъ, въ Австріи повсюду преобладала рѣшительная склонность къ Риму, усилившаяся еще съ 1820 г., вмѣстѣ съ возраставшею мало по малу боязнью революцій. Правительство начало пропитывать учебники духомъ правовѣрной критики, покровительствовало учрежденію семинарій и воспитательныхъ домовъ при монастыряхъ, дало полный просторъ благочестивымъ странствіямъ и содѣйствовало этимъ послѣднимъ въ такой мѣрѣ, что въ царствованіе императора Франца въ одномъ Тиролѣ считалось 170 „святыхъ мѣстъ". Редемптористамъ или лигоріанцамъ уже въ 1816 г. былъ подаренъ въ Вѣнѣ монастырь; но въ 1820 г., въ Галиціи, по ходатайству дворянства, была снова образована формальная провинція ордена іезуитовъ, поступившая подъ особенное покровительство двора, придворныхъ духовныхъ и министровъ. Общій голосъ однако свидѣтельствуетъ, что іезуиты, заклейменные общественнымъ мнѣніемъ, отвергнутые свѣтскими и духовными, непризнанные даже частью своихъ защитниковъ, не могли

---

[71]) Allg. Zeit. 2 февр. 1815 и 7 февр. и 29 сент. 1816.
[72]) Тамъ же, 7 мая 1818.

достигнуть какого нибудь значенія ни въ литературномъ, ни въ политическомъ, ни въ іерархическомъ отношеніи. Даже императоръ Францъ, который со времени іюльской революціи все больше и больше держался правовѣрнаго направленія и въ завѣщаніи своемъ, какъ говорятъ, щедро наградилъ іезуитовъ,—благоразумно предостерегалъ лигоріанцевъ отъ слишкомъ большихъ притязаній [73]). И это понятно: система самодержавія здѣсь, также какъ и вездѣ, не могла сносить такого помощника, правда, всегда готоваго къ услугамъ, но который въ то же время былъ такимъ же усерднымъ соперникомъ,—точно также, какъ не сносила она открытой преданности Риму. Когда къ концу жизни императора Франца придворное духовенство и весь молодой клиръ, подъ руководствомъ Фринта, становились съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе строгими послѣдователями римско-католическаго ученія,—въ Римѣ подумали, что приспѣло время для конкордата и съ жадностью схватили (1833—4) издалека протянутую руку. Но при первыхъ же сообщеніяхъ изъ Вѣны Римъ потерялъ надежду найти въ ней основанія для взаимнаго соглашенія. И въ самомъ дѣлѣ, какія уступки могло сдѣлать для удовлетворенія Рима это государство, въ которомъ всѣ сношенія съ Римомъ подвергались самому подозрительному надзору, производившемуся посредствомъ placetum regium, посредствомъ римскихъ агентовъ и возстановленія (въ 1823 г.) должности протектора австрійской націи при св. престолѣ!—это государство, въ которомъ тотчасъ же послѣ примиренія и посѣщенія императоромъ Рима (въ 1819 г.) былъ изданъ декретъ придворной канцеляріи[1], 19 Дек. 1819.
крайне съузившій и ограничившій порядокъ управленія церковными и монастырскими имуществами!—это государство, въ которомъ духовныя училища, обители и монастыри подвергались такому же строгому правительственному надзору, какъ и свѣтскія учебныя заведенія; въ которомъ право занятія высшихъ духовныхъ должностей принадлежало, большею частью, свѣтской власти; въ которомъ даже большинство духовныхъ лицъ получало отъ правительства прибавку жалованья, лишеніе коего могло бы вполнѣ замѣнить право удаленія отъ должности каждаго неправивша-

73) Vertraute Briefe über Oesterreich, 2, 48 и Traditionen zur Charakteristik Oesterreichs, 2, 267.

гося правительству духовнаго, еслибъ такое право было оспариваемо 74).

Протестанты. Съ другой стороны, развивавшаяся въ строгой послѣдовательности система австрійскаго абсолютизма не могла ужиться съ протестантизмомъ 75); она дѣйствовала также двулично въ отношеніи къ католической церкви, какъ и къ не католической. Правительственныя власти покровительствовали не-католикамъ въ мелкихъ дѣлахъ, въ дѣлахъ же важныхъ дворъ смотрѣлъ на нихъ подозрительно. Кротость и терпимость въ отношеніи къ протестантамъ ограничивалась подавленіемъ каждаго непріязненнаго столкновенія, особенно въ школахъ, и заботою объ училищахъ и духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которая была необходима при остававшемся въ силѣ отчужденіи отъ германскихъ университетовъ и старомъ запрещеніи[1] приглашать пасторовъ изъ чужихъ земель. Въ остальномъ протестантская церковь была и оставалась въ подчиненіи у католической, какъ угнетенная и едва терпимая. Во главѣ протестантскихъ консисторій стояли католическіе президенты; протестантъ долженъ былъ давать католическому священнику плату за требы и оглашать свой бракъ въ католической церкви; передъ смертью онъ обязанъ былъ допускать къ себѣ католическаго духовнаго. Безъ разрѣшенія грѣховъ онъ не могъ совершать покупку домовъ или другихъ имѣній, пріобрѣтать гражданскія или ремесленныя права, получать доступъ къ академическимъ званіямъ и гражданскимъ должностямъ. Множество постановленій затрудняли до крайности переходъ изъ одной религіи въ другую, строго запрещали совращеніе къ протестантству дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ и въ школахъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны, въ военной академіи въ Вѣнѣ каждаго протестанта принуждали воспитываться въ католической религіи. При заключеніи священнаго союза императоръ Александръ выхлопоталъ разрѣшеніе на учрежденіе австрійскаго библейскаго общества; но едва только оно начало дѣйствовать въ Пресбургѣ, какъ, вслѣдствіе порицаній папы, было уничтожено приказомъ намѣстника[1], который въ то же время запретилъ пріемъ въ подарокъ и покупку дешевыхъ библій; галь-

[1] 4 Апр. 1805.

[1] 23 дек. 1816.

---

74) Oesterreich und dessen Zukunft, 1843, 1, 66.

75) Ср. Іос. Гельфертъ, Die Rechte und Verfassung der Akatholiken im öster. Kaiserstaate. Prag 1843. 3-е изданіе.

ская двѣнадцати грошовая библія стоила въ продажѣ около 15 флориновъ 76). Въ Венгріи и Трансильваніи, гдѣ протестантизмъ пользуется самымъ большимъ покровительствомъ сравнительно съ другими областями, въ 1814—48 гг. раздавались громкія жалобы на притѣсненія со стороны католическаго духовенства. Секты и проповѣдники подвергались повсюду самому строгому преслѣдованію. Въ Тиролѣ не-католики фактически не были терпимы. Въ Циллерталѣ мрачное направленіе духовенства было причиною того, что подавленное „сѣмя", какъ выражаются протестанты въ Австріи, взошло въ двадцатыхъ годахъ въ видѣ множества простодушныхъ людей; они напрасно умоляли предоставить имъ свободу вѣроисповѣданія и къ концу царствованія Франца получили повелѣніе—или снова обратиться къ католической церкви, или переселиться въ Трансильванію. Тогда они, какъ нѣкогда протестанты зальцбургскіе, обратились къ Пруссіи и всѣ, числомъ около 400 человѣкъ, нашли въ ней убѣжище. Впослѣдствіи, кратковременная свобода 1848 г. и жалобы, дошедшія до Густавъ-Адольфова союза обнаруживали въ подробности, какъ примѣнялась въ Австріи на практикѣ (по крайней мѣрѣ изрѣдка) гуманная теорія постановленій, касавшихся некатоликовъ. 12 апр. 1834.

Подавленіе всякаго умственнаго движенія. Школы.

Съ тою же строгою послѣдовательностью, съ какою австрійская система противудѣйствовала всякому свободному движенію, всякой самостоятельности и самодѣятельности политическихъ обществъ, дворянства и духовенства,—она подавляла и умственное образованіе и свободное движеніе отдѣльныхъ лицъ. Не разъ говорили, что императоръ Францъ осуществилъ свои строгіе принципы помощію самыхъ умѣренныхъ средствъ и для этого искалъ вѣрнѣйшей защиты отъ революціоннаго духа въ образованіи и въ школахъ. И дѣйствительно, вся австрійская система обученія была, казалось, направлена къ этой цѣли съ самою шпіонскою осторожностью 77). Размноженіе и усовершенствованіе народныхъ школъ постоянно составляло предметъ заботливости императора Франца; за исключеніемъ оставленной въ пренебреженіи Галиціи, первыя начала образованія

76) Allg. Zeitung 28 мая 1817.

77) Ср. соч. В. Унгера, «Syst. Darstellung der Gesetze über die höheren Studien in der öster. Monarchie» Вѣна 1840.

пріобрѣтены были въ это время въ имперіи множествомъ людей, которые въ прежнее время выросли бы ничему не выучившись. Въ 1810—40 годахъ число школъ, какъ говорятъ, удвоилось, а число учащихся—устроилось [78]), что̀ конечно бросаетъ больше тѣни на прошедшее, чѣмъ свѣта на настоящее, такъ какъ сравнительные выводы, разсматриваемые даже съ внѣшней, статистической стороны, оказываются крайне неблагопріятными для Австріи. Дѣти, обязанныя учиться, составляютъ здѣсь, гдѣ возрастомъ для обученія принимается время только отъ 6—12 лѣтъ, не болѣе какъ осьмую (въ Пруссіи шестую) часть населенія; но скоро послѣ смерти императора Франца, судя по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, изъ $2^1/_2$ милліоновъ этихъ дѣтей, по всей имперіи (исключая Венгрію, Трансильванію и военныя границы) только $1^1/_2$ милліона дѣйствительно посѣщали школы [79]); а въ 1841—50 гг. число учившихся въ школахъ еще болѣе уменьшилось, не смотря на размноженіе самихъ школъ. Матеріальное положеніе всѣхъ учителей было плачевное; учителя для народныхъ школъ получали самое поверхностное образованіе, приготовляясь къ своимъ занятіямъ въ главныхъ школахъ, гдѣ они проходили только полугодовой или даже трехмѣсячный курсъ [80]). Что касается до внутренней стороны дѣла и его сущности, то правительство съ большою основательностью заботилось о томъ, чтобы въ народныхъ школахъ какъ ученики, такъ и учителя, не отступали отъ механической методы обученія и ходили на отеческихъ помочахъ. Придворная коммиссія по дѣламъ образованія не давала ни малѣйшаго простора самодѣятельности учителей; она составляла для нихъ, какъ и для дѣтей, особыя инструкціи, задавала имъ въ невообразимой массѣ предписаній весьма трудный урокъ и въ каждомъ семестрѣ не только сама избирала учебники, но указывала какое употребленіе изъ нихъ дѣлать, до какой страницы доходить и что именно выпускать. Къ дѣтямъ коммиссія также обращалась съ наставленіями и въ „новомъ постановленіи о школахъ“ [81]) назидательно предписывала имъ самыя подробныя правила, учила

78) Шубертъ, Handbuch der europ. Staatenkunde, 2, 1, стр. 262.

79) Турнбель, Austria 1840, 2, 143.

80) Калинихъ, Statistik der Schule in Deutschland. Въ журналѣ Zeitschrift des Vereins für deutsche Statistik, 1, 196 и слѣд.

81) Введеннымъ, на прежнемъ Іосифовомъ основаніи, декретомъ 30 окт. 1812.

какъ приготовляться дома къ отправленію въ училище, какъ совершать это путешествіе, какъ держать себя до и во время уроковъ, какъ сидѣть, какъ держать руки и ноги, какъ обращаться съ печкой, какъ ходить по лѣстницамъ и въ отхожія мѣста. Если такимъ образомъ народныя школы должны были стараться о приготовленіи благовоспитанныхъ подданныхъ, то на гимназіяхъ и университетахъ лежала обязанность образованія хорошихъ чиновниковъ; отъ распространенія образованія научнаго императоръ положительно отказывался. Недостаточность приготовительнаго образованія большей части духовныхъ учителей (которые къ тому же смотрѣли на каѳедру въ епархіальныхъ учебныхъ заведеніяхъ только какъ на ближайшую ступень къ каѳедрѣ церковной) и обязанность механически исполнять предписанія — сдѣлались причиною того, что въ этихъ высшихъ заведеніяхъ учителя не имѣли свободнаго духа дѣйствій, а ученики были лишены всякаго свободнаго образованія. Ни одинъ умный учитель не имѣлъ права опережать самаго медлительнаго, ни одного умнаго ученика не позволялось развивать скорѣе самаго глупаго. Изъ предметовъ обученія, естественныя науки находились въ изгнаніи, географія и исторія преподавались въ самомъ тѣсномъ объемѣ, а изученіе языковъ было до того стѣснено, что въ греческомъ оно не заходило за начала грамматики, а въ латинскомъ не давало возможности обходиться безъ лексикона при чтеніи легчайшихъ писателей [82]). Тотъ же бездушный механизмъ не оставлялъ учащихся въ университетахъ. Профессоръ и здѣсь былъ связанъ предписанными учебниками, учащійся не пользовался, какъ въ Германіи, правомъ свободнаго выбора предметовъ или наставниковъ, — повсюду господствовало мертвое пріобрѣтеніе мертвыхъ познаній. Изъ библіотеки не давалась профессорамъ на домъ ни одна рукопись, не давалась безъ позволенія ни одна противуправительственная книга и вообще о каждомъ выданномъ сочиненіи библіотекарь долженъ былъ упоминать въ своемъ годовомъ отчетѣ [83]). Общій надзоръ за училищами былъ по-

---

[82]) Изъ Hörsaal. Лейпцигъ 1848. Невѣроятныя сообщенія этой книги подтверждаются всѣми испытавшими на себѣ эти дѣйствія. Даже Бейдтель приводитъ къ такимъ же результатамъ.

[83]) Декретъ 8 іюля 1821.

рученъ духовенству. Въ рукахъ законоучителей была тоже школьная полиція, они имѣли открытое наблюденіе за нравственностью учениковъ и тайное—за нравственностью учителей. Заботливость государства о религіи, предписывавшая врачу напоминать больнымъ о принятіи св. тайнъ, чиновнику—посѣщать церковь, профессору—бывать у исповѣди, вступающимъ въ бракъ—выдерживать религіозный экзаменъ [84]), даже пастуху, поступающему въ служеніе, представлять религіозное свидѣтельство [85]), — эта заботливость, естественно, болѣе всего обнаруживалась въ учебныхъ заведеніяхъ. Законоучитель ежедневно служилъ для учениковъ обѣдни, каждую недѣлю читалъ проповѣди и шесть разъ въ годъ исповѣдывалъ ихъ; какъ въ университетахъ, такъ и въ гимназіяхъ, учащійся не могъ получить повышенія и награды, если не имѣлъ хорошаго религіознаго свидѣтельства. Ничто не влекло за собою такой осязательной испорченности нравовъ, какъ этотъ религіозный формалистическій и полицейскій надзоръ; онъ отравлялъ молодыя души при первомъ вступленіи ихъ въ жизнь и унижалъ самихъ духовныхъ учителей. Насильственно понуждаемый къ исповѣди и къ исполненію религіозныхъ обрядовъ, ученикъ скоро пріучался дѣлать изъ нихъ пустую игру; а такъ какъ его повышеніе зависѣло отъ религіознаго свидѣтельства, то онъ пріучался даже задабривать и подкупать подарками учителя, получавшаго отъ правительства скудное жалованье. Въ 1807 г. правительство обязывало профессоровъ присягою не склоняться на эти подкупы; но постоянно повторявшіяся напоминанія о подобныхъ „безчинствахъ“ доказываютъ, что и присяга ничего не значила. Объ этой системѣ религіознаго надзора и обязательнаго исполненія предписаній церкви итальянцы говорили, что она породила въ Ломбардіи больше скептиковъ, чѣмъ образовала ихъ во Франціи школа Вольтера.

Недопущеніе чужеземнаго духа.

Но послѣднее ручательство въ упроченіи того рода національнаго образованія, котораго желало правительство, должно было заключаться въ возможно полномъ устраненіи всякихъ иноземныхъ вліяній и во всевозможномъ стѣсненіи частнаго обученія. По мнѣнію Генца, Австрія съ ея охранительнымъ принципомъ была похожа на осажденную крѣ-

[84]) Декретъ 18 іюня 1813.
[85]) Декретъ 15 февраля 1809.

ность, долженствовавшую неусыпно стоять насторожѣ противъ нападеній всякаго рода. Эта система умственнаго отчужденія существовала здѣсь съ давнихъ временъ; даже при Іосифѣ правительство не слишкомъ благосклонно смотрѣло на посѣщеніе австрійцами заграничныхъ учебныхъ заведеній. Но со времени вартбургскаго празднества эта неблагосклонность дошла до неслыханныхъ размѣровъ. Поступленіе въ иностранные университеты было запрещено, подъ страхомъ денежнаго штрафа, въ Италіи въ 1817 г., въ остальныхъ провинціяхъ—въ 1819-мъ; въ 1830 г. маленькое исключеніе отъ этого правила, дѣлавшееся до тѣхъ поръ въ Венгріи въ пользу тамошнихъ богослововъ, было также уничтожено. Недовольствуясь отстраненіемъ своихъ подданныхъ отъ заграничныхъ учебныхъ заведеній, правительство (до 1832 г.) не допускало въ австрійскія заведенія ни одного иностранца, не только въ качествѣ учителя, но и ученика старше десяти лѣтъ, а дѣти моложе 10 лѣтъ допускались не иначе какъ съ разрѣшенія начальника области [86]). Позволеніе заниматься домашнимъ обученіемъ давалось только выдержавшимъ экзаменъ и получившимъ свидѣтельство особаго директора (Studiendirector), который въ свою очередь долженъ былъ испрашивать разрѣшеніе на производство экзамена у мѣстнаго начальства. Результатъ испытанія онъ снова препровождалъ къ этому послѣднему, откуда, по полученіи согласія отъ полиціи, выходило позволеніе, выдававшееся не болѣе какъ на шесть лѣтъ, подлежавшее во всякое время отобранію и дававшееся учителю съ условіемъ, чтобы онъ училъ по утвержденному плану и прянятымъ въ руководство учебникамъ и давалъ уроки не болѣе какъ въ одномъ семействѣ! Рядомъ съ этимъ шло и отчужденіе отъ иностранной литературы. Примѣры основныхъ правилъ и мѣръ, принятыхъ австрійскою цензурою, слишкомъ мелки для серьезныхъ страницъ исторіи; тѣмъ не менѣе, въ Италіи эти мѣры и правила приняли въ нѣкоторомъ родѣ историческій характеръ. Здѣсь не только всякая политическая литература подавлялась въ самомъ зародышѣ, не только новыя историческія сочиненія какого нибудь Ботты или Коллетты подвергались запрещенію, не только французская современная литература, а еще болѣе нѣмецкая, находились подъ строгимъ надзоромъ, — но

---

[86]) Декретъ придворной коммисіи по дѣламъ образованія отъ 14 дек. 1825 г.

даже классическіе поэты Италіи были частію запрещены, частію дозволены съ пропусками, и такіе старые историки, какъ Верри, Джіанноне, Гиббонъ сначала допускались только въ изуродованномъ видѣ, а такіе какъ Макіавелли, Дару, Пиньотты, Раумеръ, впослѣдствіи были совсѣмъ запрещены; прекрасное сочиненіе Литты о знаменитыхъ итальянскихъ фамиліяхъ (начиная съ 1819 г.) едва-едва было пропущено цензурою. Для отклоненія тосканскаго правительства отъ его болѣе снисходительной цензурной системы, Австрія и Модена дѣлали многократныя усилія. Когда Карлъ Альбертъ приглашалъ графа Литту помѣстить въ его сочиненіе Савойскій домъ, австрійское правительство старалось воспротивиться этому; мало того, когда Мельхіоръ Джіоіа подарилъ нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій императору Александру, Австрія запретила этотъ родъ изъявленія преданности чужому государю! Такими средствами правительству удавалось удерживать и тѣ немногіе лучи свѣта, которые пропускалъ еще цензурный уставъ 1810 г. Вслѣдствіе этого Австрія далеко отстала отъ своего времени по умственному и политическому образованію и по общему виду частной жизни. Всякое серьезное стремленіе къ дѣятельности было подавлено, люди сдѣлались рабами чувственныхъ наслажденій и жили совершенно лишенные чувства собственнаго достоинства, честолюбія и соревнованія въ свободной области духа. Неизмѣримая бездна раздѣляла Германію и Австрію. Умственная атмосфера Австріи до того была отлична отъ Германской, что въ ней совершенно задохлись умы Шлегеля и Генца. Все блестящее развитіе нѣмецкой философіи не оказывало никакого непосредственнаго вліянія на Австрію; философія въ этой послѣдней преподавалась, какъ въ средніе вѣка, только въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; профессорамъ университетовъ было запрещено преподавать метафизику и толковать о религіозныхъ предметахъ. Все движеніе нѣмецкой теологіи прошло безплодно для Австріи въ большей даже степени, чѣмъ для православно-греческой Россіи. Въ продолженіе сорока лѣтъ, австрійская наука законовѣдѣнія ограничивалась тѣмъ, что обработывала сводъ законовъ какъ нѣчто совершенно замкнутое и дополняла его, по приказанію, изъ естественнаго права; обыкновеніе пользоваться общимъ Германскимъ правомъ, какъ источникомъ для разъясненія недоразумѣній, вышло изъ употребленія; на труды нѣмцевъ по разработкѣ римскаго права не

обращалось никакого вниманія; изученіе нѣмецкаго государственнаго права и отечественной исторіи было прекращено съ 1808 г. Даже въ отношеніи къ самымъ неважнымъ изъ естественныхъ наукъ, Австрія отстала отъ другихъ странъ на четверть столѣтія, а въ болѣе значительномъ движеніи ихъ она не принимала никакого участія. Въ исторической наукѣ, кромѣ сухихъ собраній источниковъ, появилось нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій съ біографическимъ и монографическимъ характеромъ, но не нашлось ни одного австрійца, который попытался бы написать хоть такую исторію своего отечества, какую написалъ Карамзинъ,—не смотря на то, что династическіе интересы, казалось, должны были способствовать осуществленію такого предпріятія. Когда Штейнъ искалъ въ Вѣнѣ поддержки изданію своихъ историческихъ источниковъ, Генцъ боялся, что такое сочиненіе обольетъ ядомъ всю современную эпоху; по его мнѣнію, императоръ не потерпѣлъ бы этого дѣла изъ справедливаго подозрѣнія ко всему, что имѣетъ характеръ общества или союза [87]); никогда еще австрійская умственная жизнь не обращалась такъ презрительно и безстыдно съ умственною жизнью Германіи, какъ въ царствованіе Франца. Духъ нѣмецкихъ училищъ и университетовъ, который въ это время оказывалъ вліяніе даже на отдаленную Сибирь, который въ Англіи вызывалъ оппозицію противъ обычаевъ старины, во Франціи и даже въ Испаніи служилъ предметомъ изученія и подражанія, — этотъ духъ не имѣлъ никакого доступа въ Австрію. Всѣ успѣхи нѣмецкой филологіи не принесли поэтому Австріи никакой пользы. Только языки и литература восточныхъ народовъ, пользовавшіеся покровительствомъ правительства уже потому, что они составляли предметъ государственной потребности, имѣли въ ней достойныхъ представителей; а древне-германская филологія и наука словесности проникли въ нее вмѣстѣ съ романтиками, — что послѣ 1818 г. совершилось бы съ гораздо большимъ трудомъ, если бы не сдѣлалось прежде. Послѣ 1814 г. (и прежде позволенія стихотвореній молодой школы, навѣянныхъ новымъ европейскимъ духомъ оппозицій), Австрія тщеславилась нѣкоторыми произведеніями поэтической шумихи, которыя національная гордость безъ всякаго затрудненія ставила на ряду

---

[87]) Жизнь Штейна 5, 582.

съ величайшими твореніями нѣмецкой поэзіи. Также точно Австрія хвасталась тѣмъ, что Меттернихъ возстановилъ академію художествъ и въ продолженіе 25 лѣтъ покровительствовалъ искусствамъ; за границей объ этомъ никто ничего не зналъ. Да и какъ могли процвѣтать искусства въ государствѣ, которое не воздвигало памятниковъ почти ни одному изъ своихъ лучшихъ гражданъ или воиновъ! Только въ музыкальномъ отношеніи Вѣна если не производила большихъ дарованій, то притягивала ихъ къ себѣ. Имя и произведенія Бетговена получили огромную извѣстность со времени вѣнскаго конгресса; они были пріятнѣйшими грезами въ большомъ умственномъ снѣ Австріи. Но какъ сочиненія Вальтеръ-Скотта способствовали развитію въ Германіи и Австріи механическаго легкаго чтенія, точно также и въ музыкальномъ отношеніи, непомѣрное развитіе механической стороны всякаго рода музыки, а особенно инструментальной, приняло эпидемическій характеръ въ обѣихъ этихъ странахъ. Въ большое употребленіе вошло механически-ремесленное приготовленіе не-артистовъ для исполненія концертныхъ пьесъ,—дѣло, которое древніе считали не безопаснымъ для гражданской и военной дѣятельности, ненужнымъ для разумнаго наслажденія истиннымъ искусствомъ и, какъ думаютъ и нынѣшніе англичане, недостойнымъ мужчины. Если уже направленіе нѣмецкой умственной дѣятельности этого времени состояло въ удаленіи отъ дѣйствительной жизни, то этотъ родъ безсловесной и безсмысленной музыки, эта техническая разработка искусства фантазировки, и подавно должны были отдалить отъ практической и истинно-умственной жизни и привести къ простому, лишенному мысли, чувственному наслажденію, въ которомъ лежала неминуемая гибель всякаго изящнаго вкуса и художественной критики. Изъ итальянскихъ донесеній кавалера Менца Меттерниху видно, что развитіе сенсуализма намѣренно поддерживалось въ Австріи, какъ существеннѣйшее средство для развлеченія неспокойныхъ умовъ. Для осуществленія этого плана нельзя было придумать ничего лучше этой музыкальной шумихи, которой древніе придавали, на ряду съ танцами, сномъ и пиршествами, значеніе забавы, располагавшей людей къ замѣнѣ серьезныхъ жизненныхъ интересовъ игрою и удовольствіями; она была для взрослыхъ дѣтей чѣмъ-то въ родѣ хлопушекъ Архотаса, которыя въ древности давались маленькимъ дѣтямъ для того, чтобы они ни-

чего не ломали въ домѣ. Въ Италіи, гдѣ политическое нетерпѣніе обнаруживалось въ большей степени, люди мыслящіе начали понимать значеніе этого усыпляющаго искусства и даже своей вокальной и оперной музыки. Уже Альфіери сердился на отсутствіе соли въ оперной забавѣ своихъ соотечественниковъ; теперь же даже тѣ люди, которые восхищались своею современною музыкою въ отдѣльныхъ произведеніяхъ, строго осуждали всю оперную композицію за ея чувственный и женственный характеръ; къ тому же, сочиненіе оперъ сдѣлалось чистою спекуляціею и не представляло ничего, „что было бы достойно мыслящаго существа [88]“.

Заботы о матеріальныхъ интересахъ.

Умственное отчужденіе Австріи имѣло естественнымъ слѣдствіемъ то, что уже въ тридцатыхъ годахъ всѣ нѣмцы, принимавшіе къ сердцу политическіе интересы своей родины, начали съ своей стороны чуждаться этой замкнутой страны и считать ее потерянною для Германіи. Умственное движеніе сдѣлалось такою неодолимою потребностью нѣмецкой натуры, что она убѣгаетъ отовсюду, гдѣ ей нечего дѣлать. Даже Шлегель въ 1810 г. публично училъ въ Вѣнѣ, что государство существуетъ только для высшаго развитія человѣческаго духа, и требовалъ реформъ, которыя оживили бы духъ, возбудили его къ дѣятельности и преобразовали государство сообразно съ измѣнившимся положеніемъ дѣлъ. Реформы эти казались еще болѣе необходимыми въ странѣ, имѣвшей весьма немного хорошо устроенныхъ водяныхъ путей, скудно снабженной искусственными путями сообщенія, заключающей въ себѣ разнородное, дурно образованное населеніе, мало чѣмъ отличающееся отъ варваровъ, — слѣдовательно, въ странѣ, въ которой сама природа располагаетъ къ механической жизни, отсутствію нуждъ и беззаботности. Въ виду этихъ неблагопріятныхъ естественныхъ обстоятельствъ, разумные люди находили необходимымъ здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ либо, размножать до послѣдней степени образовательныя учрежденія, хоть бы для того, чтобы пробужденіемъ самодѣятельности въ жителяхъ сдѣлать производительными матеріальные вспомогательные источники страны, остававшіеся до тѣхъ поръ безъ всякаго полезнаго примѣненія. Но и въ этомъ отношеніи царствованіе Франца не ознаменовалось особенно благопріятными дѣйствіями,

88) Маріотти, Italy past and present.

хотя Австрія, да и самъ Меттернихъ любили указывать на матеріальное благосостояніе народа, какъ на вознагражденіе за отсутствіе политической и умственной жизни, при чемъ говорили, что правительство старалось покровительствовать развитію этого благосостоянія исполненіемъ общихъ желаній и предотвращеніемъ всякихъ безпорядковъ. Поэтому необходимо обратить вниманіе и на эти отношенія, чтобы узнать, благодѣтельно или вредно дѣйствовала правительственная система на матеріальные интересы.

Финансы. Вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ, которыя Австрія вела съ Франціею въ продолженіи двухъ десятилѣтій, экономическое состояніе имперіи съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже. Постоянное несчастіе ея въ этихъ войнахъ и было причиною того, что ни одинъ заемъ не удавался ей и правительство видѣло себя въ необходимости отъ времени до времени выпускать огромное количество бумажныхъ денегъ, дошедшее въ 1811 г. до 1060 милліоновъ флориновъ, которыя упали на двѣнадцатую часть своей номинальной цѣны. Территоріальное ослабленіе государства послѣ войнъ 1805 и 1809 гг. еще болѣе усилило это бремя; правительство принуждено было обратиться къ извѣстнымъ мѣрамъ 1811 г., состоявшимъ въ томъ, что оно, понизивъ выпущенные банковые билеты на пятую часть ихъ номинальной цѣны, обмѣнило ихъ на новые „размѣнные знаки", и означенная сумма уменьшилась такимъ образомъ до 212 милліоновъ флориновъ; эти послѣдніе съ тѣхъ поръ сдѣлались ходячею монетою государства (Wiener Währung), чрезъ посредство которой должны были совершаться въ будущемъ всѣ денежныя дѣла. Въ тоже время проценты негоцированнаго долга (около 650 мил. фл.) были понижены на половину. Правительство обѣщало не увеличивать больше количество новыхъ размѣнныхъ знаковъ, выпущенныхъ на сумму 212 мил. Но война 1813 г. заставила нарушить это обѣщаніе; уже до начала ея, правительство видѣло, что оно не будетъ въ состояніи сдержать данное слово. Къ октябрю 1815 г. были снова выпущены новые билеты „Anticipationsscheine" на 466 мил. флориновъ; вслѣдствіе этого, вся сумма бумажныхъ денегъ, находившихся въ обращеніи, составляла по заключеніи мира около 700 милліоновъ, которыхъ курсъ отъ марта 1815 г. до начала 1816 г. подвергался сильнѣйшему колебанію (между 300—430). Правительство увидѣло

необходимость помочь шаткому положенію всѣхъ дѣлъ, бывшихъ послѣдствіемъ этихъ финансовыхъ операцій, уничтожить невыгоды отъ постоянныхъ измѣненій въ цѣнности ходячихъ денегъ, положить конецъ затруднительнымъ денежнымъ обстоятельствамъ уменьшеніемъ числа кредитныхъ бумагъ и возстановленіемъ болѣе натуральнаго обращенія ихъ, улучшить положеніе государственныхъ кредиторовъ (которые получали на половину пониженные въ 1811 г. проценты, да еще потерявшими цѣну Wiener Währung,) и, наконецъ, возстановить потрясенный государственный кредитъ на прочныхъ основаніяхъ. Для удовлетворенія всѣмъ этимъ потребностямъ австрійское правительство съ 1815 г. рѣшилось принять сильныя, рѣшительныя и полныя самопожертвованія мѣры. Уже въ мартѣ 1815 г., когда, по поводу возобновившейся войны съ Наполеономъ, правительству пришлось открыть заемъ въ 50 мил. фл. бумажными деньгами (курсъ которыхъ въ то время былъ 360—370) и предложить на нихъ $2^1/_2$% конвенціонною монетой, — оно сдѣлало первый шагъ на пути проектированныхъ имъ финансовыхъ операцій и съ помощію выгодныхъ процентовъ (почти 10%) привлекло даже участіе иностранныхъ капиталистовъ. По заключеніи этого займа [1] и при ожиданіи дальнѣйшихъ мѣръ правительства, цѣнность новыхъ облигацій и курсъ бумажныхъ денегъ начали тотчасъ же повышаться. Вслѣдъ за тѣмъ министръ финансовъ, графъ Стадіонъ, знаменитымъ патентомъ [1] открылъ рядъ постановленій, послужившихъ основаніемъ финансовой будущности Австріи. Правительство отказывалось отъ всякаго новаго выпуска бумажныхъ денегъ съ принудительною цѣнностью (Zwangswerth) и принудительнымъ обращеніемъ (Zwangsumlauf); выпущенныя прежде того должны были, посредствомъ непрерывнаго, добровольнаго размѣна, мало по малу выйти изъ употребленія, а основаніемъ денежнаго обращенія снова сдѣлалась конвенціонная чеканная монета. Для размѣна бумажныхъ денегъ патентъ предлагалъ на выборъ два средства. Во-первыхъ, внесеніемъ 2000 фл. бумагами Wiener Währung или 200 фл. конвенціонной монетой можно было пріобрѣсть одну изъ 50,000 акцій, которыя должны были образовать основной капиталъ имѣвшаго учредиться національнаго банка и которыхъ цѣнность должна была опредѣлиться дѣлами и барышами этого новаго учрежденія. Во-вторыхъ, внеся 140 фл. (самая

[1] 9 марта 1816.

[1] 1 іюня.

меньшая размѣнная сумма) бумажными деньгами, назначенными къ погашенію, можно было получить 40 фл. конвенціонною монетою въ видѣ размѣнныхъ во всякое время банковыхъ билетовъ (что, по тогдашнему курсу въ 346, составляло почти всю дѣйствительную цѣнность 140 фл.) и, кромѣ того, 1% облигацію въ 100 фл. Этотъ второй способъ представлялъ болѣе близкія и простыя выгоды, чѣмъ первый; перспектива получить посредствомъ его почти 50% барыша, соединенная съ увѣренностью, что размѣнная цѣна выше этой уже не будетъ предложена, были причиною большаго успѣха этой мѣры. Бумажныя деньги начали поступать къ размѣну въ такомъ огромномъ количествѣ, что не далѣе какъ через семь недѣль [1] размѣнъ этотъ долженъ былъ остановиться по недостатку заготовленныхъ средствъ. Тогда правительство приняло другую мѣру. Новый патентъ [2] открылъ хорошо обезпеченный, добровольный заемъ, который долженъ былъ составиться на одну половину изъ государственныхъ процентныхъ бумагъ, на другую — изъ ходячихъ бумажныхъ денегъ. За 5% облигацію въ 100 фл. (которая, послѣ пониженія процентовъ въ 1811 г., приносила только $2^1/_2$ фл. W. W., т. е. по нынѣшнему курсу въ 322 только около 46 крейцеровъ, или представляла собой цѣнность не болѣе какъ въ 15 фл. 24 кр.) и за 108 фл. денежными знаками, Scheine (=31 фл. 3 кр. конв. мон.),—и того за 46 фл. 27 кр. выдавалась 5% облигація (métallique) въ 100 фл., проценты которой выплачивались конвенціонной монетой. Въ этомъ займѣ, который долженъ былъ указаннымъ путемъ производить размѣнъ бумажныхъ денегъ и въ тоже время погашать старый процентный долгъ, государство давало 120—130 милліоновъ 5% депозитныхъ денегъ за такую же номинальную сумму стараго долга (дѣйствительная цѣнность котораго составляла только $17^1/_2$ мил. фл.) и за $129^1/_2$ мил. фл. W. W. (бумаги съ дѣйствительною цѣнностью въ $37^1/_2$ мил.),—и того, за 55 милліоновъ.

Въ началѣ 1817 г., вслѣдствіе одновременныхъ большихъ финансовыхъ операцій другихъ правительствъ и усилившагося отъ того запроса на капиталы, фонды всѣхъ государствъ материка упали до послѣдней степени; вмѣстѣ съ ними и новыя австрійскія депозитки понизились на $44^1/_2$. Правительство начало дѣлать новыя усилія къ упроченію своего кредита. Оно основало [3] общій фондъ

[1] 18 авг.
[2] 29 окт.
[3] Янв. 1817.

погашенія и ввело въ привилегіи банка, подробный статутъ котораго былъ теперь[1] обнародованъ, разныя улучшенія, долженствовавшія привлечь къ участію въ немъ. Такъ оно возвысило ежегодную сумму, которая была назначена имъ на уплату банковаго долга и удвоило число акцій, понизило стоимость ихъ на половину (100,000 взносовъ по 1000 фл. W. W. и 100 фл. конв. мон.). На каждую акцію былъ обѣщанъ дивидендъ въ 30 фл., независимо отъ части барыша, долженствовавшій приноситься банковыми дѣлами. Правительство объявило банковые билеты законнымъ средствомъ платежа, приняло на себя ручательство за всѣ платежи банка, еще раньше перенесло въ него размѣнный фондъ и управленіе фондомъ погашенія и заставляло думать, что впередъ оно будетъ вести съ нимъ всѣ кредитныя дѣла. Все это, въ соединеніи съ имѣвшимся въ виду широкимъ кругомъ дѣйствій банка, какъ учетнаго и переводнаго учрежденія, обѣщало значительные барыши; уже дивидендъ въ 30 фл. конв. мон. служилъ достаточною приманкой, потому что акція стоила всего $398^1/_2$ фл. конв. мон.,— такъ какъ 1000 фл. W. W. были по курсу равны только $298^1/_2$ фл. Но дивидендъ скоро еще болѣе возвысился и къ концу 1818 года достигъ уже до 47 фл. Вслѣдствіе этого, запросъ на акціи возрасталъ съ быстротою, такъ что въ концѣ 1819 года было сдѣлано уже 50,621 взносовъ, или 50,621,000 фл. W. W., за которые банкъ получилъ такую же сумму государственныхъ облигацій съ $2^1/_2$% конв. монетою. Тогда пріемъ взносовъ былъ прекращенъ, чтобы не усиливать больше дѣлежа предвидѣвшагося барыша. Съ помощью всѣхъ этихъ операцій, къ которымъ присоединился еще въ 1818 г. заемъ въ 50 мил. фл. чистыми деньгами,—правительство увидѣло себя въ состояніи поднять курсъ бумажныхъ денегъ на 250 и удерживать его на этой степени съ незначительными колебаніями, и достигло результата, который оно имѣло въ виду съ самаго начала и положило въ основаніе своей сдѣлки съ банкомъ, заставившей банкъ производить дальнѣйшій выкупъ бумажныхъ денегъ.

Въ началѣ 1818 года была принята въ пользу старыхъ кредиторовъ государства новая мѣра, касавшаяся процентнаго долга. По окончаніи займа 29 октября[1] этотъ долгъ составлялъ 488 милліоновъ. Новый патентъ[1] обнародовалъ новый планъ погашенія и превра-

[1] 15 іюля.

[1] 1 апр. 1818.

[1] 21 марта 1816.

щенія его. 488 милліоновъ были раздѣлены на 488 серій; изъ нихъ ежегодно должны были выниматься по тиражу пять, а заключавшимся въ этихъ послѣднихъ облигаціяхъ предоставлено было полное пользованіе первоначальными процентами конв. монетою. Старыя облигаціи, приносившія съ 1811 г. $2^1/_2$ % W. W. (при теперь установившемся курсѣ въ 250, тоже что 1% конв. монет.), начали теперь приносить по прежнему въ пятеро больше. Затѣмъ, для облегченія бремени, происшедшаго отъ этого повышенія, было положено погашать ежегодно сумму въ 5 милл. фл. Заманчивая надежда попасть въ тиражъ, и вслѣдствіе того начать пользоваться полными процентами, была причиною повышенія цѣны старыхъ облигацій до такой степени, что государству съ каждымъ днемъ обходились дороже увеличеніе процентныхъ платежей и шедшій рядомъ съ ними размѣнъ погашавшейся суммы. Если это превращеніе и погашеніе стараго долга будетъ окончено въ 1866 г., то (по исчисленіямъ Тегоборскаго) оно обойдется государству въ 536 милл. фл. и оставитъ ему къ 1867 г. новый долгъ въ 223 милл. фл.; причина этого заключается въ томъ, что всѣ вышеупомянутыя обязательства, къ которымъ еще присоединялось непомѣрное бремя, создавшееся новыми запутанностями внѣшней политики,—не могли быть выполнены безъ новыхъ займовъ; и дѣйствительно, длинный рядъ этихъ займовъ продолжался до конца царствованія императора Франца, когда итогъ ихъ составлялъ $567^1/_2$ милл. Къ 1841 году эта сумма (не считая четырехъ лотерейныхъ займовъ, составившихъ въ итогѣ 113 милліоновъ) возрасла до 606, или за вычетомъ 5% отъ оборота, до 532 милл. фл. Передъ 1816 г. государство заплатило за свой долгъ 5,381,690 фл. к. м. процентовъ; въ 1831 г. ему пришлось уже заплатить 21 милл., а въ 1842 г., если прибавить къ этой суммѣ платежи по лотерейнымъ займамъ, издержки по фонду погашенія и ломбардо-венеціянскому долгу,—на немъ лежало ежегодное бремя въ 49 милліоновъ. Такимъ образомъ финансовый расходъ въ продолженіи 26 лѣтъ увеличился болѣе чѣмъ въ пять разъ.

Продолженіе. Эта финансовая система, начиная съ первыхъ ея шаговъ въ означенныхъ операціяхъ 1816 г. до позднѣйшихъ результатовъ, встрѣчала самое рѣзкое порицаніе со стороны почти всѣхъ австрій-

скихъ ученыхъ [89]). Они, напротивъ того, держались во всей строгости теоретической доктрины, которая въ указанныхъ мѣрахъ находитъ несправедливымъ свойство и способъ вознагражденія посредствомъ тиража (потому что выгода отъ него должна получаться скорѣе спекулянтомъ, чѣмъ мелкимъ владѣтелемъ акцій, не имѣющимъ возможности такъ хорошо выжидать время); кромѣ того, во всемъ этомъ дѣлѣ возвышенія упавшихъ бумажныхъ денегъ, означенная доктрина осуждаетъ даже цѣль, состоящую въ мнимомъ вознагражденіи,—осуждаетъ потому, что цѣль эта не достигается, вслѣдствіе невозможности вознаградить первоначальнаго владѣльца упавшихъ денегъ, которыя тѣмъ быстрѣе переходятъ изъ рукъ въ руки, чѣмъ болѣе стоимость ихъ падаетъ. Но эта строгость теоріи, казалось, слишкомъ неосновательно ставила здѣсь право права ниже права нужды; отъ того то, въ примѣненіи къ этому случаю, строгость была умѣрена самою теоріею [90]) на томъ основаніи, что сильнѣйшій упадокъ стоимости австрійскихъ бумажныхъ денегъ (около и сверхъ 400) длился всего одинъ годъ (1815—1816), и что вслѣдствіе этого, да еще при существованіи постоянныхъ обязательствъ, принятыхъ правительствомъ съ 1811 г., стремленіе правительства удерживать въ теченіи этого года курсъ бумажныхъ денегъ среднимъ числомъ на 250—было найдено справедливымъ и основательнымъ. Затѣмъ, при жалобахъ на совершенно ненужную дороговизну этихъ операцій, не принимались въ разсчетъ всеобщее состояніе тогдашнихъ финансовъ, большая потребность въ капиталахъ и высокій ростъ процентовъ того времени, когда австрійское правительство, при каждой другой мѣрѣ къ возстановленію наличнаго денежнаго обращенія, должно было бы приносить почти такія же большія жертвы. Къ этому присоединилось еще то, что въ этой странѣ, гдѣ ни прежній способъ всеобщаго правленія и характеръ прежнихъ правителей, ни настоящее положеніе дѣла, ни вос-

---

[89]) Тегоборскій, Des finances et du credit publique de l'Autriche. Paris 1843; сочиненіе, составленное по показаніямъ фонъ Кюбека и, въ нѣкоторой мѣрѣ, по его программѣ.—Тебельди (Бейдтель), Die Geldangelegenheiten Oesterreichs. Лейпц. 1847, ср. съ Анти-Тебельди, Л. Іона. Лейпц. 1848. Фонъ Гауеръ, Beiträge zur Geschichte der Oester. Finanzen. Вѣна 1848. Гюбнеръ, Oesterreichs Finanzlage und seine Hülfsquellen. Вѣна 1849.

[90]) Небеніусъ; Der öffentliche Credit, 1820, стр. 385 и слѣд.

поминаніе о только что минувшей финансовой невзгодѣ, ни политическое устройство — не представляли благопріятныхъ ручательствъ и не возбуждали довѣрія,—въ этой странѣ, говоримъ мы, для поднятія и возстановленія государственнаго кредита необходимо было необыкновенное заявленіе доброй воли, вѣрности и вѣры. Вслѣдствіе всего этого, при снисходительномъ обсужденіи дѣла, нельзя не признать, что означенныя начала финансовой дѣятельности австрійскаго правительства находятся въ соотвѣтствіи съ остальными лучшими намѣреніями, которыя, по нашему мнѣнію, проявлялись въ первые годы реставраціи, и что министръ финансовъ, графъ Стадіонъ, былъ достоинъ своей тогдашней доброй славы [91]). За то эти порицанія становятся справедливѣе относительно послѣдующаго времени и дальнѣйшаго хода финансоваго управленія. Съ того времени, когда самыя большія трудности (около 1820 г.) были побѣждены, снисходительные наблюдатели, съ удивленіемъ смотрѣвшіе на финансовые результаты этихъ первыхъ годовъ, съ увѣренностью ждали постепеннаго и даже быстраго осуществленія цѣли (возстановленіе денежнаго обращенія) безъ ненужныхъ и слишкомъ большихъ жертвъ. Но ожиданіе это не сбылось. При годовой издержкѣ 4 мил. фл., остальная сумма бумажныхъ денегъ (450 мил. фл.) могла быть погашена въ теченіе сорока пяти лѣтъ; вслѣдствіе договора, по которому правительство предоставило эту операцію банку, оно окончило размѣнъ вдвое скорѣе вышеозначеннаго срока; но это было сдѣлано цѣною цѣлаго ряда займовъ, которые стеклись въ банкъ и оставили государству ежегодное бремя процентныхъ платежей на сумму 4 мил. фл. Большія и постоянныя преимущества этого, въ основаніи своемъ превосходнаго учрежденія, впослѣдствіи вели все болѣе и болѣе къ самымъ разнообразнымъ злоупотребленіямъ легкомысленнаго управленія его: къ отступленію отъ первоначальныхъ полезныхъ назначеній (напр. въ отношеніи резервнаго фонда), къ нанесенію вреда и стѣсненію другихъ провинціальныхъ учрежденій того же рода, къ чрезмѣрному увеличенію количества дѣлъ, къ безмѣрнымъ ссудамъ правительству и т. д.

---

[91]) Говоря это, мы порицаемъ однако его панегиристовъ, которые по смерти его, въ 1843 г., высказывали въ Allg. Zeit. мысль, что исторія его дѣятельности должна быть написана ангелами.

Въ началѣ 1823 г. правительство обязалось предоставлять въ распоряженіе банка наличныя деньги, которыя понадобятся ему для производства размѣна. Съ этихъ поръ банкъ могъ расширить кругъ своихъ дѣйствій, и дѣйствительно дѣла его разрослись до того, что далеко превысили его размѣнный фондъ; государство же, вслѣдствіе обязательности банка, сдѣлалось солидарнымъ должникомъ. Если въ началѣ банкъ удерживалъ между своимъ наличнымъ фондомъ и билетами, находившимися въ обращеніи, пропорцію 1 : 1^{38}, то эта пропорція уже въ 1825 г. превратилась въ 1 : 4^{32}, а въ 1840 г. упала на 1 : 10^{45}. Несоразмѣрные барыши, которые банкъ извлекалъ въ теченіе трехъ слѣдующихъ десятилѣтій изъ этого благопріятнаго положенія, составляли, по разсчету нѣкоторыхъ писателей [92]), огромныя суммы. Въ 1840 г. дивидендъ достигъ 90 фл. и даже больше того: акція, купленная сначала на биржѣ за 500 фл., стоила теперь 1885. При этомъ слышались жалобы, что банкъ, которому счастье благопріятствовало въ такой степени, не оказывалъ соотвѣтственнаго этимъ успѣхамъ покровительства торговлѣ и промышленности, а тѣмъ менѣе мелкой торговлѣ и мелкой промышленности,—что онъ, какъ учетный банкъ, приносилъ существенную пользу только большимъ торговымъ домамъ Вѣны, доставляя имъ случай получать за 4o/o крупныя денежныя суммы, которыя могли приносить имъ 6o/o и болѣе. Въ сравненіи съ парижскимъ банкомъ, вѣнскій дѣлалъ все болѣе и болѣе значительныя дѣла; средній доходъ отъ учетныхъ операцій перваго считали въ 579 фл., а отъ тѣхъ же операцій втораго — въ 4822 фл. Эти цифры служатъ доказательствомъ обширности круга дѣйствій, которая не соотвѣтствуетъ значенію Вѣны, какъ торговаго пункта; потому то при самомъ основаніи банка даже самые благосклонные судьи австрійскаго финансоваго управленія нашли его фондъ (сравнительно съ фондомъ банка парижскаго) слишкомъ великимъ въ отношеніи къ потребностямъ австрійской торговли. При такихъ щедрыхъ вкладахъ, банкъ отъ вѣрныхъ выгодъ, приносившихся солидными предпріятіями, перешелъ къ смѣлому ажіотажу и другимъ спекуляціямъ; въ Вѣнѣ собралась шайка ростов-

---

92) Гюбнеръ, стр. 61; съ нимъ почти согласенъ и графъ Деймъ: «Das Bank- und Notenwesen in Oesterreich, стр. 13.

щиковъ изъ высшихъ и низшихъ классовъ; городъ сдѣлался средоточіемъ европейской биржевой игры, что, при усиливавшемся развитіи государственнаго лото и частыхъ имущественныхъ лотерей, не мало способствовало всеобщей испорченности нравовъ. Покровительство и содѣйствіе, оказывавшіяся правительствомъ всѣмъ этимъ безпорядкамъ и особенно системѣ займовъ со всѣми ея вредными сторонами, —часто приписываются корыстолюбію и продажности тогдашнихъ начальниковъ управленія; самые желчные порицатели [93]) подозрительно смотрѣли уже на первые шаги, сдѣланные въ 1816 г. для улучшенія участи государственныхъ кредиторовъ, какъ на мѣру, приготовленную уже въ 1811 г. и бывшую „драгоцѣнною тайной" нѣсколькихъ посвященныхъ; другіе писатели прямо называли по именамъ лица — то Генца, то преемниковъ Стадіона, то еще выше поставленныхъ лицъ и обвиняли ихъ — однихъ въ продажности, другихъ — въ новыхъ выпускахъ облигацій, предназначенныхъ къ погашенію, третьихъ—въ поддѣлкѣ австрійскихъ бумагъ. Но существенная причина указанной выше снисходительности правительства лежитъ далеко не въ случайномъ характерѣ лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія; она заключается прежде всего въ свойствѣ всей политической системы. Для нея выгодно было усыпить благосостояніемъ среднее сословіе, которое находитъ болѣе удобнымъ для себя давать свое имущество въ займы государству; ей нравится этотъ порядокъ вещей, создавшій изъ разбогатѣвшихъ государственныхъ кредиторовъ новое сословіе—денежную аристократію, которое составляетъ противодѣйствіе старымъ привилегированнымъ сословіямъ и само никогда не подвергаетъ государство непосредственнымъ опасностямъ, такъ же какъ и не заявитъ притязаній, лежащихъ въ сословной натурѣ дворянства и духовенства. Солидарность денежной аристократіи, которая должна заботиться объ огромномъ долгѣ въ 20 милліардовъ фл. и болѣе, лежащемъ теперь на европейскихъ государствахъ, служитъ причиною того, что скованное корыстолюбіе старается сохранить покорность внутри и спокойствіе извнѣ, — вотъ отчего всѣ денежныя знаменитости ревностнѣе всего хлопотали до сихъ поръ объ обогащавшей ихъ Австріи и цѣлости ея состава и охотно поддерживали ея финансовую систему, не боясь

---

93) Тебельди.

близости границы (необыкновенно далеко раскинутой), гдѣ эта система могла повредить ихъ собственнымъ интересамъ.

Торговля и промышленность.

Какъ ни успѣшны оказались австрійскія финансовыя операціи въ первые годы мира, но важнѣйшимъ и надежнѣйшимъ средствомъ къ возвышенію государственнаго кредита было бы конечно основаніе бережливаго и дѣятельнаго управленія, которое представило бы свободное поле дѣятельности всѣмъ силамъ страны, сохраняло и увеличивало вспомогательные источники ихъ и пользовалось какъ выгодами мира, такъ и преимуществами большаго внутренняго рынка для того, чтобы оказывать дѣятельное покровительство земледѣлію, промышленности и торговлѣ. Но именно въ этомъ отношеніи грустный опытъ доказалъ, что соблазнительная легкость созданія финансовыхъ вспомогательныхъ средствъ, заключающаяся въ новыхъ системахъ займовъ, ослабляетъ пружины заботливаго управленія; дѣйствительно, въ этомъ направленіи оказалось болѣе задерживающаго, чѣмъ содѣйствующаго. Что касается торговли, то новое время открылось въ 1815 г. самыми печальными предзнаменованіями. Вслѣдствіе безпорядочныхъ финансовыхъ обстоятельствъ и стѣсненій, ознаменовавшихъ собою бѣдственные 1815—1817 года, отовсюду раздавались безпрерывныя жалобы на отсутствіе всякихъ дѣлъ, недостатокъ денегъ и сильныя банкротства, а эти обстоятельства тогда же породили сильное влеченіе къ денежнымъ спекуляціямъ и ажіотажу. Бѣдствія этихъ годовъ всеобщей дороговизны явились здѣсь на востокѣ въ гораздо болѣе ужасающемъ видѣ, чѣмъ на западѣ. Ломбардію и Моравію опустошали разбойничьи шайки, берега Италіи страшно терпѣли отъ варварійцевъ, въ Трансильваніи и Венгріи свирѣпствовалъ такой голодъ, какой можетъ въ настоящее время быть только здѣсь, да еще въ Россіи, вслѣдствіе недостатка въ путяхъ сообщенія. Потому-то въ царствованіе императора Франца облегченіе, усовершенствованіе и улучшеніе этихъ путей справедливо считались первыми и существеннѣйшими условіями для оживленія мертваго богатства австрійской имперіи, — условіями, въ осуществленіи которыхъ предстояла безотлагательная необходимость. Дѣйствительно въ это время было произведено достаточное число работъ по постройкѣ каналовъ, исправленію рѣчныхъ фарватеровъ, расширенію мореплаванія и сооруженію дорогъ. Всѣ подобныя предпріятія, какъ напр. большія постройки кана-

ловъ и мостовъ въ Венгріи и Италіи, исправленіе Днѣстровскаго фарватера (въ 1818 г.), уничтоженіе посредствомъ Эльбскаго договора (1812 г.) пошлинъ и привилегій судоходства, сооруженіе горныхъ дорогъ въ Тревизо-Ампеццо, Штильфѣ и Шплюгенѣ, устройство путей въ Богеміи при ревностномъ содѣйствіи графа Чотека, возвышеніе молдавскаго судоходства сооруженіемъ Будвейсо-Линцской желѣзной дороги (1829—33),— всѣ подобныя предпріятія, говоримъ мы, каждый разъ приводили къ такимъ успѣшнымъ результатамъ, что въ этомъ отношеніи слѣдовало ожидать еще большей, обширнѣйшей дѣятельности. Австрійское правительство всегда тщеславилось своими постройками дорогъ и мостовъ въ Ломбардіи; въ 1814—35 гг. на эти сооруженія истрачено было около 14 милліоновъ, что однако не должно казаться слишкомъ большою суммою, если принять въ соображеніе огромное значеніе самаго дѣла. Такимъ-же точно образомъ, принимая въ соображеніе величину государства, потребности его и продолжительность благопріятнаго времени мира,—нельзя признавать необыкновенными вообще ни одно изъ означенныхъ дѣйствій правительства,—дѣйствій, въ которыхъ отнюдь не могло имѣть мѣста какое нибудь сомнѣніе по принципу. Но гдѣ только правительствомъ овладѣвало такое сомнѣніе или гдѣ оно встрѣчало даже малѣйшія затрудненія,— тамъ дѣятельность его прекращалась. Такъ, руководимое военными соображеніями, оно содѣйствовало сооруженію многихъ полезныхъ дорогъ въ Италіи,—но тѣ же самыя соображенія были причиною того, что оно постоянно уклонялось отъ окончанія двухъ дорогъ въ Велтлинѣ, служившаго предметомъ всеобщихъ желаній. Феодальныя учрежденія Венгріи, враждебныя всякому духу торговли и промышленности, оставались неприкосновенными; правительство, заподозрѣнное въ пренебреженіи къ сословнымъ правамъ и въ оскорбленіи ихъ, не имѣло ни силы, ни искусства уничтожить таможенную замкнутость этой страны; даже открытіе остальныхъ частей имперіи, т. е. упраздненіе существовавшихъ между ними таможенныхъ линій, произошло только въ 1825—6 годахъ, да и то не въ полномъ видѣ. Запретительная система, со всею своею обстановкою, пограничнымъ надзоромъ, контрабандою, контролемъ таможенныхъ властей и ихъ тяжеловѣснымъ управленіемъ,—сковывала движенія торговли. Внѣ государства эта послѣдняя имѣла весьма мало гаваней

и портовъ; вслѣдствіе этого привозъ и вывозъ, не смотря на изобиліе сыраго матеріала и на благопріятное положеніе государства между Востокомъ и Европою, оставались на довольно невысокой степени. Изъ немногихъ портовыхъ городовъ Венеція въ короткое время до того ушла назадъ, что въ 1828 г. число жителей, бывшихъ въ ней за 14 лѣтъ тому назадъ, убавилось болѣе чѣмъ на одну треть, а вторая треть жила подаяніями; кромѣ стеклянныхъ и воскобѣлильныхъ фабрикъ въ городѣ не было ни одного большаго завода, а въ маленькихъ рабочіе просили милостыни у каждаго посѣтителя; великолѣпныя предпріятія прежняго времени уничтожились почти необъяснимымъ образомъ; также точно оставалось непонятнымъ, почему въ Венеціи не было ни одной шелковой фабрики [94]. Напротивъ того, Тріесту давали названіе любимаго дитяти австрійскаго правительства; итогъ привозной торговли его дошелъ въ годъ смерти императора Франца до 70 мил. фл., между тѣмъ какъ въ 1820 г. и привозная и отвозная торговли того же города простирались вмѣстѣ только на половину этой суммы. При всемъ томъ еще въ 1828 г. всѣ выгоды отъ быстро развивавшагося пароходства между Тріестомъ и Венеціею получались однимъ монополистомъ-англичаниномъ, а впослѣдствіи самыя правильныя мѣры къ доставленію Тріесту возможности—извлекать пользу изъ своего превосходнаго мѣстоположенія приняты были однимъ частнымъ лицомъ, жителемъ нижняго Рейна, творцемъ тріестскаго пароходства и австрійскаго Ллойда; правительство же въ это время корпѣло надъ планами остъ-индскихъ торговыхъ обществъ, которымъ не благопріятствовалъ больше духъ времени и для осуществленія которыхъ не было матеріальныхъ средствъ [95]. Такимъ образомъ непосредственная австрійская торговля, т. е. плаваніе на собственныхъ судахъ въ отдаленные порты, оставалась на самой невысокой степени. Маленькій торговый флотъ до того былъ лишенъ защиты флота военнаго, что Австрія, для того, чтобы не выпрашивать, подобно Тосканѣ и Риму, охраны своихъ береговъ у Англіи, должна была въ 1814 г. заключить съ Портою договоръ, въ силу котораго эта

---

[94] Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ несомнѣннаго источника, касающагося положенія Австріи въ это время,—именно изъ сочиненія Бюргера: «Reise durch Oberitalien».

[95] Нольте, Reminiscenzen aus meinem Leben. 1854. часть 2.

послѣдняя приняла на себя обезпеченіе австрійскихъ торговыхъ судовъ отъ нападеній варварійцевъ. А между тѣмъ въ 1816 г. Австрія нашла въ венеціянской гавани восемь линейныхъ кораблей и семь фрегатовъ! И она допустила ихъ до совершеннаго разрушенія, она оставляла остовы начатыхъ фрегатовъ неоконченными [96]), она ни на волосъ не воспользовалась великолѣпными военными верфями Венеціи, она довела свой флотъ до того, что въ немъ оказалось только небольшое число маленькихъ судовъ,—и это, какъ говорятъ, сдѣлала она вслѣдствіе вытребованнаго у нея Англіею обязательства—не держать большихъ кораблей на Адріатическомъ морѣ. Если это правда, то такой поступокъ можетъ быть причисленъ третьимъ къ двумъ подобнымъ явленіямъ, къ только что упомянутому договору съ Турціею и загражденію Дунайскаго прохода Россіею,—загражденіе, которое Австрія терпѣла слишкомъ долго. Этотъ ничтожный, страдательный характеръ внѣшней политики и внутренней свободы, безъ которыхъ торговля народа не можетъ имѣть никакого значенія, были тяжелыми оковами, постоянно препятствовавшими Австріи сдѣлаться большимъ торговымъ государствомъ; она не сдѣлалась бы имъ даже и тогда, если бы правительство имѣло желаніе и способность содѣйствовать улучшенію матеріальныхъ интересовъ. А на сколько оно было лишено этой способности, доказывается уже тѣмъ, что таможенный патентъ 1810 г.[1] не только сохранилъ во всей силѣ запретительную систему прошедшаго столѣтія, „исключившую изъ торговли всѣ иностранные товары, какъ ненужные",—систему, „спасительные результаты которой были дознаны опытомъ",—но еще хотѣлъ дать ей „болѣе обширное развитіе"! Только послѣ царствованія Франца I таможенное постановленіе 1836 г. немного измѣнило къ лучшему эту систему, и этотъ небольшой прогрессъ тотчасъ же сдѣлался ощутителенъ по своимъ благодѣтельнымъ результатамъ. До тѣхъ поръ промышленность нѣмецкихъ провинцій нижней Австріи, Богеміи и Моравіи, которыя почти исключительно снабжали мануфактурными произведеніями провинціи исключительно потребляющія: Венгрію, Трансильванію и Галицію,—успѣла достичь значительной степени процвѣтанія, благодаря покровительству обширнаго внутренняго рынка; однако это-

[1] 2 сентября.

[96]) Бюргеръ 1, 23.

му должна была содѣйствовать и та неестественная мѣра, что правительство къ выгодѣ этихъ провинцій ввело въ отношеніи къ остальнымъ родъ колоніальной системы, вызвавшей въ Италіи громкія жалобы. Высокая пошлина, составлявшая среднимъ числомъ 60% цѣны, на иностранные товары и запрещеніе ввоза другихъ товаровъ совершенно пресѣкли естественныя торговыя связи Италіи съ Швейцаріею, Пьемонтомъ и Франціею; значительная промышленность, создавшаяся въ итальянскомъ королевствѣ для военныхъ потребностей, окончательно рушилась; въ тѣхъ отрасляхъ ея, въ которыхъ означенныя внутреннія провинціи конкуррировали съ Италіею (производство суконъ, золотыя и серебряныя работы и т. п.), фабрики Комо, Гендино и другихъ мѣстъ или далеко отстали назади, или совсѣмъ закрылись; только производство шелковыхъ матерій въ Ломбардіи,—естественный источникъ богатства этой страны, безъ котораго она давно бы погибла подъ чужеземнымъ игомъ,—продолжало процвѣтать. Но и эта отрасль промышленности, столь полезная для государственной казны, подверглась стѣсненіямъ: въ 1834 г. правительство, руководимое близорукою завистью и пріязнію къ вѣнскому банку, воспротивилось основанію въ Миланѣ такъ называемаго шелковаго банка, который долженъ былъ сдѣлаться независимымъ отъ лондонскихъ коммисаровъ и доставлять денежныя средства фабрикантамъ шелковыхъ матерій и прядильщикамъ. Если подумать, сколько естественныхъ враговъ имѣла промышленность этой имперіи въ безпритязательности необразованныхъ жителей восточныхъ провинцій, въ лицемѣрно-набожной оппозиціи тирольскаго духовенства, въ послѣдствіяхъ войны, въ высокомъ ростѣ процентовъ, въ дороговизнѣ и т. п.,—то не трудно понять, почему при соединенныхъ съ этими обстоятельствами промахахъ правительства и дѣйствіи всей полицейской, финансовой и стѣснявшей всякую дѣятельность системы,—значительное развитіе промышленности было рѣшительно невозможно. Разнообразіе этой системы по отношенію къ ремесламъ было до того велико въ провинціяхъ и, не смотря на попытку реформы, сдѣланную въ 1835 г., осталось до такой степени неизмѣненнымъ, что многіе удивлялись, какимъ образомъ это законодательство не стѣснило промышленность еще болѣе, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ 97). Сравненіе съ

97) Бехеръ, Die Organisation des Gewerbwesens, стр. 151.

успѣхами другихъ странъ безъ всякаго сомнѣнія также было бы очень невыгодно для Австріи; трудно только сдѣлать это сравненіе, потому что нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній о движеніи промышленности въ первые годы реставраціоннаго времени [98]). Для примѣра можно указать на то, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ея даже Россія обогнала Австрію. Начиная съ 1814 г., когда подобная же запретительная система, существовавшая въ Россіи, начала покровительствовать бумагопрядильному производству, ввозъ сырой хлопчатой бумаги поднялся въ этой странѣ, въ продолженіе 28 лѣтъ, съ 15 т. центнеровъ (считая на австрійскій вѣсъ) на 500 тысячъ; въ Австріи же, въ періодъ времени отъ 1807—37 года, онъ возвысился отъ 25 тыс. центнеровъ только до 231 тыс. [99]), и то въ 1823—29 гг. поднялся среднимъ числомъ только до 80 тысячъ центнеровъ.

Сельское хозяйство.

Положеніе еще хуже того, въ которомъ находилась промышленность, выпало на долю земледѣлія. Для освобожденія и оживленія поземельной собственности, составлявшихъ въ это время предметъ заботливости цѣлаго міра, даже самой Россіи, въ Австріи не было сдѣлано ничего. Евреямъ запрещено было здѣсь пріобрѣтать какую бы то ни было поземельную собственность; земли въ нѣмецкихъ провинціяхъ могли пріобрѣтаться въ продолжительное владѣніе только дворянствомъ или гражданскимъ сословіемъ городовъ, имѣвшихъ право участвовать въ сеймѣ, что, при огромномъ объемѣ многихъ богемскихъ и др. имѣній, составляло двойное зло. Подданническія отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ, вопросъ о феодальныхъ повинностяхъ, барщинѣ и десятинной подати остались неприкосновенными; только въ опустошенной голодомъ Трансильваніи введеніе, въ 1819 г., урбаріума, которому до сихъ поръ землевладѣльцы противились, уменьшило барщину, существовавшую здѣсь въ огромныхъ размѣрахъ. Къ этому положенію, вредъ котораго былъ слишкомъ очевиденъ, правительственная система оставалась до того равнодушною, что еще въ сороковыхъ годахъ, добровольныя

---

98) Какъ у Шуберта и Шпрингера, такъ и у Крейцберга (Uebersicht der Industrie Böhmens. Прага 1835) и Чернига (Czoernig, Hist. stat. Beschreibung von Reichenberg. Вѣна 1829).

99) Ср. Іос. Гайна, Handbuch der Statistik des öst. Kaiserstaates. Вѣна 1853. 2, 302.

просьбы землевладѣльцевъ о разъясненіи крестьянскихъ отношеній были встрѣчены отказомъ,—и только происшествія въ Галиціи заставили правительство перемѣнить такой образъ дѣйствій. Ни одна мѣра не была принята для того, чтобы началось воздѣлываніе неплодоносныхъ, остававшихся безъ всякой пользы земель, которыя по разсчету составляли 15% всей почвы; даже въ Ломбардіи, въ продолженіе этого царствованія, цѣлая масса общинныхъ земель лежала безъ всякаго употребленія; превосходная почва венеціянской области находилась въ самомъ плачевномъ положеніи; печальнымъ доказательствомъ тому служилъ сельско-хозяйственный садъ падуанскаго университета, глохнувшій въ продолженіе 34 лѣтъ подъ гнетомъ непонятнаго пренебреженія. Такимъ образомъ, въ Австріи не было того, что въ другихъ мѣстахъ дознано всеобщимъ опытомъ и еще въ наши дни доказано во Франціи блестящимъ примѣромъ,—именно, что тѣ страны, которыя выходятъ изъ бѣдствій продолжительной войны, не теряя своего населенія, очень скоро успѣваютъ залечивать старыя раны. Эта имперія, имѣвшая возможность снабжать хлѣбомъ Европу, не всегда производила въ это царствованіе столько, сколько ей нужно было для собственнаго потребленія. По гласнымъ показаніямъ [100]), количество собиравшагося хлѣба въ Богеміи только въ 1830 г. немного превысило то, какое собиралось прежде, начиная съ 1789 г., а скотоводство еще въ 1837 г. стояло на той же степени, какъ и въ 1805 году. Хотя скотоводство въ Австріи вообще постепенно улучшалось до смерти Франца I, однако и въ это время въ странѣ, такъ богатой пастбищами, гдѣ на обширныхъ лугахъ восточныхъ областей эта отрасль хозяйства развилась до вреднаго излишка, ввозъ скота превышалъ вывозъ на сумму почти двухъ милліоновъ. Что касается остальныхъ отраслей сельскаго хозяйства, то, по суду всѣхъ, почти ни одна изъ нихъ не была доведена до той степени, которая соотвѣтствовала бы естественной производительности почвы и успѣхамъ, сдѣланнымъ наукою въ то время. Блестящія исключенія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ дѣлали еще болѣе ощутительною эту отсталость: такая страна какъ Ломбардія удержала бы свое земле-

---

[100]) У Шмидля.

дѣліе и благосостояніе даже тогда, когда она встрѣчала бы больше препятствій и меньше покровительства, чѣмъ во время австрійскаго владычества; стоитъ только припомнить, что эта страна давно уже освободилась отъ феодальныхъ оковъ, что она пользовалась превосходнымъ климатомъ, что природа благословила ее, что ея мореподобныя рѣки съ незапамятныхъ временъ научили ее системѣ орошенія, въ которой она сдѣлалась учительницею Европы,— что, наконецъ, жители ея, бережливые по природѣ, пріучились къ прилежанію вслѣдствіе преобладавшей здѣсь полуоткупной системы, которая, какъ бы ни нападали на нее, оказала, при этихъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, самое благодѣтельное вліяніе, если не на благосостояніе рабочихъ, то на хозяйственное управленіе землею. Что касается остальныхъ частей государства, то даже тѣ люди, которые смотрѣли снисходительно на австрійскій порядокъ вещей, соглашались, что въ большей части имперіи едва третья часть земли доставляла треть того дохода, который могъ бы получиться при лучше распредѣленныхъ и болѣе свѣжихъ силахъ и при лучшемъ покровительствѣ матеріальнымъ и умственнымъ интересамъ; тѣ же самые люди признавали, что все правительственное содѣйствіе этого рода, „какъ напримѣръ законы о раздѣленіи и соединеніи земель и размежеваніи полей, о колонизаціи и поземельномъ откупѣ, о водяномъ правѣ и сельско-хозяйственныхъ вопросахъ и т. п., находятся еще въ пеленкахъ, и что во всемъ государствѣ вовсе не было кредитныхъ учрежденій, хорошихъ заведеній для научныхъ изслѣдованій и опытовъ въ области земледѣлія, равно какъ и заведеній для приготовленія сельскихъ хозяевъ и лѣсничихъ [101])“. Къ этимъ недостаткамъ присоединялось еще бремя прямыхъ налоговъ, лежавшее самою большею тяжестью на сельскомъ хозяинѣ, который кромѣ того платилъ еще въ пользу промышленности налогъ непрямой и другой, еще болѣе косвенный налогъ, уходившій на подаянія, монастыри, на церковную роскошь и безмѣрное количество праздничныхъ дней и дней святыхъ странствій. Поземельная податная сумма, платимая въ Австріи, незначительна въ срав-

---

[101]) Деймъ, Vorschläge und Entwürfe zur Vertretung und Förderung der Ackerbauinteressen in Oesterreich. 1851. стр. 35.

неніи съ тою же суммою, платимою въ другихъ небогатыхъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Пруссіи; по объ отсталости страны въ хозяйственномъ отношеніи можно заключать по тому, чѣмъ больше въ ней раздается жалобъ на обременительность платежей и чѣмъ справедливѣе эти жалобы. Увѣряютъ [102]), что бремя недоимокъ поглотило въ Нижней Австріи $^1/_5$ крестьянской поземельной собственности, въ Зальцбургской низменности—половину, въ горныхъ странахъ—всю. Все это должно казаться еще болѣе поразительнымъ потому, что можно было подумать, что Австрія, именно въ отношеніи поземельной подати, имѣетъ превосходство предъ другими странами вслѣдствіе своей кадастровки, величайшаго предпріятія со времени Іосифа II. Кадастровка эта была осуществлена въ Ломбардіи уже въ прошедшемъ столѣтіи; впослѣдствіи Іосифъ началъ примѣнять ее ко всему государству, при Леопольдѣ II она была снова оставлена, потомъ, послѣ 1805 г., опять введена и, наконецъ, въ 1817 г., патентомъ (23 декабря) повелѣно было—во всѣхъ частяхъ имперіи, кромѣ Венгріи, Трансильваніи и военной границы (пространство земли слишкомъ въ 6000 кв. миль), ввести кадастръ на тѣхъ же основаніяхъ, которыя привели къ такимъ большимъ результатамъ въ Ломбардіи и во Франціи, куда онѣ перешли изъ первой. Къ концу царствованія Франца I, драгоцѣнное дѣло это было окончено только въ Нижней Австріи. Понятно, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно не было доведено до конца, ему нельзя было въ это время приносить непосредственные плоды; а въ Ломбардіи, гдѣ введеніе кадастра давно уже совершилось, онъ оказывалъ теперь даже вредное дѣйствіе, потому что улучшенія въ обработкѣ земли сдѣланныя съ того времени не были приняты въ разсчетъ и за улучшенныя земли платилась таже подать, какъ и за тѣ, которыя оставались въ прежнемъ видѣ. Если эта кадастровка имѣла цѣлью уничтожить отдѣльныя неравенства и преимущества въ платежѣ податей, то, рядомъ съ этимъ, сохранились во всей силѣ неравенства и преимущества, имѣвшія характеръ общій: правительство удерживало свои вредныя и обременительныя монополіи соли и табаку; исключеніе Венгріи изъ участія въ несеніи государственныхъ

---

102) Oesterreichs innere Politik, 1847.

*

повинностей оставалось ненарушимымъ ко вреду остальныхъ частей имперіи, между тѣмъ какъ итальянскія провинціи (которыя составляли по пространству 1/15, а по населенію 1/7 часть всей имперіи и платили болѣе трети общей поземельной подати [103]), эксплуатировались самымъ несправедливымъ образомъ. Правда, когда Меттерниховская канцелярія выставляла заслуги Австріи въ отношеніи къ ея итальянскимъ провинціямъ [104]) (заслуги, лучшая часть которыхъ относится однако ко времени Маріи Терезіи), то она утверждала, что „Ломбардію въ 1848 г. можно было бы вымостить тѣмъ золотомъ, которое она получила въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ"; но вмѣсто этихъ фразъ, уже тогда одинъ умный итальянецъ сдѣлалъ на основаніи оффиціальныхъ источниковъ вычисленіе [105]), что изъ 78—79 милл. лиръ Ломбардскихъ доходовъ, Австрія употребляла на эту страну и на ея управленіе только 30—31 милліонъ, или, съ прибавленіемъ издержекъ на войско и на погашеніе общественнаго долга,— 45 милліоновъ; по его вычисленіямъ оказывалось, что у Ломбардіи отымалось такимъ образомъ ежегодно 33 милліона, а у всѣхъ итальянскихъ провинцій въ совокупности (со включеніемъ соразмѣрныхъ венеціянскихъ остатковъ)—57—58 милліоновъ австрійскихъ лиръ.

Общій взглядъ на изложенныя событія.

Таковы были результаты этой системы политической неподвижности, умственной замкнутости и содѣйствія матеріальнымъ интересамъ; таково было положеніе дѣлъ въ этомъ образцовомъ государствѣ контра-революціонной теоріи. Страна эта была совершенно послѣдовательно снова отодвинута къ времени до революціи, къ вѣку Людовика XV, и къ умственному броженію этого времени, къ той презрѣннѣйшей государственной ступени, на которой правители не церемонятся съ государствомъ и эксплуатируютъ его въ свою пользу. Въ государствѣ, какимъ оно должно быть, человѣкъ чувствуетъ, что онъ живетъ для рода; мысль объ общеполезной дѣятельности побуждаетъ его къ чему-то продолжительному, что переживаетъ его,

---

[103]) Блокъ, Les charges de l'agriculture, стр. 297. Бюргеръ также подтверждаетъ этотъ фактъ.

[104]) Allg. Zeitung 26 янв. 1848.

[105]) Въ прибавленіи къ простой книжкѣ: l' Austria e la Lombardia—Italia 1847.

къ постановленіямъ, которыя разсчитаны не на срокъ отдѣльной человѣческой жизни, но на долгую жизнь цѣлаго народа; эта идея настоящей государственной жизни не существовала больше въ сознаніи австрійцевъ на столько, на сколько это согласовалось съ желаніями и стремленіями его правительства. Великій вопросъ заключался въ томъ, исчезла ли она вообще изъ сознанія цѣлаго народа. И этотъ вопросъ, казалось, рѣшался утвердительно, при взглядѣ на возникавшія рядомъ съ отсутствовавшею государственною жизнью совершенно противуположныя явленія. Тамъ, гдѣ польза цѣлаго общества не находитъ никакой пищи и развитія, должны, очевидно, развиваться тѣмъ съ большею силою политика отдѣльныхъ личностей, дюжинная хитрость, частное корыстолюбіе и эгоизмъ. На низшей ступени общества этотъ контрастъ обнаруживался чисто чувственными стремленіями къ житейскимъ наслажденіямъ,—стремленіями, которымъ немыслящая масса подпала вслѣдствіи привычки, а мыслящая отдалась, можетъ быть, для того, чтобы заглушить впечатлѣніе безотрадной общественной жизни. Когда люди болѣе строгой нравственности смотрѣли въ Австріи на ея разрушенную семейную жизнь и распущенную жизнь народа, на паясничество искусства, подавлявшее всякую серьезность, на оперный и балетный бытъ „съ принадлежавшею къ нему толпою гистріоновъ и гетеръ“, въ которомъ знатный свѣтъ вертѣлся, „какъ въ безумно-шумномъ очарованномъ кругу“, на безнравственность, „весело ломавшую всѣ преграды“ и издѣвавшуюся надъ общественнымъ мнѣніемъ, при чемъ общественный судъ не ставилъ передъ этой разнузданностью зеркала стыда,—тогда эти люди убѣждались, что система отеческаго управленія въ Австріи привела только къ порчѣ нравовъ, которая, въ свою очередь, должна была повлечь за собою распаденіе всего государственнаго быта. Когда тѣ же самые и подобные имъ по настроенію люди смотрѣли на уснувшую силу духа, на вялое и апатичное поколѣніе, которое, выходя изъ монашескихъ школъ, „колебалось между бодрствованіемъ и сномъ“, на подавленіе всякаго высшаго стремленія къ образованію, на отсутствіе всякаго честолюбія, всякой жажды соревнованія, даже всякаго желанія путешествовать, которое здѣсь существовало въ меньшихъ размѣрахъ чѣмъ въ Россіи, на повсемѣстное и исключительное владычество обыденной, основанной на старыхъ обычаяхъ, жизни,—тогда

эти люди начинали отчаяваться въ спасеніи своего отечества, „такъ какъ въ немъ сами боги напрасно боролись съ глупостью“. Но въ безсмысленной толпѣ чиновничества, которое должно было поддерживать повседневное однообразіе этого хода рутины, обнаруживалась еще другая болѣзнь. Въ этомъ государствѣ, которое не открывало широкой дороги никакому большому дарованію, никакому почетному честолюбію, въ основаніи ничтожной дѣятельности этого чиновничества лежалъ какой-то родъ мщенія: чиновники употребляли медленное рѣшеніе дѣлъ въ свою пользу, пріучались хитро обходить вѣчный контроль, оказывать видимое повиновеніе безчисленному количеству предписаній лѣнивымъ надзоромъ за исполненіемъ ихъ, уменьшать, посредствомъ продажности, государственный интересъ въ свою пользу, острить и издѣваться надъ всѣмъ и наконецъ даже надъ системой, выработавшей все это искусство и эти наклонности. Именно эти наклонности и впослѣдствіи открыли снова щели, сквозь которыя заботливо удерживавшійся свѣтъ все таки проникъ извнѣ. Какъ ни строга была цензура, но, не смотря на нее, дошло до того, что каждый образованный человѣкъ стыдился, если не читалъ какой-бы то ни было запрещенной книги; искусство книгопродавцевъ и даже софистика судопроизводства развивали эту страсть къ запрещеннымъ плодамъ, наслажденіе которыми служило подготовленіемъ къ политическому грѣхопаденію. Дѣйствительно, какъ ни искусно удерживала система отчужденія прикосновеніе заразительнаго духа времени (а искусство это было таково, что потрясенія 1820 года не могли нарушить спокойствія Австріи, что іюльская революція, не смотря на свое вліяніе на Италію и Венгрію, не расшевелила апатіи нѣмецкихъ провинцій, что, вслѣдствіе этого, въ духѣ и тонѣ постановленій до и послѣ 1830 года не было ни малѣйшей разницы, что, наконецъ, слуги правительственной системы, въ силу такого положенія, громко могли прославлять нѣмецкую Австрію, какъ страну, въ которой вслѣдствіе мудрой политической организаціи только и можно было еще найти старую Европу),—и такъ, какъ ни искусно правительство избѣгало этого грубаго прикосновенія революціонныхъ язвъ, но тонкія міазмы все таки въ тишинѣ подготовляли огромное неподвижное тѣло къ воспринятію вліянія европейскаго духа. И это оттого, что такое вліяніе можетъ быть только устранено, но никакъ не уничтожено какимъ бы то ни было

искусствомъ,—развѣ уже дряхлое народное тѣло совершенно лишилось способности жить. Если отчужденіе отъ всякаго умственнаго и политическаго движенія было возможно въ Австріи во все то время, пока человѣчество вообще не ощущало потребности движенія, и потомъ, когда человѣчество, въ пору французской революціи, боялось избытка этого движенія и, наконецъ, во время возстановленія послѣ сильнаго истощенія національныхъ силъ, — то это явленіе, лежавшее слишкомъ глубоко въ природѣ вещей, еще не должно было заставлять отчаяваться въ жизненной силѣ Австріи. Напротивъ того, эта сила, казалось, вдругъ пробудилась отъ летаргіи этихъ годовъ вслѣдствіе едва слышнаго, небольшаго толчка. Когда, начиная съ тронной перемѣны 1840 года, въ Пруссіи обнаружилось новое движеніе и она до нѣкоторой степени сбросила австрійскія оковы, тогда національная ревность тотчасъ же вызвала и въ Австріи совершенно новое движеніе умовъ, и эта ревность овладѣла государствомъ и правителями до такой степени, что, начиная съ 1848 года, она повела къ политическому соревнованію, враждѣ и чуть-чуть не разрыву,—подобно тому, какъ было уже разъ во время великаго соперничества между Іосифомъ и Фридрихомъ. Еслибы австрійское населеніе осталось безчувственнымъ ко всему этому вліянію, еслибы была возможность долго противодѣйствовать здѣсь всякой новизнѣ и всякому духу нововведенія, тогда можно было бы думать, что въ Австріи, какъ это было въ Венеціи со времени послѣдней турецкой войны XVII столѣтія, принципъ неподвижности, при всей великой политической славѣ государственныхъ искусниковъ, уже приготовилъ полное прекращеніе естественнаго кровообращенія въ націи,—прекращеніе, за которымъ здѣсь, какъ и тамъ, должна была послѣдовать смерть. Въ подобныхъ государствахъ неожиданный моментъ производитъ взрывъ внезапныхъ революцій, которыхъ не предчувствуетъ обыкновенный умъ людей и которые въ государствахъ съ общественными учрежденіями узнается по яснымъ предзнаменованіямъ. Такого момента, такой близкой опасности, такого втайнѣ гноившагося нарыва боялись въ Австріи всѣ аристократическіе публицисты [106]), которые

---

[106]) Oesterreich und dessen Zukunft.—Oesterreichs innere Politik.—Шузелька, Oesterreichische Vor- und Rückschritte (1843—1847) и др.

выступили послѣ 1840 года и, нарушивъ долгое молчаніе безчувственности, съ рѣдкимъ единодушіемъ писали объ австрійскихъ дѣлахъ, но не о средствахъ къ излеченію болѣзни. Писатели эти поняли то, въ чемъ и самая теорія неподвижности начала теперь убѣждаться,—именно, что настоящимъ образомъ сохранять можно только тамъ, гдѣ не перестаютъ созидать; они узнали изъ исторіи, какъ даже русское государственное искусство, въ то время какъ оно разрушило реформаціонную Польшу и старалось разрушить реформаціонную Турцію, дало практическій урокъ, что прогрессъ сохраняетъ государство гораздо крѣпче чѣмъ застой. Если въ Австріи правительство, послѣ смерти Франца I, продолжало держаться прежняго механизма, не обладало достаточною проницательностью, чтобы угадать положеніе страны, и достаточною тонкостью чувствъ, чтобы слышать первое легкое движеніе, сообщавшееся изъ Пруссіи, то эта проницательность и эта тонкость чувствъ обнаруживались какъ въ вышеозначенныхъ ораторахъ народа, такъ и въ стоявшихъ рядомъ съ ними единомышленникахъ ихъ. Впослѣдствіи событія поставили ихъ къ рулю, у котораго мы снова встрѣтимся съ ними.

Опасность разложенія. Кромѣ непріязни къ Пруссіи, была еще другая ревность, заставившая оппозицію нѣмецкой Австріи въ первый разъ возвысить голосъ: ревность къ негерманскому населенію имперіи. Если главнымъ результатомъ правительственной системы было то, что уничтоженіе всякой широкой государственной жизни и всякаго патріотическаго чувства породило въ отдѣльныхъ личностяхъ личное корыстолюбіе, то въ тѣхъ же самыхъ результатахъ и по той же самой причинѣ, заключалось еще болѣе гибельное явленіе, состоявшее въ томъ, что отдѣльныя племена, населявшія имперію, также заразились тѣмъ же своекорыстіемъ и не заботились о благѣ цѣлаго отечества, но жили каждое для своего отдѣльнаго развитія. Правительство допускало взаимное разъединеніе этихъ племенъ, чрезъ что усилило различные національные элементы, рѣзче обозначило противоположности и, наконецъ, сдѣлало государственныя части страшными врагами государственнаго цѣлаго. Это положеніе, полное опасностей, имѣло корни во всемірныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ настоящее правительство было не виновато, но которыхъ оно не признавало и съ которыми обращалось весьма

небрежно. Съ тѣхъ поръ какъ пришедшая въ упадокъ турецкая имперія перестала угрожать Европѣ опасностью, уничтожилась первая и существеннѣйшая причина удивительнаго соединенія въ одной и той же Австріи самыхъ разнообразныхъ и противудѣйствующихъ другъ другу народовъ. Въ виду этихъ измѣнившихся обстоятельствъ, Іосифомъ II, казалось, овладѣло предчувствіе будущаго разложенія этой имперіи, когда онъ вознамѣрился замѣнить существовавшую до тѣхъ поръ внѣшнюю связь связью внутреннею, которая бы образовалась посредствомъ просвѣщенія и образованія, свободы и прогресса и подъ покровомъ которой различные народы благоденствовали бы при сохраненіи полнаго единства. Но онъ ошибся въ средствахъ и слишкомъ явно обозначилъ свою цѣль, которую можно было бы осуществить вѣрнѣе и безъ оскорбленія національностей, еслибы она была поставлена немного дальше. Вслѣдствіе централистическихъ преувеличеній Іосифа II, въ славяно-маджарскихъ земляхъ обнаружилось первое національное сопротивленіе; жители ихъ съ новымъ рвеніемъ принялись за оживленіе венгерскаго и богемскаго языковъ, изъ которыхъ послѣдній считался въ то время первыми знатоками его языкомъ мертвымъ. Правительство Франца I, съ одной стороны враждебное всякому самостоятельному движенію, а слѣдовательно и національнымъ притязаніямъ, съ другой же стороны—находившееся въ естественной оппозиціи ко всѣмъ Іосифовымъ дѣйствіямъ, приняло въ этомъ труднѣйшемъ изъ всѣхъ австрійскихъ государственныхъ вопросовъ, въ отношеніи къ племенамъ, ту же самую вялую и неполную политику, которою оно руководилось въ отношеніи къ сословіямъ. Оно давало одной рукой и отнимало другой. Оно отказалось отъ насильственныхъ централизаціонныхъ попытокъ Іосифа и заслугу этого уваженія національностей приписывало то самому императору, то Меттерниху [107]), то Колловрату. Правительство было убѣждено, что оно устранило всякую опасность подавленіемъ политическаго духа и уничтоженіемъ сословнаго представительства, равно какъ и усыпленіемъ національнаго чувства и запрещеніемъ преподованія въ школахъ племенной исторіи. Смѣшивая между собою составныя части войска,

[107]) Metternich, Лейпцигъ, 1844.

переводя своихъ солдатъ изъ одного мѣста въ другое, не допуская прикосновенія съ нѣмцами и противодѣйствуя одною частію имперіи другой, правительство думало, что оно употребляетъ лучшіе способы для прочнаго владычества надъ этими частями. Оно снисходительно смотрѣло на филологическія и литературныя упражненія,—невинное молоко, которымъ кормился опасный политическій духъ, и даже поддерживало ихъ многими милостивыми постановленіями въ то же самое время, какъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ оно не допускало упражненій въ нѣмецкомъ языкѣ. Консервативная система, которая чаще всего выводила свою необходимость изъ связи такихъ смѣшанныхъ національностей, ошиблась именно въ этомъ важнѣйшемъ отношеніи,—ошиблась тѣмъ, что отклонилась отъ своей послѣдовательности и, допустивъ разъединеніе составныхъ частей, сама принялась за нововведенія, яснѣе всего характеризующія тотъ господствовавшій духъ времени, который правительство такъ заботливо старалось не допускать въ свои владѣнія. Этимъ путемъ, среди видимой неподвижности Австріи, дѣло незамѣтно дошло до того, что въ отдѣльныхъ не нѣмецкихъ племенахъ возрасло чувство собственнаго достоинства, которое мало по малу совершенно охватило и элементъ нѣмецкій. Съ того времени какъ въ 1818 году богемскій сеймъ началъ свои совѣщанія на богемскомъ языкѣ, въ странѣ этой стараніями дворянства начались приготовительныя работы къ учрежденію національнаго музея, который былъ открытъ въ 1822 г. и оказывалъ самое сильное вліяніе на развитіе научнаго и національнаго духа въ Богеміи, на оживленіе другихъ политехническихъ, сельско-хозяйственныхъ, промышленныхъ и художественныхъ учрежденій и даже на развитіе славянской литературы въ цѣлой имперіи. Поверхностная легкость мысли уступила здѣсь мѣсто серьезной умственной дѣятельности, и Прага сдѣлалась единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ нѣмецъ, окруженный богемскими тенденціями, могъ чувствовать себя на родинѣ болѣе чѣмъ гдѣ либо; также точно въ „трудахъ общества національнаго музея въ Богеміи“ оказывается болѣе мужественной силы и научной серьезности, чѣмъ въ большей части произведеній австрійскаго ума этого времени. Такая дѣятельность богемскаго дворянства нашла подражателей въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ провинціяхъ, но ни одно изъ этихъ подражаній не увѣнчалось такимъ же успѣхомъ. Напротивъ

того Венгрія пустилась въ состязаніе съ Богеміею: въ то время какъ Меттернихъ думалъ, что онъ усыпилъ эту страну, въ ней мало по малу собиралась гроза, и скоро политическая оппозиція до того усилилась, что правительство увидѣло себя въ необходимости сдѣлать ей уступки на счетъ славянъ и нѣмцевъ. Между тѣмъ въ Италіи, не смотря на угнетеніе, продолжала процвѣтать національная литература и все болѣе и болѣе вырабатывалась та враждебная гордость, которая препятствовала правительству создать себѣ тамъ какую бы то ни было партію,—гордость, побуждавшая дворянство отказываться отъ государственной службы, не допускать своихъ сыновей въ войско, не отдавать дочерей нѣмецкимъ женихамъ,—гордость, заставлявшая все высшее общество запираться отъ австрійскихъ солдатъ и чиновниковъ, что самъ Меттернихъ называлъ однимъ изъ ядовитѣйшихъ золъ имперіи. Предразсудки дополнили здѣсь внутренній разрывъ, довершили то, что разнородныя наклонности и интересы оставили недоконченнымъ; зависть превратилась въ нетерпимость, племенное различіе въ самую враждебную оппозицію. Иноземное владычество, которое Фосколо назвалъ отвратительнымъ, но необходимымъ для Италіи, постепенно произвело благодѣтельное чудо и прекратило старые раздоры между итальянцами. Эта медленно крѣпнувшая оппозиція и возраставшее въ ней и съ нею чувство собственнаго достоинства племенъ, подѣйствовало на пробужденіе того же чувства и въ нѣмцахъ, которые начали стыдиться своего отсталаго положенія. Вѣдь пришлось же имъ быть предметомъ постыднаго анекдота, состоявшаго въ томъ, что самъ императоръ ихъ сознавался, что ему невозможно заставить итальянцевъ сносить тѣ побои, которые на родинѣ его не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сопротивленія! Вѣдь поражались же англійскіе путешественники уже въ двадцатыхъ годахъ, видя, какъ много превосходилъ венгерецъ гордостью и чувствомъ собственнаго достоинства равнодушнаго австрійца, какъ гораздо болѣе благородныя чувства и высшая умственная дѣятельность воодушевляли богемца, сколько историческихъ воспоминаній жило въ томъ и другомъ народѣ, въ то время какъ въ Австріи въ этомъ отношеніи на всемъ лежала печать безжизненности! Это сознаніе своего нравственнаго паденія и убѣжденіе въ опасности отъ внутренняго разложенія государства побудило нѣмецко-австрійскихъ друзей отечества плотнѣе сомкнуться въ оппозицію, общая цѣль кото-

рой состояла въ томъ, чтобы упроченіе идеи единства, т. е. германства (Deutschthum) сдѣлалось средоточіемъ ихъ преобразовательныхъ плановъ. Эти люди хорошо понимали, что отдѣльное развитіе національностей служило къ невыгодѣ нѣмцевъ, которые составляли меньшинство и, будучи разбросаны по разнымъ провинціямъ, не имѣли политическаго сборнаго мѣста, какъ венгерцы, не находились съ нѣмецкой литературой въ такой тѣсной связи, въ какой были ломбардцы съ литературой итальянской, и не могли найти аналогію съ національнымъ честолюбіемъ богемскаго дворянства въ своемъ дворянствѣ, которое говорило по французски лучше и охотнѣе, чѣмъ по нѣмецки. Но въ стремленіи своемъ къ государственному единству нѣмецкіе реформаторы снова возвратились къ Іосифовой точкѣ зрѣнія, да и само правительство впослѣдствіи было приведено событіями къ тому-же: въ этомъ великомъ національномъ вопросѣ оно сдѣлалось строго абсолютистическимъ, между тѣмъ какъ въ административный системѣ оно начало дѣйствовать снисходительнѣе. И однако уже, во время Іосифа, опытъ доказалъ, какъ даже въ эту страну всеобщаго застоя, энергически прорвался новый духъ времени, замѣнявшій органическимъ строемъ и образованіемъ государственной строй и образованіе механическое,—духъ, сила котораго была до того очевидна, что даже Генцъ, уже въ 1810 г., высказывалъ убѣжденіе, что „языкъ и національность обозначаютъ настоящія, единственныя границы государственной области, и что государство еще придетъ къ такому строю". Если такое заключеніе справедливо, то слѣдовало опасаться, что средства, употребленныя для противодѣйствія разложенію, будутъ также сомнительны и опасны, какъ и самое зло, которое онѣ должны излечить; слѣдовало опасаться, что этотъ внутренній напоръ времени дастъ національному сопротивленію силу противъ стремленій единства,—силу, которая доведетъ эти стремленія до крайности и побудитъ къ такому образу дѣйствій—если еще не насильственнѣе—противъ всѣхъ племенъ, какой до тѣхъ поръ употребляемъ былъ противъ единой Италіи. Но этотъ образъ дѣйствій былъ признанъ ошибочнымъ и опаснымъ уже въ самомъ началѣ его примѣненія, уже во время веронскаго конгресса, задолго до окончательнаго обнаруженія его послѣдствій;—и такое признаніе было сдѣлано не

враждебными противниками вѣрившей въ свою непогрѣшимость системы, но собственными ея органами [108]). Центральному управленію Италіи, какъ австрійской провинціи, поставленной на австрійскую ногу, эти органы приписывали то, что Италія уже тогда сдѣлалась „цѣлью всѣхъ революціонерныхъ разсчетовъ“.

Конецъ I-го тома.

---

108) Denkschrift der Hofkanzlei, въ documenti della guerra santa d'Italia, fasc. 14, стр. 13 и слѣд.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.